

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№2 2026 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

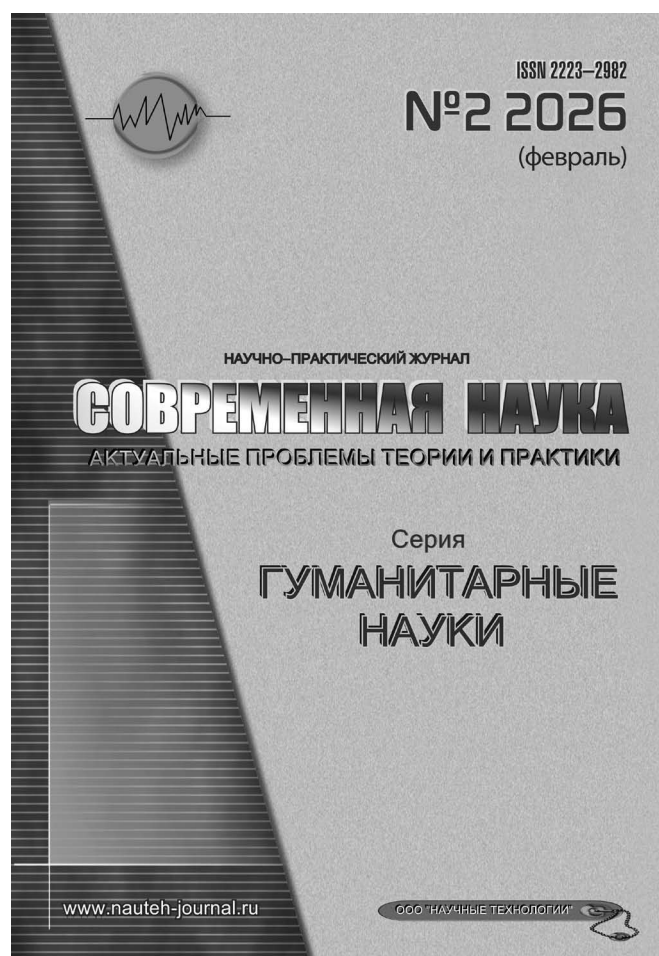
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №2 (февраль) 2026 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 12.02.2026 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ
им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент,
Дагестанский государственный медицинский университет
Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарёва Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ

История

Батура А.А. – Конструирование образа врага в периодических изданиях Енисейской губернии (1918-1920 гг.)

Batura A. – Constructing the image of the enemy in the periodicals of the Yenisei province (1918-1920)..... 8

Володина Н.А., Половецкий С.Д.,

Пономаренко Е.В. – Деятельность главного политического управления РККА по обучению, переподготовке и повышению квалификации партийно-политических работников красной армии в годы Великой Отечественной войны
Volodina N., Polovetsky S., Ponomarenko E. – The activities of the main political directorate of the red army for the training, retraining and advanced training of party and political workers of the red army during the Great Patriotic war..... 16

Горбунов И.О. – Юный император смотрит на провинции: южное путешествие Педру II в 1845–1846 гг. и история повседневности юга Бразилии

Gorbunov I. – The young Emperor looks at the provinces: the southern journey of Pedro II in 1845-1846 and the history of everyday life in the south of Brazil 21

Груздев Н.А. – Организация С.-Петербургским уездным земством юридической части в начале XX в.

Gruzdev N. – The St. Petersburg County Zemstvo organized the legal part at the beginning of the XX century 37

Дамшин М.В. – Молчаливые свидетели истории: судьба храма в Лисино как отражение трагедии и возрождения российской государственности

Damshin M. – The tacit witnesses of history: the fate of the temple in Lisino as a reflection of the tragedy and revival of Russian statehood 41

Данилова Е.В. – Судебное дело "Northern Securities Company vs. U.S" – первый удар по монополиям
Danilova E. – The Supreme Court case "Northern Securities Company vs. U.S." - the first blow to monopolies 48

Иванов Н.В., Карпов А.В. – Организационно-территориальное становление органов советской милиции Чувашии на местах в 1917-1925 гг.

Ivanov N., Karpov A. – Organizational and territorial development of the Chuvashia Soviet militia in the field in 1917–1925 52

Карпов Д.В., Смолянок И.А. – Круизный туризм в России: история, современность, перспективы развития

Karpov D., Smolyanko I. – Cruise tourism in Russia: history, modernity, and development prospects ... 56

Ларин Д.А. – Застройка и реконструкция центра города Курска в 1964-1982 гг. (на материалах государственных архивов Курской области)

Larin D. – Development and reconstruction of the Kursk city center from 1964 to 1982 (based on the materials of the state archives of the Kursk region) 61

Ларин Д.А. – Генеральные планы по строительству и развитию Курчатова и Железногорска Курской области (1964-1982 гг.)

Larin D. – Master plans for the construction and development of Kurchatov and Zheleznogorsk, Kursk region (1964-1982)..... 67

Перебейнос А.Е., Пташко Т.Г., Павленко Е.Ф., Трофимова Н.В., Перебейнос З.А. –

Экономическое образование молодежи Урала в условиях промышленных предприятий (середина XX века)

Perebeynos A., Ptashko T., Pavlenko E., Trofimova N., Perebeynos Z. – Economic education of young people in the Urals in the context of industrial enterprises (mid-20th century)..... 73

Потапчук В.В., Потапчук В.И. – Партнерство между Россией и Колумбией в 1991–2025 гг. перспективы российско-колумбийских отношений (к 90-летию отношений двух стран)
Potapchuk V., Potapchuk V. – Partnership between Russia and Colombia in 1991–2025. Prospects for Russian-Columbian relations (on the 90th anniversary of relations between the two countries) 78

Рубини Франческо – Деятельность маршала Л.Н. Даву во время губернаторства в Могилеве в период Отечественной войны 1812 года
Rubini Francesco – The activities of marshal L.N. Davout in the course of the governorship of Mogilev during the Patriotic war of 1812 88

Сухачев Е.В. – Демографические процессы в период демократической контрреволюции (июнь 1918- декабрь 1919 гг.) (на примере уездного города Мариинска и безуездного города Тайга)
Sukhachev E. – Demographic processes during the period of democratic counterrevolution (June 1918 - December 1919) (using the example of the district town of Mariinsk and the district-less town of Tayga) 94

Ци Гаомэн – Экономические аспекты деятельности китайской дипломатии в период реформ Дэн Сяопина 1970-х гг.
Qi Gaomeng – Economic aspects of Chinese diplomacy during Deng Xiaoping's reforms of the 1970s 104

Чеканов Д.Д. – Постревизионистское направление в исследованиях репрессий 1930-х гг. в СССР: авторы и концепции
Chekanov D. – The post-Revisionist trend in the research of the repressions of the 1930s in the USSR: authors and concepts. 109

Шульц Э.Э. – Информированность Красной армии о вооружении и тактике предстоящего противника в канун Великой Отечественной войны
Shults E. – Awareness of the Red army about the weapons and tactics of the upcoming enemy on the eve of the Great Patriotic war 113

Щукин С.В. – Вамба против Вестготского духовенства: окончательное поражение сильной королевской власти в Готской Испании
Shchukin S. – Wamba vs the Visigothic clergy: the final defeat of strong royal power in Gothic Spain 118

Педагогика

Бобкова О.В., Гамаюнова А.Н., Фокина А.С. – Современные игровые технологии в формировании грамматического строя речи дошкольников с речевыми нарушениями
Bobkova O., Gamayunova A., Fokina A. – Modern game technologies in the formation of the grammatical structure of speech in preschool children with speech disorders 124

Болдырева Д.С. – Модель формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов
Boldyreva D. – A model for the formation of heuristic competence of future primary school teachers. 129

Демичева Д.В. – Особенности использования опыта социального воспитания младших школьников в работе с иностранными студентами
Demicheva D. – The peculiarities of using the experience of social education of younger schoolchildren in working with foreign students 142

Демичева Д.В. – Профессиональная педагогическая подготовка иностранных студентов на основе дискурсного подхода
Demicheva D. – Vocational teaching training of foreign students based on a discursive approach 149

Казakov Н.П. – Основы использования корпоративной базы знаний как инструмента наставничества в государственных учреждениях
Kazakov N. – Fundamentals of using a corporate knowledge base as a mentoring tool in government institutions 152

Картушина Н.В. – Особенности оценки качества языковой подготовки дипломатических кадров <i>Kartushina N.</i> – Peculiarities of assessing the quality of language proficiency of diplomatic community 157	Николаева Э.А., Наумова Н.А. – Структура иноязычной компетенции выпускников неязыковых вузов <i>Nikolaeva E., Naumova N.</i> – Structure of foreign language competence of graduates of non-linguistic universities 192
Кондрашова З.М., Писаренко В.И. – Сравнительный анализ международных систем начального математического образования <i>Kondrashova Z., Pisarenko V.</i> – Comparative analysis of international systems of primary mathematical education 160	Парфенова С.О., Подмарькова И.Д. – Методика обучения иноязычной монологической речи учащихся 4-х классов при использовании silent books <i>Parfenova S., Podmarkova I.</i> – A method of teaching foreign language monologue to 4th-grade students using silent books.....196
Коханова В.А., Канунникова И.А. – Цифровой инструментарий в профессиональной деятельности учителя-словесника (на примере изучения произведений А.С. Пушкина в основной школе) <i>Kokhanova V., Kanunnikova I.</i> – Digital tools in the professional activity of a literature teacher (using the example of studying the works of A.S. Pushkin in primary school).....170	Скопа В.А., Баранов К.Ю. – Исследование генезиса и методологических оснований антропологической парадигмы в педагогической науке <i>Skopa V., Baranov K.</i> – Study of the genesis and methodological foundations of the anthropological paradigm in pedagogical science.....202
Ли Цзюань – Прагматическая интерференция в академическом общении китайских лингвистов на русском языке <i>Li Juan</i> – Pragmatic interference in the academic communication of Chinese linguists in Russian. ... 174	Фокин Р.Р., Павленко Ю.В. – О некоторых неоднозначных фрагментах содержания обучения векторной алгебре, комплексным числам и аналитической геометрии в вузах <i>Fokin R., Pavlenko Yu.</i> – About some ambiguous fragments of the content of teaching vector algebra, complex numbers and analytical geometry in universities 207
Лю Чэньюй – Сюжетно-ролевая игра как механизм развития эмоциональной регуляции и произвольности поведения у детей дошкольного возраста <i>Liu ChenYu</i> – Story-role play as a mechanism for the development of emotional regulation and voluntary behavior in preschool children 180	Чжоу Юйлинь, Каскова М.Е. – Особенности обучения лексике при студенто-ориентированном подходе в вузах неязыкового профиля <i>Zhou Yulin, Kaskova M.</i> – Scientific elaboration on implementing student-centered foreign language vocabulary teaching in non-foreign language institutions 213
Македонская О.А., Корнев А.Н. – Психодидактический подход к коррекции дисграфии <i>Makedonskaya O., Kornev A.</i> – Psychodidactic approach to the correction of dysgraphia 185	Алексютина О.А. – Коммуникационное значение социальных сетей в продвижении компании <i>Aleksyutina O.</i> – The communications importance of social media in company promotion 220

ФИЛОЛОГИЯ

Анисимова О.Б., Ярмолинец Л.Г., Осадчая В.П. – Функционирование терминов командных видов спорта в произведениях жанра спортивной нехудожественной литературы (non-fiction genre) <i>Anisimova O., Yarmolinet L., Osadchaya V.</i> – Functioning of terms of team sports in non-fiction genre of sports literature (non-fiction genre).....226 Ван Линцзюнь, Ван Шуцзюнь – Вербальная репрезентация фантастической анималистики китайского и русского языков <i>Wang Lingjun, Wang Shujun</i> – Verbal representation of fantastical animal imagery in the Chinese and Russian languages.....230 Васильев А.М. – Влияние формата этической маркировки на доверие к новостному контенту, созданному с использованием больших языковых моделей <i>Vasilev A.</i> – The impact of ethical labeling format on trust in news content created using large language models 236 Евстафова Я.А. – Концептуальное проецирование культурологической коннотации при переводе антропоцентрических метафорических моделей <i>Evstafova Ya.</i> – Conceptual projection of cultural connotation in the translation of anthropocentric metaphorical models 239 Ермолова К.А. – «Театральный текст» в современной критике и публицистике (на материале публикаций в «Петербургском театральном журнале» 2020-2025гг.) <i>Ermolova K.</i> – "Theatrical text" in contemporary criticism and journalism (based on publications in the "Petersburg theatre journal" 2020-2025)....244 Ли Минжуй – Отражения этнокультурных аспектов в повести Л. Улицкой «Весёлые похороны» <i>Li Mingrui</i> – Reflections of ethnocultural aspects in the novella by L. Ulitskaya "The funeral party" ..249 Лю Шушуй – Чэньюй с эмотивным компонентом в китайском языке <i>Liu Shushuai</i> – Chengyu with an emotive component in Chinese 255	Попенков О.Н. – К вопросу о делимости текста в малых литературных формах арабской художественной прозы <i>Popenkov O.</i> – Regarding the textual divisibility in short Arabic literary prose forms 259 Рацой А.И. – Жанровые черты проповеди в медиаформате (на примере выступления протоиерея Олега Стеняева) <i>Ratsoy A.</i> – Genre features of preaching in media format (using archpriest Oleg Stenyaev as an example).....264 Скитина Н.А., Соловьева Н.В., Абрамова Е.И., Шабанова В.П. – Сравнительно-сопоставительный анализ интернационализма «религиозный» в русском и английском языках <i>Skitina N., Solovieva N., Abramova E., Shabanova V.</i> – Comparative-contrastive analysis of the internationalism "religious" in the Russian and English languages 268 Цзоу Айчжу – Сравнительный анализ лингвистических и культурных паремиологических единиц интеллектуального мира человека в китайском и английском языках <i>Zou Aizhu</i> – Comparative analysis of linguistic and cultural paremiological units of the human intellectual world in Chinese and English 273 Цао Линцзе – Сопоставительное исследование синтаксической метонимии в русских и китайских политических высказываниях на основе когнитивной теории метонимии <i>Cao Lingjie</i> – A comparative study of syntactic metonymy in Russian and Chinese political statements based on the cognitive theory of metonymy 279 Чэнь Цзиньхань – Лексико-семантический и культурный анализ английских фразеологических единиц с анималистическим компонентом в контексте межъязыкового сопоставления <i>Chen Jinhan</i> – Lexico-semantic and cultural analysis of english phraseological units with an animalistic component in the context of interlingual comparison.....285
---	--

Шабельский Д.В. – Поэтика психологизма пьесы М.А. Булгакова «Бег»: портрет и психологический хронотоп	
<i>Shabelsky D.</i> – The poetics of psychologicalism in Mikhail Bulgakov's play "The flight": portrait and psychological chronotope.....	290

Информация	
Наши авторы. Our Authors.....	295
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....	297

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918–1920 ГГ.)

Батура Андрей Александрович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», г. Красноярск,
andrei.batura@yandex.ru

CONSTRUCTING THE IMAGE OF THE ENEMY IN THE PERIODICALS OF THE YENISEI PROVINCE (1918–1920)

A. Batura

Summary: The article is devoted to a comparative analysis of propaganda narratives in the press of the Yenisei Province during the Civil War (1918–1920). The aim is to identify the mechanisms of constructing images of the enemy. The methods used include discourse analysis of the newspapers «Volya Sibiri» and «Krasnoyarskiy Rabochiy», as well as imagological analysis of the journal «Krasnyy Bich». The study established an evolution from accusations of usurpation (1918) to «the biologization» of the enemy (1919–1920). The White rhetoric, operating with abstractions («an experiment on the people»), was inferior to the Red one, which used pragmatic images of a «parasite» and a «hireling» of the Entente. Visual satire recorded the victory through the ridicule of the opponent. The informational superiority of the Reds, based on adaptability and connection with mass consciousness, became a key factor in their victory and the legitimization of power in the region.

Keywords: Civil War, information warfare, propaganda, information confrontation between Reds and Whites, newspaper periodicals, Yenisei Province.

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу пропагандистских нарративов в прессе Енисейской губернии периода Гражданской войны (1918–1920 гг.). Цель — выявить механизмы конструирования образов врага. Методы: дискурс-анализ газет «Воля Сибири», «Красноярский рабочий» и имагологический анализ журнала «Красный бич». В ходе исследования установлена эволюция от обвинений в узурпации (1918) к «биологизации» врага (1919–1920). Белая риторика, оперируя абстракциями («эксперимент над народом»), уступала красной, использовавшей прагматичные образы «паразита» и «наймита» Антанты. Визуальная сатира фиксировала победу через осмеяние противника. Информационное превосходство красных, основанное на адаптивности и связи с массовым сознанием, стало ключевым фактором их победы и легитимации власти в регионе.

Ключевые слова: Гражданская война, информационная война, пропаганда, информационное противостояние красных и белых, газетная периодика, Енисейская губерния.

Введение

Гражданская война в России традиционно изучается как история сражений, однако её неотъемлемой частью была война за умы и сердца населения. В условиях тотального конфликта, где линия фронта зачастую была условной, а лояльность масс — изменчивой, победа в информационном пространстве становилась стратегическим ресурсом, сопоставимым с контролем над железными дорогами или арсеналами. Именно пропаганда формировала представления о легитимности власти, справедливости дела и границах между «своими» и «чужими».

Особую значимость в рамках информационного противоборства приобретало конструирование образа врага, выступавшее не просто как инструмент политической дискредитации, но как механизм смыслообразования, позволявший мобилизовать население, очертить границы коллективной идентичности и легитимизировать насилие. В условиях отсутствия устойчивой государственности и фрагментированного общества именно пропагандистские нарративы, транслируемые через пе-

риодическую печать, формировали систему координат, в которой происходило осмысление конфликта и выбор стороны. Изучение этого процесса на региональном уровне — в данном случае на примере Енисейской губернии — даёт возможность увидеть, как глобальные идеологические установки адаптировались к местным условиям, реагировали на тактические изменения военно-политической обстановки и в конечном итоге влияли на исход противостояния.

Исходя из этого, в статье выдвигается гипотеза о том, что информационное противоборство, развернувшееся на страницах местной периодики, представляло собой самостоятельный фронт Гражданской войны. Победы зависела от способности конструировать простые, адаптивные и эмоционально убедительные образы врага, которые могли мобилизовать население, оправдать насилие и предложить новую коллективную идентичность.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составил комплекс периодических изданий, выходивших на территории

Енисейской губернии или оказавших на нее непосредственное влияние в указанный период. Для анализа белого дискурса использовались газеты «Воля Сибири» (июнь-июль 1918 г.) и «Свободная Сибирь» (ноябрь 1919 – январь 1920 гг.). Риторика советской власти реконструирована по материалам газеты «Красноярский рабочий» (июнь 1918, январь-ноябрь 1920 гг.). Особое место занимает визуальный источник — первый номер сатирического журнала «Красный бич» от 28 января 1920 г., содержащий карикатуры, которые впервые вводятся в научный оборот в контексте данного исследования.

В основе методологии лежит сравнительный дискурс-анализ, позволяющий выявить явные утверждения, скрытые бинарные оппозиции, риторические стратегии и систему ценностей, воспроизводимых текстами. Для анализа визуальных материалов применялся имагологический подход, направленный на выявление устойчивых стереотипных образов и символов. Исследование строится на принципах контекстуализации: каждый пропагандистский прием рассматривается в связи с конкретным военно-политическим событием, что позволяет проследить его динамику и прагматику.

Литературный обзор

Изучение пропаганды периода Гражданской войны в России составляет значительный пласт историографии, в рамках которого можно выделить несколько устоявшихся исследовательских подходов. Одним из ключевых направлений является анализ централизованной большевистской агитации, в первую очередь на материале газеты «Правда». Авторы, работающие в этой парадигме, как, например, Аверьянов и Камынин [1], демонстрируют, как в официальном партийном органе конструировались взаимосвязанные образы утопического будущего — от мировой революции до мирного социалистического строительства, служившие мощным инструментом мобилизации масс.

Параллельно развивается направление, посвященное сравнительному анализу информационных стратегий противоборствующих сторон. Исследователи, такие как Обухов и Ехлакова [15], отмечают принципиальную асимметрию пропагандистских машин: большевики, обладая отлаженным аппаратом, сознательно использовали простой, эмоционально заряженный язык, открыто оправдывали «красный террор» и апеллировали к классовым инстинктам. В то время как белая пропаганда, часто обращенная к более образованной аудитории и апеллирующая к абстрактным ценностям «государственности» и «единой России», оказывалась менее эффективной в условиях массовой неграмотности и социальной травмы. Эти важные выводы носят, однако, обобщающий характер и редко подкрепляются детальным, микроуровневым анализом местной прессы отдельного реги-

она в соответствии с ключевыми событиями конфликта.

Отдельное направление в историографии, представленное работами Камардина и Санковской [2, 16], сосредоточено на изучении визуальных источников, прежде всего плакатов, как основного средства агитации. Ученые фиксируют формальную схожесть приемов, таких как апелляция к иконописной традиции и использование карикатуры, но при этом выявляют принципиальное различие в содержании: если красные акцентировали классовую борьбу и революционный пафос, то белые делали ставку на национальные и религиозные символы.

Существующая историография детально проанализировала идеологические основы, общие стратегии и визуальный язык пропаганды эпохи Гражданской войны. Однако остается недостаточно изученным то, как эти общие установки воплощались и видоизменялись в информационном пространстве конкретного региона, особенно в Сибири, бывшей ключевым театром военных действий.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью перехода от событийной истории к изучению её ментальных оснований и анализу «войны смыслов». Научная новизна статьи заключается в сравнительном анализе дискурсивных практик в региональной прессе Енисейской губернии с привлечением как текстовых, так и визуальных источников. Такой подход позволяет выявить не просто набор пропагандистских клише, а динамическую систему смысловых кодов, эволюционировавшую в прямой зависимости от военно-политической конъюнктуры в период с 1918 по 1920 гг.

Результаты и обсуждение

Падение советской власти в Красноярске в июне 1918 г. стало не только военно-политическим, но и дискурсивным водоразделом. Пресса обеих сторон, формируя первичные образы врага, закладывала основы для тотальной конфронтации. Анализ газет этого периода позволяет выявить два зеркальных нарратива, каждый из которых стремился лишить противника политической и моральной легитимности.

На страницах июньских номеров «Красноярского рабочего» союз представителей белого движения с чехословаками подавался в рамках классовой парадигмы как акт национальной измены и реставрации. Участие чехословацкого корпуса на стороне контрреволюционеров именовалось «последней авантюрой», чьи участники вынуждены «пробиваться через враждебный лагерь» [3, с. 2]. Этот образ «враждебного лагеря» всей Сибири был ключевым для мобилизации. Сами белые силы рисовались как союз внутренней и внешней контрреволюции: «буржуазия, бессильная справиться... обращается

за помощью к иностранным штыкам», что квалифицировалось как «измена и предательство по отношению к Родине» [3, с. 3]. Логика большевистского дискурса отрицала саму возможность патриотизма у классового врага: «Капитал не знает отечества... если буржуазия призывает на помощь иностранные штыки, она... не совершает никакого предательства. Она отстаивает интересы своего класса и только» [3, с. 3]. Новую власть называли «самозванным правительством», стремящимся «восстановить старый Романовский режим» и «закабалить рабочих и крестьян по-старому» [4, с. 2]. Таким образом, зарождающийся белый лагерь лишался национальной и народной основы, представая реставраторской кликой, опиравшейся на иностранную интервенцию.

После падения советской власти в Красноярске газета «Воля Сибири» развернула контрнарратив, в центре которого была тема освобождения от узурпаторов и обманщиков. Большевистская власть характеризовалась через дискурс лжи, насилия и национального унижения. Ее падение представлялось как естественный и даже очистительный акт: «Злокачественный нарыв... лопнул, оставив после себя лишь смрад, гадость, грязь и вздох облегчения для... Родины» [22, с. 3]. Советский период именовался «кровавым кошмаром», «иглом нового самодержавия» и «гнетом... большевизма» [22, с. 3]. Их власть определялась как «гнусная провокация», «большевистская опричнина», а сами они — как «лже-социалисты» [21, с. 2] и «скоморохи» [25, с. 2]. Важным аспектом было подчеркивание активное участие народа в борьбе с большевиками: «крестьяне энергично сметают "советы"; падение произошло «скоро, легко и почти без жертв» [22, с. 3].

Таким образом, в первые недели открытого конфликта дискурс обеих сторон кристаллизовался в диаметрально противоположные системы смыслов. Для красных «белые» — это «реставраторы-предатели», для белых «красные» — «узурпаторы-обманщики». Оба нарратива выполняли идентичную функцию: тотального отрицания легитимности противника, оправдания насилия и мобилизации своих сторонников через апелляцию к высшим ценностям.

К концу 1918 года первоначальные политические ярлыки («узурпаторы», «реставраторы») трансформируются в более жесткие и милитаризированные образы, отражая переход к тотальной войне и ментальную подготовку общества к физическому уничтожению противника. В этот период окончательно формируются два ключевых пропагандистских нарратива: белый — о большевизме как смертельном эксперименте над народом, и красный — о колчаковщине как паразитическом образовании, обреченном на гибель.

В белой прессе («Свободная Сибирь») большевизм

предстает не просто как власть «лже-социалистов», а как абстрактная доктринальная сила, проводящая бесчеловечный эксперимент. Советская власть определяется не через ее деятелей, а как «опыт», где народ служит «материалом для проведения... социальных экспериментов» [17, с. 2]. Этот дискурс дегуманизации через наукообразие («эксперимент», «доктрина») был призван лишить противника не только легитимности, но и человеческого облика, представить его бездушной машиной, ломающей живую ткань нации. «Дорого обходится русскому народу этот "опыт", — констатирует газета, намекая на неисчислимые жертвы [17, с. 2]. Параллельно усиливается и образ внутреннего врага — «пособников большевизма», которые «шиты белыми нитками» и мечтают о «грабеже» и «доходных местах» при красных [19, с. 30]. Этот мотив подрывной «пятой колонны» работал на ужесточение режима и оправдание репрессий в тылу. Даже накануне катастрофы, риторика сохраняет оптимизм: отступление Сибирской армии — это «временный отход», который «не есть поражение», ведь, согласно заявлению редакции, офицеры советской армии ждут удобного случая, «чтобы поднять знамя восстания против комиссаров» [18, с. 3].

Январские номера «Красноярского рабочего» за 1920 год представляют собой зеркальную, но более эффективную с точки зрения будущей победы пропагандистскую машину. Если белые апеллировали к абстрактной «Родине», то красные — к конкретному классовому мщению и биологическому отвращению. Образ врага последовательно низводится до уровня неполноценного, обреченного биологического вида. Колчаковцы — это «паразиты», которых необходимо «добывать» [5, с. 2]. Деникинское поражение описывается в терминах органического разложения: «напрасные попытки умирающей контрреволюции отдалить свой неизбежный конец» [5, с. 2]. Ключевым становится мотив искусственного поддержания жизни врага извне: Колчак — «наймит буржуазии», «паразит без крови», а его банды «обречены на голодную смерть» с прекращением финансирования Антанты [7, с. 1]. Антанта же сама изображается как «спекулянт» и «дельцы», вкладывающие средства в провальный проект [13, с. 1]. Этот нарратив не просто обличал, а программировал неизбежность победы, объясняя временные успехи врага внешними вливаниями, а его крах — естественным законом.

В противовес этому, собственные силы описываются в эсхатологических терминах. Красная Армия — это «железные люди», «не бывавшая в мире армия», создавшая себя из ничего [8, с. 2]. Ее победа — не просто военный успех, а финал мировой драмы: «алое знамя коммунизма победно взвывается у берегов Черного моря» [5, с. 2]. Здесь создается образ мессианской силы, чья победа предопределена ходом истории.

На этапе решающих битв пропагандистские системы достигли своей предельной выразительности. Белый дискурс (1919-1920), отягощенный необходимостью объяснять военные неудачи, двигался в сторону поиска внутренних предателей, что вело к его отрыву от массового сознания. Красный дискурс, напротив, использовал грубую, но предельно ясную биологическую и экономическую метафору («паразит», «наймит», «выжатый лимон») [7, с. 1; 13, с. 1], напрямую связанную с повседневным опытом и классовыми инстинктами. Он не просто очернял врага, но визуализировал механизм его неизбежного краха, что в момент реального разгрома белых армий создавало эффект пророческого подтверждения и резко повышало доверие к советской пропаганде в целом.

Параллельно с демонизацией врага большевистская пропаганда активно конструировала собственный альтернативный образ — власти не только справедливой и сильной, но и гуманной, просвещенной и отечески заботливой. Этот контрастный нарратив был призван легитимизировать новый режим в глазах колеблющихся масс, особенно крестьянства, и предложить позитивную идентификацию взамен разрушенной. Это позволяло не

только громить врага, но и интегрировать бывших противников, предлагая им не просто капитуляцию, а место в новом проекте под руководством мудрой и снисходительной власти. Данный нарратив стал важным инструментом перехода от войны к миру и закрепления легитимности режима на этапе его стабилизации.

Ярчайшим примером такой тактики стала публикация в «Красноярском рабочем» от 17 ноября 1920 года, описывающая реакцию властей на попытку крестьянского восстания в губернии [11, с. 2]. Вместо ожидаемого рассказа о карательной операции читателю предлагалась постановочная сцена милосердия и педагогического воздействия. Арестованных крестьян («около 100 человек») после «подвала» Губчека вывели «в красиво убранный и ярко освещенный зрительный зал», где им дали выслушать разъяснения о целях Советской власти и «угостили хорошим концертом», после чего всех освободили. Комментируя это, газета заключала: «Так "жестокое отомстила" Советская власть неразумным членам Великой Российской Трудовой семьи...» [11, с. 2]. Этот пассаж является образцом сложного пропагандистского приема. Он прямо противопоставлял практики красного

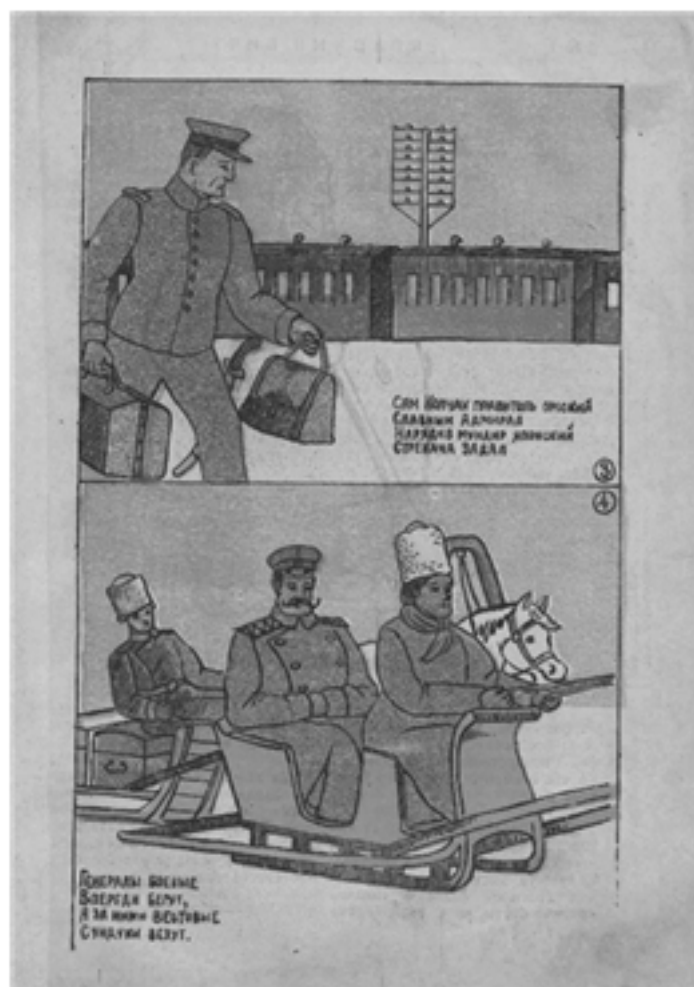

Рис. 1. Карикатура на А.В. Колчака и белое командование [14, с. 5]

Рис. 2. Карикатура «Капиталист и мужик» [14, с. 12]

Рис. 3. Карикатура «Крокодиловы слёзы» [14, с. 16]

и белого террора, намекая на бессмысленную жестокость последнего. Транслировалась идея государства как строгого, но справедливого отца, чья главная задача — не истребление, а перевоспитание заблудших. Сама форма подачи работала на создание образа власти, уверенной в своей силе и моральном превосходстве настолько, что могла позволить себе «милость к павшим».

Ключевым дополнением к текстовым нарративам стала визуальная пропаганда, достигавшая массовой аудитории через доступные, хлёсткие образы. Сатирическая графика стала тем финальным аккордом, который, упрощая сложную реальность до набора ясных символов, помогал массовому сознанию принять и эмоционально освоить факт окончательной победы одной стороны и столь же окончательного краха другой.

Первый номер сатирического журнала «Красный бич», вышедший в Красноярске 28 января 1920 года [14], практически синхронно с окончательным установлением советской власти в городе, представляет собой концентрированное визуальное пособие по дискредитации побеждённого врага и легитимации нового порядка. Центральной фигурой номера, естественно, стал Верховный правитель А.В. Колчак и белые.

Одна из карикатур направлена на дискредитацию верховного командования белых через сочетание визуального упрощения и язвительного стихотворения. Ключевой приём — снижение и бытовая профанация образа врага. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак изображён не как грозный лидер или военачальник, а как суетливый обыватель, спешно собирающий чемоданы («сундуки») и бегущий на поезд. Фраза «стрекача задал» (дал стрекача, сбежал) окончательно закрепляет этот образ панического, постыдного бегства, лишая его какого-либо героизма или стратегического смысла [14, с. 5].

Второй сюжет, где «генералы боевые вперёд берут, а за ними вестовые сундуки везут», расширяет эту критику. Он визуализирует ключевой пропагандистский тезис красных: белая армия — это банда грабителей, где генералы гонят солдат на смерть, а сами думают лишь о спасении награбленного добра [14, с. 5].

Таким образом, карикатура выполняет двойную задачу: окончательного низвержения символа врага через его осмеяние как трусливого мещанина и доказательства корыстной, мародёрской сущности всего белого командования. Этот простой и грубый язык был рассчитан на мгновенное понимание массовым зрителем, переводя сложный политический конфликт в плоскость бытового презрения и насмешки.

Ещё один сюжет рисует картину мгновенного социального переворота и лицемерия буржуазии. На фоне

города две группы персонажей: буржуа, дрожащими руками вывешивающие красные флаги и прячущие ценности в подполье, и ликующие рабочие с крестьянами, записывающиеся в добровольцы [14, с. 12]. Этот контраст визуализирует ключевой классовый тезис: искренняя поддержка новых властей исходит только от трудящихся, в то время как старый мир притворно адаптируется, сохраняя свою сущность. Графика здесь работает на дихотомию «истинное/лживое» и мобилизацию против скрытого, внутреннего врага.

Отдельного внимания заслуживает карикатура «Крокодиловы слёзы», представляющая собой шедевр экономической пропаганды. На ней изображён плачущий «буржуй» в цилиндре, сжимающий обесцененные денежные знаки — «колчаковки». Четыре строчки стихотворения-подписи обыгрывают финансовый крах режима: «Отменяли, доконали. Тщетна апелляция, Хоть бы за сто рубль отдали — Вот так ануляция» [14, с. 16].

Эта карикатура была по самому болезненному для обывателя — по кошельку. Она переводила политический крах Колчака в сугубо бытовую, понятную каждому плоскость: его власть не только была преступной, но и экономически несостоятельной, а её наследие — лишь клочки ненужной бумаги. Образ «крокодиловых слёз» высмеивал любую ностальгию или жалость к старому порядку: слёзы буржуа — фальшивы и вызваны лишь материальными потерями.

Заключение

Проведенный сравнительный дискурс-анализ периодики Енисейской губернии 1918–1920 гг. позволяет не только реконструировать набор пропагандистских инструментов противоборствующих сторон, но и выявить логику их эволюции, напрямую связанную с динамикой военно-политического противостояния. Подтверждается, что война образов была не второстепенным фоном, а самостоятельным фронтом Гражданской войны, где конструировались смыслы, оправдывалось насилие, определялись границы между «своими» и «чужими» и завоёвывались умы населения губернии.

Основной набор пропагандистских инструментов, используемых обеими сторонами, был симметричен и включал:

1. Дискурс легитимности/нелегитимности. Белые представляли большевиков как узурпаторов и лжецов, нарушивших «естественный» ход революции и обманувших народ пустыми обещаниями («хлеба, мира, земли»). Красные, в свою очередь, изображали белых как реставраторов и предателей, стремящихся вернуть старый режим с помощью иностранных штыков. Этот взаимный слом легитимности был необходим для тотализации конфликта.

2. Демонизация и дегуманизация. По мере эскалации насилия абстрактные политические ярлыки сменились образами, лишаящими противника человеческих черт. В белой прессе большевизм стал «смертельным экспериментом» над народом, а его сторонники — «пособниками» и «бандитами». Красная пропаганда ответила биологическими и экономическими метафорами, изображая врага как «паразита», «выжатый лимон» и «наймита» Антанты, чье существование искусственно и обречено.
3. Конструирование образа внешнего врага и «пятой колонны». Обе стороны апеллировали к патриотизму, обвиняя оппонентов в связях с враждебными внешними силами — немцами/интернационалистами (у белых) или Антантой (у красных). Параллельно создавался образ внутреннего предателя — «соглашателей», «пособников», «скрытых врагов», что оправдывало ужесточение режима и репрессии в тылу.
4. Создание контрастного автопортрета. Пропаганда работала не только на отрицание, но и на утверждение. Если белые делали акцент на жертвенном служении «единой и неделимой Родине», то красные культивировали образ мессианской армии «железных людей», несущих исторически предопределенную победу. К концу войны красные добавили к этому мощный инструмент «милосердной и педагогической власти», демонстрирующей силу через снисхождение (история с арестованными крестьянами).
5. Визуализация и упрощение в сатире. Журнал «Красный бич» продемонстрировал кульминацию пропагандистских усилий, переводя сложные политические и военные итоги в плоскость грубого, но эффективного гротеска [14]. Жалкий Колчак на льдине, лицемерный буржуй с красным флагом и плачущий спекулянт с обесцененными «колчаковками» закрепляли в массовом сознании не просто поражение, а моральное и историческое ничтожество старого мира.

Эволюция этих приемов шла по пути от политической полемики к тотальной ментальной мобилизации. В июне 1918 года дискурс был сосредоточен на вопро-

сах законности власти и национального суверенитета. К 1919–1920 годам он радикализировался, оперируя категориями биологического выживания, тотального предательства и борьбы добра со злом. Это прямое следствие военных успехов и неудач: поражения подпитывали поиск внутренних врагов и уход в метафизику (белый дискурс 1919 г.), а победы позволяли говорить языком исторической неизбежности и предлагать образы милосердного триумфа (красный дискурс 1920 г.).

Вопрос эффективности разрешился в пользу большевистской пропаганды, что стало одним из факторов их общей победы. Её сила заключалась в прагматичной адаптивности и прямой связи с повседневным опытом масс. Грубые, но понятные образы «паразита», «буржуй» и «золотопогонника», подкрепленные визуальной сатирой, работали эффективнее абстрактных призывов к «русской государственности» и обличения «социального эксперимента». Красный нарратив предлагал не только ненависть к врагу, но и простую схему мира (классовая борьба) и ясный образ будущего (торжество труда), подкрепляемый реальными военными победами. Он сумел гибко сочетать язык беспощадной войны с языком отеческого воспитания, что позволило не только сокрушить противника, но и начать интеграцию колеблющихся.

Полученные результаты создают основу для дальнейших изысканий. Наиболее очевидной перспективой видится трансформация анализируемых образов врага в публицистике 1920-х годов — периода, когда риторика тотальной гражданской войны была переведена в плоскость борьбы с «пережитками прошлого», «буржуазными специалистами» или «оппортунистами» внутри партии, что демонстрировало удивительную живучесть и адаптивность механизмов, отточенных в 1918–1920 годах.

Таким образом, Гражданская война в Енисейской губернии была выиграна не только на полях сражений, но и в информационном пространстве, где победа осталась за той силой, чья система пропагандистских кодов оказалась наиболее адекватной травматичному опыту общества, глубже укорененной в его массовом сознании и способной не только разрушать старые смыслы, но и предлагать новые, пусть и утопические, основания для коллективной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов А.В., Камынин Е.В. Образы будущего в большевистской печати в период Гражданской войны в России (на материалах газеты «Правда») // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2025. №3 (227). С. 19–30.
2. Камардин А.А. Гражданская война в России на красноармейских и белогвардейских плакатах // Скиф. 2022. №11 (75). С. 64–71.
3. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). — 1918, №114 (9 июня).
4. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). — 1918, №115 (11 июня).

5. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). – 1920, №8 (18 января).
6. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). – 1920, №9 (2 февраля).
7. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). – 1920, №10 (21 января).
8. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). – 1920, №13 (25 января).
9. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). – 1920, №253 (12 ноября).
10. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). – 1920, №255 (14 ноября).
11. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). – 1920, №257 (17 ноября).
12. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). – 1920, №258 (18 ноября).
13. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета (Красноярск). – 1920, №261 (21 ноября).
14. Красный бич (Красноярск). – 1920. – № 1.
15. Обухов Л.А., Ехлакова А.Р. Периодическая печать как источник по истории информационного противоборства красных и белых в Гражданской войны на востоке России (1917–1920 гг.) // Власть. 2020. №6. С. 232–240.
16. Санковская О.М. Образ врага в советской пропаганде периода Гражданской войны в России (на примере публикаций Еженедельника ВЧК) // На пути к гражданскому обществу. 2019. №3 (35). С. 75–78.
17. Свободная Сибирь: газета политическая, литературная и экономическая (Красноярск). – 1918, № 44 (6 июля).
18. Свободная Сибирь: газета политическая, литературная и экономическая (Красноярск). – 1919, №256 (18 ноября).
19. Свободная Сибирь: газета политическая, литературная и экономическая (Красноярск). – 1919, №258 (20 ноября).
20. Свободная Сибирь: газета политическая, литературная и экономическая (Красноярск). – 1919, №259 (21 ноября).
21. Воля Сибири: орган Красноярского Губернского Комиссариата Сибирского Временного Правительства (Красноярск). – 1918, № 2 (23 июня).
22. Воля Сибири: орган Красноярского Губернского Комиссариата Сибирского Временного Правительства (Красноярск). – 1918, № 3 (26 июня).
23. Воля Сибири: орган Красноярского Губернского Комиссариата Сибирского Временного Правительства (Красноярск). – 1918, № 6 (29 июня).
24. Воля Сибири: орган Красноярского Губернского Комиссариата Сибирского Временного Правительства (Красноярск). – 1918, № 7 (30 июня).
25. Воля Сибири: орган Красноярского Губернского Комиссариата Сибирского Временного Правительства (Красноярск). – 1918, № 8 (2 июля).

© Батура Андрей Александрович (andrei.batura@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА ПО ОБУЧЕНИЮ, ПЕРЕПОДГОТОВКЕ И ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

THE ACTIVITIES OF THE MAIN POLITICAL
DIRECTORATE OF THE RED ARMY
FOR THE TRAINING, RETRAINING
AND ADVANCED TRAINING OF PARTY
AND POLITICAL WORKERS OF THE RED
ARMY DURING THE GREAT PATRIOTIC
WAR

**N. Volodina
S. Polovetsky
E. Ponomarenko**

Summary: The article is devoted to the study of the main activities of the Main Political Directorate of the Red Army in the field of training, retraining, and advanced training of its party and political workers in 1941–1945. Special attention was paid to the training of the leading army political staff of the Main Political Directorate of the Red Army. The organizational and staffing measures of the Main Political Directorate of the Red Army were aimed at improving the system of advanced training for political personnel. The work with political personnel in the frontline conditions was carried out under the constant supervision of the Main Political Directorate of the Red Army. The practical activities of the Main Political Directorate of the Red Army in training, retraining, and improving the qualifications of the Red Army's leading party and political personnel were prompt, effective, and timely.

Keywords: The Great Patriotic War, the Main Political Directorate of the Red Army, party and political work, and political officers.

Володина Наталья Анатольевна

доктор исторических наук, доцент,
Военный университет
имени князя Александра Невского (Москва)
volodinanatalya@mail.ru

Половецкий Сергей Дмитриевич

доктор исторических наук, профессор,
Московский педагогический
государственный университет
polovez53@mail.ru

Пономаренко Елена Владимировна

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Военный университет
имени князя Александра Невского (Москва)
ev12ponomarenko@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена изучению основных направлений деятельности Главного политического управления Красной армии по обучению, переподготовке и повышению квалификации ее партийно-политических работников в 1941–1945 гг. Особое внимание уделялось подготовке руководящего армейского политсостава ГлавПУ РККА. Организационно-штатные мероприятия ГлавПУ РККА были направлены на совершенствование системы повышения квалификации кадров политсостава. Работа с политическими кадрами непосредственно во фронтовых условиях велась под постоянным контролем Главного политуправления РККА. Практическая деятельность ГлавПУ РККА по обучению, переподготовке и повышению квалификации руководящего партийно-политического состава Красной армии была оперативной, эффективной и своевременной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Главное политическое управление РККА, партийно-политическая работа, политработники.

Введение

Военно-политическое руководство Российской Федерации уделяет пристальное внимание разработке и внедрению эффективных подходов, направленных на формирование высоких морально-политических качеств личного состава. В этой связи военно-политическая работа является особым направлением деятельности органов военного управления.

Современные военно-политические реалии обуславливают объективную востребованность исторического опыта подготовки политических работников, так как главной задачей было и остается формирование высоко-

го духа военнослужащих. Особо ценным представляется опыт деятельности Главного политического управления РККА, приобретенный в ходе работы с партийно-политическими работниками Красной армии в годы Великой Отечественной войны.

Перестройка системы военно-политической работы в РККА в первый период Великой Отечественной войны

Структурно-функциональные преобразования политических органов Вооруженных Сил СССР, в первую очередь, Главного управления политической пропаганды Красной Армии преследовали своей целью сосре-

точение основного внимания на улучшении состояния агитации и пропаганды в армии и на флоте накануне надвигающейся агрессии против СССР [1, с. 158–159].

Однако начавшаяся Великая Отечественная война сразу же обнаружила ошибочность данного решения. Тяжелая ситуация, сложившаяся с началом боевых действий на масштабном советско-германском фронте, незамедлительно потребовала скорейшей коренной перестройки всей системы военно-политической работы в армии. Было крайне важно, чтобы политические органы, комиссары наравне с командным составом несли всю полноту ответственности за повседневную боевую жизнедеятельность войск. Уже 16 июля 1941 г. вышел соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [2, с.305–306.]. В соответствии с изданным 17 июля 1941 г. Приказом Ставки Верховного главнокомандования Главное управление политической пропаганды Красной Армии было реорганизовано в Главное политическое управление РККА, а действующие на фронтах органы политической пропаганды – в политические управления и отделы. В соединениях и частях вводился институт военных комиссаров, которые вместе с командирами несли всю ответственность за «жизнь и боевую деятельность частей и соединений, за их стойкость в бою» [3, с.208], что сыграло важнейшую роль в укреплении боеспособности РККА.

На протяжении Великой Отечественной войны ГлавПУ РККА возглавляли два авторитетных партийных деятеля, которые проделали огромную и эффективную работу на вверенном им направлении. В первый год войны ГлавПУ РККА возглавлял Л.З. Мехлис, далее, до ее победного конца – А.С. Щербаков.

Важнейшим направлением деятельности ГлавПУ РККА была работа с руководящим политсоставом, что обусловило необходимость оперативного и системного решения ряда важнейших задач. Прежде всего, ГлавПУ РККА разрабатывало и своевременно вносило необходимые изменения в организационную структуру политорганов. В отношении руководящего армейского политсостава Главное политическое управление несло ответственность за весь спектр подготовки кадров: от руководства военно-политическими учебными заведениями, переподготовки и повышения квалификации до мониторинга, подбора и расстановки кадров руководящих работников. [4, с.208].

Главной проблемой первого года войны был значительный некомплект руководящего партийно-политического состава в войсках. Особо подчеркнем, что в связи с мобилизационным развертыванием Вооруженных Сил, необходимостью восполнения боевых потерь руководя-

щего политсостава на фронте и во исполнение решений ЦК ВКП(б), военно-политическое руководство РККА с самого начала Великой Отечественной войны предпринимало экстренные и эффективные меры по перестройке всей системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров руководящего политсостава.

Так, уже 25 июня 1941 г. был издан приказ начальника Главного управления политической пропаганды РККА Л.З. Мехлиса № 047 «О перестройке занятий в Высшем пединституте РККА по плану на военное время». Учитывая кадровые потребности фронта в политработниках, срок обучения в институте сокращался до шести месяцев. Была унифицирована программа подготовки, и вместо трех факультетов создавался один общий факультет. При этом слушатели второго и третьего курсов выпускались досрочно – 28 июня 1941 г., и все они были зачислены в резерв ГУ политпропаганды РККА. Практически одновременно была организована переподготовка. К 10 июля 1941 г. в институт прибыли политработники запаса в количестве 240 чел. [5, с.26]. В соответствии с приказом начальника Главного управления политпропаганды РККА от 28 июня 1941 г. № 052 «О передаче Московских и Ленинградских курсов ЦК ВКП(б) в ведение НКО» эти учебные заведения передавались Наркомату обороны СССР и преобразовывались в Военно-политические курсы Красной Армии. [5, с. 29].

В первые месяцы войны основным ресурсом для комплектования армейских политорганов стали руководящие работники территориальных партийных организаций. По состоянию на 22 июня 1941 г. в стране функционировало 5070 партийных комитетов на местах и 15 центральных комитетов компартий союзных республик и [6, с. 76]. Именно из них был сформирован кадровый костяк, который в тяжелейших условиях первых месяцев Великой Отечественной войны был безотлагательно направлен непосредственно в войска. Не имея времени на повышение квалификации и переподготовку, к руководящей политической работе на фронте приступили более четырех с половиной тысяч партийных работников – секретарей центральных комитетов союзных республик, работников центрального партийного аппарата, местных партийных органов, слушателей высшего звена партийной учебы [7, с. 254].

Одновременно ГлавПУ РККА оперативно разработало и установило порядок отбора лиц из числа руководящих партийных работников и направление их на обучение, переподготовку и повышение квалификации с последующим назначением на руководящие политические должности в действующей армии.

Так, 12 ноября 1941 г. Военному совету Забайкальского военного округа была направлена Директива Главного политуправления РККА № 0175 «Об отборе

коммунистов на руководящие должности политсостава РККА». Военный совет должен был «представить кандидатуры руководящих партийных работников, в возрасте до 45 лет, имеющих военную подготовку на должности комиссаров и начальников политотделов стрелковых дивизий, комиссаров штабов дивизий, комиссаров полков, отдельных батальонов и дивизионов, начальников отделов и инструкторов политотделов войсковых объединений и соединений» [7, с. 254]. Все отобранные партийные работники направлялись для прохождения военных курсов, организованных при военных учебных заведениях – в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина, Военную академию им. М.В. Фрунзе, Военную академию механизации и моторизации РККА имени И.В. Сталина, Артиллерийскую академию РККА имени Ф.Э. Дзержинского и на Высшие курсы усовершенствования политсостава [5, с. 81–82].

В партийно-политической работе учитывалась специфика многонациональных Советских Вооруженных Сил. Для активизации работы с военнослужащими – уроженцами кавказских и среднеазиатских республик в распоряжение ГлавПУ РККА были откомандированы большие группы руководящих партийных работников Азербайджана, Узбекистана и других союзных республик. За 1942 г. по линии ГлавПУ РККА на фронт было отправлено более 2,3 тыс. политработников из союзных республик Закавказья и Средней Азии [8, с. 13].

К началу второго года Великой Отечественной войны важная задача Главного Политического управления РККА по комплектованию руководящего партийно-политического состава в войсках, была, в основном, решена. Приказ начальника Главного политуправления РККА (которое к этому времени возглавил А.С. Щербаков) № 0383 от 29 сентября 1942 г. «О переводе ВПА им. В.И. Ленина на нормальные сроки обучения и о создании при ней ускоренных курсов по переподготовке политсостава» свидетельствует о возможности восстановления довоенных сроков обучения. Теперь в академии одновременно велась подготовка комиссаров полков в течение трех лет, и действовали четырехмесячные ускоренные курсы по переподготовке руководящего политического состава. Всего в академии проходили обучение 2300 чел. [5, с. 178–179].

Следующим шагом было формирование резерва кадров политсостава на фронте, что, наряду с накопленным опытом и необходимостью совершенствования системы повышения квалификации кадров политсостава обусловило передачу «14 военно-политических учебных заведений непосредственно в распоряжение Военных советов и политуправлений фронтов» [9, с. 318].

В соответствии с постановлением ГКО от 2 июля 1943 г. № 3679 с целью оптимизации процесса подготовки и

повышения квалификации руководящих военно-политических работников 1 августа 1943 г. начальник ГлавПУ РККА генерал-лейтенант А.С. Щербаков издал приказ № 0259 «О формировании Высших всеармейских военно-политических курсов ГлавПУ РККА». Эти одногодичные курсы были созданы на базе ВПА имени В.И. Ленина. При них постоянно действовали «четырёхмесячные сборы руководящего политсостава с численностью переменного состава 800 чел.» [5, с. 226].

Всего за период с июня 1941 г. по ноябрь 1944 г. в ВПА имени В.И. Ленина обучение на основных факультетах прошло свыше 5 тыс., а на различных краткосрочных курсах переподготовки свыше 7 тыс. политработников [8, с. 20].

Следует отметить, что сеть военно-учебных заведений, готовящий высший и старший политсостав, постоянно увеличилась. Так, если в январе 1942 г. их было 14, в январе 1943 г. – 19, то в апреле 1943 г. уже 23 [8, с. 21].

Работа с политическими кадрами во фронтовых условиях

Под постоянным контролем Главного политуправления РККА находилась работа с политическими кадрами непосредственно во фронтовых условиях. Так, в приказе начальника ГлавПУ РККА № 0288 от 8 октября 1943 г. «О наведении порядка в деле подбора, расстановки и воспитания кадров политсостава на Северо-Кавказском фронте» указывалось следующее: «Военная учеба политработников во фронте по-настоящему не организована. Приказ ГлавПУ РККА по этому вопросу выполняется неудовлетворительно. Учебная программа с политработниками была пройдена только на 30–40%» [5, с. 239]. В этой связи начальник Главного политуправления РККА генерал-полковник А.С. Щербаков приказал члену Военного совета Северо-Кавказского фронта генерал-майору В.А. Баякову принять срочные меры, обеспечивающие выполнение приказа НКО СССР № 144 «О повышении военных знаний и изучении опыта Отечественной войны политическими работниками Красной Армии» [5, с. 239–240]. По результатам проверки выполнения данного приказа, проведенной в частях, соединениях и учебных заведениях округов, 25 октября 1943 г. начальник ГлавПУ РККА издал приказ № 0307 «Об итогах выполнения приказа НКО № 144 в частях, соединениях и учебных заведениях округов». В приказе отмечалась наиболее организованное осуществление учебы политработников «в частях и соединениях Дальневосточного, Забайкальского фронтов и Московского военного округа, где соответствующие должностные лица сумели охватить учебой наибольшее количество политсостава и добиться хороших результатов в усвоении программ подготовки» [5, с. 240]. В худшую сторону в организации и проведении учебы политработников были отмечены Приволжский

и Южно-Уральский военные округа. Основаниями для подобных выводов стали высокий процент офицеров-политработников, получивших неудовлетворительные оценки и не завершивших программу обучения, а также отсутствие у политработников умения применять положения уставов на практике. В приказе также подчеркивалось, что политработники, успешно овладевающие воинским мастерством, должны повышаться по службе в первоочередном порядке.

Таким образом, деятельность Главного политического управления РККА по организации подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящих военно-политических кадров в годы войны носила активный и целеустремленный характер, что вызывалось, в первую очередь, постоянно возрастающими объемами и сложностью проводимой боевой работы. Это связано, в первую очередь с тем, что в годы войны постоянно росла численность политорганов. Так, если к началу войны их было 947, в 1943 г. – 2440, то на 1 июля 1945 г. – 3517 [10, с. 150].

Повышение квалификации высшего военно-политического состава Красной армии

Основной формой повышения квалификации высшего военно-политического состава армии в годы Великой Отечественной войны являлись регулярно проводимые совещания, которые созывались партийно-государственным и военным руководством страны. В повестку дня оперативно вносились наиболее сложные, актуальные проблемы военно-политической работы в боевой обстановке.

Повышение уровня политической работы на фронте требовало незамедлительных и конкретных мер. Этот вопрос обсуждался на созванном ГлавПУ РККА совещании членов Военных советов, начальников политуправлений фронтов и армий 6 июля 1942 г. [11, с. 578].

В мае 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным провело совещание членов военных советов фронтов – политработников. Его протокол, в соответствии с требованиями режима секретности и с установленной практикой того времени, не велся. Однако, по имеющейся информации, содержащейся в Журнале записи лиц, принятых И.В. Сталиным, нам известно, что совещание носило оперативный характер, продолжалось 45 мин. – началось в 22.00 и закончилось в 22.45 [12, с. 432]. На совещании от Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки ВГК присутствовали К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Н.С. Хрущев. От руководящего политсостава РККА – начальник Главного политуправления РККА генерал-полковник А.С. Щербаков и 14 членов военных советов фронтов. В их числе – видные военно-политические Красной Ар-

мии: Ф.Е. Боков, А.С. Желтов, К.В. Крайнюков, Л.З. Мехлис, И.З. Сусайков, К.Ф. Телегин, Т.Ф. Штыков и др. Перед участниками совещания Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным были поставлены конкретные задачи военно-политической работы на завершающем этапе войны [11, с. 583].

Новая обстановка – освобождение оккупированных европейских стран и ведение действий на их территории требовала усиления политического влияния на военнослужащих.

По результатам инициированной Политбюро ЦК ВКП(б) проверки партийно-политической работы в войсках вступившего на территорию Румынии 2-го Украинского фронта 15 июня 1944 г. в Главном политуправлении РККА был заслушан отчет генерал-лейтенанта А.Н. Тевченкова «О состоянии партийно-политической работы в войсках фронта». Последовавший 19 июня 1944 г. приказ начальника ГлавПУ РККА № 0282 «О состоянии партийно-политической работы в войсках 2-го Украинского фронта» требовал усилить политическое влияние на военнослужащих применительно к новой обстановке [5, с. 292–295].

Выводы

Таким образом, Великая Отечественная война показала необходимость перестройки и актуализации всей системы работы Главного политуправления РККА с руководящими военными партийно-политическими кадрами. Работа по обучению, переподготовке и повышению квалификации партийно-политических работников Красной армии во фронтовых условиях велась под непосредственным контролем Главного политуправления РККА. Организационно-штатные мероприятия ГлавПУ РККА, направленные на совершенствование системы повышения квалификации кадров политсостава, были проведены оперативно и своевременно. Использование боевого опыта в подготовке кадров способствовала передаче в начале войны ряда военно-учебных заведений в распоряжение Военных советов и политуправлений фронтов. Численность политорганов в годы Великой Отечественной войны постоянно росла, и, в целом, значительный недостаток на фронте кадров руководящего партийно-политического состава к осени 1942 г. был преодолен.

В годы войны был накоплен богатейший опыт организации подготовки партийно-политических работников, который является востребованным и в настоящее время.

Заключение

Сегодня, когда вокруг имени российского солдата и

офицера ведется развязанная Западом разнузданная кампания лжи и клеветы, необходимо помнить, что в освобождении от фашизма 11 европейских государств «в ходе вооруженной борьбы за рубежом Красная армия потеряла около 4 млн человек, в том числе за освобождение европейских стран – около 1 млн человек. При освобождении Польши погибли 600 тыс. советских воинов, Чехословакии – 139 918, Венгрии – 140 004, Румынии – 68 993, Югославии – около 8 тыс. чел. Практически без боевых действий прошел освободительный поход советских войск в Болгарию, однако и там были потери. В боях по разгрому противника на территории непосредственной виновницы войны – нацистской Германии безвозвратные потери Красной армии составили 101 961 чел.» [13, с. 410].

В этой связи очень важно бороться за историческую правду о Великой Отечественной войне, каждодневно отражать многочисленные и подлые попытки фальсифи-

кации, извращения ее истории.

В настоящее время, творчески применяя опыт партийно-политической работы, накопленный в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время, одной из главных задач Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации является «формирование военно-политических органов, подбор, подготовка и расстановка кадров военно-политических органов» [14].

В условиях проведения специальной военной операции на Украине основным историческим уроком, вытекающим из анализа деятельности военно-политических органов в годы Великой Отечественной войны, является то, что неперенным условием ее эффективности является постоянное внимание к обучению, переподготовке и повышению квалификации ее работников, проводящих военно-политическую работу непосредственно в боевых условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937–21 июня 1941 г. М.: Терра, 1994. Т. 13 (2–1). 368 с.
2. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917–1968. М.: Воениздат, 1969. 471 с.
3. В штабах Победы. 1941–1945: Док. в 5 кн. Кн. 1. 1941. «Вставай страна огромная». М.: Науч. полит. кн., 2020. 575 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17(6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: Док. и материалы. М.: Терра, 1996. 672 с.
6. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 12. М.: Воениздат, 1982. 495 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд., доп. и испр. Т. 7. М.: ИПЛ, 1985. 574 с.
8. Степанова Е.Е., Кепель О.В., Недбайло Б.Н. Трансформация системы подготовки кадров политсостава Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Военный академический журнал. 2021. № 3. С. 11–22.
9. Петров Ю.П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918 – 1968). М.: Воениздат. 1968. 542 с.
10. Бусловский В.Н. Главное политическое управление – лицо и душа Советской Армии и Военно-Морского Флота (к 100-летию со дня образования) // Военная мысль. 2019. № 4. С. 145–156.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 11. М.: Кучково поле, 2015. 862 с.
12. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М.: Новый хронограф, 2008. 784 с.
13. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
14. Министерство обороны Российской Федерации [официальный сайт] URL: https://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=12375@egOrganization&ysclid=lp4pcgmo568165585 (дата обращения 07.12.2025).

© Володина Наталья Анатольевна (volodinanatalya@mail.ru), Половецкий Сергей Дмитриевич (polovez53@mail.ru), Пономаренко Елена Владимировна (ev12ponomarenko@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОР СМОТРИТ НА ПРОВИНЦИИ: ЮЖНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕДРУ II В 1845–1846 ГГ. И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЮГА БРАЗИЛИИ

Горбунов Игорь Олегович

аспирант, Московский городской
педагогический университет
gorbunovigor040@gmail.com

THE YOUNG EMPEROR LOOKS AT THE PROVINCES: THE SOUTHERN JOURNEY OF PEDRO II IN 1845-1846 AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE IN THE SOUTH OF BRAZIL

I. Gorbunov

Summary: In 1845-1846, the nineteen-year-old Emperor of Brazil, Dom Pedro II, made his first long trip to the southern provinces of his country, Santa Catarina and San Pedro do Rio Grande do Sul. This article reconstructs the course of this journey and analyzes it through the prism of everyday history, microhistory, and age as a socio-political category. Based on the emperor's diaries, official reports, newspaper publications and correspondence, it is shown how the young monarch got acquainted with remote provincial cities, interacted with local society and mastered the role of a mature ruler. Special attention is paid to imperial rituals (ceremonial meetings, ceremonies of "beijo mão" – kissing hands), everyday details of the visit to Dechterra (now Florianopolis) and Porto Alegre, as well as how the trip highlighted the relationship between the center and the periphery. The emperor's visit was accompanied by mass celebrations, public performances, charity events and widespread demonstrations of loyalty. The journey reflected the process of Pedro II's growing up in the eyes of his subjects, revealed local practices (schools, printing houses, scientific interests of the monarch) and demonstrated the unity of the empire after the recently concluded civil war in the south. The article includes a route table, a glossary of terms, and illustrations from open sources.

Keywords: Dom Pedro II, Brazilian Empire, provinces of Santa Catarina and Rio Grande do Sul, imperial visit in 1845, history of everyday life, microhistory, center and periphery.

Аннотация: В 1845–1846 гг. девятнадцатилетний император Бразилии Дом Педру II совершил первое продолжительное путешествие по южным провинциям своей страны – Санта-Катарине и Сан-Педру-ду-Риу-Гранди-ду-Сул. Настоящая статья реконструирует ход этого путешествия и анализирует его через призму истории повседневности, микроистории и возраста как социально-политической категории. На основе дневников императора, официальных отчетов, газетных публикаций и переписки показано, как юный монарх знакомился с отдаленными провинциальными городами, взаимодействовал с местным обществом и осваивал роль зрелого правителя. Особое внимание уделено имперским ритуалам (торжественным встречам, церемониям "beijo mão" – целования руки), бытовым деталям визита в Деш-терру (ныне Флорианополис) и Порту-Алегри, а также тому, как поездка высветила отношения центра и периферии. Визит императора сопровождался массовыми празднествами, публичными выступлениями, благотворительными акциями и повсеместной демонстрацией лояльности. Путешествие отразило процесс взросления Педру II на глазах подданных, позволило выявить локальные практики (школы, типографии, научные интересы монарха) и продемонстрировало единство империи после недавно завершившейся гражданской войны на юге. Статья включает таблицу маршрута, глоссарий терминов и иллюстрации из открытых источников.

Ключевые слова: Дом Педру II, Бразильская империя, провинции Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул, императорский визит 1845 г., история повседневности, микроистория, центр и периферия.

Введение

В середине 1840-х годов Бразильская империя вступила в новую фазу консолидации: юный император Дом Педру II, взошедший на престол во время регентства и провозглашенный совершеннолетним в 1840 г. в возрасте 14 лет, стремился укрепить единство страны после периода региональных восстаний. К моменту, когда Педру II исполнилось 19 лет, внутреннеполитическая обстановка стабилизировалась: крупные мятежи (в том числе десятилетняя Фаррапуская война на юге) были подавлены или завершены миром. На этом

фоне император решил лично ознакомиться с отдаленными провинциями и продемонстрировать там присутствие центральной власти. Возраст и власть в данном контексте тесно переплелись: поездка должна была показать подданным, что даже будучи весьма молодым, монарх выполняет обязанности зрелого государя – инспектирует провинции, раздает милости и требует соблюдения законности. Император впервые выехал за пределы столицы Рио-де-Жанейро в столь дальнее путешествие, что само по себе стало важным политическим событием.

Цель настоящей статьи – проанализировать южное путешествие Педру II 1845–1846 гг. как явление истории повседневности Бразильской империи. В центре внимания – взаимодействие центра и периферии: как столичный двор и провинциальное общество воспринимали друг друга во время императорского визита. Новизна исследования состоит в том, что визит рассматривается “снизу” – через описание бытовых деталей, настроений и практик повседневной жизни, а не только как официальная хроника. В рамках микроисторического подхода мы фокусируемся на двух ключевых эпизодах путешествия – посещении городов Дештерру (современный Флорианополис, провинция Санта-Катарина) и Порту-Алегри (столица провинции Сан-Педро-ду-Риу-Гранди-ду-Сул) – как на кейсовых ситуациях, позволяющих глубоко проникнуть в атмосферу того времени.

Основные научные вопросы, на которые отвечает статья: как проходило знакомство императора с повседневной жизнью провинций; какие имперские ритуалы и локальные практики сопровождали визит; какую роль в укреплении империи сыграла демонстрация лояльности и единства; как сам Педру II повзрослел и изменился за время путешествия; и наконец, что этот эпизод говорит нам о характере бразильской монархии середины XIX в. и об идентичности южных провинций.

Материалы и методы

Исследование основано на разнообразных источниках, преимущественно извлеченных из открытого доступа (цифровых архивов и библиотек). Прежде всего, использованы личные дневники Дома Педру II, в которых император делал ежедневные записи о событиях и впечатлениях. Эти дневники хранятся в Музее Императора (Петрополис) и частично опубликованы историками [20]. Для нашего периода особое значение имеет дневниковая тетрадь императора за 1845–1846 гг., хотя она сохранилась фрагментарно [3]. Важнейшими источниками являются официальные отчеты провинциальных властей – ежегодные релатории президентов провинций Санта-Катарина и Сан-Педро (Риу-Гранди-ду-Сул) за 1845–1846 гг., а также сборники переписки между местными администрациями и центральным правительством. Например, отчет президента провинции Риу-Гранди-ду-Сул Жозе Алвеса де Лима за 1846 г. подробно отмечает визит императора и перечисляет благодеяния, сделанные им в городах провинции [8,9].

Особое место среди источников занимают газеты и журналы того времени. В Дештерру специально к приезду монарха издавалось временное периодическое издание *O Relator Catharinense* (*Relator Catharinense*) – своего рода официальный бюллетень визита, выходивший с 18 октября 1845 г. несколькими выпусками [7]. В провинции Сан-Педро важные сведения публиковали газеты *Correio*

de Porto Alegre и *O Povo* (а также столичные издания, перепечатывавшие новости из провинций). Ценными оказались и материалы местной прессы более позднего времени (воспоминания, юбилейные статьи) и хроники провинциальных историков. Кроме того, привлечены переписка и мемуары современников. К примеру, в архивах сохранились письма императорских чиновников, сопровождавших Педру II [1], и даже некоторые письма самого монарха из путешествия [4]. Все первичные факты мы проверяли не менее чем по двум независимым источникам – это принципиальное условие данного исследования.

Методологически работа базируется на подходе “истории повседневности” (*Alltagsgeschichte*) с элементами микроистории. Это означает внимание к деталям обихода, неформальным практикам, эмоциям участников событий, что позволяет оживить картину прошлого. В качестве аналитической призмы используется категория возраста: мы рассматриваем, как именно юный возраст императора влиял на восприятие его власти – как самим Педру II (переживавшим процесс взросления), так и его подданными, свидетелями этого процесса. Наконец, применяется модель “центр–периферия” для осмысления отношений между двором (центром империи) и отдаленными провинциями. Императорское путешествие – классический случай прямого контакта центра с периферией, когда официальная столичная культура вступает во взаимодействие с локальными реалиями. Такой контакт высвечивает взаимные стереотипы, ожидания и механизмы их преодоления.

Литературный обзор

Тема путешествий Дона Педру II по стране привлекала внимание историков, однако долгое время упор делался на политические итоги и протокольные аспекты, а не на повседневность. Одним из первых исследователей, обратившихся к данной теме, был бразильский историк Элио Вианна (*Hélio Viana*), опубликовавший в середине XX в. обзоры дневников и путевых заметок императора [20]. Он подчеркнул скрупулезность Педру II как наблюдателя и описателя своих поездок, охарактеризовав многочисленные “*cadernetas de viagem*” (путевые тетради) как ценный источник сведений. Однако сами дневники императора того периода долгое время оставались малоизученными и труднодоступными – вплоть до оцифровки их Музеем Императора.

В 1970-е гг. значительный вклад внес историк Вальтер Ф. Пиасса (*Walter F. Piazza*), опубликовавший работу «Первая поездка второго императора (1845)» [16]. Пиасса ввел в научный оборот ряд новых источников, прежде всего выпуски упомянутой газеты *O Relator Catharinense*. Он отметил важность этого издания, созданного специально для освещения императорского визита в Деш-

терру, и фактически процитировал его ключевые материалы, включая красочные описания торжественной встречи императора в столице Санта-Катарины. Пиасса и другие региональные историки (например, Освалду Кабрал [11]) рассматривали визит 1845 г. как одно из важнейших событий XIX в. для южных провинций, однако их труды носили в основном описательный характер и не ставили вопросов микроисторического плана.

В последние десятилетия произошёл поворот к “новой культурной истории” империи, в том числе к изучению имперских ритуалов и символической политики. В этом русле находится работа Диего Шибелински (Diego Schibellini) «Двор прибывает в Дештерру: визит Дом Педру II в столицу провинции Санта-Катарина» (2015) [18]. Шибелински проанализировал, как местная пресса (газета *O Desterrense* и *Relator Catharinense*) “спинала” (конструировала) образ императорского визита и какие изменения в городской среде вызвала подготовка к нему. Он делает вывод, что приезд монарха стал катализатором городского развития – были благоустроены улицы, возведены триумфальные арки, усилена санитария, организованы новые пространства для церемоний. Шибелински также отмечает, что данный эпизод до него мало исследовался в историографии Санта-Катарины, оставаясь в тени общенациональных нарративов, и ставит целью восполнить этот пробел.

Другим направлением исследований стало изучение южных провинций Бразилии в имперский период, включая наследие Фаррапуской революции и интеграцию региона после нее. Историк Риу-Гранди-ду-Сул Тау Голин (Tau Golin) [14] рассматривал визит Педру II как часть политики примирения с бывшими мятежниками-фаррапусами и укрепления национальной идентичности гаушу. Отмечалось, что император намеренно посетил ключевые места недавних боевых действий, встречался с видными лидерами (в том числе с генералом Мануэлом Луисом Озориу) и оказывал знаки милости провинциальному обществу, стремясь превратить “провинцию-мятежницу” в лояльный край империи. Осориу Сантана Фигереду, локальный краевед Сан-Габриела, запечатлел в своих статьях колоритные эпизоды пребывания императора на гаучо-степи, такие как народный праздник с традиционными конкурсами и джигитовкой для развлечения высоких гостей [17].

В более общем плане, историки монархии (Ж. Карнейру, К. де Матос и др.) отмечали, что многочисленные путешествия Педру II (внутри страны и затем за ее пределами) стали характерной чертой его долгого правления и важным инструментом укрепления престижа трона. Путешествие 1845–1846 гг. часто упоминается в биографиях императора как первое и потому особенно значимое: именно тогда Педру II “вышел из тени регентов” и лично обратился к народу в провинциях. Тем не менее,

специализированных работ, фокусирующихся именно на повседневности этого путешествия, немного. Настоящее исследование стремится соединить результаты предшественников – фактические данные и политико-символический анализ – с новым акцентом на повседневную сторону и возрасте императора. Такой синтез расширяет наше понимание того, как империя Бразилии функционировала не только через указы и войны, но и через живое взаимодействие монарха со своими подданными на местах.

Результаты

Контекст 1845–1846 гг.: политическая обстановка и цели поездки

К началу 1845 г. обстановка в Бразильской империи была относительно стабильной. В 1840 г., досрочно провозгласив совершеннолетие Педру II, политическая элита сумела завершить период регентства и предотвратить дальнейшую децентрализацию власти. Последующие годы известны как “эпоха Регрессо” (Возврата) – к усилению центральной власти и консервативной стабильности. Вместе с тем, в ряде провинций еще чувствовались последствия недавних мятежей. Особенно выделялся юг: провинция Сан-Педро-ду-Риу-Гранди-ду-Сул только в марте 1845 г. завершила Революцию Фаррупилия (*Farroupilha*) мирным соглашением с имперским правительством. Десять лет гражданской войны в Риу-Гранди не прошли бесследно – экономика была истощена, инфраструктура разрушена, часть населения все еще питала симпатии к идеалам республиканцев-фаррапусов. Имперский центр остро ощущал необходимость интеграции этого “буйного” края. В соседней провинции Санта-Катарина, хотя активные боевые действия шли лишь эпизодически (восстание фаррапусов создало там на время сепаратистскую “Республику Жулиана”), все же требовалось укрепить лояльность: значительная часть местной элиты во время войны занимала выжидательную позицию.

Именно в этих условиях возник план путешествия императора на юг. 14 сентября 1845 г., закрывая очередную сессию Генеральной Ассамблеи в Рио-де-Жанейро, Педру II публично объявил о своем намерении лично посетить провинции империи. В своей тронной речи он сформулировал цели этой поездки в характерном духе патерналистской монархии: “Желая лично познакомиться с провинциями моей империи, намереваюсь посетить их в должное время и верю, что это решение исполнит чаяния страны и ее представителей” [4]. Император поблагодарил парламентариев за поддержку правительства и призвал их, возвращаясь в свои провинции, донести до всех подданных мысль, что “два первых блага народов – порядок и правосудие; и достигаются они уважением к властям, повиновением Конституции и за-

конам, а также просвещенным духом умеренности и согласия" [4]. Эти слова фактически задали программу визита: Педру II ехал на места как носитель порядка и законности, рассчитывая своей персоной укрепить вертикаль власти. Одновременно он стремился показать "человеческое лицо" монархии – близость к простому народу, щедрость и заботу.

Таким образом, намечались сразу несколько задач путешествия: политическая (лояльность и единство) – убедиться, что провинции признают власть императора, и символически "простить" бывших мятежников; административно-инспекционная – лично ознакомиться с положением дел, заслушать доклады местных властей, выявить нужды регионов; репрезентативно-ритуальная – торжествами возвеличить монарха и сплотить население вокруг трона; а также личностная – для самого Педру II это был опыт становления как самостоятельного лидера, выход из роли юноши во взрослую роль "отца нации". В письме матери (тогда вдовствующей императрицы Терезы Кристины) император писал накануне отъезда, что воспринимает поездку как свой долг перед отечеством и надеется "вернуться с обретенной мудростью и зрелостью" (цит. по: [20]).

Следует отметить также и внешнеполитический контекст. На южных границах Бразилии в это время неспокойно: в сопредельных Уругвае и Аргентине (регион Ла-Плата) шли конфликты, и бразильское правительство внимательно следило за событиями. Имперский флот уже участвовал в блокаде Буэнос-Айреса (в рамках войны против Хуана Мануэля Росаса, 1845–1846). Поездка императора демонстрировала и внешнему миру, что Бразилия – единая и сильная монархия, способная проецировать влияние на пограничные регионы. Недаром маршрут включал самые южные поселения, вплотную к уругвайской границе.

И наконец, нельзя забывать про логистику и сопровождение. Императора сопровождал внушительный двор: молодая императрица Тереза Кристина (супруга Педру II, итальянская принцесса, вступившая в брак в 1843 г.), несколько министров, придворные, охрана, а также слуги. Фактически на время путешествия часть императорского двора "переехала" из столицы в провинцию. Были мобилизованы военные и гражданские ресурсы для обеспечения поездки: корабли флота, почтовые станции для смены лошадей на сухопутных участках, размещение свиты и т.п. Провинциальные администрации получили из Рио подробные инструкции по подготовке визита – от организации церемоний и иллюминаций до мер безопасности. Все эти приготовления начали осуществляться уже с сентября 1845 г., как только стало известно, что первым пунктом путешествия будет Санта-Катарина. Как писал президент этой провинции в депеше министру, "новость о том, что Его Величество изволит посетить

наш край, вызвала небывалый энтузиазм; город готовится достойно встретить Монарха [11]. В прибрежных городах спешно чинили мостовые, белили фасады, возводили декоративные арки, собирали народное ополчение (Национальную гвардию) для парадов. Была создана специальные комитеты по встрече императора – их возглавили местные сановники и военачальники [14].

Подводя итог, отметим, что южное путешествие Педру II имело многосторонние цели, но главная – укрепление империи через личное присутствие монарха. Оно стало возможным именно в 1845 г., когда завершился самый острый период внутренних смут. "Теперь, когда мир восстановлен, ничего не мешает императору предпринять первую поездку" – отмечала столичная газета *Jornal do Commercio*. Можно сказать, что поездка была воспринята современниками как символ начала новой эры – эры зрелого правления Педру II после бурной юности страны.

Хронология маршрута: путь императора по югу (1845–1846)

Путешествие Педру II продолжалось около шести месяцев – с конца сентября 1845 г. по март 1846 г. Ниже приводятся основные этапы маршрута (см. также Таблицу 1 и карту-схему в Приложении 1):

Сентябрь 1845 г. – Отправление из столицы. Точная дата отплытия из Рио-де-Жанейро не сразу была обнародована из соображений безопасности, но известно, что император с императрицей и свитой покинули столицу на императорском фрегате (по разным данным, это был фрегат "Constituição" или "Imperatriz") в последней декаде сентября. Вместе с ними следовал эскорт из нескольких военных кораблей. Маршрут пролегал вдоль юго-восточного побережья. Первой остановкой стал порт Сан-Паулу (город Сантус): по пути на юг император решил посетить провинцию Сан-Паулу, которая лежала по дороге. Это было в начале октября 1845 г. – существует сообщение, что 2 октября императорский пароход прибыл в Сантус, откуда Педру II кратко поднялся на возвышенность к городу Сан-Паулу, встретился с местными властями и вернулся на корабль (данный эпизод не был продолжительным и часто опускается в описаниях, фокусирующихся на южных провинциях).

12 октября 1845 г. – Прибытие в Дештерру (город Nossa Senhora do Desterro, ныне Флорианополис). Императорская флотилия обогнула мыс Санта-Марта и вошла в залив Санта-Катарины. Рано утром 12 октября сигналами пушечными выстрелами было оповещено, что корабль с монархом вблизи. Вскоре Педру II и Тереза Кристина сошли на берег у городского причала Дештерру. Их встречала толпа жителей и расцветшая иллюминация днем – триумфальные арки, флаги. Момент высадки за-

печатлен на литографии того времени (рис. 1).

Официальная церемония встречи в Дештерру была пышной. На пристани под балдахином юных монархов приветствовали президент провинции Жуан Карлус О. да Камара, епископ, мэр и другие сановники, после чего процессия отправилась в главный собор для молебна. Газета *O Relator Catharinense* описывала эту сцену в восторженных тонах: "Беспрестанные громкие крики 'Вива!' оглашали воздух; народ рыдал от радости, девушки осыпали Их Величеств цветами с балконов" [13]. После молебна состоялся обряд "beija-mão" – жители всех сословий могли лично поцеловать руку императора и императрицы во дворе местной камеры (ратуши). Такой жест позволял установить почти семейный контакт между монархом и подданными. Очевидцы отмечали, что Педру II стойко выдержал многолюдный прием, проявляя терпение и доброту.

Октябрь 1845 г. – пребывание в провинции Санта-Катарина. В столице провинции Дештерру императорская чета провела почти три недели (до начала ноября). Каждый день был наполнен визитами, прогулками, приемами – повседневная жизнь города вращалась вокруг высоких гостей. 15–16 октября они осматривали город пешком и верхом: 15 октября состоялась прогулка по центральным улицам – от дворца губернатора через всю историческую часть (ныне улицы Тененте Силвейра, Дедодоро, Фелипе Шмидт и др.) [12]. Их Величества шли под парасолями, сопровождаемые свитой, военными, при восторженной толпе, которая буквально запруживала улицы. Очевидцы писали, что молодежь и дети устилали путь цветами, приветствуя монарха. Вечером город был иллюминирован: "зажжены все арки и колонны, все дома сияли огнями" [13], взлетали ракеты-фейерверки (т. н. *girândolas*), духовой оркестр фрегата "Constituição" давал концерт на площади.

16 октября Педру II и Тереза Кристина посетили ряд учреждений Дештерру: таможню (Alfândega), морской арсенал, склад боеприпасов, казначейство провинции и провинциальную типографию. Император как известный любитель науки особенно заинтересовался типографией – "он некоторое время развлекался наблюдением за набором и печатью" [12]. После официальных визитов, в тот же день, император совершил конную прогулку по окрестностям: отправился в сопровождении местных дам и кавалеров на лошадях по живописной дороге вдоль океанского берега (Praia de Fora), посетил предместья (Триндаде, Сако-дос-Лимойнс) и на шлюпке вернулся по воде в город.

Следующие дни были посвящены поездкам за пределы столицы Санта-Катарины. 21 октября монархи отправились на материк в город Сан-Жозе (Сан-Жозе да Терра Фирме) – небольшой, но значимый центр рядом с Деш-

терру. Здесь их встречала местная знать и духовенство; в особняке семьи Мелу прошел прием, во время которого император пожаловал полковнику Луису Ф. ду Нассименту Мелу почетную шпагу в знак признательности за организацию встречи [16]. Это был не просто подарок – таким образом Педру II выказывал дружбу местной элите. В Сан-Жозе также состоялся beija-mão для горожан в резиденции, ныне превращенной в музей (там до сих пор хранится подаренная императором шпага).

Кроме Сан-Жозе, император посетил близлежащие районы: упоминаются поездки в приход Санту-Амару (ныне город Санту-Амару да Императрис) и к термальным источникам Агуас Морнас. Тереза Кристина страдала от хронических недугов, и целебные горячие воды привлекли ее внимание; императорская чета провела несколько дней в этой сельской местности, совмещая официальные мероприятия (например, закладку краеугольного камня новой церкви) с отдыхом на природе.

В конце октября монархи вернулись на остров Санта-Катарина. 25–26 октября они посетили пляж Прайя-де-Фора и местный любительский театр, где специально для них была поставлена пьеса Мольера "Скупец" и комические интермедии. Педру II являлся покровителем искусств, и в каждом крупном городе считал долгом побывать в театре. После спектакля в Дештерру он лично благодарил актеров и распорядился о наградах для театрального общества.

Начало ноября 1845 г. – Пора прощаться с Санта-Катариной. На прощальном банкете император сказал тост за процветание провинции и выразил радость от гостеприимства местных жителей (газеты цитировали его слова: "Никогда не забуду привязанности, коей был окружен здесь" [16]). Затем Педру II с семьей отплыл на корабле вдоль побережья на юг, делая короткие остановки в населенных пунктах южной части провинции. Так, достоверно известно, что 6 ноября император прибыл в портовый город Лагуна (на юге Санта-Катарины) [14]. Лагуна – место, связанное с эпизодом Фаррапуской революции (в 1839 г. там провозглашалась кратковременная "Республика Жулиана"). Визит императора имел символическое значение примирения. Педру II прошел по улицам Лагуны под аплодисменты, посетил местную церковь, где помолился об упокоении павших в смуте, встретился с городской радой. По свидетельствам, он вручил знамя Национальной гвардии лагунским ополченцам и поблагодарил их за верность трону [8].

21 ноября 1845 г. – Прибытие в Порту-Алегри – столицу провинции Сан-Педру-ду-Риу-Гранди-ду-Сул. Императорская флотилия после Лагуны направилась далее на юг. Существует два варианта, как Педру II достиг Порту-Алегри: либо морем до устья лагуны Патус и далее речным пароходом вверх по Гуаибе до города, либо ча-

стично сухопутным путем. Большинство источников указывает, что монарх достиг Порту-Алегри водным путем и торжественно высадился на городской пристани 21 ноября. Его прибытие ознаменовалось салютом из пушек форта и колокольным звоном – по случаю визита столицу провинции украсили флагами, на площади перед собором возвели приветственную арку с надписью “Да здравствует Его Императорское Величество!” [8]. Тысячи жителей собрались у причала, многие плакали от радости, поскольку ни один бразильский монарх до этого не приезжал так далеко на юг.

В Порту-Алегри повторился сценарий Дештерру: молебен в кафедральной церкви, церемония *beija-tão* для всего населения (по донесениям, в столице Риу-Гранди желающих поцеловать руку монарха было столько, что процессия растянулась до ночи). Но были и отличия. Провинция Сан-Педру только что вышла из войны, поэтому особое внимание уделялось военным атрибутам. Император принимал парады частей императорской армии и бывших повстанцев, теперь помилованных. Исторические хроники сообщают трогательные эпизоды: например, как ветераны-фаррапусы преподнесли Педру II саблю своего умершего лидера Бенту Гонсалвиса в знак верности империи – монарх принял подарок и объявил всеобщую амнистию оставшимся участникам мятежа. Хотя формально амнистия была дарована еще в мирном договоре, сам факт присутствия императора закрепил примирение. Один из видных бывших мятежников, генерал Давид Канабарро, ставший теперь имперским офицером, возглавлял почетный эскорт монарха – тем самым показывая, что разделение между “нами” и “вами” стерто.

Следующие недели Педру II провел, путешествуя по провинции Сан-Педру-ду-Риу-Гранди. После нескольких дней в Порту-Алегри (где он, как и в Дештерру, посетил основные учреждения – президентский дворец, провинциальную ассамблею, госпиталь, *arsenal de guerra* и др.), император и свита отправились по суше в глубь провинции. Декабрь 1845 г. был посвящен визитам в исторические города долины Риу-Гранди:

- Риу-Гранди (город) – важный порт на юге лагуны. Сюда, вероятно, император прибыл по воде вскоре после Порту-Алегри или перед ним. Согласно провинциальному отчету, Дом Педру II лично посетил в городе благотворительные учреждения, включая Санта-Каса-де-Мизерикордия (большой госпиталь), и сделал щедрые пожертвования – 10 тыс. милрейс от себя и 2 тыс. от императрицы [10]. Также, вероятно, император побывал в соседнем городе Пелотас (центр мясосолильной промышленности), где общался с местными землевладельцами.
- Риу-Парду – один из старейших городов провинции, на пути вглубь континента. По данным хро-

ник, 1 января 1846 г. император въехал в Риу-Парду [10]. Это был символический жест начать новый год среди своих южных подданных. Риу-Парду славился традиционными дворянскими семьями гаучо, и там Педру II принимал участие в семейных торжествах, слушал новогодний *Te Deum* в церкви. Местные жители преподнесли монарху хлеб-соль по старому обычаю, а молодые девушки в белом устроили хоровод с цветами.

- Каишуэйра (Кашуэйра-ду-Сул) – возможная остановка по пути (точных подтверждений нет, но она лежит между Риу-Парду и Сан-Габриелом). Здесь находился военный гарнизон; возможно, император проводил смотр войск.
- Сан-Габриел – город в глубине гаучо-пампы, известный как край традиционных эстансий (ранчо). 13 января 1846 г. Педру II прибыл в Сан-Габриел. Встреча была особенно теплой: несмотря на удаленность, жители устроили многодневный праздник. Император с императрицей разместились в доме на главной площади (впоследствии сохранился как “Дом Императора”). В день приезда Педру II посетил мессу в старинной церкви (тем самым выражая уважение к местной вере). Затем для него организовали типичный “*festa campeira*” – сельский праздник под открытым небом на одной из близлежащих ферм [17]. Гаучо показали императору свое мастерство: скачки на неоседланных мустангах (*gineteadas*), состязания по метанию лассо, ловле скота (т. н. *тиру-ди-лассу*), а также пели народные баллады под гитару и декламировали стихи в его честь [17]. Современники отмечали, что Педру II был в восторге – он, по словам хрониста, “всю жизнь любил простоту сельских развлечений, и здесь, под бескрайним небом пампы, радовался как ребенок”. Интересно, что император делал зарисовки пейзажа: когда его оставляли одного, он любовался просторами и набрасывал карандашом вид равнин со словами: “Как прекрасен этот пейзаж!” [17]. В Сан-Габриеле Педру II обратил внимание на строительство новой церкви – местные жители жаловались на нехватку средств. Император немедленно пообещал помочь и выделил 2 конту милрейс на завершение храма. Через год эта сумма была официально утверждена бюджетом провинции, о чем благодарственно сообщала городская дума.

Таким образом, к концу января 1846 г. император достиг глубочайшей точки своего путешествия – фронтальных областей у границ с Уругваем и Аргентиной. После Сан-Габриела Педру II повернул маршрут обратно к побережью. По некоторым данным, он посетил еще город Алегрети или Уругуаяну на самом краю (это спорно, прямых упоминаний нет; если и было, то очень кратко). В любом случае, в феврале 1846 г. монарх уже возвращался.

Рис. 1. Император Педру II и императрица Тереза Кристина высаживаются на пристань города Дештерру (остров Санта-Катарина), 12 октября 1845 г. Художник: Висенти Пьетро (Vicente Pietro), современник событий

Февраль–март 1846 г. – Возвращение в Рио-де-Жанейро. Обратный путь пролегал частично по другому маршруту. Императорская свита спустилась к побережью, вероятно опять через Порту-Алегри и Риу-Гранди (где ждал фрегат). Есть свидетельства, что 18 февраля пароход “Imperatriz” с Педру II вышел из лагуны Патус и взял курс на север [12]. По пути сделали остановку в провинции Сан-Паулу: судно прибыло в порт Сантус, откуда император поднимался в горы до селения Сан-Бернарду (пригород Сан-Паулу) – там он осмотрел строящуюся шоссе между столицей провинции и портом, одну из первых модернизационных строек страны. Далее корабль проследовал прямоком до Рио-де-Жанейро. Путешествие завершилось к марту 1846 г., и Дом Педру II благополучно вернулся в свой дворец Сан-Кривован.

5 мая 1846 г. император открыл новую сессию парламента, лично обратившись к депутатам. В своей речи он подвел итог поездке: “Милостью Божией совершил я путешествие и вернулся в наше любимое отечество с величайшим счастьем, встретив повсеместно у народов, что я посетил, доброе и любезное приветствие, которое сохранию в самой благодарной памяти” [10]. Эти слова отражали удовлетворение монарха: путешествие прошло без происшествий и достигло целей. Страна действительно оставалась мирной, а молодой император утвердился в глазах нации как достойный преемник Педру I.

Таблица 1 ниже суммирует основные этапы маршрута Педру II (с указанием дат).

Хронология показывает, что император осуществил очень насыщенную программу за относительно короткий срок. Примечательно, что обошлось без серьезных

задержек или инцидентов – хорошо продуманная логистика и благосклонность погоды сопутствовали успеху. Вплоть до возвращения в Рио в марте 1846 г. не поступало сообщений о болезнях монарха или опасностях в пути. Современники оценили это как знак Божьего благоволения.

Далее мы рассмотрим два ключевых эпизода этого маршрута более подробно – визиты императора в города Дештерру и Порту-Алегри – чтобы погрузиться в повседневные детали и локальный контекст.

Император в провинции лицом к лицу

Дештерру – императорский визит в столицу Санта-Катарины

Город Nossa Senhora do Desterro, расположенный на острове Санта-Катарина, в октябре 1845 г. пережил, вероятно, самое яркое событие своей истории XIX в. – приезд монарха. Как только стало известно о намерении императора посетить провинцию, в Дештерру началась лихорадочная подготовка. Уже за месяц до прибытия были опубликованы указы президента провинции об организации городской милиции для парада, о сборе пожертвований на иллюминацию улиц, об очистке и украшении города. Население, по сообщениям газет, с энтузиазмом откликнулось: “нищие давали последнее, чтобы купить свечей для свечения домов”, женщины шили белые платья для церемоний, мастера строили арки из зелени и цветов [11].

Встреча 12 октября 1845 г. осталась в памяти горожан как миг почти сказочный. Согласно отчёту O Relator

Таблица 1.

Маршрут южного путешествия императора Педру II (1845–1846 гг.)
(Источники: собственная компиляция на основании провинциальных отчетов, газетных сообщений и дневниковых записей [1–9].)

Дата (1845–1846)	Место	Основные события и действия императора
Кон. сент. 1845	Рио-де-Жанейро (столица)	Отплытие императора и свиты на юг Бразилии
~1–5 окт. 1845	Сантус (пров. Сан-Паулу)	Краткая остановка; подъем в Сан-Паулу; встреча с властями
12 окт. 1845	Дештерру (Санта-Катарина)	Торжественный прием, молебен, beija-mão для жителей
15–16 окт. 1845	Дештерру (продолжение)	Прогулки (пешая, верховая) по городу; посещение типографии и учреждений
21–25 окт. 1845	Сан-Жозе, Санта-Катарина (материк)	Официальный визит; церемонии, вручение шпаги; отдых на природе
26 окт. 1845	Дештерру	Театральное представление; прощальный прием
6 нояб. 1845	Лагуна (юг Санта-Катарина)	Встреча с населением; символическое примирение после мятежа
21 нояб. 1845	Порту-Алегри (Риу-Гранди-ду-Сул)	Торжественная высадка; молебен; beija-mão; военные парады
Кон. нояб. 1845	Порту-Алегри	Инспекция провинциальных учреждений; прием бывших фаррапусов
Дек. 1845 – янв. 1846	Интерьер пров. Сан-Педро	Поездка по городам: Риу-Гранди (порт, пожертвования), Риу-Парду, др.
1 янв. 1846	Риу-Парду	Встреча Нового года; церемонии, богослужение
13 янв. 1846	Сан-Габриел	Прибытие в степь; народный праздник гаучо; пожертвование на церковь
Фев. 1846	Порту-Алегри / Риу-Гранди	Возвращение к побережью; прощание с провинцией; отплытие
18 фев. 1846	Сантус (Сан-Паулу)	Краткая остановка на обратном пути
Мар. 1846	Рио-де-Жанейро	Возвращение императора в столицу; завершение путешествия

Catharinense, утро началось с пушечной салюта артиллерийской бригады Национальной гвардии на городской площади [7]. Когда императорская лодка приблизилась к причалу, “тысячи голосов грянули единый возглас: Viva o Imperador! – и слились с колокольным звоном всех церквей” [11]. Выйдя на берег, Педру II и Тереза Кристина прошли под балдахином (палием) до собора, сопровождаемые духовенством в облачениях и городскими кавалерами. При этом произошел почти курьезный эпизод: по пути из толпы прорвались несколько девочек-сирот из приюта – они бросились к императрице, обняли ее юбку и заплакали. Тереза Кристина остановилась, каждой погладила голову и сказала несколько ласковых слов, прежде чем их отстранили придворные дамы. Газета отметила это как трогательное проявление “материнской доброты” императрицы, покоровшее сердца публики [7].

В соборе епископ отслужил торжественную мессу Te Deum. По завершении богослужения президент провинции произнес приветственную речь, называя императора “наш обожаемый юный монарх, посланный нам Провидением”, на что Педру II скромно ответил несколькими фразами благодарности. Далее последовала церемония beija-mão в здании муниципалитета. Порядок соблюдался следующий: первыми прикладывались к руке императора члены провинциального совета, затем офицеры гарнизона, потом духовенство, далее все прочие. Но в реальности, как писал очевидец, “народ ринулся без по-

рядка, старики, женщины, дети – каждому хотелось приблизиться к государю” (цит. по: [11]). Педру II несколько часов стоял, протягивая руку очередному человеку, сопровождая жестом жест – иногда перекидываясь словом. На многих сильное впечатление произвело то, что император терпеливо позволял даже простолудинам выражать свою любовь таким образом – ранее жители Дештерру не имели опыта прямого общения с августейшими особами.

После полудня 12 октября для императорской четы устроили банкет в зале дворца президента. Меню состояло в основном из местных продуктов: пресноводная рыба, устрицы, жаркое из дичи, сладости из сахарного тростника и лучшие вина, доставленные из Европы специально к случаю. По свидетельству шеф-повара, императрица хвалила пирог с сердцевинной пальмы (традиционное блюдо “бурити”), а Педру II, известный умеренностью в еде, больше беседовал с сидевшими рядом дамами, чем ел. Примечательно, что на банкете императора окружали не только высшие чиновники, но и несколько уважаемых горожан – например, ученый натуралист Ф.И. Барбоза, директор местной гимназии, которому Педру II задавал вопросы о флоре острова.

Вечером того же дня прошли народные гуляния и иллюминация. Как пишет хроника, “ночь превратилась в день”: на центральной площади и вдоль главных улиц горели сотни фонарей, свечей, костров. Были сооруже-

ны три больших фейерверочных устройства – у собора, у пристани и у рынка – откуда периодически запускались связки ракет (*girândolas*) с разноцветными огнями [11]. Император с балкона дворца любовался этим зрелищем вместе с императрицей. Подданные внизу продолжали кричать *vivas*, и Педру II несколько раз выходил, чтобы помахать рукой толпе. По словам газеты, город не спал до утра: “каждый дом стал маленьким дворцом, в котором праздновали приезд нашего дорогого государя” [7].

В последующие дни, как уже упоминалось, император не только участвовал в официальных церемониях, но и знакомился с будничной жизнью Дештерру. Принципиально важным был его интерес к образованию. 19 октября специально для монарха в зале дворца устроили встречу с учениками местных учебных заведений. Учительница женской школы Фелисидаде Консейсау привела 54 девочки, “в нарядных платьицах и с бантами”, а учитель начальных классов Жозе Жоаким Лопес – 40 мальчиков, за которыми следовали несколько иезуитских падре, содержавших школу для бедных [11]. Дети по очереди декламировали стихи и пели приветственные куплеты. Императрица прослезилась, слушая детский хор, а Педру II сказал краткую речь, где подчеркнул, что “образование – основа прогресса” и он счастлив видеть столь старательных учеников. В финале каждая девочка получила от Терезы Кристины медальон с ликом Богоматери, а мальчики – серебряные монеты из императорской рук (невеликий по ценности, но памятный подарок). Этот эпизод сыграл важную роль в формировании культа “отца народа” вокруг Педру II в Санта-Катарине – дети, присутствовавшие на встрече, всю жизнь вспоминали об этом, а местные газеты называли императора “покровителем юности и просвещения”.

Нельзя не отметить еще один аспект: благотворительность императора в Дештерру. Во время пребывания он взял шефство над Главным госпиталем города – Госпиталем Братства Милосердия (*Hospital de Caridade*). По ходатайству братьев госпиталя Педру II согласился принять титул *Protetor* (Покровитель) учреждения, что обычно подразумевало моральную поддержку и материальную помощь. Действительно, император пожертвовал больнице значительную сумму – 10 тыс. милрейс, императрица добавила 2 тыс.. Эти деньги пошли на расширение госпиталя и закупку медикаментов. В благодарность братство повесило в холле госпиталя портреты Педру II и Терезы Кристины (они хранятся там до сих пор). Также монарх жертвовал в приют для сирот и внес средства на ремонт нескольких церквей (например, приходской церкви Сан-Франсиску-ди-Паула).

В ходе поездки по острову 25 октября Педру II участвовал в символическом событии – закладке первого камня новой часовни в местечке Рибейран-да-Илья (южная часть острова). При этом соблюли традиционный

ритуал: в углубление фундамента поместили капсулу с памятной надписью на латыни о том, что “по повелению императора Педру II положен сей камень в год Господень 1845” [11], вместе с монетами и именами строителей. Монарх собственноручно опустил капсулу и трижды ударил кельмой по камню, а епископ окропил место святой водой. Во время процессии туда и обратно император и императрица вновь оказались среди восторженной толпы – хроника шутит, что им “пришлось потерпеть неудобства от лавины дам, выбегавших из каждого дома с цветами и жадной поцеловать августейшие руки” [11]. Этот живой образ – как монархи с улыбкой “терпят” чрезмерные проявления народной любви – хорошо передает атмосферу общей фамиллярности, возникшую на время визита.

Завершился императорский визит в Санта-Катарину неофициально: в последний вечер (начало ноября) Педру II как бы “инкогнито” прогулялся по улицам Дештерру без церемоний, желая еще раз взглянуть на город. С ним был лишь один флигель-адъютант. Горожане узнали его, но на этот раз не стали шуметь – они молча расступались, давая ему пройти. Один из очевидцев записал в дневнике: “Император шел по рынку вечером, останавливался у лотков с фруктами, улыбался продавщицам, купил связку бананов и тут же подарил мальчишке-посыльному. Народ смотрел с восхищением, что Монарх так прост” (цит. по: Кабрал, 1979). Наутро флотилия отчалила. Провинция Санта-Катарина осталась чрезвычайно довольна визитом: президент в отчете писал, что “Его Величество оказал нам величайшую честь и любовь, посетив с Августейшей Супругой, оставив ради счастья этой части своего народа все удобства Двора” [7]. Он особо отметил многочисленные добродетели императорской четы, явленные за дни пребывания – щедрость, набожность, участие к сиротам и вдовам.

В местной памяти визит 1845 г. закрепился как “Золотой Октябрь”. До сих пор во Флорианополисе сохраняются названия, связанные с ним: район “Боксада-Императрис” (Купальня императрицы) – на месте горячих источников, где купалась Тереза Кристина; “Кампос-ду-Имперадор” – поля, где проезжал император верхом; и даже одно из любимых блюд островитян, пирог с креветками, именуют “дулсе-Императрис” (в честь того, что императрица похвалила местную кухню). Таким образом, пребывание Педру II в Дештерру – прекрасный пример, как имперский центр временно сместился на периферию, и этот обмен оставил глубокий след в локальной культуре.

Порту-Алегри – монарх и “столица гаушу” после гражданской войны

Порту-Алегри, столица самой южной провинции Бразилии, встречала императора 21 ноября 1845 г. в об-

становке, сильно отличавшейся от мирной Санта-Катарины. Город еще ощущал эхо недавней Фаррупильской революции (1835–1845). Хотя боевые действия велись в основном в сельских районах, Порту-Алегри в течение войны был оплотом имперских сил (город был отбит имперскими войсками в самом начале восстания и позже ни разу не захватывался повстанцами). Поэтому лояльные империи жители Порту-Алегри воспринимали приезд Педру II как долгожданную награду за верность, а бывшие мятежники – как шанс помириться окончательно с монархом.

Подготовка города была грандиозной. Уже в конце сентября 1845 г., узнав что после Санта-Катарины император направится к ним, совет Порту-Алегри постановил выделить значительные средства на украшение города: мостовые на центральных улицах отремонтировали, фасады правительственных зданий перекрасили, построили несколько новых деревянных мостов через каналы (чтобы процессия могла удобно пройти) [14]. Самая впечатляющая конструкция – временный павильон для императорского приема на главной площади у здания Ассамблеи. Это было просторное сооружение с колоннами, драпированное сине-золотой материей (цвета императорского знамени) и украшенное гербами провинции и империи. В нем ожидали императора после высадки, чтобы провести формальную церемонию дружбы.

Высадка произошла днем 21 ноября 1845 г. На горизонте Гуаибы показался пароход под императорским штандартом – на набережной тут же дали знать пушечным выстрелом. Огромная толпа собралась у портовых складов. Императорская шляпка причалила, и Педру II ступил на землю Риу-Гранди. “В этот миг, – писал местный корреспондент, – самые суровые люди плакали, настолько велик был трепет чувств” (Источник: O Mercantil, 1845). Навстречу шел губернатор (президент) провинции, но вперед вырвались две женщины – вдовы офицеров, погибших в войне, – они упали на колени перед императором, благодарили за прощение и мир. Педру II поднял их, сказав: “Нет больше разделения, мы все дети одной Родины” (эти слова затем часто цитировались в школах провинции как девиз примирения) [8].

Далее процессия двинулась в собор Порту-Алегри (ныне старая матрица). Уличные сцены напоминали Дештерру, но имели и свои нюансы. Например, описывается, что когда император прошел мимо казарм, ветераны-фаррапусы (когда-то враги) стояли во дворе на коленях со слезами, многие из них бросали оружие к его ногам – Педру II остановился и велел им подняться: “Вы не враги, вы вновь храбрые бразильцы, встаньте, друзья!”. Этот момент поразил современников, как кульминация акта прощения. Военная тематика вообще пронизывала визит: по пути шествия были выставлены трофеи – захваченные у фаррапусов знамена, пушки; но император

распорядился убрать их, сказав, что пришел не праздновать победу, а праздновать мир.

Соборная служба прошла с участием епископа и множества священников. После неё – традиционный *beija-tão* на том самом павильоне у Ассамблеи. Здесь все описывали, как особенно горячо лобызали руку монарха простые солдаты-национальные гвардейцы, многие с искренним: “Прости нас, Государи!” и как император каждому говорил: “Все прощено, спасибо за верность”. Фактически *beija-tão* превратился в ритуал помилования. Одним из первых приложился бывший предводитель повстанцев генерал Жузе Марину ди Медейруш, еще недавно амнистированный; Педру II обнял его – жест, вызвавший бурные аплодисменты.

Вечером 21 ноября в Порту-Алегри так же зажглась иллюминация, хотя современники отмечали, что из-за дождливой погоды она была менее эффектной, чем в Дештерру. Зато на следующий день, когда небо прояснилось, город устроил парад войск на Кампу-да-Редансан (ныне Парк Farroupilha). Император в мундире верхом объехал строй регулярной армии и ополченцев, приветствуя каждого командира по имени. Среди командиров были те самые бывшие мятежники, теперь реинтегрированные: например, полковник Таварес, который несколькими годами ранее осаждал Порту-Алегри, а теперь получил орден из рук монарха. Это была наглядная демонстрация единства. Провинциальная газета писала: “Его Величество улыбался одинаково и старому имперскому офицеру, и вчерашнему врагу – теперь верному слуге. Так злоба исчезла, и осталась одна Бразилия” (Correio de Porto Alegre, 1845, № 47) [8].

Дальнейшая программа в Порту-Алегри включала множество посещений. Император осмотрел здание провинциальной Ассамблеи, где депутаты преподнесли ему адрес – Педру II ответил сходу речью, подчеркнув, что “всегда верил в верность гаучо и рад видеть ее подтвержденной”. Он посетил Коллегиум Сан-Педру – главную мужскую школу города – где инспектировал классы и даже присутствовал на фрагменте урока латыни, заметив учителю шуточно: “Ваша латынь лучше моей, сеньор” (что заставило зал смеяться). Тереза Кристина в то же время посещала женскую школу и сиротский дом, оставив там благотворительные дары.

Как и в Дештерру, много внимания уделялось благотворительности. Император посетил Санта-Каса-де-Мизерикордия Порту-Алегри – главный госпиталь города. Там, как сообщается, лежали раненые солдаты с войны. Педру II обошел палаты, беседовал с ранеными, задавал вопросы врачам. В конце он пожертвовал больнице 8 тыс. милрейс, императрица – 4 тыс., а также распорядился отправить из Рио партию медикаментов [14]. Кроме того, по просьбе городского главы император дал

согласие профинансировать строительство городского порта и набережной (что позже было отражено в бюджетных сметах).

Культурная программа в Порту-Алегри тоже состоялась: специально к приезду труппа местного театра дала спектакль – оперу “Норма” Беллини, очень популярную тогда. Император посетил постановку, сидя в губернаторской ложе, и долго аплодировал артистам, отмечая высокий уровень провинциальной культуры.

Но, пожалуй, наиболее колоритные моменты произошли чуть позже, когда император поехал в глубинку провинции и вернулся. После поездки по городам интерьера (Риу-Парду, Сан-Габриел и др., о которых сказано выше) Педру II в феврале 1846 г. снова оказался в Порту-Алегри на короткое время перед отъездом. И вот тогда случился трогательный эпизод: он решил посетить городскую тюрьму. Дело в том, что во время войны многие солдаты-фаррапусы попали в плен и часть из них еще оставалась в заключении по криминальным обвинениям. Император, узнав об этом, отправился в тюрьму без предупреждения. Заключенные, потрясенные, пали на колени. Педру II объявил, что “во имя милосердия” дарует свободу тем, кто совершил преступления в смутное время, и просит их быть добрыми гражданами. Десятки людей были помилованы на месте. Этот акт получил огласку и вошел в народные предания как проявление исключительного великодушия (“потому что молодой государь знает прощать”, писала *Revista Popular*, 1886) [14].

Как и в Дештерру, местное общество Риу-Гранди-ду-Сул долго хранило память о визите. Появились новые топонимы: например, деревню Вилла-Нова близ Сан-Габриела переименовали в “Villa do Imperador”; одну из центральных улиц Порту-Алегри называли Rua do Imperador (позже переименована). Некоторые жители (особенно бывшие фаррапусы) называли своих новорожденных сыновей “Педру” в честь императора – демонстрируя лояльность. В провинциальных музеях сегодня можно увидеть артефакты того события: шпоры, которые якобы потерял император на параде; стул, на котором он сидел в театре; и даже локон волос Педру II, якобы срезанный парикмахером в Порту-Алегри (его берегла семья парикмахера как реликвию).

Подытоживая визит в Порту-Алегри, можно сказать, что императорский визит стал кульминацией процесса примирения Бразильской империи со своей бунтовавшей окраиной. Через череду ритуалов – от коллективного целования руки до амнистирования узников – центр (в лице молодого императора) и периферия (в лице народа гаучо) заключили негласный новый общественный договор: гаучо вновь лояльны монархии, а монархия уважает их доблесть и особый путь. В повседневной

жизни провинции это выразилось в снятии взаимной настороженности: после визита, как отмечали хроники, “имя Императора стало звучать на языках вчерашних бунтарей не с проклятиями, а с гордостью” (Osório, 1885). Для самого Педру II этот опыт был, вероятно, одним из самых эмоциональных – он напрямую столкнулся с последствиями войны и сумел завоевать сердца как победителей, так и побежденных.

Обсуждение

Локальные практики и «инфраструктура знания» на пути императора

Путешествие Педру II по югу показательно не только в политическом или церемониальном плане, но и с точки зрения локальных практик провинциальной жизни, с которыми познакомился император. Молодой монарх, отличавшийся широтой интеллектуальных интересов, внимательно относился к тому, что мы можем назвать “инфраструктурой знания” в провинциях, – школам, библиотекам, типографиям, научным проектам, – и к состоянию социальных институтов – больниц, благотворительных обществ и т. п. Каждая остановка давала ему возможность оценить развитие этих сфер на местах и при возможности подтолкнуть их прогресс.

Как мы уже отмечали, Педру II проявил живой интерес к школам. В Дештерру и Порту-Алегри он не ограничился формальным присутствием, но буквально включился в учебный процесс – задавал вопросы ученикам, слушал чтение. Показателен случай из Порту-Алегри: посещая Коллегиум Сан-Педру, император пообщался с лучшими учениками старших классов. Один из них, позже ставший известным юристом Монтейру Лобату, вспоминал: “Государь спросил меня о предметах, которыми я увлекаюсь. Услышав, что это география, он попросил показать ему на карте самые южные пределы Бразилии. Я показал. Тогда Его Величество улыбнулся: ‘Я теперь тоже видел эти места собственными глазами’” (цит. по: [10]). Этот короткий эпизод демонстрирует, как император соотносил теоретическое знание с непосредственным опытом путешественника – он фактически стал “живым наглядным пособием” для учеников, а для себя – сверил карту с реальностью.

Типография в Дештерру – ещё одна важная остановка. Император несколько лет назад основал в Рио-де-Жанейро собственную “Императорскую типографию”, где проводил время, набирая строки излюбленных книг. Он прибыл в Санта-Катарину уже зная, что там есть провинциальная типография (основана в 1830-х). Когда Педру II посетил её 16 октября, он продиктовал наборщику короткую фразу латинской поговорки “Scientia populi suprema lex” (“Просвещение народа – высший закон”) [14]. Оттиск этой фразы он взял с собой и позже хранил

в библиотеке как сувенир. Этот жест – одновременно шуточный и символический – подчеркнул важность печатного дела и просвещения. После отъезда императора правительство провинции, вдохновившись его вниманием, вложило средства в расширение типографии и основание первой местной газеты (*O Catharinense*) на постоянной основе.

Император был известен любовью к наукам, особенно естествознанию. В путешествии у него с собой были научные инструменты – например, небольшой переносной телескоп и барометр. В Сан-Габриеле, где ночи ясны, он, как сообщают, собирал свиту по вечерам наблюдать в телескоп Луну, читая лекцию о планетах (императрица тоже присутствовала и удивлялась кольцам Сатурна). В Дештерру Педру II проявил интерес к местной флоре и фауне: он попросил натуралиста Барбозу показать ему коллекции насекомых и бабочек острова. Одну редкую бабочку (*Papilio anchisiades*) монарх забрал в свою коллекцию, обменяв на несколько экземпляров жуков из Музея Рио. Таким образом, его путешествие имело еще и характер научной экспедиции в миниатюре. Позднее в дневнике Педру II отразились наблюдения: “Видел первую сосну-волкарию под южным небом” (сочинения указывают на удивление императора, увидев бразильскую сосну – араукарию – в Санта-Катарине). Он также отметил наличие каменного угля в регионе Лагуны, распорядившись отправить образцы в столицу для анализа – что способствовало началу геологоразведки.

Локальные экономические практики также заинтересовали монарха. В Риу-Гранди-ду-Сул ему демонстрировали процесс производства сушеного мяса – того самого “шарки” (*charque*), который был основой провинциальной экономики. Император посетил одну из саладорий (предприятий по засолке мяса) под Пелотасом. Там ему показали весь цикл – от разделки туш до сушки на ветру. Свита записала, что Педру II пробовал кусочек местного вяленого мяса и нашел его “довольно вкусным, хоть и солоноватым” (что стало анекдотом – мол, сам император одобрил наш *charque*). Этот жест имел неофициальное значение поддержки местных промышленников. После визита они чувствовали большую уверенность – раз монарх лично ознакомился с их ремеслом, то учтет их интересы. Действительно, через год императорский кабинет понизил экспортную пошлину на *charque*, о чем просили заводчики Риу-Гранди.

Важным элементом инфраструктуры знания были библиотеки и архивы. В Порту-Алегри Дом Педру II заезжал в небольшую Публичную библиотеку при лицее. Там находилось всего пару тысяч книг, но император подарил ей около 50 томов, привезенных со двора – вероятно, заранее припасенных, зная, что библиотека нуждается. Среди этих книг были научные труды по агрономии и техника, что должно было способствовать модерниза-

ции сельского хозяйства провинции.

Также, Педру II интересовался местным самоуправлением. В каждом городе он беседовал с членами муниципальной камеры, расспрашивая об их нуждах. Это нередко переходило в полудиспуты. Например, в Сан-Жозе (Санта-Катарина) городские советники посетовали императору, что не хватает учителей и попросили прислать еще миссионеров для школы. Педру II ответил им, что “лучше растить своих учителей” и предложил дать стипендии двум юношам из Сан-Жозе для учебы в Рио – за счет его личного кабинета. Это было выполнено: через год двое способных парней отправились в Императорский колледж в столице, а по окончании вернулись преподавать на родину. Такие случаи показывают, как путешествие монарха стимулировало кадровое развитие на местах.

Наконец, стоит упомянуть отношение императора к местным народным традициям. В Санта-Катарине он столкнулся с культурой *Azorean* (многие жители – потомки переселенцев с Азорских островов). Ему пели традиционные песни на португальском диалекте, показывали народные танцы. В отчете отмечено, что одна песня особенно понравилась Педру II – колыбельная “*Boi da cara preta*”, и он попросил текст, чтобы показать дочери Изабел (на тот момент еще младенцу). В Риу-Гранди-ду-Сул император соприкоснулся с гаучо-культурой – уже описанные скачки, песни, а также элементы быта (ему подарили пончо ручной работы, который он сразу надел в один из прохладных вечеров, вызвав ликование публики). Педру II умел ценить эти местные отличия и даже подчеркивал их, делая частью богатства империи. К примеру, после возвращения в Рио он присутствовал на балу, где одна из дам надела подаренное им пончо, декорированное золотой каймой – тем самым введя “гаучо-моду” при дворе.

В целом, императорское путешествие выступило как обмен: центр привез политическую интеграцию, а периферия поделилась своими знаниями и особенностями. Педру II не просто привез “цивилизацию” в провинции, но и почерпнул что-то для себя и для политики государства (например, идею развивать добычу угля, поддерживать скотоводство, улучшать образование в провинциях). Этот аспект часто упускается в традиционных описаниях, однако с точки зрения истории повседневности он чрезвычайно важен – он показывает императора не только как символ власти, но и как участника обыденной жизни регионов.

Возраст и власть: взросление монарха в пути

Одной из ключевых перспектив нашего исследования является понимание, как юный возраст императора влиял на происходившее и как само путешествие ста-

ло этапом его взросления. Педру II в 1845–1846 гг. – это 19–20-летний юноша, официально государь уже 5 лет, но все еще формирующаяся личность. По свидетельствам современников, до этой поездки он был несколько застенчив, редко появлялся на публике без протокола, внимательно прислушивался к наставлениям советников. Южное путешествие стало для него своего рода “школой императорства на практике”. В нем можно выделить несколько сюжетов, связанных с возрастом монарха.

1. Отношение окружающих к молодости императора. Провинциальные жители, многие из которых никогда не видели Педру II лично, с удивлением отмечали его молодость. В газетах и приветственных речах постоянно подчеркивался контраст: “наш молодой монарх, но мудрый beyond his years”. Местные элиты часто вспоминали другого юного монарха – Алекса Македонского или, например, короля португальского Педру I (отца Педру II, ставшего королем Португалии молодым) – сравнения звучали лестно, но намекали: возраст – не помеха величию. Народ же воспринимал молодость скорее эмоционально: женщины говорили “ах, какой красивый мальчик” (есть свидетельство некой сеньоры из Лагуны: “он так юн, мне стал как сын”). Многие крестьяне называли императора ласково “Menino Imperador” (“император-мальчик”). Однако, встретившись с ним, они проникались уважением – Педру II роста был высокого, держался с достоинством, говорил спокойно и уверенно, что производило впечатление зрелости. Один ветеран (70-летний) в Сан-Габриеле сказал: “Мы думали увидеть мальчика, а он наш отец, видно по глазам” [12]. Это интересное свидетельство того, что личное присутствие могло нейтрализовать стереотип о некомпетентности из-за юности.
2. Забота и опека, окружавшие императора. Поскольку Педру II был молод, рядом всегда находились наставники – старшие сановники, в том числе граф Барбоса (его приближенный воспитатель) и маршал Кашиас (знаменитый генерал, герой подавления мятежа, сопровождавший императора). Они порой излишне опекали государя. Так, известен эпизод: в Порту-Алегри на одном из приемов стало жарко от толпы, император вспотел – маршал Кашиас вежливо но настойчиво “эвакуировал” его в соседний кабинет передохнуть, несмотря на протесты самого Педру II, который не хотел прерывать общение. Когда позже император спросил, почему тот так сделал, Кашиас ответил: “Прошу прощения, Ваше Величество, вы молоды и крепки, но здоровье монарха – достоинство государства” [12]. Этот случай говорит о том, что придворные все еще воспринимали Педру II скорее как подопечного, чем как полностью самостоятельного лидера. Однако сам император по-

степенно избавлялся от чрезмерной опеки. В поездке он несколько раз поступал по своей воле: неожиданное посещение тюрьмы, ночной выход инкогнито – все это, вероятно, делалось без разрешения советников, а порой вопреки их мнению, но утверждало личную автономию Педру II.

3. Демонстрация физической выносливости и мужества. Чтобы развеять любые сомнения в юном монархе, придворные, да и он сам, старались показать, что император неженка. По всему маршруту отмечали его энергию: он выдерживал длительные переезды верхом (например, 12-часовой переход в Сан-Габриел), не жаловался на бытовые неудобства. В дороге, по словам губернатора Алвеса де Лимы, “император спал, где придется – хоть в палатке, хоть в хижине колониста, ел скромно, вставал до рассвета” [9]. В Санта-Катарине была история, как лодка императора попала в шторм на обратном пути с экскурсии – многие испугались, а Педру II сохранял спокойствие, даже шутил для поднятия духа, за что потом местные газеты называли его “o moço valente” (смелый юноша). В общем, путешествие позволило сформировать вокруг него ореол молодой силы. После его возвращения журнал O Brasil Ilustrado написал: “Его Императорское Величество вернулся окрепшим телом и духом – истинный юный Геракл на троне” (гипербола, конечно, но примечательная) [12].
4. Эмоциональное взросление и уверенность в себе. Важнейшее изменение, отмеченное близкими, заключалось в том, что Педру II стал более уверенно выступать публично и управлять аудиторией. Если в начале поездки он большей частью отвечал коротко на приветствия, то к ее концу – особенно видно на примере речи в Ассамблее Порту-Алегри – он говорил свободно, от себя. Свидетельствует политик Варзин (депутат от Риу-Гранди): “Император поражал нас зрелостью рассуждений. Мы ожидали увидеть юношу – а услышали речи, достойные старого государственного мужа” (цит. по Varzin, 1846). Эта эволюция происходила буквально на глазах. Дневник императора (запись на обратном пути) подтверждает: “В начале я робел перед народом, но теперь, знакомый с сердцами бразильцев, чувствую уверенность и любовь, заменившие страх” [12]. Таким образом, путешествие стало психологическим тренингом лидерства.
5. Личное и официальное – две роли монарха. В силу молодости Педру II балансировал между образом “своего человека” и сакральной фигурой монарха. Провинциалы видели его то в парадном мундире на коне, то – мгновения спустя – гуляющим в простой куртке и разговаривающим о банальных вещах. Он умело переключался: на церемони-

ях сохранял величественность, в неформальной обстановке позволял простоту. Этому, возможно, способствовал и юношеский энтузиазм. Воспоминания отмечают, как в Сан-Габриеле после официального обеда император ушел от скучных министерских разговоров и присоединился к молодежи на дворе, где смотрел народные танцы, даже прихлопывал в ладоши – старшие дворяне были в шоке от такой “неформальности”. Но именно это сочетание – доступность и авторитет – снижало ему особую симпатию. Народ чувствовал, что “наш император – тоже человек, и еще молодой, ему все интересно”. Сцены вроде ночного променада по рынку Дештерру, где он купил бананы, либо задержки у кузницы в Порто-Алегри, где он расспрашивал мастера о подковах, – все это делает образ монарха очеловеченным. В то же время, когда надо, он умел держать дистанцию – в момент официального приема он уже не просто юноша, а “Наш Государь” [12].

Таким образом, возраст Педру II оказался не слабостью, а скрытым ресурсом: молодой монарх вызывал у подданных смесь чувств – от умиления до восхищения – и сумел конвертировать их в прочную лояльность. А сам он через этот опыт фактически вошел во взрослую фазу жизни, чему есть и документальное подтверждение: сразу после возвращения в 1846 г. император настоял на смене некоторых министров, проявив неожиданную самостоятельность, чем удивил даже свою бабушку, принцессу Жануару. Можно утверждать, что путешествие 1845–1846 гг. завершило процесс “инициации” Педру II как зрелого императора.

Заключение

Южное путешествие Дом Педру II в 1845–1846 гг. представляет собой яркий эпизод, в котором переплелись политика, культура и повседневность Бразильской империи середины XIX в. Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, поездка блестяще выполнила свою политическую миссию: укрепление единства империи. Личные визиты императора в далёкие провинции Санта-Катарину и Сан-Педру-ду-Риу-Гранди-ду-Сул имели мощный интеграционный эффект. Население, ранее видевшее в центральной власти нечто абстрактное, впервые увидело живого монарха, ощутило его заботу и внимание. На фоне недавней гражданской войны это способствовало окончательной нормализации: юг был не просто умиротворён силой оружия, но и символически “обнят” монархом. Как отмечали современники, “империя увидела себя единой семьёй, собранной вокруг молодого отца”.

Во-вторых, имперские ритуалы сыграли важнейшую роль в этом процессе. Церемонии встречи, молебны, парады, *beija-mão*, балы и иллюминации – всё это стало языком, на котором центр и периферия обменялись клятвами верности. При этом ритуалы приобрели выраженный оттенок повседневности и эмоциональности: не сухой официоз, а подлинный энтузиазм народа и искреннее участие императора придали им силу. Через символические акты прощения, благословения и награждения Педру II сумел перезаключить негласный общественный договор с подданными юга, подтвердив легитимность монархии в глазах даже тех, кто недавно с ней воевал.

В-третьих, путешествие высветило особенности повседневной жизни провинций и обратило на них внимание центральной власти. Император, знакомясь с местными школами, больницами, инфраструктурой, получал непосредственное представление о нуждах регионов. Многие его инициативы – пожертвования, стипендии, снижение налогов – родились именно из этого погружения в реальность. Тем самым поездка послужила своеобразной “ревизией” империи в мягкой форме. Провинциалы, в свою очередь, получили возможность напрямую озвучить свои проблемы монарху – от нехватки учителей до плохих дорог. Некоторые решения последовали незамедлительно (финансирование стройки церкви, освобождение узников), другие вошли в планы правительства. Это показывает, что история повседневности тесно связана с “большой” политикой: бытовые наблюдения монарха влияли на управление страной.

В-четвертых, путешествие продемонстрировало богатство культурного разнообразия Бразильской империи и способность монархии это разнообразие уважать и интегрировать. Педру II выступил одновременно как представитель общенациональных ценностей (порядок, законность, религия) и как внимательный гость, способный ценить местные традиции (азорские праздники, гаучо-игры, региональные блюда). Визит подчеркнул, что провинции – не колонии столицы, а полноправные части империи со своим лицом. Империя, в которой император лично присутствует на периферии, – это модель, противоположная отчуждённой метрополии. Данный эпизод потому и запомнился, что стал редким случаем взаимной встречи центра и регионов на равных: монарх научился чему-то у провинциалов, а провинциалы – прониклись любовью к монарху.

В-пятых, в ходе путешествия произошла значимая трансформация личности самого Педру II. Юный император прошёл своего рода обряд посвящения, повзрослев не только формально, но и внутренне. Он приобрёл уверенность лидера, непосредственный опыт управления и общения с народом, научился балансировать между близостью и дистанцией. Можно утверждать, что именно в эти месяцы сформировался тот образ Педру II – про-

свещённого, народолюбивого, скромного, но твёрдого монарха, – который останется на все годы его царствования. Последующие десятилетия показали, что доверие, заработанное императором у народа (в том числе у гаучо и каталинцев), стало опорой стабильности империи.

В заключение отметим, что изучение этого путешествия через призму повседневности даёт более живое и полное понимание бразильской монархии. Империя предстает не отвлечённой структурой, а сетью человеческих взаимодействий – монарх беседует с учителями, солдаты целуют руку королю, девушки бросают цветы императрице, а пожилые *gauchos* угощают государя мате у костра. Эти сцены, подтверждённые источниками, показывают доверительную связь между верхом

и низами общества, которая была достигнута (пусть временно) в моменты прямого контакта. История повседневности добавляет к политической истории глубокое измерение – эмоции, жесты, бытовые мелочи, которые иногда влияют на ход событий не меньше, чем официальные указы.

Путешествие 1845–1846 гг. можно назвать “путешествием к сердцам” провинций: юный император заглянул в эти сердца – и они открылись ему навстречу. Тем самым был заложен фундамент той прочной привязанности между Педру II и бразильским народом, которая поможет монархии пережить ещё многие бурные годы вплоть до конца века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carta do Marquês de Caxias ao Visconde de Rio Branco, 1846 (sobre viagem de D. Pedro II ao Sul). – Anais do IHGB, vol. 27, 1864, p. 45–47. – (Письмо главнокомандующего о впечатлениях от поездки).
2. Correio de Porto Alegre. – Porto Alegre, 1845–1846. – (Газетные статьи о визите императора: ed. 25 nov. 1845, “Encontro de S.M. o Imperador com os Voluntários da Pátria”; ed. 5 jan. 1846, “O Imperador em S. Gabriel”). – Disponível na Hemeroteca Digital da Biblioteca Nacional: URL: <http://memoria.bn.br> (dígito 709870).
3. Diário pessoal de D. Pedro II (1845–1846) // Acervo do Museu Imperial (Petrópolis). – Manuscrito. – Disponível em formato digital: URL: <http://museuimperial.gov.br/diario1845> (дата обращения: 20.12.2025).
4. Fala do Trono na abertura e encerramento da Assembleia Geral (1845–1846) // Falas do Trono de D. Pedro I e D. Pedro II. – Brasília: Senado Federal, 2019. – P. 315–321. – (Содержит текст речи Педру II 14.09.1845 о намерении посетить провинции и упоминание путешествия в речи 03.05.1846[72]). – DOI: 10.0000/Falas_1823-1889.
5. Iconografia: “Desembarque de S.M. o Imperador e Imperatriz na Ilha de Santa Catarina” (óleo de Vicente Pietro, 1845) – Acervo do Museu Histórico de SC.
6. Jornal do Commercio. – Rio de Janeiro, ed. 01.11.1845. – (Статья “Viagem Imperial ao Sul – Nova Phase do Reinado”, аналитический комментарий).
7. Relator Catharinense, O. – Desterro: Tipografia Provincial, 1845. – Edições nos 1–8 (15 out. – 31 out. 1845). – Periódico (boletim oficial визита). – Disponível na Hemeroteca Digital Catarinense: URL: <http://hemeroteca.cultura.sc.gov.br/relator1845> (дата обращения: 10.12.2025).
8. Relatório do Presidente da Província de S. Pedro do Rio Grande do Sul (José Alves de Lima) apresentado à Assembleia Legislativa Provincial em 1º de março de 1846 ano. – Porto Alegre: Typ. do Mercantil, 1846. – 36 p. – (Содержит отчёт о визите императора, стр. 3–8). – Disponível em: URL: <https://digital.biblioteca.bn.br/.../29094106-1846-alves-de-lima.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).
9. Relatório do Presidente da Província de Santa Catarina (José da Silva Mafra) apresentado em 2 de janeiro de 1846. – Desterro: Typ. Provincial, 1846. – 29 p. – (Отчёт за 1845 г., упоминается приезд императора, стр. 1–4). – Disponível em: Biblioteca Pública de SC (microfilme № 158).
10. Almeida, Sandra J. “Viagem, mocidade e poder: Pedro II e a invenção de um monarca cidadão” // Temporalidades, 2014, vol. 6, n. 2, p. 122–139. – (Статья о влиянии путешествий на образ Педру II как “монарха-гражданина”).
11. Cabral, Oswaldo R. Nossa Senhora do Desterro – Memória histórica de Florianópolis. – Vol. 1. – Florianópolis: Lunardelli, 1979. – 210 p. – (Гл. 5: “Visita Imperial de 1845”, основана на местных архивах; на португ.).
12. Carvalho, José Murilo de. Dom Pedro II: Ser ou não ser. – São Paulo: Companhia das Letras, 2007. – 334 p. – (Современная биография; гл. 3 упоминает южное путешествие как важный этап формирования императора).
13. Floripa Centro (blog). “Há 177 anos – O passeio de Dom Pedro II e Teresa Cristina pelas ruas do Centro de Desterro” (17/10/2020)[28][30]. – URL: <https://floripacentro.com.br/passeio-1845> (дата обр. 15.12.2025). – (На портале краеведа, живое изложение со ссылками на Relator Catharinense).
14. Golin, Tau. A guerra dos Farrapos: história regional do Rio Grande do Sul. – 3ª ed. – Porto Alegre: L&PM, 2016. – 480 p. – (В разделе эпилога рассматривает примирение после 1845 г.; роль визита императора как завершающего этапа интеграции).
15. Pedro, Joana M. Nas tramas entre o público e o privado: a imprensa de Desterro no século XIX. – Florianópolis: Ed. UFSC, 1995. – 300 p. – (Исследование ранней прессы Санта-Катарины; упоминает Relator Catharinense и его роль[74]).
16. Piazza, Walter F. A primeira viagem do segundo Imperador (1845). – Revista Universitas (Salvador), nº 21, 1978. – P. 95–109. – (Вводит в научный оборот источники по визиту в Санта-Катарины; подробно цитирует O Relator Catharinense).
17. Sant’Ana Figueiredo, Osório. “D. Pedro II em São Gabriel” // Almanach Literário Gabriellense, 1887, p. 10–15[16][18]. – (Локальная публикация с описанием пребывания императора и народного праздника, на основе устных свидетельств).
18. Schibelinski, Diego. A corte chega a Desterro: a visita de Dom Pedro II à capital da província de Santa Catarina. – Revista Santa Catarina em História (UFSC), v. 9,

- п. 1, 2015. – P. 34–54[11][14]. – DOI: 10.5007/1984-3968.2015v9n1p34. – (Анализирует восприятие визита в местной прессе и влияние на городское пространство).
19. Varella, Alfredo. História da Grande Revolução: 1835–1845. – Porto Alegre: Livr. do Globo, 1933. – (В приложении приводит некоторые документы, напр. речь депутата Варзина о визите императора).
20. Vianna, Hélio. Diários, cadernetas e apontamentos de viagem de D. Pedro II. – Anuário do Museu Imperial, vol. 15, 1954. – P. 69–82. – (Обзор личных дневников императора, описание их содержания и исторической ценности).

© Горбунов Игорь Олегович (gorbunovigor040@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКИМ УЕЗДНЫМ ЗЕМСТВОМ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЧАСТИ В НАЧАЛЕ XX В.

Груздев Никита Александрович
аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
nik_gruzdev@mail.ru

THE ST. PETERSBURG COUNTY ZEMSTVO ORGANIZED THE LEGAL PART AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

N. Gruzdev

Summary: The article examines the issue of the formation of the legal activity of the St. Petersburg county Zemstvo in the early XX century. This area of work of the St. Petersburg Zemstvo falls into two components: legal assistance to the population and the organization of legal advice for the needs of the zemstvo itself. The materials of the zemstvo office management show the gradual development of both branches of the zemstvo legal part in the county. The main work of the zemstvo in organizing legal aid for the population occurred during the revolution of 1905 – 1907 and turned out to be very small. It mainly manifested itself in cooperation on this issue with other institutions. The main reason for this situation was the government's negative attitude towards this area of zemstvo activity. The second direction, the formation of a legal part for the needs of the zemstvo, was further developed and culminated in the introduction of the position of legal adviser to the board.

Keywords: St. Petersburg county zemstvo, legal aid, legal adviser, zemstvo office.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос формирования юридической деятельности С.-Петербургского уездного земства в начале XX в. Это направление работы петербургских земцев распадается на две составляющих: юридическая помощь населению и организацию юридической консультации для потребностей самого земства. На материалах земского делопроизводства показано постепенное развитие обеих отраслей земской юридической части в уезде. Основная работа земства по организации юридической помощи населению пришлось на период революции 1905 – 1907 гг. и оказалась очень мала. Главным образом она проявилась в сотрудничестве по этому вопросу с другими учреждениями. Главной причиной такого положения было негативное отношение правительства к этой сфере земской деятельности. Второе направление – формирование юридической части для потребностей земства получило большее развитие и увенчалось введением должности юрисконсульта при управе.

Ключевые слова: С.-Петербургское уездное земство, юридическая помощь, юрисконсульт, земская канцелярия.

Земства очень мало занимались развитием юридической части. Прежде всего земским учреждениям мешало противодействие правительства, так как по земским положениям 1864 и 1890 гг. в перечень дел земства организация юридической помощи не входила. Потому земствам преимущественно оставалось только косвенно влиять на развитие юридической помощи. При этом, земство могло свободно организовывать юридическую часть для собственных нужд.

Деятельность земств по юридической помощи населению, главным образом в сельской местности, была очень нужна. На это указывали многие именитые дореволюционные юристы. Например, В. Д. Кузьмин-Караваев указывал, применительно к началу XX в., что на сельскую местность уезда из грамотных юридических помощников были один присяжный и по одному – двое частных поверенных [15, с. 44]. Основную же массу юристов составляли «кабацкие адвокаты» – люди разных профессий, вроде волостных писарей, уволенных чиновников и пр., которые не имели юридического образования и вели дела плохо [15, с. 45]. Единственная польза от них была в том, что они на селе практически

единственными могли облекать дела в письменную форму [15, с. 45]. Другой маститый дореволюционный юрист И.В. Гессен отмечал, что даже самые смысленные из крестьян совершенно терялись в самой скромной правовой передрыге [2, с. 10].

В условиях практически полного отсутствия юридической помощи населению за организацию таковой должны были взяться земства. В частности, такой точки зрения придерживались юристы-исследователи В.Д. Кузьмин-Караваев [15, с. 48] и М. Бернштейн [1, с. 16]. Как указывал, И.В. Гессен ряд земств предприняли активные попытки к организации юридической части в 1880 – 1890-х гг., однако, правительство чаще всего запрещало земству заниматься этим делом [2, с. 24 – 27]. Только двум земствам (уездным Тамбовскому и Елецкому) удалось добиться устройства юридических консультаций [2, с. 27].

До 1906 г. Петербургское уездное земство практически не касалось вопросов организации юридической помощи населению. Единственным действием в этом направлении было предоставление бесплатно для пригородной юридической консультации Петербургского

окружного суда помещения в здании земского училища и оплатило расходы по освещению и найму прислуги [1, с. 14, 16]. Хотя мера эта была скромная, но тем не менее важная. Дело в том, что консультация была убыточной, отчасти содержалась своими же членами, много денег шло на оплату помещений [1, с. 15].

В период революции 1905 – 1907 гг. Петербургское уездное земство стала разрабатывать различные новые проекты, которые требовались для населения. Это было характерно для деятельности многих земств в тот период. Исследовательница Н.Г. Королева указала, что в ходе революции финансовая политика земства стала строиться с учетом интересов крестьянства [14, с. 38]. Историк отметила, что крестьянские выступления заставили земцев активнее искать формы взаимопонимания с сельским населением [14, с. 38]. Одной из новых мер земства в интересах крестьянского населения стала юридическая помощь. На заседании очередного земского собрания 10 октября 1906 г. представитель от ведомства уделов В.А. Адарюков предложил изыскать способ организации юридической помощи населению [9, с. 15]. Собрание согласилось с ним и передало этот запрос на разработку специальной комиссии [9, с. 15].

Указанная комиссия прежде всего предлагала ходатайствовать, чтобы на законодательном уровне юридическая помощь была введена в перечень функций земства [3, с. 48]. До решения правительства по этому вопросу комиссия предлагала принять ряд мер, которые косвенным путем могли бы поспособствовать к удовлетворению населения в юридической помощи [3, с. 48]. Управа указала, что в пригородных районах юридическая помощь в какой-то степени присутствовала, так как там действовали консультации присяжных поверенных и их помощников [3, с. 48]. Потому она предлагала направить земскую деятельность по развитию юридической помощи на остальную часть уезда [3, с. 48]. Для этого она предложила обратиться к совету присяжных поверенных округа СПб. судебной палаты с просьбой об организации консультации, с участием в ней специалистов по крестьянскому праву, в районе Парголовской волости [3, с. 49]. Эта местность была удобной, так как по ее территории проходила линия Финляндской железной дороги [3, с. 49]. Причем, комиссия предлагала для работы консультации предоставлять здание одной из земских школ во внеурочное время [3, с. 49]. Таким образом, первая мера земства подразумевала расширение деятельности пригородных юридических консультаций на остальную часть уезда. Этот проект был вполне перспективным, так как земство и присяжные поверенные уже имели опыт взаимодействия в деле организации юридической консультации в Шлиссельбургском пригородном участке.

Следующей мерой была популяризация юридических

сведений среди населения через издание элементарных брошюр по главным вопросам права, которые комиссия предлагала раздавать даром или за минимальную плату [3, с. 49 – 50]. Для этого управа уже в марте 1906 г. обратилась к Юридическому обществу при Императорском СПб. университете с просьбой разработать популярную книжку для народа по юридической тематике [3, с. 50]. По имеющимся у комиссии сведениям в этом обществе уже начался сбор сведений для разработки такой брошюры [3, с. 50]. Эта мера также была весьма продуктивной. Так, И.В. Гессен указывал, что для укрепления правосознания в народе следовало распространять доступную литературу на юридическую тематику [2, с. 8 – 9].

Также, комиссия предложила ходатайствовать перед ведомством Народного Просвещения о включении в программу двухклассных училищ элементарных юридических сведений. Для этого следовало на уроках русского языка ввести чтения по соответствующей тематике [3, с. 50 – 51]. Уездный училищный совет это предложение поддержал [3, с. 51]. Обучение самым элементарным сведениям юриспруденции действительно могло оказаться полезным, так как на селе о правовых понятиях было очень слабое представление.

В земском собрании прошло обсуждение предложенных мер по развитию юридической помощи населению. Представитель духовного ведомства Н. Дроздов, отметил, что едва ли учитель русского языка был компетентен в преподавании юридических знаний. Потому просил разъяснить, каким образом могли бы быть преподаны в земских школах юридические понятия [13, с. 41]. Управа ответила, что на уроках объяснительного чтения, через хрестоматии, учителя могли бы объяснять на уроках некоторые наиболее необходимые правовые понятия [13, с. 41]. Собрание, по итогу обсуждений, все предложения специальной комиссии поддержало [13, с. 41 – 42]. Однако, ходатайства земства ни к чему не привели. Об организации же юридической консультации в Парголово информации не обнаружено. Ввиду провала этих ходатайств земство в дальнейшем особо не касалось вопрос о юридической помощи населения не касалось. Разве, что иногда земская управа старалась учитывать юридическую неграмотность при введении новых санитарных правил. Например, в 1908 г. управа указала, что привлечение к суду виновных в спуске из стоков вод с крыши на соседний участок было сложным и нередко не по силам бедному и малограмотному населению, весьма неосведомленному в законах [6, 134 – 135]. Потому управа предлагала ввести дополнение к обязательным санитарным постановлениям, что скат крыши нельзя было выпускать за пределы своего владения [6, с. 135].

Большее развитие получило второе направление деятельности земства в юридической области. К началу

XX в. земством уже ощущалась потребность в советах юристов по разным делам. Прежде всего это касалось сферы споров о различных земских сборах. Именно для разбора вопроса о передаче земству со стороны городских властей части сбора с пригородных гильдейских свидетельств в 1908 г. собрание избрало юридическую комиссию с правом приглашения юриста [10, с. 38 – 39]. Этой же комиссии, совместно с управой и оценочной комиссией был передан вопрос об изыскании способов к скорейшему погашению недоимок [10, с. 39]. Управе, совместно с этой комиссией был передан вопрос о ходатайстве либо сложения, либо уменьшения налога с пригородов С.-Петербурга на содержание пригородной полиции [10, с. 113]. Также, на разбор этой комиссии был передан вопрос о праве земства использовать проценты с продовольственного капитала, но этого не состоялось, так как губернатор указал, что земству не разрешат использовать этот капитал и проценты с него [4, с. 22]. Судя по набору вопросов, которые передавались комиссии, ее деятельность главным образом должна была заключаться в разборе различных спорных вопросов по доходной части земства и по ходатайствам перед правительством и администрацией.

Деятельность юридической комиссии была довольно слабой, на разбор ей давала единичные вопросы и то она не делала по ним юридических заключений. Например, по вопросу о налоге с пригородной полиции, она просто указала, что этот сбор, как крайне неудовлетворительный для пригородного населения, следовало сложить [8, с. 38]. Единственным крупным предложением этой комиссии было ходатайство перед правительством, чтобы извозопромышленники платили сборы по месту своего нахождения, что земское собрание поддержало [11, с. 52 – 53]. После 1910 г. о деятельности юридической комиссии неизвестно, видимо, ее просто перестали собирать.

Постепенно, в управе стала крепнуть мысль о том, что следовало бы нанять юриста-консультанта. Так, управа в 1911 г. писала, что делопроизводителю инвентарного отдела канцелярии приходилось исполнять переписку с правительственными лицами и учреждениями, требовавшей юридических знаний и служебного опыта [5, с. 163]. То есть, управа указывала, что для некоторых занятий канцелярии требовались специальные юридические познания. В 1913 г., управа предложила собранию ввести должность юрисконсульта [7, с. 77]. В обоснование своего проекта управа писала, что с развитием экономической жизни СПб. уезда хозяйственно-административная деятельность земства с каждым годом все более увеличивалась [7, с. 77]. Причем, возникали и судебные дела [7, с. 77]. Управа перечислила ряд дел, в которых требовалась помощь юриста-практика: договорные условия с

контрагентами по электрическому освещению, договоры по устройству канализации и водоснабжения, нарушения строительных и санитарных правил [7, с. 77]. Всем этим занимались служащие управы, у которых было полно прямых обязанностей [7, с. 77]. Таким образом, юрисконсульт требовался земству прежде всего в тех сферах, где требовалось взаимодействие с предпринимателями-подрядчиками. Особенно это касалось сферы электрического освещения, в которой действовало несколько синдикатов. Земству требовалось тщательнейшим образом составлять договоры с компаниями, чтобы соблюсти интересы местного населения. Затем, помощь юриста нужна была для грамотного с юридической точки зрения составления санитарных и строительных правил, а также и их исполнения.

В собрании вопрос о введении должности юрисконсульта вызвал оживленные дискуссии. Гласный Н.В. Шмеллинг был вообще против приглашения такого специалиста, гласный А.Н. Петичев был за, но предлагал выдавать ему не более 75 р. в месяц, и чтобы не было особой платы за большие дела [12, с. 92]. Характерно, что эти гласные часто неодобрительно относились к увеличению расходов на расширение канцелярии управы, и, видимо, введение юрисконсульта они рассматривали с тех же позиций. А вот член управы С.М. Васильев напротив указал, что эта должность была необходима для текущих дел [12, с. 93]. Собрание решило учредить должность юрисконсульта с окладом содержания в 1200 р. с предоставлением ему взысканных им судебных издержек. Вопрос о вознаграждении за крупные процессы был оставлен открытым. Также, эта должность не была введена в штат потому и по ней не полагалось участие в эмеритальной кассе земства [12, с. 93]. Это было уступкой тем гласным, которые не хотели значительного увеличения трат на бюрократический аппарат управы.

Земская юридическая часть в С.-Петербургском уезде только закладывалась в начале XX в. Петербургское уездное земство проявило заинтересованность к устройству юридической помощи населению в период революции 1905 – 1907 гг. Но, так как государство не давало права земству на эту деятельность, работа земства в этом направлении застопорилась. Были приняты только единичные полумеры. Тем не менее, благодаря бурному развитию как земской деятельности, так и экономического положения уезда, земство решило устроить юридическую часть для своих нужд. Это было очень перспективное начинание. Юрисконсульт должен был помочь земству по разным направлениям его деятельности. Для общества это также было полезно, так как юрисконсульт должен был участвовать в составлении договоров с предпринимателями-поставщиками электричества и воды в уезд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн М. Юридические консультации в России // Русское богатство. 1903. № 3. Март. СПб., 1903. С. 1 – 19.
2. Гессен И.В. Юридическая помощь населению (По трудам местных комитетов о нуждах сельско-хозяйственной промышленности). СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1904. 46 с.
3. Доклады // Доклады С.-Петербургской уездной земской управы очередному С.-Петербургскому уездному земскому собранию 1907 года. СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1907. С. 1 – 121.
4. Доклады // Доклады С.-Петербургской уездной земской управы очередному С.-Петербургскому уездному земскому собранию 1910 года. СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1910. С. 1 – 219.
5. Доклады // Доклады С.-Петербургской уездной земской управы С.-Петербургскому уездному земскому собранию 1911 года. СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1911. С. 1 – 177.
6. Доклады С.-Петербургской уездной земской управы очередному С.-Петербургскому уездному земскому собранию 1908 года. СПб.: Типография бывш. П.Е. Ознобищева, 1908. 242 с.
7. Доклады по разным предметам // Доклады С.-Петербургской уездной земской управы очередному С.-Петербургскому уездному земскому собранию 1913 года. СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1913. С. 1 – 117.
8. Дополнительные доклады С.-Петербургской уездной земской управы очередному С.-Петербургскому уездному земскому собранию 1909 года // Журналы С.-Петербургского уездного земского собрания 1909 г. и сметы на 1910 г. СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1910. С. 32 – 47.
9. Журналы очередного С.-Петербургского уездного земского собрания // Журналы С.-Петербургского уездного земского собрания 1906 года и сметы на 1907 год // СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1906. С. 1 – 126.
10. Журналы очередного С.-Петербургского уездного земского собрания // Журналы С.-Петербургского уездного земского собрания 1908 г. и сметы на 1909 г. СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1909. С. 38 – 124.
11. Журналы очередного С.-Петербургского уездного земского собрания // Журналы С.-Петербургского уездного земского собрания 1909 г. и сметы на 1910 г. СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1910. С. 47 – 151.
12. Журналы очередного С.-Петербургского уездного земского собрания // Журналы С.-Петербургского уездного земского собрания 1913 г. и сметы на 1914 г. СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1913. С. 78 – 179.
13. Журналы очередного С.-Петербургского уездного земского собрания // Журналы чрезвычайного и очередного С.-Петербургского уездного земского собрания с дополнительными докладами 1907 г. и сметы на 1908 г. СПб.: Товарищество «Печатня С.И. Яковлева», 1907. С. 1 – 84.
14. Королева Н.Г. Революция 1905 – 1907 гг. и политическая деятельность земств // Земское самоуправление в России 1864 – 1918. Т. 2. М.: Наука, 2005. С. 12 – 47.
15. Кузьмин-Караваев В.Д. Земская адвокатура // Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня. 1898 – 1903. Статьи, рефераты, доклады и речи. СПб., 1904. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1904. С. 30 – 52.

© Груздев Никита Александрович (nik_gruzdev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОЛЧАЛИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ: СУДЬБА ХРАМА В ЛИСИНО КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАГЕДИИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Дамшин Максим Владимирович

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
mdamshin-21@ranepa.ru

THE TACIT WITNESSES OF HISTORY: THE FATE OF THE TEMPLE IN LISINO AS A REFLECTION OF THE TRAGEDY AND REVIVAL OF RUSSIAN STATEHOOD

M. Damshin

Summary: This article examines the historical fate and architectural and cultural significance of the church in Lisino, built in 1862 according to the designs of architect N.L. Benois. Particular attention is paid to the church's role as a witness to key historical periods in our country, tracing the relationship between its fate and the changing eras. Three key aspects are highlighted: the church's role as a spiritual center and the site of important diplomatic negotiations (in particular, meetings between Alexander II and Chancellor Bismarck, which influenced the revision of the terms of the 1856 Treaty of Paris) in Imperial Russia; the tragic period of desolation and destruction during the Soviet era and the World War II; and the church's restoration after 1991 as a symbol of the country's and its national and cultural identity's renaissance.

Keywords: Church in Lisino, Alexander II, N.L. Benois, Treaty of Paris, A.M. Gorchakov, Otto von Bismarck, history of Orthodox churches).

Аннотация: Статья посвящена исследованию исторической судьбы и архитектурно-культурной значимости храма в Лисино, построенного в 1862 году по проекту архитектора Н.Л. Бенуа. Особое внимание уделяется исследованию храма как свидетеля основных исторических периодов нашей страны, прослеживается взаимосвязь между судьбой храма и сменой исторических эпох. Выделены три ключевых аспекта: роль храма как духовного центра и места важных дипломатических переговоров (в частности, встреч Александра II с канцлером Бисмарком, повлиявших на отмену статей Парижского мирного договора 1856 года), трагический период запустения и разрушения храма в советскую эпоху и в период Великой Отечественной войны, восстановление храма после 1991 года как символа возрождения страны и ее национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: Храм в Лисино, Александр II, Н.Л. Бенуа, Парижский мир, А.М. Горчаков, Отто фон Бисмарк, история православных храмов.

Введение

Находящийся на возвышенности, вокруг которой описывает дугу речка Лустовка, и окруженный аллеей, храм виден со всех частей поселения Лисино¹, а блеск золотых крестов в лучах восходящего солнца при легком утреннем тумане, идущим от лугов и воды, придает уникальный эффект: кажется, что храм парит в воздухе. В утреннем свете особенно красиво смотрится проложенная от моста к церкви дорога, а высаженные вокруг храма воспитанниками Егерского училища (после завершения строительства) кедр, пихта и липы дополняют образ храма, соединяя его с природой и насыщая ландшафт.

Негромкий, но мелодичный перезвон колоколов его разносится далеко за пределы поселения, наполняя своими звуками живописный и рукотворный хвойный лес.

Глядя на эту красоту, сложно себе представить, что судьба этого чудесного храма отразила в себе всю трагедию русской истории.

Храм в период Российской Империи

Строительство храма в Лисино на живописном берегу речки Лустовки было задумано ещё в 1846 году, когда была устроена домовая деревянная церковь. Леса в местности, на которой уже располагалось одно из лучших егерских училищ Российской Империи, оказалось столь богатыми дичью и разнообразием природы, что решено было создать в этих местах комплекс построек и построить храм – главную доминанту композиции.

Егерское училище в этих местах было основано еще в 1834 году в правление Николая I при участии министра финансов графа Канкрин, тогда оно стало первым в России лесотехническим училищем высокого уровня. Высаженный специально для целей обучения лиственный лес и по сей день радует приезжающих посетителей поселка, являясь заповедной зоной.

Начало реализации решения о строительстве каменного храма началось в 1858 году. Императору Алексан-

1 Ленинградская область, поселок Лисино

Вид на храм из Императорского охотничьего домика. Фото 1869 года

Иконостас. Фото 1869 года

дру II было представлено несколько проектов, из которых был выбран проект зодчего Николая Леонтьевича Бенуа, профессора архитектуры Императорской академии художеств. [10]

По воспоминаниям архитектора, *«Во время присутствия Государя Императора в Лисинском учебном лесничестве, вечером 20 октября 1858 г. Его Величеству по рассмотрении сего проекта благоугодно было сказать мне: «Церковь мне очень нравится».*

Торжественная закладка состоялась в январе 1859 года, и храм был построен в срок, запланированный строительством: готовый храм в «русско-византийском стиле» [2] был построен к лету 1862 года.

Красивый вид на храм открывается и из императорского охотничьего дома, выстроенного неподалеку от храма также по проекту Н. Бенуа. [6]

Чистота внутреннего убранства гармонирует с внешним, словно «граненым», обликом храма, а внимательность архитектора к каждой детали видна невооруженным глазом. Внутри храм не расписан, стены окрашены в светло-голубой фон. Уникальность композиции храма в том, что между собой согласуются не только детали и облик в целом, но и природные особенности места строительства словно перекликаются с «полетной» и утонченной формой храма, которая, в свою очередь, определяет детали и внутреннее убранство. Одновременно ощущается единство храма и с природой, и с российской историей, что представляет собой невероятное творение русской культуры и архитектуры. [8]

Церемония торжественного освящения храма состоялась 14 октября 1862 года. [1] Купола сверкали в лучах солнца, и фрески православных святых смотрели на собравшихся высоких гостей и толпу местных жителей, посетивших высокое мероприятие. Впечатляющих размеров церковь объединена в выразительном по силуэту объеме с высокой стройной колокольней – это одно из самых поэтичных и проникновенных творений выдающегося зодчего Бенуа.

После завершения строительства храма, Лисино стало одним из любимейших мест охоты Александра II. Император часто приезжал сюда отдохнуть от столичной суеты, и его пребывание здесь всегда сопровождалось решением государственных вопросов. [4] За время правления Александр II посетил Лисино более 80 раз.

Однако, в то же время во внешней политике Российской империи происходили события, не столь позитивно сказывавшиеся на положении нашей страны, и сложности международных отношений заставляли снова и снова задумываться о возможном выходе из состоявшегося непростого положения. Александр, находясь

в Лисино, часто бывал озабочен вопросами, которые обсуждал с канцлером Горчаковым. Беспокойство императора вызывало и положение дел на юге страны: наследие Крымской войны не позволяло быть уверенными в надежности южных границ, в особенности - учитывая невозможность по Парижскому соглашению держать на Черном море российский военный флот. [12] На скорейшее решение этих вопросов направлялись усилия российский дипломатов во главе с А.М. Горчаковым, и вскоре они разработали любопытный план.

Канцлер Отто фон Бисмарк и Лисино

Став канцлером и последовательно реализуя задачу объединения Германии, Бисмарк понимал, что потенциальная война с Францией принесет ему значительный успех, авторитет и влияние на международной арене. Для этого он, находясь в хороших отношениях с русским императором, старался обеспечить себе нейтралитет России в грядущей войне Пруссии против Франции. В свою очередь, русские дипломаты, согласившись обеспечить нейтралитет во время этой войны и отказавшись от потенциальной поддержки Франции, запросили у прусского канцлера поддержки в предстоящей в таком случае потенциальной отмене некоторых статей Парижского мирного договора. Эти вопросы в том числе обсуждались на встречах Александра и канцлера Германии Бисмарка в Лисино, куда они приезжали на охоту (после 1862 года). В результате франко-прусской войны, хитроумно развязанной Бисмарком, Франция потерпела сокрушительное поражение, и к Пруссии отошли две наиболее богатые и промышленно производительные провинции Франции. В свою очередь, Россия воспользовалась результатами франко-прусской войны и объявила о том, что «не считает себя более связанной условиями Парижского договора» и, в частности, статьей о том, что Россия более не может держать свой военный флот на Черном море. [11]

Пруссия, согласно договоренностям, поддержала действия России. Франция после поражения от Пруссии не имела голоса, Англия, фактически единственная из крупных держав открыто протестовавшая против действий российских дипломатов, осталась в меньшинстве. Таким образом, Россия вернула себе право держать Черноморский флот благодаря успешным договоренностям с Бисмарком и стратегически продуманным действиям российских дипломатов. Во многом переговоры в Лисино между императором, дипломатами и канцлером сыграли немаловажную роль в предстоящем успехе России на международной арене.

Впоследствии (во времена правления императоров Александра III и Николая II) ими также было неоднократно посещено Лисино, они также заходили в Лисинский храм и возносили в нем свои молитвы.

Церковь Происхождения честных древ Креста Господня. Храм перед реставрацией, фото 1996 года
(на фасаде видны следы пуль и осколков)

Храм пользовался всеобщим почитанием, являлся предметом гордости местных жителей и важным центром общественной и культурной жизни поселения, а также местом работы, отдыха и досуга высочайших гостей и просто почитаемым памятником русской архитектуры.

После событий 1917 года

После событий 1917 года в храме по-прежнему проводились службы (до 1933 года). Затем уникальный храм, памятник русской архитектуры и истории вначале был разграблен, затем был снят купол и украшавший его православный крест. Были разбиты сброшенные вниз колокола, вырваны двери. Сожжен иконостас работы петербургских ювелиров (а драгоценные ризы для икон были разворованы задолго до этого). [5] В полуразрушенном здании власти пытались проводить концерты самодеятельности, но за не востребованностью прекратили. И

храм с богатейшей историей был передан для учений (стрельб) школы милиции. Стены храма использовались как щиты: до сих пор на северной стене есть участок, изрешеченный пулями, а о происхождении следов теперь свидетельствует памятная табличка. [9]

Период Великой Отечественной войны и послевоенное время

Вскоре началась Великая Отечественная война. Поселок Лисино был занят фашистскими оккупантами в 1941 году. В пострадавшем храме немцы размести конюшню, а в пустующие (после разграбления) места для икон засыпали корм для лошадей. Когда поселок 27 января 1944 года был освобожден советскими войсками, в чудом уцелевшем, хотя и основательно поврежденном, здании храма был организован госпиталь. Раненых подвозили на фронтовых полупортках, условия были ужасными – в подвале из-за разрушения дренажной системы

Фото 1910 года

и изоляции стояла вода, вызывавшая плесень на стенах изнутри, а снаружи на этих стенах практически не было нетронутого места. Храм страдал и от разрушения временем и от последствий обстрелов, стены храма были повреждены осколками снарядов.

В послевоенный период продолжалось естественное разрушение храма.

По всей видимости, он не выстоял бы до наших дней, если бы не энтузиазм местных жителей и распоряжения главы местной администрации, которые решили вернуть крышу памятнику архитектуры (60-е годы). Затем здание храма на бумаге было переоборудовано не то под склад, не то под помещение хозяйственного на-

значения, а на самом деле – было просто оставлено для постепенного разрушения.[3] Храм приходил в упадок, внутри был ужаснейший беспорядок. Внутри храма – то осуществлялось хранение стройматериалов, то – корма для скота, а иногда ночевали бездомные. В таком виде Лисинский храм находился вплоть до 1991 года.

Как написано в исторической справке, находящейся перед входом на территорию комплекса в наши дни, – «...это чудесный храм, судьба которого отразила в себе всю трагедию русской истории».

Возрождение

В 1991 году местные жители объявили сбор подписей

Церковь Происхождения честных древ Креста Господня, Лисино-Корпус, фасады. Фото 2024 года

Вид на храм и часовню-купальню Богоявления Господня со стороны монастырского пруда

за восстановление храма. Огромными усилиями удалось найти средства на реставрацию. С 1997 по 2001 гг. был проведен основной этап реставрации.

Сегодня храм является подворьем Новодевичьего монастыря. В дни православных праздников здесь проходят одни из самых больших служб в Ленинградской области: храм вмещает 600 прихожан.

Восстановление святыни продолжается до сих пор, хотя внутреннее убранство уже фактически соответствует подлинному. На северной стене храма до сих пор остаются следы пуль – их решено было не реставрировать и оставить как напоминание о прошлом храма.

Фрески православных святых, расположенные на внешней части храма под шатровым куполом, вновь смотрят на прихожан и на жизнь поселка, на весь храмовый комплекс, ставший свидетелем огромного коли-

чества событий, смены исторических периодов, времен и эпох. В настоящее время воссоздано также монастырское подворье, восстановлен пруд для крещенской купели.

Заключение

Сегодня храм вновь обретает былое значение, представляя собой не только неоценимый памятник русской культуры и архитектуры, но и неся в себе колоссальную историческую ценность, ведь в храмовом комплексе в течение долгого времени происходили международные переговоры, принимались решения государственной важности. До наших дней сохранилась икона, перед которой молились все три императора, посещавшие храм. Чудом сохранившаяся, она находится на том же месте, где была и при открытии храма. Она словно объединяет современную Россию с наследием предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. — Санкт-Петербург: Лики России, 2003. — С. 70-118.
2. Борисов С.В. Современность и традиция в архитектуре православных храмов. // «Известия вузов». №57, 2017, С 101-106.
3. Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925-1941. Воспоминания. Париж, 1977.
4. Кутепов Н. М., сост. Памятная книжка по С.-Петербургской епархии. СПб. 1899. Ст. 340-341
5. Мещанинов М.Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей. Краткий исторический справочник. — 2-е изд., исп. и доп. — СПб.: GenioLoc, 2007. — С. 470—477
6. Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Тосненский район. — СПб.: Алаборг, 2010. — С. 182—183.
7. Петров П.Н. Профессор архитектуры Николай Леонтьевич Бенуа в своей полувековой художественной деятельности (1836—1886 г.): Биограф. очерк. — СПб., 1886;
8. Тальберг Н.Д. История христианской Церкви. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. — 560 с.
9. Официальный сайт подворья при храме. [Электронный ресурс] <https://xn--b1aaahftai3akb6i.xn--p1ai/lisino>
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). // Бенуа, Николай Леонтьевич // — СПб., 1891. — Т. III. — С. 463—464
11. Циркулярная депеша министра иностранных дел России А.М. Горчакова к представителям России при дворах держав, подписавших Парижский трактат 1856 года. 19(31).10.1870. Проект Российского военно-исторического общества «100 главных документов российской истории».
12. Парижские трактаты // — СПб. ; [М.] : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. — С. 291—292. — (Военная энциклопедия : [в 18 т.] / под ред. К.И. Величко ... [и др.] ; 1911—1915, т. 17).

© Дамшин Максим Владимирович (mdamshin-21@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУДЕБНОЕ ДЕЛО “NORTHERN SECURITIES COMPANY VS. U.S.” — ПЕРВЫЙ УДАР ПО МОНОПОЛИЯМ

Данилова Елена Валерьевна

Доцент, Российский университет
дружбы народов им. П. Лумумбы
danilova-ev@rudn.ru

THE SUPREME COURT CASE "NORTHERN SECURITIES COMPANY VS. U.S." — THE FIRST BLOW TO MONOPOLIES

E. Danilova

Summary: The article is devoted to the court case "Northern Securities Company vs. U.S." (193 U.S. 197, 1904), which became an important precedent in the history of American law. The purpose of this article is to study the specifics of the case in question in the historical retrospect of the United States at the beginning of the twentieth century, to clarify the consequences and identify the lessons learned by American legislators and courts from this experience.

The Northern Securities Co. case has raised a number of important issues regarding the principles of free enterprise, the role of the state in the economy, and methods for preventing abuse by large companies. It was then that the question of the balance between the interests of business and the need to protect the public good first became acute. The court case is a vivid example of the clash between big business and the state in the struggle to regulate the market economy. Despite the historical significance of this case, it also demonstrated the weaknesses of the current legal system, which needs serious reforms. Today we see how important it is to have clear and fair legislation that promotes the development of a competitive environment and protects the interests of consumers.

The decision in the Northern Securities case was of historical significance — it was established that the Sherman Act could be used to eliminate large monopolies, to prevent the consolidation of economic power. This has set a precedent for antimonopoly legislation, which was used in subsequent lawsuits against large corporations.

Keywords: USA, monopolies, T. Roosevelt, O.W. Holmes, the Sherman Act.

Аннотация: Статья посвящена судебному делу «Northern Securities Company vs. U.S.» (193 U. S. 197, 1904), которое стало важным прецедентом в истории американского права. Цель настоящей статьи заключается в изучении особенностей рассматриваемого дела в исторической ретроспективе США начала XX века, выяснении последствий и выявлении уроков, извлечённых американскими законодателями и судами из данного опыта.

Дело Northern Securities Co. подняло целый ряд важных вопросов, касающихся принципов свободного предпринимательства, роли государства в экономике и методов предотвращения злоупотреблений крупными компаниями. Именно тогда впервые остро встал вопрос о балансе между интересами бизнеса и необходимостью защиты общественного блага. Судебное дело является ярким примером столкновения крупного бизнеса и государства в борьбе за регулирование рыночной экономики. Несмотря на историческое значение этого дела, оно также продемонстрировало слабые стороны действующей правовой системы, нуждающейся в серьёзных реформах. Сегодня мы видим, насколько важно иметь четкое и справедливое законодательство, способствующее развитию конкурентной среды и защите интересов потребителей.

Решение по делу о Northern Securities имело историческое значение — было установлено, что закон Шермана может использоваться для ликвидации крупных монополий, для предотвращения консолидации экономической власти. Это создало прецедент для антимонопольного законодательства, который использовался в последующих судебных разбирательствах против крупных корпораций.

Ключевые слова: США, монополии, Т. Рузвельт, О.У. Холмс, закон Шермана.

Дело «Northern Securities Co. v. United States» возникло в эпоху так называемой Прогрессивной эры в США, начавшейся в конце XIX века и продолжившейся до Первой мировой войны. Период характеризовался усилением государственного вмешательства в экономику, борьбой с коррупцией и крупными промышленными группами, известными как «тресты». Рост числа корпораций и сосредоточение богатства в руках немногих лиц создали социальную нестабильность и вызвали массовые народные движения за реформы.

В начале XX века Соединённые Штаты переживали период бурного экономического роста, сопровождавшийся концентрацией капитала и образованием круп-

ных монополий. Правительство стремилось защитить рынок от злоупотреблений крупными корпорациями, вводя законы, направленные на ограничение монопольной власти. До середины XIX века американская экономика развивалась практически свободно, без вмешательства государственных органов. В 1890 году Конгресс США принял первый федеральный закон, регулирующий коммерческие отношения, закон Шермана. Это позволило государству регулировать и направлять деятельность трестов для пресечения попыток монополизировать рынки. Однако в первые десятилетия после принятия закона Шермана суды неохотно ссылались на закон Шермана, поскольку были коррумпированы и старались не затрагивать сферу антимонопольного законо-

дательства.

Ситуация изменилась с приходом к власти президента Теодора Рузвельта, который объявил войну крупным компаниям-монополистам, стремясь укрепить принципы свободного рынка и честной конкуренции. Одним из первых шагов администрации президента стало привлечение к уголовной ответственности крупной железнодорожной компании — Northern Securities Company.

Исторический фон дела «Northern Securities Co. vs. United States» неразрывно связан с развитием промышленности и транспорта в Америке конца XIX века. Бурный рост железнодорожного строительства привёл к формированию огромных компаний, контролировавших значительные сегменты транспортной инфраструктуры. Начало конфликта связано с деятельностью трёх крупнейших железнодорожных компаний Северо-Западного региона США: Great Northern Railroad, Northern Pacific Railroad и Chicago, Burlington and Quincy Railroad. Эти три фирмы объединяли большую часть железных дорог на северо-западе континента, оказывая значительное влияние на экономику регионов и создавая угрозу установления фактической монополии. Для консолидации своего влияния владельцы решили объединить активы компаний в одну крупную холдинговую структуру — Northern Securities Company. Руководителем проекта выступил Джеймс Хилл, известный американский бизнесмен и финансист, ранее возглавлявший Great Northern Railroad. Его союзниками стали Джон Пирпонт Морган и Эдвард Генри Гарриман, ведущие фигуры финансового мира США того периода. Создание холдинга вызвало резкое недовольство конкурентов и общественности, обеспокоенных возможным снижением конкуренции и ростом цен на перевозки. «... в этой компании пересекались интересы таких тузов американской экономики, как Дж. Хилла, Э. Гарримана, Дж. Ф. Бейкера, У. Рокфеллера, Дж. Стилмена и К.С. Меллона. Компания была образована в ноябре 1901 года с целью объединения двух конкурирующих дорожных компаний Great Northern Railway, созданная Джеймсом Хиллом, которая впоследствии вошла в состав Northern Securities и Northern Pacific [1, с.267]. В течение десятилетия с момента основания Great Northern железнодорожная корпорация расширила своё присутствие, объединившись с несколькими другими железными дорогами и банками. «Таким образом, в руках одной этой компании оказалась вся железнодорожная сеть на северо-западе США, а в будущем, на базе этой компании, титаны американского бизнеса планировали создать трансконтинентальную монополию с привлечением в ее орбиту паромных линий, обслуживающих рынки Восточной Азии [2, с. 54]. Компания действовала активно, инвестировала средства в инфраструктуру и предлагала своим клиентам выгодные тарифы и дополнительные услуги. Однако такая политика привела к росту недовольства среди конкурентов и

властей, опасавшихся появления монополиста на национальном уровне. Президент Теодор Рузвельт, избранный в 1901 году, обещал бороться с такими корпорациями, называя их «хищническими богачами». Закон Шермана стал ключевым юридическим инструментом, которым воспользовалось правительство для атаки на тресты.

14 декабря 1903 года в Верховный суд США было представлено дело о Northern Securities Company [10]. Правительство утверждало, что образование Northern Securities Company представляет собой попытку ограничить свободную торговлю и создать препятствие конкуренции на рынках железнодорожных перевозок и банковского обслуживания. Отмечалось, что объединение активов крупнейших транспортных компаний нарушает дух и букву Закона Шермана, поскольку позволяет владельцам устанавливать контроль над значительным сегментом рынка. В ходе вопросов прокурора выяснились обстоятельства применения компанией противоправных действий, включая миллионные сделки в обход законодательства, взятки, нарушения законов штатов Нью-Джерси и Миннесоты [2, с. 58].

Компания отрицала выдвинутые обвинения, заявляя, что её деятельность соответствует принципам свободы предпринимательской деятельности и не противоречит законодательству. Защита приводила аргументы, что формирование холдинга носит инвестиционный характер и направлено на оптимизацию ресурсов и повышение общей эффективности работы, что у компании Northern Securities Company ограниченная сфера деятельности и она существенно не влияет на общенациональный рынок перевозок. Кроме того, отмечалось, что закон Шермана применяется неправильно, так как не определяет точные границы понятий «монополия» и «ограничение торговли». Защита подчёркивала, что деятельность холдинга направлена лишь на координацию усилий участников, минимизацию издержек и увеличение прибыли акционеров, не затрагивая непосредственно интересы конечного потребителя. И хотя решение суда по делу о Northern Securities Company vs. U.S. должно было быть оглашено в марте 1904 года, практически никто не сомневался, что исход дела предрешен в пользу государства.

Дело о Northern Securities Company vs. U.S. выявило неоднозначное отношение президента Теодора Рузвельта к монополистическому капиталу. С одной стороны, отчетливо проявилось его желание осуществлять контроль над крупными корпорациями, которые могли перенести свое влияние из сферы экономики и финансов на политическую арену. С другой стороны, он понимал, что именно частный капитал создавал динамику и направленность развития экономики, не позволяя этому сектору находиться в стагнации или упадке. В своих выступлениях он неизменно подчеркивал «выдающую-

ся» и «благотворную» роль «капитанов индустрии», как президент Рузвельт называл ведущих предпринимателей в создании экономического потенциала США. Поэтому, приоритетной задачей президента являлось не уничтожение, а регулирование трестов под контролем федерального правительства [2, с. 61]. «Прерогативы исполнительной власти должны быть расширены, дабы национальное правительство получило бы возможность осуществлять контроль над деятельностью крупных трестов. Для такого прецедента и был возбужден иск против Northern Securities Company [5, p. 427].

Решение Теодора Рузвельта реформировать, контролировать и направлять экономику страны явилось основополагающим моментом на данном историческом этапе развития Соединенных Штатов Америки, поскольку он понимал, если сейчас упустить эту возможность, то добиться доминирующего положения в контроле государства над трестами в дальнейшем будет еще сложнее. «Для дальнейшего процветания страны необходимо, чтобы ... огромные корпорации находились под наблюдением правительства, и чтобы правительство имело право и силу регулировать их рост и деятельность» [3, с.131]. Опираясь на закон Шермана, который являлся стабилизатором и контролером отношений государства и трестов, но никогда ранее не рассматривался под данным углом, но имел под собой силу закона – юридического документа [2, сс. 61-62], президент Теодор Рузвельт приступил к осуществлению беспрецедентного плана.

До начала XX века этот процесс был практически неосуществим из-за огромного влияния корпораций и коррумпированности Верховного Суда США. Член Верховного суда США О.У. Холмс, утверждал, что в начале XX столетия этот законопроект не прошел бы слушание в Сенате и палате Представителей, так как к этому времени консервативное большинство государственных мужей было просто куплено финансовыми магнатами, которые имели возможность проводить политику государства посредством проведения законодательных актов с учётом прежде всего своих личных интересов или интересов отдельных промышленных групп. Даже Верховный суд был подвержен этому явлению [2, с. 62]. Холмс заявлял, что у него есть письма, и не все анонимные, указывающие на то, что Верховный суд США коррумпирован [4, p. 172].

Для судьи О.У. Холмса деньги никогда не являлись значимым моментом в принятии им решений в Верховном суде США. Прежде всего он придерживался своих собственных нравственно-философских принципов, которые сформировались еще задолго до того, как он стал членом Верховного суда штата Массачусетс, а затем Верховного суда США [5]. Он считал, что деньги не должны быть преимуществом его профессии, что в законе есть одно хорошее качество – он не гонится на пря-

мую за ними [6, p. 153]. Отношение Холмса к профессии и деньгам хорошо выражено в следующих изречениях: «Имущество бостонского судьи состоит из части книг, из литературного клуба и достаточного количества денег для уплаты ежегодной ренты для его вдовы» и что «они живут хорошо, работают с усердием и умирают в бедности» [7, p. 20].

В 1902 году президент Теодор Рузвельт назначает О.У. Холмса членом Верховного суда США. Он высоко ценил Холмса как профессионала и человека и считал, что именно такой человек необходим в Верховном суде США для поддержки его идей. Своему близкому другу Генри Кэботу Лоджу он писал, что Холмс обладает сильным характером и безукоризненной репутацией и является во всех смыслах подходящей кандидатурой для члена Верховного суда [8, pp. 517–519]. Президент Рузвельт надеялся, что судья Холмс обладал теми же принципами, что и он сам: «Могущественные адвокаты и великие судьи – это люди, чье прошлое тесно связано с богатейшими и влиятельнейшими клиентами, и я рад тому, что могу найти судью, который смог бы оставаться в стороне, чтобы сохранить свою огромную человечность и свои симпатии к тому классу, представители которого не входят в число его клиентов» [8, p. 519]. Однако президент Рузвельт не учел тот факт, что судья Холмс имел свою собственную позицию и никогда не подстраивался под угоду чьего-бы то ни было мнения. Следующий пример прекрасно подтверждает его позицию. Однажды на обеде в Белом доме с лидерами рабочих организаций Холмс сказал им, что когда работает, то не заботится о том, что они хотят от него или что желает мистер Рузвельт, главное то – что он так считает и верит в это [9, p. 172].

По делу «Northern Securities Co. vs. United States» судья Оливер Уэндел Холмс высказал свое «великое несогласие» с позицией президента Рузвельта. Холмс считал, что действия Northern Securities не представляли непосредственной угрозы для конкуренции и свободы торговли в стране. Он утверждал, что концентрация капитала не обязательно влечет за собой монополизацию рынка или уменьшение конкуренции. «...влияние, оказываемое фактом владения акциями компанией Northern Securities на торговые отношения между штатами, является «косвенным» и «не демонстрирует безусловность или масштабность», а также что, если столь «отдаленных последствий осуществления обычного права собственности и проявления свободы личности достаточно для того, чтобы сделать такое осуществление противозаконным, тогда едва ли можно найти сделку, связанную с торговлей между штатами, которая не будет признана преступной решением присяжных или суда» [11].

Каждый случай, связанный с деятельностью монополий, по мнению Холмса, должен рассматриваться индивидуально, исходя из особенностей рынка и возможных

последствий для конкуренции. Холмс указал, что каждая из дочерних компаний, входящих в состав холдинга, продолжала действовать самостоятельно, независимо друг от друга. Отсутствовали свидетельства координации цен или тарифов, равно как и какой-либо стратегии подавления конкуренции. Холдинг выступал скорее как финансовый инструмент, чем средство манипуляции рынком. Естественное устранение конкуренции между любыми двумя сторонами (например, между двумя конкурирующими железными дорогами) как следствие их добровольного слияния или объединения было, таким образом, совершенно законным. Если бы это было не так, продолжал Холмс, «любое такое объединение, как малое, так и большое, подпадало бы под юрисдикцию закона Шермана», применение которого в этом случае стало бы не попыткой регулирования торговых отношений, а «попыткой перестройки общества», для которой у конгресса не имелось ни законной власти, ни желания {106}[11].

Эти аргументы отразились в дальнейшем развитии антимонопольного права, приведя к внедрению принципа *rule of reason*, который признает необходимость индивидуального анализа каждого случая и отказа от

универсальных запретов на основании одной лишь величины компании. Таким образом, особое мнение Холмса выступило мощным катализатором пересмотра взглядов на антимонопольное регулирование и заложило основу для будущего развития соответствующей правовой доктрины. Он поставил под сомнение утверждение правительства о негативном влиянии холдинга на рынок, поскольку не существовало никаких доказательств того, что акции холдинга привели к росту цен или снижению качества услуг. Фактически, Холмс видел в действиях компании позитивный эффект, связанный с повышением эффективности управления и инвестициями в инфраструктуру.

После длительных обсуждений и дебатов коллегия Верховного суда приняла решение большинством голосов признать незаконным существование Northern Securities Company и приказала провести расформирование компании. Таким образом, Верховный суд согласился с позицией правительства и установил важную юридическую норму, согласно которой любая попытка монополизации рынком посредством корпоративных объединений подлежит рассмотрению судом.

ЛИТЕРАТУРА

1. История США. //Под ред. Севастьянова Г.Н. Т.2. М., 1985.
2. Данилова Е.В. Деятельность члена Верховного суда США О.У.Холмса в период правления Президента Т.Рузвельта. //Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1997.
3. Белявская И.А. Буржуазный реформизм в США. М., 1968.
4. The Occasional Speeches of Justice O.W. Holmes. Cambridge, 1962.
5. Danilova E.V., Danilov V.A. Formation of Moral and Philosophical Principles of O.W. Holmes. //NORDSCI Conference, 2019.
6. Collected Legal Papers. N.Y., 1920.
7. The Holmes Reader. The life, Writings, Speeches, Constitutional Decisions, etc of Mr. Justice Holmes. N.Y., 1955.
8. Selection from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge. 1884-1918. Vol. 1. N.Y., 1925.
9. Frankfurter Felix. Of Law and Men. Papers and Addresses of Felix Frankfurter. 1935-1956. Hamden, 1965.
10. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/micro_IA_40386019_0435/micro_IA_40386019_0435%2001.%20Transcript%20of%20Record/mode/1up (дата обращения: 14.01.2026)
11. Арментано Доминик Антитраст против конкуренции [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-dominik-armentano/182996-antitrast-protiv-konkurencii-dominik-armentano/read/page-7.html> (дата обращения: 14.01.2026)

© Данилова Елена Валерьевна (danilova-ev@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ЧУВАШИИ НА МЕСТАХ В 1917-1925 ГГ.

ORGANIZATIONAL AND TERRITORIAL DEVELOPMENT OF THE CHUVASHIA SOVIET MILITIA IN THE FIELD IN 1917-1925

**N. Ivanov
A. Karpov**

Summary: the article examines the process of the organizational development of the territorial bodies of the Workers' and Peasants' Militia in the Chuvash Republic in the 1917-1925 period. It identifies the main challenges faced by the new Soviet law enforcement agencies in the field and the measures taken by the authorities to address these issues. The article also focuses on the study of the personnel composition of the militia. By examining the changes in the organizational and territorial structure of the Cheboksary district's militia, the article provides a comprehensive understanding of the administrative, legal, and personnel challenges faced by the local militia. As a result of the conducted research, two main trends in the institutionalization of the Soviet police in Chuvashia during the period under review have been identified: 1) the search for an optimal administrative and territorial model for their organization; 2) the determination of the necessary quantitative and qualitative composition of employees required to ensure law and order and combat crime in the region.

Keywords: workers' and Peasants' Militia, Soviet Militia, Chuvashia, institutionalization, organizational and territorial structure, personnel composition.

Иванов Николай Васильевич

д.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им И.Н. Ульянова», г. Чебоксары
Ivanov.N.V58@mail.ru

Карпов Алексей Валентинович

к.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им И.Н. Ульянова», г. Чебоксары
alekkarp@yandex.ru

Аннотация: В статье изучен процесс организационного становления территориальных органов рабоче-крестьянской милиции Чувашского края в 1917-1925-е гг. Определены основные проблемы институционализации новых советских органов обеспечения правопорядка на местах и предпринятые властями меры по их решению. Особое внимание при этом уделено вопросам исследования кадрового состава милиции. На примере происходивших изменений в организационно-территориальной структуре органов милиции Чебоксарского уезда, раскрыта общая картина имевшихся административно-правовых и кадровых трудностей с их формированием на местах. В результате проведенных изысканий выявлены две основные тенденции институционализации органов советской милиции Чувашии в рассматриваемый период: 1) поиск оптимальной административно-территориальной модели их организации; 2) определение необходимого количественно-качественного состава работников, необходимых для обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью в регионе.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская милиция, советская милиция, Чувашия, институционализация, организационно-территориальная структура кадровый состав.

В результате октябрьского государственного переворота 1917 г. в России было объявлено об установлении в стране советской власти, реализуемой в форме т.н. «диктатуры пролетариата». В условиях продолжающегося вооруженного противостояния между различными политическими силами внутри страны, для защиты завоеваний новой власти, установления и обеспечения общественного правопорядка были образованы разные специальные советские правоохранительные органы: рабоче-крестьянская милиция, народные суды, революционные трибуналы, чрезвычайные комиссии и другие.

Становление советских органов правопорядка на начальном этапе сильно осложнялось отсутствием заранее продуманной теоретико-правовой и практико-

ориентированной организационно-функциональной концепции в отношении определения их роли и места в новой общественно-политической системе. Это напрямую касалось организации и деятельности органов советской милиции.

Уже на третий день после октябрьской революции, 28 октября (10 ноября) 1917 года, НКВД СНК РСФСР было принято особое постановление «О рабочей милиции» [14], состоявшее всего из 4 пунктов. Этим постановлением было официально объявлено о создании органов рабочей милиции при всех советах рабочих и солдатских депутатов. Также заявлялось о том, что все военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее «техническими силами вплоть до обеспечения ее оружием». Но вплоть

до момента утверждения в октябре 1918 г. особой инструкции [1], никакой конкретики относительно определения места, роли, организационной структуры, кадрового состава и функций советской милиции в системе правоохранительных органов с практико-правовой точки зрения не имелось. В связи с этим, реализация принятого решения о создании рабоче-крестьянской милиции на местах столкнулась с целым рядом организационно-правовых и структурно-функциональных трудностей, что привело к затягиванию процесса их институционализации.

Это было характерно и для процесса становления органов советской милиции на территории Чувашии, в то время территориально входящей в состав ряда уездов Казанской и Симбирской губерний. До сих пор ряд вопросов, связанных с организационно-территориальным становлением органов рабоче-крестьянской милиции на региональном уровне в первые годы советской власти в научном сообществе не до конца изучены и исследованы. Хотя в отечественной историографии представлено ряд научных работ, раскрывающий некоторые аспекты заявленной проблемы в разрезе ряда административно-территориальных образований в составе РСФСР, в том числе и Чувашии [10].

На местах, в первый год с момента установления советской власти, вопрос о создании и деятельности рабочей милиции решался по-разному, в зависимости от практической и политической целесообразности в условиях разгоревшейся в стране гражданской войны. Так, решением Казанского губернского совета рабочих и солдатских депутатов в январе 1918 г. функции милиции были напрямую переданы отрядам Красной Гвардии [15]. В соответствии с этим решением 31 января 1918 г. Ядринский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов также принял соответствующее постановление о замене милиционеров красногвардейцами. В результате этих решений в уезде был сформирован отряд Красной гвардии, численностью 50 чел. во главе с П.И. Посыпкиным [6, с. 17]. Аналогичным образом Чебоксарская городская милиция, состоящая из 7 чел., вошла в состав Красной гвардии под командованием Е.В. Захарова, прибывшего в Чувашию в конце января 1918 г. с отрядом из Казани [4, д. 25, с. 1]. В то же время, на территории Алатырского уезда Симбирской губернии, в конце 1917 – начале 1918 гг. продолжали действовать органы рабочей милиции. Решением Алатырского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 28 января 1918 г. его начальником был назначен В. Важаров [7, с. 107].

О наличии организационной неопределенности с практико-правовым решением вопроса об учреждении рабоче-крестьянской милиции на местах в конце 1917 – начале 1918 гг. было известно и на уровне НКВД РСФСР. Народный комиссар внутренних дел РСФСР Г.И. Петров-

ский 21 марта 1918 г. поставил перед СНК вопрос о необходимости разрешения этих противоречий. В свою очередь, СНК РСФСР предложение наркома считал важным и предложил НКВД немедленно приступить к разработке специального положения о милиции, а всем губернским советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов также было рекомендовано самостоятельно приступить к формированию милиции на штатной основе [13, с. 110-124].

В процессе организационного становления советской милиции в стране большую роль сыграли решения I Всероссийского съезда председателей исполкомов и заведующих отделами управления губерний, проходивший с 30 июля по 1 августа 1918 г. в Москве. После заслушивания и обсуждения доклада А.И. Дижбита на тему «Советская милиция, ее характер, задачи организации милиций» было признана несостоятельной теоретико-правовая доктрина о невозможности всеобщего вооружения населения для поддержания порядка и охраны советской власти. Для реализации этой цели съездом было принято о необходимости повсеместно организовывать советскую рабоче-крестьянскую милицию [9].

Затянувшаяся организационная неопределенность сильно сказывалась на кадровой и материально-финансовой обеспеченности органов милиции на местах. Это выразилось прежде всего в высокой текучести кадров как среди рядового, так и руководящего состава. Только за три месяца 1918 г. сменилось три начальника Чебоксарской уездной милиции [4, д. 917, с. 33-34]. В докладах вышестоящему руководству часто встречались жалобы на плохое оснащение оружием и иным довольствием. Так, в одном из своих рапортов начальник милиции одного из чувашских уездов Казанской губернии констатировал что: «... лошадей нет за неимением ассигнований, но крайне необходимы конные милиционеры, недостаточно револьверов и патронов к ним» [5, д. 10, с. 262].

После утверждения совместного постановления НКВД и Наркомюста РСФСР «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции» 21 октября 1918 г. в Казани состоялся съезд с участием всех заведующих отделами управления исполкомов и начальников уездных милиций губернии. По итогам его работы было принято решение об ускорении процесса формирования милиции на местах, а также одобрена инструкция постовым милиционерам, разработанная Главным управлением рабоче-крестьянской милиции [8, с. 241-242].

Согласно октябрьской инструкции 1918 г. за рабоче-крестьянской милицией закреплялась обязанность по «охране революционного порядка и гражданской безопасности». При этом добровольный принцип оставался основным способом комплектования его личного состава. Но в зависимости от местных условий и конкретной

обстановки военного времени не исключался и прием граждан на службу в милицию в порядке призыва. Определенные местные исполнительными органами штаты милиции в последующем утверждались на уровне губернского исполкома и органов НКЮ [2].

Практическая реализация заложенных в инструкции 21 октября 1918 г. положений на местах стало осуществляться прежде всего в направлении внесения ряда изменений в действующую организационно-территориальную структуру органов милиции. Так, в процессе реорганизационных мероприятий на уровне Казанской губернии, с 1 декабря 1918 г. уездные органы милиции, включая Чебоксарский и Ядринский уезды, были дополнительно разделены на районные. Также особо были введены должности начальников милиции на уровне ряда уездных городов, включая города Чебоксары, Мариинский-Посад, Ядрин. Таким образом, к концу 1918 г. в территориально-организационном плане на уровне каждого уезда было образовано ряд районных и городских органов милиции, возглавлявшиеся начальниками. Например, в этот период, в составе Чебоксарского уезда, органы милиции г. Чебоксары возглавлял К.М. Кожин, а г. Мариинский-Посад – С.И. Борзов. Территориально в составе уезда также было образовано три районных органов милиции. Во главе 1-го района – П.М. Власов, 2-го – А.Е. Малофеев, 3-го – С.В. Васильев. Все они напрямую подчинялись губернскому начальнику милиции в лице М.И. Журавлева [3].

В последующие годы практика территориально-районного и городского деления органов милиции в пределах одного уезда неоднократно пересматривалось как в сторону их увеличения, так и сокращения. Например, к маю 1919 г. количество районных органов милиции в составе Чебоксарского уезда возросло до 5 [4, д. 36, с. 39(об)]. А в начале января 1920 г. на основании приказа заведующего управления милиции Казани и Казанской губернии в Чебоксарском уезде было соединены 4-ый район с 1-м, а 5-й со 2-м, в результате чего вместо 5 существующих районов осталось 3 района. В результате проведенных преобразований центром 1-го района стал в г. Чебоксары, 2-го – г. Мариинской Посад, а 3-го – д. Козловка [4, д. 108, с. 15].

Также часто происходила постоянная ротация среди личного состава и начальников районных и городских органов милиции. Причем это могли быть как внутренние перемещения между территориально-районными и городскими органами милиции, так и новые назначения на вакантные должности.

Так, по состоянию на 1 ноября 1919 г. по Чебоксарскому уезду кадровая обеспеченность районных органов милиции выглядела следующим образом: начальником 1-го района был назначен П.М. Власов с личным соста-

вом 20 чел.; 2-го района – В.С. Шигалеевский с личным составом 20 чел.; 3-го района – А.С. Шерстобитов с личным составом 18 чел.; 4-го района – С.И. Борзов с личным составом 10 чел. [4, д. 51, с. 10] Очередная перестановка руководящего состава произошла уже в марте 1920 г., в результате чего вместо В.С. Шагалеевского начальником 2-го района был назначен С.И. Борзов с личным составом вместе с Мариинским Посадом в количестве 32 чел.; в 3-м районе А.С. Шерстобитов сохранил свою должность, но личный состав вместе с Козловкой был увеличен до 33 чел.; в 4-ом районе вместо С.И. Борзова был назначен М.С. Кудряшов с личным составом в количестве 25 чел. [4, д. 51, с. 14, 15, 28] Новые перестановки прошли также в начале ноября 1920 г., когда начальниками 2-го района был назначен А.Н. Соснин с личным составом в количестве 37 чел.; 3-го района – А.Л. Заславский с личным составом в количестве 41 чел.; 4-го района – А.М. Соловьев с личным составом 16 чел [4, д. 51, с. 61, 62, 64]. В результате очередных кадровых изменений сентября 1921 г. штатный состав районных органов милиции Чебоксарского уезда выглядел следующим образом: 1-ый район – во главе с Ф.Е. Егоров, личный состав – 34 чел.; 2-й – во главе П.И. Чернышов, личный состав – 40 чел., 3-й район – во главе А. Соловьев, личный состав – 8 чел. [4, д. 313, с. 8].

Такие частые перестановки создавали еще большую кадровую неразбериху и текучесть кадров на местах среди рядового и руководящего состава. Так, по состоянию на 1 марта 1920 г. по Чебоксарскому уезду по штату было положено иметь 207 чел. На практике некомплект составлял 67 чел. или 32% от общего количества. При этом из положенных для несения службы 90 лошадей в распоряжении милиционеров имелось только 69 голов, т.е. их некомплект составлял 23% [4, д. 88, с. 21].

В рассматриваемый период определенные изменения происходили и во внутренней структуре местных органов милиции. Решением коллегиального заседания отдела управления Чебоксарского уездного исполкома от 28 июня 1919 г. вместо упраздненных ранее чрезвычайных комиссий (ЧК) при подотделах милиции были организованы т.н. «столы уголовного розыска», главная функция которых заключалась в борьбе с преступностью. Первоначально в штаты этих подразделений вошли: 2 агента, делопроизводитель и регистратор преступников с возложением на него обязанностей машиниста. Уголовно-следственные дела и розыскная часть в уезде находились в ведении районных начальников милиции и старших милиционеров на местах [4, д. 38, с. 8]. К июню 1923 г. общая численность Чебоксарского уездного отделения уголовного розыска во главе с начальником В.М. Сидяковым составляла 8 человек. Из них: агент 1-го разряда – 2 чел., агент 2-го разряда – 2 чел., статист – 1 чел., регистратор-дактилоскоп – 1 чел., старший делопроизводитель – 1 чел. [4, д. 342, с. 76].

К 1924-1925 гг. общая численность работников милиции и уголовного розыска Чувашской автономной области варьировалась в пределах 245-255 чел. Из них на административно-территориальном уровне их распределение было следующим: г. Чебоксары – 46 чел.; Ядринский уезд – 57 чел.; Цивильский уезд – 49 чел.; Чебоксарский уезд – 49 чел.; Батыревский уезд – 44 чел. При этом в составе подразделений уголовного розыска в 1924-1925 гг. насчитывалось по разным данным от 22 до 37 чел. Из числа милиционеров по состоянию на март 1925 г. стаж службы в органах милиции до 6 месяцев имели 76 чел.; от 6 месяцев до 1 года – 60 чел.; от 1 года до 3 лет 60 чел. Стаж более 3-х лет имелся только у 59 чел. [4, д. 658, с. 47, 100]

Таким образом, организационно-территориальное становление органов советской милиции Чувашии в 1917-1925 гг. проходило в непростых условиях. В регио-

не шел поиск по выработке оптимальной модели управления органами милиции на местах и обеспечения их кадрами. Это нашло свое прямое отражение в многочисленных реорганизациях и кадровых перестановках. В рассматриваемый период наблюдалась довольно высокая текучесть кадров как среди рядового, так и начальствующего состава. Несмотря на имевшиеся проблемы и трудности, к началу 1925 г. в Чувашии все же сложилась определенная организационно-территориальная управленческая модель деятельности органов милиции на местах. Она включала в себя целый ряд территориальных подразделений в лице уездных, районных и городских органов, на которые возлагалась основная функции по обеспечению общественного правопорядка. Особо в их составе выделялись немногочисленные в своем численном количестве отделения уголовного розыска, специально созданные для борьбы с преступностью на местах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13.10.1918 «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.
2. Постановление НКВД и Юстиции от 20 октября 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)» / Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 75. от 20 октября 1918 г. – С. 813.
3. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 10. Л. 350.
4. 15. ГИА ЧР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 36. Л. 39(об).
5. ГИА ЧР. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 43. Л. 17.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 4. Л. 107.
8. ГИА РТ. Ф. Р-3997. Оп. 1. Д. 8. Л. 241-242.
9. Вестник НКВД. 1918. № 20. С. 11.
10. Иванов Н.В., Михайлова С.Ю. История милиции Чувашии: опыт и традиции изучения: монография / Н.В. Иванов, С.Ю. Михайлова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2017. – 212 с.;
11. Тимофеев В.Г. На страже правопорядка: становление, развитие и деятельность органов милиции Чувашии в предвоенные годы (1917-1941 гг.): монография / В.Г. Тимофеев В.Г. – Чебоксары, 1996. – 448 с.;
12. Иванов Н.В., Михайлова С.Ю. Организация и деятельность милиции чебоксарского уезда чувашской автономной области (1920-1925 годы) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 3. – С. 14-17 и др.
13. Токарева С.Н. Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 году // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2016. – № 17. – С. 110-124.
14. Распубликовано в №2 Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 30 октября 1917 года; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942.
15. Рабочее дело. 1918. 1 февраля.

© Иванов Николай Васильевич (ivanov.N.V58@mail.ru), Карпов Алексей Валентинович (alekkarp@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРУИЗНЫЙ ТУРИЗМ В РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CRUISE TOURISM IN RUSSIA: HISTORY, MODERNITY, AND DEVELOPMENT PROSPECTS

*D. Karpov
I. Smolyanko*

Summary: Cruise tourism in Russia has deep historical roots dating back to the era of steamship services on the great rivers. The current stage of its development is characterized by the growing popularity of both river and emerging sea routes. The geography of travel stretches from the Volga and Kama Rivers to the coast of Crimea and the Far East. Despite the existing infrastructural and logistical challenges, the industry demonstrates significant potential. This article examines the evolution, current state and possible vectors of further growth of this segment of the travel industry.

Keywords: cruise tourism, stages of development, Russian tourism, river tourism, government regulation, domestic tourism.

Карпов Дмитрий Витальевич

*Аспирант, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск)
gaz_978@mail.ru*

Смолянко Игорь Алексеевич

*Преподаватель, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск)
kasparov_2011@mail.ru*

Аннотация: Круизный туризм в России имеет глубокие исторические корни, уходящие в эпоху паровых сообщений на великих реках. Современный этап его развития характеризуется ростом популярности как речных, так и зарождающихся морских маршрутов. География путешествий простирается от Волги и Камы до побережья Крыма и Дальнего Востока. Несмотря на существующие инфраструктурные и логистические вызовы, отрасль демонстрирует значительный потенциал. Данная статья рассматривает эволюцию, текущее состояние и возможные векторы дальнейшего роста этого сегмента туристической индустрии.

Ключевые слова: круизный туризм, этапы развития, российский туризм, речной туризм, государственное регулирование, внутренний туризм.

По наблюдениям международных аналитиков, круизный сектор демонстрирует устойчивую динамику роста, ежегодно расширяя свою аудиторию. Согласно статистике CLIA, в 2018 году мировые круизные линии перевезли рекордные 27,2 миллиона путешественников [6]. Тогда как в странах с устоявшейся туристической культурой морские и речные путешествия уже стали традиционным видом отдыха, в России этот рынок только формирует свою клиентскую базу. Такой контраст подчеркивает необходимость глубокой проработки стратегий создания и продвижения национальных круизных программ. Успешная реализация этого потенциала требует системного подхода, сочетающего анализ потребительских предпочтений с грамотной маркетинговой политикой.

Погружаясь в исторические хроники, можно обнаружить, что истоки отечественного круизного туризма уходят в эпоху Ивана Грозного, когда паломничество к святыням часто осуществлялось по речным путям. Знаковым событием стало создание в 1570 году каперской флотилии, заложившей фундамент российского морского судостроения. Дальнейшее развитие получило законодательное закрепление при Алексее Романове - в Соборном уложении 1649 года впервые были регламентированы принципы судоходства по внутренним водным артериям. Эти ранние нормативные акты и инфраструктурные инициативы создали предпосылки для

формирования организованного водного туризма. Исторические свидетельства демонстрируют, что традиции путешествий по воде в России имеют глубокие корни, уходящие в XVI-XVII века [8].

Эпоха Петра I ознаменовала качественно новый этап в развитии водных путешествий, заложив основы будущего круизного направления. Масштабные преобразования начала XVIII века позволили наладить устойчивые экономические связи с регионами Балтийского, Азовского и Черного морей. Существенным технологическим прорывом стало внедрение передовых иностранных судов, отличавшихся улучшенной обтекаемой формой, прочностью пиленых досок и металлическими креплениями. Историческим рубежом стало заседание Боярской думы 20 октября 1696 года, где впервые на государственном уровне обсуждались вопросы системного развития судоходства. Эта знаковая дата вошла в летопись страны как момент создания регулярного морского флота, объединившего военные и транспортные функции.

Период правления Петра I подарил России не только военный флот, но и зарождение курортной культуры, ярким примером чего стали первые водолечебницы «Марциальные воды». Путешествия по воде постепенно превращались из необходимости в элемент аристократического образа жизни, становясь неотъемлемой

частью светских ритуалов. Российское дворянство начало активно совершать морские вояжи в европейские и американские порты, стремясь приобщиться к зарубежным традициям и культурным достижениям. Благодаря государственной мудрости императора развивалось не только судостроение и торговые связи, но и формировалась новая философия путешествий. В общественное сознание прочно вошла идея водных маршрутов как средства оздоровления, образования и развлечения, что заложило основы будущей круизной индустрии [1].

XIX столетие ознаменовалось стремительным рывком в развитии судостроения, когда паровые машины начали активно вытеснять традиционные парусные системы на внутренних водных путях. Историческим прорывом стало строительство в 1816 году первого отечественного речного судна на реке Пожве, положившее начало регулярному пароводному сообщению между Камой и Волгой. Уже с 1815 года пароход «Елизавета» установил постоянные рейсы между Северной столицей и Кронштадтом, демонстрируя практическую ценность нового вида транспорта. Мировые масштабы пароводостроения проявились в 1819 году, когда судно «Саванна» преодолело Атлантику за рекордные шесть суток, а спустя восемь лет трансатлантические рейсы парохода «Сириус» стали регулярными. К 1840-м годам российские пассажиры получили возможность ежедневных путешествий до Любека и еженедельных до Лондона, что кардинально изменило представления о доступности международных маршрутов.

Историческим моментом для российского флота стало 3 августа 1856 года, когда император Александр II подписал устав Российского общества пароводства и торговли – монументального проекта в сфере морских перевозок. Созданная компания мгновенно превратилась в крупнейшего игрока на отечественном судоводном рынке. Всего за четыре года активной деятельности флот общества пополнился четырьмя десятками пароходов, причем три четверти из них составляли современные суда, находящиеся в эксплуатации не более трех лет. Этот качественный и количественный рост демонстрировал не только оперативность развития, но и стратегический подход к обновлению флота. Молодые суда с их повышенной надежностью стали основой для расширения маршрутной сети и повышения регулярности сообщений.

Основание Сормовского судостроительного завода в Нижнем Новгороде в 1848 году стало катализатором технологической революции на водном транспорте. Под инженерным руководством гениального нижегородского изобретателя В.И. Калашникова производственные мощности выпустили более 60 новых судов, кардинально модернизировали 110 пароходов и изготовили свыше 160 паровых котлов. Эта масштабная техническая

трансформация не только обновила речной флот, но и заложила основу для создания стандартизированных судостроительных решений. Деятельность завода под руководством Калашникова вывела отечественное пароводостроение на новый уровень, обеспечив водные артерии страны современными судами [7].

Россия вошла в историю мирового судостроения как создатель первого теплохода, спущенного на воду в 1903 году. Стремительное развитие отрасли привело к тому, что уже к 1907 году волжский речной флот стал крупнейшим в мире, демонстрируя впечатляющие масштабы отечественного судоходства. Начало XX века ознаменовалось активным созданием акционерных предприятий, специализировавшихся на строительстве и эксплуатации пароходов. Знаковым событием стало открытие к 1913 году регулярной пассажирской линии между Нижним Новгородом и Астраханью, обслуживаемой флотилией из одиннадцати современных судов. Этот период стал временем качественного преобразования речных перевозок, когда технические инновации сочетались с развитием инфраструктуры и маршрутной сети.

Зарождение организованного речного туризма в СССР относится к 1959 году, когда Центральный совет по туризму запустил первый тематический экскурсионный маршрут. По показателям мощности флота и объема перевозок Волжский бассейн уступал лишь глубоководной системе реки Святого Лаврентия в Северной Америке, занимая вторую позицию в мировом рейтинге. При этом по количеству судов, оснащенных механическими двигателями, советский речной флот не имел равных в мире, демонстрируя технологическое превосходство. Данный период характеризуется переходом от утилитарных перевозок к развитию специализированных туристических направлений. Сочетание мощной производственной базы и растущего интереса к познавательному отдыху создало предпосылки для формирования полноценной круизной индустрии [4].

Золотой век советского морского туризма начался в 1957 году с новаторской инициативы ВАО «Интурист», арендовавшего для этих целей немецкие теплоходы «Победа» и «Грузия». Эти суда открыли престижный маршрут между Одессой и Ленинградом, в то время как «Петр Великий» курсировал по Черному морю с иностранными гостями. Историческим событием стал 1960 год, когда на теплоходе «Адмирал Нахимов» впервые отправились в путешествие советские граждане по Крымско-Кавказской линии.

Освоение дальневосточных вод началось в 1962 году с легендарного рейса «Григория Орджоникидзе» по маршруту Находка – бухта Ольги – Совгавань – Холмск – Корсаков, чья популярность не знала границ вопреки суровым погодным условиям. Успех этой экспедиции

стимулировал развитие круизов на Балтике и Севере.

В 1980-е годы флот начал выполнять рекламные рейсы для зарубежных операторов, используя суда проектов 302 и КУ-065 на направлениях Ленинград - Валаам - Кижы - Петрозаводск. А в 1990-е годы состоялись знаковые рекламные экспедиции по маршрутам Москва - Санкт-Петербург и Москва - Казань, ознаменовавшие новый этап развития отечественного круизного бизнеса [2].

Конец двадцатого века ознаменовался стремительной трансформацией морского круизного направления в глобальную индустрию. Всего за полтора десятилетия пассажиропоток вырос в четыре раза - с 1,6 миллиона путешественников в 1980-х до впечатляющих 6,5 миллионов к 1996 году. Такой взрывной рост объясняется комплексом факторов: общеотраслевым развитием туризма, перенасыщением традиционных курортов и уникальными преимуществами морских путешествий. Плавающие гостиницы с функциями культурно-развлекательных комплексов предложили принципиально новый формат отдыха, сочетающий познавательные и рекреационные возможности. Диапазон предложения варьировался от кратковременных маршрутов выходного дня до многомесячных кругосветных экспедиций, демонстрируя гибкость формата [3].

Современный российский круизный рынок демонстрирует устойчивую положительную динамику, ежегодно увеличивая пассажиропоток. Такое природное богатство страны как разветвленная сеть речных артерий и морских побережий создает идеальные предпосылки для развития этого формата путешествий. Ключевым преимуществом круизного отдыха выступает его мобильность: турист посещает множество точек маршрута без утомительных переездов и перепакровки чемоданов.

Особую ценность представляет гибкость такого формата - в любой момент путешественник может вернуться в комфортабельную каюту, не прерывая общего маршрута. Современные круизные суда превратились в полноценные плавучие курорты, где стандартом оснащения кают стали санузелы, климат-контроль и холодильное оборудование, а в общественных зонах доступны рестораны, кинозалы и музыкальные салоны с беспроводным интернетом.

Неотъемлемой составляющей круизов становятся насыщенные экскурсионные программы, дополненные «зелеными стоянками» с пикниками и купанием. Этот синтез комфорта, мобильности и разнообразия впечатлений формирует уникальное предложение на туристическом рынке России.

Современный российский круизный рынок формируется восемью ключевыми операторами, сосредоточенными преимущественно в центральном водном бассейне. Флагманом отрасли выступает компания «ВодоходЪ», располагающая 27 современными четырехпалубными судами, которые ежегодно перевозят 105 тысяч круизных туристов и дополнительно 450 тысяч пассажиров на прогулочных маршрутах. Значительную роль играет «Мостурфлот», эксплуатирующий 14 пассажирских судов, пять из которых работают в центральном регионе, а также три прогулочных теплохода. Компания «Ортодокс» дополняет рынок девятью комфортабельными теплоходами, формируя вместе с другими игроками конкурентоспособную среду. Совокупный флот этих компаний обеспечивает широкую географию путешествий по основным водным артериям страны [11].

Несмотря на позитивную динамику ключевых показателей, круизный туризм продолжает оставаться нишевым сегментом, формирующим не более 23% общего турпотока России. Хотя статистика фиксирует превышение докризисных значений 2019 года по количеству путешественников, финансовые и операционные результаты демонстрируют неполное восстановление. В 2021 году лишь 65% речных судов вышли в навигацию, оставив треть флота в портах приписки. Крупнейшие операторы «Мостурфлот» и «ВодоходЪ» использовали неполные мощности: первый задействовал 11 из 15 лайнеров, второй - только 17 из 26 единиц флота.

Согласно экспертным оценкам, основной причиной такой ситуации стала потеря въездного туризма, традиционно занимавшего значительную долю рынка. Как подчеркивает Светлана Гончарова, заместитель генерального директора «Мостурфлота», растущий внутренний спрос пока не компенсирует отсутствие иностранных путешественников. В этой парадигме стратегическим направлением развития отрасли становится ориентация на российского туриста как основного потребителя круизных услуг, требующая адаптации продукта и маркетинговой политики.

Период 2020-2021 годов стал для круизной индустрии временем серьезных испытаний, когда ограничительные меры привели к существенному сокращению пассажиропотока. Однако отрасль демонстрирует уверенное восстановление - по экспертным оценкам, возврат к докризисным показателям ожидался к 2024 году. Уже сейчас статистика подтверждает эту положительную динамику: в 2022 году загрузка круизных судов достигла 70-80% от их общей вместимости. Согласно прогнозу Ростуризма, около 700 тысяч россиян выберут этот формат путешествий по итогам навигационного сезона. Эти обнадеживающие данные свидетельствуют о значительном потенциале дальнейшего развития круизного

направления в стране [5].

К 2025 году российский круизный туризм демонстрирует устойчивый рост, полностью преодолев последствия пандемийных ограничений и превысив докризисные показатели за счет активного спроса со стороны внутренних путешественников. Значительно расширилась география маршрутов – наряду с классическими волжскими направлениями популярность приобрели дальневосточные экспедиции по Амуру и северные круизы к памятникам деревянного зодчества [9].

Динамичное развитие круизного туризма в России стало возможным благодаря уникальному сочетанию богатых водных ресурсов и растущего спроса со стороны населения на новые форматы путешествий. Перспективы дальнейшего роста этого сегмента эксперты связывают с несколькими ключевыми аспектами: возможностью участия в мероприятиях вдоль маршрута с одновременным решением вопросов транспортировки и проживания, стремлением современных туристов к получению неизведанных впечатлений вместо традиционных курортов, а также наличием доступных ценовых предложений, особенно в сегменте речных круизов. Однако существенным препятствием для полноценного развития отрасли остается ограниченность производственных мощностей судостроительной промышленности. Подавляющая часть действующего флота была построена в советский период, а за последние десятилетия был спущен на воду лишь один новый речной теплоход «Мустай Карим» в 2020 году. Ситуацию может улучшить планируемое введение в эксплуатацию лайнера «Петр Великий» в 2023 году, однако для морского круизного туризма за последние годы не построено ни одного нового судна [10].

Серьёзным вызовом для развития морских круизов остается неготовность портовой инфраструктуры большинства российских регионов соответствовать современным стандартам. Единственным исключением на сегодняшний день остается порт Сочи, параметры которого полностью отвечают международным требованиям. В то же время ключевые точки потенциальных круизных маршрутов – включая крымские, мурманские и сахалинские портовые комплексы – остро нуждаются в масштабной модернизации. Отсутствие глубоководных причалов, современных пассажирских терминалов и сервисных зон существенно ограничивает возможности приема круизных лайнеров. Эта инфраструктурная несбалансированность создает выраженный диссонанс между растущим спросом на морские путешествия и реальными логистическими возможностями большинства российских портов.

Значительным барьером для развития отечественно-

го круизного туризма остается качество обслуживания, причем эта проблема проявляется как на борту судов, так и в портовой инфраструктуре. Низкий стандарт сервиса не только сдерживает рост популярности этого направления внутри страны, но и лишает российские круизные компании возможности конкурировать с международными операторами, которые привлекают туристов гарантированно высоким уровнем комфорта.

Для преодоления этих системных проблем требуется комплекс государственных мер, включающих возрождение отечественного судостроения для круизных нужд, модернизацию портовой инфраструктуры и реализацию программ повышения квалификации персонала. Эффективным инструментом стимулирования спроса может стать продление программы кешбэка, уже доказавшей свою результативность в привлечении новых клиентов.

Не менее важной задачей является формирование привлекательного имиджа российского круизного продукта через создание современных информационных материалов, внедрение гибкой системы льгот и скидок, а также активное использование цифровых технологий. Расширение географического разнообразия маршрутов при одновременном обновлении флота позволит не только удовлетворить растущий спрос, но и создать устойчивую конкурентную среду на внутреннем туристическом рынке.

Познавательная насыщенность сочетается здесь с камерной атмосферой, которую создают относительно небольшие размеры судов, что придает путешествию черты премиального отдыха. Существенным конкурентным преимуществом остается отсутствие визовых формальностей для российских туристов и доступность различных моделей формирования программы – от полного пакета до выбора отдельных экскурсий и услуг непосредственно во время плавания.

Особую ценность представляют комбинированные маршруты по схеме «река-море-река», позволяющие в рамках одного путешествия познакомиться с разнообразными природными и культурными ландшафтами. Именно речной сегмент демонстрирует наибольшую стабильность на отечественном рынке, подтверждая востребованность такого формата путешествий среди российских туристов.

Подводя итог, можно сказать, что российский круизный туризм обладает многовековой историей, уходящей корнями в эпоху паломнических речных путей и государственных инициатив по развитию судоходства. Несмотря на впечатляющий исторический фундамент и богатейший природный потенциал водных артерий, современное состояние отрасли характеризуется противоречивой динамикой. С одной стороны, наблюдает-

ся устойчивый рост интереса со стороны внутренних туристов и расширение географии маршрутов, а с другой – сохраняются системные ограничения, связанные с физическим и моральным устареванием флота и портовой инфраструктуры. Ключевыми вызовами остаются недостаточный уровень сервиса, ограниченные производственные мощности судостроения и неразвитость причальных комплексов, что существенно сдерживает конкурентоспособность отечественного продукта. В качестве стратегического вектора развития отрасль ори-

ентируется на внутреннего потребителя, адаптируя под его потребности туристический продукт и маркетинговую политику. Для реализации существующего потенциала требуется комплексная государственная поддержка, направленная на обновление флота, модернизацию инфраструктуры и повышение качества обслуживания. Преодоление этих барьеров позволит круизному туризму занять достойное место в структуре внутреннего круизного туризма, полностью раскрыв свои уникальные преимущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, Н.Д. Исторический аспект развития речного круизного туризма в России / Н.Д. Алексеева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. – № 3. – С. 17-25.
2. Волков, Ю. Ф. Введение в гостиничный и туристический бизнес / Ю.Ф. Волков // М.: Феникс, 2013. – 520 с.
3. Егорова, Н.С. История становления русского флота и круизного туризма в России / Н.С. Егорова // Будущее науки - 2019: сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 25-26 апреля 2019 года. Том 2. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 101-103.
4. Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли / Сост. проф. С.И. Иловайский. – Одесса: тип. Акц. Южнорус. о-ва печ. дела, 1907. – 359 с.
5. Коваленко, И.Е. Развитие речного круизного туризма в России / И.Е. Коваленко // Развитие инфраструктуры внутреннего водного транспорта: традиции, инновации (РИВВТ-2023): Сборник трудов межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 05 декабря 2023 года. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, 2024. – С. 214-217.
6. Лазарева, А.А. Возможности развития речного круизного туризма в России / А.А. Лазарева, Т.И. Григорьева // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 281-290.
7. Основы курса истории России / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, А.Ю. Полунин, Ю.Я. Терещенко. – М.: Простор, 2002. – 651 с.
8. Речное судоходство в России / М.Н. Чеботарев, М.Д. Амусин, Б.В. Богданов и др. – М.: Транспорт, 1985. – 352 с.
9. Сарафанова, А.Г. Обзор влияния COVID-19 на круизную индустрию / А.Г. Сарафанова, А.А. Сарафанов // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2021. – № 3. – С. 19-29.
10. Соколов, А.А. Концепция развития морского круизного туризма России / А.А. Соколов // Роль России в формировании многополярного мира: вызовы, возможности, перспективы, управленческие решения: сборник статей по итогам VII Международного Невского форума, Санкт-Петербург, 21–23 июня 2023 года. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. – С. 37-41.
11. Тортева, А.С. Проблемы и перспективы развития речного круизного туризма в России / А.С. Тортева, И.П. Смирнова // Транспорт. Горизонты развития: Труды 4-го Международного научно-промышленного форума, Нижний Новгород-Новосибирск-Владивосток-Самара, 23-26 апреля 2024 года. – Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2024. – С. 222-226.

© Карпов Дмитрий Витальевич (gaz_978@mail.ru), Смолянок Игорь Алексеевич (kasparov_2011@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАСТРОЙКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЦЕНТРА ГОРОДА КУРСКА В 1964-1982 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ларин Денис Анатольевич

аспирант, ФГБОУ ВО «Курский
государственный университет»
denlarin99@mail.ru

DEVELOPMENT AND RECONSTRUCTION OF THE KURSK CITY CENTER FROM 1964 TO 1982 (BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVES OF THE KURSK REGION)

D. Larin

Summary: This article examines the development and reconstruction of the Kursk city center from 1964 to 1982. The study draws on materials from the state archives of the Kursk Region, as well as relevant scientific literature and monographs, allowing for a detailed examination of changes in the urban environment, architectural solutions, and urban planning initiatives of those years. The author applied a historical and documentary analysis method, studying archival documents, city development plans, building construction and reconstruction projects, city government reports, and contemporaries' memoirs. This allowed her to reconstruct the dynamics of urban transformation and identify key urbanization trends of that period. The study revealed that during the specified time period, the center of Kursk underwent significant transformations aimed at improving infrastructure, enhancing the comfort of residents, and creating new public spaces. This new stage of the city's development was accompanied by the commissioning of buildings constructed in the style of Soviet modernized architecture. Standard buildings were combined with unique public projects, shaping a new image of the city center. These architectural innovations reflected the general trend of Soviet urban development in the late 20th century, characterized by large-scale projects and the desire to create a modern look for Soviet cities.

Keywords: reconstruction, development, urban planning, historic center, infrastructure, urban environment, detailed planning project.

Аннотация: Статья посвящена исследованию процессов застройки и реконструкции центра города Курска в период с 1964 по 1982 годы. Исследование базируется на материалах государственных архивов Курской области, а также тематической научной литературе и монографиях, что позволяет детально рассмотреть изменения городской среды, архитектурные решения и градостроительные инициативы тех лет. Автор применил историко-документальный метод анализа, изучив архивные документы, планы развития города, проекты строительства и реконструкции зданий, отчёты городских властей и воспоминания современников. Это позволило реконструировать динамику преобразований городского пространства и выявить ключевые тенденции урбанизации того периода. Исследование показало, что в указанный временной промежуток центр Курска претерпел значительные преобразования, направленные на улучшение инфраструктуры, повышение уровня комфорта проживания горожан и создание новых общественных пространств. Новый этап развития города сопровождался введением в эксплуатацию сооружений, выполненных в стиле советской модернизированной архитектуры. Типовые здания сочетались с уникальными проектами общественного назначения, формирующими новый образ центральной части города. Архитектурные нововведения отражали общую тенденцию советского градостроительства конца XX века, характеризовавшуюся масштабностью проектов и стремлением создать современный облик городов СССР.

Ключевые слова: реконструкция, застройка, градостроительство, исторический центр, инфраструктура, городская среда, проект детальной планировки.

Введение

Исследование рассматриваемого периода реконструкции общественных центров дает возможность установить некоторые особенности творческих принципов градостроителей. В проектах реконструкции центра Курска, выполненных в основном представителями московской архитектурной школы, отчетливо видно тяготение к свободным архитектурно-планировочным композициям с элементами живописной ассиметрии, обусловленными увязкой с природным ландшафтом [9, с. 83].

До 1970 года в Курске на центральную площадь выходило 10 улиц: Ленина, Дзержинского, Радищева, Марата (западная часть), Марата (восточная часть), Горького, Луначарского (восточная часть), Луначарского (западная часть), Урицкого (восточная часть), Урицкого (западная часть) [9, с. 86].

Архитектору А.Г. Шуклину принадлежит новаторская идея полного освобождения Красной площади от транспортного транзита. Он предложил развязку транспортного движения в двух уровнях на пересечении улиц Верхней набережной и Луначарского. Это смелое пред-

ложение более чем на четверть века определило проекты 1960-1980-х годов [10, с. 53].

Материалы и методы

Основными источниками стали материалы, хранящиеся в Государственном архиве Курской области (ГАКО) и Государственном архиве общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО): фонд Главного управления архитектуры и градостроительства Курского облисполкома (Ф.Р-5293) содержит протоколы заседаний градостроительного совета, архитектурно-планировочные задания, переписку с Госстроем РСФСР и проектными институтами; фонд Исполнительного комитета Курского городского совета депутатов трудящихся (Ф.Р-770) содержит протоколы постоянных действующих комиссий (для нас интерес представляют отчеты и протоколы постоянной комиссии по строительству) при исполкоме горсовета и документы к ним; фонд Курской организации Союза Архитекторов РСФСР (Ф.Р-663) содержит протоколы заседаний правления и общих собраний членов Союза.

Интерес для исследования представляет фонд (П-1) Государственного архива общественно-политической истории Курской области. В нем содержатся протоколы и постановления Курского областного комитета КПСС, протоколы и стенограммы областных партийных конференций и региональных пленумов, справки и докладные записки отдела строительства, отражающие партийную деятельность в сфере архитектуры и градостроительства.

Для изучения поставленных в данном исследовании вопросов использовался комплекс общеисторических методов, основанных на принципах историзма, объективности и системности. Данные принципы предполагают рассмотрение и анализ градостроительства в его трансформационном развитии на протяжении указанного периода с помощью ряда методов. К общенаучным методам можно отнести анализ - мысленное разложение целого на составные части, чтобы было проще выделить основные периоды в развитии градостроительных тенденций периода 1964-1982 гг. Благодаря другому общенаучному методу - синтезу, можно сделать вывод о влиянии органов государственной власти на развитие градостроительства в Курской области путем внедрения новых серий крупнопанельных домов повышенной этажности для формирования законченного облика городов Курского края.

К специально-историческим методам можно отнести сравнительно-исторический метод, один из основных методов исторического исследования, нацеленный на выявление общего и особенного на основе сопоставления исторических объектов или явлений. В процессе

исследования применялся также метод исторической периодизации (хронологический метод), который позволяет сконцентрироваться на определяющих этапах развития градостроительства и дает возможность анализировать источники в хронологическом последовательном ходе трансформации архитектурных тенденций указанного периода. Описательно-повествовательный метод предполагает систематизацию исторического материала в текстовой форме.

Результаты

Об общих проблемах градостроительства в Курске, сложившихся к 1964 году, можно судить исходя из общего собрания членов союза архитекторов Курского отделения, проходившего 27 марта. На собрании архитектором П.И. Криволаповым было отмечено, что на протяжении многих лет допускались нарушения общих норм градостроительства: появление в центре города электроаппаратного завода нарушило цельность лучшего жилого района и санитарный режим прилегающего квартала, наличие 2-х стадионов в центре города вызвало затруднения в транспортном режиме, сооружаемая пристройка во дворе Дворца Пионеров со зрительным залом на 600 мест никак не служила украшением ул. Ленина, строительство жилого дома на ул. Павлова закрыло возможность расширения комплекса педучилища, а строительство здания кинотеатра во дворе Медицинского института препятствовало его расширению [1, л. 10].

На заседании архитектурно-технического совета 20 октября 1965 г. был рассмотрен проект детальной планировки центра города Курска. Проект предусматривал сокращение территории, занятой под жилой застройкой, промышленной зоны и территорий непригодных земель и увеличение пространства под учреждения культурно-бытового обслуживания, зеленые насаждения, учебные заведения и научно-исследовательские организации. В пределах проектируемых микрорайонов и жилых групп жилой фонд был определен в количестве 702,9 тыс. кв. м. Общий объем капитальных вложений по проекту составил 129,2 миллионов рублей [3, л. 76].

В самом начале улицы Ленина в 1966 году была построена первая очередь - левое крыло гостиницы «Центральная» на 201 место. Здание было построено по проекту архитектора Стенюшина при участии архитектора Иванова. Два нарядных портика с парными колоннами коринфского стиля украшают угловую часть дома башенного типа, объединившую позже два крупных гостиничных корпуса на 550 мест на улицах Ленина и Марата. По проекту угловую башню должен был венчать бельведер, но в годы борьбы с архитектурными излишествами строители сочли возведение бельведера нецелесообразным. На первом этаже гостиницы разместились

ювелирный магазин, парикмахерская, кафе и ресторан [10, с. 58].

Московский «Гипрогор» закончил в 1966 году разработку нового генерального плана Курска (выполнен архитектором М. Комаровым, утвержден в 1967 году) и проекта детальной планировки центра (выполнен архитектором В.Н. Выборным, утвержден в 1968 году). В указанных проектах заложен переход к строительству 9-12-этажных домов: сначала кирпичных, а после реконструкции ДСК крупнопанельных. Государственный комитет по жилищно-гражданскому строительству и архитектуре Госстроя СССР 26 августа 1966 г. рассмотрел его на своем заседании.

Курск в 1969 году посетили профессор Г.М. Орлов и доктор архитектуры В.А. Лавров для обсуждения генерального плана и детального проекта центра Курска. Было отмечено, что необходимо обратить внимание на увязку архитектурно-планировочного решения с характерными особенностями города, а также обеспечению более тщательной проработки вопросов инженерного благоустройства его территории. Высказана просьба к ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений при доработке проекта центральной площади увязать композиционное решение площади с общегородской строительной концепцией, а также установить более тесные связи с архитектурной общественностью и проводить общественные обсуждения проекта [1, л. 132].

В 1970 году вошла в строй третья очередь Универмага, замкнувшая угол улиц Ленина и Кирова, а зимой 1985 года была введена четвертая очередь комплекса торговых зданий универсама по улице Почтовой – корпус складских помещений с магазином на первом этаже. Здание имеет угловое решение, с 3-этажным фасадом по ул. Ленина и 4-этажным по ул. Кирова. Торговые залы расположены на трех этажах со стороны главной улицы, а административно-бытовые помещения и здание «Военторга» со стороны Кирова. В начале 1980-х со стороны ул. Почтовой к торцу здания 1-й очереди пристроен торгово-складской комплекс, а во дворе реконструированы и надстроены складские и вспомогательные помещения, что позволило увеличить площади для хранения товаров [7, с. 123].

На месте аварийных кинотеатров «Смена» и «Комсомолец» в конце 1960-х гг. был построен 9-этажный протяженный дом (по типовому проекту) со встроенными торгово-бытовыми помещениями на первом этаже. Четырехсекционный дом расположен в квартале между улицами Кирова и Золотой, на смежном участке с территорией Курского государственного университета. Главный фасад дома выполнен без балконов и лоджий, которые перенесены на дворовый фасад. Протяженное остекление витрин в уровне первого этажа с козырьком

дополняется горизонтальным членением окон на этажах с простенками, облицованными по всей плоскости керамической плиткой коричнево-красного цвета [7, с. 124].

На углу улиц Ленина и Садовая был размещен жилой комплекс 9-этажного дома с фирменным магазином «Сейм» и 5-этажного дома с помещениями бытового обслуживания. Угловой 9-этажный дом (первый дом повышенной этажности в Курске, построенный по серии 1-447С-25М) акцентировал застройку участка и пространства стадиона «Трудовые резервы» с северной стороны. Между двумя домами по ул. Садовая была предусмотрена одноэтажная вставка для их блокировки.

Первый этаж торгового помещения выполнялся в виде выносной пристройки с остекленными витринами и главным входом в магазин с ул. Ленина. Фасады 9-этажного дома облицованы декоративным керамическим кирпичом, а 5-этажного – силикатным. С двух сторон главного фасада 9-этажного дома вkomпанованы лоджии, а 5-этажном по вертикали размещены балконы. Севернее участка расположился 4-этажный дом с магазином «Нива», а дальше – гостиница «Октябрьская» с рестораном и кафе [7, с. 128].

С докладом «О перспективах реконструкции ул. Ленина» на заседании постоянной комиссии по строительству 18 мая 1970 года выступил главный архитектор В.Г. Кремлев. Он отметил, что в этом году начнется строительство драматического театра, ведется проектирование нулевого цикла и ведется освобождение площадки. Слабее ведется проектирование и подготовка к строительству картинной галереи, а также было получено разрешение на строительство гостиницы на 20 этажей и строительство информационного центра. Еще не оформлен участок от площади Перекальского до ул. Мирной, а на участке между Мирной и библиотекой будет построено здание областного архива [2, л. 118].

С 1969 по 1983 годы длилось строительство одного из самых значимых культурных мест города Курска – Курского драматического театра. Главный фасад театра обращен на Театральную площадь и замыкает бульвар улицы Кати Зеленко. Здание состоит из трех объемов – сценической коробки, зрительного зала и вспомогательных помещений. Архитектура фасадов создана гладкой стеной сценической части и примыкающими с востока и запада объемами с вертикальным ритмом пилонов со световыми проемами. Проект белокаменного дворца искусств был разработан в ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений имени Мезенцева в Москве. Авторы проекта – народный архитектор СССР Розанов и архитектор Лаврова, инженеры Милковский, Кричевский. Необычен в своем художественном решении театральный занавес, выполненный по эскизу московской художницы Маленковой. Главный фасад со входом ак-

центрирован трехпролетной аркадой с декоративными замковыми вставками и лепниной в верхней части. На боковых фасадах у лестничных клеток выполнены арочные лоджии с лепными вставками сверху. Все фасады имеют закругленные углы и облицованы известняком, а цоколь – полированным гранитом. В верхней части здания, на постаменте возвышается бронзовая скульптура Победы – «Курская Ника», поддерживающая «Ветвь славы» в переплетении со шлейфом. У ее ног были расположены две театральные маски из белого камня: комедии и трагедии. Эти элементы были выполнены скульпторами В.М. Акимовской, А.Г. Кнорре, П.В. Мельниковой и С.Н. Волковым [5, с. 38].

В письме заместителю председателя государственного комитета совета министров СССР по материально-техническому снабжению от 28 марта 1972 г. указывалось, что здание областного драматического театра из-за длительной эксплуатации и поражения грибком стало непригодным для дальнейшей эксплуатации и требует капитально-восстановительного ремонта с заменой кровли, перекрытий. Главснабсбыт РСФСР для ремонта дополнительно выдал: трубы газовые оцинкованные (15 т.), железо кровельное (60 т.), железо оцинкованное (3 т.), цемент (120 т.), мягкая кровля (5 тыс. кв.м.), плитка облицовочная (200 кв.м.), плитка метлахская (200 кв.м.), столбы (60 куб.м.), белила цинковые тертые (0,4 т.), нефтебитум № 5 (40 т.) [4, л. 116].

В 1972 году началось строительство гостиницы «Октябрьская» (привязка типового проекта 1-01-10С). На первом этаже располагались ресторан на 200 мест и кафе на 50 мест, а на остальных этажах – одно- и двухместные номера, подсобные помещения обслуживания. Архитектура фасада создана сочетанием горизонтальных членений между окнами 2-4-го этажей и сплошного витража на первом этаже. Фасады оштукатурены и окрашены светлым колером, а горизонтальные простенки между окнами облицованы стеклопластиком зелено-голубых тонов. Цоколь облицован серым полированным гранитом, а крыльца входов выполнены из гранитных ступеней. В отделке входного вестибюля и главной лестницы использован мрамор [8, л. 130].

О ходе строительства по ул. Ленина можно узнать из доклада главного инженера СМУ-1 А.Г. Апатова, который отметил причины отставания по планам в строительстве домов: не хватка рабочих, отсутствие перегородок, поставляемых Ростовским заводом железобетонных изделий, не хватка кирпича повышенной марки и керамзита. Руководство СМУ-1 провело ряд мероприятий по увеличению темпов строительства: составили сетевые графики, создали комплексные бригады, применили аккордно-премиальную оплату до 80%, созданы партгруп-пы [2, л. 21].

Таким образом, застройка части квартала по ул. Ленина, К. Зеленко и Горького придала Курску масштаб крупного города и своей архитектурой создала современный (на тот момент) облик центральной части города.

Обратимся к застройке параллельной улице Ленина – улице Радищева. Корпуса 5-этажного жилого дома и 3-этажной пристройки стоматологической поликлиники расположились на углу улиц Радищева и Павлова. Фасады зданий лаконичны и отделаны цветной штукатуркой светло-серого цвета. Западный торец имеет лоджии, дворовые фасады выполнены из силикатного кирпича с расшивкой швов, с устройством балконов, в отличие от главного фасада, на котором балконов нет [8, с. 186].

Односекционный 12-этажный дом, построенный в 1968-1970 гг. по проекту повторного применения, со встроенно-пристроенными помещениями магазина «Стрела» был первым в Курске (архитекторы В.П. Семенихин, В.Г. Кулик). В архитектуре жилого дома применены лоджии и угловые балконы на всю высоту. Контур пристроенного одноэтажного магазина решен ступенчатыми объемами со стороны прилегающих улиц. Фасады стен дома и магазина выполнены из керамического облицовочного кирпича под расшивку швов [8, с. 188].

В 1970-1980-х годах улица Радищева интенсивно застраивалась жилыми и административными зданиями. На ней появились – «Дом знаний» (архитекторы В.П. Семенихин и Д.И. Гаркуша), здание «Дома бракосочетаний» (архитектор Красников), пристройка к педуниверситету на углу улиц Золотой и Радищева (архитектор Брагин), одетые в анодированный алюминий корпуса кондитерского комбината, корпус спортивного комплекса общества «Динамо» [6, с. 99].

На протяжении 1970-х – начал 1980-х шла застройка улицы Карла Маркса. Административно-лабораторный корпус «Курскэнерго» – четырехэтажное здание с примыкающим с южной стороны двухэтажным корпусом было построено в 1973 году (архитектор В.П. Семенихин).

Первый этаж – сплошной витраж, с глухим объемом со стороны главного входа, украшенного тематическим панно из цветной смальты на фасаде. Фасады основного корпуса выполнены из сборных керамзитобетонных панелей, облицованных ковровой плиткой, по железобетонному каркасу, с размещением вертикальных навесных алюминиевых импостов на высоту трех этажей. Главный фасад двухэтажного корпуса отделан цветной штукатуркой светло-серых тонов.

Цоколь здания облицован серым полированным гранитом и частично керамической плиткой. В здании разместились лаборатории, административные помещения, центральный диспетчерский пункт, а также конференц-

зал на 400 мест и кафе-столовая [7, л. 208].

В конце 1970-х годов был разработан проект застройки квартала № 69-70, а со стороны улицы Карла Маркса – проект общественно-административного комплекса зданий ВО «Курсктяжстрой», сооруженного в 1980-х годах на вновь созданной площади Героев Курской битвы. Композиционным центром является 12-14-этажное здание инженерно-лабораторного корпуса (архитекторы М.Л. Теплицкий, С. Прорехин). На фасадах применены алюминиевые витражи и окна, а также вертикальные пилоны – импосты на всю высоту здания. Конструктивной его основой является сборный железобетонный каркас с навесными керамзитобетонными панелями, отделанным под цвет морской волны. Торцы корпусов облицованы светло-голубой ковровой плиткой и скошены пол углом, что явилось новинкой при применении типовых конструкций [7, с. 209].

Значимым в середине 1960-х годов стало строительство цирка. В 1965 году объединение «Союзгосцирк» предложило Курску построить стационарный цирк на 2000 мест за счет ссуды правительства. В Центральном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования (ЦНИИЭП) зрелищных, спортивных и административных зданий разрабатывали тогда типовой проект здания для массового применения. Курский горисполком решил выделить под строительство цирка участок вблизи Центрального рынка на ул. Колхозной, где располагалась ранее товарная станция «Курск-Ветка» [8, с. 138].

Курский цирк отличается от других аналогичных зданий, построенных по типовому проекту и скорректированному в процессе строительства, своим оригинальным куполом. Его поверхность по контуру наружных стен не гладкая, а чешуйчатая, выполнена из объемных оцинкованных листов железа с уменьшением их размеров от основания крыши до верхнего завершения. Вокруг зрительного зала на 2000 мест расположены фойе с буфетами и лестницы. С тыльной стороны зрелищной части примыкает двухэтажный блок с размещением вспомогательных помещений для животных на первом этаже, артистических комнат, буфета и администрации – на втором этаже [1, л. 133].

Таким образом, разместив здание цирка на месте бывшего товарного двора, решились две задачи: разместить цирк по близости к центральной площади города со сносом железнодорожных путей и множества ветхих построек, а также благоустроить и озеленить участок города, примыкающий к Знаменскому собору и Дому офицеров. В итоге цирк и его ближайшее окружение составили архитектурный ансамбль, объединенный единым пространством всей территории.

После окончания строительства цирка по улице Невского в 1970-е годы началось сооружение 4-этажного здания администрации Центрального округа. Проект предусматривал главный вход с большим козырьком, опирающимся на одну колонну. На гладких участках стен вставок выполнены панно из цветной смальты. Цоколь и крыльцо со ступенями выполнены из полированного серого гранита. В южной стороне здания был запроектирован конференц-зал на 450 мест с кинопроекционным помещением и эстрадой [3, л. 56].

На улице Невского в 1980-е годы появилось 4-этажное угловое здание «Сельхозтехники», которое примыкает к торцу здания администрации Центрального округа с поворотом на улицу Красной Армии. На верхнем этаже изначально был расположен актовый зал на 300 мест и фойе. На первом-четвертом этажах размещались административные и служебные помещения, лаборатории, столовая. Однако в дальнейшем здание подлежало реконструкции по новому проекту. Намечалась перedelка главных фасадов с применением классического ордера и выносными двухэтажными колоннами перед главным входом, с лепными украшениями колонн, пилястр и карниза, с ломкой вертикальных пилонов [8, с. 236].

Заключение

Исследование застройки и реконструкции центра города Курска в период 1964-1982 годов позволяет сделать вывод о значительных изменениях городской среды и архитектурного облика центра Курской области. Данный процесс характеризовался масштабностью проводимых работ, направленных на модернизацию инфраструктуры, улучшение условий проживания горожан и формирование нового городского пространства, соответствующего социалистическим представлениям о городе будущего.

Анализ архивных материалов выявил комплекс мероприятий, включавших строительство жилых домов, общественных зданий, объектов социально-культурного назначения, благоустройство улиц и площадей. Особое внимание уделялось сохранению историко-культурного наследия города, чему способствовали меры по реставрации памятников архитектуры и интеграции новых построек в исторически сложившуюся среду.

Таким образом, изученный период является важным этапом в истории развития Курска, заложившим основу современного облика центральной части города. Полученные выводы имеют значение для дальнейших исследований градостроительной практики советского периода, сохранения исторической памяти и формирования концепции дальнейшего развития территории. Исследование выполнено на основе анализа документов Государственных архивов Курской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-663 (Фонд Курского отделения Союза Архитекторов СССР). Оп. 1. Д. 32
2. ГАКО. Ф. Р-770 (Материалы по работе постоянной строительной комиссии). Оп. 8. Д. 841.
3. ГАКО. Ф. Р-5293 (Фонд главного управления архитектуры и градостроительства Курского облисполкома). Оп. 1. Д. 280.
4. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1 (Фонд Курского областного комитета КПСС). Оп. 58. Д. 530.
5. Ефимов Д.Д., Фахрутдинова И.А. Истоки и направления советского модернизма // Известия КГАСУ. Казань, 2018. С. 36-42.
6. Иконников А.В. Архитектура XX века. Реальность и утопии. М.: Прогресс-Традиция, 1996. 109 с.
7. Теплицкий М.Л. Автографы в камне. Архитектурная летопись Курска. Курск, 2001. 463 с.
8. Теплицкий М.Л. Автографы в камне. Воспоминания архитектора. Курск: ГУИПП «Курск», 1999. 431 с.
9. Федоров С.И. Центры городов Орла, Курска и Белгорода - комплексные памятники истории и культуры. Очерк историко-архитектурного и художественного развития. Л.: Стройиздат, 1975. 200 с.
10. Федоров С.И. Архитектурные очерки Курского края. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1982. 112 с.

© Ларин Денис Анатольевич (denlarin99@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И РАЗВИТИЮ КУРЧАТОВА И ЖЕЛЕЗНОГОРСКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (1964-1982 ГГ.)

Ларин Денис Анатольевич

Аспирант, ФГБОУ ВО «Курский
государственный университет»,
denlarin99@mail.ru

MASTER PLANS FOR THE CONSTRUCTION AND DEVELOPMENT OF KURCHATOV AND ZHELEZNOGORSK, KURSK REGION (1964–1982)

D. Larin

Summary: This article examines the history of urban development in the cities of Kurchatov and Zheleznogorsk in the Kursk region from 1964 to 1982. Based on materials from the state archives of the Kursk region, the general plans for the development of the specified settlements, approved by the authorities of the USSR, are examined, including the stages of planning, construction of residential areas, social infrastructure facilities and industrial enterprises. The article also examines the role of scientific research and design institutes in shaping the spatial development of the region. It summarizes the effectiveness of plan implementation and assesses the contribution of master plans to the current state of the Kurchatov and Zheleznogorsk urban agglomerations.

Keywords: urban development, master plan, architectural appearance, housing construction, spatial planning, Kurchatov Nuclear Power Plant, Zheleznogorsk Mining and Processing Plant.

Аннотация: Статья посвящена исследованию истории градостроительства городов Курчатова и Железногорска Курской области в период с 1964 по 1982 годы. На основе материалов государственных архивов Курской области рассматриваются генеральные планы развития указанных населенных пунктов, утвержденные органами власти СССР, включая этапы планирования, строительства жилых районов, объектов социальной инфраструктуры и промышленных предприятий. Статья также затрагивает роль научных исследований и проектных институтов в формировании пространственного развития региона. Подводится итог эффективности реализации планов и оценивается вклад генерального проектирования в современное состояние городских агломераций Курчатова и Железногорска.

Ключевые слова: градостроительство, генеральный план, архитектурный облик, жилищное строительство, пространственное планирование, Курчатовская атомная электростанция, Железногорский горно-обогатительный комбинат.

Развитие городов Советского Союза в 1964-1982 гг. характеризовалось интенсивным строительством новых поселений и модернизацией существующих населенных пунктов. Особенно ярко этот процесс проявился в регионах, где активно развивались наукоемкие отрасли экономики, такие как ядерная энергетика и добыча полезных ископаемых. Одним из ярких примеров является Курская область, где были созданы города Курчатова и Железногорска, ставшие центрами атомной энергетики и добычи железной руды соответственно.

29 сентября 1966 года газета «Правда» опубликовала постановление Президиума Верховного Совета СССР «О строительстве Курской АЭС», в котором указывалось: «Президиум Верховного Совета СССР постановляет в 40 км от г. Курска начать строительство атомной электростанции» [14].

8 сентября 1967 года на Общем собрании Курского отделения Союза архитекторов проходило обсуждение проекта Т.Т. Токаревой об основных положениях генерального плана и детального проекта поселка Курской ГРЭС. Схему утвердили с учетом увеличения разрыва

жилого поселка до автомагистрали до 80-100 метров, изменения ориентации сблокированных трех 9-этажных домов в целях улучшения инсоляции, приближения кинотеатра к общественному центру, жилой дом с магазином, столовой необходимо вынести на площадь, а дома гостиничного типа сгруппировать в жилой группе первоочередной застройки [1, л. 114].

Остался в памяти ввод в действие домостроительно-го комбината, заселение первого дома в будущем городе энергетиков, пуск реки Сейм по новому руслу. В ходе этой работы произошел курьезный случай: «провалилось» перекрытие первого этажа готового к заселению дома в поселке. Это проявили себя просадочные грунты. Пришлось срочно переработать многие проекты зданий и сооружений, ужесточить требования к качеству работ и контролю за соблюдением нормативных требований [15, с. 21].

Начиная с 1971 года, поэтапный ввод объектов строительной базы и временного поселка позволил постепенно приступить к работам на основных объектах атомной станции и будущего города энергетиков и строителей.

Уже в 1971 году был уложен первый кубометр бетона в основание главного корпуса АЭС, введены в эксплуатацию домостроительный комбинат и бетонный завод, первые скважины водозабора, очистные сооружения, ряд объектов складского хозяйства, первые жилые дома будущего города, первый детский сад, два магазина. В начале 1972 года за кратчайший срок, всего за четыре месяца, был построен клуб «Комсомолец». В этом же году была сдана в эксплуатацию первая школа, продолжилось строительство жилых домов [15, с. 48].

Из воспоминаний заместителя начальника Управления строительства Курской АЭС по жилью П.А. Чефранова: «Важно то, что пресловутый жилищный вопрос тогда решался достаточно быстро и не был головной болью для людей. Более того, даже общежития, которые строились в 80-х, были вполне современные и благоустроенные — по сравнению, скажем, с Курском. Особо нужно сказать и об отношении стройки к городу. При сдаче каждого нового дома одну трехкомнатную квартиру обязательно отдавали школе и медико-санитарной части, поскольку собственное жилье они себе позволить, конечно, не могли. Это, кстати, делалось исключительно из прибыли стройки, что еще раз говорит о повышенном внимании к городу. Или взять строительство пристройки к первой школе, подшефной — сейчас ребята занимаются в светлых, просторных классах» [15, с. 50].

Город при Курской Атомной станции разрастался, пока в нем было 45% 5-этажных и 55% 9 и 12-этажных домов (на 1972 год). В нем будут построены Дворец культуры, большой торговый комплекс, широкоэкранный кинотеатр на 600 мест, ресторан. Этот город одним из первых, где будут электрические плиты в квартирах [3, л. 15].

На отчетном собрании Курской организации Союза архитекторов 1974 года обсуждали проект 2-й очереди Курчатова. В центре внимания было содействие внедрению в строительство новых, прогрессивных серий кирпичных и крупнопанельных жилых домов, а также вопросы повышения качества строительства, внутренней и внешней отделки зданий. Строителями Курской атомной электростанции освоена новая серия 111-60 крупнопанельных жилых домов повышенной этажности, хорошо отработана наружная отделка этих панелей. В этом городе полностью завершили работы по благоустройству внутриквартальных пространств, территорий школ и детских учреждений с применением малых архитектурных форм [4, л. 24].

В протоколе XIX Курской областной партийной конференции от 19 декабря 1975 года отмечено, что допущенное в предыдущие годы отставание в строительстве весьма осложнило выполнение поставленной задачи по вводу первого энергоблока. Руководители стройки до-

пускали благодушие, личную неорганизованность, что привело к срыву сроков выполнения тематических заданий. Ими не был обеспечен своевременный ввод объектов соцкультбыта, в результате чего создались большие трудности в культурном и бытовом обслуживании строителей. Средняя продолжительность строительства жилых домов в 1974 году составила 14 месяцев при нормативном сроке 7,1 месяца.

Главными причинами медленного роста производительности труда являлось наличие недостатков в организации строительного производства, невысокий уровень сборности зданий и механизации работ. На стройках слабо внедрялись прогрессивные форма оплаты труда, метод бригадного подряда. В управлении строительства Курской АЭС по этому методу работало только 5 бригад из 64 [9, л. 14].

В 1976 году проходило сразу два важных события для архитекторов Курской области - XXV съезда КПСС и VI съезда архитекторов. В связи с этим на общем собрании Курской организации Союза архитекторов был поднят ряд вопросов, касающихся качества архитектуры и строительства.

Е.В. Ипатовым (секретарь парткома Курской АЭС) были затронуты моменты, касающиеся хода строительства Курчатова: «При строительстве внедряются конструкции типа плит оболочек, армопанелей в качестве опалубки для монолитных конструкций. Широко внедряется малая механизация во все производственные процессы, что позволило уменьшить трудозатраты в 4 раза. В массовом порядке принимаются новые материалы типа шлакоситал для устройства полов, стемалит – для декоративного остекления, акмигрем для устройства подвесных потолков, кавролан для устройства полов и декоративной обивки, специальные глазурованные плитки для облицовки, алюминиевые оконные переплеты, стеклопрофилит» [5, л. 34].

В городе все предусмотрели - магазины, Дворец культуры, спортивный комплекс, кинотеатры, дома быта, бассейн, яхтклуб, Дворец пионеров, школы, детсады, гостиницы, а также перешли на строительство 9-ти этажных домов с улучшенной планировкой.

Во второй половине 1970-х годов планы по вводу жилья и объектов соцкультбыта управлением строительства Курской атомной электростанции не выполнялись, а продолжительность строительства большинства объектов превышала нормативные сроки на 4-6 месяцев. К тому же жилые дома и объекты культурно-бытового назначения зачастую сдавались с недоделками.

Бюро Курского обкома постановило признать организаторскую и политическую работу парткома и ру-

Рис. 1. Первый микрорайон города Курчатова, площадь Комсомольская

Рис. 2. Общий вид на город Курчатова, 1978 г.

ководства управления строительства Курской АЭС не отвечающей требованиям XXV съезда КПСС. За серьезные недостатки в работе партийного комитета, слабую требовательность к руководителям управления строительства Е.В. Ипатову объявили выговор. Особое внимание бюро акцентировало на дальнейшем улучшении организации труда, внедрении наиболее прогрессивных форм и методов, распространении бригадного подряда; повышении производительности труда на основе более полной механизации трудоемких процессов, сокращении непроизводительных потерь рабочего времени, улучшении качества строительства [10, л. 9].

В 1957 году началось строительство рабочего поселка горняков, который впоследствии стал городом Железнодорожником. В этот период планировка осуществлялась с учетом размещения жилья для работников Михайловского железорудного комбината, а также инфраструктурных объектов. В дальнейшем, по мере роста города и развития комбината, вносились изменения в планировку, добавлялись новые микрорайоны, объекты социальной и культурной сферы. Это был результат работы различных специалистов, включая архитекторов, градостроителей, инженеров и строителей. В отличие от Курска, где планировка была осуществлена по четкому проекту одного архитектора, Железнодорожск развивался

Рис. 3. Город Железногорск, ул. Ленина, 1976 г.

постепенно, в результате коллективных усилий.

Решением исполкома Курского областного совета депутатов трудящихся от 13 апреля 1964 г. утвердили разработанные институтом «Укргорстройпроект», рассмотренные и одобренные исполкомом Железногорского горсовета, Михайловским железорудным комбинатом, Курской областной санэпидстанцией и областным отделом по делам строительства и архитектуры генеральный план, схему первой очереди строительства и основные положения проекта планировки, а также проект детальной планировки 1-й очереди строительства Железногорска [6, л. 72].

Было запроектировано: школьных мест 7508, детских 3238, больница на 240 коек с поликлиникой, культурно-просветительных предприятий на 3850 мест, торговых предприятий на 268 торговых мест, предприятий общественного питания на 900 мест. Проектом учитывалось строительство жилых домов и гражданских зданий, инженерное оборудование и благоустройство в объеме для 1-й и 2-й очереди Михайловского железорудного комбината, а также третьей очереди рудника богатых железных руд и кварцитового рудника того же комбината.

При дальнейшей разработке проектов необходимо было учесть следующие пожелания:

- застройку улиц Лесной и Полевой многоэтажными домами осуществить как первоочередные объекты строительства;
- разработать проектные задания на строительство парка и спортдвора в районе Дворца культуры;
- предусмотреть выход автодороги с дамбы на автомагистраль «Батурин-Тросна»;
- предусмотреть строительство летнего ресторана на правом берегу водохранилища;

— разработать эскизное предложение по застройке многоэтажными домами микрорайонов с последующим сносом малоценного жилого фонда [7, л. 14].

За небольшой срок на совершенно чистом месте было построено несколько микрорайонов с многоэтажными жилыми домами со всеми видами культурно-бытового обслуживания и инженерно-технического оборудования. Стоит отметить, что дома – повышенной этажности, а построенный в 1967 году Дворец культуры на 800 мест являлся одним из лучших в области [2, л. 137].

Пятилетний план строительно-монтажных работ в Железногорске был завершен досрочно 3 декабря 1970 г. (введено в эксплуатацию 117 тыс. кв.м. жилой площади, два больничных комплекса на 360 мест, детских садов-яслей на 560 мест, школа на 1920 учащихся, дворец культуры на 800 мест, ночной профилакторий, две гостиницы).

Школы, детские сады, общежития в Железногорске строились из кирпича. Конструкции по серии ИИ-04 применялись на строительстве в Курске, поэтому управляющий трестом «Курскрудстрой» Н.П. Косолапов на XVII Курской областной партийной конференции (26-27 февраля 1971 г.) поставил задачу совместно с объединением «Курскстройдеталь» распространить этот опыт и на Железногорск [8, л. 112].

В 1970-х годах Железногорск активно рос и благоустраивался (35 тыс. жителей). Город застраивался 5 и 9-этажными домами, там был построен Дворец культуры, гостиница с рестораном, заканчивалось строительство стадиона, строился крытый плавательный бассейн.

За период 1973-1975 гг. в Железногорске был по-

строен крупный больничный комплекс, школы и детские сооружения, здания повышенной этажности с встроенно-пристроенными помещениями торгово-бытового назначения. Сдана в эксплуатацию первая очередь Михайловского ГОКа [4, л. 108].

Б.Д. Федотов (главный инженер «Курскрудстрой») на общем собрании Курской организации Союза архитекторов подвел итоги строительства в Железногорске: построили Дворец Культуры, гостиницу, много жилых зданий в кирпично-панельном исполнении. Массовое строительство домов серии 464 привело к тому, что здания стали похожими друг на друга, поэтому перешли на строительство 9-ти этажных домов в кирпичном исполнении [5, л. 51].

Застройка города осуществлялась крупными жилыми микрорайонами. В 1974 году было выдано архитектурно-планировочное задание проектному институту «Укргорстройпроект» на перспективное планирование объектов жилья на 1975-1980 годы. Застройка микрорайонов велась компактно, однако полное завершение строительства сдерживалось в связи с большими объемами кирпичной кладки и недостатка облицовочного кирпича на домах повышенной этажности. На строительстве жилищно-гражданских объектов было занято два генподрядных строительно-монтажных управления треста «Курскрудстрой», одно из них СМУ-7 вело в основном строительство крупнопанельных домов, СМУ-1 кирпичных домов и соцкультобъектов [12, л. 138].

Вопросы строительства жилья в Железногорске систематически рассматривались в городском комитете партии, исполкомах городского и районного Советов народных депутатов, на производственных совещаниях. При плане 11926 кв.м. в городе и районе было введено 14645 кв.м. (122,7%). С начала 1979 года в строительстве объектов жилья и соцкультбыта допускалось отставание от плановых заданий. Это было связано с неудовлетворительной поставкой материалов, в частности кирпича

и изделий КПД 91-й серии [11, л. 60].

Для решения проблем с материалами на заводе железобетонных изделий № 2 были введены в эксплуатацию завод вспученного перлита с цехом перлитно-битумных плит по производству их в объеме 10 тыс. кубометров в год. На заводе произвели реконструкцию цеха крупнопанельного домостроения. В 1980 году начался массовый выпуск изделий КПД для строительства жилых домов по новой серии III-91 с улучшенной планировкой квартир [13, л. 101].

Исследование генеральных планов строительства и развития городов Курчатова и Железногорска Курской области периода 1964-1982 годов позволило выявить характерные черты советского подхода к градостроительной практике, связанной с созданием специальных территориально-производственных комплексов, ориентированных на крупные промышленные предприятия и научные учреждения. Проведенный анализ показал эффективность решений, принятых архитекторами и инженерами того времени, позволивших создать комфортные условия проживания и работы сотрудников важнейших отраслей народного хозяйства.

Обобщение опыта проектирования и реализации градостроительных проектов Курчатова и Железногорска имеет важное значение для современной практики регионального развития. Опыт комплексного освоения территории, интеграции производства и науки, рационального распределения функциональных зон остается актуальным и востребованным в условиях модернизации существующей инфраструктуры и перспективного развития регионов Центральной России.

Таким образом, исследование подтверждает значимость изучения исторического наследия градостроительства эпохи СССР, особенно в аспекте эффективного решения вопросов расселения и благоустройства территорий, непосредственно связанных с крупными промышленными объектами и научными центрами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-663 (Фонд Курского отделения Союза Архитекторов СССР). – Оп. 1. Д. 32.
2. ГАКО. Ф. Р-663. – Оп. 1. Д. 33.
3. ГАКО. Ф. Р-663. – Оп. 1. Д. 54.
4. ГАКО. Ф. Р-663. – Оп. 1. Д. 69.
5. ГАКО. Ф. Р-663. – Оп. 1. Д. 78.
6. ГАКО. Ф. Р-5293 (Фонд главного управления архитектуры и градостроительства Курского облисполкома). – Оп. 1. Д. 260.
7. ГАКО. Ф. Р-5293. – Оп. 1. Д. 262.
8. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1 (Фонд Курского областного комитета КПСС). – Оп. 54. Д. 421.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. – Оп. 62. Д. 182.

10. ГАОПИКО. Ф. П-1. – Оп. 68. Д. 24.
11. ГАОПИКО. Ф. П-1. – Оп. 71. Д. 64.
12. ГАОПИКО. Ф. П-1. – Оп. 71. Д. 67.
13. ГАОПИКО. Ф. П-1. – Оп. 71. Д. 87.
14. История атомных электростанций. Курская АЭС / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.biblioatom.ru/core-systems/nuclear-power-plants/kurskaya-aes/> (дата обращения: 18.01.2026)
15. Летопись Курской АЭС: 35 славных лет / [Росэнергоатом, Курская АЭС.] - Курчатов, 2011. - 345 с.

© Ларин Денис Анатольевич (denlarin99@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ УРАЛА В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ (СЕРЕДИНА XX ВЕКА)

ECONOMIC EDUCATION OF YOUNG PEOPLE IN THE URALS IN THE CONTEXT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES (MID-20TH CENTURY)

A. Perebeynos
T. Ptashko
E. Pavlenko
N. Trofimova
Z. Perebeynos

Summary: This article examines the economic education of working youth in the Urals in the mid-20th century. The research is based on statistical data, periodicals, and state archives.

This article describes the activities of youth economic education clubs at industrial enterprises, describes the economic training system, analyzes the methods used, new forms of active learning (practical assignments, collective essay writing to optimize production activities and save money), and conducts sociological research to assess student satisfaction with the economic training system. The work of educational classrooms is also discussed. Research methods include systems analysis and generalization. This study of the organization of youth economic education at enterprises in the Urals in the 20th century allows us to examine the experience and conclude that it can be applied in modern conditions.

Keywords: education, youth, economic education.

Перебейнос Артем Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
nos75@mail.ru

Пташко Татьяна Геннадьевна

кандидат педагогических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
ptashko75@mail.ru

Павленко Елена Федоровна

кандидат географических наук, доцент,
Челябинский государственный университет
pavlenkoefchel@gmail.com

Трофимова Наталья Васильевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
trofimovanv@cspu.ru

Перебейнос Захар Артемович

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
perebeynoss.z@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена вопросу экономического образования работающей молодежи Урала середины XX века. Источниковой базой исследования являются статистические данные, материалы периодической печати, а также документы государственных архивов.

В статье раскрыта характеристика деятельности кружков по экономическому образованию молодежи на производственных предприятиях, раскрыта система экономической подготовки, проанализированы применяемые методы работы, новые формы активного обучения слушателей (метод практических заданий, написание коллективных рефератов с целью оптимизации производственной деятельности и экономии средств), проведение социологических исследований, позволяющих провести оценку уровня удовлетворенности слушателей системой подготовки по экономическому направлению, раскрыта работа кабинетов просвещения. Методы исследования: системный анализ, обобщение. Исследование вопроса организации системы экономического образования молодежи на предприятиях Урала XX века позволяет изучать опыт и констатировать, что он может быть использован в условиях современности.

Ключевые слова: образование, молодежь, экономическое образование.

Промышленные предприятия Урала особое внимание уделяли экономическому образованию работающей молодежи, с этой целью создавались специальные кружки экономического образования.

Было важным создание «цельной и стройной системы экономической учёбы молодёжи... с тем, чтобы в течение 2-3 лет каждый молодой рабочий ... мог получить необходимые экономические знания, овладеть навыка-

Таблица 1.

Количество подкружков, работавших в 1972-73 учебном году по программе курса «Основы экономических знаний».

Предприятия чёрной металлургии	Количество кружков экономического образования		
	Всего	Из них – работавших по программе курса «Основы экономических знаний»	
		Кол-во	%
Алапаевский металлургический завод	7	4	56
Златоустовский металлургический завод	31	27	87
Лысьвенский металлургический завод	26	23	86
Магнитогорский калибровочный завод	22	12	54
Нытвенский металлургический завод	10	5	50
Первоуральский новотрубный завод	41	29	70
Челябинский трубопрокатный завод	16	8	50
Чусовской металлургический завод	13	5	38
Челябинский электрометаллургический комбинат	10	3	33,3

Составлено по: Металлург. 1972. 2 октября; Златоустовский металлург. 1973. 17 февраля; ГАПО. Ф.539. Оп.17. Д.1. Л.45; Калибровщик. 1972. 1 августа; ГАПО. Ф.208. Оп.1. Д.14. Л.73; Уральский трубник. 1972. 14 июня; Челябинский трубник. 1972. 25 ноября; ГАПО. Ф.1241. Оп.37. Д.6. Л.139; ОГАЧО. Ф.1585. Оп.4. Д.21. Л.8.

ми экономического анализа и деятельности предприятия...». В результате практической помощи на предприятиях чёрной металлургии Пермской, Свердловской и Челябинской областей такие организации сумели добиться того, что большинство обучающихся в кружках сети, завершив обучение по курсу «Основы экономики» и «Беседы о производственном коллективе», с 1972-73 учебного года приступили к изучению новой учебной программы «Основы экономических знаний».

Из таблицы видно, что в сети семи металлургических предприятий из девяти 50% кружков и более работали по программе курса «Основы экономических знаний».

Увеличение в первой половине 70-х годов числа экономических кружков и слушателей в них было характерным для исследуемого периода на Урале. Если в 1968-69 учебном году в Свердловской области работали лишь 95 кружков по программе «Беседы о производственном коллективе», то в 1972-73 учебном году было уже 1439 кружков экономического профиля. В них обучалась около 30 тыс. юношей и девушек, что составляло более 1/3 из всех занимающихся [1].

В 1973-74 учебном году численность слушателей, овладевших экономическими знаниями в кружках Челябинской области, по сравнению с 1970-71 учебным годом возросла с 12230 до 31791 человека, что составляло 55, 4% от общего числа слушателей [2].

Широкому развитию интереса молодежи Свердловской области к экономической учёбе способствовал развёрнувшейся по инициативе молодежи Уралмашзавода

в 1969 г. «Поход» под девизом: «Современные научно-технические и экономические знания – каждому» [3]. «Поход» представлял собой системную подготовку по экономике, состоящую из ряда этапов.

Значительных успехов в проведении молодёжного похода добивались металлургические предприятия. В Свердловске, подводя итоги 15 этапа, признали победителями молодежь Первоуральского новотрубного и Серверского трубного заводов [4].

Одной из основных составных частей похода было проведение технико-экономического экзамена. Он стал общественной формой повышения экономических знаний молодёжи. Его принимали комиссии, в состав которых входили представители профсоюзных, молодёжных организаций и администрации предприятия. Сдача экзамена была своеобразным отчётом каждого обучающегося о том, насколько он овладел своей профессией, основами экономических знаний и как применяет их на практике. Экзамены были эффективной формой контроля за состоянием профессионально-технической и экономической подготовки молодёжи [5]. Из 230 тыс. юношей и девушек Свердловской области, сдавших в 1972 году технико-экономический экзамен 41 тыс. молодых рабочих повысила свой производственный разряд [6].

Параллельно с решением организационных вопросов, направленных на улучшение экономической учёбы, совершенствовали методику преподавания экономических курсов. При этом значительная роль отводилась активным формам обучения, которые получили широкое распространение во всех звеньях учёбы.

Выполнение практических заданий, написание и защита рефератов, курсовых и дипломных работ, анализ отдельных сторон экономической деятельности трудовых коллективов, составление и экономическое обоснование обязательств и встречных планов, изучение передового производственного опыта и т.п. стали составной частью учебного процесса в большинстве школ и теоретических семинаров [7].

Среди них метод практических заданий имел большой удельный вес. Основная цель такого рода заданий – развивать активность слушателей. Этот вид заданий получил особенно широкое распространение в тех кружках, школах и семинарах, где слушатели изучали экономические проблемы. В 1973-74 учебном году на Синарском трубном заводе руководитель теоретического семинара «Основы экономики и управления производством» И.А. Демченко при изучении темы «Основные экономические законы и закономерности управления» дал слушателям практическое задание – охарактеризовать завод как объект управления. В ходе его выполнения слушатели проанализировали документооборот трубного завода, выяснили количество входящих документов через отделы заводоуправления. Ежедневно, как было установлено слушателями, на заводе заполняется 880 форм различных документов. При этом было выявлено, что допускается необоснованное дублирование их значительного числа. В результате проделанной слушателями работы было ликвидировано данное явление и началась разработка автоматизированной системы обработки документации [8].

В Миньярском метизно-металлургическом заводе в 1974-75 учебном году слушателю теоретического семинара П.И. Удалову было дано практическое задание – изучить работу пресспакета ПГ-400 и внести предложение по улучшению его использования. После детального анализа были сделаны конкретные предложения, а П.И. Удалов вместе с другими членами бригады выступил с инициативой – повысить нормы выработки на 25%. Эта инициатива была одобрена [9].

Постепенно возросло число юношей и девушек, активно участвующих в выполнении практических заданий. Только на Челябинском трубопрокатном заводе в 1974-75 учебном году 80% слушателей кружков выполнили практические задания, внося свой вклад в улучшение производственно-экономической деятельности предприятия [10].

Методические советы и пропагандисты постоянно вели поиск новых активных форм обучения. Так, на Первоуральском новотрубном заводе для рецензирования рефератов, написанных слушателями, создавалась специальная комиссия. В её состав входили представи-

тели молодежной организации, методсовета, главные специалисты, лучшие пропагандисты завода [11]. Введение обязательного рецензирования заметно повысило теоретический уровень и практическую значимость написанных работ. Интересный опыт по написанию рефератов сложился на теоретических семинарах на Златоустовского металлургического завода. На семинаре «Основы научного управления производством» при Центральной заводской лаборатории подготовка рефератов стала не только методом активной самостоятельной работы слушателей над материалом, но и средством приобщения их к непосредственному взаимодействию с работающими на предприятиях. Рефераты, апробированные на семинарах, брались за основу при подготовке лекций или бесед, с которыми слушатели выступали перед рабочими в цехах завода [12].

В теоретических семинарах Вверх-Исетского металлургического завода широкое распространение получило написание коллективных рефератов. Впервые из числа слушателей в 1972-73 учебном году была создана 21 творческая бригада, каждая из которых готовила свой реферат. В этих коллективных работах содержалось 182 предложения, реализация которых давала экономический эффект более 700 тыс.рублей [13]. Одна из таких бригад, созданная под руководством начальника термического цеха А.И. Мельникова подготовила реферат на тему: «Повышение фондоотдачи – важная проблема дальнейшего развития экономики». Творческая группа, наряду с раскрытием теоретических положений, разработала 4 технико-экономических мероприятия, имеющих большую практическую значимость. Среди них были такие, как ввод в эксплуатацию агрегата замедленного охлаждения металла, увеличение производства на стане «Кварто» и др. Выполнение только этих мероприятий позволило получить экономический эффект 435,9 тыс. рублей [13].

В организации завода сложилась практика защиты коллективных рефератов. Первая такая защита состоялась в конце 1973-74 учебного года. Творческая группа, в состав которой вошли работники лаборатории НОТ, вынесла на защиту основные положения реферата по теме «Совершенствование работы аппарата заводоуправления». Руководитель творческой бригады Г.И. Макаров в своём выступлении дал глубокий анализ работы всех звеньев аппарата заводоуправления, вскрыл причины снижения эффективности управленческого труда. После заинтересованного обсуждения доклада было принято постановление, которое обязывало заводоуправление принять активное участие в реализации разработанных мероприятий [14].

На Вверх-Исетском металлургическом заводе ежегодно определяли лучшие рефераты. Так, в 1974 году

первое место было присуждено творческой бригаде железнодорожного цеха (руководитель А.Л. Зарх) за реферат «Пути рационализации транспортировки и хранения материальных ресурсов на предприятии». В числе лучших был назван и реферат «Использования внутренних резервов на предприятии», подготовленный творческой группой листопрокатного цеха. Анализ тематики рефератов показывает, что она охватывала все стороны хозяйственно-экономической деятельности завода и способствовала устранению «узких» мест в производстве. Такая форма активного обучения позволила наилучшим образом соединить полученные экономические знания с жизнью трудового коллектива. С 1972 по 1975 г. от внедрения предложений, содержащихся в коллективных рефератах, на заводе получен экономический эффект около 4, 5 млн. рублей [15]. В исследуемый период в Перми и Челябинске начали проводить областные конкурсы рефератов, в которых активное участие принимали юноши и девушки металлургических предприятий. По итогам областного конкурса в 1975-76 учебном году реферат, написанный слушателем кружка центральной лаборатории Челябинского трубопрокатного завода И.С. Голевой был отмечен в числе лучших, а автор награжден грамотой [16].

В результате проделанной организационно-методической работы организациям Урала удалось добиться того, что практически каждый слушатель системы экономического просвещения в течение учебного года участвовал в написании 1-2 рефератов по актуальным проблемам экономической деятельности своего предприятия.

В 1972-73 учебном году в Первоуральске было проведено социологическое исследование, цель которого была изучить, как слушатели системы образования готовятся к учебным занятиям. Анкетный опрос более 300 человек показал, что 14, 9 слушателей тратят времени на подготовку к занятиям один час; 30, 2% – два часа; 35, 9% – три и более часа. При этом используют для подготовки к занятиям только учебник – 26,3 % человек; значительное большинство слушателей (85, 7%) ведут конспекты каждого занятия [17].

Проведение анкетного опроса позволило внести изменения в организацию учебного процесса, способствовавших улучшению самостоятельной подготовки слушателей к занятиям.

Конкретно-социологические исследования, как форму изучения организации и эффективности экономического образования, широко использовали в своей работе Пермская и Челябинская области. В практику работы вошло проведение повторных социологических исследова-

ний. В 1964 году на промышленных предприятиях области были проведены исследования по изучению использования метода практических заданий в учебном процессе. А в 1974-75 учебном году общественный институт конкретно-социологических исследований провёл повторное исследование на тех же предприятиях и по той же программе [18]. Сравнительный анализ результатов исследований, проведённых в 1964 и 1975 годах показал, что в результате постоянного внимания организаций и их методических центров использование метода практических заданий в учебном процессе значительно возросло. В 1975-76 учебном году 78% пропагандистов широко использовали эту активную форму обучения. При этом 60% пропагандистов составляли на весь учебный год рабочий план, в котором были определены конкретные практические задания по каждой теме занятий [18].

Вместе с тем конкретно-социологические исследования помогли вскрыть недостатки, на устранение которых кружки сосредоточили свои усилия.

В многогранной деятельности организаций Урала по совершенствованию экономического обучения большую роль играли Дома и кабинеты просвещения. Они наряду с разработкой учебных программ и планов, проведением консультаций и конференций большой вниманием уделяли подготовке и выпуску информационных бюллетеней, брошюр, книг и учебных пособий в помощь слушателям, изучающих экономические проблемы. Только в Средне-Уральском книжном издательстве в эти годы были выпущены серии: «Экономическая библиотека рабочего» (8 книжек); «Библиотека цехового экономиста» (6 книжек); «Мастеру – экономические знания», брошюра «Основы НОТ», учебное пособие «Совершенствование управления производством на предприятиях Свердловской области» и др. [19].

В Челябинске подготовили серию популярных брошюр – «Молодёжи – экономические знания» [20;21]. Эта учебная литература была хорошим подспорьем в изучении экономических дисциплин.

В результате систематической и целенаправленной работы по совершенствованию форм и методов обучения в системе экономического просвещения организации металлургических предприятий Урала добились того, что молодежь получала прочные и глубокие экономические знания. Широкое внедрение активных форм обучения способствовало повышению качества обучения слушателей. Система сыграла значительную роль в осуществлении экономического образования работающей молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАСО. Ф.61. Оп.24. Д.23. Л.62
2. ОГАЧО. Ф.485. Оп.5. Д.38. Л.1-2; Ф.485. Оп.7. Д.3. Л.220-221.
3. ГАСО. Ф.61. Оп.24. Д.9. Л.14.
4. ГАСО. Ф.61. Оп.24. Д.9. Л.16
5. Политическое самообразование. 1976. №11. С.92.
6. Документы ЦК ВЛКСМ. 1972. М., 1973. С.92.
7. Вопросы экономики. 1972. №9. С.104
8. ГАСО. Ф.2843. Оп.24. Д.26. Л.42
9. Стальная искра. 1975. 17 июля.
10. ОГАЧО. Ф.121. Оп.35. Д.36. Л.177.
11. ГАСО. Ф.1667. Оп.14. Д.4. Л.133.
12. Златоустовский рабочий. 1973. 23 августа.
13. Верх-Исетский рабочий. 1974. 3 июля.
14. Верх-Исетский рабочий. 1974. 14 августа.
15. ГАСО. Ф.311. Оп.1. Д.313. Л.8.
16. Челябинский трубник. 1976. 6 октября.
17. ГАСО. Ф.4, Оп.80. Д.159. Л.94.
18. Ненашев, 1978, с.35
19. Политическая агитация. 1972. №16. С.8.
20. Пономарев, 1976, с.123
21. ОГАЧО. Ф.288. Оп. 176. Д.9. Л.71.

© Перебейнос Артем Евгеньевич (nos75@mail.ru), Пташко Татьяна Геннадьевна (ptashko75@mail.ru),
Павленко Елена Федоровна (pavlenkoefchel@gmail.com), Трофимова Наталья Васильевна (trofimovanv@cspu.ru),
Перейбейнос Захар Артемович (perebeynoss.z@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАРТНЕРСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И КОЛУМБИЕЙ В 1991–2025 ГГ. ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КОЛУМБИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (К 90-ЛЕТИЮ ОТНОШЕНИЙ ДВУХ СТРАН)

PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND COLOMBIA IN 1991–2025. PROSPECTS FOR RUSSIAN-COLUMBIAN RELATIONS (ON THE 90TH ANNIVERSARY OF RELATIONS BETWEEN THE TWO COUNTRIES)

V. Potapchuk
V. Potapchuk

Summary: This article examines the establishment and development of partnership between the Russian Federation and the Republic of Colombia from the 1990s to the 2020s, as well as the risks hindering their improvement and ways to overcome these obstacles. Despite the rather complicated history of Soviet-Colombian diplomatic relations in the 20th century, in the post-Soviet period, beginning in 1991, the partnership between Russia and Colombia rapidly gained momentum. The authors examine the evolution of cooperation between these countries in the social, trade, economic, political, cultural, military, and other spheres. A number of agreements, treaties, and declarations signed between 1991 and 2025, aimed at strengthening Russian-Colombian friendly ties and fruitful mutually beneficial cooperation, are analyzed. This work also examines various political events, meetings, visits between the two countries' leaders, heads of government agencies, and joint intergovernmental meetings that contributed to the development of partnership and friendly relations between Russia and Colombia.

Keywords: Russian Federation, Republic of Colombia, Russian-Colombian partnership, bilateral relations, Russian-Colombian trade relations, Moscow, Bogotá.

Потапчук Владимир Владимирович

аспирант, Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск

Потапчук Владимир Иосифович

кандидат философских наук, доцент, Тихоокеанский
государственный университет, г. Хабаровск
000644@togudv.ru

Аннотация: В статье рассматриваются процесс установления и развития партнерских отношений между Российской Федерацией и Республикой Колумбия в 1990-х – 2020-х гг., а также риски, способствующие помешать их улучшению и способы ликвидации этих препятствий. Несмотря на весьма непростую историю советско-колумбийских дипломатических связей в XX в., в постсоветский период, начиная с 1991 г. партнерство между Россией и Колумбией стремительно набирало обороты. Авторами изучается эволюция сотрудничества между этими странами в социальной, торгово-экономической, политической, культурной, военной и других сферах. Проанализирован ряд соглашений, договоров и деклараций, подписанных в 1991–2025 гг., которые были направлены на укрепление российско-колумбийских дружественных связей и плодотворного взаимовыгодного сотрудничества. Также в данной работе рассматриваются различные политические события, встречи, визиты лидеров двух стран, глав правительственных ведомств, а также совместные межправительственные заседания, способствовавшие развитию партнерства и дружеских отношений между Россией и Колумбией.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Колумбия, российско-колумбийское партнерство, двусторонние отношения, российско-колумбийские торговые связи, Москва, Богота.

В современных международных отношениях происходит полное переустройство миропорядка. Активно идет процесс перехода от однополярного к многополярному миру. В этих условиях особенно актуально развитие партнерства со многими странами, для улучшения своих позиций на мировой арене. В настоящий момент, из-за множества непростых политических событий, Российская Федерация находится в напряженных отношениях со странами Европы и Северной Америки (США, Канада), которые составляют, так называемый – «коллективный Запад». В связи с этим, Россия проводит новую политику, направленную на развитие отношений с государствами Азии и Латинской Америки, поскольку это может позволить ей укрепить свое по-

ложение на международной арене, найти себе новых экономических партнеров и развивать уже имеющиеся связи с «незападными организациями», такими как БРИКС, ШОС, ОДКБ. Кроме того, развитие отношений со странами Азии и Латинской Америки, может способствовать сохранению баланса сил в мире, и такое сотрудничество может позволить России стать главным участником действий в этом направлении. Опыт партнерства с латиноамериканскими государствами, как средство оказания давления на США и НАТО, у России уже есть: в годы «холодной войны» СССР активно сотрудничал с Кубой и Никарагуа, как в экономическом, так и в военном и в морально-политическом плане. В постсоветскую эпоху Российская Федерация продолжила не только

поддерживать с этими странами теплые и дружественные связи, но и начала развивать отношения с другими государствами латиноамериканского региона, в частности, установив, тесное и плодотворное сотрудничество с Бразилией и Венесуэлой. Но на вышеперечисленных странах Россия не остановилась, а напротив, стала устанавливать политическое и экономическое партнерство и с другими государствами Латинской Америки, некоторые из них входят в Азиатско-Тихоокеанский регион, например, Республика Колумбия.

Первое упоминание о политических связях между Россией и Колумбией относится еще к середине XIX века. В 1858 г. российский император Александр II и президент тогдашней Республики Новая Гранада Мариано Оспина Родригес произвели обмен посланиями, в которых они выразили желание установить теплые и дружеские отношения между двумя странами, а также развивать торговлю друг с другом [11]. Это событие и положило начало развитию российско-колумбийским отношениям. Официальное оформление дипломатических отношений между двумя странами произошло уже в советский период – 25 июня 1935 г., а в 1943 г. советская и колумбийские стороны произвели обмен послами [10]. Однако уже в 1948 г. отношения между СССР и Колумбией были разорваны, по инициативе последней. Это произошло, вследствие беспорядков в столице Колумбии – Боготе. В организации данных беспорядков колумбийская сторона обвинила Советский Союз, что и привело к тому, что связи этих двух стран были прерваны на двадцать лет. Реальной же причиной разрыва советско-колумбийских отношений являлась политика США, направленная на удержание Латинской Америки в сфере своего влияния и недопущение развития советско-латиноамериканских отношений [34]. Тем не менее, 19 января 1968 г. дипломатические контакты и связи между Москвой и Боготой были восстановлены [6].

После распада Советского Союза, Правительство Колумбии 27 декабря 1991 г. признало Российскую Федерацию, как правопреемницу международных прав и обязательств бывшего СССР. Это стало отправной точкой в развитии российско-колумбийского партнерства в постсоветскую эпоху. 8 апреля 1994 г. стороны подписали договор «Об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Колумбией», который действует до сих пор. В число некоторых положений данного соглашения входят следующие. Декларировались дружественные отношения между странами, а также развитие отношений сотрудничества друг с другом в соответствии с принципами Устава ООН и другими общепризнанными нормами международного права. Утверждалось расширение торгово-экономического и технического сотрудничества. Стороны договорились участвовать в координации усилий в области разоружения и контроля над вооружениями, а также прилагать совместные усилия,

направленные на предотвращение распространения оружия массового уничтожения и связанных с ним технологий [9]. Договор содержал и ряд других положений, авторами были выделены наиболее значимые. Стоит также отметить, что настоящий договор между Россией и Республикой Колумбия был заключен сроком на десять лет, с автоматическим продлением на каждые пять лет и вступил в силу в 1997 г.

В середине 1990-х гг. Российская Федерация и Республика Колумбия начали вести активный поиск способов и путей для развития и расширения торгово-экономических связей друг с другом. Так, в октябре 1995 г. в Москве состоялось первое заседание российско-колумбийской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, в ходе которого, Россия и Колумбия согласовали меры направленные на наращивание торговли, инвестиционного сотрудничества и модернизации договорно-правовой основы торгово-экономических связей [30].

Также 18 октября 1995 г., в Колумбии, в г. Картахена российская и колумбийская стороны подписали новое Торговое соглашение, заменившее предыдущее Торговое соглашение между Советским Союзом и Колумбией от 3 июня 1968 г. Новый российско-колумбийский договор о торговле был заключен сроком на три года, с автоматическим продлением на каждый год и предполагал вступление в силу в 2000 г. [42].

В 1997 г. между Российской Федерацией и Республикой Колумбия была подписана «Декларация о принципах взаимодействия России и Колумбии на пути в XXI век», согласно которой стороны договаривались о том, что их государства будут взаимодействовать в соответствии с Уставом ООН и общепризнанными принципами и нормами международного права, активно участвовать в противодействии любым попыткам диктата и гегемонизма в международных отношениях и др. [7].

Россия и Колумбия подтвердили свою глубокую заинтересованность и готовность поддерживать развитие процессов политической и экономической интеграции. Договорились о развитии сотрудничества в сфере экологии.

Подтверждались совместное участие сторон в содействии процессу ядерного и химического разоружения, укреплению режима нераспространения оружия массового уничтожения, особенно ядерного и ракетных средств его доставки; совместная координация усилий, направленных на ликвидацию незаконной торговли оружием, в борьбе с организованной преступностью и международным терроризмом.

Кроме того, в данной Декларации Москва и Богота

договорились о совместной координации своих усилий в поиске оптимальных решений социально-экономических проблем, как на глобальном, так и на региональном уровнях и др. [7].

Также, во второй половине 1990-х гг. Россия и Колумбия заключили Соглашение о военно-техническом сотрудничестве и Соглашение о взаимном учреждении аппаратов военных атташе при посольствах этих стран (в форме обмена нотами). Данные договора были направлены на развитие взаимодействия двух государств в военно-техническом направлении.

Итак, наблюдая за процессом юридического оформления российско-колумбийского партнерства, мы видим, что в 1990-е гг., сотрудничество между двумя странами стремительно набирало обороты. Так, если в 1994 г. при заключении договора Об основах отношений между двумя странами только устанавливались основные направления и сферы сотрудничества, то в 1997 г., при заключении Декларации о принципах взаимодействия, уже имеющиеся направления дополнились, определялись новые сферы взаимодействия, а также было установлено, что партнерство между Россией и Колумбией будет вестись по принципу многополярности мира, без какой-либо гегемонии и доминирования в международных отношениях.

Вместе с развитием торговли, военного сотрудничества и юридического оформления российско-колумбийского партнерства, представители обоих государств стали совершать рабочие визиты друг к другу. Так, в 1994 г. министр иностранных дел Колумбии Нозми Сантин совершила рабочий визит в РФ, в ходе которого стороны и подписали Договор «Об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Колумбией». В 1997 г. уже российский министр иностранных дел Е.М. Примаков, во время рабочей поездки в страны Латинской Америки 20–30 ноября 1997 г. (Бразилия, Аргентина, Колумбия, Коста-Рика) с официальным визитом посетил Колумбию, в результате которого сторонами и была принята «Декларация о принципах взаимоотношений России и Колумбии на пути в XXI в.» [22]. В ходе визита Е.М. Примакова в Колумбию, стороны также подписали Договор о координации усилий спецслужб по линии борьбы с наркобизнесом [23]. Подобное сотрудничество России со странами Латинской Америки (включая и Колумбию) является взаимовыгодным, поскольку для РФ это существенно уменьшит риски нелегального распространения оружия и запрещенных веществ на ее территории и по всему миру со стороны преступных группировок и картелей, а для Колумбии и других латиноамериканских государств данное сотрудничество позволит снизить преступность на этом континенте и обезопасить его государства и их население от наркобизнеса и многих других особо опасных преступлений, которые в Латинской

Америке достигли весьма катастрофических масштабов. Таким образом, чтобы решить данные проблемы, по мнению С. Обознова необходимо развивать по нарастающей взаимодействие России с латиноамериканскими странами, (в том числе и с Колумбией) по вопросам борьбы с наркобизнесом, терроризмом и незаконной торговлей оружием [23].

С момента подписания в 1995 г. нового российско-колумбийского Торгового соглашения, торговля между двумя странами начала стремительно развиваться. Так, Мигель Паласио отмечает, что из Российской Федерации в Колумбию поставляются: автомобили и запчасти к ним, мотоциклы, транспортные вертолеты, самолеты, запчасти для авиатехники, турбины, электрогенераторы, удобрения, антибиотики, котлы для центрального отопления, рыбные консервы, микроскопы и др. Колумбия же поставляет России цветы и декоративные части для них, бананы, свежие и консервированные тропические фрукты, кофе и кофе-продукты, муку из зерновых культур, сахар-сырец из тростника, кондитерские изделия из сахара, каменный уголь и др. [22].

На территории Республики Колумбия свою деятельность ведут российские нефтяные компании, а также со стороны РФ оказывается техническое содействие в улучшении судоходства по колумбийской реке Магдалена. В свою очередь колумбийцы готовы продавать россиянам текстиль, готовые платья, изделия из кожи, изделия народных промыслов, высококачественное мясо [22].

В 2000-х гг. двусторонние контакты между РФ и Колумбией продолжили свое развитие. В 2001 г. колумбийская сторона поддержала позицию России в отношении незаконных вооруженных формирований, действовавших в Чечне. В свою очередь РФ заявила об одобрении и поддержке политического курса президента Колумбии Андреса Пастраны [22]. В 2002–2003 гг. в сфере российско-колумбийского двустороннего диалога произошли следующие события: проведены политические консультации между представителями министерства иностранных дел России и Колумбии; российские парламентские делегации совершили визиты в ряд стран Латинской Америки, в том числе и Колумбию; российские компании начали поставлять в латиноамериканские государства, включая и Колумбию, оборудование для ГЭС; российские организации начали активную деятельность в сфере разработки нефтяных месторождений в Колумбии; в ряде стран Латинской Америки, в том числе и в Колумбии была организована работа совместных предприятий по сборке автомобилей [26]. Все это является свидетельством расширения сотрудничества между этими двумя государствами.

В апреле 2004 г. в Москву с визитом прибыла глава МИД Колумбии Мария Каролина Барко Исаксон. Она же

приняла участие в переговорах с министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым, по результатам которых главами МИД обеих стран было сделано совместное заявление, в котором отражались подходы двух государств к ключевым международным, региональным и двусторонним проблемам [31]. Помимо этого, российской и колумбийской сторонами было заключено Межправительственное соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи между таможенными службами двух государств. По словам С. В. Лаврова, это соглашение должно способствовать росту взаимного товарооборота двух стран, а также активизации сотрудничества в экономической области, в том числе в области инвестиций [28]. В число некоторых наиболее значимых положений данного соглашения входили такие как: обязательство принимать меры, направленные на облегчение и ускорение перемещения товаров, оказание взаимной помощи, направленной на предотвращение и расследование нарушений таможенного законодательства, а также их пресечение; сотрудничество в сфере исследования, разработки новых таможенных процедур, подготовки и обучения кадров, обмена специалистами и др. [36].

В 2005–2007 гг. в российско-колумбийских отношениях активно набирали обороты межпарламентские контакты в форме взаимных визитов.

В мае 2006 г., в Москве, полномочные представители Колумбии и Российской Федерации подписали протокол о завершении двусторонних переговоров по включению последней во Всемирную торговую организацию [19]. Параллельно с этим, все также в мае 2006 г. в Боготе были проведены политические консультации по проблематике ООН и миротворчеству [44]. Таким образом, Колумбия проявила большую заинтересованность в сотрудничестве с Россией, как в двустороннем формате, так и в рамках международных организаций. Колумбийская сторона поддержала участие РФ в совместной торговле и во Всемирной торговой организации. Еще одним фактом, подтверждающим готовность обеих сторон укрепить торгово-экономические связи двух стран, является основание в 2008 г. Колумбийско-российской торговой палаты, в сферу деятельности которой входят реализация проектов сотрудничества и поощрение развития экономических и культурных связей [43].

Примечательно, что основание Колумбийско-российской торговой палаты совпадает с 40-й годовщиной восстановления дипломатических отношений между СССР и Колумбией, что подчеркивает стремление российской и колумбийской сторон забыть прошлые разногласия и вместе идти к достижению общих целей и реализации общих интересов.

Таким образом, следует отметить, что в 2000-х гг. торговые связи между Россией и Колумбией продолжа-

ли укрепляться и развиваться. Россия, благодаря этому партнерству получила доступ к выгодным контрактам в сфере разработки месторождений нефти в Колумбии, а также может реализовать крупные энергетические и другие инвестиционные проекты. Колумбия же, в свою очередь имеет возможность получить более дешевые, но достаточно современные российские технологии [30]. Так, если в 1999 г. товарооборот в российско-колумбийской торговле составлял 68,7 млн. долларов, то в 2000 г. он вырос до 100,9 млн. долларов (из них 50,1 млн. долларов пришелся на российский экспорт, а остальные 50,8 млн. долларов пришелся на импорт из Колумбии) [30], а в 2006 г. этот товарооборот составлял уже около 225 млн. долларов (из них 175 млн. долларов приходился на российский экспорт) [44]. В 2000-х гг. Россия в основном экспортировала в Колумбию авиатехнику, автотранспортные средства, машины и оборудования, металлы и металлоизделия, а также минеральные удобрения и другие виды химической продукции [30]. В свою очередь Колумбия поставляла в РФ продукты питания (в частности: сахар, бананы, кофе, сахар-сырец, кофейный концентрат), цветы, кожевенные изделия, обувь [30]. В то же время, в 2000-х гг. было намечено множество иных направлений для ведения совместного взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики, добычи нефти, газа и угля. Так, в Колумбии успешно ведут работу ряд российских компаний, например – с 2002 г. компания «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг ЛТД» начала работу по реализации проекта «Кондор», направленную на разведку и добычу нефти в Колумбии [44].

Также развиваются взаимовыгодные отношения в сфере транспорта, производства продуктов питания; организуются работы гидроэлектростанций в Колумбии; предполагается сотрудничество в сфере космических технологий; осуществляются поставки авиатехники в Колумбию [30].

Помимо торгово-экономического партнерства, Москва и Богота поднимали вопрос об активизации совместных усилий, направленных на развитие военного сотрудничества и действий против терроризма и наркоторговли. Так, в октябре 2008 г. министр обороны Колумбии Хуан Мануэль Сантос совершил официальный визит в Россию, для решения вопросов по сотрудничеству в этом направлении. Результаты переговоров были довольно успешными. Во-первых, стороны договорились о проведении технического обслуживания военных вертолетов российского производства, а также выразили готовность рассмотреть и изучить возможность организации производства российской бронированной техники на территории Колумбии. Во-вторых, стороны договорились о проработке вопроса, связанного с организацией и проведением в марте–апреле 2009 г. визита президента Колумбии Альваро Урибе Велеса в Москву [33]. В-третьих, Россия дала гарантии о том, что

она не передаст свое оружие Революционным вооруженным силам Колумбии (РВСК), которые ведут боевые действия против колумбийского правительства. Более того, Россия заявила, что рассматривает РВСК, как террористическую организацию [33]. В-четвертых, российская сторона заверила Хуана Мануэля Сантоса о том, что военные учения Венрус-2008 (которые прошли 1–3 декабря 2008 г.), не несут угрозы Колумбии и другим странам латиноамериканского региона. [33]. Это было связано с настороженностью колумбийской стороны по поводу проведения Россией совместных военно-морских учений с Венесуэлой, отношения с которой у Колумбии, на протяжении последних десятилетий, имели натянутый характер [2], но российское правительство развеяло эти угрозы. И, пожалуй, самое важное: Москва и Богота сошлись в едином мнении по поводу развития отношений согласно принципам многополярности и прагматизма [33].

В начале 2010-х гг. Колумбия собиралась сделать многое для дальнейшего улучшения и развития отношений с Российской Федерацией, например, – прервать контакты с США и НАТО. Как уже говорилось ранее, Колумбия входила в сферу интересов американцев, и те не желали терять одного из своих весьма значимых партнеров в латиноамериканском регионе. Отмечается, что вследствие экономической и финансовой зависимости от США, многие государства Латинской Америки, в числе которых была и Колумбия, продолжали сохранять тесные союзнические связи с ними. Во внешней политике, как правило, такие страны действуют в соответствие с позицией и взглядами Вашингтона [32].

С приходом к власти в 2010 г. Хуана Мануэля Сантоса ситуация в сфере внешней политики Республики Колумбия стала меняться. В августе 2010 г. Конституционный суд Колумбии аннулировал соглашение с США об использовании американскими военными базами на территории страны [12, С. 670]. Несмотря на то, что напрямую это событие не повлияло на отношения с американцами, колумбийская сторона проявила свои намерения, связанные с тем, чтобы отдалиться от США, а также урегулировать противоречия со своими соседями (в частности, с Венесуэлой, Эквадором) и продолжить развитие партнерства с Российской Федерацией. В 2010–2011 гг. Колумбия заключила с Венесуэлой и Эквадором ряд соглашений об интеграции в различных сферах [12, С. 670–671]. Но самое главное, новая политика колумбийского правительства позволила вывести отношения с Россией на более высокий уровень. В апреле 2010 г. в Москве между РФ и Республикой Колумбия был подписан Договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам, направленный на то, чтобы укрепить нормативно-правовую базу двустороннего сотрудничества в уголовно-правовой сфере, а также на защиту прав и законных интересов российских и колумбийских гражд-

дан.

В сентябре 2010 г. Россия и Колумбия в Нью-Йорке заключили, пожалуй, одно из самых ключевых соглашений в истории российско-колумбийских отношений – Соглашение об условиях отказа от визовых формальностей при взаимных поездках граждан, согласно которому, граждане каждой из сторон, имеющие действительные паспорта (за исключением дипломатических, служебных и официальных паспортов), дающие право на пересечение границы, имеют право на въезд на территорию другой стороны без виз на срок до 90 дней в течение каждого периода в 80 дней, начиная с даты первого въезда. При этом если граждане одной из сторон планируют пребывать или даже проживать на территории другой стороны более 90 дней либо осуществлять трудовую или коммерческую деятельность, то они будут обязаны получить визу в дипломатическом представительстве или консульском учреждении [35].

Стоит отметить, что два вышеуказанных соглашения существенно повлияли на российско-колумбийские отношения в лучшую сторону, так как между этими двумя странами развивается взаимная помощь в борьбе с преступностью, а также задается новый импульс в развитии туризма и культурного обмена.

Новый виток в улучшении российско-колумбийского партнерства приобрела и сфера межпарламентского сотрудничества двух стран. В сентябре 2012 г. в Палате представителей парламента Колумбии начала свою работу Группа дружбы с Россией, которая действует и по сей день [29], а в январе 2015 г. состоялся визит в Колумбию заместителя Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ И. М.-С. Умаханова в Колумбию.

В 2010-х гг. свое развитие получили и межрегиональные связи РФ и Колумбии. Так, в декабре 2012 г. мэром г. Тула Е.В. Авиловым было подписано Соглашение о взаимодействии и установлении побратимских отношений между российской Тулой и колумбийским городом Барранкилья.

Следующим событием, ставшим одним из весьма значимых в истории развития партнерства между Россией и Колумбией, была первая встреча глав государств в июле 2014 г. В это время в Бразилии, в г. Форталеза проходил VI саммит БРИКС, в котором принял участие и колумбийский лидер Хуан Мануэль Сантос. Во время саммита Президент РФ В.В. Путин провел двусторонние встречи с рядом глав государств Латинской Америки, таких как Боливия, Уругвай, Венесуэла, Перу, Чили и Колумбия. Хуан Мануэль Сантос высоко оценил двустороннюю встречу с В.В. Путиным. Глава РФ выразил поддержку усилиям колумбийского коллеги направленным на умиротворение внутреннего конфликта в Колумбии [45]. Также, на встре-

че российского и колумбийского лидеров были обсуждены вопросы, связанные с расширением и углублением экономического взаимодействия и сотрудничества, в частности, затрагивались вопросы по увеличению товарооборота между двумя странами. Следует отметить, что участие президента Колумбии в VI саммите БРИКС 2014 г. и первая двусторонняя встреча российского и колумбийского лидеров произошли уже во время кризиса в отношениях между Россией и США, возникшего после присоединения, по результатам законного референдума, полуострова Крым к РФ. Это говорит о том, что колумбийская сторона готова и стремится развивать отношения с Российской Федерацией и параллельно с этим продолжает отдаляться от американцев.

В 2010 гг. в российско-колумбийской торговле появились новые позиции (предметы). Так, в число основных предметов торговли в 2010–2017 гг. были экспорт России в Колумбию минерального топлива, нефти и продуктов их перегонки, битуминозных веществ; летательных аппаратов, а также их частей; черного металла; меди и алюминия и изделий из них; электрических машин и оборудования, а также их частей, звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры и т. п.

Колумбия экспортировала в Россию мясо и пищевые субпродукты, рыбу, ракообразных, моллюсков и прочих морепродуктов; молочную продукцию, яйца птиц, натуральный мед; изделия из кожи, натуральный и искусственный мех, а также изделия из него; бумагу и картон и др. [8].

В этот же период в российско-колумбийских отношениях была продолжена реализация практики рабочих визитов представителей органов государственной власти друг к другу. Так, например, в декабре 2012 г. вице-президент Республики Колумбия Анхелино Гарсон совершил рабочий визит в Россию. В марте 2015 г., в год 80-летия с момента установления российско-колумбийских дипломатических отношений, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, в рамках латиноамериканского турне посетил Колумбию, где провел переговоры с президентом Колумбии Хуаном Мануэлем Сантосом и со своей коллегой – главой колумбийского МИД Марией Анхелой Ольгин, по итогам которых было заявлено, что для развития торгово-экономических связей стороны будут искать дополнительные резервы. Главы МИД Колумбии также посещали РФ в ходе рабочих визитов – в 2010, 2013 и 2019 годах. В октябре 2017 г., в рамках российской бизнес-миссии в страны Латинской Америки (в частности, Колумбию, Мексику, Парагвай), в Колумбии побывала российская делегация, которую возглавлял министр промышленности и торговли РФ Д.В. Мантуров. Основными темами визита российской делегации в Колумбию были: перспективы наращивания торгово-экономического, промышленного и инвестиционного

взаимодействия и сотрудничества между странами; расширение Россией экспорта в Колумбию авиационной, автомобильной, железнодорожной и морской техники, энергетического оборудования и др. [24].

Сохранились и консультации между министерствами иностранных дел Российской Федерации и Республики Колумбии, связанные с дальнейшим улучшением дружеских отношений между этими двумя странами. Так, в апреле 2019 г. заместитель главы МИД РФ С.А. Рябков и заместитель главы МИД Колумбии Л. С. Харой провели совместные консультации, на которых сторонами обсуждались актуальные международные и региональные проблемы [25].

В июне 2019 г. в Москве было проведено VII заседание Межправительственной российско-колумбийской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, в котором приняли участие представители федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и Республики Колумбия, а также бизнес-сообществ двух государств. В ходе заседания стороны провели переговоры по вопросам дальнейшего развития российско-колумбийского двустороннего взаимодействия по многим приоритетным направлениям, включая образование, торговлю, ветеринарный и фитосанитарный надзор. Также, во время заседания межправительственной комиссии Министр юстиции РФ А.В. Коновалов заявил, что у российский и колумбийских компаний и предприятий повышается интерес, связанный с укреплением взаимовыгодных партнерских отношений между ними [37]. Глава колумбийского МИД Карлос Ольмес Трухильо, совершавший в июне 2019 г. свой рабочий визит в Россию и принявший участие в VII заседании Межправительственной российско-колумбийской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, заявил о том, что «Колумбия и Россия «поддерживают очень хорошие, дружеские дипломатические отношения»» [15]. Также, во время своего визита в Россию Карлос Ольмес Трухильо провел встречу с министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым, на которой стороны обсудили разгоревшийся тогда Венесуэльский кризис.

В 2010-х гг. контакты между РФ и Колумбией продолжались и на уровне международных организаций. Так, например, в ноябре 2015 г. на полях 23-го саммита международного форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, проходившего в Маниле, премьер-министр Российской Федерации Д.А. Медведев пообщался с главой Колумбии Хуаном Мануэлем Сантосом, на предмет двусторонних отношений [21]. Следует отметить, что практически на каждой встрече и переговорах российская и колумбийская стороны постоянно обсуждают вопросы по развитию торговых связей между двумя этими странами, что дает определенную эффек-

тивность в этом направлении. Так, в 2018–2021 гг. в число товаров, экспортируемых из России в Колумбию, входят: нефть и нефтепродукты; азотные и калийные удобрения; минеральные продукты; продукция химической промышленности; металлы и изделия из них; древесина и целлюлозно-бумажные изделия; машины, оборудование и транспортные средства; продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье. В свою очередь Колумбия в указанный период продавала России: замороженное мясо крупного рогатого скота, кофе, бананы, орехи, чай, пряности, сахар, кондитерские изделия, медь и изделия из нее, молочную продукцию, яйца птиц, натуральный мед, декоративную зелень, жемчуг, драгоценные и полудрагоценные металлы и т.п. [1], [39], [40], [41]. В апреле 2021 г. между Россией и Республикой Колумбия состоялась очередная раунд консультация по многосторонней и двусторонней проблематике. В этот раз переговоры проходили в формате видеоконференцсвязи из-за продолжавшейся тогда пандемии COVID-19.

Параллельно с развитием российско-колумбийского партнерства, отношения между Республикой Колумбия и США ухудшались. В январе 2019 г., на фоне разрыва дипломатических и политических отношений Венесуэлы с американцами. Колумбия делает «своеобразный удар в спину» американской стороне, заявив о том, что она не планирует предоставлять США военные базы для вторжения в Венесуэлу [17]. Таким образом, колумбийское правительство своими действиями показало американцам, что Колумбия не только продолжит партнерские и дружеские связи с Россией, но также не станет вести конфликты со своими соседями по указке США, будет дальше отстаивать свой личный суверенитет и не допустит разжигание и распространение военных конфликтов в латиноамериканском континенте. А после вступления на пост президента Колумбии Густаво Петро 7 августа 2022 г., колумбийско-американские отношения были расстроены окончательно. В июле 2025 г. глава Колумбии заявил, что стране необходимо «отдалиться от НАТО, а также от европейских стран, участвующих в военной агрессии» [27]. Глава Колумбии высказал идею о необходимости создания собственного альянса, который не будет разжигать конфликты по всему миру, как это делают США, Европейский Союз и НАТО: «Разве не пришло время для создания другого военного альянса? ... Это не армии свободы, это армии тьмы. А у нас должны быть армии света» [46]. В ответ на это в августе 2025 г. США лишили Колумбию статуса своего партнера в борьбе с наркотрафиком. В свою очередь колумбийский лидер заявил, что такие действия со стороны американского руководства являются попыткой надавить на Боготу и вмешаться в ее внутренние дела. Кроме того, Густаво Петро также распорядился прекратить закупки оружия в США [13].

Безусловно, все эти события, связанные с ухудшением отношений между Боготой и Вашингтоном, положи-

тельно повлияли на развитие российско-колумбийского сотрудничества и партнерства, прежде всего в области торговли. Колумбийское правительство заявило о том, что не станет вводить финансовые ограничения против российских компаний, предприятий или отдельных бизнесменов и т. п. [20]. Таким образом, очевидным является, что перспективы в российско-колумбийских торговых отношениях довольно высокие, и существуют такие же возможности развития данного направления. На фоне кризиса в отношениях между Колумбией и США, Богота заявила о планах дальше развивать сотрудничество и партнерство с Россией в рамках международных организаций. Так, в ноябре 2024 г. министр иностранных дел страны Луис Хильберто Мурильо, высказался о заинтересованности Колумбии во вступлении в БРИКС [4]. Помимо простых заявлений, Колумбия совершала и конкретные шаги по присоединению к этой международной организации. Так, в июне 2025 г. она завершила процесс по вступлению к Новому банку развития БРИКС [18]. Вполне вероятно, что в ближайшие несколько лет, Колумбия полностью присоединится к БРИКС и будет вести сотрудничество, как с Россией, так и с другими членами данной организации. Российский политолог Сергей Маркелов выразил мнение о том, что после высказанных президентом Густаво Петро планах по прекращению сотрудничества с НАТО, Колумбия может обратиться к опыту таких латиноамериканских государств, как Перу и Чили, которые уже рассматривают интеграцию в БРИКС [16].

Тем не менее, на сегодняшний день, в сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Колумбия присутствуют также и определенные риски, которые могут негативно сказаться на отношениях между двумя этими странами. В число таких затруднений можно включить следующие.

Сложности с обслуживанием российских вертолетов Ми-17, закупленных у России и находящихся в собственности Колумбии. По состоянию на апрель 2025 г. Россия и Колумбия попытались договориться относительно вопросов ремонта и обслуживания данной техники, однако прийти к решению этой проблемы им не удалось. Данный вопрос до сих пор остается открытым.

Деятельность в Колумбии наркокартелей, а также производство там запрещенных веществ (наркотиков), с последующей их контрабандой в Россию. По мнению И.А. Житниковой и П.С. Счисляева, Колумбия до сих пор является крупнейшим поставщиком кокаина на мировой рынок. Именно в этом латиноамериканском государстве, было произведено около 700–800 тыс. кокаина, что составляет примерно 80% всего поступающего на мировые рынки данного запрещенного вещества [10]. Дело в том, что произведенные в Колумбии кокаин и прочие виды наркотиков незаконным путем распространяются

в другие страны, в том числе и в Россию. Попавшие в Российскую Федерацию путем контрабанды запрещенные вещества негативно отражаются на здоровье российских граждан. Подобное распространение наркотиков может также способствовать развитию преступности на территории нашей страны. Такое положение также может вызвать недоверие между этими странами в сфере торговли и подорвать их дружеские отношения. Российская и колумбийская стороны совместно борются с наркобизнесом, чтобы он был ликвидирован на территории Колумбии, а также не был распространен по всему миру. Например, по состоянию на декабрь 2024 г., Колумбия, по запросу Генпрокуратуры РФ, экстрадировала в Россию одного из крупных колумбийских наркобаронов Рамиреса Муньоса, который занимался контрабандой кокаина в Москву [3].

Присутствие колумбийских наемников в зоне Специальной военной операции на Украине и их боевые действия на стороне ВСУ является еще одним фактором, негативно влияющим на российско-колумбийские отношения. Так, в феврале 2024 г. было отмечено, что на фоне истощения украинской армии, ее ряды пополняют сотни наемников из Колумбии [38]. Чрезвычайный и полномочный посол РФ в Колумбии Н.К. Тавдумадзе в интервью РИА Новости также сообщил о том, что число колумбийских наемников на Украине остается на высоком уровне [5]. Тем не менее, шансы на ликвидацию данного риска есть. Дело в том, что в октябре 2025 г. группа наемников из Колумбии обратилась к президенту своей страны Густаво Петро «спасти их с Украины» [14].

Деятельность террористических преступных группировок, картелей и прочих незаконных вооруженных формирований, ведущих боевые действия против законной власти Колумбии, также создает риски для российско-колумбийского сотрудничества и партнерства. Все вышеназванные группировки занимаются похищением людей, с последующим их захватом в заложники, чтобы в дальнейшем потребовать за них выкуп. Отмечается, что в Колумбии, в плену у партизан находились представи-

тели 57 стран, включая и российских граждан [12, С. 616]. Ввиду такого положения дел, россияне боятся летать в Колумбию и там путешествовать, что в свою очередь может негативно сказаться на сотрудничестве между РФ и Колумбией в сфере туризма. В соответствии с договоренностями, Россия готова оказать Колумбии любую помощь в борьбе с преступностью на ее территории. Это закреплено в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Колумбией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 2010 г.

Тем не менее, на сегодняшний день отношения между Россией и Колумбией сохраняют дружественный и позитивный характер. В июне 2025 г. исполнилось 90 лет со дня установления дипломатических отношений между этими двумя странами. Министерство иностранных дел Российской Федерации поздравило колумбийских коллег и друзей с этим знаменательным событием, заявив, что обе стороны стремятся выстроить конструктивный диалог с учетом интересов друг друга, создать прочную договорно-правовую базу российско-колумбийских отношений, а также значительно улучшить и без того плодотворное сотрудничество и партнерство между этими двумя странами в торгово-экономической сфере [29]. Кроме того, страны активно сотрудничают друг с другом на многосторонних площадках и в рамках международных организаций. В МИД РФ выразили надежду на то, что связи между Россией и Колумбией будут дальше развиваться, расширяться и укрепляться.

Таким образом, можно утверждать, что за прошедшие несколько десятков лет были выстроены вполне дружественные и доверительные отношения между Российской Федерацией и Республикой Колумбия, которые основаны на тесном сотрудничестве, партнерстве, на взаимном доверии и в соответствии с принципами многополярности и отсутствия мирового гегемонизма. Перспективы отношений между этими двумя странами можно оценить, как вполне успешные, и при ликвидации вышеуказанных рисков, их можно существенно укрепить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Взаимный товарооборот России и Колумбии за 11 месяцев 2018 года сократился на 22% // ATI.SU. URL: <https://news.ati.su/news/2019/01/29/vzaimnyj-tovarooborot-rossii-i-kolumbii-za-11-mesjatsev-2018-goda-sokratilsja-na-22-525887/> (дата обращения 05.10.2025).
2. Венесуэла и Колумбия договорились создать приграничную особую экономическую зону // Интернет-портал «Российской газеты» RG.RU. URL: <https://rg.ru/2025/07/18/venesuela-i-kolumbiia-dogovorilis-sozdat-prigranichnuu-osobiui-ekonomicheskuiu-zonu.html?ysclid=mg2820yque968176301> (дата обращения 27.09.2025).
3. Выдача Колумбией наркобарона может быть попыткой наладить отношения с РФ // Телевизионный канал РЕН ТВ. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1289716-vydacha-kolumbiei-narkobarona-mozhet-byt-popytkoi-naladit-otnosheniia-s-rf> (дата обращения 07.10.2025).
4. Глава МИД Колумбии заявил о желании страны присоединиться к БРИКС // АО «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7299562> (дата обращения 07.10.2025).
5. Глава МИД Колумбии рассказала о наемниках на Украине // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250829/ukraina-2038403628>.

- html?ysclid=mggjbutojd897761116 (дата обращения 07.10.2025).
6. Двусторонние отношения // Посольство Российской Федерации в Республике Колумбии. URL: <https://colombia.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/> (дата обращения 17.09.2025).
7. Декларация о принципах взаимодействия России и Колумбии на пути в XXI век (г. Санта-фе-де-Богота, 26 ноября 1997 г.) // Правовая Россия. Законодательство Российской Федерации. URL: <https://laws-russia.narod.ru/fed1997/data01/tex11908.htm> (дата обращения 21.09.2025).
8. Динамика торговли России с Колумбией в 2010–2017 годах // Внешняя Торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-kolumbiey-v-2010-2017-godah/?ysclid=mgcasfbp3744372684> (дата обращения 04.10.2025).
9. Договор «Об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Колумбией» 8 апреля 1994 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48072/ (дата обращения 17.09.2025).
10. Житникова И.А., Счисляев П.С. Перспективы развития российско-колумбийских торгово-экономических связей в условиях социально-политического конфликта в Колумбии // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 6. С. 418–424.
11. Интересные факты из истории двусторонних отношениях - 85-летие отношений между Россией и Колумбией // Посольство Российской Федерации в Республике Колумбии. URL: https://oldcolombia.mid.ru/85-letie-otnoshenij-mezdu-rossiej-i-kolumbiej/-/asset_publisher/BjEylWr37NuT/content/interesnye-fakty-iz-istorii-dvustoronnih-otnosheniah (дата обращения 17.09.2025).
12. История Колумбии с древнейших времен до начала XXI века / Ин-т всеобщей истории РАН; отв. ред. А.А. Щелчков, З.В. Ивановский. – М.: Наука, 2022. – 740 с.
13. Карибское горе: от США отворачиваются партнеры из-за операции против Венесуэлы // Известия. URL: <https://iz.ru/1960848/ekaterina-hamova/karibskoe-gore-ot-ssa-otvoracivautsa-partnery-iz-za-operacii-protiv-venesuely> (дата обращения 07.10.2025).
14. Колумбийские наемники попросили спасти их с Украины // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20251005/ukraina-2046542187.html?ysclid=mggk6c2dog231400927> (дата обращения 07.10.2025).
15. Колумбия заинтересована в развитии политических и торговых отношений с Россией // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6501025> (дата обращения 05.10.2025).
16. Колумбия может вернуться к БРИКС, считает политолог // Радио Sputnik. URL: <https://radiosputnik.ru/20250717/kolumbiya-1979300175.html?ysclid=mggg7etw5o130921079> (дата обращения 07.10.2025).
17. Колумбия не собирается предоставлять США базы для вторжения в Венесуэлу // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190126/1549947251.html?ysclid=mgf5756iu1276888511> (дата обращения 07.10.2025).
18. Колумбия присоединилась к банку БРИКС // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24287105> (дата обращения 07.10.2025).
19. Колумбия пустила Россию в ВТО // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2006/05/16/wto1/> (дата обращения 27.09.2025)
20. Колумбия хочет дружить с Россией // Октагон. URL: https://octagon.media/mir/kolumbiya_xochet_druzhit_s_rossiej.html?ysclid=mftizrpr6l495194165 (дата обращения 07.10.2025).
21. Медведев на саммите АТЭС пообщался с главами Брунея и Колумбии // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20151118/1323734395.html> (дата обращения 06.10.2025).
22. Мигель Паласио. Колумбия – неизведанная сокровищница. «На перекрестке двух дорог...» (Вместо послесловия) // Tywi.com. URL: https://www.tiwy.com/pais/colombia/tesoro_inexplorado/epilogo.phtml (дата обращения 21.09.2025).
23. Обознов С. Россия и Латинская Америка в ООН: проблемы, возможности и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2, С. 61–66.
24. О визите в Колумбию Министра промышленности и торговли России Д.В. Мантурова // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezhdeniyah/1556053/ (дата обращения 05.10.2025).
25. О консультациях заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова с заместителем Министра иностранных дел Республики Колумбии Л.С. Харой // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/co/1457525/> (дата обращения 05.10.2025).
26. Погорельский А.В. Россия и Латинская Америка: новые горизонты сотрудничества // Политические изменения в Латинской Америке. 2010. № 7. С. 30–39.
27. Президент Колумбии заявил о намерении прекратить отношения с НАТО // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250717/kolumbiya-2029594975.html?ysclid=mfnojtghoe992081548> (дата обращения 07.10.2025).
28. Протокол. Главы МИД РФ и Колумбии провели переговоры // АО «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/471199> (дата обращения 25.09.2025).
29. Республика Колумбия. К 90-летию со дня установления дипломатических отношений между Россией и Колумбией // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/co/2030674/> (дата обращения 04.10.2025).
30. Республика Колумбия. Торгово-экономические отношения (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/co/1746218/> (дата обращения 21.09.2025).
31. Россия и Колумбия заключили соглашение о сотрудничестве между таможенными ведомствами двух стран // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20040428/579279.html> (дата обращения 21.09.2025).
32. Россия и Латинская Америка: взаимодействие в условиях меняющегося миропорядка: коллективная монография / под ред. А.В. Кузнецова, П.П. Яковлева. – Москва: ИНИОН РАН, 2022. – 133 с. (С. 27).
33. РФ заверила Колумбию, что учения с Венесуэлой не несут угрозы – СМИ // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20081013/153015715>.

- html?ysclid=mg28hwljs914797199 (дата обращения 27.09.2025).
34. Советско-латиноамериканские отношения (1945–1991) // ИнфоПедия. URL: <https://infopedia.su/12x1f03.html> (дата обращения: 17.09.2025)
 35. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Колумбии об условиях отказа от визовых формальностей при взаимных поездках граждан Российской Федерации и Республики Колумбии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45091/ (дата обращения 04.10.2025).
 36. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Колумбии о сотрудничестве и взаимной помощи между таможенными службами // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46101/ (дата обращения 25.09.2025).
 37. Состоялось 7-е заседание Межправительственной Российско-Колумбийской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству // Министерство юстиции Российской Федерации URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/events/44995/> (дата обращения 05.10.2025).
 38. Сотни наемников из Колумбии пополняют украинские войска, пишут СМИ // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240208/vsu-1926097250.html?ysclid=mggjk7db465741186> (дата обращения 07.10.2025).
 39. Торговля между Россией и Колумбией в 2019 г. // Внешняя Торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kolumbiey-v-2019-g/?ysclid=mgds17sgua121392288> (дата обращения 05.10.2025).
 40. Торговля между Россией и Колумбией в 2020 г. // Внешняя Торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kolumbiey-v-2020-g/?ysclid=mgds1mzftd994208174> (дата обращения 05.10.2025).
 41. Торговля между Россией и Колумбией в 2021 г. // Внешняя Торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kolumbiey-v-2021-g/?ysclid=mgds1znju1658413083> (дата обращения 05.10.2025).
 42. Торговое соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Колумбия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47915/ (дата обращения 21.09.2025).
 43. Торгово-промышленные палаты Татарстана и Колумбии договорились о сотрудничестве // Правительство Республики Татарстан. URL: <https://prav.tatarstan.ru/index.htm/news/354210.htm> (дата обращения 27.09.2025).
 44. Участие в международных организациях, основные внешнеполитические контрагенты и партнеры, отношения с Россией // Политический атлас современности. Экономика, социология, история, внешняя и внутренняя политика, особенности функционирования различных ветвей власти, партий и других политических институтов, а также угрозы и вызовы, с которыми сталкиваются современные государства. URL: <https://www.hyno.ru/tom3/631.html> (дата обращения 30.09.2025).
 45. Хуан Торрес: Колумбия поворачивается к России? // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/1881248> (дата обращения 04.10.2025).
 46. «Это армии тьмы»: президент Колумбии намерен прекратить партнерство с НАТО // АО «Газета.Рy» URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/07/17/26286236.shtml?ysclid=mfnoqkxwem792523076&updated> (дата обращения 07.10.2025).

© Потапчук Владимир Владимирович, Потапчук Владимир Иосифович (000644@togudv.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРШАЛА Л. Н. ДАВУ ВО ВРЕМЯ ГУБЕРНАТОРСТВА В МОГИЛЕВЕ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Рубини Франческо

Ст. преподаватель, Инженерная академия

РУДН им. Лумумбы

francesco.rubini@mail.ru

THE ACTIVITIES OF MARSHAL L.N. DAVOUT IN THE COURSE OF THE GOVERNORSHIP OF MOGILEV DURING THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Rubini Francesco

Summary: This article is dedicated to military leader and French Marshal Louis Nicolas Davout in the course of the occupation of the city of Mogilev during the Patriotic War of 1812. Analyzing the events of Napoleon's campaign on Russian soil, the modern reader can understand that the Iron Marshal played a key role not only as a commander on the battlefield among his soldiers, but also as a skilled and capable political figure, as Davout briefly served also as the military governor of Mogilev, which is a fact of considerable interest.

Keywords: Russian campaign of 1812, Napoleon, Davout, Mogilev, Belarus, governorship, diocese, szlachta.

Аннотация: Данная статья посвящена полководцу и французскому маршалу Луи Никола Даву во время оккупации города Могилева в течение Отечественной войны 1812 года. Анализируя события кампании Наполеона на российской земле, современный читатель сегодня понимает, что личность железного маршала сыграла ключевую роль не только как полководец на поле боя среди своих солдат, но и как умелая и способная политическая фигура, ведь Л.Н. Даву непродолжительное время был, помимо прочего, военным губернатором Могилева, что является довольно интересным фактом для исследования.

Ключевые слова: война 1812 года, Наполеон, Даву, Могилев, Беларусь, губернаторство, епархия, шляхта.

Введение

Только при условии системного и критического анализа каждого исторического события, оказавшего существенное воздействие на развитие и трансформацию государства, становится возможным предполагать, как избежать повторения тех или иных событий в будущем, хоть и не научной закономерностью. Изучение войн, революций и кризисов не ограничивается реконструкцией хронологического хода событий; оно служит также инструментом осмысления долгосрочных последствий для социальной структуры, политической культуры и, помимо этого, исторической коллективной памяти. Особое место среди таких событий занимает Отечественная война 1812 года, ставшая важнейшей вехой как для Российской империи, так и для современных независимых государств, которые в прошлом включались в ее состав.

В историографии традиционно подчеркивается, что именно войны и крупные катастрофы способны радикально изменить траекторию исторического развития определенной территории, формируя новые политические границы, социальные практики и менталитеты. К подобным событиям относят масштабные военные конфликты, эпидемии, голод, экономические кризисы, при этом исследователи неоднократно обращали внимание

на определенную цикличность аналогичных явлений в мировой истории. Накопление сведений о прошлых конфликтах, расширение источниковедческой базы и развитие междисциплинарных подходов позволяют не только реконструировать картину прошлого, но и выработать механизмы предположения ранних предупреждений в предмете кризисов и конфликтов в настоящем.

Изучение истории войны 1812 года тесно связано с исследованием деятельности конкретных исторических личностей, которые оказывали решающее влияние на ход кампании как на поле боя, так и в сфере управления территориями. В этом контексте, по нашему мнению, фигура маршала Луи Никола Даву представляет особый интерес, поскольку сочетает репутацию выдающегося военачальника наполеоновской армии с ролью администратора, временно занимающего власть в Могилеве и его округе. Кратковременность его пребывания на посту военного губернатора не умаляет значимости принятых им шагов в области военного и гражданского управления, а напротив, позволяет нам рассматривать этот период как некий «стандартный» пример функционирования французской оккупационной власти на современной белорусской территории.

Научная новизна настоящего исследования заклю-

чается в акценте на региональном измерении Отечественной войны 1812 года через призму деятельности маршала Л.Н. Даву в Могилевской губернии, что традиционно оказывалось в тени общероссийских сюжетов, связанных преимущественно с Бородинским сражением, московской кампанией и общим ходом наполеоновского нашествия в более обобщенном контексте. В работе предпринимается попытка комплексно рассмотреть административные, социальные и конфессиональные аспекты краткого периода губернаторства Даву в Могилеве, включая вопросы взаимодействия с местной шляхтой, городским самоуправлением и православной иерархией. Тем самым уточняется роль оккупационной администрации в трансформации политико-правового и социального пространства региона в условиях войны.

Актуальность темы обусловлена продолжающимся интересом современной историографии к более «локальным аспектам» Отечественной войны 1812 года и к проблеме функционирования оккупационных режимов на западных окраинах Российской империи. В последние десятилетия в исследованиях все более очевиден поворот к изучению повседневных практик, механизмов коллаборационизма, форм сопротивления населения и особенностей взаимодействия имперской власти с периферийными территориями, что делает опыт Могилева под управлением Даву показательной моделью для анализа. Дополнительное значение имеет тот факт, что Могилевская губерния рассматривалась наполеоновским командованием как важный узел коммуникаций и опорный пункт, что усиливало внимание к кадровым решениям и характеру управления городом.

Центральная проблема статьи состоит в выявлении специфики губернаторской деятельности Л.Н. Даву в Могилеве, в определении ее влияния на социально-политическую ситуацию в городе и губернии, а также в оценке степени адаптации местных элит и населения к условиям краткосрочной французской оккупации. В рамках данной проблемы к числу ключевых вопросов относятся:

1. характер политики контрибуций и мобилизации ресурсов;
2. особенности создания гражданских и полувоенных структур управления;
3. взаимодействие с духовной властью и трансформация статуса православной церкви;
4. реакция различных социальных групп (шляхта, городское население, крестьянство) на установление французского режима.

История Отечественной войны 1812 года получила широкое освещение в отечественной и зарубежной историографии, при этом внимание исследователей

длительное время было сосредоточено, как упоминалось ранее, преимущественно на общероссийских аспектах кампании и на деятельности высшего военного командования. В классических обобщающих трудах Л.Г. Бескровного и П.А. Жилина подробно анализируются предпосылки, ход и итоги войны, рассматриваются планы сторон, ключевые сражения и политические последствия событий 1812 года. Вместе с тем региональные сюжеты, в частности история белорусских земель в годы войны и деятельность французской администрации на этих территориях, освещены менее полно и относительно фрагментарно.

Исследования, посвященные Беларуси в период 1812 года, в том числе работы Ю. Литвиновской, А.М. Лукашевича, Д.Л. Яцкевича и А. Филатовой, существенно уточнили картину событий, позволив ввести в научный оборот новые документы и материалы. Однако деятельность маршала Даву в качестве военного губернатора Могилева, его взаимодействие с местной шляхтой, духовенством и городским самоуправлением остаются темами, требующими дополнительного и более детального анализа. Настоящая статья направлена на частичное восполнение этого пробела за счет акцентирования внимания на локальных аспектах оккупационной политики в Могилеве летом 1812 года.

Материалы и методы

В качестве источниковой базы исследования, использованы мемуарные свидетельства участников войны 1812 года, официальные документы, отраженные в сборнике «Беларусь и война 1812 года», а также труды отечественных и белорусских историков, посвященные как общему ходу кампании, так и региональным аспектам. Значительную роль играют материалы, введенные в научный оборот исследователями белорусской историографической школы, в том числе документы, касающиеся деятельности губернских и уездных властей, церковной администрации и местной шляхты.

Методологическую основу исследования составляют аналитико-исторический и сравнительно-исторический методы, позволяющие сопоставить сведения различных типов источников и реконструировать картину действий оккупационной администрации в Могилеве. При анализе поведения местного населения и элит применяются также элементы микроисторического подхода, ориентированного на детальное рассмотрение ограниченного по времени и пространству фрагмента исторической реальности. Использование междисциплинарных подходов, включая элементы политической и социальной истории, позволяет более всесторонним образом охарактеризовать практики управления и сопротивления в рассматриваемый период.

Обзор литературы

П.А. Жилин [5, с. 289] — один из наиболее авторитетных исследователей, чьи работы использованы для изучения общих закономерностей и ключевых событий Отечественной войны 1812 года. В его труде акцент делается на стратегических планах сторон, характере военных действий и политических последствиях войны, что служит необходимым фоном для анализа региональных процессов. Особое значение имеет также монография Л.Г. Бескровного «Отечественная война 1812 года» [4, с. 641], в которой представлена практически исчерпывающая картина кампании, в том числе вопросы подготовки, стратегического руководства и организации снабжения армий.

Весьма интересная характеристика событий на белорусской земле содержится в работах Ю. Литвиновской [6, с. 32-41], а также в сборнике документов «Беларусь и война 1812 года», подготовленном А.М. Лукашевичем и Д.Л. Яцкевичем [3, с. 559]. В этих исследованиях анализируются военные действия на территории современной Беларуси, особенности взаимодействия местного населения с армиями противоборствующих сторон, а также изменения в административной структуре региона. Существенный вклад в освещение истории Беларуси в составе Российской империи был внесен также еще одной заслуживающей внимания коллективной монографией [10, с. 75-86], где отдельный параграф посвящен войне 1812 года, ее причинам и последствиям.

Результаты

Датой начала наступления на Могилев традиционно считается 8 июля 1812 года, когда части армии Наполеона приступили к активным действиям в районе города. Французские войска заняли стратегически важные объекты, включая мост через Днепр и склады с продовольствием и скотом, что обеспечило контроль над основными коммуникациями и ресурсами. В отличие от некоторых других населенных пунктов на пути французской армии, где реакция населения была относительно благожелательной или нейтральной, в Могилеве присутствовало заметное напряжение и настороженное отношение к захватчикам, особенно со стороны низших слоев населения.

На момент вторжения французской армии, губернским правителем являлся граф Д.А. Толстой. В источниках упоминаются две основные версии его поведения в критический момент: согласно одной, губернатор принимал попытки организовать оборону и защитить жителей, но, осознав безнадежность сопротивления, покинул город незадолго до окончательной оккупации; согласно другой, он фактически ограничился поспешным отъездом, не развернув систематической обороны. В

декабре 1812 года Толстой вернулся к исполнению обязанностей гражданского губернатора, однако в период оккупации его место в городском управлении занял маршал Л.Н. Даву, командир 1-го армейского корпуса наполеоновской армии.

Маршал Даву был встречен представителями местного дворянства с особыми знаками почтения, что соответствовало традиции демонстративной лояльности части шляхты по отношению к французской власти. Главой дворянского сословия в Могилеве в тот период был Петр Станиславович Крогер, который организовал торжественную встречу и вместе с другими представителями элиты вручил Даву символические ключи от города. Получив полномочия военного губернатора, Даву издал указ о наложении контрибуции на жителей Могилева, что стало одним из первых шагов по мобилизации ресурсов в интересах французской армии.

Одной из ключевых задач новой администрации стало формирование в губернском городе особого гражданского «польского правления», то есть, временной комиссии, призванного обеспечить управляемость территории и посредничество между местным населением и оккупационными властями. В состав комиссии вошли как чиновники и помещики с выраженными франкофильскими и полонофильскими настроениями, так и представители прежнего правления во главе с Толстым, которые по различным причинам не смогли или не успели покинуть город. Подобная практика включения части старой элиты в новые административные структуры соответствовала общей логике наполеоновской политики на оккупированных территориях, направленной на использование существующих социальных иерархий в целях стабилизации режима.

Особое значение для понимания характера власти Даву в Могилеве имеют свидетельства современников, в частности рапорт прокурора губернии А.Г. Вакара, содержащий описание выступления маршала перед собранными чиновниками и дворянами. В нем отмечается, что Даву выражал удивление отсутствием «энтузиазма и польского духа» в губернии по сравнению с другими регионами, а также подчеркивал, что не требует немедленного принесения присяги, но предупреждает о недопустимости вредительства со стороны сторонников России. Завершая речь, он обещал сохранение прежнего порядка в отношении крестьян, которые, по его словам, должны были оставаться в повиновении своим помещикам, что должно было снизить опасения землевладельцев и обеспечить их относительную лояльность [3, с. 559].

В компетенцию созданной Даву комиссии входило решение целого комплекса задач, связанных с обеспечением потребностей французской армии и поддержа-

нием порядка на подконтрольной территории. В первую очередь комиссия занималась сбором и поставкой провизий — хлеба, съестных припасов, скота, фуража, а также организацией реквизиций и распределением налогового бремени между различными социальными группами. Кроме того, на нее возлагалась ответственность за поддержание общественного порядка, контроль за деятельностью местных органов власти и координацию с поветовыми комиссиями, создававшимися в уездах губернии.

При Даву было относительно безболезненно организовано городское самоуправление Могилева, в основу которого легли прежние структуры, адаптированные к новым политическим условиям. Бывший уездный предводитель дворянства Д. Венцлавович получил должность мэра, а городской магистрат, состоявший из прежних бургомистров и ратманов, фактически заложил фундамент функционирования городского самоуправления в условиях оккупационного режима. Подобная институциональная преемственность обеспечивала относительную устойчивость управления и позволяла французской администрации опираться на уже сложившиеся механизмы местной власти.

11 июля Даву выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что для крестьян формально ничего не изменилось: несмотря на смену верховной власти, они оставались в прежнем подчинении своим помещикам и одновременно обязаны были обеспечивать французскую армию продовольствием. К этому моменту французские войска уже полностью заняли город, и вопросы снабжения армии приобрели первостепенное значение для местной администрации.

Важным элементом политики Даву в Могилеве стало взаимодействие с православной церковью, представленной Могилевской епархией во главе с архиепископом Варлаамом Шишацким. Для подтверждения роли Варлаама как ключевой фигуры местного коллаборационизма исследователи обращаются к данным городской летописи и другим документам, свидетельствующим о принесении присяги французскому императору. Согласно записи от 13 июня, архиепископ получил документ о приведении к присяге на верность Наполеону и его супруге, а 14 июля, после совещания с членами консистории и по указанию Даву, он торжественно совершил присягу в кафедральном Иосифовском соборе, вместе с духовенством, канцелярскими служащими и народом [1, 9].

В последующие дни французские власти потребовали повторного акта присяги уже совместно с православным духовенством всей епархии, что придавало процессу массовый и демонстративный характер. Архиепископ вместе с представителями церковного начальства явил-

ся к Даву, после чего был издан приказ о принесении присяги во всех городах Могилевской губернии, а Наполеон был официально провозглашен «божьем помазанником». Этот шаг воспринимается исследователями как своеобразный религиозно-политический феномен, поскольку, в условиях теснейшей связи между государством и церковью, подобное признание власти иностранного императора фактически граничило с государственной изменой.

Отношение мирного населения к оккупационной власти существенно различалось в зависимости от социальной принадлежности. Наиболее резким было неприятие среди низших (податных) слоев населения, прежде всего крестьян и беднейших горожан, на которых наиболее ощутимо ложилось бремя контрибуций, налогов и реквизиций. В глазах этих групп роль церкви оказалась во многом дискредитированной, поскольку часть духовенства открыто продемонстрировала лояльность к французской власти, что подрывало традиционные представления о ее пастырской миссии.

Одновременно с этим, значительная часть ополяченного белорусского дворянства проявляла лояльность к новой власти, рассчитывая на реализацию польских политических проектов и восстановление прежних форм шляхетской автономии. Лояльность элиты, несмотря на постоянные поборы, объяснялась как прагматическими расчетами, так и идеологическими симпатиями к польскому и французскому политическому курсу. В условиях череды драматических событий, от Бородинского сражения до пожара Москвы и отступления русской армии, многие обыватели испытывали растерянность, что усиливало разнонаправленность реакций на установившийся режим.

По приказу Даву к солдатам французской армии, замеченным в грабежах и насилии над местными жителями, применялась высшая мера наказания — расстрел. Эти показательные казни должны были выступать сдерживающим фактором и демонстрацией «законности» оккупационного режима, особенно на фоне нарастающего недовольства населения и тяжелых условий, в которых находились как армия, так и гражданское население. Однако подобные меры не могли полностью компенсировать негативные последствия присутствия оккупационных войск и распространенных случаев злоупотребления властью.

21 июля 1812 года оккупационные власти под угрозой применения силы заставили жителей Могилева принести присягу Наполеону, что стало кульминацией политики легитимации французской власти в городе. К концу июля Даву был смещен с поста военного губернатора, и его место занял генерал И. Понятовский, прибывший в Могилев с 5-м польским корпусом. Уже 28 июля новый

губернатор созвал губернскую конференцию шляхты, на которой было принято решение о присоединении Могилевской губернии к Польше, что свидетельствовало о попытке институционализировать польское влияние в регионе.

В период польского правления, успехи Наполеона стали отмечаться с особым размахом: торжественно праздновались одержанные победы над российской армией, день рождения императора и другие символические даты. В начале августа, прежнее административное устройство было заменено новой системой: вместо губернии был создан департамент, а уезды преобразованы в префектуры, во главе которых стояли подпрефекты из местного дворянства. Мэром Могилева остался Д. Венцлавович, что свидетельствовало о стремлении сохранить определенную преемственность в городской администрации.

Одновременно проводилась реорганизация вооруженных сил на подконтрольной территории: Наполеон издал указ о формировании в каждом уезде отрядов «национальной гвардии» и жандармерии. Однако на практике эти структуры оказались малодейственными из-за низкого уровня дисциплины и недостаточной военной подготовки их членов. Неудачей завершилась и попытка рекрутского набора в корпус Понятовского, что отражало ограниченность мобилизационных возможностей оккупационного режима и растущее сопротивление населения.

Крестьяне стали открыто сопротивляться местной власти, отказываясь подчиняться распоряжениям и прибегая к нападениям на помещиков и представителей администрации. С этого времени борьба между зажиточными слоями и крестьянством приобрела все более острый характер, а сопротивление французской и польской власти радикализировалось. К моменту разветывания этих процессов, Даву уже не занимал пост

военного губернатора Могилева, однако заложенные в период его управления механизмы мобилизации и контроля во многом определили последующую эскалацию напряженности.

Заключение

Срок пребывания Луи Никола Даву на посту военного губернатора Могилева был чрезвычайно коротким и составил менее двадцати дней (с 11 по 28 июля 1812 года). Несмотря на кратковременность, данный период характеризуется высокой интенсивностью административных и политических преобразований, нацеленных на оперативное включение Могилевской губернии в систему наполеоновского управления и обеспечение ресурсной поддержки армии. В этот промежуток были сформированы ключевые институты оккупационного режима: временная комиссия, обновленное городское самоуправление, система контрибуций и снабжения, а также предприняты шаги по легитимации власти через взаимодействие с местной элитой и духовенством.

12 ноября 1812 года войска генерал-адъютанта графа А.П. Ожаровского вступили в Могилев, завершив период французской оккупации города. Власть наполеоновской администрации была окончательно ликвидирована, однако события пятимесячного оккупационного периода, включая краткое губернаторство Даву, надолго остались в тени более известных эпизодов войны 1812 года. В то же время, данные события открывают еще одну малоизученную страницу в истории Могилева и всей Могилевской губернии, демонстрируя сложность и многослойность процессов, происходивших на западных окраинах Российской империи в эпоху наполеоновских войн. Рассмотрение деятельности Даву в Могилеве позволяет по-новому оценить механизмы функционирования оккупационной власти, степень адаптации местных элит и населения, а также роль регионального опыта в общей картине Отечественной войны 1812 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Litvinovskaya, U.I., The Position of the Orthodox Church in Belarus Occupied by Napoleon's Army during the War of 1812, Proceedings of the Faculty of History, Belarusian State University, Minsk, BSU, 2013, Vol. 8, P. 231–246.
2. Беларусь и война 1812 года: документы / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный исторический архив Беларуси, Минск, НИАБ, 2010. — 432 с.
3. Беларусь и война 1812 года: Сборник документов / сост. А.М. Лукашевич, Д.Л. Яцкевич, Минск: Беларусь, 2011. — 559 с.
4. Бескровный Л.Г., Отечественная война 1812 года, М.: Соцэкгиз, 1962. — 641 с.
5. Жилин П. А., Отечественная война 1812 года, М.: Наука, 1988. — 289 с.
6. Литвиновская Ю., Беларусь в войне 1812 г.: неизвестные страницы // Беларуская мінуўшчына, 2002, № 6, С. 32–41.
7. Литвиновская, Ю.И., Восстановление позиций Православной церкви в Беларуси после войны 1812 г. // Працы гістарычнага факультэта БДУ, Мінск, БДУ, 2011, Т. 5. — С. 86–99.
8. Литвиновская, Ю.И., Положение православной церкви на территории Беларуси, занятой армией Наполеона во время войны 1812 г. // Працы гістарычнага факультэта БДУ, Мінск, БДУ, 2013, Т. 8. — С. 231–246.

9. Соловьёв Ю.П., Коллаборационизм 1812 года: сословный аспект // Диалог со временем, 2017, Вып. 58. — С. 201–223.
10. Філатава А. Вайна 1812 г. і Беларусь // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш.; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш., Мінск, 2005. — С. 75–86.
11. Шейн И.А., Война 1812 года в отечественной историографии, М., РОССПЭН, 2013 — 465 с.

© Рубини Франческо (francesco.rubini@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (ИЮНЬ 1918- ДЕКАБРЬ 1919 ГГ.) (НА ПРИМЕРЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА МАРИИНСКА И БЕЗУЕЗДНОГО ГОРОДА ТАЙГА)

Сукачев Егор Владимирович

Аспирант, Федеральный центр угля и углехимии
Сибирского Отделения Российской Академии Наук
(ФИЦ УУХ СО РАН) (г. Кемерово)
suha4evegor@yandex.ru

**DEMOGRAPHIC PROCESSES DURING
THE PERIOD OF DEMOCRATIC
COUNTERREVOLUTION
(JUNE 1918 – DECEMBER 1919) (USING
THE EXAMPLE OF THE DISTRICT TOWN
OF MARIINSK AND THE DISTRICT-LESS
TOWN OF TAYGA)**

E. Sukhachev

Summary: The study of demographic processes during the Civil War remains one of the topical issues for study. Quite a large number of works have been written on the study of demographic processes in large cities in different periods of historical retrospective. The study of the influence of the Civil War processes on the population of small county towns has been little studied, which makes this topic relevant today. The scientific novelty of the article lies in the fact that, based on the data of the registers of Orthodox churches, the Jewish synagogue, and the Polish church, the demographic processes of the city of Mariinsk during the period of "White Siberia", as well as in the city of Tayga, is considered. The work examines the indicators of birth rate, marriage and mortality, and presents general demographic statistics on the number of urban population of Mariinsk and Tayga, based on archival materials, as well as information from the periodical press. The dynamics of changes in the number of urban population caused by the "influx" of refugees from the Central regions of Russia is noted. It is noted that the consequences of the Civil War had a direct impact on demographic processes in Mariinsk and Tayga. During the period under study, there is a gradual decrease in marriage rates, as well as an increase in the age of grooms entering into marriage, in addition, there is a decrease in birth rates in general, as well as an increase in the total number of births to the refugee population of the cities of Mariinsk and Tayga. The most common cause of death of the urban population during this period of time is typhus, the main carriers of which were refugees and soldiers arriving in the cities.

Keywords: "White Siberia", Mariinsk, Taiga demographic processes, marriage, birth rate, mortality.

Аннотация: Изучение демографических процессов в период Гражданской войны, остается одной из актуальных тем для изучения. Написано достаточно большое количество трудов по изучению демографических процессов крупных городов в разные периоды исторической ретроспективы. Изучение оказываемого влияния процессов Гражданской войны на население малых уездных городов, мало исследовано, что делает данную тему актуальной на сегодняшний день. Научная новизна статьи заключается в том, что на основе данных метрических книг православных церквей, еврейской синагоги, польского костела рассматриваются демографические процессы города Мариинска в период «Белой Сибири», а также в городе Тайге. В работе исследованы показатели рождаемости, брачности и смертности, а также представлена общая демографическая статистика по численности городского населения Мариинска и Тайги, на основе архивных материалов, а также сведений периодической печати. Отмечается динамика изменений в численности городского населения, вызванная «наплывом» беженцев из Центральных районов России. Отмечено, что последствия Гражданской войны оказывали свое прямое влияние на демографические процессы в Мариинске и Тайге. На протяжении исследуемого периода наблюдается постепенное снижение показателей браков, а также увеличение возраста вступающих в брак женихов, кроме того, отмечается снижение показателей рождаемости в целом, а также увеличение общего числа родившихся у беженского населения городов Мариинска и Тайги. Наиболее распространенной причинной смерти городского населения в данный промежуток времени, является тиф, основными переносчиками, которых становились беженцы и солдаты, прибывающие в города.

Ключевые слова: «Белая Сибирь», Мариинск, Тайга демографические процессы, брачность, рождаемость, смертность.

Введение

Гражданская война, будучи одним из социальных кризисов, оказала влияние не только на изменения в политической, территориальной системе, бывшей

Российской империи, но и на демографические показатели сибирских городов такие как: брак, смертность, рождаемость. Одним из ключевых факторов, повлиявших, на демографическую структуру городского населения, стал «наплыв» беженцев из западных регионов

бывшей Российской империи. Оказываемое влияние различных факторов способствовало изменению брачно-семейных отношений, меняя общее количество заключаемых браков, возраст вступления в брак, показатели рождаемости и т.д. Все эти процессы проявлялись в крупных городах Западной Сибири. В свою очередь наиболее интересным для рассмотрения происходивших демографических сдвигов является ситуация в малых уездных городах. К которым относились уездный Мариинск и безуездный город Тайга расположенные в Томской губернии. Таким образом, целью данной статьи является анализ демографической городской среды Мариинска и Тайги в период «Белой Сибири».

Стоит также обратить внимание на вопросы изучения демографической системы в России и в Сибири в целом. Первые работы, отображающие динамику численности городского населения начали появляться еще до 1917 года. Одними из первых работ являются статистические очерки по территории Томской губернии, авторства Нагнибеды Василия Яковлевича. [21, с. 31]. После революции и продолжавшейся Гражданской войны, аналогичные очерки также были изданы Василием Яковлевичем в 1920-1922 гг. Основные этапы становление исторической демографии и вопросов, посвященных, демографическим процессам происходят уже во второй половине 80-х годов XX столетия. После распада Советского союза начинается изучение новых источников и работ. Одним из ключевых трудов в данном направлении стала работа Гончарова Ю.М. и Скубневского В.А [2, с. 292], где авторы рассматривали динамику движения населения Сибири в период с XIX-нач. XX века, по трем критериями: рождаемость, брачность и смертность. Не мало важным научным трудом, отображающим демографические особенности России на протяжении XX века с учетом кризисных явлений: Революции и Гражданской войны предпринял Вишневский А.Г. [12, с. 304], а также исследователь Жиромская В.Б., отмечающая в своей работе тенденцию к общему снижению населения в период Первой Мировой войны и Гражданской войны. [13, с. 34-41].

Интерес исследователей также проявлялся к изучению демографической ситуации отдельных регионов нашей страны, в частности Западной Сибири в целом в период XIX-XX веков. Не маловажным трудом, отображающим демографическую ситуацию в Западной Сибири, стала коллективная монография В. А. Зверева, В.А. Исупова и Н. С. Коробейникова, [16, с. 238], где авторы рассматривают демографическую ситуацию Западной Сибири в различные исторические периоды.

Достаточно крупным исследователем занимающимся изучением демографических процессов в Сибири в период XX века, является Исупов В.А. В своих работах автор рассматривает различные тенденции, связанные

с отдельными категориями демографических явлений, такими как брачность, а также население городов Сибири в целом. [16, с. 172- 180]. Кроме того, исследователь Исупов В.А. в своих научных трудах рассматривает, положение населения Сибири в годы Гражданской войны. Попытки рассмотреть демографическую ситуацию в крупных городах Западной Сибири в годы Первой мировой войны, предпринималась в работе Шумиловой В.Э, где автор рассматривает влияние последствий Первой Мировой войны, на брачность, смертность и рождаемость городов. [23, с. 68-72]. Крупным исследователем, занимающимся вопросами исторической демографии является Косыгина С.В., рассматривающая в своих статьях, изменения в демографической структуре Томской губернии, в период с Первой мировой войны, вплоть до первых лет установления советской власти в Сибири. [18, с. 63-67], [19, с. 91-96]. Кроме того, предпринимались попытки изучения демографической ситуации в отдельных городах Западной Сибири, в период социальной напряженности. Научные труды Косыгиной С.В. и Сарафанова Д.Е., посвящены вопросам воспроизводства населения в Томске и Барнауле. [20, с. 72-76], [22, с.107-111]. Одним из ключевых фактов, оказывающих воздействие на жизнь городского населения Западной Сибири в период Первой Мировой войны и Гражданской войны, являются беженцы. Крупным исследованием, рассматривающем в своей диссертации влияние беженцев на жизнь городов Юго-Западной Сибири, является Щетина А.С. [24, с. 24].

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению демографической ситуации в Западной Сибири, а также отдельных крупных городов, до сих пор неизученным остается демографическая ситуация в малых уездных городах. Кроме того, также остается неясным вопрос связанный с отличиями или схожестью демографической ситуации, между городами, что делает данную тему актуальной на сегодняшний день.

Для рассмотрения демографической ситуации, необходимо для начала обозначить, список источников на которые будет опираться работа. В основном сведения о брачности, рождаемости и смертности будут основываться на метрических книгах фондов Государственного Архива Кемеровской Области. Несмотря на прошедшие революции, продолжавшуюся Гражданскую войну роль церковь продолжала действовать как социальный институт общественных отношений. В период «Белой» Сибири на территории Мариинска действовало несколько культовых религиозных учреждений, две православные церкви: Никольский собор, Церковь Всех Святых, а также польский костел и еврейская синагога, которые также вели записи в метрические книги. В городе Тайга действовало две православные церкви: Андреевская и Ильинская. Помимо данных метрических книг в работе будут задействованы архивные материалы Государ-

ственного Архива Томской Области, а также материалы периодической печати Томской губернии, газеты: «Голос Сибири» и «Звено».

Основные результаты

В период «Белой» Сибири городская численность населения Мариинска не была постоянной. Данный факт можно проследить по документам, носящим официальный характер, так и материалам периодической печати. Согласно данным полученным Томским губернским комиссариатом от Мариинского уездного комиссара в июле 1918 года, численность городского населения Мариинска составляла 12 699 человек. (3; 44).

В материалах Томской газеты «Голос Сибири» в феврале 1919 года были опубликованы данные о возросшей численности населения города Мариинске, в котором по сообщениям газеты проживало уже 17 699 человек [1]. В сентябре – октябре 1919 года согласно данным Мариинского уездного комиссара, в городе проживало 30000 человек, что показывает рост численности населения по сравнению с июлем 1918 года практически в 2 раза. Протекавшую динамику изменений в городской численности населения вполне можно объяснить различными факторами. Прежде всего, речь идет о беженцах, направляясь на Восток в поисках временного убежища, данный процесс не обошел стороной Мариинск, который располагался на крупнейшем транспортном узле Сибири – Транссибирской магистрали, именно по ней осуществлялось движение основного потока беженцев. Точных сведений, какое количество беженцев проживало в Мариинске в разные периоды времени подсчитать невозможно, но стоит отметить, что в период «Белой» Сибири они стали частью городской структуры населения наравне со «старым» населением города и в свою очередь становились участниками демографических процессов протекавших в Мариинске. Численность населения безуездного города Тайга в период «Белой Сибири», также не была постоянной, точных цифр, в официальных документах не приводится. В различных источниках сведения о численности городского населения указывается как: «до 25000». (4;14).

Вероятнее всего это связано с ежедневно меняющимися сведениями о городской численности, т.к. город, также как и Мариинск, расположенный на Транссибирской магистрали, «принимал» тысячи беженцев. По данным Тайгинского городского собрания на 23 июня 1918 года, на станции располагалось 14000 беженцев. (4;246 (об.)).

Одним из элементов демографической структуры, на которые оказала существенное влияние Гражданская война, являются брачно-семейные отношения. Для нача-

ла мы рассмотрим систему брачно-семейных отношений в городе Мариинске. Однако для того, чтобы проследить динамику количества заключаемых браков стоит разделить временные промежутки на полгода. (См. Таблицу № 1) [12; 236 (об.) - 270, 7; 40 (об.) – 46]

Таблица 1.
«Общее количество заключенных браков в Мариинске».

Период	Количество браков
Июнь- декабрь 1918 г.	102
Январь- Июнь 1919 г.	106
Июнь-декабрь 1919 г.	31
Всего	239

Всего же согласно данным метрических в период с июня 1918 года по декабрь 1919 года, было заключено 239 браков. Однако стоит сделать уточнение, в декабре 1918 и 1919 года, а также в марте 1919 года браки не могли быть заключены. На эти месяцы выпадал Рождественский пост и Великий пост, в период которых церковь, согласно установленным канонам, не совершала венчание. Резкое снижение общего количества заключаемых браков приходится на июнь-декабрь 1919 года. Спад заключаемых браков можно объяснить несколькими причинами, прежде всего это ежемесячное «удорожание» уровня жизни населения, а также вероятная неопределенность людей перед будущим, продолжавшаяся мобилизация мужского населения, что в свою очередь свидетельствует об увеличении среднего возраста вступления в брак жениха.

Согласно данным метрических книг «минимальный» средний возраст вступления в брак среди женихов в период с июня по декабрь 1918 г. составил 24 года, в то же время «максимальный» средний возраст среди женихов был зафиксирован в октябре 1918 года и составил 29 лет. На протяжении января- июня 1919 года сохранялась приблизительно одинаковая возрастная тенденция вступления в брак женихов, составлявшая от 22 до 24 лет, в период с июля по декабрь 1919 года происходит вновь увеличение возраста жениха, которая к октябрю 1919 года стала составлять 31 год.

Среди невест на протяжении 1918-1919 года не наблюдается увеличения среднего возраста вступления в брак. Возрастной период, в который невесты вступали, в брак, колебался от 19 до 23 лет.

Ранее мы отмечали, что беженцы становились неотъемлемой частью жизни городского населения Мариинска, которые также вносили определенный вклад в общее количество браков заключенных в Мариинске. Всего же в период с июня 1918 года – декабрь 1919 года, между местными жителями и беженцами было заключе-

но 40 браков, что составляет 17% от общего числа заключенных браков, имели место быть браки, заключенные между беженцами в период с июня 1918- декабрь 1919 г. обвенчано 18 пар. Гражданская война в своей сущности также повлияла на увеличение общего количества браков с вдовами, мужья которых могли погибнуть на фронте, от ранений и т.д. Вступление во второй брак давало женщинам возможность улучшить свое материальное положение в период фактически ежемесячного удорожания уровня жизни.

В период с июня 1918 года по декабрь 1919 года, в городе Мариинске было заключено 22 брака с вдовами, что составляло 9 % от общего числа заключаемых браков. В данный период также фиксируются, единичные случаи браков с военнослужащими всего же за 1,5 года было обвенчано 4 пары. Низкий показатель заключаемых браков с военнослужащими, вероятнее всего был связан с небольшим пособием, получаемым семьями военнослужащих, а также высокой вероятностью гибели мужа на поле боя. В системе брачных отношений также имели место браки с солдатами чехословацких войск, всего за исследуемый период было заключено 3 брака.

Ситуация с системой семейно-брачных отношений в городе Тайге, была несколько иной. (См. Таблицу № 2) [8; 108 (об.)-113, 223-232, 11; 64 (об.) – 76, 193 (об.) – 201 (об.)]

Таблица 2.

«Общее количество заключенных браков в Тайге».

Период	Количество браков
Июнь- декабрь 1918 г.	89
Январь- Июнь 1919 г.	61
Июнь-декабрь 1919 г.	30
Всего	180

На представленных данных таблицы стоит отметить об общей тенденции к спаду общего числа заключаемых браков, в городе Тайга. Наибольшее количество заключенных браков пришлось на период с июня по декабрь 1918 года, однако за тот же самый период 1919 года, общее количество заключенных браков не превышало 30. Общая тенденция к снижению браков, во многом приблизительно одинакова с городом Мариинском, где общее количество браков в период с июня по декабрь 1919 года, не превышало 35.

Во многом тенденции к снижению общего числа браков в Тайге, также можно обусловить снижением уровня жизни населения, а также продолжавшейся мобилизацией. Данные факторы также оказали значительное влияние и на «средний возраст» жениха. В период с июня по декабрь 1918 года, а также с января по июнь 1919 года

«средний возраст» жениха, вступающего в брак составлял 25 лет. Однако в период с июня по декабрь 1919 года, происходит значительное увеличение «среднего возраста», который составил приблизительно 30 лет. Среди невест возраст вступления в брак, как и в городе, Мариинске во многом не подвергался резким изменениям и находился в промежутке между 19 и 23 годами. Не мало важную роль в городской жизни играли прибывающие с Запада беженцы. Большая часть заключаемых браков приходится на беженцев. Из 180 браков заключенных в данный промежуток времени 75 пар были беженцами, что составляет примерно половину от общего числа браков. Также имели место быть браки, заключенные между жителями города Тайга и беженцами, всего же за данный промежуток времени произошло венчание 11 пар. Сравнивая данные с городом Мариинском, в Тайге было несколько больше заключенных браков с военнослужащими, общего число браков, составившее 10 пар, также в метрических книгах зафиксированы данные о регистрации брака с чехословацким солдатом. Повторных браков, с вдовами в Тайге было несколько меньше, чем в Мариинске всего же за данные период времени было зафиксировано 12 браков.

В общем сравнении данных системы брачных отношений в городах ситуация была приблизительно одинакова, наибольшее снижение общего числа браков пришлось на период с июня по декабрь 1919 года, что во многом было связано с продвижением беженцев на Восток страны, а также общими тенденциями к ухудшению материального благополучия. Стоит отметить, о различной роли беженцев в жизни брачных отношений городов. В Мариинске общее число браков между беженцами было значительное ниже, чем в городе Тайга, где большая часть обвенчанных браков приходится на беженцев. Теперь стоит обратить внимание на данные другого показателя системы брачно-семейных отношений – данные рождаемости.

Одним из показателей, отображающих демографическое положение, являются показатели рождаемости, которые на протяжении 1918-1919 гг. продолжили снижаться. Общее снижение показателей рождаемости наблюдается еще со времен Первой Мировой войны. Данную тенденцию отмечали корреспонденты Мариинской газеты «Звено» в опубликованном выпуске от 21 февраля 1919 г. отмечалось следующее: «По метрическим данным заметно уменьшилась за время войны рождаемость в городах и селениях Сибири...» (Звено, 1919, С.4). Теперь же стоит обратить внимание на показатели рождаемости в городе Мариинске в рассматриваемый период времени. (См. Таблицу № 3). [12; 23 (об.)-194, 9; 76 (об.) – 189, 10; 2(об.) – 49, 5; 263 (об.) – 272 (об.)]

Таблица 3.

«Показатели рождаемости г. Мариинска согласно данным метрических книг».

Месяц, год	Пол	
	Мужской (реб.)	Женский (реб.)
Июнь 1918 года	37	36
Июль 1918 г.	46	50
Август 1918 г.	33	30
Сентябрь 1918 г.	52	27
Октябрь 1918 г.	47	39
Ноябрь 1918 г.	37	47
Декабрь 1918 г.	51	52
Всего за вторую половину 1918 .	303 мальчика	282 девочки
	585 детей	
Январь 1919 г.	44	57
Февраль 1919 г.	36	41
Март 1919 г.	44	40
Апрель 1919 г.	33	36
Май 1919 г.	39	32
Июнь 1919 г.	38	38
Итого за первую половину 1919 г.	234 мальчика	244 девочки
	478 детей	
Июль 1919 г.	34	41
Август 1919 г.	52	63
Сентябрь 1919 г.	49	48
Октябрь 1919 г.	51	55
Ноябрь 1919 г.	50	49
Декабрь 1919 г.	44	60
Всего за вторую половину 1919 г.	280 мальчика	316 девочки
	596 детей	
Итого всего за 1918 и 1919 г.	1659 детей	
	817 мальчика	842 девочки

Рассматривая данные приведенной выше таблицы, стоит отметить, что наибольшее количество детей рождавшихся приходится на вторую половину 1919 года с июля по декабрь 1919 года. По данным метрических книг было зафиксировано рождение 596 детей, к данному показателю приближены данные рождения детей во вторую половину 1918 года, когда общее число родившихся детей составило 585 детей. Высокие показатели рождаемости, зафиксированные в метрических книгах вероятнее всего связаны, с большим числом беженцев, прибывающих в город Мариинск или направляющихся дальше на Восток. Всего же по данным метрических книг во второй половине 1919 года, зафиксировано рождение 107 детей у беженцев. Рассматривая половозрастную структуру, стоит отметить об общем преобладании

новорожденных девочек над мальчиками. Однако рассматривая показатели по периодам, преимущественно происходило также преобладание новорожденных девочек, в то же время в период с июня по декабрь 1918 года, мальчиков родилось 21 больше, чем девочек.

Нередко происходили случаи подброса детей к приютам, всего же за 1918-1919 гг. согласно данным метрических было подкинуто или оставлено 5 детей. Случаи подброса были вызваны рядом различных причин: нежелательной беременности, невозможности прокормить своего ребенка в виду ухудшения общего уровня жизни и т.д. Зачастую священнослужители отмечали в метрических книгах сведения о подброшенных детях следующим образом: «Елизавета 5 сентября 1919 года –

Таблица 4.

«Показатели рождаемости г. Тайга согласно данным метрических книг».

Месяц, год	Пол	
	Мужской	Женский
Июнь 1918 г.	18	13
Июль 1918 г.	8	21
Август 1918 г.	25	24
Сентябрь 1918 г.	19	17
Октябрь 1918 г.	17	20
Ноябрь 1918 г.	26	25
Декабрь 1918 г.	14	25
Всего за вторую половину 1918 г.	127 мальчиков	145 девочек
	272 ребенка	
Январь 1919 г.	27	43
Февраль 1919 г.	38	34
Март 1919 г.	33	31
Апрель 1919 г.	36	22
Май 1919 г.	16	21
Июнь 1919 г.	24	24
Всего за первую половину 1919 г.	174 мальчика	175 девочек
	347 детей	
Июль 1919 г.	21	15
Август 1919 г.	20	22
Сентябрь 1919 г.	23	28
Октябрь 1919 г.	25	22
Ноябрь 1919 г.	31	17
Декабрь 1919 г.	38	33
	158 мальчиков	137 девочек
	364 ребенка	
Итого за 1918 и 1919 г.	459 мальчиков	457 девочек
Всего за 1918 и 1919 гг.	916 детей	

подкидыш к Мариинскому приюту «Ясли»» [12, Л. 147 (об.) – Л. 148]

Теперь же стоит обратить внимание на показатели рождаемости, зафиксированные в метрических книгах города Тайга. (См. Таблицу № 4) [8; 143 (об.) – 161, 183 (об.) – 232, 11; 29 (об.) – 51, 121 (об.) -181]

Рассматривая показатели рождаемости в городе Тайге в данный период времени, стоит отметить, что в городе родилось несколько меньше детей, чем в Мариинске, всего 916 детей, на 743 ребенка меньше, чем Мариинске. Однако статистика показателей рождаемости в городе выглядит несколько иначе, чем в Мариинске. В Тайге на протяжении всего указанного периода наблюдается об-

щий рост численности рождения детей, «пик» которых приходится на вторую половину 1919 года, вероятнее всего данные показатели являются «искусственно» завышенными из-за общего увеличения потока беженцев приходящегося на период с июля по декабрь 1919 года. Данные половозрастной структуры приблизительно одинаковы, с небольшим преобладанием новорожденных мальчиков над девочками. Несмотря на приблизительно одинаковые показатели рождаемости, новорожденные девочки незначительно преобладали над мальчиками в период с июня по декабрь 1918 года и с января по июнь 1919 года. Стоит также отметить, об отсутствии сведений, связанных с подбросом или оставлением детей в материалах метрических книг, а также материалах периодической печати и архивных документах.

Показатели рождаемости городов по материалам метрических книг в обоих городах свидетельствуют во многом об общем росте общего числа новорожденных детей. Однако на первый взгляд кажется, тенденция увеличение рождаемости в виду вероятного улучшения социально-экономического положения людей, стабильности общественной жизни и т.д., тем не менее, данный показатель во многом является «искусственно» завышенным, прежде всего связанным со значительным оттоком беженцев на восток страны, по мере приближения фронта. Значительный рост общего числа новорожденных, прежде всего, связан с данным фактором.

Теперь же стоит обратить внимание на иной аспект жизни человек и неотъемлемую часть человеческой жизни показатели – смертности.

В данный период времени смерть также являлась неотъемлемым спутником человека и городской жизни в целом, тем наибольший интерес представляют сведения об основных причинах смерти населения в данный период времени. Для начала мы рассмотрим показатели смертности в городе Мариинске. (См. Таблицу № 5) [12; 271-310 (об.), 9; 273 (об.) – 313, 6; 46-47, 10; 65 (об.) – 103]

Таблица 5.

«Причины смерти, зафиксированные в метрических книгах г. Мариинска».

Причины смерти	Кол-во (чел.)
Тиф	176
Слабости	55
Понос и рвота	44
От младенческой слабости	34
Старости	30
Дизентерии	30
От Туберкулеза (Чажотки)	29
Воспаление легких	20
Натурально	18
Оспа	14
Простуды	13
От паралича сердца	12
Паралича	7
Рак желудка	7
Водянка	6
Коклюш	6
Старческое истощение	4
От головной боли	3
Воспаление почек	3
Скарлатины	3

Причины смерти	Кол-во (чел.)
Бронхита	2
От горла	2
Ревматизма	2
Ангина горловая	2
Золотуха	2
Воспаление брюшины	2
Мозгового кровоизлияния	1
От рака	1
От почечной боли	1
Воспаление ноги	1
От грыжи	1
Калека от простуды	1
От ожога	1
Инфлюенции	1
Порок сердца	1
После родов	1
Расширение артерии	1
Желтуха	1
От Жара	1
От грудной жалобы	1
От ранения в левую ногу	1
От истощения	1
Всего за 1918 и 1919 гг.	542 человека

Согласно сведениям метрических книг в городе Мариинске в данный промежуток времени наблюдается наибольшее количество людей умерших от эпидемии тифа, наиболее частой причиной смерти людей становилась смерть именно от одной из его разновидностей – сыпного тифа. Основными причинами его распространения являлись антисанитарные условия, скученность проживания прибывающих в город беженцев, солдаты, возвращающиеся из германо-австрийского плена, раненные которые заболели тифом в период эвакуации в тыл и т.д. Кроме того, в данный период времени эпидемия тифа была неотъемлемым спутником жизни городов Западной Сибири.

Всего за период с июня 1918- декабрь 1919 гг. в метрических книгах города было зафиксировано 176 человек скончавшихся от тифа, среди которых 105 приходится на умерших беженцев и солдат. Порой умерших от сыпного тифа не могли опознать и установить личность покойного, записывая в метрических книгах как «неизвестный» один из таких примеров приводится в записях метрической книги церкви Всех Святых: «неизвестный – от сыпного тифа отношение Мариинского приемного покоя № 168» [10; 85 (об.) – 86]. За два года жителей города

Мариинска скончалось всего 13 человек, что составляет 9,7 % от общего числа умерших, еще 16 человек значатся скончавшимися от тифа из Мариинского уезда.

Помимо тифа в данный период времени наиболее частой причиной смерти являлась «слабость», «от слабости». Вероятнее всего данная формулировка могла ставиться из-за неустановленной причины смерти, либо смерть от последствий сыпного тифа, которым ранее человек переболел и не смог в должной мере восстановиться после пройденного лечения. Всего же за 2 года от «слабости» умерли 55 человек.

Кроме того, в данный период времени также были распространены и другие формулировки обозначения причин смерти, к которым относится смерть «от Поноса и рвоты», всего за 1918 и 1919 гг., скончалось 44 человека. Описываемые формулировки являются схожими симптомами, получившей распространение в данный период времени холеры, основным источником передачи которой служил грязная вода.

В данный период времени также наблюдается, младенческая смертность всего значится, смертность – 34 младенцев за 1,5 года. Основными ее причинами зачастую становились неправильный уход за ребенком, антисанитарные условия проживания родителей и т.д. Не менее частыми причинами смерти среди населения также наблюдались легочные заболевания, такие как Туберкулез (чахотка) и воспаление легких. Данные заболевания могли следствием плохо отапливаемых помещений, что было частым явлением в данный промежуток времени ввиду возникавшего дефицита дров и иных средств обогрева, получивших название «топливный» и «дровяной» кризис. Стоит также отметить, что причин смерти людей существовало достаточно много, не мало важным стоит отметить, единичные причины смерти людей. Зачастую определения точного диагноза, от которого скончался, человек не представляется, возможным, один из примеров смерть «от головной боли», «калека от простуды» и т.д. В данном случае необходимо сделать акцент на образовании священнослужителей, вносящие сведения в метрические книги, которые вероятнее всего не знали о существовании той или иной болезни и записывавшие симптомы, от которых умер человек. Нередко наименование одного и того же заболевания отмечалось по-разному примером которого может служить указания в причине смерти: чахотки и туберкулеза.

Теперь стоит обратить внимание на показатели смертности в городе Тайге, данные которых также фиксировались в материалах метрических книг. (См. Таблицу № 6) [8; 171 (об.) – 180, 233 (об.)– 250; 11; 90 (об.) – 184]

Таблица 6.

«Причины смерти, зафиксированные в метрических книгах г. Тайга».

Причина смерти	Кол-во (чел.)
Понос	104
Тиф	95
Простуда	38
Туберкулез (чахотка)	31
Слабость	30
Воспаление легких	26
Старости	23
Корь	18
Оспа	16
Порок сердца	15
Дизентерия	13
Паралич	9
Коклюш	5
Скарлатина	5
Плеврит	5
От родов	5
Воспаление мозга	4
Рак желудка	3
От боли головы	3
Золотуха	2
От рака	2
От горячки	2
От инфлюенции	2
От воспаления	2
Кровавый понос	1
Кровоточащего поноса	1
Воспаление кисты	1
От кашля	1
От боли печени после родов	1
От крупы	1
От дифтерита	1
От падучей болезни	1
От малярии	1
От ревматизма	1
От грыжи	1
От водянки	1
Воспаление почек	1
От флегмоны	1
От рожицы	1
Всего за 1918 и 1919 гг.	473 человека

Рассматривая данные, полученные в материалах метрических книг, стоит отметить, что наибольшее количество умерших отмечалось с причиной смерти как «от поноса». Однако выяснить настоящую причину смерти каждого человека, невозможно. Вероятнее всего указанная формулировка может свидетельствовать о смерти ввиду заболевания холеры.

Кроме того, как и в городе Мариинске большая часть умерших в Тайге составляли больные сыпным тифом, во многом это прибывающие беженцы, солдаты и т.д., проживающие в антисанитарных условиях. Всего же от различных разновидностей тифа скончалось 95 человек. Достаточно большое количество людей также скончалось от простуды и чахотки (туберкулеза), всего же общее число умерших по каждому из диагнозов не превышает 40 человек. Также в данный период времени в городе были зафиксированы случаи смерти от слабости, воспалении легких, вероятнее всего указанные причины, могут являться осложнениями ранее перенесенных иных заболеваний. Также стоит отметить, о фактах наименования одного и того же заболевания по-разному, примером которого является смерть «от кровавого поноса» и «кровоточащего поноса». Установить отличие данных причин смерти друг от друга не представляется возможным, вероятнее всего это одна и та же причина смерти. Общее количество умерших в Тайге за данный период времени несколько ниже, чем в Мариинске, раз-

ница в общем количестве умерших составляет 69 человек.

Заключение

Таким образом, подводя, итог всему выше сказанному, хочется отметить, что Гражданская война, в своей совокупности оказала тяжелое влияние, на демографическую ситуацию в обоих малых уездных городах. Различные факторы в лице наплыва беженцев, прибытие солдат из плена и т.д., оказали значительное влияние на демографическую структуру городов. Прежде всего, это выразилось в резком сокращении заключаемых браков в 1919 году, а также повышении «среднего возраста» жениха. Показатели рождаемости свидетельствуют об общей тенденции снижения, в обоих городах, данный процесс наиболее ярко был выражен в Тайге. «Высокие» показатели рождаемости во второй половине 1919 года, во многом были связаны с прибывающими в город беженцами. Стоит также отметить о распространении в городах в данный период времени различных эпидемий, холеры и тифа, являвшиеся основными причинами смерти людей, а также их последствиями, выразившимися в смерти от слабости и т.д. Кроме того была распространена смерть от различных легочных заболеваний прежде всего туберкулеза (чахотки), причиной которых становилось проживание в антисанитарных условиях, а также последствием ранее перенесенных более тяжелых заболеваний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голос Сибири № 17, 1919
2. Гончаров Ю.М., Скубневский В.А. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка. Благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. С. 292
3. ГАТО. Р 1362. Оп. 1. Д. 3
4. ГАТО. Р-1362. Оп.1. Д. 626
5. ГАКО. Ф. № Д-60. Оп.7. Д. 1
6. ГАКО. Ф. № Д-60. Оп. 6. Д. 5
7. ГАКО Ф. № Д-60. Оп. 6. Д. 11
8. ГАКО. Ф. Д.-60. Оп.6. Д. 341
9. ГАКО. Ф. Д.-60. Оп.6. Д. 368
10. ГАКО. Ф. Д.-60. Оп.6. Д. 369
11. ГАКО. Ф. Д.-60. Оп.6. Д. 377
12. ГАКО Ф. № Д-60. Оп. 6. Д. 391
13. Демографическая модернизация России, 1900–2000 // под ред. А.Г. Вишневого, 2006, С. 304
14. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.): коллективная монография // В.А. Зверев, В.А. Исупов, Н.С. Коробейникова [и др.]; Институт истории СО РАН. Новосибирск: НИЦ «Апостроф», 2017. С. 350
15. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке – М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. С. 320
16. Звено № 19, 1919
17. Исупов, В.А. Брачность населения Западной Сибири как феномен социальной мобильности (конец XIX в. - конец 1920-х гг.) // ЭКО. 2014. № 10(484). С. 172-180.
18. Исупов, В.А. Население Сибири в условиях Гражданской войны (1918 - 1922 гг.) // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сборник статей Всероссийской научной конференции, Сургут, 24–25 ноября 2017 года // БУВО «Сургутский государственный университет». – Сургут: Печатный мир

- г. Сургут, 2017. С. 191-202.
19. Косыгина С.В. Воспроизводство населения Томской губернии в 1914-1926 гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2019. № 2(106), С. 63-67
 20. Косыгина С.В. Динамика народонаселения Западной Сибири 1914–1923 гг. в современной историографии / С. В. Косыгина // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 91-96
 21. Косыгина С.В. Воспроизводство населения Барнаула и Бийска в 1913- 1927 гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2019. № 3(107). С.72-76
 22. Косыгина С.В. Воспроизводство населения города Томска в 1918-1926 гг.// Известия Алтайского гос. ун-та. 2019. № 5 (109). С.60-63
 23. Нагнибеда В.Я. 1917 - Нагнибеда В.Я. Томская губерния: статистический очерк / Распорядительное бюро Томского временного комитета общественного порядка и безопасности; по поруч. бюро сост. В.Я. Нагнибеда. Томск: Типография В.М. Перельман, 1917., С. 31
 24. Сарафанов Д.Е. Брачность городского населения Барнаула в 1825–1918 гг.: опыт построения временных рядов демографических данных // Известия Алтайского гос. ун-та. 2017. № 5(97). С.107-111
 25. Шумилова В.Э. Демографическая ситуация в крупных городах Западной Сибири в 1914–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1.С. 68-72
 26. Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири июль 1914 – май 1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул : Алтай. гос. ун-т, 2007. С. 24

© Сухачев Егор Владимирович (suha4evegor@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПЕРИОД РЕФОРМ ДЭН СЯОПИНА 1970-Х ГГ.

Ци Гаомэн

Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы
qdg788@qq.com

ECONOMIC ASPECTS OF CHINESE DIPLOMACY DURING DENG XIAOPING'S REFORMS OF THE 1970S

Qi Gaomeng

Summary: The article reconstructs the economic dimension of Chinese diplomacy in the second half of the 1970s as a key mechanism for the PRC's transition from a foreign policy logic of ideological mobilization to the pragmatics of modernization-oriented development. It demonstrates that, against the background of the exhaustion of the autarkic model and growing technological lag, the diplomatic service was reoriented toward the systematic attraction of capital, technologies, and managerial practices, while overseas missions effectively acquired the functions of analytical centers for economic intelligence and negotiation platforms. The role of the "diplomatic breakthrough" of 1978–1979 is examined, including the applied character of high-level visits, the normalization of relations with Japan and the United States, the diversification of European technological sources, and the institutional preparation of conditions for special economic zones and joint ventures. The analysis emphasizes that integration into international financial structures and adaptation to trade norms were accompanied by complex balancing between sovereignty and openness, as well as by a transformation of China's rhetoric toward "mutual benefit" and "peaceful development." As a result, diplomacy appears not as an auxiliary, but as a system-forming instrument of accelerated restructuring of the national economy and the formation of a stable external reputation as a reliable partner.

Keywords: Chinese diplomacy, economic reforms, open-door policy, economic modernization, international cooperation.

Аннотация: Статья реконструирует экономическое измерение китайской дипломатии второй половины 1970-х гг. как ключевой механизм перехода КНР от внешнеполитической логики идеологической мобилизации к прагматике модернизационного развития. Показано, что на фоне истощения автаркической модели и нарастающего технологического отставания дипломатическая служба была переориентирована на системное привлечение капитала, технологий и управленческих практик, а зарубежные представительства фактически приобрели функции аналитических центров экономической разведки и переговорных площадок. Раскрывается роль «дипломатического прорыва» 1978–1979 гг.: прикладной характер визитов высшего руководства, нормализация отношений с Японией и США, диверсификация европейских технологических источников, а также институциональная подготовка условий для специальных экономических зон и совместных предприятий. Анализ подчеркивает, что интеграция в международные финансовые структуры и адаптация к торговым нормам сопровождалась сложным балансированием между суверенитетом и открытостью, а также трансформацией риторики Китая в сторону «взаимной выгоды» и «мирного развития». В результате дипломатия предстает не вспомогательным, а системообразующим инструментом ускоренной перестройки национальной экономики и формирования устойчивой внешней репутации надежного партнера.

Ключевые слова: китайская дипломатия, экономические реформы, политика открытости, модернизация экономики, международное сотрудничество.

Введение

Трансформация внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики во второй половине 1970-х годов представляет собой один из наиболее фундаментальных поворотов в истории международных отношений XX века, предопределивший не только траекторию развития самого Китая, но и глобальную архитектуру экономики. Находившаяся в сложном положении национальная экономика к середине десятилетия требовала кардинального пересмотра подходов к взаимодействию с внешним миром, что диктовалось нарастающим технологическим отставанием от индустриально развитых стран и необходимостью обеспечения продовольственной и промышленной безопасности государства. Сформировавшаяся к тому времени геополитическая конфигурация, характеризовавшаяся жестким

противостоянием в рамках биполярной системы, открывала перед Пекином узкое, но стратегически важное окно возможностей для маневра, которое китайское руководство, возглавляемое прагматичным крылом партии, решило использовать для реализации программы «четырёх модернизаций». Принятие курса на открытость внешнему миру не было спонтанным решением, а являлось результатом длительной внутрипартийной дискуссии и тщательного анализа международной обстановки, в ходе которого экономические императивы [7, с. 117] постепенно вытесняли идеологические догмы в качестве основного драйвера дипломатической активности.

Дипломатия в этот период перестала функционировать исключительно как инструмент идеологической экспансии или обеспечения военной безопасности, приобретая черты сложного механизма по привлечению

капитала, технологий и управленческого опыта. Переосмысление роли внешней торговли, которая ранее рассматривалась лишь как средство восполнения дефицита, привело к формированию новой концепции, где экспортно-импортные операции становились катализатором внутреннего роста. Китайские дипломаты, работавшие в странах Запада и Японии, получили негласные, а затем и официальные директивы по изучению передового опыта организации производства, что фактически превращало посольства и торговые представительства в аналитические центры по сбору экономической информации. Этот процесс сопровождался сложной институциональной перестройкой, требовавшей от кадров дипломатической службы новых компетенций, выходящих за рамки традиционного политического анализа и протокола.

Существенным фактором, влиявшим на формирование новой экономической дипломатии, стало осознание китайским руководством глубины разрыва в уровне производительности труда и технологической оснащенности по сравнению с соседними странами Восточной Азии, которые демонстрировали высокие темпы роста. Визиты правительственных делегаций в страны Западной Европы и Японию в 1978 году сыграли роль когнитивного шока, наглядно продемонстрировав масштабы необходимой модернизации и укрепив уверенность в безальтернативности интеграции в мировую экономическую систему [3, с. 120]. В этом контексте дипломатические усилия были переориентированы на создание благоприятного внешнего климата, который позволил бы Китаю получить доступ к международным кредитным ресурсам и передовым технологиям без ущерба для суверенитета, что требовало филигранной работы на международной арене и умения балансировать между интересами различных центров силы.

Экономические аспекты дипломатии этого периода нельзя рассматривать в отрыве от эволюции теоретических воззрений руководства КНР на природу международных отношений, где концепция «трех миров» трансформировалась в инструмент обоснования сотрудничества с развитыми капиталистическими странами, которые рассматривались как источник необходимой модернизационной базы. Дипломатическая активность конца 1970-х годов заложила фундамент для создания специальных экономических зон, ставших шлюзами для взаимодействия с мировым рынком, и обеспечила правовую базу для притока прямых иностранных инвестиций, что было беспрецедентным шагом для социалистической экономики того времени. Исследование этого периода позволяет выявить глубинные механизмы, позволившие Китаю в сжатые исторические сроки трансформировать свою роль в международном разделении труда и создать уникальную модель развития, сочетающую плановое управление с рыночными механизмами и активной внешнеэкономической деятельностью.

Результаты и обсуждение

Начальный этап переориентации китайской дипломатии на решение сугубо экономических задач можно отнести к периоду восстановления Дэн Сяопина в должностях в середине 1970-х годов, когда была сформулирована «Программа общего упорядочения», предполагавшая, среди прочего, расширение внешней торговли для ускорения индустриализации. В этот период китайское руководство столкнулось с объективной реальностью: автаркическая модель развития исчерпала свои возможности экстенсивного роста, а технологический разрыв с развитыми странами продолжал увеличиваться. Дипломатические каналы [12, с. 7] начали использоваться для осторожного зондирования почвы относительно возможности закупки комплектного оборудования и технологий, причем этот процесс шел параллельно с политической нормализацией отношений со странами Запада. Уже в 1974-1975 годах, несмотря на сложную внутриполитическую обстановку, наблюдалась активизация контактов с европейскими странами и Японией, что создало предпосылки для последующего рывка. Ключевым моментом стало понимание того, что политические разногласия не должны служить препятствием для взаимовыгодного экономического обмена, что для того времени являлось смелым доктринальным сдвигом.

Переломным моментом в экономической дипломатии стал 1978 год, который исследователи справедливо называют годом «великого дипломатического прорыва», непосредственно связанного с подготовкой к запуску политики реформ и открытости. Серия зарубежных визитов высших руководителей КНР, включая визиты Гу Му в Европу и Дэн Сяопина в Японию, Сингапур и США, имела не столько протокольный, сколько прикладной экономический характер. Отчеты делегаций, посетивших Западную Европу, содержали шокирующие для партийной элиты данные о высоком уровне автоматизации производства, эффективности управления и уровне жизни населения, что послужило мощным катализатором для принятия решения о смене курса. Дипломатам была поставлена задача не просто представлять страну, но и активно искать партнеров, готовых предоставить кредиты и технологии на приемлемых условиях, что требовало от внешнеполитического ведомства освоения новой лексики и понимания механизмов функционирования рыночной экономики.

Особое место в экономической дипломатии этого периода занимали отношения с Японией, которые стали своего рода полигоном для отработки новых моделей сотрудничества. Подписание Долгосрочного торгового соглашения в феврале 1978 года, а затем и Договора о мире и дружбе в августе того же года, открыло шлюзы для масштабного притока японских технологий и капитала. Уникальность ситуации заключалась в том, что китайская дипломатия [1, с. 151] сумела грамотно ис-

пользовать чувство исторической вины Японии и ее заинтересованность в китайских энергетических ресурсах (нефть и уголь) для получения льготных кредитов в рамках Официальной помощи развитию (ODA). Япония стала первым государством, предоставившим Китаю крупные йеновые займы, которые были направлены на модернизацию инфраструктуры — портов, железных дорог и электростанций, необходимых для обеспечения экспортного потенциала прибрежных провинций. Это сотрудничество стало модельным: китайская сторона предоставляла сырье и рынок, а японская — капитал и технологии, что полностью укладывалось в прагматичную логику реформ.

Нормализация отношений с Соединенными Штатами Америки, завершившаяся установлением дипломатических отношений 1 января 1979 года, также имела мощный экономический подтекст, часто заслоняемый геополитическим треугольником «Китай-США-СССР». Для Пекина отношения с Вашингтоном были ключом к вступлению в международные финансовые организации и получению статуса наибольшего благоприятствования в торговле. Китайские дипломаты провели колоссальную работу по разблокированию замороженных активов [9] и урегулированию взаимных претензий, что было необходимым условием для начала легального экономического сотрудничества. Визит Дэн Сяопина в США в начале 1979 года носил подчеркнуто деловой характер: посещение заводов Ford, Boeing и космического центра NASA демонстрировало приоритеты китайского руководства. Результатом этих усилий стало подписание Торгового соглашения в июле 1979 года, которое предоставило Китаю доступ к американскому рынку и, что более важно, к системе высшего образования США для подготовки кадров.

Европейский вектор экономической дипломатии развивался под знаком диверсификации источников технологий, чтобы избежать чрезмерной зависимости от одного партнера. Китай активно развивал отношения с ФРГ, Францией и Великобританией, заключая контракты на поставку целых заводских комплексов. Примером может служить контракт с западногерманскими и японскими фирмами на строительство металлургического комбината в Баошане, который стал флагманом китайской модернизации. Дипломатические представительства в Европе работали в режиме постоянного мониторинга технологических новинок, организовывая стажировки для китайских инженеров и управленцев. Важным аспектом [5, с. 45] было то, что Китай начал признавать права интеллектуальной собственности и международные торговые нормы, что требовало серьезной адаптации внутреннего законодательства и изменения риторики на международной арене.

Создание специальных экономических зон (СЭЗ) в провинциях Гуандун и Фуцзянь потребовало специфиче-

ского дипломатического сопровождения, направленного на работу с китайской диаспорой (хуацяо) в Гонконге, Макао и Юго-Восточной Азии. Дипломатия в отношении соотечественников приобрела прагматичный характер: призывы к патриотизму подкреплялись созданием преференциальных условий для инвестиций. Именно капитал хуацяо [15, с. 47] стал первым, кто пришел в создаваемые зоны, и роль дипломатов в убеждении осторожных инвесторов, опасавшихся национализации и политической нестабильности, была критически важной. Консульские службы упрощали визовые режимы, а торговые представители проводили разъяснительную работу, гарантируя сохранность вложений, что постепенно ломало стену недоверия.

Существенной трансформации подверглась и структура внешней торговли, что отражало успехи экономической дипломатии: переход от централизованной монополии Министерства внешней торговли к более гибкой системе, где право выхода на внешний рынок получили провинции и отдельные предприятия. Дипломаты были вынуждены учиться лоббировать интересы не только государства в целом, но и конкретных экономических субъектов, что было абсолютной новацией для плановой системы. В этот период закладываются основы для создания совместных предприятий, и первый закон о совместном капитале, принятый в 1979 году, стал результатом тщательного изучения дипломатами и юристами зарубежного опыта. Китайские переговорщики [10, с. 160] демонстрировали удивительную гибкость, соглашаясь на условия, которые ранее считались неприемлемыми, ради достижения стратегической цели — получения доступа к управленческим ноу-хау.

Восстановление членства Китая в МВФ и Всемирном банке в 1980 году стало кульминацией усилий по интеграции в мировую финансовую систему, потребовавшей филигранной дипломатической игры по вытеснению представителей Тайваня при сохранении конструктивных отношений с западными акционерами этих организаций. Китайские дипломаты смогли убедить мировое сообщество в надежности Китая как заемщика и партнера, несмотря на сохраняющиеся идеологические различия. Подготовка меморандумов [4, с. 98] об экономическом положении страны, необходимых для вступления, стала школой для китайских экономистов, учившихся говорить на одном языке с международными финансовыми институтами. Это позволило открыть кредитные линии, которые были использованы для модернизации образования и сельского хозяйства.

Необходимо отметить и изменение подходов к импорту технологий: от закупок отдельных образцов для копирования к приобретению лицензий и технологических линий. Этот сдвиг требовал более сложного переговорного процесса, включающего вопросы обучения персонала и сервисного обслуживания. Дипломатиче-

ская поддержка таких контрактов включала в себя обеспечение государственных гарантий и создание механизмов арбитража. Китайская сторона [2, с. 39] активно использовала конкуренцию между западными фирмами, добываясь наиболее выгодных условий, что свидетельствовало о быстром росте профессионализма внешне-торговых кадров. Политика «рынок в обмен на технологии» начала формироваться именно в эти годы, хотя ее полная реализация пришлось на более поздний период.

Особый интерес представляет взаимодействие Китая с развивающимися странами в контексте экономических реформ. Не отказываясь от риторики солидарности с «третьим миром», Пекин начал переводить помощь этим странам на более прагматичную основу, сокращая безвозмездные субсидии и переходя к взаимовыгодным проектам подряда и экспорта рабочей силы. Это позволило снизить нагрузку на бюджет [13, с. 155] и одновременно использовать накопленный опыт строительства инфраструктурных объектов для зарабатывания валюты. Дипломатические миссии в Африке и Азии стали активнее продвигать китайские строительные услуги и товары, что также маркировало отход от чистой идеологии к экономической целесообразности.

Анализ дипломатической переписки и мемуаров того времени показывает, что внутри китайского внешнеполитического истеблишмента существовал консенсус относительно приоритетности экономического развития, однако методы его достижения вызывали дискуссии. Вопросы о допустимой степени иностранного участия в экономике, о долговой нагрузке и о сохранении культурной идентичности [8, с. 61] постоянно обсуждались в ходе выработки переговорных позиций. Тем не менее, общая линия Дэн Сяопина на то, что «неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей», стала императивом для дипломатов, развязав им руки для поиска нестандартных решений. Гибкость китайской дипломатии проявилась и в умении разделять политику и экономику (*seikei bunri*), что было особенно заметно в отношениях с Японией и некоторыми странами Западной Европы.

Важным экономическим аспектом дипломатии стало и решение вопросов, связанных с государственным долгом прежних правительств Китая. Хотя КНР официально не признавала долги цинского и гоминьдановского периодов, в ходе переговоров с Великобританией и США были найдены компромиссные формулы («урегулирование активов»), позволившие снять формальные препятствия для выхода Китая на рынки облигаций. Эта прагматичность [11, с. 174] продемонстрировала инвесторам, что новый Китай готов играть по правилам, принятым в цивилизованном финансовом мире, если это сулит выгоду. Репутация надежного партнера становилась важнейшим нематериальным активом, который дипломаты тщательно оберегали.

Взаимодействие с международным бизнесом также выявило необходимость реформы внутреннего законодательства и системы образования. Дипломаты, возвращавшиеся из зарубежных командировок, становились проводниками идей о необходимости обучения студентов праву, экономике и менеджменту за рубежом. Масштабная программа отправки студентов в США, Европу и Японию, начавшаяся в конце 1970-х, была не просто образовательным проектом, но и частью долгосрочной экономической стратегии [6, с. 259]. Дипломатические ведомства курировали эти обмены, понимая, что через десять-пятнадцать лет эти люди станут основой для технологического рывка страны.

Параллельно с этим происходила трансформация самого образа Китая на международной арене: из страны, экспортирующей революцию, он превращался в страну, жаждущую модернизации. Этот ребрендинг был блестяще осуществлен китайской дипломатией через серию интервью высших лидеров западным СМИ, участие в международных выставках и открытие страны для иностранного туризма. Туризм [14, с. 249] рассматривался не только как источник валюты, но и как канал «народной дипломатии», способствующий улучшению инвестиционного климата. Создание инфраструктуры для приема иностранных гостей также курировалось на высоком уровне и требовало привлечения иностранного опыта, переговоры о котором вели дипломаты.

Экономические аспекты дипломатии КНР в период ранних реформ не ограничивались лишь торговыми сделками. Это была комплексная стратегия по встраиванию огромной страны в глобальные производственные цепочки, реализация которой потребовала пересмотра многих фундаментальных принципов внешней политики. Дипломатия стала передовым отрядом модернизации, обеспечивая приток ресурсов, необходимых для внутренних преобразований, и создавая пояс безопасности через экономическую взаимозависимость с соседями. Успех этой стратегии был предопределен сочетанием политической воли руководства, профессионализма дипломатического корпуса и благоприятной международной конъюнктуры, которую Пекин сумел использовать с максимальной эффективностью.

Выводы

Подводя итог анализу экономических аспектов деятельности китайской дипломатии в период запуска политики реформ и открытости, следует констатировать, что именно в эти годы был совершен фундаментальный переход от идеологически детерминированной внешней политики к прагматичной стратегии, ориентированной на национальные интересы развития. Дипломатическая служба Китайской Народной Республики сыграла роль ключевого интерфейса между архаичной внутренней экономической структурой и динамичным внешним

миром, обеспечив не только трансфер технологий и капитала, но и, что более важно, трансфер идей и управленческих практик. Успех «четырёх модернизаций» был бы невозможен без создания благоприятного внешнего контура, который дипломаты выстраивали через систему двусторонних договоров, участие в международных организациях и формирование атмосферы доверия с западными партнерами.

Правовая база, сформированная в результате дипломатических усилий конца 1970-х годов, стала фундаментом для последующего «экономического чуда». Договоры о торговле, защите инвестиций, избежании двойного налогообложения и научно-техническом сотрудничестве создали каркас, внутри которого стало возможным безопасное взаимодействие социалистической плановой экономики с глобальным капиталистическим рынком. Этот опыт показал, что дипломатия может быть эффективным инструментом экономического роста, если она опирается на четкое понимание внутренних потребностей страны и трезвый анализ международной обстановки. Китайский опыт использования

внешнеполитических рычагов для внутренней модернизации остается уникальным примером государственной мудрости и стратегического планирования.

Перспективы применения полученных результатов исторического анализа данного периода выходят далеко за рамки чисто академического интереса. Изучение механизмов, с помощью которых Китай сумел преодолеть изоляцию и технологическое отставание, представляет ценный материал для понимания процессов глобализации и трансформации экономических систем. Модель взаимодействия государства и внешнего рынка, выработанная в ходе реформ Дэн Сяопина, демонстрирует эффективность поэтапного, контролируемого открытия экономики, где дипломатия выполняет функцию фильтра и адаптера. В современных условиях, когда мировая экономика вновь сталкивается с фрагментацией и протекционизмом, обращение к опыту конструктивного экономического диалога между различными политическими системами, имевшему место в 1970-х годах, представляется особенно актуальным для выработки новых подходов к международному сотрудничеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нармаев М.Б. Новые концепции китайской дипломатии после XX съезда КПК // Казачество. 2023. № 68 (3). С. 149-157.
2. Портяков В.Я. Коммунистическая партия Китая и политика внешнеэкономической открытости // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 7. С. 34-44.
3. Кривцова Е.П., Ламашева Ю.А. Национальная идея КНР и ее влияние на внешнюю политику государства // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2023. № 26. С. 118-122.
4. Ван Юй. О преемственности во внешней политике Китая от Мао Цзэдуна до Ху Цзиньтао // Международные отношения и общество. 2023. Т. 5. № 3. С. 97-110.
5. Сюй Г., У Я. Идея и особенности партийной дипломатии Коммунистической партии Китая на фоне инициативы "Один пояс, один путь" // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 2 (91). С. 43-46.
6. Чжоу Л. Внешняя политика КНР после XVIII съезда КПК: новые возможности и вызовы (2012-2015 гг.) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2022. № 22-2. С. 258-266.
7. Хэ Ц. Дипломатия великой державы с китайской спецификой: содержание и значимость // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 4 (190). С. 116-128.
8. Xu Bo., Wu H. XI Jinping Thought on Diplomacy and China-Russia Relations in the Context of Major Changes in the International Order // East Asia: Facts and Analytics. 2024. № 3. С. 50-64.
9. Боташева А.К., Горбунов А.П., Панин В.Н. Развитие Китая в контексте политики внешнеэкономической открытости // Вестник Пятигорского государственного университета. 2022. № 3. С. 22-25.
10. Лю С., Лю Ч. Становление дипломатии Китая и его особенности // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 155-162.
11. Островский А.В., Баженова Е.С. Международная научно-практическая конференция "45 лет политики реформ и открытости в КНР: уроки и перспективы" // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 173-179.
12. Михеев В.В., Луконин С.А. Китай накануне 20-го съезда КПК ("Ядро партии", "новая биполярность", экономика замедления) // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 6. С. 5-16.
13. Чжан М. Внешнеполитическая доктрина и дипломатическая практика Си Цзиньпина (2012-2021) // Современная научная мысль. 2021. № 5. С. 152-157.
14. Уянаев С.В. Внутренняя и внешняя политика Китая в текущих официальных документах КНР // Вестник ученых-международников. 2023. № 4 (26). С. 246-258.
15. Лилоян К.А., Симоненко О.А. Взгляды Китая на роль Организации Объединенных Наций и перспективы ее реформирования в современных условиях // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2023. № 26. С. 46-51.

ПОСТРЕВИЗИОНИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕПРЕССИЙ 1930-Х ГГ. В СССР: АВТОРЫ И КОНЦЕПЦИИ

Чеканов Даниил Дмитриевич

аспирант, Тюменский государственный университет

stud0000104020@study.utmn.ru

THE POST-REVISIONIST TREND IN THE RESEARCH OF THE REPRESSIONS OF THE 1930S IN THE USSR: AUTHORS AND CONCEPTS

D. Chekanov

Summary: The article provides a comprehensive analysis of the post-revisionist trend in modern Russian historiography, focused on the study of the repressive policies of the 1930s in the USSR through the prism of the concept of "Soviet subjectivity". The author traces the genesis of this approach, which goes back to the post-structuralist philosophy of M. Foucault and his Western interpreters (I. Halfin, J. Hellbeck). The focus is on the adaptation of this methodology by Russian researchers (O.L. Leibovich, S.I. Bykova, I.B. Orlov, I.G. Venyavkin), whose works are analyzed from the point of view of key research subjects: the formation of "terrorist discourse", strategies for survival and self-expression in the Gulag, reconstruction of individual experience through sources of personal origin. A separate section is devoted to criticism of this area from the scientific community. The conclusion is made about the methodologically significant status of the "history of subjectivity" in the framework of the study of Stalinism, its hybrid nature, and prospects for further development.

Keywords: post-revisionism, soviet subjectivity, repressions of the 1930s, historiography of Stalinism.

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ постревизионистского направления в современной отечественной историографии, сфокусированного на изучении репрессивной политики 1930-х годов в СССР через призму концепции «советской субъективности». Автор прослеживает генезис данного подхода, восходящий к постструктуралистской философии М. Фуко и его западным интерпретаторам (И. Халфин, Й. Хелльбек). В центре внимания – адаптация этой методологии российскими исследователями (О.Л. Лейбович, С.И. Быкова, И.Б. Орлов, И.Г. Венявкин), чьи работы анализируются с точки зрения ключевых исследовательских сюжетов: формирования «террористического дискурса», стратегий выживания и самовыражения в ГУЛАГе, реконструкции индивидуального опыта через источники личного происхождения. Отдельный раздел посвящен критике данного направления со стороны научного сообщества. Делается вывод о методологически значимом статусе «истории субъективности» в рамках изучения сталинизма, ее гибридной природе и перспективах дальнейшего развития.

Ключевые слова: постревизионизм, советская субъективность, репрессии 1930-х годов, историография сталинизма.

Введение

Историография сталинских репрессий, являющаяся одной из наиболее динамичных и дискуссионных областей постсоветского гуманитарного знания, прошла сложный путь от биполярной конфронтации «тоталитарной» и «ревизионистской» школ к методологическому плюрализму. С начала 2000-х годов в российском академическом пространстве наметилась попытка освоения исследовательских стратегий, условно объединяемых под общим названием «постревизионизм». Центральное место в этом направлении занимает концепция «советской субъективности», ставящая во главу угла проблему формирования внутреннего мира, идентичности и практик осмысления действительности «рядовым» советским человеком в условиях насильственной модернизации и террора.

Несмотря на активное развитие данного подхода в западной советологии, его рецепция в отечественной

историографии носит фрагментарный характер. Целью данной статьи является систематизация и анализ попыток реализации постревизионистской программы в российских исследованиях репрессий 1930-х годов. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) выявление теоретико-методологических истоков концепции; 2) обзор и классификация ключевых работ отечественных авторов, апеллирующих к понятию «субъективности»; 3) анализ основных критических аргументов, выдвигаемых против этого направления в профессиональной среде. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении постревизионистских работ как целостного феномена в современной российской исторической науке.

Методы

Теоретической основой исследования избрана теория интеллектуальной истории, содержание которой учитывает обстоятельства процесса формирования

научного дискурса исторической науки. Методологической базой исследования избраны проблемно-хронологический, дискурсивно-аналитический, компаративистский и типологический методы.

Результаты исследования

Теоретико-методологические основания: от М. Фуко к «советской субъективности»

Генезис постревизионистского направления непосредственно связан с «лингвистическим» и «антропологическим» поворотами в социальных науках конца XX века. Его философским фундаментом стали идеи французского постструктуралиста М. Фуко. В ранних работах Фуко, таких как «Надзирать и наказывать» [6], субъективность рассматривалась как продукт внешнего дисциплинарного давления, как эффект властных отношений, воплощающихся в дискурсивных практиках. Власть не просто подавляет индивида, но конституирует его, определяя границы допустимого и мыслимого [7, с. 660].

В поздний период творчества Фуко сместил фокус на процессы самоформирования субъекта посредством которых индивид сознательно и целенаправленно работает над созданием собственной личности – занимается, по выражению философа, «герменевтикой личности» [7, с. 653]. Этот дуализм – субъект как «продукт» внешних структур и как «автор» собственного «Я» – стал ключевым для исследователей, обратившихся к советскому материалу.

Наиболее последовательно эта дихотомия была разработана в работах Ильи Халфина и Йохена Хелльбека, которые и сформулировали классическую парадигму «советской субъективности». Они предложили «филологическую» модель изучения советского прошлого, сводящуюся к анализу единого революционного дискурса, поглощавшего все альтернативные языки самоописания. В этом подходе «советский субъект» понимался как порождение данного дискурса, а его автобиографические практики (дневники, заявления, анкеты) – не как отражение некой «подлинной» сущности, а как акты конструирования себя в соответствии с предлагаемыми культурными шаблонами. Как отмечал Халфин, в большевистском автобиографическом письме стирается грань между «рассказанным я» и «рассказывающим я». Такое письмо свидетельствует не о том, «каким в действительности был писавший ее индивидуум», а о том, «каким он надеялся стать» [2]. Таким образом, источником для историка становится не «правда» документа, а сама процедура субъективации – процесс вписывания индивидуального опыта в господствующий нарратив.

Именно на этом теоретическом фундаменте, сочетающем анализ внешнего дискурсивного принуждения и

внутренней самотрансформации, строят свои исследования отечественные историки, пытающиеся применить постревизионистскую оптику к изучению репрессий 1930-х годов.

Концепция «советской субъективности» в работах российских исследователей: основные векторы

Несмотря на отсутствие масштабных монографий или диссертаций, декларирующих свою принадлежность к данному направлению, в постсоветской историографии сложился корпус работ, которые можно отнести к полю «истории субъективности». Их объединяет фокус на источниках личного происхождения (дневники, письма, мемуары, художественное творчество), интерес к языку, дискурсу и ментальным конструктам, а также стремление реконструировать внутренний мир и стратегии поведения людей в экстремальных условиях террора. Условно эти исследования можно разделить на несколько тематических блоков.

Дискурс террора и формирование идентичности

Работа О.Л. Лейбовича является примером анализа макропроцессов субъективации через изучение дискурсивного поля эпохи. Автор вводит и обосновывает понятие «террористического дискурса» 1930-х годов.

Этот дискурс, по Лейбовичу, представлял собой синтетическую культурно-лингвистическую субстанцию, вобравшую в себя политические лозунги, военную риторику, литературные клише и бытовые речевые практики. Его содержание монополюльно определялось властью, но усваивалось и воспроизводилось общественными структурами, которые наполняли его мифологизированными, архетипическими для массового сознания образами («враг», «чистка», «бдительность») [5, с. 17].

Таким образом, «террористический дискурс» выступал не просто идеологическим фоном, а активным мобилизационным механизмом, формирующим особый тип советской культурно-социологической идентичности. В этой трактовке прослеживается явная связь с идеей Фуко о конституирующей роли дискурса, хотя Лейбович акцентирует его тоталитарную, заданную сверху природу.

Амбивалентность массового сознания.

Исследования С.И. Быковой смещают акцент с дискурса элит на региональную ментальность. На примере жителей Уральского региона автор выявляет глубинную противоречивость сознания «советского субъекта» в эпоху террора. С одной стороны, под мощным воздействием пропагандистского аппарата общество внутренне санкционировало репрессии, воспринимая их как

необходимую «чистку» или борьбу с «врагами». Эта установка укоренялась через апелляцию к традиционным, доведенным до абсурда, образам коллективной ответственности и справедливости.

С другой стороны, когда террор затрагивал личную сферу – арестовывались родственники, друзья, сослуживцы – в сознании индивида происходил болезненный когнитивный диссонанс. «Советский человек» сталкивался с неприятием реальности, внутренним конфликтом, а зачастую и с формированием скрытого критического отношения к власти [5, с. 407]. Быкова фиксирует эти две взаимоисключающие социокультурные установки в таких маргинальных, но понятных формах выражения, как фольклор (частушки, анекдоты) и частная переписка. Ее работа демонстрирует, как концепция субъективности позволяет уйти от образа «советской массы» и показать ее внутреннюю расколотость.

Субъективность в пространстве лагеря.

Статья И.Б. Орлова открывает еще один важный пласт – творчество и самовыражение жертв репрессий. Автор изучает искусство заключенных ГУЛАГа не как культурный феномен в эстетическом ключе, а как уникальную форму конструирования и утверждения индивидуальности в условиях, направленных на ее полное уничтожение. Через рисунки, стихи, рукоделие заключенные не просто отражали ужасы лагерной жизни, но символически переосмыслили действительность, наполняли ее личными смыслами, страхами и надеждами [5, с. 510]. Этот подход позволяет увидеть в узнике ГУЛАГа не пассивный объект насилия, а субъекта, отчаянно пытающегося сохранить человеческое «Я» даже в безвыходной ситуации. Исследование Орлова вписывается в общую тенденцию изучения «сопротивления» и «приспособления» на микроуровне.

Индивидуальный опыт и практики осмысления.

Наиболее репрезентативными для направления стали работы И.Г. Венявкина, посвященные реконструкции внутреннего мира современника «большого террора» – драматурга Александра Афиногенова. Изучая дневники Афиногенова, Венявкин показывает, как репрессии радикально меняли повседневность и приватное пространство. Личная дача, традиционное место отдыха, в 1937 году превращается в «субстанциональный политический плацдарм», где каждая встреча, каждое неосторожное слово подвергаются тщательной рефлексии и осмысляются как политические жесты [1, с. 14].

Ценность исследования Венявкина заключается в демонстрации сложного механизма работы сознания интеллигента, пытающегося осмыслить бессмысленный ужас.

Автор выявляет феномен «двоемыслия» в его индивидуальном преломлении: Афиногенов в своем дневнике одновременно рассматривал террор и как благотворную «чистку», и как следствие внешней угрозы (войны, фашистского заговора). Эти две версии не отменяли, а дополняли друг друга, не подвергая сомнению саму необходимость и оправданность террора. Как заключает Венявкин, Афиногенов шел «по пути усвоения и творческого переосмысления его лозунгов» [1, с. 16]. Это глубокое наблюдение раскрывает процесс субъективации в действии: индивид не просто пассивно усваивает язык власти, но активно, «творчески» использует его для осмысления собственного травматического опыта, тем самым интегрируя этот опыт в свою идентичность.

Критика направления и дискуссия о «неототалитаризме»

Несмотря на отдельные яркие исследования, постревизионистский подход к изучению репрессий через призму субъективности не стал популярным в отечественной историографии. Критика в его адрес носит как методологический, так и теоретический характер.

Главный упрек касается источниковой базы. Оппоненты справедливо указывают, что круг источников, используемых в таких исследованиях (личные дневники, письма, творчество узников ГУЛАГа, материалы отдельных персон), чрезвычайно узок и социально ограничен. Дневники вели в основном представители образованных слоев (интеллигенция, партийные работники), чей опыт нельзя экстраполировать на все советское общество. Следовательно, информативный потенциал этих источников для изучения *массового* сознания представляется сомнительным. Существует риск, что исследование, основанное на уникальном документе, приобретает субъективный, оценочный характер, отражающий не столько историческую реальность, сколько личную драму его автора. Для адекватной реконструкции массовых настроений необходим широкий статистически значимый массив разнообразных источников личного происхождения, отражающий разные социальные страты и поведенческие стратегии.

Наиболее весомая концептуальная претензия по отношению к постревизионизму отражена в ее критике одним из ведущих современных исследователей сталинской эпохи О.В. Хлевнюком. Он выдвигает тезис о том, что концепция «советской субъективности», несмотря на внешнюю новизну, по сути, воспроизводит ключевые положения классической теории тоталитаризма. По его мнению, работы в этом ключе, детально описывая, как власть через дискурс и репрессии конструирует сознание индивида, приходят к тому же выводу о всепроникающем, тотальном контроле государства над личностью и обществом. Разница лишь в том, что акцент смещается с

политических институтов и террора как такового на внутреннее, ментальные механизмы этого контроля.

На этом основании Хлевнюк предложил использовать для обозначения данного направления термин «неототалитаризм». «Если это направление куда-то ранжировать, то я бы назвал его "неототалитарным". Это направление по-своему интересное, они ищут какие-то новые подходы... Однако... они оперируют фундаментальными идеями "тоталитарной" теории», – отмечал историк [8]. Эта критика указывает на важнейшую дилемму: если постревизионисты вслед за Фуко видят в субъекте прежде всего продукт власти, то, где в этой схеме место для подлинной автономии, сопротивления или хотя бы неуловимой «внутренней эмиграции»? Не сводится ли анализ субъективности к демонстрации все того же тотального подавления?

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о месте и специфике постревизионистского направления в российской историографии репрессий 1930-х годов. Во-первых, это направление остается во многом экспериментальным. Ему не хватает теоретической и институциональной обособленности: отсутствуют фундаментальные обобщающие труды, защищенные диссертации, а исследования носят характер отдельных статей или докладов. Во-вторых, работы отечественных авторов демонстрируют гибридный характер методоло-

гии. Они заимствуют язык и исследовательские вопросы у западных постревизионистов, но часто сочетают их с элементами традиционного для российской науки анализа общественного сознания и ментальности, а также с неявными отсылками к тоталитарной.

Тем не менее, значение этих работ нельзя недооценивать. Они вносят важный вклад в усложнение и гуманизацию исторической картины эпохи террора. Благодаря им из абстрактного «общества» проступают живые люди с их внутренними конфликтами, страхами, попытками понять и адаптироваться к абсурдной реальности. Концепция субъективности позволяет задавать новые вопросы не столько о том, что происходило, сколько о том, как это переживалось и осмыслялось современниками.

Перспективы развития данного направления в России связаны с преодолением его ключевых слабостей: расширением и диверсификацией источниковой базы (включением, например, писем во власть, заявлений граждан, материалов судебно-следственных дел, изучаемых не с процессуальной, а с нарративной точки зрения), а также с осмыслением собственного теоретического аппарата и его соотношения с другими школами. Это направление возникло в результате содержательного синтеза элементов «тоталитарной» и ревизионистской традиций, и его дальнейшая продуктивность будет зависеть от способности критически осмыслить это наследие, не впадая в крайности «неототалитаризма» и абсолютизации автономии субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венявкин И.Г. Чернильница хозяина: советский писатель внутри Большого террора. Самиздат, 2017. 90 с.
2. Глебов С., Могильнер М., Семенов А. "The Story of Us": Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/the-story-of-us-proshloe-i-perspektivy-modernizaczii-gumanitarnogo-znaniya-glazami-istorikov.html> (дата обращения 01.11.2025).
3. История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции, Москва, 5–7 декабря 2008 г. Москва: Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина"; РОССПЭН, 2011. 789 с.
4. Лейбович О.Л. «Кулацкая операция» на территории Прикамья в 1937–1938 гг. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 426 с.
5. История сталинизма: репрессированная российская провинция: материалы II международной научной конференции «История Сталинизма» / под ред. Е.В. Кодиной. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 599 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 416 с.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже-де-Франс в 1981—1982 уч. году. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 677 с.
8. Олег Хлевнюк. «Ревизионизм». Интерпретации источников по террору // YouTube-канал «Общество Мемориал». 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QzjA7wm2nGI> (дата обращения: 28.10.2025).

© Чеканов Даниил Дмитриевич (stud0000104020@study.utmn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ КРАСНОЙ АРМИИ О ВООРУЖЕНИИ И ТАКТИКЕ ПРЕДСТОЯЩЕГО ПРОТИВНИКА В КАНУН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Шульц Эдуард Эдуардович

Кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет
nuap1@ya.ru

AWARENESS OF THE RED ARMY ABOUT THE WEAPONS AND TACTICS OF THE UPCOMING ENEMY ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

E. Shults

Summary: The article is devoted to considering the problem of the Red Army's awareness of the enemy before the Great Patriotic War - issues that, as a rule, are ignored when analyzing the preparation of the USSR for war. The author comes to the conclusion that the intelligence of the USSR gave fairly complete data on the upcoming enemy. The intelligence information of the USSR could be incomplete, belatedly give information on those changes that were carefully hidden, but in general presented an almost complete picture. The USSR knew its adversary, built armed forces (structurally and technically) for an inevitable clash with the Third Reich.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, preparation of the USSR for war.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы информированности Красной армии перед Великой Отечественной войной о противнике, – вопросы, которые, как правило, остаются без внимания при анализе подготовки СССР к войне. Автор приходит к выводу, что разведка СССР давала достаточно полные данные о предстоящем противнике. Разведывательные сведения СССР могли быть неполными, с запозданием давать информацию по тем изменениям, которые тщательно скрывались, но в целом представляли почти законченную картину. СССР знал своего противника, выстраивал вооруженные силы (структурно и технически) для неизбежного столкновения с Третьим рейхом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, подготовка СССР к войне.

Введение

Великая Отечественная война и проблемы готовности СССР к этой войне представляют одну из самых сложных научных исторических проблем в связи историографическими дискуссиями, которые в современных реалиях осложняются т.н. «войнами памяти» [2-3, 29, 32].

Данная статья посвящена рассмотрению проблемы информированности Красной армии перед Великой Отечественной войной о противнике, – вопросы, которые, как правило, остаются без внимания при анализе подготовки СССР к войне. Более того, отечественная исследовательская и общественная мысль во многом идет в русле сформированных стереотипов, возникших в середине – второй половине 1950-х – 1980-х гг., и существующих до сих пор [30, с. 3-15; 31]. Среди таких стереотипов – слабая информированность Красной армии о предстоящем противнике и неготовность к войне [см.: 1, с. 221; 2, с. 203; 7, с. 697; 9 с. 192-193, 197; 15, с. 597-598].

В критериях оценки подготовки армии к войне на первом месте следует поставить: 1) знание предстоя-

щего противника, 2) приведение своих возможностей к уровню способности противостоять будущему противнику, 3) возможностям заимствования лучших решений. Данная статья посвящена рассмотрению проблемы информированности Красной армии перед Великой Отечественной войной о противнике.

Пособия и наглядный материал

Рассмотрим для начала те сведения, которые были в массовом доступе.

Краткий справочник по вооруженным силам Германии, вышедший в 1941 г., дает представления Генерального штаба Красной Армии о мобилизационных возможностях Третьего рейха и вооружении вермахта [14]. Согласно данному справочнику, население Германии, включая Австрию и Судетскую область, дается в размере почти 79,4 млн чел., из которого мужское население в возрасте от 17 до 50 лет составляет 19,6 млн человек. Военнообязанные составляют 16,8 млн, из них годных к военной службе – 13,4. (Подсчет для Восточной Пруссии идет от 18 до 55 лет, а для остальной части Германии от 18 до 45 лет, и процент годности по опыту Первой миро-

вой войны взят за 80%) [14, с. 4].

Из числа годных к службе около 10 млн «имеют нормальную военную подготовку, как состоящие на службе в армии», свыше 2 млн чел. (от 40 до 50 лет) являются участниками Первой мировой войны, которым требуется дополнительная переподготовка, 1,5 млн молодых людей от 17 до 19 лет нуждаются в подготовке («за исключением 19-летних, получивших военную подготовку при отбывании трудовой повинности») [14, с. 5].

Несмотря на заниженные данные по населению, цифры по мобилизованным в вермахт в годы войны примерно соответствовали реальности (учитывая, что каждый новый год войны давал для мобилизации новые года рождения).

Данный справочник показывает, что Красная армия вполне точно представляла себе структуру, состав и вооружение отделения, взвода, роты, батальона, полка и дивизии, ПТО пехотного полка, легкого арtpолка и тяжелого арtpолка пехотной дивизии вермахта, танковых подразделений, в том числе, количество стрелкового оружия, минометов, орудий разных калибров, бронемашин, автомобилей и мотоциклов [14, с. 6-9, 11-12, 15, 17-19, 43-47]. Структура и вооружение авиационных частей дана менее развернуто и подробно [14, с. 55-56].

Стрелковое оружие состоит из: винтовка Маузера образца 1898 г. (винтовка «98»), карабин Маузера «98к», пистолет-пулемет (Шмайсер), ручной пулемет МГ-34, станковый пулемет МГ-34 (+выбывающий станковый пулемет МГ-08 Максима, который заменяет МГ-34) [14, с. 23-24]. Обращает на себя внимание тот факт, что в целом, имея точную картину стрелкового вооружения, вместо МП-38 и МП-40 справочник дает устаревшие образцы пистолет-пулеметов, которые называет «Шмайсер» [14, с. 23, 26]. Минометное вооружение представлено наиболее массовыми системами – 55-мм и 81-мм минометами [14, с. 24]. Даны основные модели артиллерийских орудий с техническими характеристиками [14, с. 29-35], средства связи [14, с. 35-42], организация ПВО с достаточно точным указанием образцов и количества зенитной артиллерии [14, с. 67-68]. Бронемашин в справочнике указаны явно устаревших моделей [14, с. 52-54].

Отдельный интерес вызывает представление о танках и самолетах вермахта – наиболее технологичные и быстро изменяющиеся в тот период виды техники.

В целом, в справочнике отображены основные модели панцерваффе и их технические характеристики [14, с. 48]. Pz-I вместо T-1 называется в справочнике «легкий танк типа II (1936 г.)», приводятся характеристики Pz-II, Pz-III, Pz-IV, где последний относится к средним танкам. Фигурирует некий «тяжелый танк обр. 1938 г.

[14, с. 48]. Обращает внимание указание толщины брони у Pz-IV по состоянию на 1940 г. – 30-35 мм, тогда как в Panzerkampfwagen IV (Pz-IV) модели D и E лоб корпуса был увеличен до 50 мм или по системе 30+30 (за счет бронепанелей), а борта и корма корпуса получили дополнительные 20-мм панели (20+20). Танк Pz-III оснащен в характеристиках пушкой 37 мм, а в модели G (Pz.Kpfw. III Ausf. G) с июля 1940 г. уже появилась 50-мм пушка (Kw.K. 38, длиной ствола 42 калибра), которой стали переоснащать и предыдущие модели.

В справочнике даны основные модели истребителей, бомбардировщиков, разведчиков и их характеристики [14, с. 57].

Обращают на себя внимание следующие факты. Мессершмитт Me-109 (Messerschmitt Bf 109) получил в описании часть характеристик (большая) модели E, часть (меньшая) уже модели F (или речь о завышении показателей модели E). Me-109F (Bf 109F, «Фридрих» или «Фриц») начал поступать весной 1941 года и летом уже стал основной боевой машиной истребительной авиации Люфтваффе, а эта модель имела уже существенно более мощный двигатель (1200 л.с.) и максимальную скорость полета до 600 км/ч.

Указанный в справочнике Me-110 (Bf.110) [14, с. 57] — двухмоторный тяжёлый истребитель – мало в дальнейшем использовался на Восточном фронте и в основном, как истребитель-бомбардировщик, так как проигрывал современным моделям, а в маневренном бою уступал даже истребителям устаревших типов.

В справочнике дается бомбардировщик До-215 (предшественник Дорнье До 217), но по характеристикам это До-217 (Dornier Do 217) — немецкий многоцелевой бомбардировщик. Характеристики на немецкий средний бомбардировщик Хейнкель Хе-111 (один из основных бомбардировщиков люфтваффе) в справочнике даются не на самую последнюю модель (H) (мощность двигателя 2х1100, модель H уже имела 2х1350 л.с.), но при этом максимальная скорость завышена до 440 км/ч при реальных летных характеристиках – 390-430 км/ч, в зависимости от модификации, дальность полета и «потолок» тоже завышены.

По самолетам следует отметить еще пособие «Тактика военно-воздушных сил военно-морского флота» начала 1941 г., которое давало характеристики по американским, английским, итальянским и немецким самолетам [28, с. 10-11, 35]. Конечно, информация была с запозданием на год-два, за которые люфтваффе получило более новые модели.

Возвращаясь к справочнику по вооруженным силам Германии, подчеркнем, что сборник давал не только

описание и технические характеристики, но и фотографии вооружений [14, с. 25-27, 28, 31-35, 35-42, 49-51, 58-61], так что можно утверждать, что с началом войны большая часть вооружения вермахта не была для Красной армии *tabula rasa*.

Данные разведки

Рассмотрим ход событий, которым начиналась Вторая мировая война на Европейском театре военных действий (Европейский ТВД).

Разведка СССР предоставляла сводки по военной технике и экономике иностранных государств [27, л. 204-211]. Сводки Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии давали информацию по военной технике, объемам производства военной техники и новым типам, в первую очередь, в Англии, Франции, Германии, США [23, л. 25; 24, л. 254-283; 26, с. 254-283; 27, л. 198-200, 204-211].

Доклад разведуправления Красной армии 19.11.1940 г. четко указывал, что летом 1939 г. в германской армии тяжелых танков не применялось [27, л. 210]. Однако к 1941 г. появилась уверенность, что в панцерваффе есть тяжелые танки. При этом советская сторона знала отличия в системе классификаций танков: «В Германской классификации танков на средние и тяжелые производится по принципу вооружения, а не веса. Поэтому 22-тонный танк типа IV считается у них тяжелым (вооружен 75 мм пушкой), а 18-тонный танк – средним (вооружен 37-мм пушкой)», в советской классификации оба эти танка относятся к типу средних [27, л. 210].

Г. Гудериан описывает в мемуарах, что советская военная комиссия, которой дали осмотреть немецкую технику, не верила, что Pz-IV – это самый тяжелый немецкий танк [12, с. 193]. Наличие тяжелого танка KV у советской стороны приводило советских инженеров к мысли, что немецкая сторона обязательно должна иметь тяжелый танк, отсутствие его демонстрации воспринималось как режим секретности.

Широкий круг источников дает представление о хорошей осведомленности в СССР о самых массовых самолетах ведущих стран (Франция, Англия, США, Германия, Италия) и новинках [22, л. 43-44; 24, л. 298-299; 25, л. 27-29]. Анализ техники ведущих стран и потенциальных противников подразумевал сравнительный анализ с советской техникой и рекомендации по усовершенствованию [22, л. 41-42; 25, л. 28-29].

В 1940 г. СССР закупил в Германии последние модели немецких самолетов: Мессершмидт-109Е (с мотором

Даймлер-Бенц-601А с жидкостной системой охлаждения мощностью 1050 л.с.), Хейнкель-100 (мотор Даймлер-Бенц-601А с испарительной системой охлаждения), Мессершмидт-110 (два мотора Даймлер-Бенц-601А жидкостного охлаждения), бомбардировщиками Дорнье-215 (двухмоторный Даймлер-Бенц-601А с жидкостной системой охлаждения мощностью 1050 л.с.) и Юнкерс-88 (двухмоторный пикирующий бомбардировщик с моторами ЮМО-211 жидкостного охлаждения мощностью 930 л.с.) [25, л. 27].

Представленные выводы комиссий утверждали, что находящиеся на вооружении Германских ВВС самолеты-истребители Мессершмидт 109 и 110 превосходят по скорости наш основной тип истребителя – И-16 на 35-55 км/ч, опытный самолет Хейнкель-100 превосходит в скорости массовый истребитель ВВС СССР самолет И-16 на 160 км/ч. При этом, новые советские самолеты: И-26 (Як-1), И-301 (ЛаГГ-1) и И-200 (МиГ-1) превосходят по скоростям Мессершмидт на 40-60 км/ч, но отстают от Хейнкель-100 на 45-65 км/ч. [25, л. 28]. Советские бомбардировщики СБ и ДБ-3Ф уступают по скоростям немецким самолетам Дорнье-215 и Юнкерс-88 на 25-40 км/ч, и только ДБ-240 (Ер-2)¹ по скоростям приближается к указанным немецким самолетам. Вступающие в строй самолеты – ПБ-100 (Пе-2) и ББ-22 (Як-2), превышают по скорости самолеты До-215 и Ю-88 на 40-80 км/ч. [25, л. 29]

Специалисты обращали внимание, что устойчивость немецких самолетов значительно лучше, пилотирование проще [25, л. 29]. Важным замечанием было то, что при сравнении самолетов Мессершмидт 109 и Хейнкель-100, имеющих один и тот же мотор, видно, что одно только улучшение аэродинамики самолета дает прирост скорости 105-120 км/ч. [25, л. 28]. В условиях сложностей с повышением мощности авиационных двигателей и дефицита высокооктанового бензина, акцент на улучшение аэродинамики решал часть проблем.

Различные удачные решения на немецких самолетах поступали в разработку и рекомендовались заводам-производителям советских самолетов. Так, например, с самолета «Хейнкель-100» крыло было передано заводу №115 для постройки такого же крыла на самолете конструкции тов. Яковлева, ручка управления передана заводу № 115 для изготовления на отечественных самолетах; подвижные щитки шасси внедрены на самолетах И-200 (МиГ-1) и И-26 (Як-1); конструкция колеса и его охлаждения отправлена для испытаний на самолете И-200 (МиГ-1); аварийный выпуск закрылков предлагалось внедрить на серийных самолетах И-200 (МиГ-1); на основании организации кабины, расположения приборов, рычагов и капотирования кабины, разрабатывалась стандартная кабина для истребителей [25, л. 30-31]. С са-

1 Выпущено 462 самолета. В августе и сентябре 1941 года самолёты Ер-2 и ТБ-7 принимали участие в бомбардировке Берлина.

молета Me-109E – скопирована ручка управления самолетом конструкторским бюро завода № 156 и для нового типа истребителя [25, л. 31]. На заводе №22 построен и проходит заводские испытания самолет СБ, оборудованный устройством для пикирования (воздушные тормоза, автомат пикирования) по образцу Ю-88; заводом № 213 освоено производство автоматов пикирования по образцу Ю-88 (автомат удовлетворительно прошел стендовые и летные испытания в НИИ ВВС и устанавливается на самолет СБ в пикирующем варианте); заводом № 24 проектируется гидропривод на моторы М-35, М-37 по образцу Ю-88; разработаны чертежи и схемы антиобледенительного устройства Ю-88 и разосланы для реализации по заводам [25, л. 33-34]. После изучения фибровых и протектированных бензобаков и маслобаков самолетов Ю-88, Me-110 и He-111 советская промышленность разработала и освоила в производстве качественную фибру, которая не уступает немецкой, конструкцию протектора фибровых баков, заменитель кожи и производство самих фибровых баков для самолетов И-16, И-153, СБ, ББ-1 (Су-2) [25, л. 39]. Заводу 39 дано задание оборудовать в октябре 1940 г. самолет ДБ-3Ф термическим антиобледенителем ЦАГИ, основанном на том же принципе, что у Ю-88; в НИИ ВВС КА обогревательным устройством по типу Ю-88 оборудуется самолет СБ [25, л. 39]. Поставлен вопрос о создании промышленной базы по производству магниевых сплавов, которые широко применены в конструкции немецких самолетов [25, л. 39].

Общий вывод и указание к действию в 1940 г.: «Поставить перед промышленностью новые задачи по производству самолетов, моторов, вооружения и т.п. с повышенными летными и боевыми качествами, с учетом не только догнать, но и перегнать лучшие образцы имеющиеся и строящиеся за границей» [18, л. 138].

В СССР считали, что Германия производит в месяц 1200 самолетов, а потенциально мощностей хватает на производство 1600 самолетов в месяц [26, л. 86]. В 1940 – начале 1941 г. была уверенность, что Германия производит в месяц около 1500 самолетов, а Англия – около 1000 [26, л. 86; 27, л. 198-200]. Исходя из этих данных (которые оказались завышенными) СССР ставил планы по производству самолетов не меньше, чем Германия [19, л. 51-54].

Разведка предполагала, что Германия обладает 11 800 самолетами [26, л. 86], исходя из чего количество боевых самолетов для ВВС Красной армии закладывалось с расчетом на количественное превосходство: к 22 июня 1941 г. в Красной армии было 18 759 боевых самолетов, из которых 10 266 на Западном театре военных действий [6, с. 11, 17].

Советская сторона обладала сведениями о тактике германских ВВС при бомбежке Англии [27, л. 38-39, 73, 140-141].

Разведка имела доклад из Парижа от 11 февраля 1940 г. о мерах по противовоздушной обороне города, в котором рассматривались способы оповещения населения о воздушной опасности, регулирование уличного движения во время затемнения города, маскировка оповещения в общественных местах, содержание листовок, в которых населению рекомендуется разного рода меры предосторожности и правила поведения в предвидении воздушных налетов [24, л. 22-28].

Исследования, оценивающие уровень противовоздушной обороны городов в начальный период Великой Отечественной войны, приходят к выводу о вполне передовых представлениях в СССР об организации ПВО и противовоздушной обороны крупных городов, которые базировались во многом на опыте боевых действий в Англии и Франции 1939–1940 гг. [5, с. 37, 41]

Изучение средств связи, радиостанций и сигнальных систем зарубежных армий (в первую очередь, Германии и Финляндии) [20, с. 1-20, 42-254; 21, л. 1-146], анализ роли службы связи в Германской армии [20, л. 21-30], войск связи ВВС Германии [20, л. 31-35], роли радиосвязи в современных операциях [20, л. 36-39], особенно усилилось в ходе и после советско-финляндской войны.

Заключение

Разведка СССР давала достаточно полные данные о предстоящем противнике. Разведывательные сведения СССР могли быть неполными, с запозданием давать информацию по тем изменениям, которые тщательно скрывались, но в целом представляли почти законченную картину. С исторической точки зрения, здесь важно понимать, что разведка не была всесильна. Крайности точек зрения в данном вопросе: от полной беспомощности советской разведки (которую «убили» репрессиями) до способности добыть любой секретный документ, – это из области мифологизации истории. Так же как и приписывание таких возможностей немецкой разведке. Послевоенные свидетельства, например, дают точное представление о том, что немецкая сторона имела крайне скудные сведения о военном потенциале СССР [см. 8, с. 59-60, 142, 234, 501; 10, 39, 198; 11, с. 39; 16, с. 29; 17, с. 64, 71, 73].

В начале 1941 г. большая часть вооружения вермахта была представлена в виде текста и фотографий для командиров и бойцов Красной армии, так что не представляла чего-то принципиально нового и неизвестного в ходе начавшейся войны.

СССР знал своего противника, выстраивал вооруженные силы (структурно и технически) для неизбежного столкновения с Третьим рейхом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М.: Изд. центр «Анкил-воин», 1995. 189 с.
2. Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. (22 июня – середина июля 1941 г.). Воен.-ист. очерк. М.: Воениздат, 1962. 222 с.
3. Багдасарян В.Э., Журавлев В.В., Ларионов А.Э. и др. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. М.: Проспект, 2022. 304 с.
4. Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э., Реснянский С.И. и др. Информационные факторы формирования исторического сознания молодежи (на примере изучения представлений о Великой Отечественной войне) // Вопросы истории. 2022. № 8-1. С. 34-49.
5. Беляев А.Н. Местная противовоздушная оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 144 с.
6. Боевой и численный состав вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М.: ИВИ МО РФ, 1994. 334 с.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. Изд. доп. и испр. М.: Кучково поле, 2015. 864 с.
8. Гальдер Ф. От Бреста до Сталинграда: Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1941–1942 гг. /Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2001. 652 с.
9. Гареев М.А. Сражения на военно-историческом фронте. Сборник статей. М.: «Инсан», 2010. 896 с.
10. Гейер Г. IX армейский корпус в восточном походе 1941 года // От Буга до Кавказа /Пер. с нем. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 17-220.
11. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М.: МФД, 2009. 572 с.
12. Гудериан Г. Воспоминания солдата /Пер. с немецкого. Смоленск: «Русич», 1999. 656 с.
13. Гусев А.В. Деятельность местной противовоздушной обороны СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). С. 82-85.
14. Краткий справочник по вооруженным силам Германии / Ген. штаб Красной Армии. М.: Воениздат, 1941. 104 с.
15. Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М.: РОСПЭН, 2020. С. 597-598.
16. Рейнгарт К. Поворот под Москвой /Пер. с нем. М.: Вече, 2010. 400 с.
17. Роковые решения. Сборник статей /Пер. с англ. /З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит и др.; под ред. и предисл. д-ра ист. наук полк. П. А. Жилина. М.: Воениздат, 1958. 318 с.
18. Российский государственный архив экономики (далее – РГЭ). Ф. 7914. Оп. 1. Д. 140.
19. РГЭ. Ф. 7914. Оп. 1. Д. 16.
20. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25. Оп. 17. Д. 153.
21. РГВА. Ф. 25. Оп. 17. Д. 157.
22. РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 564.
23. РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 103.
24. РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 107.
25. РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 111.
26. РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 112.
27. РГВА. Ф. 29. Оп. 35. Д. 98.
28. Шугинин А.М. Тактика военно-воздушных сил военно-морского флота. Л.: [б. и.], 1941. 308 с.
29. Шульц Э.Э. Великая Отечественная война в контексте важности исторических событий для современного российского общества // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 4(37). URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2023-4-37/shults-velikaya-otechestvennaya-voyna-v-kontekste-vazhnosti-istoricheskikh-sobytyiy/>
30. Шульц Э.Э. СССР вступает во Вторую мировую...: монография. М.: Проспект, 2025. 224 с.
31. Шульц Э.Э. Стереотипные образы Великой Отечественной войны: Сталин, глобус и винтовки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 20-29.
32. Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S. etc. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia // Linguistics and Culture Review. 2021. № 5(S3) (<https://doi.org/10.21744/lingcure.v5nS3.1830>)

© Шульц Эдуард Эдуардович (nuar1@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВАМБА ПРОТИВ ВЕСТГОТСКОГО ДУХОВЕНСТВА: ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОРАЖЕНИЕ СИЛЬНОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В ГОТСКОЙ ИСПАНИИ

Щукин Сергей Владимирович

Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
st061190@student.spbu.ru

WAMBA VS THE VISIGOTHIC CLERGY: THE FINAL DEFEAT OF STRONG ROYAL POWER IN GOTHIC SPAIN

S. Shchukin

Summary: The article focuses on the period 672–687 in the Visigothic Kingdom and characterizes the reigns of Kings Wamba and Erwig. The author argues that Wamba's reign long ago anticipated the emergence of a crisis in the kingdom, caused by the policies of the Councils of Toledo. It is also noted that Wamba was initially viewed by the Visigothic Church as a convenient candidate. The rebellion of Duke Paul is characterized as the first harbinger of Wamba's fate and as a purely internal matter of Spain, without external interference. Wamba's reign is characterized as radically anti-church and aimed at the complete subordination of the church to the kings. Nevertheless, according to the author, Wamba's anointing served as a model for similar actions by the Carolingian rulers of Frankia. Wamba's removal is described as violent and is described as a consequence of long-standing church policy that destroyed the authority of the government. Erwig, on the other hand, is characterized as a king extremely loyal to the church and, according to Y. Tsirkin, intolerant of opponents of his accession. Overall, this era is described as the culmination of a crisis that began in the 630s, and the Visigothic Church is blamed for the devaluation of royal legitimacy and its own laws. The article is based on a wide range of sources, including narrative (the History of King Wamba) and legal (the Visigothic Code and the decrees of the Councils of Toledo).

Keywords: Visigothic Kingdom, Councils of Toledo, Wamba, Erwig, Early Middle Ages, Spanish Church.

Аннотация: В статье рассматривается период 672–687 годов в Вестготском королевстве и даётся характеристика правления королям Вамбе и Эрвигу. Правление Вамбы, по мнению автора, давно предполагало зарождение кризиса в королевстве, вызванного политикой Толедских соборов; также указывается на то, что Вамба изначально рассматривался Вестготской церковью как удобный для неё кандидат. Восстание герцога Павла характеризуется как первый предвестник судьбы Вамбы и как исключительно внутреннее дело Испании без внешнего вмешательства. Правление Вамбы характеризуется как радикально антицерковное и направленное на полное подчинение церкви королям. Тем не менее, по мнению автора, помазание Вамбы на царство послужило образцом для аналогичных действий Каролингских правителей Франкии. Отстранение Вамбы названо насильственным и описывается как следствие многолетней политики церкви, разрушившей авторитет власти. Эрвиг же характеризуется как крайне лояльный по отношению к церкви король, а также, в соответствии с точкой зрения Ю. Циркина, как нетерпимый к противникам его воцарения. В целом, данная эпоха названа кульминацией кризиса, начавшегося ещё в 630-е годы, а Вестготская церковь объявляется виновницей обесценивания королевской легитимности и собственных законов. Исследование базируется на широком круге источников, включая нарративные («История короля Вамбы») и правовые («Вестготская правда» и постановления Толедских Соборов).

Ключевые слова: Вестготское королевство, Толедские соборы, Вамба, Эрвиг, раннее средневековье, Испанская церковь.

К середине VII века в Вестготской Испании сложилась довольно трудная для королевской власти ситуация, при которой, как было рассказано в предыдущей публикации автора, династическая власть была юридически ликвидирована [1, с. 29] ещё на IV Толедском соборе [2, с. 75], но последовательные попытки сохранить власть за одной династией продолжались: сперва избранный на Толедском соборе Хинтила передал власть своему сыну Тульге [3, с. 254], но уже в 642 году Тульга был свергнут без всякого сопротивления церкви [4, с. 233], несмотря на то, что на трёх предыдущих Толедских соборах [5, с. 2] духовенство закрепляло строжайшие наказания для узурпаторов. Правление же Хиндасвинта, которого церковь считала удобным для себя королём [6, с. 299], поддерживав его кандидатуру, напротив, стало для

духовенства трудным испытанием, но полноценным давлением удалось преодолеть лишь оставшееся сопротивление знати, как считает Э. Томпсон [7, с. 211], но церковь в долгосрочной перспективе остановить не удалось. Правление сына Хиндасвинта, Реккесвинта, который также был, вопреки законодательству, назначен своим отцом, оказалось предвестником к дальнейшему кризису, поскольку и он отказался от попыток привести на престол наследника [8, с. 228]. Реккесвинт, несмотря на множество принятых законов для «Вестготской правды», был вынужден идти на уступки церкви, к примеру, ограничивая собственную «жадность» на VIII соборе [9, с. 12], вследствие чего не удалось окончательно преодолеть угасший с момента прихода на престол его отца кризис. Тем не менее, правление Хиндасвинта и Реккесвинта в

итоге оказалось достаточно спокойным для Вестготского королевства, а в новую фазу кризис вступил лишь с правлением законно избранного Вамбы.

После смерти сделавшему заметные уступки церкви короля Реккесвинта, на трон восходит Вамба, сведения о предыдущей жизни которого довольно скудны, тем не менее, есть предположение о его предыдущей деятельности. В одном из постановлений Десятого Толедского Собора содержатся строки, в которых указано, что некий Вамба передал Реккесвинту завещание епископа Мартина из Браги [10, с. 6]. Из этого предложения, если речь идёт действительно о том самом Вамбе, можно сделать вывод, что будущий король был каким-то образом связан с церковью, тем не менее, за недолгое правление Вамбы собор созывался только один раз (и также был созван Брагский собор [11, с. 44], о роли которого также будет сказано отдельно).

Итак, в хрониках, например, в «Хронике Альфонсо III» представляется следующий взгляд на начало правления Вамбы: «После того как он (Реккесвинт) расстался с жизнью и был похоронен, королем единогласно провозгласили Вамбу в 710 году (672 год). Сначала Вамба отказывался принять власть, но в конце концов, должен был уступить требованию войска. Его немедленно доставили в Толедо и помазали на царствование в церкви Св. Марии. Во время церемонии все видели, как пчела взлетела с головы Вамбы и взмыла к небесам. Этот знак был дан Господом во имя будущих побед, которым суждено случиться» [12, с.1]. Здесь стоит обратить внимание на два момента. Первый – нежелание Вамбы принимать власть, которое также может говорить о его принадлежности к церкви и священном отношении к самому институту монархии, честь которого соборы тщательно защищали в последние сто лет. Также интересно, что в «Истории короля Вамбы», значимость которого для характеристики его правления будет объяснена далее, описаны именно угрозы, поступавшие Вамбе с целью убедить его возглавить королевство. Р. Коллинз подвергает честность данного утверждения сомнениям, упоминая, что проблемы с признанием короля начались сразу же после избрания [13, с. 93]. Второй – знамение, описанное автором хроники, характеризующего правление Вамбы спустя сто лет как правление побед в противопоставление Эрвигу. Схожее описание содержится и в «Истории Вамбы», а слова о правлении благоденствия и побед, также сказанные Юлианом, характеризуют автора как убеждённого на тот момент сторонника Вамбы. Такие характеристики, идущие вразрез, например, с участием церкви и лично Юлиана в свержении Вамбы, позволяют нам предположить, также в поддержку гипотезы об изначальной связи Вамбы с церковью, что новый король был нарочно выдвинут и поддержан представителями духовенства как удобный и податливый для манипуляции им, особенно после правления Реккесвинта. О прочных связях Вамбы

с церковью говорит и Хиллгарт, который отмечает, что Вамба единственный из королей на собственных монетах чеканил крест, как бы подчёркивая демонстративную набожность [14, с. 9].

Итак, одним из первых признаков будущего кризиса, который разгорится уже после правления Вамбы, стал галльский мятеж. В «Истории короля Вамбы» Галлия описана как земля предателей и мятежников [15, с. 178], а особое внимание здесь уделено мятежу Павла, который, как и Юдила много лет назад на юге Испании, попытался объявить себя королём, присвоив себе и титул Flavius [15, с. 178]. Мы видим, что северная часть Испании всё ещё оставалась непокорной, а Юлиан в «Истории Вамбы» посвящает Галлии гневные строки: «И что странного в том, что Испания была лучше тебя, она, которая прежде защищала тебя и была тебе союзником в опасности и, когда тебя завоевывали, готова была скорее отдать себя на растерзание врагам? Достойна удивления такая расстановка сил: сколько в тебе жестокости, столько в испанцах милосердия» [15, с. 181]. Тем не менее, как полагает Томпсон, в восстании, несмотря на римское имя Павла, принимали участие главным образом вестготы, которые и стремились возвести другого кандидата вместо Вамбы [7, с. 226], данное утверждение вполне подтверждается именами, приведёнными в дальнейшем протоколе обвинения, большинство из которых являются вестготскими [15, с. 177]. Таким образом, галльский мятеж, в отличие от большинства предыдущих мятежей, ярко говорит уже о том, что в вестготском обществе назревал кризис уже связанный с наследованием королевства, который особенно ярко разгорелся после принятия законов, ликвидировавших наследственность монархии. Вамба точно так же, как и Юлиан, не видел этого внутреннего кризиса, поэтому даже закон, опубликованный после этого восстания, был назван не «о мятежах», а «о войнах» [11, с. 233], что в данном контексте подразумевает внешнее вмешательство. Несмотря на то, что этот мятеж в пропаганде вестготов назывался внешним вмешательством, он и был, в сущности, мятежом, с учётом того, что Павел входил в число претендентов на трон ещё в эпоху Реккесвинта и участвовал в передаче титула Вамбе [16, с. 30]. Как пишет Томпсон, Вамба также проявил относительную милость к поверженным, не став ослеплять их, а лишив их имущества и отправив в изгнание [7, с. 225], тем самым проявив жест доброй воли по отношению к мятежной знати, с которой всё-таки стремился примириться.

«История» Вамбы, тем не менее, оказалась значимой в дальнейшем, уже применительно к Каролингской эпохе. Так, Павел Диакон использовал схожие приёмы в описании мятежей в Лангобардском королевстве, характеризуя восстания уже как внутреннее противодействие королям и посягательство на саму священную королевскую власть [17, с. 121]. В целом, «История Вамбы» актив-

но переписывалась уже в Каролингскую эпоху, ей, в частности, описанной церемонией помазания, которая была первой в христианском мире [18, с. 44], вдохновлялся уже Пипин Короткий [19, с. 129].

Также, как считает Ю.Б. Циркин, данное восстание показало и слабость вестготской армии [20, с. 296], в чём соглашается с ним и Э. Джеймс, обозначая, что это был наиболее серьёзный из мятежей со времён даже 630-х годов, когда вестготская армия после войн с византийцами находилась в состоянии пика [21, с. 189]. Кроме того, несмотря на кратковременное усиление домината со времён Хиндасвинта, мятеж в Галлии был далеко не единственным с 630-х годов, что также показывает относительное ослабление королевской власти по сравнению с началом века до Свинтилы. Именно по этой причине Вамба также издал ряд законов, которые в дальнейшем и привели его к свержению.

Данный закон был опубликован в «Вестготской правде» и называется «О войнах». Этот закон подразумевал, что в случае войны каждый епископ, магнат, королевский дружинник или любое другое лицо, будет призвано на войну. Как сообщает А.Р. Корсунский, схожий закон о всеобщем ополчении существовал ещё со времён древнегерманских обычаев [22, с. 275–276], однако в текущем виде закон претерпел заметные изменения. Во-первых, в данном законе прописана и система наказаний, к примеру, миряне за нарушение закона оказывались в рабстве, а также подвергались пыткам [11, с. 733], а духовенство подвергалось ссылке, а их имущество переходило в руки государства, во-вторых, как сообщает Гарсия Морено, Вамба требовал привести зависящую от объёма землевладения часть рабов в армию в случае войны [23, с. 173]. Здесь также можно провести и параллель с реформами Диоклетиана, установившего требование от римских землевладельцев поставлять определённое число рабов в римскую армию в случае войны. Из этого можно сделать вывод, что Вамба пытался полностью подчинить себе как церковь, так и аристократию, видя в них угрозу своему государству. Положения, касающиеся клириков, которые в эпоху Хиндасвинта были всё ещё достаточно мягкими, при Вамбе были намного более суровыми.

Также Ливермором приводится факт ограничения Вамбой чеканки монет исключительно до провинции Толедо [8, с. 237]. Данное ограничение вполне понятно – Вамба стремился ликвидировать региональный сепаратизм на примере той же Галлии, когда чеканка денег привела к производству отдельных монет с Флавием Павлом. Вамба сумел в целом подавить региональный сепаратизм – против короны практически не было в будущем региональных мятежей. Однако решения, касающиеся созыва церковных соборов, по сути своей, лишь укрепили дальнейший раскол уже внутри готского общества.

Здесь также стоит обратиться к обстоятельствам, при которых созывался уже одиннадцатый Толедский собор в 675 году. На самом соборе не было принято каких-либо касающихся государства положений, все из них касались церковных порядков, как в случае Десятого собора при Реккесвинте [24, с. 1]. Здесь стоит отметить тенденцию церкви к централизации: так, в третьем постановлении указано о недопущении разнообразия церковных должностей в провинции [24, с. 3]. Также на данном соборе духовенству запрещалось заниматься самостоятельным судом [24, с. 6]. Такие меры в целом сообщают о том, что Вамба всё же пытался, пока его власть ещё была сильна, установить королевскую монополию на применение силы. Однако, как сообщает Ю.Б. Циркин, Вамба также созвал и отдельный собор в провинции Галисия [20, с. 299], что, как считает автор, говорит о том, что Вамба видел опасность для своей власти в Толедских соборах и стремился подорвать их авторитет через подконтрольную часть церкви. С такими выводами не соглашаются Ауров [25, с. 122] и Корсунский [22, с. 264], считающие, что церковь в основном была подконтрольной королям. Тем не менее, здесь уместнее будет согласиться с Циркиным, поскольку необходимость созывать отдельные соборы вряд ли бы существовала, будь Толедские полностью подвластными королям, что подтверждают и предыдущие соборы, которые заметно ограничили власть монарха и постепенно обеспечили переход власти к епископам. Поэтому, исходя из этого факта, говорить о какой-либо «симфонии» монархов и епископата почти не представляется возможным. Также, как пишет Томпсон, церковь настаивала на созыве региональных соборов [7, с. 277], это говорит о том, что созыв галисийского собора только усугубил внутренний раскол страны.

Также, как считает Арсе в книге «Интерпретация трансформаций людей и ландшафтов в поздней Античности и раннем Средневековье», между королём и епископами был «мощный союз» [26, с. 24], направленный против знати, тем не менее, как также показывали обстоятельства середины века, церковь выступала лишь формальным гарантом власти короля, а её решения, формально направленные на сохранение института монархии, практически не работали в необходимом виде, оправдывая главным образом лишь потенциально удобного для церкви монарха. В этом смысле церковь действительно превратилась в аналог римского сената, только, на сей раз, достаточно сильного, чтобы противостоять вестготскому доминату. Вамба же, стремясь создать альтернативный орган церковной власти на региональной основе, лишь поспособствовал расколу вестготского общества на манер сепаратизма кризиса III века.

Также стоит отметить два закона, принятых Вамбой и также направленных на ограничение прав церкви. Так,

например, закон из IV книги «Вестготской правды» [11, с. 601] запрещал епископам отчуждать чужое имущество и снимал срок давности по части отчуждения, требуя возместить ущерб за уже отнятое имущество. Таким образом, как считает Ю.Б. Циркин, Вамба в большей степени сумел отвратить от себя церковь по сравнению со своими предшественниками Реккесвинтом и Хиндасвинтом [20, с. 300]. С данным выводом можно в целом согласиться, тем не менее, решительная деятельность Вамбы в попытках ограничения власти церкви характеризует то, что церковь усилила свои позиции даже за время контроля за ней со стороны предшественников Вамбы. Ещё один закон подразумевал переход вольноотпущенников церкви к королю, что также можно трактовать как попытку Вамбы сформировать за собой слой подконтрольных ему людей наподобие Хиндасвинта, пытавшегося сформировать такие слои в сфере знати и духовенства.

Таким образом, если подводить итоги второго вестготского домината, то можно сказать, что период усиления королевской власти времён Хиндасвинта, Реккесвинта и Вамбы лишь ненадолго прервал кризис, установившийся благодаря участию церкви и отчасти знати в свержении Свинтилы. Внешнее усиление позиций короля, выразившееся в принятии многочисленных законов уже от имени короля, тем не менее, подрывалось ярким сопротивлением со стороны церкви, стремившейся ограничить всех трёх монархов возрождённого домината. Стоит также заметить, что, по-видимому, Реккесвинт и Вамба практически не принимали законов, направленных против знати, что может говорить о подавлении её могущества ещё Хиндасвинтом. На момент отстранения от престола Вамбы позиции церкви были настолько сильны, что дальнейшие монархи, по сути, превратились в её марионеток. Итак, как был сделан вывод в конце предыдущей главы, основной целью Вамбы являлось ликвидировать возросшую силу церкви, из-за чего той и было необходимо в срочном порядке всё же установить покорного ей короля на троне, а Эрвиг, как считает Ауров, был тем самым выгодным ставленником церкви [11, с. 45]. Но, как и в случае с Сисенандом, церковь добилась лишь кризиса на своей территории. Вот как описывает обстоятельства заговора против Вамбы, организованного сыном племянницы Хиндасвинта Эрвигом, декрет Двенадцатого Толедского собора, созванного в 681 году: «Действительно, в таком порядке Эрвиг, владыка царства, вззошел на вершину и, будучи помазан на царство, принял власть, свидетельствует нам послания (Вамбы), в котором известны заповеди и принятие покаяния князя Вамбы, и владение королевством передаётся во имя этого короля нашего. То есть, пока Вамба, боясь своей неотвратимой гибели, прошёл должное покаяние и приняв священный постриг, вскоре после написания сего послания, сей прославленный владыка наш Эрвиг принял после него королевство и помазан был его священническим благословением» [27, с. 1]. «Хрони-

ка Альфонсо III» передаёт примерно аналогичные сведения, сообщая, помимо этого, что Вамба был отравлен в результате заговора, совершённого знатным человеком византийского происхождения Эрвигом, сыном племянницы Хиндасвинта [12, с. 2]. На инициатора заговора также намекают следующие строки: «Вышеупомянутому человеку также было дано другое известие от имени нашего достопочтенного и святейшего брата Юлиана Толедского, епископа престола, где он поручил ему, чтобы со всем порядком усердия, он должен помазать нашего вышеупомянутого господина Эрвига в королевстве» [27, с. 1]. Дитрих Клауде справедливо считает такие обстоятельства верхом цинизма над короной [28, с. 137].

Таким образом, мы видим, что церкви на этот момент было необходимо в срочном порядке легализовать правление Эрвига, и именно Юлиан Толедский выступил инициатором свержения Вамбы. О незаконности поступления Эрвига на престол говорит не только то, что формально он был назначен на престол Вамбой, как следует из канонов собора, но и тот факт, что не-вестготам было запрещено становиться королями, так как Эрвиг, если исходить из текста «Хроники Альфонсо III», был по происхождению наполовину византийцем, а не чистым вестготом. Из этих обстоятельств можно сделать вывод, что, переворот, организованный под видом чистосердечного отречения Вамбы, окончательно пошатнул все законы, установленные тремя королями и укреплявшими королевскую власть, а законы, так усердно защищавшие королевскую власть от надругательства, оказались формальными.

Если говорить о самом правлении Эрвига, то здесь мнения и историографии, и летописцев расходятся. Так, Клауде считает, что Эрвиг не был слабым правителем, отменяя законы предшественника лишь потому, что они доказывали на практике свою неэффективность [28, с. 138], с ним соглашается в этом и Ауров, выделяя его активную законотворческую деятельность [11, с. 45]. В «Хронике Альфонсо III» Эрвиг также назван в большей степени добрым и милостивым правителем, с чем не соглашается Ю.Б. Циркин, который отмечает большое количество антииудейских законов, принятых Эрвигом, в частности, внимания заслуживают законы, запрещавшие иудеям каким-либо образом препятствовать крещению христиан или накладывать на них неволю [27, с. 8]. Как также отмечает Циркин [Циркин 303], подобная практика являлась некой реакцией на приостановку преследования евреев во времена относительно непокорных церкви Хиндасвинта, Реккесвинта и Вамбы. Другое постановление, к примеру, касалось просящих об убежище в церкви – получившим убежище запрещалось самостоятельно покидать её на расстояние более тридцати шагов [27, с. 8], точно там же была установлена регулярность региональных синодов, а опоздавшим на них грозило отлучение от церкви [27, с. 12]. Таким образом,

с мнением Клауде относительно того, что Эрвиг был самостоятельным правителем, невозможно в полной мере согласиться – политика Эрвига являлась в большей степени про-церковной в противовес предшественникам. Так, стоит отметить и смягчение закона Вамбы о военной службе – на сей раз, согласно нему, вольные подданные короны обязаны были передать лишь десятую часть своих рабов на военную службу, тогда как церковь и вовсе лишилась необходимости выставлять своих рабов. Все постановления Двенадцатого собора Эрвиг также вынес в отдельный закон, внесённый в «Книгу приговоров», где также отдельно подчеркнул священность решений данного собора [11, с. 767]. Также, как сообщает Э. Томпсон, Эрвиг в 683 году списал все долги по рабам [7, с. 233]. Таким образом, Эрвиг также подверг Вестготскую правду полному пересмотру, ликвидировав ряд законов и Реккесвинта, и Вамбы, окончательно восстанавливая за духовенством все привилегии. Помимо этого, как пишет Ю.Б. Циркин, королевство вестготов на момент правления Эрвига с 680 по 687 годы подверглось опустению [20, с. 304], что также позволяет говорить о наличии репрессий в королевстве из-за эмиграции, вопреки сказанному в «Хронике Альфонсо III» о миролюбии Эрвига. При всём этом, если изучить текст всё того же Двенадцатого собора, то можно увидеть, к кому был действительно терпим и лоялен Эрвиг. Так, в первом же декрете написано следующее: «И поэтому, освободив народ от всякой клятвы, которая, как утверждалось, была дана вышеупомянутому Вамбе, когда он еще владел царством...», что в контексте правления Эрвига характеризуется как прямой отказ от неудобных для церкви законов, принятых в эпоху правления Вамбы [27, с. 1]. В этом же декрете в очередной раз, уже по традициям 630-х годов, описана анафема за мятеж против короля – то, что практически отсутствовало в постановлениях соборов при Хиндасвинте, Реккесвинте и Вамбе как излишество. Также, учитывая упомянутую массовую эмиграцию из королевства, можно предположить, что данный декрет всё же сработал, особенно против тех, кто ранее высказывался не в

пользу Эрвига.

Таким образом, можно подтвердить основной, рассматриваемый в историографии, тезис, что правление Эрвига ознаменовало собой последний кризис Вестготского государства, окончивший его существование. В его правление большинство законов были направлены на то, чтобы окончательно ликвидировать попытки возрождения в Вестготском государстве «домината». Церковь в правление Эрвига окончательно берёт в свои руки всю власть, а Эрвиг и дальнейшие короли за счёт установленной правовой базы полностью становятся её (церкви) марионетками.

Если попытаться охарактеризовать период правления Вамбы и Эрвига в целом, то мы видим, что за 15 лет правления обоих правителей Вестготское королевство вновь вышло на пик кризиса, начавшегося ещё в 630-х годах. По сути, то, что происходило в этот период, явилось следствием двух факторов – избыточных законов о защите королей, которые не спасли в итоге двух монархов (Тульга и Вамба) и укрепления власти церкви, которая также мешала установлению династического правления. Мятеж Павла, описанный в «Истории короля Вамбы» носил исключительно внутренний характер, а не внешний, вопреки пропаганде внутри королевства. Стоит также заметить, что подобных мятежей практически не было в эпоху династического правления потомков Леовигильда, т.е. до низложения Свинтили в 631 году. Попытки Вамбы спасти ситуацию и предотвратить кризис через законы, ограничивавшие права церкви, оказались напрасными после подстроенного церковью и де-юре законного отстранения короля, тогда как правление Эрвига оказалось крайне удобным для духовенства, последовательно приводившего Испанию в упадок почти с начала века. Таким образом, политика Толедских соборов, разрушившая авторитет самого института монархии, в эпоху правления Вамбы и Эрвига, противоположных по стилю управления королей, достигла своего апогея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шукин С.В. Толедские соборы и Вестготская монархия в 630-е годы: Ограничение или гарантия власти короля? // Клио. 2024. № 6 (210). С. 24-32.
2. Concilium Toletanum quartum // benedictus.mgh [Электронный ресурс]. URL: https://www.benedictus.mgh.de/quellen/chga/chga_046t.htm (дата обращения 15.11.2025)
3. Тимофеев М. А. Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха возрождения. М.: Юрист, 1996. 574 с.
4. Шмидт Г.А. Хроники Фредегара. СПб.; М.: Евразия; ИД «Клио», 2015. 464 с.
5. Concilium Toletanum quintum // benedictus.mgh [Электронный ресурс]. URL: https://www.benedictus.mgh.de/quellen/chga/chga_048t.htm (дата обращения 15.11.2025)
6. Orlandis, J. Historia Reino Visigodo Español. Los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid: Ediciones RIALP, 2003. 464 p.
7. Thompson, E.A. The Goths in Spain. Oxford: Clarendon Press, 1969. 373 p.
8. Livermore H.V. The Origins of Spain and Portugal. London: Allen and Unwin, 1971. 436 p.
9. Concilium Toletanum octavum // benedictus.mgh [Электронный ресурс]. URL: https://www.benedictus.mgh.de/quellen/chga/chga_051t.htm (дата обращения 15.11.2025)

10. Concilium Toletanum decimum // benedictus.mgh [Электронный ресурс]. URL: https://www.benedictus.mgh.de/quellen/chga/chga_053t.htm (дата обращения 15.11.2025)
11. Ауров О.В., Марей А.В. *Lex Visigothorum (Liber iudiciorum)* / Вестготская правда (Книга приговоров) // М: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 708 с.
12. *Chronica Adefonsi tertii regis* // humanidades [Электронный ресурс]. URL: <http://humanidades.cchs.csic.es/ih/paginas/fmh/rotensis.htm> (дата обращения 15.11.2025)
13. Collins, R. *Visigothic Spain*, 409–711. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 272 p.
14. Hillgarth J.N. St. Julian of Toledo in the Middle Ages // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, Vol. 21, No. 1/2 (Jan. - Jun., 1958), pp. 7-26.
15. Pizarro J.M. *The Story of Wamba: Julian of Toledo's Historia Wambae regis*. Washington: Catholic University of America Press, 2005. 280 p.
16. Chandler Cullen J. *Carolingian Catalonia: Politics, Culture, and Identity in an Imperial Province, 778-987*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 336 p.
17. Cooper K., Leyser C. *Making Early Medieval Societies: Conflict and Belonging in the Latin West, 300–1200*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 345 p.
18. Collins R., 'Julian of Toledo and the Royal Succession in Late Seventh-Century Spain' / in *Early Medieval Kingship*, ed. Peter H. Sawyer and Ian N. Wood. Leeds: University of Leeds, 1979. 30–49.
19. Aurell J. *Medieval Self-Coronations: The History and Symbolism of a Ritual*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 340 p.
20. Циркин Ю.Б. *Испания от античности к средневековью*. СПб: Нестор-История, 2010. 462 с.
21. James, E., *Visigothic Spain: New Approaches* Oxford: Oxford University Press, 1980. 303 p.
22. Корсунский А.Р. *Готская Испания. Очерки социально-экономической и политической истории*. М.: Издательство Московского университета, 1969. 326 с.
23. García Moreno L.A. *La historia de España visigoda*. Madrid: Ediciones Cátedra, 1998, 392 p.
24. Concilium Toletanum undecimum // benedictus.mgh [Электронный ресурс]. URL: https://www.benedictus.mgh.de/quellen/chga/chga_054t.htm (дата обращения 15.11.2025)
25. Ауров О.В. *Испания в эпоху вестготов*. СПб: Евразия, 2019. 224 с.
26. Diarte-Blasco P., Christie N.: *Interpreting transformations of people and landscapes in late Antiquity and the early Middle ages: Archaeological approaches and issues*. Havertown: Oxbow Books, 2018. 218 p.
27. Concilium Toletanum duodecimum // benedictus.mgh [Электронный ресурс]. URL: https://www.benedictus.mgh.de/quellen/chga/chga_055t.htm (дата обращения 15.11.2025)
28. Клауде Д. *История вестготов*. / пер. с нем. Иванова С.В. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002. 257 с.

© Щукин Сергей Владимирович (st061190@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ С РЕЧЕВЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

MODERN GAME TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF THE GRAMMATICAL STRUCTURE OF SPEECH IN PRESCHOOL CHILDREN WITH SPEECH DISORDERS

**О. Bobkova
A. Gamayunova
A. Fokina**

Summary: This article examines the development of grammatical speech in preschool children with speech impairments. The authors analyze the potential of lapbook games in speech therapist work in this area. Based on the results of a preliminary study by O. V. Bobkova, A. N. Gamayunova, and A. S. Fokina, they draw conclusions about the nature of grammar deficits in their native language in preschool children with general speech underdevelopment and propose a set of educational games using lapbook technology to address these deficits.

Keywords: gaming technologies, lapbook, grammatical structure of speech, formation, preschoolers, speech disorders.

Бобкова Ольга Валерьевна

К. п. н., доцент, Мордовский государственный
педагогический университет имени М.Е. Евсевьева
(г. Саранск)

bobkova7@yandex.ru

Гамаюнова Антонина Николаевна

К. п. н., доцент, Мордовский государственный
педагогический университет имени М.Е. Евсевьева
(г. Саранск)

gataenova@yandex.ru

Фокина Анжелика Сергеевна

Мордовский государственный педагогический
университет имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск)

kutuzova.anzhe@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования грамматического строя речи у дошкольников с речевыми нарушениями. Авторами анализируются возможности применения игр с лэпбуком в работе логопеда по данному направлению. На основе результатов констатирующего исследования О.В. Бобковой, А.Н. Гамаюновой и А.С. Фокиной делаются выводы о характере дефицитов в овладении грамматикой родного языка у дошкольников с общим недоразвитием речи и предлагается комплекс дидактических игр с использованием технологии лэпбука для их преодоления.

Ключевые слова: игровые технологии, лэпбук, грамматический строй речи, формирование, дошкольники, нарушения речи.

О владение нормами родного литературного языка является одной из основ развития личности и базовым условием успешного обучения ребенка в школе. Дошкольный возраст – важнейший период в развитии речи. В это время ребенок осваивает все ее компоненты (звукопроизношение, лексический состав, грамматический строй, построение связного высказывания) и нарушение в процессе формирования любого из них негативно влияет на качество остальных. Согласно требованиям ФГОС ДО, уровень владения старшим дошкольником речью как средством общения и знание им языковых норм является критерием оценки его готовности к школе.

Понятием «грамматический строй речи» определяется система категорий и правил языка, на основе которых слова соединяются в высказывания, обладающее смысловой и интонационной законченностью. Компонентами грамматики являются: морфология, синтаксис и словообразование. Качественное грамматическое оформление предложений определяет как точность выражения собственной мысли, так и способность понимать речь дру-

гих людей [6].

Согласно данным исследований А. Н. Гвоздева, процесс становления грамматического строя речи у дошкольников проходит в три этапа, последовательная смена которых связана с усложнением использования способов связи слов в словосочетаниях и предложениях. При этом исследователь в числе множества факторов, оказывающих влияние на процесс овладения дошкольниками компонентами грамматики, выделяет общие психофизиологические закономерности их развития (качество нервных процессов, развитие внимания, мышления), а также состояние фонематического слуха и речедвигательного аппарата. Любой их недостаток становится причиной нарушения в становлении рассматриваемого компонента речевого развития ребенка [4].

Усиливающееся негативное влияние социальных факторов (недостаток внимания и общения со взрослыми, неблагоприятная обстановка в семье, увлеченность гаджетами и др.) наряду с традиционно называемыми исследователями биологическими причинами наруше-

ний речевого развития (заболевания матери и гипоксия плода в период беременности, нейроинфекции у ребенка после рождения и т. д.) обусловило рост числа детей, имеющих системное речевое нарушение – общее недоразвитие речи.

Данное нарушение речевого развития характеризуется проблемами формирования всех сторон речи – звукопроизносительной, лексико-грамматической, семантической, при сохранном интеллекте и слухе [1].

По данным ученых (Н.С. Жукова, Р.И. Лалаева, Р.Е. Левина, Н.В. Серебрякова, Л.Ф. Спирова, Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина, С.Н. Шаховская и др.) аграмматизмы и нарушения синтаксической структуры предложения характерны для дошкольников с общим недоразвитием речи.

Нами было проведено изучение уровня сформированности грамматического строя речи у старших дошкольников с логопедическим заключением «Общее недоразвитие речи (III уровень речевого развития)». В констатирующем эксперименте принимали участие 11 детей в возрасте 5–6 лет – воспитанников подготовительной группы МБДОУ «Детский сад № 4», г. Рыбное Рязанской области.

В констатирующем эксперименте была использована модификация методики «Диагностика устной речи дошкольников» (Т.А. Фотекова, Т.В. Ахутина, Е.В. Мазанова) [2].

Наглядно количественные результаты, демонстрирующие распределение испытуемых по уровню сформированности грамматического строя речи, представлены на рисунке 1.

Анализ полученных данных показал наличие у испытуемых комплекса недостатков в овладении грамматическим строем языка, несмотря на регулярное посещение ими логопедических занятий. Дошкольники не только демонстрировали значительную ограниченность лексики, но также испытывали выраженные трудности при образовании новых слов. В их речи присутствовали множественные аграмматизмы: неправильные фор-

мы окончаний в родительном падеже существительных множественного числа (например, «много стулов», «много ягодов»); неверное образование слов в предложном падеже (например, «в шкафе», «в снеге»); искажение формы глаголов (например, «рисоваю», «стеру» вместо «сотру», «резаю ножнице»). Часто нами отмечались у испытуемых недостатки согласования в прилагательных и существительных в роде (например, «синий машина», «большая арбуз»).

Нами было отмечено, что недостатки в овладении грамматикой родного языка затрудняют для дошкольников с общим недоразвитием речи понимание смысла чужих высказываний и их верификацию. Почти половина испытуемых (45,5 %) не замечала искажений грамматических норм в произносимых экспериментатором фразах. Оставшаяся часть участников эксперимента (54,5 %) допускала от двух до пяти ошибок, пытаясь исправить неверное согласование слов в предложениях и неадекватный выбор предлогов.

Самостоятельное использование предлогов при составлении словосочетаний и предложений, их согласование с существительными вызывало наибольшие сложности у детей с речевыми нарушениями. Так, более половины испытуемых (63,6 %) выбирали предлоги неадекватно, искажая при этом смысл высказывания, или использовали неправильные окончания существительных (например, «Пошли на лес», «Поставил стакан в столу»).

По результатам анализа данных констатирующего эксперимента нами был сделан вывод о том, что достигнутый уровень сформированности грамматических умений старших дошкольников с общим недоразвитием речи недостаточен для дальнейшего успешного обучения в школе.

Как отмечает Е.И. Тихеева, овладение правилами употребления форм слов разных частей речи и построения словосочетаний и предложений является длительным и трудным процессом для детей в силу сложности грамматической системы русского языка. Его специфика на каждом этапе обусловлена особенностями возраста и

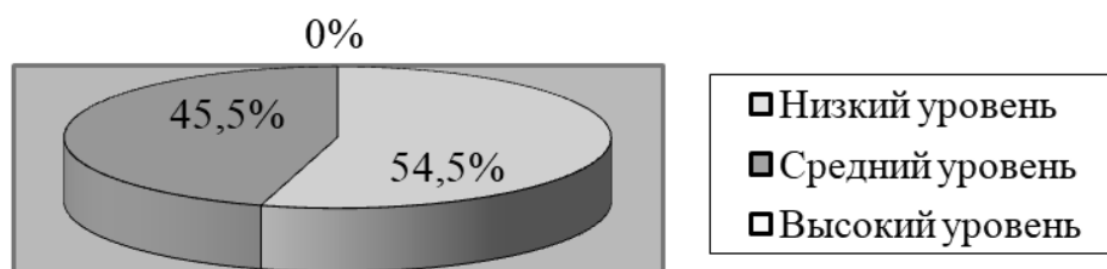

Рис. 1. Распределение старших дошкольников с общим недоразвитием речи по уровню сформированности грамматического строя речи (по данным констатирующего эксперимента)

закономерностями усвоения морфологической и синтаксической сторон речи [6].

Наличие у ребенка системного нарушения речи усугубляет указанные трудности. Усвоение им грамматических норм требует гораздо больше времени и усилий, что обуславливает обязательность целенаправленной и систематической коррекционной работы по поданному направлению. Исследователями (М.М. Алексеева, А.Г. Арушанова, Л.Н. Ефименкова, Н.С. Жукова, С.Н. Коновалов, Р.И. Лалаева, А.М. Леушина, Е.М. Мاستюкова, Н.В. Серебрякова, Е.И. Тихеева, Т.А. Ткаченко, А.П. Усова, Т.Б. Филичева, Г.В. Чиркина, В.И. Яшина и др.) определены направления и описаны методы логопедической работы по развитию лексико-грамматического строя речи у детей с речевыми нарушениями. Авторами предложено большое количество разнообразных заданий, направленных на формирование у детей грамматических навыков. В то же время, выявленные дефициты грамматических умений свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования методов формирования грамматического строя речи дошкольников.

Деятельность логопеда базируется на ряде принципов: системности и учета структуры речевого нарушения; принципе комплексности; онтогенетическом принципе; принципе деятельности; принципе учета зоны «ближайшего развития»; общедидактических принципах; принципе наглядности.

Овладение ребенком практическими умениями употребления форм слов и построения словосочетаний и предложений происходит в процессе деятельности. Поскольку ведущим ее видом для дошкольника является игра, наиболее эффективно работа проводится с применением дидактических игр и игровых упражнений с грамматическим содержанием [3].

Игры – традиционный метод работы, широко используемый и привычный детям. Зачастую, хорошо знакомые игры не вызывают у них большого интереса. Вместе с тем, для поддержания интереса и повышения эффективности логопедического воздействия необходимы новые виды деятельности и технологии. К их числу можно отнести современную игровую технологию «Лэпбук». Ее основой является создание самодельной интерактивной папки, позволяющей представить систематизированный комплекс игр, направленных на формирование грамматического строя речи.

С целью повышения эффективности работы по формированию грамматического строя речи у дошкольников с общим недоразвитием речи, нами был разработан лэпбук «Маленькое привидение».

Идея создания лэпбука «Маленькое привидение»

для формирующего эксперимента обусловлена необходимостью разработки максимально вовлекающего и эмоционально значимого для дошкольников игрового сюжета, способного эффективно мотивировать их к выполнению речевых заданий, направленных на формирование грамматического строя речи. «Привидение» – образ, который вызывает сочувствие и желание помочь, особенно когда речь идет о «маленьком» существе, которое по воле «злых чар» или ошибок (что соответствует коррекционной направленности работы) не может быть рядом со своими родителями. Таким образом, у детей формируется сильная игровая мотивация и эмпатия, поскольку выполнение ими игровых заданий становится средством достижения благородной цели – спасения и возвращения главного героя домой к своим родителям.

Лэпбук является тематическим и перед началом работы с ним детям давалось общее задание, которое возможно выполнить только в завершении всей работы с пособием. Каждое правильно выполненное задание приносит дошкольникам «приз», которые они в дальнейшем обменивают на главный артефакт, позволяющий «привидению» превратиться в обычного мальчика и воссоединиться с семьей. Это превращение служит финальной эмоциональной кульминацией и позитивным подкреплением их усилий, подчеркивая, что их старания имеют не только учебный, но и глубокий личностный смысл, делая процесс формирования грамматического строя речи осознанным, целенаправленным и высокоэффективным в рамках игрового сценария.

Разработанный лэпбук вариативен (представленные материалы доступны для детей и сменяемы), многофункционален (может служить нескольким целям и использоваться как на индивидуальных, так и на групповых занятиях), насыщен (представлен значительный и разнообразный объем информации), доступен для детей дошкольного возраста.

При разработке лэпбука использовались яркие и понятные для ребенка старшего дошкольного возраста иллюстрации и материалы для игр, представленные в разнообразных форматах (липучки, конверты, пазлы, карточки с изображениями предметов т.д.). Каждая его страница представляет ребенку новое игровое задание, соответствующее направлению коррекционной работы по формированию грамматического строя речи.

Пособие отвечает всем современным требованиям дошкольного и специального образования, соответствует актуальным образовательным стандартам и законодательству Российской Федерации. Он представлен в виде книжки, включающей в себя разнообразные дидактические игры. Все материалы пособия организованы с помощью конвертов, карточек, иллюстраций и разнообразных элементов, которые прикрепляются с помощью

липучек.

В соответствии с задачами работы по формированию грамматического строя речи, лэпбук содержит семь ключевых разделов: 1) формирование умения образовывать существительные множественного числа в именительном и родительном падежах; 2) формирование умения образовывать прилагательные (относительные, качественные, притяжательные) от существительных; 3) формирование умения правильно согласовывать существительные с прилагательными, числительными, местоимениями; 4) формирование умения согласовывать слова в предложениях, используя предлоги; 5) формирование умения составлять предложения из слов в начальной форме; 6) формирование умения грамматически правильно строить простые и сложные предложения; 7) развитие умения верифицировать предложения.

С использованием пособия нами было проведено 35 занятий. Дидактические игры, составляющие содержание лэпбука «Маленькое привидение», проводились нами в рамках основной части индивидуального или подгруппового логопедического занятия.

На одном занятии использовалось не более двух – трех игр, включенных в содержание лэпбука. Общая продолжительность работы с каждой отдельной игрой составляла около 10 минут, в зависимости от сложности задания и темпа работы ребенка, при этом особое внимание уделялось созданию положительного эмоционального фона. От лица главного персонажа экспериментатором высказывалась благодарность и слова одобрения ребенку, выполнявшему игровое задание. Это поддерживало заинтересованность дошкольника и способствовало формированию у него мотивации к продолжению занятий.

Степень самостоятельности детей в работе с посо-

бием в начале формирующего эксперимента была минимальной. Логопед демонстрировал образец выполнения задания (например, правильное образование слова или составление предложения), сопровождал действия дошкольника подробной инструкцией и оказывал максимальную помощь (побуждающую, направляющую). По мере автоматизации речевых навыков, самостоятельность ребенка постепенно повышалась.

С целью анализа результатов работы по формированию грамматического строя речи у дошкольников с ОНР был проведен контрольный эксперимент. Испытуемыми в контрольном эксперименте выступили старшие дошкольники с логопедическим заключением «общее недоразвитие речи (III уровень речевого развития)», в количестве 22 человек. В их число вошли 11 дошкольников с общим недоразвитием речи, принимавших участие в формирующем эксперименте (экспериментальная группа), а также 11 их сверстников с аналогичным нарушением речи (контрольная группа). В контрольном эксперименте была использована методика аналогичная применявшейся в констатирующем эксперименте. Результаты выполнения заданий контрольного эксперимента испытуемыми обеих групп представлены нами на рисунке 2.

Сравнительный анализ результатов контрольного эксперимента подтвердил эффективность применения игр с лэпбуком в логопедической работе по формированию грамматического строя речи дошкольников с общим недоразвитием речи. Так, испытуемые экспериментальной группы продемонстрировали более высокий уровень сформированности грамматических умений: образовывать и употреблять грамматические формы и конструкции; анализировать структуру предложений, распознавать грамматические ошибки и осуществлять их верификацию. Среди них было на 27,2 % больше де-

Рис. 2. Распределение старших дошкольников с общим недоразвитием речи экспериментальной и контрольной групп по уровню сформированности грамматического строя речи (по результатам контрольного эксперимента)

тей, чей уровень сформированности грамматического строя речи был оценен нами как достаточно высокий (в сравнении с контрольной группой). При этом, число испытуемых экспериментальной группы, чей уровень сформированности указанных умений остался низким, было значительно меньше, в сравнении с контрольной группой.

Таким образом, работа по формированию грамматического строя у дошкольников с речевыми нарушениями – одно из ключевых направлений в работе логопеда. Вместе с тем, результаты экспериментального изучения демонстрируют наличие выраженных дефицитов в овладении грамматическими умениями у старших дошкольников с общим недоразвитием речи. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования существующих методов коррекционной работы.

Одним из основных методов в работе логопеда по формированию у дошкольников с речевыми нарушениями грамматических умений является игра, что обусловлено ее ролью ведущей деятельности в этом возрасте.

Игры широко применяются в логопедической практике, но использование таких новых игровых технологий, как «Лэпбук» позволяет значительно повысить эффективность их применения в коррекционной работе.

Сформулированная нами гипотеза о высоких потенциальных возможностях применения технологии «Лэпбук» в формировании грамматического строя речи дошкольников с общим недоразвитием речи была подтверждена в ходе экспериментальной работы. Как показали результаты контрольного эксперимента, включение в индивидуальные и групповые занятия с детьми данной категории комплекса игр с использованием материалов разработанного лэпбука «Маленькое приключение» позволило значительно повысить уровень сформированности у них грамматических умений: образовывать и употреблять грамматические формы и конструкции; анализировать структуру предложений, распознавать грамматические ошибки и осуществлять их верификацию. Это свидетельствует об эффективности игровой технологии «Лэпбук» в работе логопеда по данному направлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Е.Ф. Логопедическая помощь детям раннего возраста: учебное пособие. М.: Мозаика-Синтез, 2015. 251 с.
2. Ахутина Т.В., Фотекова Т.А. Диагностика речевых нарушений школьников: практическое пособие. М.: Издательство Юрайт, 2018. 175 с.
3. Безрукова М.А. Дидактическая игра как средство активизации познавательной деятельности школьника // Научные дискуссии. 2022. Т.2. №3. С. 15-16
4. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. СПб, М.: Детство-Пресс, Творческий центр Сфера, 2007. 470 с.
5. Меженцева Г.Н., Таранова, А.А. Особенности грамматического строя речи у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2020. №8-4(60). С. 58-59.
6. Тихеева Е.И. Развитие речи детей. М.: Издательство Юрайт, 2025. 161 с.

© Бобкова Ольга Валерьевна (bobkova7@yandex.ru), Гамаюнова Антонина Николаевна (gamaenova@yandex.ru),
Фокина Анжелика Сергеевна (kutuzova.anzhe@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЭВРИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Болдырева Дарья Сергеевна

Ассистент, ФГАОУ ВО Южный федеральный университет

(г. Ростов-на-Дону)

dzatona@sfnedu.ru

A MODEL FOR THE FORMATION OF HEURISTIC COMPETENCE OF FUTURE PRIMARY SCHOOL TEACHERS

D. Boldyreva

Summary: Modern education, according to the Federal State Educational Standard of Primary General Education (FGOS NOE), focuses on an active teacher who strives for professional growth, the study and application of new technologies that increase the effectiveness of the educational process. Currently, the problem of professional training of a specialist and his competence is an urgent one in education. The State educational standards state that primary education is the main and first stage of education. The main burden of responsibility lies with primary school teachers, who must have a high level of professional competence so that during their studies in primary school, younger students acquire their first knowledge of the world around them, communication skills and practical problem solving. The training of teaching staff requires quick decisions and modernization, because the education of younger students is updated annually and depends on the professionalism of the primary school teacher. In the article, the author offers a comprehensive model for the formation of heuristic competence of future primary school teachers, which will help in the training of teaching staff. Heuristic competence increases the professional level of a specialist, making him in demand in the labor market.

Keywords: primary school teacher, heuristics, heuristic competence, training model, graduate student.

Аннотация: Современное образование, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту начального общего образования (ФГОС НОО), акцентирует своё внимание на активном педагоге, стремящемся к профессиональному росту, изучению и применению новых технологий, которые повышают эффективность учебного процесса. В настоящее время в образовании является актуальной проблема профессиональной подготовки специалиста и его компетентности. В государственных образовательных стандартах указано, что начальное образование является основной и первой ступенью обучения. Основной груз ответственности возлагается на учителей начальной школы, которые должны обладать профессиональной компетентностью на высоком уровне, чтобы во время обучения в начальной школе младшие школьники приобретали первые знания об окружающем мире, навыки коммуникации и решения практических задач. Подготовка педагогических кадров требует быстрых решений и модернизации, потому что образование младших школьников ежегодно обновляется и зависит от профессионализма учителя начальных классов. В статье автор предлагает комплексную модель формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов, которая поможет в подготовки педагогических кадров. Эвристическая компетентность повышает профессиональный уровень специалиста, делая его востребованным на рынке труда.

Ключевые слова: учитель начальных классов, эвристика, эвристическая компетентность, модель подготовки, студент-выпускник.

На современном этапе развития образования востребованы учителя начальных классов, которые обладают высоким уровнем профессиональной компетентности и педагогического мастерства. Педагог сегодня должен быть мобильным, способным адаптироваться к изменяющемуся миру и обстоятельствам, профессионально и личностно развиваться, самореализовываться и саморазвиваться в педагогическом творчестве. Для поддержания своих знаний, умений и навыков будущий учитель начальных классов должен быть всегда готов к постоянному профессиональному росту. Курсы повышения квалификации, семинары, вебинары, симпозиумы, педагогические форумы и многое другое помогут будущему специалисту поддерживать на высоком уровне свои профессиональные компетенции и педагогическое мастерство.

В процессе профессиональной подготовки будущий учитель начальных классов должен овладеть самыми эффективными технологиями, повышающими качество обучения, позволяющими достигать результатов в более короткие временные сроки. Проблемой подготовки будущих учителей и формирования их готовности к педагогической деятельности занимаются ряд ученых. Особое значение для изучения проблематики нашего исследования имеют работы таких авторов, как Акпынар Л.Э., Григорьева-Голубева В.А., Данилова Н.Ю. и другие [1, 5, 6].

В процессе подготовки педагогических кадров инновации играют важную роль. Эвристическое обучение, по нашему мнению автора статьи, – это одна из инноваций XX–XXI века. Инновации и инновационные техноло-

гии в образовании рассматриваются как процесс освоения, использования новшества, введение новшества в цели, в содержание, методы, формы обучения и воспитания. Автор статьи рассмотрел работы, которые уделяют внимание инновационным технологиям в подготовке будущих учителей. Авторами этих работ являются такие ученые, как Бабенко Н.А., Бакланова Г.А., Витковская И.М. и другие [2, 3].

Ученые перечисленных выше исследований рассматривают подготовку педагогических кадров с разных позиций, однако, проблема подготовки будущих учителей начальных классов по-прежнему остаётся актуальной.

Цель исследования заключается в разработке модели формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов. Ведущая идея исследования состоит в том, что предложенная модель формирования эвристической компетентности повысит эффективность профессиональной подготовки будущих учителей начальных классов.

Методологическая основа исследования представлена совокупностью методологических подходов, среди которых среди которых экзистенциализм, диалектический материализм, системный, личностно ориентированный, компетентностный и деятельностный подходы.

Для достижения целей исследования использованы такие теоретические методы, как абстрагирование, анализ, обобщение, противопоставление, аналогия, сравнение. Материалами исследования являются научные труды психологического, философского, педагогического плана, работы, посвященные проблеме организации эвристического обучения, нормативные акты, которые регламентируют организацию начального образования и комплекс ключевых компетенций (ФГОС Начальное общее образование от 06.10.2009 N 373 (ред. от 11.12.2020); ФГОС 3++ 44.03.01 Педагогическое образование от 22.02.2018 N 121 (ред. от 08.02.2021) г.; ФГОС 44.06.01 Образование и педагогические науки от 30 июля 2014 г. N 902 (ред. от 30.04.2015). В настоящем исследовании также проведен анализ данных, представленных в открытых базах научной информации (Scopus, базы данных РИНЦ, Web of Science), а также включены материалы соответствующих тематике диссертаций, научно-педагогических форумов и конференций, работы, опубликованные в иностранных и отечественных периодических изданиях [10].

Одним из ключевых понятий технологий эвристического обучения является понятие «эвристическая компетентность». Изучив научные труды Афанасьевой И. Б., Гусевой Т.А., Остапенко С.В., Хуторского А.В. и других, четкого определения эвристической компетентности

не обнаружено, поэтому автор статьи предлагает её авторское определение. Эвристическая компетентность учителя начальных классов - способность и готовность учителя младших классов к творческому, креативному, мотивированному, логически определенному и рефлексивно направленному применению теоретического и эмпирического опыта учителя, ориентированного на успешное достижение образовательных целей с учетом реализации следующих компонентов:

- *теоретического* (знание предметной области, теории и методов эвристического обучения; метапредметной и междисциплинарной специфики образовательных уровней пространства школы; психологических и возрастных особенностей младших школьников);
- *ценностного* (сформированность ценностных ориентиров личности учителя для проектирования эвристической деятельности, развитие мотивации, реализация творческого подхода, логического и креативного мышления, рефлексии и волевых качеств);
- *деятельностного* (применение знаний, умений и навыков с учетом конкретной ситуации образовательного уровня младшей школы, проектирование, организация и реализация эвристического обучения на основе использования имитационных технологий эвристической деятельности);
- *информационно-аналитического* (использование новых информационных технологий в процессе составления и применения эвристических заданий и ситуаций, способность к определению критериев и параметров, анализу и мониторингу эвристической деятельности младших школьников).

Формирование эвристической компетентности у будущих учителей начальных классов имеет особое значение в их профессиональной подготовке, поскольку учитель, владеющий методами эвристического обучения, организует образовательный процесс эффективно, с усиленной исследовательской составляющей, что оказывает воздействие на развитие личности обучающегося.

Формирование эвристической компетентности у будущих учителей начальных классов должно осуществляться системно, поэтому мы предлагаем модель формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов, которая представлена на рисунке 1.

Рассмотрим данную модель подробно.

Она состоит из четырёх блоков: теоретического, диагностического, содержательно-технологического и

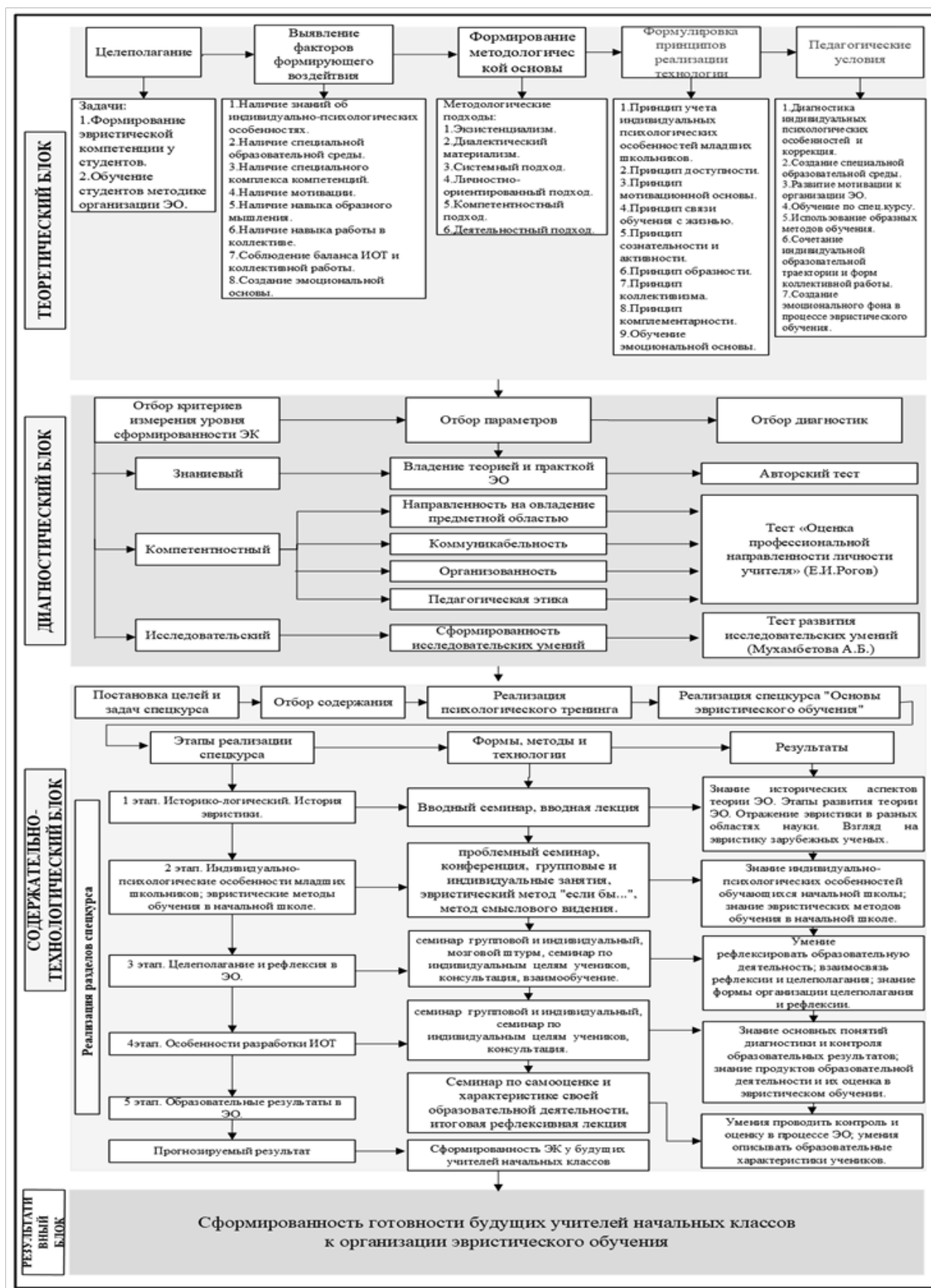

Рис. 1. Модель формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов

результативного блока, которые отражают сущностные особенности и деятельностную составляющую процесса.

Теоретический блок включает в себя целеполагание, выявление факторов, определяющих эффективность использования учителем методов эвристического обучения, формирование методологической основы, формулировку принципов реализации технологии и педагогические условия. Во время подготовки будущих учителей начальных классов к организации эвристического обучения важно решить две задачи: сформировать эвристическую компетенцию у студентов и обучить их методике организации эвристического обучения.

При разработке методологической основы для формирования эвристической компетентности у будущих учителей начальных классов мы опирались на выявленные нами факторы, определяющие эффективность использования учителем методов эвристического обучения, которые рассмотрим более подробно.

Наличие знаний об индивидуально-психологических особенностях младших школьников является одним из ключевых факторов при подготовке будущих учителей организации эвристического обучения. Понимание психологических особенностей обучающихся поможет учителям адаптировать технологии обучения и методы к каждому обучающемуся индивидуально. Данный фактор включает в себя понимание: сенсорных и когнитивных особенностей развития младших школьников, таких как внимание, мышление, речь, память, восприятие; эмоционально-личностных характеристик обучающихся; учет отдельных стилей обучения: визуальный, аудиальный и кинестетический. При использовании методов эвристического обучения в начальной школе необходимо учитывать психологические особенности младших школьников, на которых мы остановимся далее. Вслед за Н.А. Банько под индивидуально-психологическими особенностями мы понимаем «врожденные и приобретенные уникальные свойства, которые являются условиями психической активности человека и определяют специфику выполнения им какой-либо деятельности». Иначе говоря, это основы, механизмы, законы функционирования психики отдельного человека (темперамент, характер, эмоционально-волевые процессы, склонности и способности и т.д.) [4].

В период от 7 до 10 лет у младшего школьника появляется новая деятельность - учебная. Именно тот факт, что он становится обучающимся, накладывает совершенно новый отпечаток на его психологический облик и поведение. Обучающийся не просто овладевает определенным кругом знаний. Он учится учиться. Под воздействием учебной деятельности изменяется характер

мышления ребенка, его внимание, восприятие и речь (особенности коммуникации). Теперь положение младшего школьника в обществе - положение человека, который занят важной и оцениваемой обществом работой. Это влечет за собой перемены в отношениях с другими людьми, в оценивании себя и других. Обучающийся осваивает новые правила поведения, которые являются общественно направленными по-своему содержанию. Выполняя правила, ученик выражает свое отношение к классу, учителю. Поэтому первоклассники, особенно в первые дни и недели пребывания в школе, старательны в выполнении этих правил. В школе ученик впервые встречается с новым для себя способом взаимодействия с взрослым человеком. Учитель является не временным «заместителем родителей», а представителем общества, имеющим определенный статус, и ребенку приходится осваивать систему деловых отношений.

С поступлением в школу появляется необходимость постигать не только назначение предметов и явлений, но и их суть. От собственного представления об объекте он переходит к научному представлению о нем.

Важными компонентами любой человеческой деятельности являются познавательные процессы. В начальной школе у обучающихся происходит смена ведущей деятельности. Они осознанно начинают учиться, трудиться, воспринимать окружающий мир, запоминать, обдумывать, высказывать суждения и т.д. Учитывая особенности эвристических методов обучения и индивидуально-психологические особенности младших школьников, мы считаем необходимым рассмотреть такие познавательные особенности обучающихся как: особенности мышления младших школьников; внимавосприятия младших школьников; особенности речи (коммуникации) младших школьников.

Развитию мышления в младшем школьном возрасте принадлежит особая роль. С началом школьного обучения мышление выдвигается в центр психического развития ребенка (Л.С. Выготский) и становится определяющим в системе других психических функций, которые под его влиянием интеллектуализируются и приобретают произвольный характер.

В современной психологии мышление понимается как «процесс познавательной деятельности человека, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности; высшая форма творческой активности» [9, 150 с.].

Первая особенность мышления – его опосредованный характер. То, что человек не может познать прямо, непосредственно, он познает косвенно, опосредованно: одни свойства через другие, неизвестное через извест-

ное. Мышление всегда опирается на данные чувственно-го опыта – ощущения, восприятия, представления – и на ранее приобретённые теоретические знания. Косвенное познание и есть познание опосредованное.

Вторая особенность мышления – его обобщённость. Обобщение как по знанию общего и существенного в объектах действительности возможно по тому, что все свойства этих объектов связаны друг с другом. Общее существует и проявляется лишь в отдельном, в конкретном.

В соответствии с типом задач, которые решаются в процессе мыслительной деятельности, выделяют три основных вида мышления:

- наглядно-действенное мышление – это процесс решения задач, в котором преобладают реальные, практические действия с материальными объектами;
- наглядно-образное мышление – это решение задач, в котором на первый план выступают действия с образами;
- словесно-логическое мышление (понятийное, абстрактное, логическое) – это решение задач, которое сначала и до конца осуществляется на основе готовых знаний, выраженных в понятиях, суждениях и умозаключениях.

Словесно-логическое, понятийное мышление формируется постепенно на протяжении младшего школьного возраста. По мере овладения учебной деятельностью и усвоения основ научных знаний, школьник постепенно приобщается к системе научных понятий, его умственные операции становятся менее связанными с конкретной практической деятельностью или наглядной опорой. В ходе обучения дети овладевают приёмами мыслительной деятельности, приобретают способность действовать и анализировать процесс собственных рассуждений. У обучающегося появляются логически верные рассуждения: рассуждая, он использует приемы анализа, синтеза, сравнения, классификации, обобщения.

Следующая индивидуально-психологическая особенность младших школьников, которую необходимо учитывать при организации эвристического обучения, связана с *вниманием*. В психологии выделяют три вида внимания: произвольное; непроизвольное; послепроизвольное. На протяжении младшего школьного возраста, по мнению Н.Ф. Добрынина, в развитии внимания у обучающихся происходят существенные изменения, идет интенсивное развитие всех его свойств, особенно увеличивается его объем, повышается устойчивость, развиваются навыки переключения и распределения внимания [7]. Особенностью внимания младших школьников явля-

ется его непроизвольный характер: обучающийся легко и быстро отвлекается на любой внешний раздражитель, мешающий процессу обучения. Произвольное внимание у младших школьников еще слабо развито, его надо поддерживать и воспитывать в процессе учебной деятельности. Послепроизвольное внимание еще не сформировано на начальной ступени обучения.

Одним из основных компонентов познавательной деятельности выступает *восприятие*. Своей непроизвольностью процесс восприятия схож с процессом внимания. У обучающихся начальной ступени обучения восприятие находится в стадии активного развития. Восприятие младшего школьника определяется, прежде всего, свойствами самого объекта. Поэтому обучающиеся сначала воспринимают не суть объекта исследования, а его внешний вид (яркая окраска, форма, размер и т.д.). С периодом взросления обучающихся восприятие развивается и приобретает иные характеристики. В 1–2 классе восприятие младших школьников обусловлено слабой дифференциацией. Начиная с 3 класса восприятие конкретизируется обучающимися, но при этом наблюдается неравномерное его развитие. Это означает, что одни объекты учебной деятельности младший школьник может воспринимать легко, а другие объекты сложнее. Также слуховое восприятие информации становится более совершенным. В 4 классе наблюдается развитие избирательности восприятия. Это характеризуется тем, что обучающийся контролирует своё восприятие, т. е. акцентирует свое внимание на более нужных и интересных учебных материалах. Также следует отметить, что восприятие тесно связано с практической деятельностью младшего школьника. Для того, чтобы в полной мере воспринять объект, обучающийся должен ощутить его, т. е. взять, рассмотреть, покрутить и т.д. При развитии восприятия у младших школьников также наблюдается неразвитость чувства времени. Данное чувство у младших школьников формируется постепенно в ходе учебной деятельности, соблюдения режима, как в школе, так и в домашних условиях.

Следующая немало важная индивидуально-психологическая особенность младшего школьного возраста связана с *речью и коммуникативными умениями обучающихся*. С первых дней пребывания в школе обучающийся включается в процесс межличностного взаимодействия с одноклассниками и учителем. На протяжении младшего школьного возраста это взаимодействие имеет определенную динамику и закономерность развития [8]. Развитие речи младших школьников осуществляется при помощи обогащения словарного запаса, что влечет за собой перестройку познавательных процессов (внимания, памяти, воображения, мышления). Развитие речи у младшего школьника напрямую влияет на его способность к коммуникации, понимание и анализу инфор-

мации, а также на способность выражать свои мысли и чувства. Чем лучше у ребенка развита речь, тем легче ему будет учиться, анализировать информацию, решать задачи и взаимодействовать с окружающим миром. Навыки речи улучшают когнитивные способности обучающегося, его память, внимание, логическое мышление и способность критического мышления. Поэтому познавательная активность младшего школьника с хорошо развитой речью будет выше, чем у ребенка с ограниченными навыками речи.

Таким образом, выше сказанное позволяет сделать вывод, что, учитывая индивидуально-психологические особенности младших школьников при эвристическом обучении, можно создать эффективную индивидуальную образовательную траекторию, которая будет соответствовать потребностям и способностям каждого обучающегося. Это позволит учителю лучше понять, как каждый ученик обучается, и адаптировать методику обучения под его особенности. В нашем исследовании мы уделяем особое внимание учету индивидуально-психологических особенностей младших школьников в процессе эвристического обучения, чтобы будущие учителя начальных классов создавали эффективные и продуктивные условия для их обучения и развития младших школьников.

Наличие специальной образовательной среды для формирования компетенций. Создание специальной образовательной среды для формирования эвристической компетентности. Данная образовательная среда состоит из четырех компонентов рисунке 2.

Локационный компонент включает в себя место проведения (аудитория, лекторий и т.д.). Это помещение должно быть соответствующим образом оформлено, должно быть мобильным и удобным для формирования эвристического обучения. Это помещение должно в себя включать удобные современную мебель, которая

будет удобна как для учителя, так и для обучающихся. Цветовое сочетание в аудитории должно направлять на хорошее эмоциональное состояние участников эвристического обучения. Визуальное сопровождение должно содержать в себе картины в стиле барокко, фовизм и т.д. Картины в стиле барокко и фовизм могут оказать значительное влияние на обучающихся при эвристическом обучении, поскольку эти стили характеризуются яркими красками, динамичными композициями и эмоциональным воздействием на зрителя. Это может помочь ученикам развить своё воображение, креативное мышление и чувство художественного вкуса. При просмотре картин в стиле барокко, обучающиеся могут обращать внимание на технику художников, сочетание цветов, что может способствовать развитию их навыков наблюдения и анализа. Картины фовистов, в свою очередь, могут помочь ученикам понять силу и выразительность цвета, а также научиться создавать свое собственное художественное выражение. Мы считаем, что изучение картин в стиле барокко и фовизм может стимулировать младших школьников к творческому мышлению, расширить их художественный опыт и вдохновить на собственные творческие эксперименты, что характерно для эвристического обучения.

Личностный компонент включает в себя участников процесса, специалистов области эвристического обучения, которые помогут функционированию образовательной среды (преподаватели, студенты, учителя и т.д.). Организаторы данного процесса в обязательном порядке должны владеть основами эвристического обучения, для того чтобы правильно организовать каждый его этап.

На основе *информационного компонента* будет происходить содержательное оснащение специальной образовательной среды. Содержание специальной образовательной среды будет носить информационный

Рис. 2. Специальная образовательная среда для формирования эвристической компетентности

и методический характер. Он будет реализовываться с помощью учебной литературы по эвристическому обучению. На стенах должны висеть информационные плакаты, которые помогут при организации эвристического обучения.

Деятельностный компонент подразумевает под собой форму реализации специальной образовательной среды, т. е. в какой форме создаётся информационный компонент эвристического обучения. Эвристическое обучение возможно организовать в форме круглого стола, лабораторной работы, в виде проектной деятельности, семинара и т. д.

Наличие специального комплекса компетенций, необходимых для применения эвристических методов, включает в себя знания основных принципов и методик эвристического обучения, умение создавать различные образовательные ситуации, а также оценивать результаты обучения. Данный фактор может включать в себя также наличие следующих навыков у педагога:

- педагогические навыки (умение проектировать задания, организовывать исследовательскую деятельность);
- технические навыки (уметь использовать аппаратуру для организации эвристического обучения);
- социальные навыки (умение взаимодействовать с обучающимися, необходимость в повышении квалификации для освоения новых технологий преподавания).

Наличие мотивации к использованию методов эвристического обучения также играет ключевую роль в успешном применении данной технологии эвристического обучения. Учителя должны быть мотивированы к поиску новых подходов к обучению, к развитию своих компетенций и к повышению качества образования. Формирование мотивации может складываться из увлекательных заданий и активное увлечение студентов-выпускников в проектные работы, в исследовательские проекты. Повышая таким образом мотивацию студентов, можно развить у них навыки исследовательской работы.

Наличие навыка образного мышления поможет учителям эффективно применять эвристические методики, стимулируя творческое мышление обучающихся и помогая им преодолевать трудности. Образное мышление позволяет видеть и использовать ассоциации, метафоры и аналогии:

- способствует развитию креативности и нестандартному подходу к решению задач;
- выполнение упражнений на развитие образного мышления, например работа с визуальными образами и представлениями. Это помогает обучающимся в процессе обучения находить оригиналь-

ные идеи и извлекать личный опыт, что важно при эвристическом обучении.

Наличие навыка работы в коллективе также является важным фактором при обучении учителей технологиям эвристического обучения. Умение эффективно взаимодействовать с коллегами, обмениваться опытом и принимать конструктивную критику способствует развитию профессиональных навыков. Работа в коллективе находит положительные качества не только в работе учителя, но и обучающихся. Она развивает: коммуникативные навыки: способность слушать, аргументировать, выражать свои мысли; умение организовывать совместную деятельность, распределять роли и обязанности; открытость к критике и готовность к сотрудничеству. Коллективная работа обогащает образовательный процесс, способствует развитию социального интеллекта.

Соблюдение баланса индивидуальной образовательной траектории и коллективной работы означает умение учителя адаптировать обучение к индивидуальным потребностям каждого обучающегося, одновременно поддерживая эффективное взаимодействие в рамках группы или класса. Такой подход поможет учителям успешно использовать эвристические технологии и добиться лучших результатов в образовании. Соблюдение баланса индивидуальной образовательной траектории и коллективной работы обеспечивается следующим путём: индивидуализации обучения, которое учитывает интересы и способности каждого ученика, но в то же время включает групповые задания; установления четких и взаимосвязанных целей для индивидуальных и групповых проектов; оценивания как индивидуальных достижений, так и успехов командной работы. Такой баланс помогает ученикам развивать навыки как самостоятельной работы, так и сотрудничества, что важно для успешного освоения эвристического обучения. В цикле эвристического обучения происходит организация индивидуальной образовательной деятельности обучающегося. Индивидуальная образовательная деятельность сочетается с коллективной работой, в ходе которой обсуждаются полученные результаты, сравниваются с результатами других обучающихся и делается вывод об их эффективности. Результаты могут носить коллективный характер. На рисунке 3 представлена разработанная автором исследования схема программирования индивидуальной образовательной деятельности обучающегося в ходе эвристического обучения, позволяющая получить представление об основных этапах деятельности обучающегося в ходе эвристического обучения.

Создание эмоциональной основы. При организации эвристического обучения будущие учителя начальных классов должны контролировать эмоциональный фон обучающихся. Положительный эмоциональный климат

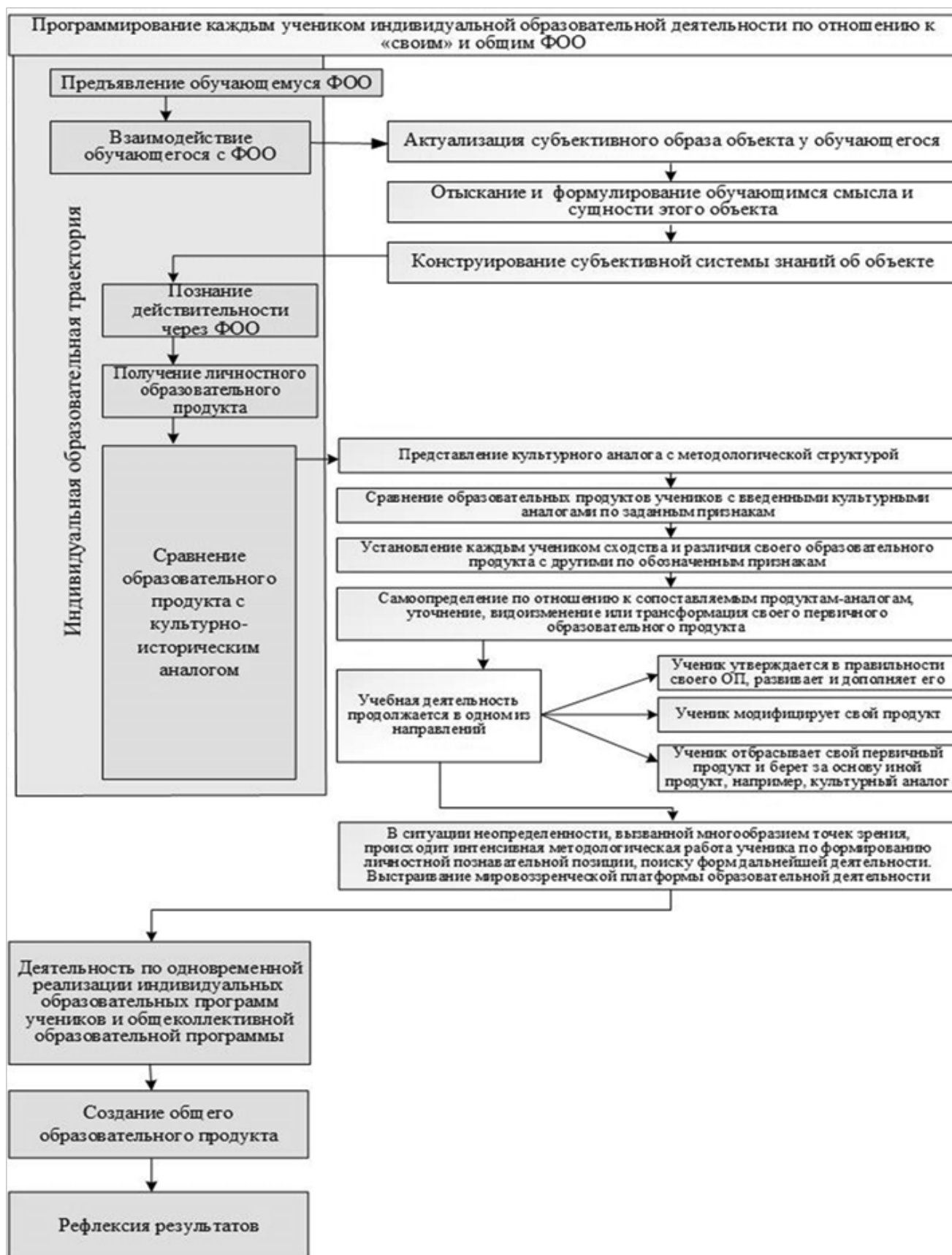

Рис. 3. Алгоритм соблюдения баланса индивидуальной образовательной траектории и коллективной работы при организации эвристического обучения

создаёт благоприятные условия обучающимся для генерации креативных идей и выдвижения новых гипотез.

Модель формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов включает в себя теоретическую разработку основ формирования эвристической компетенции, которые основываются на определенных подходах. Эти подходы составляют методологическую основу нашего диссертационного исследования: *экзистенциализм, диалектический материализм, системный подход, личностно-ориентированный, компетентностный, деятельностный подходы*.

Экзистенциализм – философское течение, объясняющее основы бытия человека (Бердяев Н.А., Гуссерль Э., Хайдеггер М., Шестов Л.И., Ясперс К. и др.). Основная мысль экзистенциализма сформулирована следующим образом: «Человек есть то, что он сам из себя сделает» (Кьеркегор С.)

Экзистенциализм и эвристическое обучение связаны посредством понятия самостоятельного и активного поиска смысла и ценности в жизни. Экзистенциализм подчеркивает индивидуальное существование человека, его свободу и ответственность за свой выбор и поступки. Эвристическое обучение, в свою очередь, предполагает использование исследовательского подхода к обучению, при котором обучающиеся сами активно исследуют и учатся решать проблемы. Экзистенциализм и эвристическое обучение поощряют индивидуальную исследовательскую деятельность, поиск смысла и ценностей, а также развитие самостоятельности и ответственности обучающихся. Оба подхода могут способствовать развитию критического мышления, самоанализу и самопознанию, что является важным аспектом в образовании и личностном развитии.

В соответствии с *диалектическим материализмом* объектом педагогического воздействия рассматривается не целостный человек, а его личность. Диалектический материализм и эвристическое обучение связаны тем, что признают важность того, чтобы люди самостоятельно познавали мир и развивали свое мышление. Диалектический материализм предполагает осмысленное и глубокое понимание противоречий в мире, а эвристическое обучение позволяет людям самостоятельно и эффективно исследовать эти противоречия и находить новые пути и решения. Диалектический материализм и эвристическое обучение помогают дополнять друг друга, способствуя развитию критического мышления и пониманию сложности мира.

Системный подход и эвристическое обучение взаимосвязаны посредством организации системы обучения для выполнения нестандартных задач при помощи эв-

ристических методов. Системный подход предполагает рассмотрение объекта или явления как системы, состоящей из взаимосвязанных элементов, которые влияют друг на друга. Эвристическое обучение может быть использовано в рамках системного подхода для анализа сложных систем и поиска оптимальных решений. Оно помогает обучающемуся быстрее понимать структуру проблемы, находить общие закономерности, выделять ключевые элементы, и, как следствие, принимать более эффективные решения. Системный подход, со своей стороны, позволяет рассматривать проблему или задачу в контексте взаимосвязей и взаимодействий между элементами системы, что помогает более глубоко понять причины проблемы и разработать комплексный подход к ее решению. Системный подход и эвристическое обучение дополняют друг друга и могут быть эффективно использованы в совместной работе над сложными задачами и проблемами.

В основе *личностно ориентированного подхода* лежит учёт индивидуальных способностей, возможностей и потребностей обучающихся, что напрямую связано с эвристическим обучением. При эвристическом обучении знаниями являются не готовый материал, который озвучивает учитель, а знания, которые выведены лично обучающимся. Основой такого обучения являются таланты и возможности обучающегося, цель обучения состоит в гармоничном формировании и развитии личности.

Использование *компетентностного подхода* помогает нам с помощью технологии эвристического обучения, которую мы указали выше, сформировать эвристическую компетенцию у студентов-выпускников для реализации эвристического обучения на практике.

В нашем исследовании *деятельностный подход* предполагает, что студент-выпускник в процессе изучения технологии эвристического обучения будет осуществлять деятельность: учебную, поисковую и творческую. Благодаря данному подходу, будущий учитель начальных классов сможет создать свои эвристические задания для младших школьников, так как будет осуществлять соответствующую деятельность.

Принципы реализации модели и педагогические условия реализуются в модели формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов следующим образом.

Наличие знаний об индивидуально-психологических особенностях младших школьников соответствует принцип учета индивидуальных психологических особенностей. Данный принцип помогает нам раскрыть, с научной точки зрения, знания об индивидуально-психо-

логических особенностях младших школьников. Реализоваться данный принцип сможет, если эвристическое обучение будет происходить на научно-подтвержденном материале. Например, статьи, учебники, монографии и т. д.

Специальная образовательная среда, которая описана ранее, будет осуществляться через принцип доступности создания специальной образовательной среды. Специальная образовательная среда поможет обучающимся лучше усвоить основы эвристического обучения.

Формирование специального комплекса компетенций, необходимых для использования эвристических методов будет происходить при помощи двух принципов: связи обучения с жизнью и принципа сознательности и активности. Данные принципы реализуются на специально разработанном материале. Спецкурс состоит из 5 лекций и 10 семинаров. Общий объем курса составляет 72 часа.

При помощи принципа мотивационной основы развивается мотивация к использованию методов эвристического обучения. Студенты-выпускники применяют полученные в рамках спецкурса знания на практике. Применение студентами знаний на практике сопровождается эмоциональной поддержкой со стороны преподавателя – автора спецкурса.

Для разработки навыка образного мышления осуществляется принцип образности, и применяются разнообразные и наглядные методы обучения, например схемы, образы, ассоциации и т.д.

Для развития навыка работы в команде применяется принцип коллективизма. Многие работы в рамках спецкурса студенты выполняют в парах/группах.

Для достижения баланса индивидуальной образовательной траектории и коллективной работы нами был сформулирован принцип комплиментарности. Данный принцип помогает слушателю спецкурса дифференцировать обучение, т.е. дифференцировать изучаемый им материал по степени сложности, направленности или другим параметрам. Для этого студентов можно поделить на группы по соответствующему типу. Таким образом, слушатель курса формирует свою индивидуальную образовательную траекторию, находясь в группе по интересам.

Эмоциональная основа, которая создана во время формирования эвристической компетентности у будущих учителей начальных классов, делает подготовку специалиста эффективнее. Эмоции, положительные или отрицательные, усиливают когнитивные способности,

тем самым показывая, что эвристическое обучение – это не только интеллектуальный, но и эмоционально-вовлекающий процесс. В нем важно создать благоприятный эмоциональный фон.

Диагностический этап в соответствии с моделью – обоснование критериев и параметров уровня сформированности эвристической компетентности.

Компетентностный критерий связан с готовностью студента-выпускника к взаимодействию, общению и передаче знаний об эвристическом обучении. Для данного критерия также важен такой параметр как организованность и педагогическая этика.

Знаниевый критерий помогает установить, на каком уровне находятся знания, умения и навыки будущего учителя начальных классов в области эвристического обучения.

Исследовательский критерий помогает выявить уровень исследовательский умений студентов-выпускников, потому что это является одним из основных умений при эвристическом обучении.

Содержательно-технологический блок включает в себя постановку целей и задач спецкурса, отбор содержания материала, психологический тренинг и реализацию спецкурса.

Специализированный курс «Основы эвристического обучения» нацелен на подготовку конкурентоспособного специалиста в области начального образования, который готов решать профессиональные эвристические задачи в педагогической, проектной и исследовательской деятельности. Данный спецкурс помогает в формировании целостной системы трудовых умений и навыков, знаний, соответствующих содержанию предметного обучения, и обобщенной трудовой функции педагога в соответствии с профессиональным стандартом Педагога.

Спецкурс «Основы эвристического обучения» имеет четкую структуру. Содержание курса, структурированное по темам, с указанием видов учебных занятий и отведенного на них количества академических часов. В ходе реализации данного спецкурса у будущих учителей начальных классов формируются теоретические знания и отрабатываются практические умения в области эвристического обучения. Отбор содержания курса происходил с учетом возрастных и психологических особенностей студентов. Материал курса основан на теории и практики эвристического обучения и научных трудах ученых, которые работали в области эвристики и эвристического обучения (Архимед, Артемьева Г.В., Быстрова А.В., Папп Александрийский, Сократ, Хуторской А.В. и т.д.).

По-нашему мнению, при изучении специализированного курса «Основы эвристического обучения» студенты могут столкнуться с психологическими барьерами. Психологическими барьерами и трудностями могут являться:

- отсутствие мотивации;
- наличие психологического стресса и усталости, что влечет за собой отсутствие концентрации внимания;
- неумение воспринимать сложный материал и усваивать большие объёмы информации;
- боязнь выступать с чёткими структурированными докладами перед публикой;
- неумение самостоятельно находить решения и организовывать своё время для занятий, распределять временные и психические ресурсы в процессе обучения;

Для преодоления и минимизации последствий этих трудностей мы рекомендуем слушателям курса пройти психологический тренинг.

Этот тренинг (таблица 1) может быть проведен в форме индивидуальных консультаций или в виде групповых занятий. Психологический тренинг может быть полезен при изучении специализированного курса «Основы эвристического обучения», так как помогает студентам развивать свои психологические навыки и стратегии решения проблем. Тренинг также может включать в себя упражнения по развитию критического мышления, умения принимать решения, управления стрессом и т.д. Это

может помочь студентам эффективнее применять эвристические методы в обучении и повседневной жизни.

Спецкурс для будущих учителей начальной школы «Основы эвристического обучения» объёмом на 72 часа, состоит из 5 тем, в котором 10 лекций и 15 семинаров. При проведении учебных занятий используются инновационные и эвристические методы обучения, активные и интерактивные формы работы, направленные на развитие у студентов навыков командной работы, межличностной коммуникации, принятия решений, решение коллективных и индивидуальных кейсов.

Данный спецкурс будет подробно описан во второй главе нашего исследования. Цель разработанного курса – формирование у будущих учителей эвристической компетентности, позволяющей разрабатывать и применять технологии эвристического обучения с учетом специфики начальной школы. Данный модуль разработан автором исследования.

В этом курсе преподаватель использует план занятий, содержание лекций и практических занятий, применяя необходимую информацию для структурирования знаний о методах эвристического обучения. Студент взаимодействует на занятиях с преподавателем, получает обратную связь, изучает материалы, то есть применяет информационно-технологическое обеспечение, которое создал лектор. При применении эвристического обучения в своей работе преподаватель ставит перед собой несколько целей:

Таблица 1.

Содержание и проведение психологического тренинга.

Возможные психологические трудности	Способы преодоления психологических трудностей
Отсутствие мотивации и цели обучения	1. Провести сессию саморефлексии, определить свои цели и мотивации в обучении, определить целеполагание;
	2. Поставить конкретные и достижимые цели на ближайший и долгосрочный период;
	3. Разработать план действий и стратегии достижения поставленных целей.
Наличие психологического стресса и усталости	1. Изучить методы релаксации и снятия стресса (медитация, дыхательные упражнения, физические упражнения);
	2. Организовать систему отдыха и сна, включая правильное питание и режим дня;
	3. Провести сессию самоуправления, чтобы научиться распределять свои энергетические ресурсы и управлять усталостью.
Трудности с усвоением информации	1. Обучиться методам эффективного запоминания и усвоения информации (метод SQ3R, мнемоники и др.);
	2. Разработать индивидуальную стратегию изучения сложного материала, включая разбиение на более мелкие части и систематизацию информации.
Выступление перед публикой	1. Провести тренировочные выступления перед маленькой группой или преподавателем для набора уверенности;
	2. Разработать структуру выступления и упражнения по публичному выступлению для улучшения навыков.
Не рациональная организация времени и ресурсов	1. Изучить техники самомотивации и управления временем (матрица Эйзенхауэра, метод Помодоро и др.);
	2. Разработать ежедневный план действий с учётом приоритетов и задач;
	3. Обучиться методам самоорганизации и планирования, чтобы эффективно использовать свое время и ресурсы.

- развить критическое мышление у студентов;
- сформировать самостоятельность у студентов-выпускников;
- повысить мотивацию к обучению;
- развить индивидуальность и креативность у будущих студентов начальных классов.

Студенты-выпускники во время изучения методов эвристического обучения ставят перед собой следующие цели:

- изучить и применить на практике технологию эвристического обучения;
- развить критическое мышление;
- сформировать индивидуальный стиль обучения.

Цель конкретизирует направления обучения, мотивируя их к изучению технологий эвристического обучения, что влечет за собой повышение профессиональной квалификации будущих учителей начальных классов.

Для успешной реализации курса «Основы эвристического обучения» важно создать педагогические условия, которые будут соответствовать факторам формирующего воздействия и принципам их реализации.

Результативный блок. После реализации модуля происходит контроль уровня сформированности эвристической компетенции, формирование которой мы осуществляли при помощи, разработанной нами, модели формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов. Контроль для будущих учителей заключается в создании технологической карты эвристического занятия для младших школьников. Разработав технологическую карту занятия с элементами эвристического обучения, выпускники могут описать в ней основные задачи и базы данных на каждый этап своего эвристического занятия: вводная часть, основная часть, тренинг, контроль, рефлексия. С помощью данной технологической карты мы можем проверить не только уровень сформированности эвристической компетент-

ности у студентов, но и их творческие проявления, личностные качества и владение эвристическими методами обучения. Если у студентов возникают трудности при создании технологической карты эвристического занятия, то они возвращаются к изучению модуля «Основы эвристического обучения» и ликвидируют свои знаниевые пробелы.

Студенты, которые успешно разработали технологическую карту эвристического занятия, могут актуализировать свою эвристическую компетентность на производственной практике, которая предусмотрена учебным планом.

Представленная нами модель формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов, позволяет сделать вывод, о том, что подготовка будущих учителей будет эффективна при формировании у них эвристической компетентности. Использование эвристического обучения способствует активизации обучающихся на уроках, что является особенно актуальным в условиях современного образовательного процесса. Разработанная нами модель формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов включает в себя как теоретические аспекты, так и практические. Это позволяет будущим педагогам не только осваивать основные принципы эвристического обучения, но и применять их на практике, что способствует более глубокому пониманию и улучшению качества образовательного процесса. При описании модели автор сделал акцент на знаниях об индивидуально-психологических особенностях младших школьников. Автор считает, что эти знания помогут студентам-выпускникам развить у себя гибкость и адаптивность, что позволит им учитывать индивидуальность учеников и применять эвристические методы в разных контекстах. Модель формирования эвристической компетентности будущих учителей начальных классов изображена, как многогранный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акпынар Л.Э. Формирование готовности будущих учителей начальных классов к применению интерактивных технологий обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-1. С. 13-17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-gotovnosti-buduschih-uchiteley-nachalnyh-klassov-k-primeniyu-interaktivnyh-tehnologiy-obucheniya>
2. Бакланова Г.А. Совершенствование подготовки будущих учителей начальных классов в области использования цифровых образовательных ресурсов // Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт. 2014. С. 157-160.
3. Витковская И.М. Инновационные технологии в начальной школе: реализация идей С.П. Баранова при формировании готовности студентов к их использованию // Гносеологические аспекты образования. 2018. С. 216-219.
4. Голубева М.В. Индивидуально – психологические особенности личности // psychologist.ru: сервер психологов России, 2024. URL: <https://psychologist.tips/2992-individualno-psihologicheskie-osobennosti-lichnosti.html> (дата обращения 15.08.2025)
5. Григорьева-Голубева В.А. Опыт построения педагогической технологии развития языковой личности будущего учителя // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества. 2015. С. 39-43.

6. Данилова Н.Ю. Формирование профессиональных компетенций студентов – будущих педагогов в области лингвистического образования младших школьников // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2020. № 2. С. 153-172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalnyh-kompetentsiy-studentov-buduschih-pedagogov-v-oblasti-lingvisticheskogo-obrazovaniya-mladshih>
7. Добрынин Н.Ф. Изучение особенностей внимания младших школьников / Н.Ф. Добрынин. - М. - 2003. – 125 с.
8. Нягина В.Н. особенности общения в младшем школьном возрасте // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: [a href="https://scienceforum.ru/2018/article/2018007895"](https://scienceforum.ru/2018/article/2018007895)<https://scienceforum.ru/2018/article/2018007895> (дата обращения: 23.07.2025)
9. Общая психология: учебное пособие / Л.А. Вайнштейн, В.А. Поликарпов, И.А. Фурманов, Е.А. Трухан; Тессей. – М.: Тессей, 2005. 368 с.
10. Профессиональная компетентность учителя начальных классов в условиях реализации ФГОС НОО [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://apni.ru/article/4681-professionalnaya-kompetentnost-uchitelya-nach> (Дата обращения: 19.03.2025)

© Болдырева Дарья Сергеевна (dzatona@sfedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В РАБОТЕ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

THE PECULIARITIES OF USING THE EXPERIENCE OF SOCIAL EDUCATION OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN WORKING WITH FOREIGN STUDENTS

D. Demicheva

Summary: One of the important directions of domestic education reform is the export of Russian education, which leads to increasing the number of foreign students in Russian universities. The adaptation of foreign students to the Russian reality is the main problem of teaching foreigners. Today, there is an active search for methods and techniques, educational technologies for working with foreign students designed to help them successfully adapt to an unfamiliar society. In the process of developing a system for working with foreign students, we turned to the domestic educational experience of social education of younger schoolchildren, related to the preservation of ethnic culture in a multilingual, multicultural society.

Keywords: foreign students, the adaptation of foreign students, social education, ethnic culture, ethnic tolerance.

Демичева Дарья Васильевна

Ассистент, Южный федеральный университет

(г. Ростов-на-Дону)

dvdemicheva@sfedu.ru

Аннотация: Одним из важных направлений в области реформирования отечественного образования становится экспорт российского образования, что приводит к увеличению иностранных студентов в российских вузах. Адаптация иностранных студентов к российской действительности является главной проблемой обучения иностранцев. Сегодня идет активный поиск методов и приемов, технологий работы с иностранными студентами, которые помогут им успешно адаптироваться к незнакомому социуму. В процессе поиска оснований для разработки системы работы с иностранными студентами мы обратились к отечественному опыту в области социального воспитания младших школьников, одной из целью которого является сохранение этнической культуры в полиязычном, поликультурном обществе.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация иностранных студентов, социальное воспитание, этнокультура, этнотолерантность.

Россия издавна является многонациональной страной, поэтому проблема социального воспитания посредством формирования этнических качеств у представителей разных этносов является для нее актуальной. На современном этапе особое влияние на развитие этнических качеств младших школьников оказывает социальное воспитание; так сложилось, что только в социуме человек способен развиваться и самосовершенствоваться, осваивать ценности общества, осуществлять деятельность, подтверждающую освоение опыта предыдущих поколений. Принятие этнических ценностей представителями различных этносов также является частью социального воспитания, данный процесс является достаточно сложным, так как предполагает двойное принятие ценностей в поликультурном мире.

Анализ современных научных источников свидетельствует о возрастающем интересе к проблеме социального воспитания. Изучением понятия «социальное воспитание» занимаются и философы (Л.К. Синцова), и психологи (Б.Б. Айсмонтос, Л.Д. Столярченко, С.И. Самыгин, В.А. Мижеригов) [2;19;12], и педагоги (П.И. Пидкасистый, Г.М. Коджаспирова, И.П. Подласый, Н.М. Борытко) [5], но особое внимание этому понятию уделяют социальные педагоги.

А.В. Иванов определяет цели и задачи социального воспитания, Ю.В. Василькова работает над основными принципами, М.В. Шакурова и В.Р. Ясницкая занимаются изучением социального воспитания в школе и классе, Л.В. Мардахаев, Е.Н. Сорочинская уделяют внимание сущности и содержанию социального воспитания, разрабатываются новые подходы к воспитанию: поликультурный Н.Н. Никитиной, нормативно-интерпретационный Т.А. Ромм [6;22;24;18;14].

Вопросами истории развития социального воспитания занимались А.М. Галагузова, И.Н. Андреева, А.И. Кагарманова, Н.Ф. Басов, Г.Н. Волков [8;1;10;4;7].

Этнокультурные аспекты социального воспитания рассмотрены в работах С.А. Хаустовой (особенности отношения педагога к учащимся – представителям разных этнических групп), Н.М. Зыковой (влияние этнических особенностей внутрисемейного общения на развитие самосознания ребенка), М.Ю. Апалеевой (восприятие ребенком различных этнических групп) [20;9;3].

Анализ социально-педагогической ситуации в контексте современности позволил нам выявить следующие

щие противоречия:

- между признанием необходимости социального воспитания в условиях начальной школы и недостаточным методическим обеспечением;
- между необходимостью исследования влияния социального воспитания на развитие этнических качеств младших школьников и недостаточностью теоретико-педагогических работ в этом направлении;
- между необходимостью развития этнических качеств младших школьников и неподготовленностью воспитателей и педагогов в этом плане.

В рамках изучения влияния социального воспитания на развитие этнических качеств младших школьников мы опирались на следующие методологические подходы.

Системный подход предполагает рассмотрение явлений в системе. Для нашей работы необходимо рассмотрение всех участников образовательного процесса как некую систему, состоящую из различных подсистем, которые имеют некоторые общие закономерности, связаны друг с другом определенными линиями.

Культурологический подход предполагает рассмотрение деятельности, которая осуществляется в рамках определенной культуры. Только в деятельности культурного сообщества учащийся осваивает универсальные способы взаимодействия в социуме, характерные для культурного периода.

Аксиологический подход рассматривает ребенка как высшую ценность общества. Осваиваемые ценности становятся компонентом личностной культуры ребенка и качеством его личности.

Деятельностный подход утверждает, что главным условием и источником развития личности является деятельность. В дошкольном возрасте основным видом деятельности является игра, в процессе которой и происходит развитие этнических качеств личности.

Личностный подход предполагает ориентацию на личностно-смысловую сферу ребёнка, обеспечение поддержки индивидуальности ребёнка; создание условий для удовлетворения образовательных, культурных потребностей его личности и содействие в развитии способов самореализации личности. В основе этого подхода лежат представления о личности, достигающей высших пределов самореализации и подлинной зрелости в разные периоды жизни.

Осмысливая возникновение, развитие и становление социального воспитания, обратимся к трактовке этого понятия, которое отражено в различных науках.

В философии (Л.К. Синцова) рассматриваются методо-

логические и мировоззренческие вопросы, связанные с социальным воспитанием, дается трактовка сущности социального воспитания и его задач, на основе определенного понимания образа человека разрабатываются общие подходы к соотношению развития, социализации и воспитания, определяются ценности и принципы социального воспитания. Суть воспитания – передача, усвоение и приобретение опыта жизни в социуме и в условиях конкретной культуры (субкультур), создание условий для появления и выработки внутренней мотивации [17].

Психологи (Б.Б. Айсмонто, Л.Д. Столяренко, С.И. Самыгин, В.А. Мижериков) под воспитанием понимают процесс формирования личности с помощью педагогических воздействий в соответствии с определенным социально-педагогическим идеалом [19, с.490]. В социальном смысле воспитание представляет собой функцию общества по подготовке подрастающего поколения к жизни, осуществляемое общественными институтами, организациями, церковью, средствами массовой информации и культуры, семьей и школой [12, с. 206].

Социология исследует социализацию как контекст социального воспитания и социальное воспитание как составную часть социализации.

Социальный смысл в воспитание вкладывают такие педагоги как П.И. Пидкасистый, Г.М. Коджаспирова, И.П. Подласый, Н.М. Борытко, И.А. Соловцова, А.М. Байкалов, Н.В. Бордовская, А.А. Реан, В.А. Сластенин. При этом их мнения в определении понятия социального воспитания разделились. Одни считают, что социальное воспитание происходит только в специально созданных учреждениях (П.И. Пидкасистый), другие (Г.М. Коджаспирова, И.П. Подласый, Н.М. Борытко) утверждают, что на него также влияет «непосредственные человеческие отношения» [5; с. 166].

Наиболее полно понятие «социальное воспитание» рассматривается в социальной педагогике такими учеными как М.А. Галагузова, Н.Н. Никитина, В.Р. Ясницкая, Б.В. Куприянов, Ю.В. Василькова, Т.А. Ромм, Е.Н. Сорочинская. Но практически все они в определении данного понятия опираются на мнение А.В. Мудрика, который под социальным воспитанием понимал «взращивание человека в процессе планомерного создания условий для целенаправленных позитивных развития и духовно-ценностной ориентации» [13; с. 61].

На современном этапе ученые-педагоги занимаются изучением всех сторон социального воспитания: А.В. Иванов определяет цели и задачи социального воспитания, Ю.В. Василькова работает над основными принципами, М.В. Шакурова и В.Р. Ясницкая занимаются изучением социального воспитания в школе и классе, Л.В. Мардахаев, Е.Н. Сорочинская уделяют внимание сущности и содержанию социального воспитания, Разрабаты-

ваются новые подходы к воспитанию: поликультурный Н.Н. Никитиной, Нормативно-интерпретационный Т.А. Ромм.

Проследив историю социального воспитания, мы увидели, что это понятие прошло долгий и сложный путь развития и становление его на современном этапе еще продолжается, так как шестидесятилетие застоя социальной педагогики в России оказало существенное влияние на социальное воспитание.

Термин «этнические качества» по своему семантическому значению близок к понятию национальный характер, который используется для описания устойчивых личностных характеристик и уникальных стилей жизни, присущих населению конкретных национальных государств.

В нашем исследовании под этническими качествами мы будем понимать личностные и культурные характеристики, которые считаются специфическими или особенно характерными для определенной нации или расовой группы. Мы полагаем, что этнические качества могут рассматриваться как комплекс характеристик национальной психики.

Когнитивный компонент включает в себя знание о территории проживания этноса, национальных особенностей, истории, традиций, характерных особенностей представителей той или иной национальности.

Аффективный или эмоциональный компонент предполагает проявление эмоций и чувств, связанных с ощущением принадлежности к этносу, проявлением национальной гордости, всего того, что мы называем социальными эмоциями.

Основные переменные, влияющие на этническую идентичность, включают этническую социализацию, аккультурацию. Родители играют особенно важную роль в развитии этнической идентичности детей через участие в этнической социализации—процессе обучения детей об их этнической принадлежности и опыте, который они могут иметь с более широким обществом из-за их принадлежности к этнической группе.

Школа является тем социальным институтом, в котором происходят процессы аккультурации и этнической социализации. В последнее десятилетие этнографические материалы активно используются в учебно-воспитательном процессе для решения конкретных педагогических задач. Образование при этом выступает «потребителем» реалий этнокультуры. Данный аспект отношений наиболее «узнаваем» и реализуется на практике. На нем строится работа многих национальных школ. Однако для нас представляют большой интерес два других, о которых пока следует говорить как о перспективном возможности, чем о реальной практике [21].

Следует отметить, что система образования не только потребляет этнокультуру, но и объективно способствует ее сохранению и воспроизводству. Действительно, целенаправленное использование этнографической информации означает ее передачу в пределах больших групп, а также - воспроизводство через процесс обучения. Вместе с тем это ведет к сохранению этнической (традиционной) культуры. Данный аспект представляется весьма актуальным. Дело в том, что в современном обществе происходит размывание этнокультуры и вытеснение ее реалий в область этнического самосознания [21]. Этот процесс наблюдается повсеместно, особенно в постиндустриальных обществах, являясь своеобразной платой за прогресс. Более того, слабеют и порой отмирают традиционные механизмы воспроизводства этнокультуры. Под ними мы подразумеваем фольклор, ритуалы, присущие этносу формы труда и досуга и т.д. Но вследствие сказанного возрастает значение формализованных, институциональных механизмов: системы образования, средств массовой информации, учреждений культуры (библиотеки, музеи) и др.

Таким образом, школа, образование, как глобальная самовоспроизводящаяся система, в условиях нашего общества может сохранять и воспроизводить этнокультуру. При этом меняется способ передачи этнокультурной информации.

Традиционный вариант предусматривает трансляцию от старших членов семьи к младшим. Сами же семьи являются основным социальным институтом, сохраняющим и передающим традиции предков. В современной, особенно, в урбанизированной среде ситуация иная: старшее поколение зачастую плохо знает реалии этнокультуры. Оно воспитано в других традициях. Поэтому при правильной постановке образовательного (и воспитательного) процесса ребенок может скорее познакомиться с фольклором, ритуалами, праздниками и др. в образовательных учреждениях. А затем принести все это в семью.

Тем самым меняется вектор трансляции: теперь уже от младших к старшим. Данный вариант не единственный, но он при подобном развитии событий неизбежно появится.

Школа может не только сохранять, но и корректировать традиционную культуру. Если обратиться к работам по этнопедагогике, то несложно выделить общую черту - оценочный подход. Действительно, к ней относят только те нормы, которые соответствуют положительным характеристикам и соотносятся с такими понятиями как «мудрость», «терпимость», «гуманизм» и др. Автор одного из пособий по данной дисциплине В. С. Кукушин пишет «Как это ни удивительно, но принципы народной педагогики на всех материках и у всех рас и народов имеют немало общего, ибо они исходят из обще-человеческих

ценностей и ориентаций [11]. Подобное представляется нам сужением проблемы. Более корректно исходить из «широкого», не оценочного понимания культуры, признавая, что этносом в процессе жизнедеятельности создаются те нормы и социокультурные институты, которые кажутся безнравственными и даже опасными с позиций современного гуманизма: взгляд на инородцев как на потусторонние, демонические существа; убийства или жертвоприношения пленных как часть воспитания; культивирование жестокости и агрессивности в мужских субкультурах и др. И это тоже народная педагогика. Аксиология традиционной культуры с одной стороны и образования - с другой зачастую не совпадают. И, не рассматривая специально данную проблему, хотелось бы подчеркнуть целесообразность критического, осторожного отношения к культуре прошлого применительно к современному учебно-воспитательному процессу.

Однако, необходимо отметить, что на сегодняшний день существует ряд проблем, определяющих направления решения задач этнокультурного образования, развития этнических качеств растущей личности в поликультурном обществе [21].

1. Проблемы, связанные с характеристикой современного состояния этнических культур, уровня этнических потребностей и состояния самосознания их носителей. На практике преподаватели, связанные с процессом этнопедагогизации образования, в работе не имеют полных представлений о состоянии традиций, которые они стремятся сохранять и развивать.
2. Проблемы ценностного (аксиологического) характера, состоящие в том, что, учитывая культурообразующую роль образования, следует определить те ценности, которые предстоит восстанавливать, поддерживать либо – создавать на новой основе.
3. Проблемы учебно-методического и организационно-правового характера, которые состоят в разработке образовательных технологий, созданию системы подготовки и переподготовки кадров; а также – в решении правовых вопросов, связанных с деятельностью образовательных учреждений этнокультурного типа (напр.: роль религиозного компонента).

Как отдельную проблему следует выделить те риски, которые могут возникать в процессе этнопедагогизации образования. На это обращают внимание специалисты. Ф.Г. Ялалов пишет, что «...отмечаются тенденции формировать содержание образования в ущерб единству культурного пространства России с преимущественным вниманием к истории и культуре так называемых титульных этносов; перемещение из федерального в региональный компонент базовых гуманитарных предметов, формирующих мировоззрение школьника; актуализа-

ция традиционных верований и романтизация национальных культурных ценностей, относящихся к далекому прошлому и несовместимых с целями современного образования» [23].

На наш взгляд, говоря о возможных негативных проявлениях (рисках) можно назвать:

1. Формирование у учащихся чувства превосходства «своего» этноса и культуры над соседними, проявление неуважения или даже - враждебности к ним. Более того, усиленное «возрождение своей этничности» может сопровождаться ущемлением других культур.
2. Актуализация этничности может вызывать обостренную реакцию населения многонациональных районов в вопросах функционирования языка, представительства «своих» и «чужих» во властных структурах и т.д.
3. Некорректное проведение этнопедагогизации может привести к межэтническому отчуждению, сегрегации как этнических групп в ино- этнической среде, так - и субэтнических групп в составе своих этносов.

Следовательно, наиболее актуальными являются задачи: изучения современного состояния этнических культур и тенденции их динамики; определение приоритетов этнического образования, то есть - тех реалий, которые следует возрождать, поддерживать и развивать в соответствии с потребностями современного развития; разработка педагогических технологий и механизмов для решения этих задач.

Младший школьный возраст-особый период в становлении этнических качеств «растущей личности». На становление и развитие этнических качеств в младшем школьном возрасте будет влиять процесс социального воспитания, при этом данный процесс должен включать в себя деятельность, направленную на повышение этнической осведомленности, усвоение ценностных ориентаций своего народа и обеспечивающую этнотолерантное отношение к представителям других национальностей.

Как мы знаем, современная школа многонациональна. В ней встречаются взрослые и дети, которые в свою очередь являются представителями разных национальных культур, поэтому и необходима реализация первых условий, благодаря которому мы можем добиться создания благоприятной атмосферы для реализации этнического воспитания. Приобщение детей к национальной культуре поможет не утратить исторического национального лица и самобытности многих народов, а также формирование этнотолерантности помогает лучшей социализации ребенка, которая проявляется в социальных отношениях, главным признаком которых является

уважение права другого на отличие.

Н.И. Ронжина утверждает, что младший школьный возраст, как известно, характеризуется продолжением интенсивного вхождения в социальный мир, формированием у детей представлений о себе и обществе. С учётом этого можно сделать вывод о благоприятных перспективах и актуальности формирования у младших школьников этнической осведомлённости [16].

Важность второго условия подчеркивают также М.Б. Кожанова, С.А. Хаустова. М.Б. Кожанова утверждает, что развитие этнических качеств младших школьников невозможно без учителя, осознающего значимость этой деятельности на современном этапе и профессионально подготовленного к ней, поэтому автор выделяет ряд требований, предъявляемых специалистам:

- осознание уникальности ученика как представителя определенной культуры;
- наличие у педагога личностных качеств, компетенций, помогающих ему организовать взаимодействие между представителями разных культур;
- педагог должен быть знаком с различными традициями, обычаями представителей различных этнических групп, проживающих вместе, что определяет успешность педагогической деятельности;
- частью воспитательной работы педагога является стремление воспитывать в детях уважительное отношение к окружающим, любви к природе родного края, бережливости, трудолюбия [16;20].

В этой связи особую актуальность приобретает проблема этнопедагогической подготовки будущих учителей. Критерии оценки специалиста должны охватывать не только объем теоретических знаний и уровень практических умений, но и комплекс профессиональных и личностных качеств, которые он демонстрирует в рамках своей деятельности. Мы подходим к анализу профессиональных и личностных свойств с учетом их взаимосвязи и взаимовлияния.

В контексте данного подхода, этнопедагогическая подготовка студентов к работе в полиэтническом регионе не может быть сведена к пассивной передаче знаний от преподавателя к обучающимся. Доминирующим фактором, определяющим сущность данного образовательного процесса, является активная деятельность самих студентов, выступающих в роли субъектов профессионального развития, обладающих личностно значимыми целями и потенциалом для их достижения.

Практически все исследования в данной области отмечают, что эффективность педагогической деятельности в той или иной степени коррелирует с требованиями, предъявляемыми к специалисту, его знаниями, умениями и присущими ему личностными психологиче-

скими качествами.

Учитель, с одной стороны, является представителем определенного этноса и носителем его духовных ценностей, а с другой – он активно участвует в межнациональном взаимодействии и должен выстраивать его на основе принципов диалога культур.

Подготовка будущих учителей в области этнопедагогики должна осуществляться в тесной связи с учебным процессом вуза, что предполагает:

- Освоение теоретических основ: изучение прогрессивных народных педагогических традиций.
- Практическое закрепление: углубление знаний и навыков на семинарах и лабораторных занятиях.
- Развитие профессиональных компетенций: совершенствование педагогических умений во время прохождения практики.
- Изучение и анализ опыта: знакомство с передовыми педагогическими практиками и оценка собственной деятельности по возрождению народных традиций воспитания.
- Научно-исследовательская деятельность: проведение исследований по применению идей народной педагогики.

Для студентов-иностранцев, на наш взгляд, педагогически целесообразным является общая этнопедагогическая ориентация всех психолого-педагогических дисциплин. Для более глубокого изучения отдельных аспектов и решения конкретных задач могут быть введены специализированные курсы и дисциплины.

Мы выступаем за придание этнопедагогической направленности всему учебно-воспитательному процессу. Важно понимать, что педагогический процесс как единое целое включает в себя цели, принципы, содержание, движущие силы, условия, деятельность и взаимодействие. Все эти компоненты взаимосвязаны и оказывают прямое влияние на эффективность этнопедагогической подготовки будущих учителей.

Особую важность имеет третье условие, потому что ребенок начинает свой процесс социализации в семье, которая считается самым первым институтом социализации. Именно в семье закладываются основные установки взаимоотношения с окружающим миром, которые в дальнейшем только корректируются и дополняются.

Важность взаимодействия школы и семьи подчеркивает и М.Н. Зыкова, так как только в результате взаимодействия педагог будет знаком с особенностями внутрисемейного общения, а знание этих особенностей помогает понять национальную специфику восприятия воспитательных воздействий детьми конкретной национальности, своеобразие содержания воспитательных

мероприятий с учетом исторического опыта различных народностей [9].

Важность этих условий подчеркивает и исследованный нами опыт образовательных учреждений, в которых были реализованы программы по приобщению младших школьников к национальным традициям. Основной целью деятельности данных учреждений является приобщение учащихся к национальной культуре, традициям, в процессе чего у детей формируется представление о своем народе и происходит развитие этнических качеств, а также воспитывается чувство уважения к представителям другой национальности.

Познакомившись с опытом образовательных учреждений, мы увидели, что процесс социального воспитания при развитии этнических качеств детей включает в себя ряд специфических средств и методов.

Проследив эволюцию взглядов ученых на проблему социального воспитания, мы увидели, что ученые выделяют три этапа становления социального воспитания: с древнейших времен до XVII в., XVIII – XIX в.в., XX в. Причем в первый и во второй этапы происходит лишь зарожде-

ние идеи социального воспитания в трудах ученых, а как такового понятия «социального воспитания» нет, лишь в конце XIX в. и в XX в. появляется это понятие, происходит понимание его целей, задач, содержания, методов.

В первой части нашего исследования нами было так же дано определение понятия «этнические качества». Термин «этнические качества» по своему семантическому значению близок к понятию национальный характер, который используется для описания устойчивых личностных характеристик и уникальных стилей жизни, присущих населению конкретных национальных государств. В нашем исследовании под этническими качествами мы будем понимать личностные и культурные характеристики, которые считаются специфическими или особенно характерными для определенной нации или расовой группы. Мы полагаем, что этнические качества могут рассматриваться как комплекс характеристик национальной психики. Одной из таких устойчивых характеристик является этническая идентичность. Развитие этнических качеств младших школьников реализуется через знаниевый компонент, учебную и внеучебную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.Н. К.Д. Ушинский о национальных особенностях социального воспитания. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.eduhmao.ru/info/1/3812/24325/>
2. Айсмонто Б.Б. Педагогическая психология. - М.: Владос-пресс, 2002.- 208 с.
3. Апалеева М.Ю. Восприятие своей и других этнических групп детьми дошкольного возраста //Научно-практическое исследование и проблемы современной молодежи: Труды II Молодежной научно – практической конференции. Т.4. Елабуга, 23 – 24 декабря 2010 г.Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2010. - 299с. – С.143-146.
4. Басов Н.Ф. История социальной педагогики: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.Ф. Басов, В.М. Басова, А.Н. Кравченко. - М.: Академия, 2005. — 256 с
5. Борытко Н.М. Педагогика /Н.М. Борытко, И.А. Соловцова, А.М. Байбаков; под ред. Н.М. Борытко. – М.: Академия, 2009. – 496 с.
6. Василькова Ю.В. Социальная педагогика: курс лекций /Ю.В. Василькова, Т.А. Васильков. – М.: Академия, 2007. – 448 с.
7. Волков Г.Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. - М.: Академия, 1999. - 168 с.
8. Галагузова М.А. Социальная педагогика: курс лекций – М.: Владос, 2001. – 416 с.
9. Зыкова Н.М. Влияние этнических особенностей внутрисемейного общения на развитие самосознания ребенка 5-6 лет: автореф. дис. кан. пед. псих. наук – М, 2005.
10. Кагарманова А.И. Уч.пос. по Истории социальной педагогики - <http://www.twirpx.com/file/286073/>
11. Кукушин В.С. Столяренко Л.Д. Этнопедагогика и этнопсихология.-Ростов-на-Дону. Феникс, 2000.
12. Мижеригов В.А. Психолого-педагогический словарь. – Ростов-на-Дону:Феникс, 1998.-544 с.
13. Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Академия, 2000. - 200 с.
14. Никитина Н.Н. Социальное и культурное в контексте поликультурного подхода к социальному воспитанию / Социальная педагогика: традиции и инновации: Материалы Всероссийского конгресса социальных педагогов с международным участием - 2009 –С 114 – 120
15. Развитие социального аспекта в воспитании в 18 – 19 веках - <http://www.profile-edu.ru/razvitie-socialnogo-aspekta-v-vospitanii-v-18-19-vekax-page-1.html>
16. Ронжина Н.И. Формирование этнокультурной осведомленности дошкольника //Дошкольное воспитание .2007, №12, С.13-15
17. Синцова Л.К. Проблемы социального воспитания в философии Платона // Ползуновский вестник. 2005, №3, С. 229 - 236
18. Сорочинская Е.Н. Проблема совершенствования парадигмы социального воспитания //Педагогическое образование в России. 2010, №1, С. 18 – 24
19. Столяренко Л.Д. Самыгин С.И. Психология и педагогика в вопросах и ответах. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 576 с.
20. Хаустова С.А. Психолого-педагогические особенности отношения педагога к учащимся - представителям разных этнических групп: Автореф. дис. кан. псих. пед. наук – Курск, 2007.
21. Черницын С.В. Этнические традиции в системе образования: перспективы взаимодействия и проблемы //Организация деятельности учащейся моло-

- дежи в деле изучения, использования и охраны историко-культурного наследия. Сборник научных трудов Российской (с международным участием) научно-практической конференции. -Ростов-на-Дону, 2011.
22. Шакурова М.В. Социальное воспитание в школе: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений /под ред. А.В. Мудрика. — М.: Академия, 2004.
23. Ялалов Ф. Истоки этнопедагогики (электронный ресурс) Режим доступа: [www//ed.nmi.su/ istoki.htm](http://www.ed.nmi.su/istoki.htm)
24. Ясницкая В.Р. Социальное воспитание в классе: Теория и методика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений /Под ред. А.В. Мудрика. - М.: Академия, 2004. - 352 с.
-

© Демичева Дарья Васильевна (dvdemicheva@sfnedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ДИСКУРСНОГО ПОДХОДА

VOCATIONAL TEACHING TRAINING OF FOREIGN STUDENTS BASED ON A DISCURSIVE APPROACH

D. Demicheva

Summary: The number of foreign students in Russian universities is increasing, which has become a reality today. The biggest problem in the professional training of foreign students is the difficulty they experience in adapting to the Russian educational environment. The main reason for adaptation difficulties is poor knowledge of the Russian language. Teaching Russian to foreign students is conducted alongside subject-specific and psychological-pedagogical training. There is a need to develop methods and techniques for working with foreign students aimed at developing professional-communicative competencies in them. In this context, it is promising to create a professional-pedagogical space, the main component of which is a pedagogical discourse.

Keywords: foreign students, professional training, pedagogical education, pedagogical discourse, discourse approach.

Демичева Дарья Васильевна

Ассистент, Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)
dvdemicheva@sfedu.ru

Аннотация: Увеличивается количество иностранных студентов в российских вузах, это становится реальностью сегодняшнего дня. Самой большой проблемой профессиональной подготовки иностранных студентов являются трудности их адаптации к российской образовательной среде. Основной причиной трудностей в адаптации является плохое знание русского языка. Обучение иностранных студентов русскому языку происходит параллельно с предметной и психолого-педагогической подготовкой. Возникает необходимость в разработке методов и приемов работы с иностранными студентами, направленными на развитие профессионально-коммуникативных компетенций у иностранных студентов. В контексте сказанного перспективным является создание профессионального- педагогического пространства, основным компонентом которого является педагогический дискурс.

Ключевые слова: иностранные студенты, профессиональная подготовка, педагогическая образование, педагогический дискурс, дискурсный подход.

Процессы интернационализации образования продолжают оставаться интенсивными в мировой образовательной системе, поскольку, как известно, образование не знает границ. В российских вузах в последнее время увеличивается количество иностранных студентов. В связи с этим возникает необходимость создания образовательной среды для иностранных студентов, в рамках которой студенты-иностранцы будут успешно осваивать профессиональные компетенции.

Для успешной адаптации иностранных студентов к новой культурно-образовательной реальности большую роль играет русский язык, который и становится основным средством адаптации. Однако сегодня мы наблюдаем картину, когда не все студенты до поступления в ВУЗ осваивают русский язык на подготовительном факультете. Следствием этого является плохое владение иностранными студентами русским языком.

Успешная адаптация иностранных студентов к российской образовательной среде является важным условием их профессионального становления. Многие ученые, рассматривая в своих работах особенности профессиональной подготовки иностранных студентов считают, что языковая, социальная, культурная адаптация иностранцев влияет на качество их профессиональной

подготовки (Л.И. Бутенко, Е.Б. Попкова, И.А. Савченко, Б.Б. Степанова и др.). В научных исследованиях обращается внимание на барьеры адаптации, типы адаптации, особенности социально-культурной среды, выделяются критерии и показатели успешности профессиональной подготовки иностранных студентов. Появляются исследования, в которых говорится об учете в образовательной деятельности психологических и национальных особенностей иностранных студентов (Т.Р. Рахимов).

В отечественной методике обучения иностранных студентов накоплен богатейший опыт, однако в определенные периоды развития российского образования многое из этого опыта было утрачено; ориентация образовательной политики страны на зарубежный опыт, реорганизация подготовительных факультетов для приезжающих иностранцев в некоторых вузах ухудшили ситуацию в области профессиональной подготовки иностранных студентов в условиях отсутствия знаний русского языка студентами-иностранцами, процесс профессиональной подготовки иностранных студентов стал носить стихийный характер.

Иностранные студенты, с одной стороны, сталкиваются с типичными проблемами, характерными для любого направления подготовки, с другой стороны, в

области педагогического образования для иностранных студентов есть свои особенности. Следует также отметить трудности для иностранных студентов в их профильной подготовке.

Так, обращаясь к анализу причин трудностей, характерных для иностранных студентов и независимых от направления подготовки, Н.С. Брем указывает языковую среду, в которой оказываются иностранные студенты, приехавшие в Россию на учебу и не изучавшие до начала обучения в вузе русский язык. По мнению Н.С. Брем, «языковая среда, с одной стороны, стимулирует скорейшее овладение языком, с другой стороны, она провоцирует появление у студентов дополнительных трудностей, негативно влияющих на процесс обучения, ...студенты, изучающие язык в языковой среде, испытывают большое психологическое давление: их преподаватель говорит только на иностранном для них языке; методы и приемы преподавания, которыми пользуется российский преподаватель, отличается от тех, которыми пользовались педагоги в родной стране студента; повышен уровень тревожности в связи перегрузом и необходимостью адаптации к новой учебной реальности к условиям жизни. В таких условиях у студентов могут более активно проявляться психологические и психофизиологические проблемы, такие как, например, неспецифическая дислексия, аффективный фильтр, физическое переутомление» [2, с.255].

М.Н. Кожевникова считает, что образование «иностранцев граждан на данный момент не имеет научного описания в качестве целостной педагогической системы, что препятствует эффективному продвижению отечественного образования зарубежом» [3, с.8].

В контексте подготовки иностранных студентов к педагогической деятельности достаточно перспективным является дискурсный подход и рамках этого подхода понятие «педагогический дискурс».

Дискурсный подход в обучении предполагает формирование навыка выбора лингвистических средств в зависимости от типа высказывания, ситуации общения, коммуникативных задач. Студенты коммуницируют и в процессе общения используют тот арсенал языковых средств, который имеется на сегодняшний день. Очень важно, чтобы в процессе коммуникации студенты могли выражать отношение к информации, к самому процессу общения, важно, чтобы этот процесс был еще и эмоционально окрашен. Дискурс всегда сопряжен с ситуацией общения, с особенностями ситуации, участниками общения, поэтому дискурсный подход помогает соединить во единый акт общения, учитывая все компоненты процесса общения. Поэтому в образовательной деятельности студентам -иностранцам необходимо показывать особенности дискурса, языковые средства, алгоритм их отбора в зависимости от ситуации общения и целевых устано-

вок. Дискурсный подход является важным в построении педагогического общения, так как педагогическое взаимодействие обладает рядом особенностей, личностных характеристик участников общения, протеканием самого педагогического действия. Н.К. Сидоркина говорит о том, что «при обучении иностранных студентов следует учитывать специфику контингента обучающихся: уровень их довузовской подготовки и мотивации, степень владения языком-посредником, различия в методах обучения, применяемых в странах студентов, национально-психологические особенности иностранных студентов, сложности их адаптации к новой социокультурной и образовательной среде» [5, с.96].

Анализ условий адаптации иностранных студентов к российскому образованию, анализ трудностей, с которыми сталкиваются иностранные студенты в процессе профессионально-педагогической подготовки актуализирует создание определенной среды для обучения иностранных студентов, в рамках которой будет сформирована профессиональная дискурсивная компетентность. Профессиональная дискурсивная компетентность – сложное интегративное образование, особенно значимое для иностранных студентов, так как включает в себя вторичную языковую личность. Именно поэтому коммуникативный компонент является системообразующим в профессиональной дискурсивной компетентности и опосредует остальные компоненты – когнитивный и мотивационный. Коммуникативный компонент влияет на отбор и познание, анализ языковых средств, необходимых для профессионального общения в том числе. Коммуникативный компонент влияет на появление мотива в овладении профессиональными умениями посредством другого языка.

Для педагога большую роль играет знание в области профессиональной деятельности - это и предметная подготовка, и методические «секреты», и психолого-педагогическое знание. Также большую роль играет выбор коммуникативных установок и в соответствии с ними отбор языковых средств, которые также должны быть знакомы будущему педагогу. За это все отвечает когнитивный компонент.

Особо значимым для иностранных студентов является положительная ориентация на профессиональную педагогическую деятельность. Профессия педагога делает актуальным непрерывное самообразование, способность к саморазвитию, участие в конференциях, методических объединениях, взаимодействие с учениками и их родителями, умение планировать свою деятельность и прогнозировать, предвосхищать результаты тех или иных действий. Именно поэтому мотивационный компонент является определяющим для успешности организации педагогического пространства и взаимодействия в нем.

Необходимость изучения учебной мотивации обусловлена тем, что успешность образовательной деятельности студентов вуза зачастую зависит от развития потребностно-мотивационной сферы: некоторые студенты обучаются, чтобы стать учеными, некоторые хотят получить на Родине хорошо оплачиваемую работу, и им обязательно для этого нужно знание русского языка; кто-то из выпускников будет работать в школе. Независимо от профессиональных потребностей и целей педагогический дискурс позволит всем выпускникам успешно осуществлять профессиональную коммуникацию.

Успешность педагогической деятельности определяется объемом практической составляющей в подготовке учителя. Для иностранных студентов практическая подготовка является достаточно значимой. Участие иностранных студентов в педагогической практике позволит определить контуры будущей профессиональной деятельности. Взаимодействие с учениками и с родителями, с коллегами поможет понять мотивы получения педагогической профессии. Для иностранных студентов значимыми будут и учебные практики: учебная ознакомительная практика, учебная технологическая (проектно-технологическая) практика, учебная научно-исследовательская практика. В рамках данных практик студенты учатся моделировать уроки, профессионально общаться друг с другом. Обозначенный подход в организации профессиональной педагогической деятельности студентов позволяет повысить мотивацию к профессии педагога.

Для нас не менее важным является коммуникативный компонент, который опосредует педагогическое общение и взаимодействие. Коммуникативный компонент связан с профессиональной направленностью и особенностями педагогической деятельности, а также

с личностными качествами студента как будущего педагога. Рассматривая коммуникативный компонент более подробно, мы обращаемся к трудам российских и зарубежных учёных.

Мы понимаем, что «дискурсивная компетентность» это комплексное понятие, которое систематизирует профессиональную деятельность, и нельзя определить ее, опираясь только на какой-то определенный компонент. «Дискурсивная компетентность» – очень сложное иерархичное образование, которое включает кроме профессиональных умений личностные особенности учителя.

Для иностранных студентов владение профессиональным дискурсом – это не только познание правил и норм языка, но и знакомство с условиями и целью общения, а также знание лексических единиц, необходимых для адекватного взаимодействия студентов и преподавателей. Не менее важными в коммуникации является знание грамматических конструкций и синтаксического строя речи. Профессиональный дискурс включает в себя также знакомство с технологиями и приемами работы, методические материалы, учебники и стандарты.

Проанализировав ряд научных теоретических исследований и опытно-экспериментальных работ (Т.А. Вишнякова, Т.А. Ашихмина, Ю.В. Прохоров, Т.М. Балыхина, Н.В. Куклина, О.А. Овсянникова, А.Н. Щукин, Е.И. Пассов и др.), мы можем отметить, что они либо не затрагивают, либо недостаточно полно описывают педагогические и методические проблемы формирования дискурсивной компетентности у студентов-иностранцев в образовательной среде университета. Следовательно, необходимо говорить о создании в работе с иностранными студентами особой образовательной среды, для которой ключевое значение имеет понятие «педагогический дискурс».

ЛИТЕРАТУРА

1. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. – 185 с.
2. Брем Н.С. Особенности барьеров при изучении иностранного языка в языковой среде и вне ее // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 3. С. 250–257.
3. Кожевникова М.Н. Национально ориентированная модель обучения иностранных граждан в российских вузах: моногр. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2021. 160 с.
4. Рахимов Т.Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития // Язык и культура. 2010. № 4 (12). С. 123–136.
5. Сидоркина К.С. Особенности профессиональной подготовки иностранных специалистов в медицинском вузе // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2024. Вып. 2 (54). С. 95–103.
6. Савченко И.А. Иностранец студент в России: условия и барьеры интеграции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 4 (110). С. 25–31.
7. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта; Наука, 2017. 512 с.

© Демичева Дарья Васильевна (dvdemicheva@sfnedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ БАЗЫ ЗНАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТА НАСТАВНИЧЕСТВА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

FUNDAMENTALS OF USING A CORPORATE KNOWLEDGE BASE AS A MENTORING TOOL IN GOVERNMENT INSTITUTIONS

N. Kazakov

Summary: This article examines the concept of a knowledge base and discusses the types and methods of developing knowledge bases in government agencies for the purpose of establishing a mentoring system. It also examines the specifics of using a knowledge base as a mentoring tool for employees in government agencies. A format for developing a knowledge base for government agencies based on the use of a knowledge base as a mentoring tool is proposed.

Keywords: knowledge base, mentoring, employee onboarding, public administration, human resources policy, government agencies.

Казakov Никита Петрович

Аспирант, ОЧУ ВО «Московская международная академия»

KazakovNPJob@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается сущность понятия база знаний, рассмотрены виды и методы формирования баз знаний в государственных учреждениях в процессе организации системы наставничества. Рассмотрены особенности применения базы знаний как инструмента наставничества при обеспечении адаптации сотрудников государственных учреждений, предложен формат разработки базы знаний государственных учреждений, основанный на использовании базы знаний как инструмента системы наставничества.

Ключевые слова: база знаний, наставничество, адаптация сотрудников, государственное управление, кадровая политика, государственные учреждения.

Введение

Адаптация сотрудников в государственных учреждениях заключается в планомерной передаче новичку знаний, навыков и умений, требуемых для выполнения поручений, вовлечению в корпоративную культуру организации и знакомство с процессами, происходящими внутри учреждения. К основным особенностям государственных учреждений возможно отнести строгую иерархичность, необходимость соблюдения сроков исполнения поручений, а также дефицит времени на задачи, не относящиеся к цели существования учреждения, вследствие чего зачастую адаптации новичков уделяется недостаточно внимания. Внедрение базы знаний как инструмента наставничества позволяет комплексно воздействовать на все этапы адаптации сотрудников, сохранять и передавать знания даже при высокой текучести кадров, а также способствует формированию целостного понимания сотрудниками учреждения порядка и цели выполнения поручений.

Целью данной работы является комплексное исследование сущности базы знаний, исследование особенностей наполнения базы знаний и разработка методических рекомендаций по её применению в качестве инструмента наставничества при адаптации сотрудников в государственных учреждениях.

Обзор литературы

Вопрос термина «База знаний» рассматривался в работах А.А. Пучковой [1]; Вопросы формирования базы знаний рассматривались в публикациях Е.А. Белиной [2]; Использование базы знаний как инструмента обучения рассматривался в работах Г.С. Сиговцева [3], А.Л. Гапоненко [4].

При этом вопросу использования базы знаний как инструмента наставника для работы с наставляемым уделено недостаточно внимания.

Материалы и методы

В данной работе использовался теоретический анализ специализированной литературы, профильных нормативно-правовых актов, анализ и систематизация работ отечественных авторов по теме исследования, обобщение результатов исследований.

Дискуссия и результаты

База знаний является инструментом сохранения и структурирования накопленной сотрудниками учреждения информацией, используемой для различных целей. Согласно А.А. Пучковой, базу знаний возможно описать как совокупность программных средств, обеспечивающих поиск, хранение, преобразование и запись знаний

[1]. Формат базы знаний зависит от предполагаемых целей использования. П.В. Муксимовым предлагается создание базы знаний для принятия управленческих решений на основе накопленных данных, вследствие чего структура базы согласована с уровнями управления – Компания – Общество – Управления – Отделы – Сотрудники [5]. Данный формат построения позволяет обеспечить связанность и иерархию знаний, хранящихся на всех уровнях. Согласно Е.А. Белиной, база знаний учреждения рассматривается как инструмент повышения эффективности рабочего времени и уровня управления персоналом в условиях дистанционной работы [2]. В условиях филиальной сети или удаленной работы база знаний становится необходимым инструментом для передачи актуальных сведений и поддержания общей информированности об изменениях в учреждении. При соблюдении таких условий как уникальность статей, актуальность данных и наличие архивных сведений, база знаний становится инструментом экономии времени и поддержания вовлеченности сотрудников в процессы учреждения.

Согласно С.Л. Александрову, для определения наиболее значимых разделов используется аудит знаний – форма выявления и оценки знаний, соответствующей целям организации и служащей объективным методом проверки успешности инвестиций в менеджмент знаний [6]. Аудит знаний позволяет выделить наиболее успешный опыт исполнения поручений, структурировать и передать знание как сотрудникам, проходящим первичную адаптацию, так и специалистам смежных подразделений. В процессе проведения аудита производится формализация требований к различным процессам в учреждении – планируемому результату при исполнении повторяющихся поручений, требования к компетенциям различных специалистов и каналы получения информации, наборам нормативно-правовых актов, используемых в сфере деятельности учреждения. Формализация требований к компетенциям в процессе развития базы знаний является ключевым компонентом формирования карт компетенций – инструмента адаптации и развития персонала. О.С. Артамонова отмечает положительный эффект формирования и развития базы знаний на повышение уровня компетенций сотрудников учреждения за счет систематизации имеющихся знаний и повышения доступности для персонала [7].

С введением Федеральным законом от 09.11.2024 №381-ФЗ в Трудовой кодекс РФ статьи 351.8, определяющей особенности регулирования труда работников, выполняющих работу по наставничеству в сфере труда, а также утверждением Распоряжением Правительства РФ от 21 мая 2025 года №1264-р Концепции развития наставничества в России до 2030 года и плана мероприятий по её реализации, совершенствование корпоративных баз знаний становится наиболее актуальной для

наставников задачей, влияющей на результативность работы учреждения [8, 9]. Как инструмент наставника при работе с наставляемыми база знаний выполняет следующие задачи:

- Систематизация актуальных инструкций о выполнении текущих поручений;
- Предоставление методических материалов по компетенциям, присущим сотрудникам учреждения;
- Стимулирование интереса к существующим задачам за счёт возможности самостоятельного дополнения знаний на основе успешного опыта.

Формат базы знаний, применимой для наставничества незначительно отличается – предполагается формирование страниц и разделов, посвященных определенным тематикам и поручениям, сформированных таким образом, чтобы отвечать на наиболее часто возникающие у наставляемых вопросы (либо устранять предполагаемые вопросы превентивно). База знаний, применяемая для наставничества должна давать исчерпывающие ответы на вопросы для стандартного сотрудника:

На уровне организации: **«Где я работаю?»** - описание учреждения, содержащее устав, основные регламентирующие документы, контакты подразделений и диаграмму структуры учреждения;

На уровне направления: **«Какова моя роль в учреждении?»** - подробное описание направления работы подразделения сотрудника, влияния работы управления/отдела на достижение целей учреждения;

На уровне сотрудника как исполнителя: **«Зачем я выполняю свою работу?»** - перечень наиболее часто повторяющихся задач, плановых поручений, ссылки на нормативно-правовые акты; **«Как мне выполнять мою работу?»** - подробное описание поручений с пошаговыми инструкциями, ссылающимися на предыдущие результаты исполнения поручений; **«Как выглядит результат моей работы?»** - ссылки на результаты работы внутри компании, новостные заметки из средств массовой информации, проекты приказов; **«Каковы мои перспективы развития?»** - ссылки на возможности развития сотрудника внутри учреждения, карты компетенций и описание горизонтального и вертикального роста.

Корректно сформированная база знаний становится связующим звеном между всеми процессами в учреждении, начиная с первого дня работы сотрудника, заканчивая повышением в должности или прохождением выходного интервью. Связь наполнения базы знаний с такими инструментами наставничества как инструктирование, обратная связь и карты компетенций отражено на рисунке 1.

Формирование базы знаний учреждения напрямую

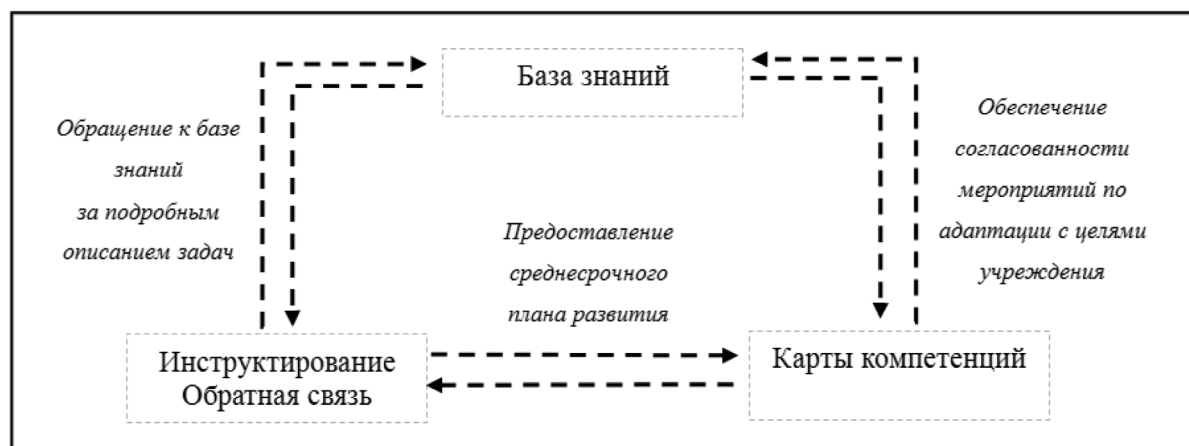

Рис. 1. Связанность инструментов наставничества при организации мероприятий по адаптации
Составлено автором

влияет на первичную и вторичную адаптацию сотрудников. Структурированные в процессе аудита знаний данные позволяют формировать целостное восприятие направления у новых сотрудников, устраняя пробелы в знаниях при условии их перехода в учреждение из компании другой отрасли. Структурированная нормативная база позволяет сократить время на поиск и анализ документации, повышая вовлеченность новичков на самых ранних этапах адаптации, при этом оставляя достаточную степень самостоятельности при изучении материалов. При возникновении затруднений в выполнении поручений сотрудник вправе обратиться к базе знаний, имеющую подробные инструкции и примеры выполненных работ, либо создать собственную инструкцию при столкновении с ранее не решавшейся задачей, что приводит к дополнительному ощущению вовлечения в результат учреждения [10]. Для сотрудников, проходящих вторичную адаптацию (уже действующих сотрудников учреждения, обучающихся новым навыкам по своему направлению работы или проходящим переподготовку), база знаний выступает инструментом дообучения [11]. Кроме того, важным моментом остаётся сохранение интеллектуального капитала учреждения – даже при увольнении опытного специалиста, его опыт и знания остаются в инструкциях и методических материалах, что позволяет поддерживать высокий уровень исполнения поручений заменяющим сотрудникам.

Сам процесс наполнения базы знаний влияет так же и на наставника, требуя от него структурированного описания собственных действий и знаний, что приводит к переносу с позиции «неосознанной компетенции» – зачастую указываемого в литературе уровня «мастерства», при котором специалист совершает корректные действия не задумываясь о том, какие конкретные действия совершает и зачем, в «осознанную компетентность» – состояние, при котором специалист может пошагово и подробно описать правильный алгоритм действий [12]. Данный перенос оказывает положительный эффект на

наставника за счёт рефлексии над собственными действиями при формировании инструкций и пособий, в процессе которого могут быть пересмотрены или усовершенствованы определенные алгоритмы, а также на наставляемого, получающего проверенный и подтвержденный успешный опыт выполнения поручений, сокращающий период адаптации на рабочем месте и количество ошибок, совершаемых наставляемым в процессе обучения. Критичным моментом остается необходимость соблюдения баланса между соблюдением инструкций и свободой действий наставляемого, что позволяет нарабатывать собственный опыт и совершать ошибки «в тепличных условиях», находясь под руководством опытного наставника и имея возможность использовать корпоративную базу знаний для самостоятельного изучения.

Результат наполнения базы знаний зависит от целей её использования – при организации адаптации сотрудников через систему наставничества, база знаний становится удобным педагогическим инструментом наставника, обеспечивающим его фондом оценочных средств, планами развития сотрудников на различных этапах карьерного продвижения, а также актуальными методическими материалами, с помощью которых возможна оценка текущих компетенций наставляемых.

Примером наполнения корпоративной базы знаний может послужить база знаний Корпоративного университета Транспортного комплекса – учреждения, образованного в рамках формирования Единой системы профориентации, обучения, оценки и развития персонала Транспортного комплекса города Москвы. Учреждение оказывает образовательные услуги по профессиональному обучению и переподготовке рабочих, служащих транспортного комплекса, проводит аттестации и экзаменационные подготовки, взаимодействуя с различными государственными организациями города Москвы, такими как ГУП «Московский метрополитен», ГКУ «Организатор

перевозок», АНО «Ведомственная охрана Правительства Москвы», и других. Система наставничества Корпоративного университета победила в конкурсе «Лучшие практики наставничества – 2024», организованном Министерством экономического развития Российской Федерации, при этом в учреждении оказываются образовательные услуги по профессиональному обучению по программам повышения квалификации наставников на производстве.

База знаний Корпоративного университета Транспортного комплекса содержит информацию как для наставников, так и для наставляемых – учебные пособия для водителей транспортных средств разных категорий, методические пособия по стандартам обслуживания пассажиров, пособия по устройству и техническому обслуживанию различного транспорта, а также пособия по формированию компетенций. Данные пособия содержат подробное описание рабочих ситуаций, стандартов и требований к сотрудникам московского транспорта, разборы наиболее часто совершаемых ошибок, а также инструкции по поведению в различных ситуациях.

Наличие базы знаний как части системы наставничества позволило разработать развитую систему адаптации сотрудников, совмещающую теоретическую подготовку и практику без отрыва от рабочего места, по результатам самообследования, в 2023 году 213 человек прошло подготовку по программам наставничества в стенах Корпоративного университета [13]. К результатам внедрения системы наставничества относят значительное снижение количества нарушений, допущенных ма-

шинистами электропоезда.

Заключение

Формирование базы знаний является формой сохранения и развития человеческого капитала, позволяет структурировать знания сотрудников учреждения, находившихся в разрозненном виде, формировать подробные обучающие материалы и снижает сроки адаптации персонала за счет наличия ответов на наиболее часто задаваемые вопросы. Как инструмент наставничества база знаний выступает как связующее звено между всеми процессами адаптации персонала, влияя при этом как на компетентность наставляемых на начальных этапах, так и поддерживая уровень знаний наставников по направлениям деятельности. Предложенный формат структурирования базы знаний путем формирования ответов на наиболее значимые возникающие вопросы оказывает влияние как на создание инструкций и методических материалов по основным направлениям работы учреждения, так и на формализацию требований к компетенциям специалистов, что приводит к снижению затрат на формирование карт компетенций сотрудников. Выделение формирования базы знаний учреждения в отдельную функцию наставников на рабочем месте может способствовать определению и институционализации должностных обязанностей сотрудников направления наставничество. Материалы исследования могут быть использованы для формирования структуры корпоративных баз знаний учреждений, а также для дальнейшего изучения инструментария наставничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пучкова, А.А. Особенности создания корпоративных баз знаний на производственных предприятиях / А.А. Пучкова, А.А. Ветрова // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2013. – № 1(21). – С. 157-162. – EDN PZKVYT.
2. Белина, Е.А. Роль корпоративной базы знаний организации в управлении персоналом / Е.А. Белина, Л.С. Бабынина // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2023. – Т. 2, № 2(5). – С. 74-82. – EDN LOPOAM.
3. Сиговцев, Г.С. LCMS для обучения персонала на основе корпоративной базы знаний / Г.С. Сиговцев, И.О. Семенов, М.А. Чарута // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2015. – Т. 11, № 1. – С. 135-140. – EDN VBPXYF.
4. Гапоненко, А.Л. Управление знаниями: как превратить знания в капитал / А.Л. Гапоненко, Т.М. Орлова; А.Л. Гапоненко, Т.М. Орлова. – Москва: Эксмо, 2008. – (Полный курс MBA =). – ISBN 978-5-699-26534-3. – EDN QSYHXV.
5. Муксимов, П.В. Поддержка принятия стратегических решений на предприятии трубопроводного транспорта нефтепродуктов с использованием корпоративной базы знаний / П.В. Муксимов // Электронный научный журнал Нефтегазовое дело. – 2007. – № 1. – С. 20. – EDN RPEZRV.
6. Александров, С.Л. Внутренний аудит знаний организации / С.Л. Александров // Компетентность. – 2022. – № 7. – С. 26-36. – DOI 10.24412/1993-8780-2022-7-26-36. – EDN XZVUUY.
7. Артамонова, О.С. Знания как фактор развития системы менеджмента качества в условиях цифровой экономики / О.С. Артамонова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 49-59. – DOI 10.18721/JE.12604. – EDN MFSLYO.
8. Закон Российской Федерации «Федеральный закон от 09.11.2024 N 381-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации»» от 09.11.2024 № N 381-ФЗ // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации.
9. Распоряжение Правительства РФ от 21.05.2025 N 1264-р «Об утверждении Концепции развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года и плана мероприятий по ее реализации».
10. Казаков, Н.П. Инструктирование как инструмент наставничества в государственных учреждениях: результаты эмпирического исследования / Н.П. Казаков // Современное профессиональное образование. – 2025. – № 5. – С. 23-26. – EDN BWCSUF.

11. Казаков, Н.П. Обеспечение адаптации сотрудников в государственных учреждениях в процессе организации системы наставничества / Н.П. Казаков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 6-3. – С. 77-82. – DOI 10.37882/2223-2982.2025.6-3.13. – EDN ZUQVFI.
12. Родиков, А.С. Понятие об осознанной и неосознанной компетентности руководителя в европейских образовательных моделях / А.С. Родиков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 125. – С. 217-226. – EDN NCBDZZ.
13. Посадский, А.В. Психолого-педагогическая подготовка наставников эксплуатационных служб ГУП «Московский метрополитен» в Корпоративном университете Транспортного комплекса / А.В. Посадский // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2023. – № 2(62). – С. 83-90. – DOI 10.24888/2073-8439-2023-62-2-83-90. – EDN LCZAVQ.

© Казаков Никита Петрович (KazakovNPJob@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КАДРОВ

Картушина Наталья Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент, Московский
авиационный институт (национальный
исследовательский университет)
n_science@mail.ru

PECULIARITIES OF ASSESSING THE QUALITY OF LANGUAGE PROFICIENCY OF DIPLOMATIC COMMUNITY

N. Kartushina

Summary: This article is devoted to a key aspect of a professional performance of diplomatic community: the quality of language proficiency. It lists the main methods of assessing language proficiency that contribute to achieving diplomatic personnel's language proficiency goals, such as LSP tests, situational exercises, language portfolios, and expert assessments. The author describes and analyzes these methods using a comparative analysis, emphasizing the practical application of acquired knowledge by simulating situations from real-life professional activities.

Keywords: professional performance of diplomatic community, language training of diplomats, quality assessment, methods of assessing language training.

Аннотация: Статья посвящена основному аспекту профессиональной деятельности дипломата, а именно качеству языковой подготовки. В статье перечислены основные методы оценки языковой подготовки, которые способствуют достижению языковой цели дипломатических кадров, такие как LSP-тесты, ситуационные упражнения, языковое портфолио, экспертная оценка. Автор описывает и анализирует данные методы, используя сравнительный анализ, делая акцент на практическом применении полученных знаний, моделируя ситуации из реальной служебной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная деятельность дипломатов, языковая подготовка дипломатов, оценка качества, методы оценки языковой подготовки.

Несмотря на обострившиеся геополитические противоречия, парадигма общественного развития предопределяет расширение международного сотрудничества, всестороннее взаимодействие в науке, образовании, экономике и культуре, что невозможно осуществить без универсальных средств коммуникации.

Очевидно, что эффективность межкультурной коммуникации определяется в первую очередь уровнем владения иностранным языком, в связи с чем качество обучения иностранному языку становится фактором общественного развития. [5]

Особая роль отводится дипломатической работе, которая является глобальным инструментом продвижения национальных интересов нашей страны на международной арене.

Как и в любой сфере общественной деятельности, дипломатия также располагает своим инструментарием, подходами и методами достижения целей и задач, важнейшим из которых является профессиональное общение, подразумевающее способность и умение вести целенаправленную беседу на иностранном языке. Необходимость межкультурного профессионального становления специалиста, повышения профессиональной компетенции обучающихся рассматривается

в трудах О.И. Бурковой, Н.Д. Гальской, И.Н. Горелова и другими. [1, 2, 3]

Российский дипломат Б.Л. Колоколов, один из создателей программы подготовки переводчиков МИД РФ отмечает, что «...успех беседы в том или ином качестве почти наполовину зависит от знания языка, потому что прямой контакт на языке собеседника поможет ему завоевать расположение и продемонстрирует Ваше уважение к нему. И практически, и психологически это важно».

Одним из факторов вхождения в мировое сообщество и преодоления тенденций раскола в многонациональном обществе является способность дипломатов вести диалог на языке представителей другой культуры, что позволит им впоследствии избежать предрассудков по отношению к субъекту другой (иной) культуры, осознать и принять как данность различия в обычаях и традициях других народов. [4]

Таким образом, достижение успеха в профессиональной деятельности дипломата в значительной степени определяется степенью сформированности у него навыков и умений, относящихся к осуществлению профессионального общения на иностранном языке.

Оценка качества языковой подготовки диплома-

тов – это комплексный процесс, сочетающий языковые, коммуникативные, межкультурные и профессионально-релевантные компоненты. Ниже приведены основные методы оценки, используемые в академической, дипломатической и международной практике.

1. Профессионально-ориентированные языковые тесты LSP.

LSP (Language for Specific Purposes) – подход к обучению и оценке языка, ориентированный на использование языка в конкретной профессиональной или академической сфере (в данном случае – дипломатии). LSP-тесты моделируют реальные рабочие ситуации, оценивают коммуникативную компетентность в профессиональном контексте, фокусируются на дискурсивных жанрах, характерных для профессии: меморандумы, выступления ООН, переговоры, интервью, протоколы и пр., а также вежливость, стратегии смягчения, тактическое умолчание.

LSP-тесты в оценке качества подготовки дипломатов имеют ряд неоспоримых преимуществ:

- валидность: тест измеряет именно то, что требуется в профессии: не общий английский, а дипломатический английский/французский/китайский;
- диагностическая ценность: выявляет пробелы на уровне профессиональных навыков, а не общего уровня;
- обратная связь для обучения: результаты LSP-теста позволяют скорректировать образовательные программы: добавить модуль по составлению нот, отработать стратегии переговоров, ввести курсы по медиадипломатии;
- оценка soft skills через язык: оценка стрессоустойчивости, межкультурной чувствительности через выбор формулировок, пауз, интонации. [6]

Для достижения языковой цели при применении тестов LSP важна подготовка преподавателя, который, в свою очередь, должен обладать следующими знаниями и умениями: владеть не только лингвистической стороной профессионально-ориентированного материала, но и его специальной составляющей, разрабатывать специфичные средства контроля, использовать специально подготовленные учебные пособия, учитывая специфику обучаемого, посещать семинары, круглые столы, конференции и курсы по обучению иностранному языку для специальных целей. [8]

LSP-тесты для дипломатов оценивают готовность к профессиональной деятельности через призму языка и являются прогностическим инструментом: высокий балл коррелирует с высокой вероятностью успешного выполнения служебных обязанностей за рубежом.

2. Ситуационные упражнения

Данный метод представляет собой имитацию профессиональных задач и проблем, характерных для конкретной сферы деятельности. В дипломатической подготовке они могут принимать форму многосторонних переговоров, брифингов и пресс-конференций, кризисных симуляций, дипломатической переписки.

Ситуационные упражнения в оценке качества подготовки дипломатов имеют ряд неоспоримых преимуществ:

- индивидуализация оценки: каждый участник проявляет себя в уникальной манере;
- мотивация к обучению: участие в динамичных сценариях повышает вовлечённость обучающихся;
- практико-ориентированность: применение теоретических знаний для решения задач в профессиональной сфере;
- обратная связь: эксперты могут дать конструктивные рекомендации по улучшению усваиваемых навыков. [9]

Ситуационные упражнения являются неотъемлемым элементом современной дипломатической подготовки. Они позволяют не просто проверить знания, но и оценить, насколько будущий дипломат готов к реальной, многогранной и часто непредсказуемой работе на международной арене. Их систематическое применение способствует повышению качества подготовки кадров и укреплению профессионального потенциала дипломатической службы.

3. Языковое портфолио.

Языковое портфолио представляет собой структурированную подборку аутентичных работ и доказательств языковой компетентности, демонстрируя уровень языковой подготовки, способность применять язык в профессиональных ситуациях и при контактах с другими культурами, прогресс в своем обучении. [10]

Языковое портфолио в оценке качества подготовки дипломатов имеют ряд неоспоримых преимуществ:

- оценка динамика (прогресса): фиксирует качественные изменения в личностном росте специалиста в процессе освоения материала за определенный период времени;
- развитие рефлексивной культуры: умение проводить самооценку, самоанализ, самокоррекцию собственных действий, что позволяет дипломату быстрее адаптироваться к новым вызовам;
- интеграция soft skills: проявляются стрессоустойчивость, межкультурная чувствительность, этическое суждение через выбор формулировок и анализ ситуаций;

- поддержка lifelong learning: портфолио становится инструментом постоянного профессионального роста, а не разовой аттестации.

Языковое портфолио – это не просто «папка с работами», а инструмент формирования профессиональной идентичности дипломата через язык. Оно позволяет увидеть в кандидате не только «хорошего знатока английского», но осознанного, рефлексивного, постоянно развивающегося коммуникатора, способного отстаивать интересы государства с грамотностью, тактом и стратегическим мышлением.

Оценка языковой подготовки дипломата должна включать не только проверку компетенций, но и подтверждение готовности к их постоянному совершенствованию. Языковое портфолио — единственный метод, объединяющий оба этих измерения.

4. Экспертная оценка

Экспертная оценка – это целенаправленный анализ качества языковой деятельности дипломата, проводимый квалифицированным специалистом (экспертом) на основе профессиональных критериев, опыта и интуиции, который «обеспечивает конструктивную обратную связь, выявление слабых мест, точек роста». [7] Именно она становится ключевым методом, особенно на этапах итоговой аттестации, отбора на высшие должности или анализа готовности к работе в критически важных направлениях.

Данный метод в оценке качества подготовки дипломатов имеет ряд неоспоримых преимуществ:

- глубина анализа: эксперт способен увидеть иронию, скрытое согласие, тактическое молчание, этический подтекст;
- контекстуальная валидность: оценка учитывает реальную политическую обстановку, а не абстрактный «идеальный ответ»;
- диагностическая ценность: дает точные, персонализированные рекомендации по развитию;
- оценка потенциала: эксперт может судить не только о текущем уровне, но и о способности к росту.

В отличие от других методов оценки качества языковой подготовки дипломата экспертная оценка позволяет охватить стратегическую зрелость, контекстуальную глубину и этическую осмысленность профессиональной речи, что является обязательным компонентом аттестации дипломатических работников, претендующих на замещение должностей, связанных с представительством Российской Федерации на международной арене.

Таким образом, можно сделать вывод, что особенность профессиональной деятельности дипломата подразумевает обладание им развитых коммуникативных качеств на иностранном языке, что достигается путем моделирования реальной служебной деятельности, использования ситуационных упражнений, применением профессионально-ориентированных языковых тестов, что в совокупности способствует повышению качества языковой подготовки дипломатических кадров. Очевидно, что языковые компетенции имеют большое значение в становлении смешанной мировой культуры и укреплении взаимодействия между народами, что, в свою очередь, положительно влияет на динамику процесса глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буркова О.И. Подготовка учителя иностранного языка к межкультурной коммуникации в условиях педагогического колледжа: дис. канд. пед. наук. Киров, 2001. 195 с.
2. Галльская Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. М.: АРКТИ, 2000. 165 с.
3. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М. Наука, 1980. 104 с.
4. Зоткина И.В. Профессиональная коммуникация языковой подготовки дипломатов. Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Московский городской педагогический университет. Москва, 2011. 279 с.
5. Картушина Н.В. Система оценки профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка. Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Москва, 2023. 226 с.
6. Kazakova O. Language for specific purposes: Methodological Problems, trends and perspectives // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2015. V. 214. P. 977–982.
7. Конева Е.В., Пачина Н.Н. Экспертная оценка научных компетенций в высшей школе. В сборнике: Инновационные технологии в современном образовании. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Тирасполь, 2025. С. 62.
8. Крупченко А.К. Профессионализация преподавания иностранного языка специалистам. Профессиональное образование. 2005. №9. С. 31.
9. Макарова О.А., Шабанова А.А., Вилясова И.С. Методика применения ситуационных задач на занятиях иностранного языка у студентов, изучающих юриспруденцию. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 2. С. 134–145.
10. Тлешова Ж.К., Ищанова А.А. Языковой портфолио: оценка языковых умений и навыков будущих дипломатов. Государственное управление и государственная служба. 2014. №2. С. 37–42.

© Картушина Наталья Викторовна (n_science@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ СИСТЕМ НАЧАЛЬНОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL SYSTEMS OF PRIMARY MATHEMATICAL EDUCATION

**Z. Kondrashova
V. Pisarenko**

Summary: The problem of improving subject education in schools is solved by referring to the best global practices and the experience of other countries, which can be useful. The solution of this problem is particularly important for improving the educational process in primary schools, as the effectiveness of this level of the educational system determines the level of education at all subsequent stages. The foundation of education laid in primary schools is the basis for further learning, upbringing, and personal development. This article focuses on a comparative analysis of primary mathematics education systems. In the context of globalization, comparing different educational systems and analyzing the best educational practices allows us to identify the best practices and make them available to the educational community. This paper examines the features of organizing the educational process, developing and implementing educational programs, and evaluating the content and assessment in the primary mathematics system.

Keywords: education system, primary education, primary mathematics education, technology, comparative analysis.

Кондрашова Зоя Михайловна

кандидат педагогических наук, доцент, Южный
федеральный университет, (г. Ростов-на-Дону)
zm.66@mail.ru

Писаренко Вероника Игоревна

доктор педагогических наук, профессор, Южного
федерального университета, (г. Ростов-на-Дону)
pisarenko@sfnedu.ru

Аннотация: Проблема совершенствования предметного образования в школе решается посредством обращения к лучшим мировым практикам и опыту других стран, который может быть полезен. Особое значение решение данной проблемы имеет для совершенствования образовательного процесса в начальной школе, поскольку эффективность данного уровня образовательной системы определяет уровень образования на всех последующих этапах. Заложенный в начальной школе фундамент образования является основой для дальнейшего обучения, воспитания и развития личности. Данная статья посвящена сравнительному анализу систем начального математического образования. В условиях глобализации сравнение различных образовательных систем и анализ лучших образовательных практик позволяет выделить лучший опыт и сделать его достоянием педагогической общественности. В работе рассмотрены особенности организации учебного процесса, разработки и реализации образовательных программ, содержания и оценивания в системе начального математического образования Сингапура, Франции и США. Сравнительный анализ осуществляется на основе синергетического подхода, в соответствии с которым речь идет о диссипативных структурах в каждой системе, в качестве которых выступают социальный запрос, образовательная парадигма, средства обучения, образовательные стандарты и субъекты обучения. На основании анализа каждой из систем образования предложенных стран авторами сделаны выводы об особенностях начального математического образования в каждой конкретной стране, представлены лучшие практики, определяющие лидерство той или иной страны в развитии начального математического образования.

Ключевые слова: система образования, начальное образование, начальное математическое образование, технология, сравнительный анализ.

Введение

Проблема совершенствования предметной подготовки в начальной школе является одной из самых обсуждаемых в проблемном поле современной педагогической науки. Вопросы совершенствования предметной подготовки рассматриваются как отечественными, так и зарубежными учеными, поскольку первая ступень подготовки детей важна независимо от национальной принадлежности, географического положения или других характеристик систем образования в мире. Эта проблема также актуальна в Европе, в Азии и в Америке, как она актуальна в России, хотя система начального образования везде имеет свои особенности.

Предметная среда является не только основой для формирования знаний, умений и навыков по определенным дисциплинам, но и условием для успешного формирования и развития личности обучающегося. Лучшие мировые практики в этом направлении необходимо изучать и распространять, извлекая из них самое лучшее и эффективное содержание.

Сравнительные исследования мирового образовательного пространства продолжают оставаться одной из областей исследований, привлекающих наибольшее количество ученых. Мировой опыт и возможность его использования остаются областью исследований, в которой возможны самые серьезные прорывы. Сравнитель-

ный анализ систем образования в различных странах представлен в работах Безрукова А.И., Зайцевой Е.А., Галимовой Э.И., Грахольской Л.В., Искандаровой И.С., Капитоновой Т.А., Кирьяновой Я.И., Малати Дж., Малышевой Л.В., Носовой Е.А., Овсянниковой Т.Л., Прокудиной Е.Д., Седовой Е.А., Тимербаевой Н.В., Тонян Н.А., Черновой Ю.А., Чошанова М.А. и др. Отметим, что перечисленные авторы проводили сравнительный анализ по различным основаниям, выделяя в качестве доминирующей одну из структур образования. К образовательным структурам мы отнесли социальный запрос, образовательную парадигму, образовательную программу, технологии обучения, средства обучения и отношения между субъектами процесса обучения. Далее выявляя особенности образовательной системы в целом и начального математического образования, в частности, мы использовали выводы перечисленных авторов, конкретизируя их при анализе системы образования исследуемой страны.

Методологические подходы

Приступая к сравнительному анализу начального математического образования в зарубежных системах образования, отметим, что в сравнительной педагогике наблюдается достаточно широкое многообразие методологических подходов для осуществления сравнения систем образования в различных странах. Мы используем системный, комплексный и синергетический подходы. В рамках нашего исследования является значимым, прежде всего, комплексный подход. Андриенко Е.В., давая определение комплексному подходу, включает в него цели, задачи, методы, формы, средства обучения, содержание и технологии обучения [1, с. 23]. Мы расширили рамки комплексного подхода, предложенного Андриенко Е.В., с учетом синергетической концепции и рассмотрели цели, задачи, методы, формы, средства обучения, содержание и технологии обучения внутри конкретной диссипативной структуры. Комплексный подход в рамках нашего исследования предполагает изучение диссипативных структур, составляющих систему начального математического образования в различных странах на современном этапе развития.

Целью данного исследования является рассмотрение диссипативных структур системы начального математического образования различных стран, проведение сравнительного анализа по каждой структуре, выявление преимуществ и недостатков системы начального математического образования в различных странах.

Сформулированная цель исследования определила логику построения данной статьи, реализуемую в ходе решения следующих **задач**: 1) определить и обосновать пять диссипативных структур характерных для области начального математического образования; 2) выбрать страны для проведения анализа системы начального

математического образования и обосновать сделанный выбор; 3) осуществить анализ диссипативных структур системы начального математического образования по каждой выбранной стране; 4) выявить преимущества и недостатки начального математического образования в исследуемых странах.

Понятие «диссипативная структура» выбрано нами в качестве основного в соответствии с синергетическим подходом, который является одним из ведущих на постнеклассическом этапе развития современной науки. Мы полностью разделяем мнение В.Г. Буданова, который полагает, что «... реформа образования должна опираться на идеи целостности и фундаментальности образования, но не в духе традиционного дисциплинарного понимания фундаментальных наук, заложившего образовательную парадигму со времен первой фазы научной революции, а с учетом парадигмальных изменений науки рубежа XXI века, перехода ее в междисциплинарную стадию постнеклассической науки» [2, с. 165]. Отметим, что под диссипативными структурами мы понимаем устойчивые пространственно-временные образования в открытых нелинейных системах, находящихся далеко от термодинамического равновесия [3, с.45].

Система начального математического образования имеет фрактальную организацию, является самоподобной социальной структурой, поэтому уместно при исследовании современного состояния системы более подробно проанализировать следующие диссипативные структуры: социальный запрос, образовательную парадигму, программу обучения, средства обучения, субъектов образовательного процесса.

Первая структура – это «социальный запрос». Социальный запрос общества к уровню образования личности формируется в условиях социально-экономического и культурного развития государства. В рамках данной структуры мы рассмотрели нормативно – правовую базу, которая определяет образовательную парадигму отдельной страны.

Вторая структура – это «образовательная парадигма», которая является доминирующей при построении системы образования конкретной страны. Характеристика образовательной парадигмы необходима для определения целей, принципов и результатов обучения школьников, методов и технологий обучения и контроля. Голосова С.В., Федоренко Л.П. считают, что «в современной педагогике парадигмы существуют параллельно, не исключая друг друга. В образовании нет и не может быть исключительной парадигмы, а четкое разделение парадигм происходит только в теоретическом плане» [4, с. 40]. В педагогической литературе описаны пять основных парадигм: когнитивная, личностно-ориентированная, социальная, функционалистская, культурологическая.

Третья структура – это «образовательные стандарты», «программа обучения». Образовательные стандарты и программа обучения строятся на основе доминирующей образовательной парадигмы и отражает достижения науки в конкретной предметной области, что влияет на отбор принципов и содержания обучения, на постановку целей обучения и определение результатов обучения. Образовательные стандарты и образовательная программа способствует отбору технологий обучения математике младших школьников и конкретного дидактического инструментария при обучении в начальной школе.

Четвертая структура – это «средства обучения». Современный этап социально-экономического и культурного развития любого государства характеризуется бурным ростом информационно-коммуникационных технологий и процессов цифровизации общества, развитием нейросетей, что находит свое применение при разработке современных средств обучения, и как факт изменяет образовательную среду.

Пятая структура – это «субъекты процесса обучения». К субъектам процесса обучения мы отнесли учеников, родителей и учителей. Уровень отношений между субъектами процесса обучения влияет на технологии обучения, дидактический инструментарий и результаты обучения. Действующая образовательная парадигма определяет роль каждого субъекта в процессе обучения, так при когнитивной парадигме основная роль отводится учителю, который формирует у школьников определенные знания, умения и навыки. В условиях личностно-ориентированной парадигмы главная роль отводится ученику, для каждого ученика определяется индивидуальная траектория развития, происходит отбор технологий обучения и дидактического инструментария. Родители составляют социум и влияют на социальный заказ.

Для проведения сравнительного анализа систем начального математического образования мы выбрали следующие страны: Франция, Сингапур, США. Выбор перечисленных стран обоснован индексом челове-

ского развития (ИЧР)¹, индексом образования² и индексом качества начального математического образования (TIMSS)³. Далее все показатели мы представили в таблице 1, которая позволяет сделать выводы по состоянию образования в выбранных странах.

Показатели, связанные с индексом человеческого развития и индексом образования по всем странам достаточно высокие и примерно одинаковые, расхождение примерно от 0,01 до 0,1 балла. Показатели качества начального математического образования имеют существенное различие, расхождение от 40 до 131 балла. Самый высокий показатель качества начального математического образования в Сингапуре, самый низкий – во Франции. Сравнение показателей, представленных в таблице, позволяет выдвинуть предположение, что качество начального математического образования не зависит от индекса человеческого развития и индекса образования, выбранные страны имеют примерно одинаковый социально-экономический статус развития. Возникает ряд проблем: от чего зависит качество начального математического образования, что особенного есть в обучении математике младших школьников в Сингапуре и нет во Франции?

Французская система начального математического образования

Изучение общих вопросов становления и развития французской системы образования осуществлено в исследованиях Джуриного А.Н., Дмитриевой Е.В., Орловой Л.И., Федосеевой Л.А., Френе С., Фрумова С.А., Юмашевой С.М., Шульцевой Т.В. и др. Современная образовательная парадигма Франции обоснована в работах Ж.-М. Бенуа, А. Биенэме, К. Бодело, Р. Галь, К. Лельевра, А. Леона, Ф. Мейрие, А. Проста, Л. Ферри, С. Френе, Ж. Фурастье, Р. Эстаблета. Труды Мальковой З.А., Вульфсона Б.Л. отражают актуальные вопросы развития современной школы Франции с использованием категорий сравнительной педагогики.

Нормативно-правовая основа образования во Фран-

Таблица 1.

Страна	ИЧР (шкала от 0 до 1)	Индекс образования (шкала от 0 до 1)	TIMSS математика 4 класс (1000-балльная шкала)
США	0,921	0,909	539
Сингапур	0,939	0,866	615
Франция	0,903	0,834	484

1 https://ru.ruwiki.ru/wiki/Список_стран_по_индексу_человеческого_развития.

2 <https://www.datapandas.org/ranking/education-rankings-by-country>.

3 <https://timss2023.org/results/math-achievement/>

<https://www.aa.com.tr/ru/образование/итоги-timss-2023-сингапур-лидирует-франция-последняя-среди-стран-ес/3414031>.

ции – это кодекс образования Франции, введённый в действие ордонансом президента Французской Республики №2000-549 от 15 июня 2000 г., является нормативно-правовым документом страны. В исследовании Орловой Л.И. раскрывается уникальный французский опыт кодификации образовательной среды. [5, с. 109]. До этого времени, по мнению Орловой Л.И., законодательство в сфере образования включало более 100 законов, многие из которых были приняты еще в XIX веке. «Законодательные и регламентные положения, относящиеся к разным историческим эпохам, усложняли образовательное законодательство и ограничивали возможности его эффективного применения. Эти обстоятельства стали в конечном счете одной из основных причин, по которой разработке кодекса образования было отведено приоритетное место в программе кодификации французского законодательства...» [5, с. 110].

Социальная образовательная парадигма является основной и регламентируется в инструкциях Министерства образования Франции. В процессе обучения необходимо воспитывать личность цивилизованного и демократического общества, устремленную к истине, с верой в человеческий разум, с чувствами ответственности, собственного достоинства, уважения к другим людям, солидарности, неприятия расизма, понимания универсальности различных культур, любви к Франции, неразрывной с любовью к Свободе, Равенству, Братству.

Во Франции существует централизованная образовательная система и Национальный учебный план (известный как «Programme National d'Éducation»), который разрабатывается и регулируется Министерством национального образования Франции («Ministère de l'Éducation Nationale»). Это обеспечивает единообразие образовательных стандартов по всей стране. Дети во Франции посещают начальную школу в возрасте от 6 лет до 11 лет. Продолжительность обучения в начальной школе составляет 5 лет, обучение делится на следующие циклы: *Цикл 2* (Цикл основного обучения), который охватывает CP (Cours Préparatoire (Подготовительный курс), возраст 6-7 лет) и CE1 (Cours Élémentaire 1 (Элементарный курс 1), возраст 7-8 лет); *Цикл 3* (Цикл закрепления), который охватывает CE2 (Cours Élémentaire 2 (Элементарный курс 2), возраст 8-9 лет), CM1 (Cours Moyen 1 (Средний курс 1), возраст 9-10 лет) и CM2 (Cours Moyen 2 (Средний курс 2), возраст 10-11 лет). Содержание начального математического образования в школах Франции отражено в учебном плане, который стандартизирован на национальном уровне и утверждается Министерством национального образования Франции. Тематика математического образования в начальной школе Франции⁴ включает следующие разделы: *цифры и расчёты*: чтение, запись, поиск, сравнение, ментальная математика (сложение, вычи-

тание, умножение, деление); *размеры и меры*: обычные единицы измерения (длина, масса, продолжительность, объём, площадь), расчёт длины, площади и объёма; *пространство и геометрия* (узнавание, называние, описание и воспроизведение некоторых твёрдых тел, построение и представление геометрических фигур).

Изложение курса математики для младших школьников носит формализованный и практико-ориентированный характер. Каждое понятие, тема рассматриваются «по спирали», сначала дается общее представление, через год к данному понятию возвращаются и рассматривают его с других позиций. Непосредственно занятия по математике включают индивидуальную работу, работу в парах и малых группах, а также темы для обсуждения всем классом.

Учебники, методические рекомендации для учителей и для родителей издаются частными книгоиздательствами. Учитель самостоятельно выбирает учебник математики, по которому будет работать, и порядок и хронологию изложения тем, включенных в программу. Родители приобретают рекомендованный учителем учебник и пособия к нему. Методические рекомендации для родителей содержат советы по выполнению домашних заданий по математике с ребенком. Первые страницы каждого учебного раздела содержат краткий конспект каждого урока, обзор самых важных математических понятий, с которыми предстоит познакомиться учащимся, и список необходимых для сбора материалов (например, если изучается масса предметов, то учащиеся готовят для демонстрации определенные предметы, которые на уроке взвешивают сначала без использования весов, потом с использованием).

Приведем общую характеристику диссипативных структур системы начального математического образования Франции в таблице 2.

Система начального математического образования США

Структура и особенности системы образования США описаны в работах Алферова Ю.С., Жуковой А.С., Зайцевой Е.А., Куклиной А.С., Мясников В.А., Носовой Е.А., Ощепковой В.В., Тарасюк Л.Н., Цейковича К.Н. и др. Опыту работы американской школы и освещению отдельных аспектов математического образования посвящены кандидатские диссертации Р.А. Александровой, А.В. Бычкова, С.С. Валаткене, Т.А. Ильиной, И.Г. Тараненко, Л.М. Чекиной, докторская диссертация Л.Н. Гончарова.

В конституции страны зафиксировано, что полномочия в сфере образования переданы штатам. В США от-

4 https://ru.frwiki.wiki/wiki/Enseignement_des_mathématiques.

Таблица 2.

Характеристика диссипативных структур системы начального математического образования Франции.

Диссипативная структура	Основные характеристики структуры
Социальный запрос	Формирование активных граждан, подготовка к профессиональной жизни, уважение многообразия культур.
Образовательная парадигма	Социальная образовательная парадигма.
Программа обучения	Цели обучения: формирование базовых знаний и подготовка к дальнейшему обучению. Принципы обучения: от простого к сложному, принцип природосообразности. Контроль результатов обучения: учащиеся сдают экзамен на получение сертификата о начальном образовании. Методы (приемы) обучения: игровой, метод практической работы, метод иллюстраций, т.е. преобладают активные методы обучения. Технологии обучения: практико-ориентированные технологии обучения. Формы организации деятельности: индивидуальная работа, работа в парах и малых группах.
Средства обучения	Дидактические раздаточные материалы (геометрические фигуры, конструкторы), программа GeoGebra, скретч, для изучения геометрических фигур.
Субъекты образовательного процесса	Учитель весьма уважаемая фигура во Франции. Эмоциональные, человеческие контакты между учениками и учителем практически исключены: соблюдается дистанция.

существует единая нормативно-правовая база, регламентирующая функционирование системы образования, по мнению ученых, которое мы разделяем, «американская организационно-управленческая модель является децентрализованной» [6, с. 71].

Согласно исследованиям Гулова А.П. гуманистическая образовательная парадигма является приоритетной на современном этапе развития американского общества и нацелена на «воспитание личности, способной реально смотреть на мир, оценивать идущие в обществе процессы и адекватно оценивать свою роль. Человек в конечном счете постигает себя, и получает возможность еще в школе узнать и понять, что его в действительности интересует, в чем он может реализовать свои таланты и способности» [7, с. 71].

Начальная школа (Primary School). После детского сада (kindergarten) дети поступают в начальную школу (primary / elementary school), обучение в которой длится с первого по шестой класс. В этот период все учебные предметы ведет один учитель. В программу включены следующие основные дисциплины: английский язык, математика, география, история и естественные науки. Система оценивания в первые два года достаточно простая и включает следующие оценки: E (excellent – отлично); S (satisfactory – хорошо); N (needs improvement – нуждается в улучшении); U (unsatisfactory – неудовлетворительно). В последующих классах постепенно вводятся стандартные для американских школ оценки A, B, C, D и F, где A — отлично, а F — провал. Выпускные экзамены по окончании начальной школы не проводятся.

Особенностью обучения математике в американской начальной школе являются так называемые «Математи-

ческие практики», которые нацелены на формирование следующих учебных действий: понимайте суть задач и упорно решайте их; рассуждайте абстрактно и количественно; приводите обоснованные аргументы и критикуйте рассуждения других; моделируйте с помощью математики; стратегически используйте соответствующие инструменты; следите за точностью; ищите и используйте структуру; ищите и выражайте закономерность в повторяющихся рассуждениях.

Содержание начального математического образования в американских школах включает⁵: числа и арифметические действия, в том числе дроби и арифметика дробей, величины, измерение и работа с данными, чтение и построение диаграмм и графиков, геометрические фигуры, исследование свойств геометрических фигур, моделирование фигур, текстовые задачи, параллельность, перпендикулярность, симметрия, понятие делители и кратные. Анализ показал, что содержание начального математического образования затрагивает множество тем, но изучаются они довольно поверхностно.

На наш взгляд, особого внимания в американских школах заслуживает блок «домашнее задание». Как отмечают исследователи в области начального математического образования Безруков А.А., Малышева Л.В., Грахольская Л.В., «Блок домашних заданий практически на 90% состоит из «бытовых» задач. Тем самым обучающиеся понимают, зачем учить дроби, вычислять площади фигур и т.д. В начальной школе до автоматизма доводят навыки устного счета как при сложении и вычитании, так и умножении, вплоть до двухзначных чисел» [8, с. 23].

Зайцева Е.А. считает, что «система образования в США успешно функционирует, позволяя добиваться высоких

5 https://corestandards.org/wp-content/uploads/2023/09/Math_Standards1.pdf

показателей и готовить высококвалифицированных специалистов. Однако, отсутствие единых образовательных стандартов, искаженный смысл процесса обучения в школе и предоставление широкой автономии образовательным учреждениям в вопросах методики образования препятствует улучшению качества образования и достижению более высоких результатов» [9, с. 223]. Данные по начальному математическому образованию в США в обобщенном виде и с использованием понятия «диссипативные структуры» представлены в таблице 3.

Система начального математического образования Сингапура. Высокая успешность в области функционирования системы образования Республики Сингапур подтверждена международными исследованиями качества образования. Общие вопросы системы образования Республики Сингапур, уникальные особенности сингапурской технологии обучения исследуются в работах Алишева Т.Б., Астафьевой Е.М., Гильмутдинова А.Х., Гуревич Э.М., Даниловой Л.Н., Жук А.А., Лесин С.М., Салиевой М.Х., Шевелевой Н.Н. и др. Ученые характеризуют этапы развития образовательной системы страны, отмечают высокий уровень подготовки учительских кадров. Исследованию проблем математического образования Сингапура посвящены работы российских ученых Атанасяна С.Л., Сафуанова И.С., Седовой Е.А. и зарубежных исследователей Goh C.B., Houang R.T., Kaur B., Lam T.T., Ng S.F., Schmidt W.H., Wang-Iverson P. и др. Авторы описывают использование сингапурской технологии при обучении математике, раскрывают методы и приемы обучения математике, характеризуют структурные составляющие уроков математики и особенности организации образовательной деятельности на занятиях по математике.

В Сингапуре функционирует общенациональная система образования. «Правительство небольшой страны справедливо сделало ставку на личную заинтересованность граждан в высокой квалификации, создавая населению соответствующие условия: развивая образование, оно параллельно вводило систему высоких зарплат для лучших работников» [10, с. 56]. В 2003 году правительство страны приняло Закон об обязательном начальном образовании, в соответствии с которым единый учебный план был стандартизирован по всем государственным школам страны.

Когнитивная (технократическая, знаниевая) и функционалистская парадигмы являются основными при построении системы образования Сингапура. Основной целью современного этапа развития образовательной системы Сингапура, по мнению Алишева Т.Б. и Гульмутдинова А.Х., «является создание стимулирующей среды, которая мотивировала бы каждого человека учиться на протяжении всей жизни, получать новые знания и навыки, осваивать технологии, развивать дух инноваций и предпринимательства, уметь рисковать и брать на себя ответственность и обязательства. Суть этапа можно кратко охарактеризовать как создание институциональных механизмов выявления и развития способностей и талантов ребенка на каждом этапе школьного образования» [11, с. 239]. Период обучения в начальной школе длится шесть лет, первые четыре года отводятся на изучение математики, литературы, искусства, английского и одного из азиатских языков, социальных наук. После этого в течение двух лет дети могут самостоятельно выбирать дополнительные дисциплины, в которых они лучшие⁶.

Таблица 3.

Характеристика диссипативных структур системы начального математического образования США.

Диссипативная структура	Основные характеристики структуры
Социальный запрос	Содействие успеваемости учащихся и подготовка к глобальной конкурентоспособности путем совершенства системы образования и обеспечения равного доступа.
Образовательная парадигма	Гуманистическая парадигма
Программа обучения	Цели обучения: развитие аналитического мышления школьников, умений конструктивно планировать собственную деятельность, практически действовать, анализировать полученные результаты, а в дальнейшем применять и переносить полученные знания и умения на жизненные задачи и ситуации. Принципы обучения: центрированности на ученика, связи обучения с жизнью, положительного эмоционального фона, дифференциации и индивидуализации обучения. Контроль результатов обучения: тестирование. Методы (приемы) обучения: активные методы обучения, через игру; методы проблемного обучения. Технологии обучения: «Дальтон-план», проблемное обучение.
Средства обучения	Широкий спектр цифровых ресурсов, который варьируется в зависимости от уровня финансирования учебного заведения. Активное использование вычислительных программ (или калькулятора).
Субъекты образовательного процесса	Родители школьников взаимодействуют со школой и принимают участие в образовательном процессе. Существуют программы менторства для начинающих учителей.

6 <https://macarun.ru/club/novosti/singapurskaya-metodika-obucheniya-kak-ona-rabotaet/>

Сингапурская система образования основана на простом принципе — учить меньше, учиться больше. Подход к образовательному процессу построен на чёткой структуре урока и использовании групповой работы. Занятие представляет собой некий конструктор, который состоит из разных тематических блоков и алгоритмов. Одно из ключевых отличий сингапурской технологии обучения — повышение вовлечённости и мотивации каждого ребёнка за счёт уникальных методических приёмов, которые носят универсальный характер и используются при изучении любого учебного предмета.

Основное содержание начального математического образования в учебном плане представлено в обобщённом виде: свойства и взаимосвязи математических объектов; операции и алгоритмы (какие операции и алгоритмы можем совершить с математическими объектами?); представления и коммуникации (как можно представить и описать математические понятия в рамках дисциплины и за ее пределами?); абстракции и применение (от простого счёта до сложного моделирования – абстрактные математические объекты, свойства, операции, взаимосвязи. Использование абстракций для изучения реального мира). Данное содержание конкретизируется по основным темам: числа и вычисления, элементы алгебры и геометрии, величины и измерения, работа с данными. Основным направлением учебной программы по математике является развитие навыков решения математических задач. Этот фокус поддерживается пятью взаимосвязанными компонентами: концепции, навыки, процессы, метапознание и установки. Математические

задачи – это проблемы, которые могут возникать в повседневных ситуациях или будущих рабочих ситуациях, в других областях обучения или в самой математике. Они включают в себя простые и рутинные задачи, требующие выбора и применения соответствующих концепций и навыков, а также сложные и нестандартные задачи, требующие более глубокого понимания, логического мышления и творческого мышления.

Общие стратегии решения задач, например, 4 шага решения задач, разработанные Д. Поиа, и использование эвристики, важны для систематического и эффективного решения нестандартных задач в системе начального математического образования Сингапура. Общая характеристика диссипативных структур системы начального математического образования Сингапура представлена в таблице 4.

Обобщая результаты исследования диссипативных структур системы начального математического образования четырех стран, мы выделим основные преимущества и недостатки международных систем начального математического образования в категориальном поле глобального образования.

Первая диссипативная структура – это «социальный запрос». Согласно отчету OECD Trends Shaping Education 2025, для все большего числа молодых людей работа больше не является главным элементом идентичности, а жизненные приоритеты смещаются в сторону личной реализации, устойчивого образа жизни и эмоционального благополучия⁷. Это означает, что со-

Таблица 4.

Характеристика диссипативных структур системы начального математического образования Сингапура.

Диссипативная структура	Основные характеристики структуры
Социальный запрос	Развитие образования считается ключевым фактором развития страны. востребованным является техническое и естественно-научное образование. Республика нацелена на наращивание высококвалифицированных научно-технических и административных кадров.
Образовательная парадигма	Когнитивная (технократическая, знаниевая) парадигма, функционалистская парадигма.
Программа обучения	Цели обучения: интеллектуальное развитие, усвоение базовых математических понятий и теорий, воспитание средствами математики. Принципы обучения: гибкость, вариативность и обучение во взаимодействии; доступность, сознательность, практическая ориентация. Контроль результатов обучения: обязательный экзамен по окончании начальной школы (PSLE), который определяет их дальнейшее направление в средней школе. Методы (приемы) обучения: около 250 приемов обучения, на основе которых строится занятие. Технологии обучения: сингапурская технология обучения.
Средства обучения	Широкое использование техники, внедрение в образовательный процесс электронных учебников, интерактивных учебных пособий.
Субъекты образовательного процесса	Родители активно участвуют в учебном процессе своих детей. Школы поощряют участие родителей в мероприятиях. Эффективная система продвижения по службе и поощрения учителей. Высокий уровень престижности профессии учитель.

7 <https://www.oecd.org/en/about/directorates/directorate-for-education-and-skills.html>

циальный запрос к образованной личности должен соответствовать требованиям современной молодежи к образованию и включать в себя когнитивный, ценностный, эмоциональный, межличностный, культурологический аспекты. Социальный запрос всех анализируемых стран в полной мере не соответствует социальному запросу глобального образования, это один из главных недостатков существующих международных образовательных систем. Социальный запрос во Франции близок к социальному запросу глобального образования – это передача культурного опыта, социализация, подготовка к профессии, отличительной особенностью Франции является активная гражданская позиция. США провозглашают глобальную конкурентоспособность, Республика Сингапур нацелена на наращивание высококвалифицированных научно-технических и административных кадров, что, по сути, идентично подготовки к профессии. Социум каждой страны придерживается односторонних взглядов на образование, ценности и смыслы образования размыты и представлены, в основном, однобоко (либо профессия, либо активная гражданская позиция, либо социализация, либо передача культурного опыта и т.д.).

Вторая диссипативная структура – это «образовательная парадигма». образовательная парадигма должна соответствовать современным трендам глобального образования, среди которых искусственный интеллект и цифровизация, онлайн обучение (EdTech), психологическое благополучие обучающихся, демографические изменения, человеко-центричность и др. В странах, выбранных для анализа, система образования ориентирована на одну или две существующие сегодня парадигмы: гуманистическая парадигма (США); социальная парадигма (Франция); когнитивная и функционалистская парадигма (Сингапур). Парадигмой глобального образования, на наш взгляд, является синтез личностно-ориентированной (гуманистической) и культурологической парадигм, такого рода синтез способствует социальному запросу глобального образования.

Третья диссипативная структура – это образовательные стандарты, программа обучения математике на начальном этапе. Образовательные стандарты существуют в каждой стране, в них определяется программа обучения по конкретному предмету. Программа обучения начальному курсу математике включает в себя цели и принципы обучения, контроль результатов обучения, методы и приемы обучения, технологии обучения. Цели и принципы обучения в каждой стране соответствуют действующей в стране образовательной парадигме и находят отражение при формулировке результатов обучения. Содержание обучения во всех странах рассмотренных выше примерно совпадает, но отличие заключается в глубине изложения начального курса математики и длительности обучения в начальной школе

конкретной страны. Заслуживает особого внимания содержание начального математического образования Сингапура, которое представлено в обобщенном виде и имеет практико-ориентированный контекст, т.е. числа, величины, геометрические фигуры называют математическими объектами; арифметические действия – это операции над математическими объектами; текстовые задачи – это математические объекты за пределами дисциплины; абстрактные математические объекты – это элементы алгебры, которые возможно использовать для изучения реального мира. Содержание начального математического образования в американских школах сильно перегружено. В начальной школе США школьники, наряду с общепринятыми темами, которые отражены в программах рассмотренных стран, изучают делители и кратные, параллельность, перпендикулярность, но изучение является поверхностным и имеет прикладной характер. Отличительной особенностью содержания начального математического образования в школах Франции является изложение «по спирали», сначала дается общее представление, а через год к данному понятию возвращаются и рассматривают его с других позиций. Что касается методов, приемов и технологий обучения, то все страны, выбранные для анализа, используют игровые технологии, проблемное обучение, метод проектов. Только в Республике Сингапур есть своя особая сингапурская технология обучения, которая включает около 250 методов и приемов обучения, использование на уроке конкретных методов и приемов обучения не зависит от предмета изучения, четко регламентировано, каждый урок – это определенный конструкт, состоящий из метапредметных приемов и методов обучения. В качестве основной формы организации деятельности используется групповая и командная формы работы. В Сингапуре, на наш взгляд, процесс обучения слишком технологизирован и нацелен на работу в группе или команде, если в классе есть интроверт, то он включается в групповую работу без энтузиазма в силу своего характера.

По окончании начальной школы экзамен по математике сдают во Франции и Сингапуре. Результаты экзамена определяют дальнейшую судьбу школьника, т.е. в какой школе дальше продолжит учиться согласно продемонстрированным на экзамене достижениям. В США по окончании начальной школы проводится тестирование.

Четвертая диссипативная структура – это «средства обучения». Цифровая среда внедряется и изменяет процесс обучения во всех рассмотренных странах. Внедрение цифровой среды происходит на разных уровнях: цифровая среда для образования и цифровая среда в образовании. В первом случае мы рассматриваем цифровизацию в рамках организации онлайн обучения, смешанного обучения, как систему контроля за посещаемостью учащихся и электронных дневников успеваемости.

Во втором случае – информационно - коммуникационные технологии, образовательные платформы для повышения качества преподаваемого предмета как средство обучения. США, Сингапур используют цифровую среду на двух уровнях. Франция не спешит внедрять информационно-коммуникационные технологии обучения, а использует лишь отдельные образовательные платформы. Рассматривая средства обучения с точки зрения глобального образования, заметим, что на уроках математики в начальной школе во всех странах возможности цифровизации не раскрываются в полной мере, нейросети еще не внедрены в образовательный процесс массовой школы и их внедрение требует повышенного внимания различных специалистов в области образования, педагогики и психологии детства, информатики.

Пятая диссипативная структура – это «субъекты образовательного процесса», к которым мы отнесли ученика, учителя, родителей. Высокий уровень престижности профессии «Учитель» наблюдается во Франции и Сингапуре. В названных странах в профессию педагога идут самые лучшие абитуриенты, фиксируется строгий конкурсный отбор при получении высшего образования, эффективная система продвижения по службе и поощрения учителей, но при этом достаточно высокие требования к профессионализму учителя. Что касается родителей, то отличие исследуемых стран просматривается только в США. В США родители участвуют в решении проблем школы, взаимодействуют со школой и принимают участие в образовательном процессе. Что касается ученика, то во всех странах отношение к учащимся соот-

ветствует образовательной парадигме страны.

Представим результаты анализа системы начального математического образования различных стран с помощью таблицы 5, в которой выделим преимущества и недостатки системы.

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод, что качество начального математического образования зависит от выделенных нами диссипативных структур, их соответствия глобальному образованию; что касается Франции и Сингапура, то можно поспорить с результатами тестирования младших школьников по математике по каждой стране. Поясним, для качественного тестирования по математике младших школьников надо использовать материалы, который проверяют не только и не столько как ученик использует математику в жизни, а диагностируют определенный уровень развития школьника. Современные тесты по математике с прикладной составляющей не являются эффективными в плане проверки знаний по математике, а лишь ориентированы на систему прикладного обучения математике, если в стране академическая система обучения, то прикладной характер заданий по математике не является уместным. Прикладной характер обучения характерен для общества «Специалистов» (или «Потребителей»), академический характер обучения свойственен обществу «Мыслителей». Это и есть пути дальнейшего развития системы начального математического образования, исходя из задач, которые ставит перед собой та или иная страна.

Таблица 5.
Преимущества и недостатки, выявленные в результате анализа системы начального математического образования различных стран.

Диссипативная структура	Преимущества	Недостатки
Социальный запрос	Нет	Во всех рассмотренных странах не соответствует потребностям молодежи. Соответствует потребностям государства.
Образовательная парадигма	Нет	Формулируется с учетом государственных потребностей.
Программа обучения	Обобщенное представление содержания образования (Сингапур), что способствует формировать целостную картину мира.	Цели, принципы, результаты удовлетворяют государственные нужды, а не потребности личности. Перегруженность содержания (США). Цикличность изложения учебного материала (Франция). Сингапурская технология обучения – это воспитание роботов. Практическая направленность обучения.
Средства обучения	Цифровизация процесса обучения. Образовательные возможности нейросети.	Отсутствуют проверенные с точки зрения младших школьников и учителей начальных классов методы внедрения цифровых технологий. Отсутствуют учебники математики, учителя сами готовят раздаточный материал к уроку (Великобритания).
Субъекты образовательного процесса	Престиж профессии «Учитель» (Франция, Китай, Сингапур). Родители активные участники образовательного процесса (Великобритания, США).	Ученик как участник команды или группы в процессе обучения, теряется личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриенко, Е.В. Сравнительная педагогика: учебное пособие / Е.В. Андриенко; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016 – 209 с. URL: <https://docs.360.yandex.ru/docs/view?tm=1753344193&tld=ru&lang=ru&name=sravnitelnaya-pedagogika-uchebno.pdf&text>
2. Буданов, В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 4-е, доп. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 272 с.
3. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. – М.: Мир, 1979.
4. Голосова С.В., Федоренко Л.П. Основные парадигмы современной педагогической науки // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 53. – С. 36–40. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/76035.htm>.
5. Орлова Л.В. Правовая культура управления школьным образованием Франции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-upravleniya-shkolnym-obrazovaniem-frantsii> (дата обращения: 12.09.2025).
6. Носова Е.А. Особенности стандартизации начального школьного образования в США и Великобритании // Проблемы современного образования. 2018. № 1. С. 69-88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-standartizatsii-nachalnogo-shkolnogo-obrazovaniya-v-ssha-i-velikobritanii>
7. Гулов А.П. Исторические этапы развития образования в США в контексте нравственного воспитания личности // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2021. № 10 (63). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/istoricheskie-etapy-razvitiya-obrazovaniya-v-ssha-v-kontekste-nravstvennogo-vospitaniya-lichnosti.html> (Дата обращения: 14.09.2025)
8. Безруков А.И., Малышева Л.В., Грахольская Л.В. Осмысление зарубежного опыта преподавания математики и точных наук // Continuum. математика. информатика. образование. 2022. № 2. С. 22-30. URL: <https://continuum-journal.ru/media/docs/articles/2022/2/02.pdf>
9. Зайцева Е.А. Система образования в США: структура и особенности // Theoretical & applied science. 2015. № 4 (24). С. 219-224.
10. Данилова, Л.Н. Образовательное лидерство Сингапура как социокультурный феномен // Ярославский педагогический вестник. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnoe-liderstvo-singapura-kak-sotsiokulturnyy-fenomen> (дата обращения: 19.09.2025).
11. Алишев, Т.Б., Гильмутдинов, А.Х. Опыт Сингапура: создание образовательной системы мирового уровня // Вопросы образования. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-singapura-sozdanie-obrazovatelnoy-sistemy-mirovogo-urovnya> (дата обращения: 19.09.2025).

© Кондрашова Зоя Михайловна (zm.66@mail.ru), Писаренко Вероника Игоревна (pisarenko@sfnedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ)

DIGITAL TOOLS IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A LITERATURE TEACHER (USING THE EXAMPLE OF STUDYING THE WORKS OF A.S. PUSHKIN IN PRIMARY SCHOOL)

**V. Kokhanova
I. Kanunnikova**

Summary: The article examines the role and place of digital tools in the professional activity of a modern language teacher. The main directions of the use of digital educational resources in teaching literature are analyzed using the example of studying the work of Alexander Pushkin, including visualization of educational material, interactive interaction, knowledge quality control and the organization of independent work of students. The authors emphasize that the proper use of digital tools makes it possible to optimize the conduct of lessons, automate the verification of assignments and provide access to verified educational content.

Keywords: digital tools, digital educational resources, digital educational environment, electronic educational content, multimedia technologies.

Коханова Валентина Александровна

кандидат филологических наук, доцент, Московский
городской педагогический университет
kokhanovava@mail.ru

Канунникова Ирина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент, Московский
городской педагогический университет
kanunnikovaia@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль и место цифровых инструментов в профессиональной деятельности современного учителя-словесника. Анализируются основные направления применения цифровых образовательных ресурсов (ЦОР) в преподавании литературы на примере изучения творчества А. С. Пушкина, включая визуализацию учебного материала, интерактивное взаимодействие, контроль качества знаний и организацию самостоятельной работы обучающихся. Авторы подчеркивают, что грамотное использование цифрового инструментария позволяет оптимизировать проведение уроков, автоматизировать проверку заданий и обеспечить доступ к верифицированному образовательному контенту.

Ключевые слова: цифровой инструментарий, цифровые образовательные ресурсы, цифровая образовательная среда, электронный образовательный контент, мультимедийные технологии.

Потребность в овладении цифровым инструментарием является важной составляющей профессиональной компетентности современного учителя-словесника, обусловленной несколькими факторами. Прежде всего, это требования, выдвинутые в документах государственного уровня: федеральный проект «Цифровая образовательная среда» [11], «Стратегическое направление в области цифровой трансформации образования...» [9] на период до 2030 г., требования Федерального государственного образовательного стандарта [10]. В соответствии с вышеперечисленными документами информационно-коммуникационная компетентность педагога является одним из критериев оценки его профессиональной деятельности.

Кроме того, цифровизация образования существенно влияет на содержание, методы, формы и средства обучения, изменяет традиционный ход образовательных процессов, вследствие чего, безусловно, преобразовываются функциональные возможности учителя, а также изменяется стиль взаимоотношений с обучающимися. На все типы отношений в современной образователь-

ной деятельности активно воздействует цифровизация.

Помимо этого, специфика усвоения учебного материала современными школьниками, обладающими преимущественно визуальным типом восприятия и клиповым мышлением, также претерпела существенные изменения.

Все перечисленные факторы невозможно не брать во внимание в процессе подготовки и повышения квалификации современного учителя, который должен владеть интернет-сервисами, новейшими цифровыми технологиями, современными средствами обучения, приемами мотивации и оценки обучающихся на основе цифрового инструментария.

Цифровой инструментарий учителя-словесника – это совокупность цифровых средств обучения и инструментов воздействия на чувства и сознание обучающихся в процессе обучения русскому языку и литературе.

Цель статьи – представить образовательный потенциал и методические возможности цифрового инстру-

ментария в профессиональной деятельности современного учителя-словесника в процессе изучения учебной темы по литературе.

Объектом исследования в данной статье является процесс использования цифрового инструментария на уроках литературы в основной школе.

Предмет исследования – использование цифрового инструментария в процессе изучения произведений А.С. Пушкина в основной школе.

Актуальность исследования обусловлена непреходящим значением творчества А.С. Пушкина в личностном становлении обучающихся, особенностями их восприятия учебного материала, а также необходимостью внедрения новых подходов и методов преподавания литературы в эпоху цифровизации.

Теоретико-методологические основы преподавания творчества А.С. Пушкина были определены еще в XIX веке в классических трудах методистов В.И. Водовозова, В.П. Острогорского, В.Я. Стоюнина и др.

В работах методистов И.И. Аркина, Г.И. Беленького, М.Г. Качурина, В.Я. Коровиной, С.А. Леонова, Ю.М. Лотмана, В.Г. Маранцмана, М.А. Рыбниковой и др. методика изучения произведений А.С. Пушкина разработана с учетом реалий XX - начала XXI веков. Однако преподавание произведений великого поэта с использованием цифрового инструментария пока в должной мере не представлено, что и определило **актуальность** данной статьи.

По утверждению Н.В. Беляевой, «актуальными становятся методические подходы, направленные на гиперсвязное (нелинейное), интерактивное (диалоговое), визуальное усвоение материала. Это возможно с помощью мультимедиа, передающего информацию синхронно через несколько информационных каналов (на одном экране компьютера текст может сочетаться с изобразительным, звуковым и видеорядом), воздействуя на разные органы чувств» [2, с. 7–8].

Действительно, преподавание литературы в современных условиях диктует необходимость использования цифрового инструментария, который позволяет сделать уроки, посвященные изучению творчества А.С. Пушкина, более насыщенными, информативными и интересными для обучающихся.

Рассмотрим прежде всего необходимый этап знакомства с творчеством А.С. Пушкина – изучение биографии, к которой в основной школе (с 5 по 9 класс) учитель обращается ежегодно. Рекомендации, предложенные в методических и поурочных разработках Н.В. Беляевой [3] и Н.Е. Егоровой [4] к учебникам по литературе для 5–9

классов под редакцией В.Я. Коровиной [7], Федеральной рабочей программе [12] ориентируют учителя в 5-6 классах на краткий рассказ о поэте, его лицейских годах, в 7-8 классах предусмотрен краткий рассказ о писателе и об отношении поэта к истории и исторической теме в литературе [12, с. 68, 92]. Целостное представление о личности и о жизненном пути А.С. Пушкина планируется в 9 классе [12, с. 121]. Сопровождать рассказ учителя целесообразно с помощью цифровых образовательных ресурсов, которые позволят визуализировать биографический материал уроков.

Цифровые образовательные ресурсы – это фотографии, видеофрагменты, картографические материалы, звукозаписи, символные объекты и деловая графика, текстовые документы и иные учебные материалы, необходимые для организации учебного процесса.

Для знакомства с фактами биографии А.С. Пушкина можно использовать цифровые ресурсы музеев:

- государственного музея А.С. Пушкина в Москве (см. <https://pushkinmuseum.ru/?ysclid=mh07uq9b5p458532426>);
- музея-квартиры на Арбате (см. <https://pushkinmuseum.ru/?q=node/4>);
- мемориального историко-литературного и природного ландшафтного музея-заповедника «Михайловское» в с. Михайловское Псковской обл. (см. <https://www.pushkinland.ru/?ysclid=mh083pd3j1956900119>);
- литературно-мемориального природного музея-заповедника «Болдино» в с. Большое Болдино Нижегородской обл. (см. <https://boldinomuzey.ru/?ysclid=mh08736hxb483160867>).

Опираясь на цифровые ресурсы пушкинских музеев, учитель может организовать разнообразную деятельность обучающихся, расширив круг методических рекомендаций, среди которых преимущественные задания – это составление тезисного плана статьи учебника и конспектирование лекции учителя.

Государственный музей А.С. Пушкина в Москве предлагает виртуальный тур по экспозиции «Пушкин и его эпоха», который позволяет обучающимся составить полное представление о жизни и творчестве поэта в контексте окружавшей его реальности. Тур построен по биографическому принципу, рассказывает о трудах и днях поэта, о его современниках и героях произведений, о культуре и быте пушкинского времени. На экспозиции представлено около 4 000 портретов, книг, рукописей, предметов декоративно-прикладного искусства, знакомство с которыми поможет обучающимся совершить своеобразный переход в пушкинскую эпоху. Так с помощью цифровых технологий учитель может создать мультимедийную среду для «погружения» в эпоху писателя.

На сайте музея-заповедника «Болдино» размещена интерактивная карта, обращение к которой позволяет учителю провести на уроке виртуальное путешествие по усадьбе и познакомиться с описанием отдельных объектов. Экскурсоводом может стать обучающийся, которому предлагается в качестве индивидуального задания подготовить сопроводительный текст для проведения путешествия.

Онлайн-камера в режиме реального времени позволяет оценить уникальную атмосферу музея-усадьбы Пушкинского Заповедника и в Михайловском.

Наиболее заинтересованные и подготовленные учителем старшеклассники могут принять участие в ежегодно проводимой в музее-заповеднике А.С. Пушкина «Болдино» Всероссийской конференции для учащихся «Под знаком Пушкина».

Яркой иллюстрацией к лекции учителя о творчестве А.С. Пушкина в период михайловской ссылки могут стать размещенные на сайте музея-заповедника «Михайловское» оцифрованные письма поэта друзьям и жене (Д.М. Шварцу, П.А. Вяземскому, Н.Н. Гончаровой) и Михайловская летопись, в которой отражены основные события пушкинской жизни и творчества в Михайловском от первых дней после рождения до похорон.

Велик диапазон цифровых образовательных ресурсов, посвященных изучению творчества А.С. Пушкина в 5–9 классах, в библиотеке Московской электронной школы (МЭШ): сценарии уроков, интерактивные и тестовые задания, иллюстрации к произведениям, видео- и аудиоматериалы.

Знакомство с обстоятельствами дуэли А.С. Пушкина учитель может проиллюстрировать видеосюжетом, входящим в атомарный контент библиотеки МЭШ, который представляет собой подборку репродукций живописных работ, написанных в классической манере и объединенных темой изображения последней пушкинской дуэли. Картины помогут обучающимся представить, что произошло в районе Черной речки в январе 1837 года. Музыка С. Рахманинова усиливает впечатление трагизма произошедшего.

Для эффективного изучения лирических стихотворений А.С. Пушкина («Зимний вечер», «Зимнее утро», «Няне» и др.) учитель может воспользоваться готовыми сценариями уроков, представленными в МЭШ (например, ID 469945, ID956671), или на их основе составить свой вариант. Пониманию смысла стихотворения «Анчар» в 7 классе может способствовать оцифрованная аудиозапись с эталонным прочтением поэтического текста народным артистом России Михаилом Казаковым. Заучиванию стихов наизусть помогают интерактивные задания, направленные на развитие умения правильно подбирать

слова в стихотворении по памяти. Главное, что должно привлекать учителя в выборе цифровых ресурсов – это «структурированный массив учебной и научной информации, направленный в первую очередь на оптимизацию процесса обучения и расширение возможностей организации самостоятельной работы обучающихся» [5, с. 98].

Изучение «Повестей Белкина» в 7 классе учитель может организовать, применяя на уроках цифровые ресурсы мультимедийного образовательного комплекса (<https://mk.pushkininstitute.ru/asp/>), разработанного Кулибиной Н.В., профессором Института русского языка имени А.С. Пушкина. Материалы интерактивных уроков по повести «Барышня-крестьянка» сгруппированы по трем этапам деятельности: предтекстовая подготовка, притекстовая и послетекстовая работа.

Большие методические возможности открывает для учителя проект «Пушкин цифровой» (Pushkin Digital) — электронное академическое издание, объединяющее на интернет-платформе все материалы и документы, связанные с жизнью и творчеством Александра Сергеевича Пушкина. Создатели проекта постарались сделать его максимально интерактивным. Учитель может показать обучающимся и саму рукопись, и тексты первых изданий. Можно включить опцию, которая позволит продемонстрировать, в каких ещё произведениях и насколько часто встречается то или иное слово, прочесть обширные историко-литературные комментарии.

В настоящее время в наиболее полном виде в данном проекте представлены «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина. В Федеральной рабочей программе по литературе для изучения в 8 классе рекомендуются на выбор трагедии «Моцарт и Сальери» или «Каменный гость» [12, с. 92].

Специфика преподавания драматического произведения нацеливает учителя на использование цифровых инструментов для сопоставительного анализа текста трагедии с его сценическим воплощением в театре и в кино. Кроме того, выбор для изучения трагедии «Моцарт и Сальери» дает возможность учителю использовать интегративный подход, сопровождая чтение текста прослушиванием музыкальных произведений, поскольку среди видео-аудиоматериалов на интернет-платформе представлена опера Н.А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери», музыкальные записи произведений композиторов Моцарта и Сальери.

Визуализировать текст трагедии учителю позволяют иллюстрации известных художников (К.П. Брюллова, М.А. Врубеля, В.Г. Бехтеева и др.) и демонстрация театральных постановок или фрагментов художественного фильма («Маленькие трагедии», режиссер Михаил Швейцер, 1979 г.). Данные цифровые ресурсы учитель может также рекомендовать обучающимся для органи-

зации проектной деятельности по теме «Трагедия А.С. Пушкина “Моцарт и Сальери” в кино и театре».

Тематика проектов по творчеству А.С. Пушкина может быть разнообразной в зависимости от изучаемых произведений.

Так, в 5 классе изучению сказок может сопутствовать работа над коллективным проектом «В мире сказок А.С. Пушкина». Изучение биографического материала в 6–8 классах целесообразно совместить с организацией проектной деятельности по следующим темам: «Страна пушкинского детства», «Святое братство» в судьбе А.С. Пушкина, «Творчество лицеистов», «Живая природа Пушкиногорья».

Включение в процесс изучения творчества А.С. Пушкина проектной деятельности трансформирует роль учителя из носителя знаний в организатора исследовательской деятельности, что соответствует требованиям ФГОС ООО [9].

Таким образом, современный цифровой инструмент учителя-словесника весьма разнообразен и позволяет существенно расширить методический арсенал приемов организации деятельности обучающихся в

процессе изучения творчества А.С. Пушкина в основной школе. Необходимо отметить, что «выбор инструментов остается за преподавателем и всегда должен соотноситься с образовательными результатами и компетенциями, формируемыми в рамках учебного процесса» [1, с. 59]. При этом важно также подчеркнуть, что владение цифровым инструментарием предполагает способность учителя-словесника «искать, анализировать, выбирать, обрабатывать образовательный контент, который необходимо также преобразовать и представить с помощью новых технологических инструментов в оптимальном для обучающихся варианте» [6, с. 12].

Следовательно, освоение и свободное владение современным цифровым инструментарием позволяет учителю-словеснику повысить наглядность обучения, увеличить мотивационный потенциал участников образовательного процесса и организовывать эффективную самостоятельную деятельность, способствующую созданию целостной картины мира в сознании обучающихся. Важно не забывать, что цифровые технологии должны выступать вспомогательным инструментарием, дополняющим традиционные методы обучения, а не заменяющим их. Успешное освоение цифровых инструментов требует от педагога постоянного совершенствования профессиональных компетенций в сфере информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева И.Г., Яковлева К.И. Цифровой инструментарий в образовательном процессе для развития универсальных компетенций студентов // Научно-педагогическое обозрение. (Pedagogical Review). 2022. Вып. 6. (46). С. 49–61.
2. Беляева Н.В. Информатизация школьного литературного образования. Монография. – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», 2019. 110 с.
3. Беляева Н.В. Литература: 7-й класс: Методические рекомендации и поурочные разработки к предметной линии учебников под редакцией В.Я. Коровиной. М.: Просвещение, 2024. 457 с.
4. Егорова Н.Е. Поурочные разработки по литературе. 6 класс: пособие для учителя // Н.Е. Егорова. – 9 изд. Эл. – 1 файл, pdf: 415 с. – Москва: ВАКО, 2021.
5. Коханова В.А., Канунникова И.А. Проектирование моделей сценариев уроков литературы в информационной среде «Московская электронная школа» / В.А. Коханова, И.А. Канунникова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 3(35). – С. 92–99.
6. Коханова В.А. Методические аспекты профессиональной подготовки учителя-словесника в условиях цифровизации образования / В.А. Коханова // Проблемы современного филологического образования: Сборник научных статей / Отв. редактор В.А. Коханова. Том Выпуск XVIII. – Москва: Ремдер, 2020. – С. 10–16.
7. Литература. 6 класс. Учебник. В 2 ч. Часть 1/ Полухина В.П., Коровина В.Я., Журавлев В.П. и др. / Под ред. Коровиной В.Я. – 16-е изд. стереот. М.: Просвещение, 2025. 319 с.
8. Поурочные разработки по литературе. 7 класс: пособие для учителя к УМК под ред. В.Я. Коровиной. М.: Просвещение, 2023 г.
9. Стратегическое направление в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации : URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403075723/?ysclid=megswitdb5447727775>
10. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <https://base.garant.ru/401433920/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=mjigkxw3an739931740>
11. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/?ysclid=mjifjlye5c93066508>
12. Федеральная рабочая программа по литературе для основной школы за 2025 год. Литература (для 5–9 классов образовательных организаций). / Институт стратегии развития образования; Министерство просвещения Российской Федерации. – М.: Институт стратегии развития образования, 2025. – 193 с.

© Коханова Валентина Александровна (kokhanovava@mail.ru), Канунникова Ирина Алексеевна (kanunnikovaia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ КИТАЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ли Цзюань

Аспирант, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
tszyuanli@yandex.ru

PRAGMATIC INTERFERENCE IN THE ACADEMIC COMMUNICATION OF CHINESE LINGUISTS IN RUSSIAN

Li Juan

Summary: The growth of academic mobility from China to Russia has led to an increase in the number of Chinese researchers and students at Russian universities. However, successful professional integration is often hindered by insufficient training in pragmatics; in particular, communicative breakdowns are observed that are caused by pragmatic interference—the transfer of native communicative strategies into Russian. In order to identify typical instances of such interference in academic discourse and to systematise strategies for overcoming them, this study employs methods of contrastive analysis and discourse analysis, case studies of real communicative situations, as well as surveys of Chinese postgraduate students and their Russian academic supervisors. The findings reveal key risk areas and propose a typology of communicative failures with regard to their underlying causes. It is concluded that the targeted development of pragmatic competences enables the mitigation of pragmatic interference and can be achieved through a structured set of instructional strategies that help Chinese linguists adapt their communicative behaviour to the norms of Russian academic etiquette.

Keywords: pragmatic interference; academic discourse; intercultural communication; Russian as a foreign language; Chinese students; face-saving; directness of expression.

Аннотация: Рост академической мобильности из Китая в Россию приводит к увеличению числа китайских исследователей и студентов в российских вузах. Однако успешная профессиональная интеграция затрудняется недостаточной подготовкой в области прагматики, в частности фиксируются коммуникативные сбои, обусловленные прагматической интерференцией – переносом родных коммуникативных стратегий на русский язык. С целью выявления типичных случаев такой интерференции в академическом дискурсе и систематизации стратегий их преодоления, в настоящей статье применяются методы сопоставительного и дискурс-анализа, кейс-стади реальных ситуаций, а также интервью китайских аспирантов и их российских научных руководителей. Результатом исследования стало выявление ключевых зон риска и разработка типологии коммуникативных неудач с учетом причин их возникновения. Сделан вывод, что формирование прагматической компетенции позволяет преодолеть интерференцию и может быть достигнуто за счет методического комплекса обучающих стратегий, позволяющих китайским лингвистам адаптировать свое речевое поведение к нормам русского академического этикета.

Ключевые слова: прагматическая интерференция; академический дискурс; межкультурная коммуникация; русский как иностранный; китайские студенты; сохранение лица; прямота высказывания.

Введение

Интенсификация российско-китайского научно-образовательного сотрудничества сопровождается ростом академической мобильности и увеличением числа китайских студентов и молодых исследователей в российских вузах, что актуализирует проблему их коммуникативной и профессиональной интеграции в принимающую академическую среду. Особую значимость данная проблема приобретает в отношении китайских студентов и аспирантов-лингвистов, демонстрирующих высокий уровень формально-грамматического владения русским языком, однако сталкивающихся с коммуникативными сбоями в реальном академическом взаимодействии с российскими преподавателями и коллегами, что свидетельствует о недостаточности языковой компетенции без освоения норм академического речевого поведения.

Причины указанных затруднений обусловлены пре-

имущественно не нарушениями языковой нормы, а расхождениями культурно обусловленных прагматических правил общения, что в условиях межкультурного академического взаимодействия проявляется в виде прагматической интерференции – переноса коммуникативных стратегий родной культуры в иноязычную среду [11]. В результате грамматически корректные высказывания могут интерпретироваться российским адресатом как неуместные, уклончивые или несоответствующие ожиданиям академического дискурса. Целью настоящего исследования является анализ типичных проявлений прагматической интерференции в академическом общении китайских лингвистов в русскоязычной среде и разработка рекомендаций по ее преодолению; научная новизна работы заключается в рассмотрении данного явления в профессионально-академическом контексте, где требования к речевому поведению особенно высоки и предполагают осознанное владение нормами научного дискурса.

Прагматическая интерференция и особенности русского академического дискурса

Прагматическая интерференция понимается как межъязыковой и межкультурный перенос прагматических норм и коммуникативных стратегий родной лингвокультуры в иноязычную коммуникацию, приводящий к нарушению социокультурных норм функционирования изучаемого языка. Она проявляется на уровне реализации коммуникативных намерений и обусловлена расхождением между значением высказывания, заложенным говорящим, и его интерпретацией адресатом в иной культурной среде [10, с. 294].

Согласно Л.Н. Полуниной, межъязыковая прагматическая интерференция представляет собой произвольный перенос коммуникативных стратегий из одного языка в другой [3, с. 164]. В более узком смысле используется термин прагматический трансфер, обозначающий применение в иноязычной речи формально эквивалентных средств родного языка, различающихся по прагматическим параметрам – степени вежливости, прямоты, эксплицитности и уместности в конкретной ситуации [5]. В отличие от лексической и грамматической интерференции, данный тип затрагивает не языковую форму как таковую, а правила ее употребления в социально и институционально обусловленном контексте [3, с. 165].

Теоретической основой анализа служит концепция *pragmatic failure* Дж. Томас, под которой понимаются случаи несоответствия между коммуникативным намерением говорящего и интерпретацией высказывания адресатом [9, с. 95]. В рамках данной концепции выделяются прагмалингвистические и социопрагматические неудачи: первые связаны с неадекватным выбором языковых средств, вторые – с ошибочным пониманием норм уместности, ролевых ожиданий и допустимых стратегий взаимодействия в конкретном дискурсивном контексте [2, с. 288].

В русскоязычной академической среде прагматическая интерференция речи китайских говорящих обусловлена расхождением базовых культурных моделей вежливости [1, с. 356-357]. Наиболее показательным является противопоставление китайской стратегии «сохранения лица» и русской нормы «прямого высказывания». Понятие *face*, разработанное П. Брауном и С. Левинсоном, в китайской культуре обладает высокой социальной значимостью и ориентирует коммуникативное поведение на предотвращение угрозы лицу посредством косвенности, имплицитности и избегания открытых конфронтационных актов [6, с. 28]. Иерархичность и коллективистская направленность китайской культуры усиливают данную установку, делая прямое несогласие или открытую критику коммуникативно нежелательными, особенно в асимметричных статусных ситуациях.

Русская коммуникативная культура, особенно в академической сфере, характеризуется более высокой нормативной допустимостью прямоты и эксплицитности речи [2, с. 288-289]. В научном дискурсе приоритет отдается содержательной стороне коммуникации и аргументированности, тогда как сохранение межличностной гармонии не выступает доминантой [4, с. 90]. Критика и открытая полемика рассматриваются как функционально необходимые элементы научного взаимодействия и не тождественны личному конфликту; прямота в данном контексте интерпретируется как проявление профессиональной ответственности и интеллектуальной вовлеченности [1].

С позиций теории культурных измерений Г. Хофстеде данные различия соотносятся с большей коллективистской направленностью и высокой дистанцией власти в китайской культуре и относительно более индивидуалистическими установками и меньшей жесткостью иерархии в российской коммуникативной практике, особенно в интеллектуальной сфере [7]. Это способствует формированию коммуникативной нормы, в рамках которой конфронтация по существу вопроса отделяется от межличностных отношений и не воспринимается как угроза социальным связям.

Указанные различия получают институциональное закрепление в русском академическом дискурсе, понимаемом как совокупность устных и письменных жанров коммуникации в сфере науки и высшего образования [8]. Данный дискурс характеризуется сочетанием формальной вежливости и содержательной прямоты: при соблюдении статусной асимметрии и жанровых ритуалов допускается высокая степень свободы в выражении позиции, включая аргументированную критику и полемику. В условиях межкультурного взаимодействия неосознанное следование различным прагматическим кодам приводит к расхождению коммуникативных ожиданий и формированию прагматической интерференции как одного из ключевых факторов коммуникативных сбоев в академическом общении китайских говорящих в русскоязычной научной среде.

Материалы и методы исследования

В настоящей статье применяются методы сопоставительного и дискурс-анализа, кейс-стади реальных коммуникативных ситуаций, а также опросные методы. Эмпирическую базу исследования составляют аутентичные материалы академического общения китайских магистрантов и аспирантов-лингвистов с российскими научными руководителями и преподавателями, включая устные и письменные формы взаимодействия. Сопоставительный анализ направлен на выявление различий в прагматических стратегиях и коммуникативных ожиданиях, характерных для китайской и русской ака-

демических культур. Дискурс-анализ используется для интерпретации устных и письменных высказываний с точки зрения реализации речевых актов, имплицитных смыслов и прагматических норм, а также для выявления случаев несоответствия между коммуникативным намерением говорящего и его интерпретацией адресатом. Метод кейс-стади позволяет детально проанализировать типичные эпизоды прагматических сбоев и реконструировать их культурно обусловленные причины. Интервью китайских аспирантов и их российских руководителей применяются для выявления зон коммуникативных затруднений и сопоставления восприятия проблем обеими сторонами взаимодействия. Совокупность указанных методов обеспечивает комплексный анализ прагматической интерференции в русскоязычном академическом дискурсе.

Результаты анализа

В результате анализа эмпирических данных были выявлены устойчивые зоны прагматического риска в академическом общении китайских говорящих в русскоязычной среде, в которых прагматическая интерференция проявляется наиболее системно (таблица 1).

В сфере выражения критики и несогласия китайские аспиранты последовательно прибегают к стратегиям косвенности и формального согласия. Типичными являются ответы на замечания научного руководителя в форме «Да, я понимаю», «Я постараюсь учесть», «Наверное, Вы правы», которые не всегда отражают реальное принятие высказанной позиции. В одном из характерных кейсов аспирант, не разделявший методологическое замечание, ограничился формулой «Возможно, я еще недостаточно глубоко изучил этот вопрос», после чего не

внес ожидаемых изменений в текст работы. Российский адресат интерпретировал данную реакцию как согласие, что привело к мнимому консенсусу и отсроченному конфликту. По данным интервью, научные руководители отмечают, что китайские аспиранты «редко возражают напрямую», тогда как сами студенты воспринимают открытое несогласие как коммуникативно рискованное и потенциально неэтичное.

В Аналогичные расхождения выявлены при формулировании просьб и отказов. В письменной коммуникации преобладают развернутые обращения с многоступенчатыми вежливыми преамбулами и косвенной формулировкой запроса, например: «Извините, что отвлекаю Вас в столь занятое время... если вдруг будет возможность...». В ряде случаев непосредственная цель письма (перенос срока, необходимость консультации) становилась очевидной лишь в заключительной части текста. Российские преподаватели характеризуют такие письма как «размытые» и затрудняющие интерпретацию намерений. В ситуациях отказа формулы типа «я попробую» или «если получится» используются китайскими говорящими как косвенный отказ, однако в российском академическом дискурсе они интерпретируются как согласие, что нередко приводит к организационным сбоям.

Отдельную зону прагматического риска составляет самопрезентация научных достижений. В устных докладах китайские аспиранты систематически используют стратегии ритуальной скромности, начиная выступления с формул «Моя работа пока очень слабая», «Я еще плохо разбираюсь в теме», «Результаты получились скромные». В китайской коммуникативной традиции подобные высказывания выполняют функцию вежливости и предотвращения самовозвышения, однако в россий-

Таблица 1.

Зоны прагматического риска и типология коммуникативных сбоев в русскоязычном академическом общении китайских лингвистов.

Зона риска	Намерение говорящего	Интерпретация	Тип сбоя
Критика и несогласие	Проявить вежливость, избежать конфронтации, сохранить лицо руководителя	Полное согласие, принятие критики	Мнимое согласие
Критика и несогласие	Сигнал неудобства темы, косвенное несогласие	Отсутствие мнения или непонимание материала	Латентный конфликт
Просьбы	Максимально смягчить просьбу, не показаться навязчивым	Неконкретность, неумение формулировать запрос	Искаженная обратная связь
Отказы	Косвенно отказаться, не произнося «нет»	Согласие на выполнение просьбы	Мнимое согласие
Самопрезентация	Проявить скромность, не возвышать себя	Низкая компетентность, неуверенность	Искаженная обратная связь
Реакция на похвалу	Ритуальное отрицание похвалы, соблюдение нормы скромности	Отрицание оценки, сомнение в адекватности	Искаженная обратная связь
Обсуждение результатов	Избежать самовосхваления	Отсутствие четкой позиции	Латентный конфликт
Семинарская дискуссия	Не задеть лицо докладчика	Формальность, отсутствие критического мышления	Искаженная обратная связь

Источник: составлено автором.

ском академическом контексте они интерпретируются буквально и вызывают сомнения в уровне компетентности докладчика, что подтверждается результатами опросов научных руководителей.

Сходные механизмы выявлены и в реакциях на похвалу. В материалах кейс-стади зафиксированы типовые ответы китайских студентов на положительную оценку в форме отрицания: «Нет, это совсем плохо», «Мне еще очень далеко до хорошего результата». Российские преподаватели и коллеги отмечают, что подобные реакции воспринимаются как отрицание их оценки или как признак выраженной неуверенности. В одном из интервью научный руководитель указал, что после нескольких подобных эпизодов он стал реже использовать открытую похвалу, поскольку она «не воспринимается и усиливает тревожность студента», в результате чего положительная обратная связь утрачивает свою мотивационную функцию.

Сопоставительный анализ показывает, что в основе выявленных коммуникативных сбоев лежит принципиально различное понимание вежливости и уместности речевого поведения. Для китайских участников приоритетом является сохранение лица и минимизация коммуникативных рисков, что реализуется через косвенность, самокритику и избегание прямых актов. В российском академическом дискурсе, напротив, нормативной считается эксплицитность, четкая артикуляция намерений и отделение профессиональной критики от личностной. Несовпадение данных установок приводит к устойчивым и воспроизводимым искажениям интерпретации речевых действий.

Обобщение результатов кейс-стади, опросов и дис-

курс-анализа позволяет выделить типологию прагматических сбоев, характерных для китайско-русского академического взаимодействия (рисунок 1).

Рекомендации по формированию прагматической компетенции

Преодоление прагматической интерференции в академическом общении возможно при целенаправленном формировании у иностранных обучающихся прагматической и социопрагматической компетенций. Первая предполагает умение выбирать адекватные языковые средства для выражения коммуникативного намерения, вторая – понимание норм уместности высказывания, ролевых ожиданий и институциональных контекстов русскоязычного академического дискурса. Методическая работа в данном направлении должна носить системный характер и выходить за рамки традиционного обучения грамматике и лексике. Исходя из этой цели была предложена модель формирования прагматической компетенции в русскоязычном академическом дискурсе (рисунок 2).

Ключевым принципом является развитие металингвистической рефлексии, предполагающей осознанное обсуждение культурных различий в коммуникативном поведении. Анализ типичных ситуаций (несогласие с научным руководителем, просьба о переносе срока, реакция на критику или похвалу) позволяет перевести прагматические ошибки из сферы личной неудачи в область различий коммуникативных кодов. Это снижает тревожность обучающихся и формирует установку на адаптацию речевого поведения в зависимости от культурного контекста.

Рис. 1. Типология прагматических сбоев в академическом общении китайских лингвистов

Рис. 2. Модель формирования прагматической компетенции в русскоязычном академическом дискурсе

На начальном этапе эффективным является использование принципа «скриптинга» – освоения готовых речевых формул, соответствующих нормам русского академического этикета. Отработка типовых конструкций («Спасибо за замечание, я постараюсь доработать...», «К сожалению, я не смогу выполнить это в указанный срок...») снижает риск уклончивых или двусмысленных реакций в стрессовых ситуациях. Дополнение скриптов симуляцией коммуникативных сценариев и ролевыми играми позволяет перенести формальные знания в практическую плоскость и закрепить новые стратегии поведения.

Важную роль играет регулярная обратная связь и анализ коммуникативных сбоев на основе реального опыта обучающихся. Коллективное обсуждение неудачных эпизодов, сопоставление намерений и интерпретаций сторон, а также привлечение российских преподавателей к рефлексии способствуют формированию гибкой прагматической компетенции. В результате обучающиеся осваивают не только нормы русского академического общения, но и способность осознанно переключаться между различными коммуникативными моделями.

Заключение

Проведенное исследование показало, что прагмати-

ческая интерференция китайских лингвистов в русском академическом дискурсе носит системный и предсказуемый характер и обусловлена расхождением культурных коммуникативных норм. Конфликт между стратегией сохранения лица и избегания конфронтации, характерной для китайской культуры, и российской нормой прямоты и открытого академического обсуждения проявляется в ряде типичных зон риска: выражении критики и несогласия, формулировании просьб и отказов, самопрезентации и реакции на похвалу. Выявленные коммуникативные сбои выражаются в латентных конфликтах, мнимом согласии и искаженной обратной связи, что препятствует эффективному взаимодействию в образовательной и научной среде.

Практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости целенаправленного формирования прагматической компетенции иностранных студентов наряду с языковой подготовкой. Предложенная модель диагностики и профилактики коммуникативных сбоев может быть интегрирована в программы РКИ, адаптационные курсы и практику научного руководства. Перспективы дальнейших исследований связаны с учетом гендерных факторов, расширением анализа на другие профессиональные области, а также разработкой цифровых обучающих инструментов для формирования навыков межкультурного академического общения.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузьмина О.В. Прагматическая интерференция в академическом общении иностранных студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2025. – № 2. – С. 356–369.
- Лю Лифэнь, У. Сяохун Анализ прагмалингвистических неудач в русском переводе знаков для общественных мест // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. – 2025. – №2. – С. 287–302.

3. Полунина Л.Н. Прагматические аспекты обучения английскому языку в контексте теории транслингвизма // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Республика Беларусь, Минск, 21–22 марта 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е.А. Пригодич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2024. – С. 164–169.
4. Савельева Н.А. Категория «лица» в русской и восточноазиатской коммуникативной традиции: прагматический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2025. – № 4. – С. 89–104.
5. Скэллон Р., Скэллон С. Межкультурная коммуникация. – М.: Юнити, 2003. – 327 с.
6. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge Univ. Press, 1987. – 312 p.
7. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. – New York: McGraw-Hill, 2010. – 576 p.
8. Mikhееva T.B., Antibas I.A. Ethno-cultural specifics of Chinese students influencing learning Russian // International Research Journal. – 2024. – № 3 (141). – URL: <https://research-journal.org/en/archive/3-141-2024-march/10.23670/IRJ.2024.141.106> (дата обращения: 14.01.2026).
9. Thomas J. Cross-cultural pragmatic failure // Applied Linguistics. – 1983. – Vol. 2. – P. 91–112.
10. 付家睿. 关系管理理论视角下建议行为语用研究综述 [Фу Цзяжуй. Обзор прагматических исследований речевых актов советов с позиции теории управления отношениями] // 现代语言学 [Modern Linguistics]. – 2025. – Vol. 13. – No. 10. – P. 294–301. – URL: https://pdf.hanspub.org/ml_2915553.pdf (дата обращения: 18.01.2026).
11. 戴文疾. 语用学视域下跨文化交际的语用原则 [Дай Вэньцзи. Прагматические принципы межкультурной коммуникации в свете теории прагматики] // 环境与语言研究 [Environment and Language Studies]. – 2021. – URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-HHXY202103042.htm> (дата обращения: 21.01.2026).

© Ли Цзюань (tszyuanli@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЮЖЕТНО-РОЛЕВАЯ ИГРА КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ И ПРОИЗВОЛЬНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Лю Чэньюй

Аспирант, Московский педагогический государственный университет
lcy20000811@163.com

STORY-ROLE PLAY AS A MECHANISM FOR THE DEVELOPMENT OF EMOTIONAL REGULATION AND VOLUNTARY BEHAVIOR IN PRESCHOOL CHILDREN

Liu ChenYu

Summary: The article presents a theoretical and methodological analysis of story-role play as the leading mechanism for the formation of emotional regulation and voluntary behavior in preschool age amid a changing sociocultural reality characterized by the digitalization of childhood and the transformation of forms of communication between the child and adults and peers. The understanding of play as a space for the internalization of social norms and meanings is elaborated, in which the affective attitude toward the role serves as an energetic resource for overcoming impulsivity and aligning «I want» with the normative «I must.» It is demonstrated that the dual-plane nature of play action and the maintenance of a pretend situation facilitate the transition from situational determination of behavior by the object environment to action management based on an internal plan, thereby forming prerequisites for volitional control. The analysis examines the role of the role position as a condensed rule, the mechanism of motive subordination, and the development of emotional deccentration in collective play through the necessity of coordinating intentions and anticipating a partner's reactions. The risks of reducing expanded play and replacing it with early intellectualization or the consumption of ready-made content are discussed; these are linked to deficits in self-regulation and difficulties in school adaptation. The significance of verbal mediation, reflection, symbolic processing of conflicts, and imagination as interconnected components of regulatory development is substantiated, along with the productive position of the adult who supports the child's initiative and the cultural richness of play.

Keywords: story-role play, emotional regulation, voluntary behavior, internalization of social norms, preschool age.

Аннотация: В статье представлен теоретико-методологический анализ сюжетно-ролевой игры как ведущего механизма становления эмоциональной регуляции и произвольности поведения в дошкольном возрасте в условиях изменяющейся социокультурной реальности, характеризующейся цифровизацией детства и трансформацией форм общения ребенка со взрослыми и сверстниками. Раскрывается понимание игры как пространства интериоризации социальных норм и смыслов, где аффективное отношение к роли становится энергетическим ресурсом преодоления импульсивности и согласования «хочу» с нормативным «надо». Показано, что двуплановость игрового действия и удержание мнимой ситуации обеспечивают переход от ситуативной детерминации поведения предметной средой к управлению действием на основе внутреннего замысла, формируя предпосылки волевого контроля. Анализируется роль ролевой позиции как свернутого правила, механизм соподчинения мотивов и развитие эмоциональной децентрации в коллективной игре через необходимость координации намерений и предвосхищения реакций партнера. Обсуждаются риски редукции развернутой игры и замены ее ранней интеллектуализацией либо потреблением готового контента, что связывается с дефицитами саморегуляции и трудностями школьной адаптации. Обоснована значимость речевого опосредования, рефлексии, символической проработки конфликтов и воображения как взаимосвязанных компонентов регуляторного развития, а также обозначена продуктивная позиция взрослого, поддерживающего инициативу и культурную насыщенность детской игры.

Ключевые слова: сюжетно-ролевая игра, эмоциональная регуляция, произвольность поведения, интериоризация социальных норм, дошкольный возраст.

Феноменология детского развития на этапе дошкольного детства неизбежно сталкивается с необходимостью осмысления механизмов, обеспечивающих качественный скачок в становлении личности ребенка, где центральное место традиционно отводится игровой деятельности. Понимание игры не просто как досуговой практики, а как ведущей деятельности, детерминирующей возникновение психологических новообразований, уходит корнями в классические труды культурно-исторической психологии, однако современ-

ная социокультурная ситуация диктует необходимость переосмысления устоявшихся постулатов через призму новых вызовов. Трансформация социальной среды, изменение паттернов коммуникации между взрослым и ребенком, а также цифровизация детства создают контекст, в котором изучение генезиса произвольности и эмоциональной регуляции [3, с. 49] приобретает характер фундаментальной эпистемологической задачи. Взаимосвязь аффекта и интеллекта, постулируемая еще Л.С. Выготским, находит свое наиболее яркое воплощение

именно в развернутой форме сюжетно-ролевой игры, где ребенок впервые сталкивается с необходимостью соотношения своих непосредственных желаний с требованиями взятой на себя роли.

Проблема становления произвольного поведения, понимаемого как способность человека владеть собой и своей деятельностью, неразрывно связана с развитием эмоциональной сферы, которая в дошкольном возрасте проходит путь от ситуативных аффективных реакций до обобщенных переживаний и формирования высших чувств. Эмоциональная регуляция здесь выступает не как изолированный процесс подавления эмоций, а как сложная система опосредования аффективных состояний социальными нормами и смыслами [14, с. 121], интериоризация которых происходит в игровом пространстве. Игра создает уникальную зону ближайшего развития, где ребенок функционирует выше своего обычного повседневного поведения, подчиняясь правилу, скрытому в сюжете, что парадоксальным образом делает его более свободным, чем в реальной жизни, где он часто остается рабом своих сиюминутных импульсов. Специфика волевого действия в игре заключается в том, что оно осуществляется не по принуждению извне, а на основе добровольно принятого смыслового поля.

Критический анализ существующих концепций позволяет заметить, что снижение уровня развития сюжетно-ролевой игры в современной популяции дошкольников коррелирует с ростом проблем в сфере саморегуляции и эмоциональной компетентности при переходе к школьному обучению. Наблюдается разрыв между когнитивной готовностью, часто форсируемой ранним обучением, и личностной незрелостью, выражающейся в неспособности удерживать учебную задачу и конструктивно взаимодействовать со сверстниками. Этот дисбаланс указывает на то, что механизмы, обеспечивающие единство аффективного и когнитивного компонентов развития, не были задействованы в полной мере в сензитивный период [8, с. 451]. Следовательно, теоретическая реконструкция процесса влияния игровой деятельности на психические структуры требует глубокого погружения в онтологию игры как таковой, выявления тех ее структурных элементов, которые отвечают за перестройку сознания ребенка.

В рамках исследования проводилось сопоставление различных теоретических платформ, объясняющих природу детской игры: от психоаналитических трактовок, акцентирующих внимание на катарсической функции и проработке бессознательных конфликтов, до когнитивных теорий, рассматривающих игру как форму ассимиляции реальности. Применялся метод моделирования идеальной формы игрового взаимодействия, позволяющий абстрагироваться от частных эмпирических вариаций и выделить сущностные характеристики ролевого поведения,

влияющие на эмоционально-волевую сферу. Логико-генетический анализ позволил проследить динамику усложнения игровых форм — от предметно-манипулятивной деятельности к развернутому сюжету — и соотнести эти этапы с этапами становления механизмов саморегуляции [11, с. 24], исключая при этом прямую экстраполяцию данных на конкретные образовательные учреждения.

Центральным звеном в понимании механизма влияния сюжетно-ролевой игры на психику ребенка является концепция двуплановости игрового действия, где любой предмет или действие приобретает знаковый характер. Удерживая мнимую ситуацию, ребенок совершает сложнейшую интеллектуально-волевою работу по отторжению непосредственной реакции на физические свойства объекта в пользу его игрового значения. Именно в этом зазоре между видимым полем (тем, что ребенок видит глазами) и смысловым полем (тем, что он видит умом) рождается произвольность. Если в раннем возрасте поведение диктуется предметной средой — «вещь ведет за собой ребенка», то в игре «ребенок ведет за собой вещь», наделяя ее смыслом. Этот переворот, описанный в трудах Л.С. Выготского, знаменует собой начало освобождения от диктата внешней ситуации [5, с. 20] и переход к поведению, управляемому внутренним замыслом. Здесь эмоциональная регуляция выступает не как отдельная функция, а как энергетическая основа этого процесса: ребенок способен преодолевать ситуативные импульсы не силой абстрактной воли, которой у него еще нет, а силой эмоционального отношения к роли.

Роль в сюжетной игре всегда есть свернутое правило. Ребенок, принимая на себя роль врача, водителя или родителя, принимает и систему нормативных предписаний, регулирующих поведение персонажа. Парадокс заключается в том, что выполнение правила в игре приносит ребенку эмоциональное удовлетворение, тогда как в неигровой ситуации подчинение правилу часто воспринимается как насилие над личностью. Эмоциональная идентификация с образом идеального взрослого (героя игры) позволяет снять напряжение между «хочу» и «надо». Мотив игры лежит в самом процессе выполнения роли, и этот мотив оказывается сильнее непосредственных желаний. Исследования феномена «горькой конфеты» [15, с. 133] наглядно демонстрируют, как социальный контроль, интериоризированный через игровую роль, позволяет ребенку удерживать социально одобряемое поведение даже в отсутствие внешнего наблюдателя, хотя это и сопряжено с внутренним конфликтом. Таким образом, механизм соподчинения мотивов, являющийся ядром личности, формируется именно внутри ролевой структуры, где иерархия выстраивается не под давлением силы, а под давлением игровой логики.

Эмоциональная децентрация, необходимая для успешной социализации, также имеет свои истоки в

коллективной сюжетно-ролевой игре. Необходимость согласовывать свои действия с партнерами, учитывать их желания и логику их ролей заставляет ребенка выходить за пределы собственного эгоцентризма. Сбой в игре, возникающий из-за несогласованности действий, переживается остро и эмоционально, что стимулирует поиск компромиссов и выработку общих смыслов. Ребенок учится предвосхищать эмоциональную реакцию партнера [9, с. 32], что является фундаментом эмоционального интеллекта. В отличие от функциональных тренировок навыков общения, игра создает целостную ткань социальных отношений, где эмоция является индикатором успешности совместной деятельности. Способность встать на позицию другого, посмотреть на ситуацию его глазами, формируется через постоянную смену ролевых позиций и необходимость удерживать в сознании всю картину игрового взаимодействия, а не только свой узкий фрагмент.

Современные теоретические дискуссии часто касаются вопроса о редукции игры в жизни современного дошкольника и замене ее потреблением готового цифрового контента или ранней интеллектуализацией. Утрата дворового сообщества, которое традиционно выступало носителем игровой культуры и механизмом трансляции игровых сюжетов от старших к младшим, приводит к тому, что игра становится примитивной, лишенной развернутого сюжета и сложных правил. Это, в свою очередь, блокирует развитие произвольности [1, с. 12]. Ребенок, не наигравшийся в дошкольном возрасте, приходит в школу с дефицитом волевой регуляции: он не умеет подчиняться правилу, если оно не подкреплено непосредственным интересом или страхом наказания. Скудность игровых сюжетов, навязываемых масс-медиа, ограничивает спектр проживаемых эмоций и социальных ролей, сводя их к простым схемам агрессии или потребления, что не способствует усложнению эмоциональной сферы и формированию высших этических инстанций.

Следует отметить, что произвольность поведения в игре носит специфический характер: она является произвольностью мотивационной, а не операциональной. Ребенок учится управлять собой не ради самого управления, а ради сохранения игры, которая является для него источником радости. Этот механизм «эмоциональной коррекции» поведения является более физиологичным и природосообразным для дошкольника, чем прямая дрессура волевых качеств. Постепенно, по мере развития игры [12, с. 51], правило начинает вычленяться из роли и становится самостоятельным предметом сознания. Игры с правилами, возникающие на закате дошкольного возраста, знаменуют собой завершение этого процесса: здесь правило уже открыто, а сюжет свернут. Способность следовать открытому правилу в отсутствие сюжета свидетельствует о сформированности психоло-

гической готовности к учебной деятельности, где поведение регулируется абстрактными нормами, а не игровым контекстом.

Анализ структуры игрового конфликта показывает, что именно в моменты столкновения интересов и необходимости их согласования происходит наиболее интенсивная работа по осознанию своих эмоций и поиску социально приемлемых форм их выражения. Агрессивные импульсы, неизбежно возникающие в детском коллективе, в игре канализируются через ролевое поведение или символические действия, не наносящие реального вреда. Игра предоставляет безопасное пространство для экспериментирования с эмоциями [7, с. 129], позволяя ребенку пережить страх, гнев, ревность в условном плане и научиться справляться с ними. Отсутствие такого опыта может приводить к тому, что аффект либо бесконтрольно выплескивается в реальности, либо подавляется, приводя к невротизации. Символическая природа игры позволяет отделить эмоцию от травмирующей ситуации и овладеть ею, превратив пассивное страдание в активное переживание и преодоление.

Взаимосвязь между развитием речи и игровой деятельностью также играет ключевую роль в становлении регуляторных механизмов. Речь, первоначально сопровождающая игровые действия, постепенно переходит во внутренний план, становясь средством планирования и регуляции поведения. Планирующая функция речи [6, с. 101], возникающая в контексте обсуждения замысла игры и распределения ролей, является прообразом внутреннего диалога, посредством которого взрослый человек управляет своей деятельностью. Коллективное обсуждение правил игры, споры о том, «как бывает по-настоящему», стимулируют развитие рефлексии — способности осознавать основания собственных действий и действий других людей. Рефлексия, в свою очередь, является необходимым компонентом произвольности, позволяющим дистанцироваться от своих непосредственных реакций и оценить их с точки зрения внешней нормы.

В теоретических моделях Д.Б. Эльконина игра рассматривается как «арифметика социальных отношений», где ребенок выделяет и моделирует смыслы человеческой деятельности. Однако важно подчеркнуть, что это моделирование не является холодным когнитивным актом. Оно всегда эмоционально насыщено. Ребенок не просто знает, как должен вести себя капитан корабля, он хочет быть капитаном, он переживает ответственность за корабль. Это единство аффекта и интеллекта [10, с. 114] создает ту уникальную сплавленность знания и переживания, которая обеспечивает прочность усвоения норм. Знание, не ставшее переживанием, остается формальным и не регулирует реального поведения ребенка в сложных жизненных ситуациях. Только то, что прошло через горнило эмоционального проживания в игре, ста-

новится внутренним достоянием личности и основой ее нравственного стержня.

Рассмотрение игры как механизма развития предполагает также анализ позиции взрослого. Взрослый не должен быть директивным руководителем, разрушающим ткань игры своими инструкциями, но и не может быть полностью отстраненным наблюдателем. Его задача — обогащение игрового опыта, трансляция культурных способов построения сюжета, помощь в разрешении конфликтов без подавления инициативы детей. Зона ближайшего развития в игре формируется именно при поддержке партнера-взрослого или более опытного сверстника [4, с. 10.], который помогает удерживать сюжетную линию и соблюдать правила. Дефицит качественного игрового взаимодействия со взрослыми в раннем и младшем дошкольном возрасте приводит к примитивизации игры и, как следствие, к задержке в развитии регуляторных функций. Современная педагогическая практика часто игнорирует этот аспект, заменяя живое общение обучающими занятиями, что подменяет развитие психологических функций натаскиванием на конкретные навыки.

Интересным аспектом является связь воображения и произвольности. Воображение, являясь центральным новообразованием дошкольного возраста, позволяет ребенку строить образ будущего результата действия и удерживать его вопреки отвлекающим факторам. В игре воображение работает на удержание мнимой ситуации. Способность действовать в плане образов [13, с. 34] — это и есть первый шаг к внутренней свободе. Произвольное поведение невозможно без способности представить то, чего еще нет, но что должно быть достигнуто. Таким образом, развитие воображения в игре является не побочным продуктом, а необходимым условием формирования волевого поведения. Обеднение фантазии, наблюдаемое у детей, потребляющих готовые визуальные образы, напрямую коррелирует со снижением способности к целеполаганию и удержанию цели.

Феноменологический анализ генезиса личностных структур в период дошкольного детства убедительно демонстрирует, что игровая деятельность не является просто одной из форм активности ребенка, но представляет собой онтологически необходимый этап становления человеческой психики. Механизм интериоризации социальных норм, лежащий в основе произвольности

поведения, запускается именно через принятие и удержание игровой роли, где внешнее правило трансформируется во внутреннюю потребность. Сложная архитектура игры, требующая постоянного согласования разнонаправленных мотивов и учета позиций других участников, создает уникальные условия для тренировки эмоционального интеллекта и волевой регуляции в режиме, максимально комфортном и естественном для развивающейся психики. В этом процессе происходит сплавление когнитивных схем с аффективными переживаниями, что обеспечивает витальную укорененность нравственных и социальных норм в структуре личности.

Наблюдаемая в современном социуме тенденция к вытеснению сюжетно-ролевой игры из жизни детей, замещение ее формализованными образовательными практиками или пассивным потреблением цифрового контента, несет в себе риски нарушения фундаментальных законов психического развития. Несформированность механизмов соподчинения мотивов и эмоциональной децентрации к моменту поступления в школу создает системные трудности в адаптации и обучении, которые невозможно компенсировать исключительно интеллектуальной подготовкой. Произвольность, не вызревшая в недрах игровой деятельности, оказывается хрупкой и зависимой от внешнего принуждения, что ограничивает возможности субъекта к саморазвитию и саморегуляции в дальнейшем. Аффективная сфера, лишенная пространства для символической проработки в игре, остается инфантильной и слабодифференцированной.

Понимание игры как полигона для становления высших психических функций диктует необходимость пересмотра подходов к организации детской жизнедеятельности в образовательных учреждениях и семье. Речь идет не о искусственном насаждении игровых форм, а о создании условий, способствующих разворачиванию спонтанной, самостоятельной игры, насыщенной культурными смыслами. Сохранение игрового пространства детства выступает не как ностальгическое пожелание, а как жесткий императив психогигиены развития. Перспективы применения полученных теоретических обобщений лежат в плоскости разработки стратегий психолого-педагогического сопровождения, направленных на поддержку инициативы ребенка и обогащение его игрового репертуара, что является ключом к формированию гармоничной, эмоционально зрелой и произвольно управляющей собой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ежкова Н.С., Руднева А.А. Сюжетно-ролевые игры дошкольников: взгляд на проблему руководства // Мир педагогики и психологии. 2017. № 3 (8). С. 10-13.
2. МаксUTOва А.А., Кедярова Е.А. К вопросу изучения сюжетно-ролевой игры в дошкольном возрасте // Вестник Иркутского университета. 2004. № 5. С. 144-145.
3. Диль-Илларионова Т.В., Шумова О.А. Сюжетно-ролевая игра как средство формирования коммуникативных умений у дошкольников // Проблемы научной мысли. 2017. Т. 9. № 1. С. 046-050.

4. Андреевская А.В., Сидорина Е.В. Психологические особенности сюжетно-ролевой игры современных дошкольников // Нижегородский психологический альманах. 2024. № 1. С. 9-15.
5. Лидак Л. Сюжетно-ролевые игры в развитии навыков общения ребенка со сверстниками // Дошкольное воспитание. 1990. № 7. С. 18-23.
6. Коваль Ю.Б. Особенности выбора дошкольниками эмоциональной экспрессии с целью регуляции отношений в различных ситуациях социального взаимодействия // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 6 (25). С. 97-102.
7. Зebbеева В.А., Литвиненко Н.В. Формирование у старших дошкольников социальной активности во взаимодействии со сверстниками средствами сюжетно-ролевой игры // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 88-3. С. 128-131.
8. Доронина И.В., Булгакова Т.А. Развитие эмоционально-волевой сферы детей дошкольного возраста с задержкой психического развития в сюжетно-ролевой игре // Мир педагогики и психологии. 2025. № 6 (107). С. 444-456.
9. Валиева З.И. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста (психологические исследования) // Диалог. 2012. № 2. С. 30-34.
10. Кукава С.Г., Островерх О.С. Формирование эмоциональной децентрации у дошкольников в условиях сюжетно-ролевой игры // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2021. № 3 (57). С. 113-123.
11. Бутырская Е.В., Хибина Е.В. Сюжетно-ролевая игра как ценностная основа развития субъектной позиции у детей дошкольного возраста // Аксиологические проблемы педагогики. 2016. № 7. С. 22-26.
12. Якшина А.Н., Смирнова В.Н. Взаимосвязь сюжетно-ролевой игры и сочинения историй в дошкольном возрасте // Современное дошкольное образование. 2024. № 1 (121). С. 44-53.
13. Чернобровкина С.В. Развитие личности ребенка в сюжетно-ролевой игре: овладение механизмом превращения // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2004. № 2. С. 30-39.
14. Михайлова В.П., Корытченкова Н.И., Бритвина О.С. Исследование эмоциональной сферы дошкольников проективными методами // Вестник Кемеровского государственного университета. 2005. № 2 (22). С. 120-122.
15. Климова Е.В., Гребенникова И.Н. Роль коррекционных игр в развитии эмоциональной сферы детей дошкольного возраста с нарушением речи и опорно-двигательного аппарата // Сибирский медицинский журнал (г. Томск). 2011. Т. 26. № 51. С. 133-134.

© Лю Чэньюй (lcy20000811@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КОРРЕКЦИИ ДИСГРАФИИ

PSYCHODIDACTIC APPROACH
TO THE CORRECTION OF DYSGRAPHIAO. Makedonskaya
A. Kornev

Summary: The methodological basis of this study is the component analysis of writing, as a complex integrated skill, into autonomous components – elementary skills, which, according to the learning program, the child learns sequentially. The process of writing is viewed by the authors as a step-by-step formation of basic components-skills. The article presents an attempt to structure a psychodidactic approach, which determines a different view on the correction and development of younger schoolchildren with dysgraphia caused by a violation of language analysis and synthesis.

Keywords: psychodidactic approach, dysgraphia based on impaired language analysis and synthesis, phonemic analysis, modeling of the sound structure of a word, component structure of the writing skill, step-by-step formation of basic components of writing skills, the skill of modeling the sound structure of words, the skills of phonemic analysis of words, psychodidactic principles and methods of correcting dysgraphia.

Македонская Ольга Алексеевна

канд. пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный педиатрический медицинский
университет Министерства здравоохранения
Российской Федерации
oam-vl@yandex.ru

Корнев Александр Николаевич

канд. мед. наук, доктор псих. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет Министерства
здравоохранения Российской Федерации
k1949@ya.ru

Аннотация: Настоящая публикация представляет собой попытку структурирования психодидактического подхода, определяющего иной взгляд на коррекционно-развивающее обучение младших школьников с дисграфией, обусловленной нарушением языкового анализа и синтеза (далее – НЯЗАС-дисграфия). Методологическую основу исследования составляет компонентный анализ письма, как сложного комплексного навыка на автономные, элементарные навыки, которые в соответствии с программой обучения ребенок усваивает последовательно. Результатом анализа является определение ключевых «мишеней» коррекционной работы с детьми, имеющими НЯЗАС-дисграфию, – формирование и автоматизация навыка моделирования звуковой структуры слова с помощью авторского комплекса тактических приемов.

Ключевые слова: психодидактический подход, дисграфия на основе нарушения языкового анализа и синтеза, компонентная структура навыка письма, фонематический анализ, моделирование звуковой структуры слова, психодидактические принципы и приемы коррекции НЯЗАС-дисграфии.

Введение

Как известно, у определенной доли детей школьного возраста усвоение письма и чтения вызывает определенные трудности, что в ряде случаев приобретает характер стойких избирательных нарушений, которые проявляются в виде повторяющихся ошибок. В традиции педагогических исследований эти ошибки принято называть специфическими. А соответствующую форму нарушений письма называют дисграфией [13], [21], [22], [23], [24]. Несмотря на то, что дисграфия является предметом исследований уже на протяжении полувека, ее природа и механизмы остаются недостаточно изученными. В сравнительно небольшом числе экспериментальных исследований механизмы нарушений письма у детей рассматриваются аналогично тому, что было описано у взрослых, страдающих аграфией, возникающей вследствие распада навыков письма в результате очаговых поражений головного мозга (Хватцев, 1937 [17], Садовникова, 1995 [16], Ахутина, 2001 [1], Лалаева, 2004 [12]). При этом дисфункция определенных модально специфичных механизмов (агнозии, апраксии и др.) обычно непосред-

ственно влияет на тип ошибок, что и стало в нейропсихологии основой топической диагностики (Лурия, 1962 [14], [15], Цветкова, 1997 [18]). Подобный взгляд на механизмы нарушений письма у детей существенно повлиял на методологию коррекции дисграфии. Однако, лонгитюдный экспериментально-психологический анализ процесса овладения письмом, ряда исследований психологии усвоения орфографических навыков (Эльконин, 1956 [20], Жуйков, 1964 [6], Богоявленский, 1966 [3]) и лингвистические исследования письма (Щерба, 1983 [19]) дают основание для иного взгляда, как на процесс овладения навыками письма, так и на механизмы дисграфии (Корнев, 1997, 2008 [9], [10], Иншакова, 2003, 2011 [7], [8]). Процесс формирования навыков письма, по существу, представляет собой взаимодействие ребенка с учетом его когнитивных и языковых особенностей развития, семиотических характеристик системы письма (алфаветическое письмо в русской письменности) и характеристик образовательной среды, в которой оказывается ребенок. Каждый из трех компонентов этого треугольника динамически взаимодействует с двумя другими в процессе осуществления ребенком целенаправленной деятельности

письма. Целью этой деятельности является графическое кодирование с помощью букв фонематического состава слов по правилам графики и орфографии, пространственное моделирование временной последовательности звуков и слов, составляющих предложение (Корнев, 2018 [11]). Результат этого взаимодействия – формирующаяся функциональная система навыков письма. То, что обычно называют навыком письма, по существу представляет собой совокупность навыков, часть из которых формируется последовательно, а часть – одновременно. В отличие от устной речи ребенок в школе письменную речь усваивает под управлением и при помощи учителя. Происходит это в ходе эксплицитного обучения на основе определенной образовательной программы, учебного плана и при помощи определенных дидактических приемов, которые использует учитель. Метод обучения грамоте, как известно, может быть разным: аналитико-синтетический метод, глобальный метод (метод целых слов), слоговой метод и др. Каждый из методов в процессе использования предъявляет разные требования к тем или иным когнитивным системам ребенка. Дидактические стратегии, тактические приемы, формы помощи, личные особенности взаимодействия с детьми, в зависимости от когнитивного и личностного склада каждого из детей также оказывают позитивное или негативное влияние на процесс и результат овладения письмом.

Таким образом, существуют основания признать, что трудности и нарушения формирующегося комплекса навыков письма имеют сложную многофакторную природу, которую невозможно объяснить без учета психодидактических условий, в которых ребенок овладевал навыками письма.

Цель данного исследования — структурирование психодидактического подхода к коррекционно-развивающему обучению младших школьников с дисграфией, обусловленной нарушением языкового анализа и синтеза (далее - НЯЗАС-дисграфия).

Методологические основания исследования

Общей методологической основой анализа является компонентный анализ письма, как сложного, комплексного навыка на его относительно автономные компоненты — элементарные навыки, которые в соответствии с программой обучения ребенок усваивает последовательно. Иными словами, процесс овладения письмом правомерно рассматривать, как поэтапное формирование базовых компонентов-навыков (см. схему 1).

С позиций уровневой модели формирующихся навыков (Бернштейн, 1947 [2]), каждый из компонентов-навыков в процессе формирования у ребенка проходит несколько этапов: 1) этап начального овладения навыком под сознательным контролем каждой из операций, 2) этап совершенствования и частичной автоматизации операций при сознательном контроле над действием в целом, и 3) этап автоматизации всего действия. В норме на этапе зрелого письма эти компоненты интегрируются и составляют целостный автоматизированный комплексный навык.

Комплексный навык письма включает два базовых компонента: 1) навык кодирования звуков буквами и 2) навык моделирования звуковой структуры слов и лексической структуры предложений (см. схему 1). Однако оба они при эксплицитном аналитико-синтетическом методе

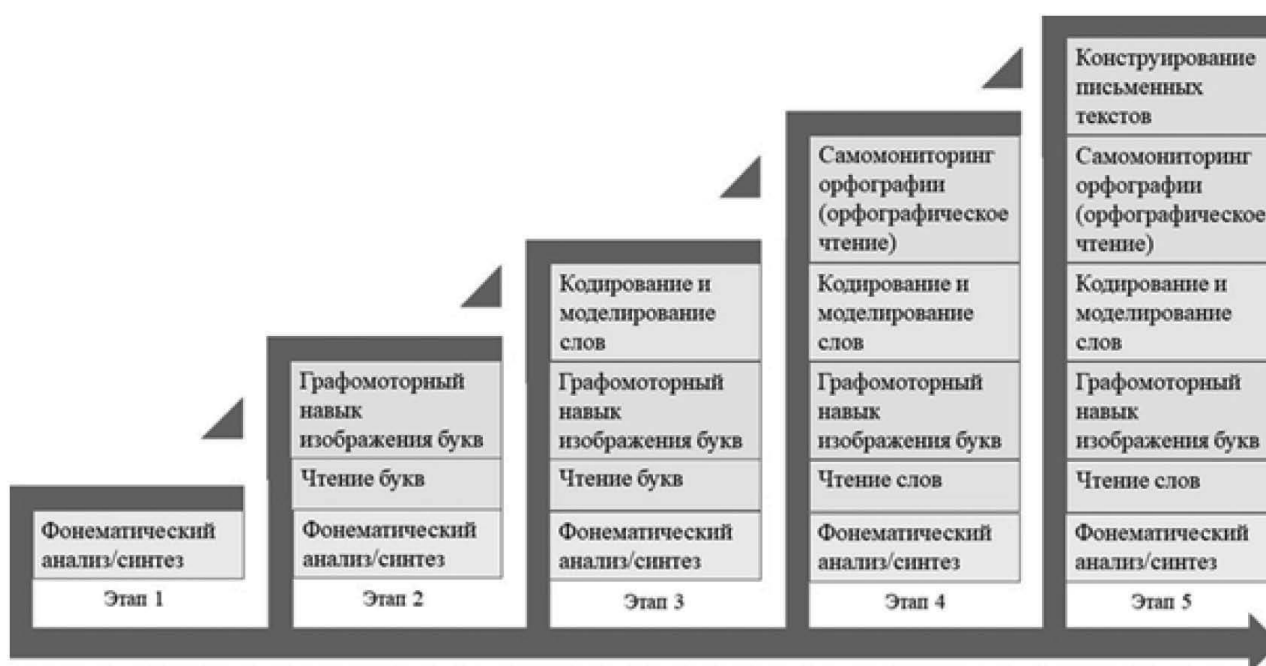

Схема 1. Компонентная структура навыка письма по А. Н. Корневу

обучения требуют предварительной сформированности пропедевтического метафонологического навыка — фонематического анализа слов на составляющие их слоги и звуки (далее ФА). Ребенок в процессе организованного обучения осознает слово, как самостоятельное явление и его сегментарную структуру: слоги и звуки. Достигнув этого он готов к овладению ФА. Овладение ФА затрудняется тем, что в слуховом образе слова отдельные звуки не представлены, а скорее, наоборот, — слиты в целостный звукокомплекс. В нем многие типовые дифференциальные признаки некоторых фонем редуцированы, видоизменены в связи с коартикуляцией, а некоторые звуки перцептивно не определяются, а скорее угадываются (см. например, [zdrasti] вместо sdravstvujt'e) (Щерба, 1983 [19], Бондарко, 1981[4], Венцов, 1994 [5]).

Обозначенные трудности в овладении ФА являются серьезным препятствием при обучении письму детей, имеющих НЯЗАС-дисграфию. Навык фонематического анализа является первой операцией, которую совершает пишущий ребенок. К его элементарным формам относится выделение звука на фоне слова. Самым сложным является определение последовательности звуков в слове, их количества, места по отношению к другим звукам. Несформированность элементарных и сложных форм фонематического анализа затрудняет освоение школьником последующих навыков этапа кодирования и перехода к следующему этапу — моделированию, обуславливая пропуски и перестановки букв в письме. В результате компонентного анализа структуры письма авторами были определены ключевые «мишени» коррекционной работы с детьми, имеющими НЯЗАС-дисграфию, — формирование и автоматизация навыка моделирования.

Психодиактический подход к коррекции НЯЗАС-дисграфии у младших школьников

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что на доступность овладения детьми навыками письма влияет совокупность условий в построении и организации самого процесса обучения. Ведущим является опора на психодиактические принципы, позволяющие применять эффективные приемы коррекции НЯЗАС-дисграфии у школьников (согласно компонентной модели формирования навыков письма и с учетом интерпсихических и интрапсихических факторов). Существующая система обучения грамоте включает в добукарный период обязательное *освоение базовых навыков*. Недостаточное владение ими препятствует формированию навыков письма. Напомним, что для формирования комплексного навыка — моделирования звуковой структуры слова, прежде всего, необходимо владение слоговым и фонематическим анализом слов. В свою очередь, «подводными камнями» трудностей *фонематического анализа*, является несформированность сукцессивных операций, обеспечивающих способность распознавать именно по-

следовательность, серийную организацию ряда стимулов (звуков, слогов), а также недостаточный объем фонологической оперативной памяти (сохранение в памяти всего ряда звуков, составляющих слово, в процессе его записи). Соответственно, ключевым психодиактическим принципом коррекции будет *создание у детей функциональных предпосылок*, предшествующих усвоению навыков письма. Соблюдение в коррекционной работе принципа, акцентирующего внимание на необходимости *постепенного наращивания сложности задач для ребенка: от простого к сложному, перехода от решения одной задачи к комплексной задаче*, позволит предотвратить распад формирующихся навыков, из-за недостаточных возможностей ребенка в распределении ресурсов для выполнения непосильных задач (вследствие регуляторных проблем III функционального блока мозга по А.Р. Лурию). Реализация принципа *поэтапности коррекционной работы* предполагает, что устранение НЯЗАС-дисграфии у младших школьников будет осуществляться на нескольких последовательно сменяющихся этапах. В нашем исследовании остановимся лишь на начальных этапах коррекционной работы, которые заслуживают серьезного внимания со стороны логопедов-практиков.

Подготовительный этап предполагает коррекционную работу по созданию функциональных предпосылок, предшествующих усвоению навыка письма. К первому блоку приемов, направленных на расширение объема фонологической оперативной памяти, относятся — *повторение вслух с постепенным увеличением и усложнением стимулов, запоминание последовательности, группировка слов (по смыслу, ассоциациям)*. Для реализации данных приемов необходимо использовать *игры*, которые позволяют ребятам выполнять трудные задания с интересом, не думая о тех сложностях, которые могут возникнуть в процессе их выполнения, так как запоминание здесь становится не самоцелью, а выступает в качестве достижения игровой цели. Сначала школьникам предлагаются игры на запоминание цепочки слов. В игре «Живой поезд» им предлагается построить длинный поезд, в котором вагончики соединены друг с другом именем человека. Первый участник игры называет свое имя (имена вымышленные), второй повторяет и добавляет свое, третий повторяет оба имени и добавляет третье и т. д. Вариантов данной игры может быть несколько, например, «Именины у Лины», «Болотная свадьба», где детям предлагается назвать гостей по очереди, а потом озвучить весь список, чтобы отправить им пригласительные. Игра «Дама сдавала в багаж» имеет несколько вариантов проведения *от простого к сложному*. Сначала можно использовать наглядность в виде предметных изображений (багаж дамы), называемых ребенком и накрываемых фишками/карточками, а затем опираться только на слуховое запоминание. Для облегчения сохранения в памяти названий вещей можно рассказывать, для чего та или иная вещь необходима

даме. В качестве альтернативы можно предложить такие игры, как «Сборы в поход», «Переезд», «Морское путешествие» и т. п. На следующем этапе работы игровые цели усложняются и для запоминания школьникам предлагаются слоги и звуки. Например, в игре «Код от сейфа» детям сообщается, что карта, указывающая путь к похищенным сокровищам, находится в сейфе. Чтобы достать карту нужно отгадать код замка. Ребята называют первый слог (звук) каждого слова цепочки из 2-х–4-х слов, отгадывая часть кода от сейфа. Логопед предъявляет 2–3 цепочки слов, после чего код от сейфа отгадан (кодовое слово). Более сложная (комплексная) цель решается в игре «Охотники за звуками». Дети для того, чтобы стать настоящими охотниками школьники должны удержать в памяти целое предложение, состоящее из 3–5 слов и сосчитать сколько слов имеют заданный логопедом звук.

Второй блок приемов таких, как *мнемический план, опорные пункты, воспроизведение и запоминание последовательностей* (автоматизированных и произвольно заданных рядов – вербальных стимулов, действий, звуковых ритмов, предъявленных в определённой логике), направлен на тренировку сукцессивных функций. Отметим, что их тренировка осуществляется на протяжении всего периода коррекционной работы со школьниками, начиная с совместного планирования последовательности выполняемых игр и заданий, обсуждения правил поведения (одновременно осуществляется регуляция произвольного поведения и удержание в памяти правил), системы штрафов и поощрений и, заканчивая, рефлексией в конце занятия. В качестве примеров интересны игры «Здравствуйте», «Передай соседу», «Мяу-карты», «Двигательный марш», «Зеркало» и «Сломанное зеркало», которые на-

правлены на запоминание и воспроизведение временных и пространственных последовательностей действий. Игра «Волшебный клубочек» поможет воспроизвести ребятам последовательность событий, осуществляющихся на занятии (клубочек ниток передается по кругу, плетется «паутинка», при этом вспоминается событие за событием). С целью лучшего запоминания дней недели, времени суток, месяцев года применяются игры «Неделька стройся», «Собери год», «Что впереди, а что позади?» и др. Для воспроизведения последовательностей в речи проводятся игры со знакомыми историями и сказками *в обратной последовательности или с изменением главного героя, времени года и т. п.*, например, «Колобок наоборот».

Следующий этап предполагает работу непосредственно над формированием навыка письма и включает *пошаговое формирование навыков фонематического анализа у детей с НЯЗАС-дисграфией* (см. схему 2).

Важно помнить о том, что построение коррекционной работы должно начинаться с *этапа прочно усвоенных навыков* (с учетом результатов оценки состояния навыков письма). В первую очередь, это повышает у детей уверенность в себе и мотивацию к занятиям, а во-вторых, позволяет соблюдать строгую этапность в формировании *навыка моделирования*, с учетом ступенчатого характера формирования компонентов-навыков письма (см. схему 1). Отработка навыков осуществляется сначала в устном плане, а затем в письме (это, прежде всего, обусловлено комплексностью задач, которые мы ставим перед ребенком с дисграфией).

Руководствуясь обозначенными психодидактически-

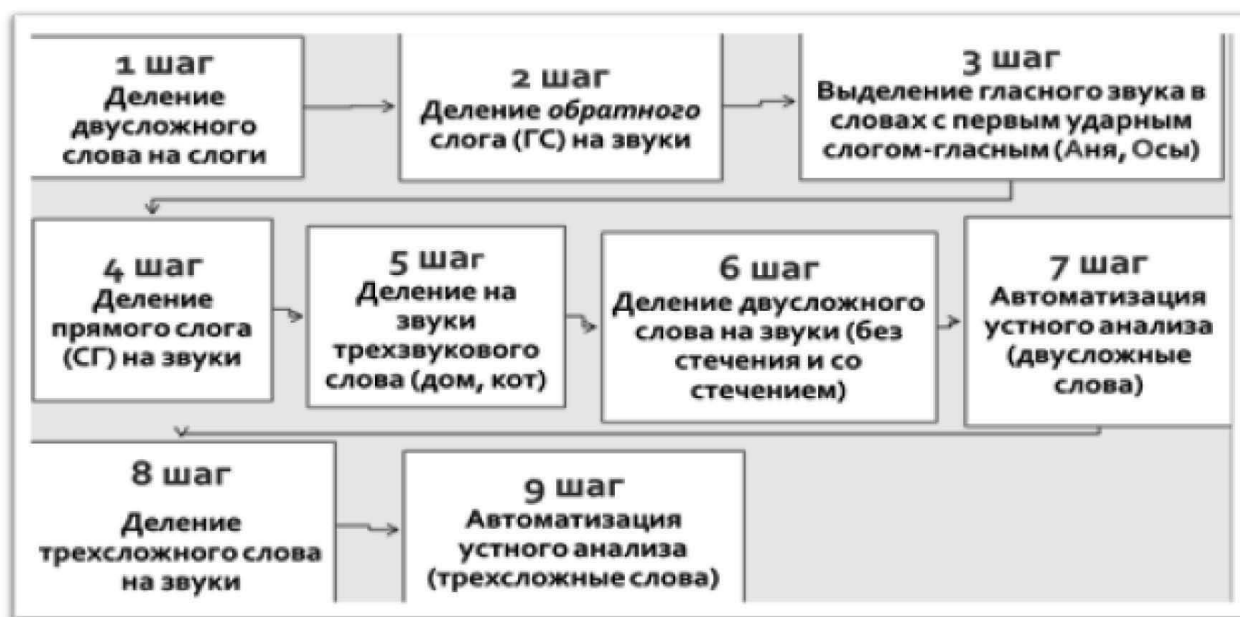

Схема 2. Пошаговое формирование навыков фонематического анализа у детей с НЯЗАС-дисграфией

ми принципами, обратимся к приемам пошагового формирования фонематического анализа у детей с НЯЗАС-дисграфией. К ним относятся *сегментация* слов на слоги и звуки, *сегментация* слогов на звуки, а также *синтез* звуков, слогов в слоги и слова с постепенным усложнением игровой задачи. В качестве дополнительных приемов используются *моделирование* и *визуализация*.

1 ШАГ – формирование навыков деления двусложного слова на слоги.

Следует подчеркнуть, что, формируя у младших школьников на начальных этапах навыки фонематического анализа, следует делать акцент на операциях со слогами (соотнесения написанного слога с выбором нужной картинке, удержание в памяти целого предложения, деление на слоги *неслов* и т. п.). В игре скрыто, посредством эмоционального воздействия и мотивирования, осуществляется формирование навыков деления двусложного слова на слоги, при этом фокус внимания логопеда направлен на освоение детьми процедурных навыков. Сначала перед детьми ставится простая задача по сегментации слова на слоги, например в игре «Связанные одной цепью». Дети стоят в кругу, все связаны одной цепью (ладони в ладонях друг у друга). Во внутреннем круге перед каждым ребенком лежит картинка (все названия картинок содержат 2 слога), дети по часовой стрелке называют первый слог, хлопая по ладони друга слева, второй слог, хлопая соседа справа (по правилам чтения слов). Тот, кто ошибается, тому выписывается штраф в виде дополнительной картинке. Примером усложнения игровой задачи, с учетом автоматизированности навыков при выполнении более простых задач, является игра «Смотри в оба», где необходимо соотнести написанный слог с выбором картинке, название которой на него начинается. В игре «Переводчик» предлагаются для деления иностранные слова (фактически *неслова для ребенка*), исключая угадывание ребенком количества слогов, и обнаруживая сформированность навыков слогового анализа слова. При прокладывании *дороги к острову пиратов*, перед детьми ставится комплексная задача, а) удержание в оперативной памяти целого предложения и б) выкладывание нужного количества ракушек или камешков, соответствующего количеству слогов в каждом его слове.

2 ШАГ – формирование навыков деления обратного слога (ГС) на звуки.

Для школьников операции деления слога на звуки, их подсчет или называние последовательно не представляют выраженного интереса, быстро наскучивают и выполняются неохотно, поэтому данные навыки важно формировать в игровой форме. Так, в игре «Шифровальщик», дети выступают в роли шифровальщиков и помогают следователям найти злоумышленников. Необходимо как можно быстрее расшифровать слоговые схемы (шифры в игре), подставив гласную или согласную букву на место фишки (красного или синего цвета). В игре «Ля-

гушка-путешественница», дети пытаются справиться с ее «заумными» заданиями, перепрыгивая с кочки на кочки, маркированные гласными и согласными буквами. В данном случае реализуется потребность детей в движении, применяется система штрафов, которая мотивирует к правильному выполнению задания, можно дополнить игру и соревновательным моментом, при помощи вопроса, *кто быстрее доберется до берега?*

3 ШАГ – выделение гласного звука в словах с первым ударным слогом – гласным (*фактически однозвучного слога*).

Школьники выполняют аналогичное предыдущему этапу умственное действие, однако слово длиннее, нежели слог. Для решения поставленной цели можно провести игру «Назови пароль», имеющую несколько этапов усложнения. От самого простого – назови первый слог в одном-двух словах и получи доступ к поезду с грифом «*совершенно секретно*», до четырех-пяти, когда необходимо удержать в оперативной памяти до 4–5 слогов в определенной последовательности.

4 ШАГ – формирование навыков деления прямого слога (СГ) на звуки.

Деление прямого слога на звуки для детей трудная задача, так как они воспринимают данный тип слога как один звук, гласный является «*как бы продолжением согласного*», ребенок выполняет лишь одно артикуляторное движение (опора только на кинестетические ощущения движений органов артикуляции не позволяют ребенку вычленив гласный звук из состава слова). Именно в позиции после согласного дети наиболее часто пропускают гласные буквы в письме. Поэтому навыки деления прямого слога на звуки требуют особого внимания и обязательной отработки, сначала в устном плане, а затем в письме детей. Игра «Меткий стрелок», позволяет ребенку проанализировать произнесенный слог, благодаря картинкам, в названиях которых нужно выделить первый звук, а их неожиданно две. Логопед ставит перед ребенком вопрос, почему картинок две, ведь я произнесла *ДУ*, таким образом, картинки выступают в роли подсказки (вспомогательного средства) и позволяют ребенку совершать операции анализа *сложного для них слога*, неосознанно, достигая при этом игровой цели – сдуть или сбить щелчком/мячом, нужные картинки. В игре «Полюшко-поле» у детей одной группы имя – слог, а у детей другой группы имя – звук, нужно найти своих друзей и их должно быть двое, задача перед ребенком стоит игровая, а умственные действия, которые он совершает в данный момент – анализ слога, достаточно трудоемкие (сегментация прямого слога на звуки).

5 ШАГ – формирование навыков деления на звуки трехзвучного слова.

Постепенно осуществляется движение вперед, оно состоит в усложнении и комплексности задач, которые

мы ставим перед детьми. На примере игры «Новоселье», можно продемонстрировать, как заинтересовать школьников в выполнении задания по делению трехзвукового слова на звуки. Ребята словно сыщики ищут вещи из коробки жильца, последовательно называя звуки в слове-подсказке. Например, КОТ, ищем вещь, которая начинается на звук «К» – когтеточка, следующий звук «О» – обрuch, затем на «Т» – тапочки. Так, мы нашли вещи КОТа из первой коробки. В игре «Коллекционер», ребенок выбирает для каждого слова новые бусы и, отрезая бусину за бусиной, наполняя сундук с сокровищами или собирая коллекцию для будущей поделки, подарка на свадьбу, называет звук за звуком. Практическое действие, *отрезал – назвал*, синхронизируется с произнесением каждого отдельного звука слова.

6–7 ШАГИ – формирование и автоматизация навыков деления двусложного слова на звуки (без стечения и со стечением согласных).

Применение приемов моделирования и визуализации для достижения образовательной цели наглядно прослеживается в игре «Художественная галерея». Дети помогают художникам найти подписи картин, которые представлены звуковыми схемами слов или, наоборот, подобрать к схеме подпись, и оформить выставку в художественной галерее. Игра «Поход в супермаркет» носит сюжетный характер, школьники погружаются в игровой процесс, и одновременно будучи эмоционально вовлеченными, осваивают навык деления двухсложного слова (названия товаров) на звуки (их количество в слове обозначает стоимость покупки), опираясь на материализацию умственного действия. Всем покупателям в банке выдаются монеты (по 10 штук номиналом по 1 рублю). Если покупатель ошибается, продавец оставляет товар в магазине. На этапе автоматизации навык формирования фонематического анализа у детей переводится в речевой план, а затем в умственный план, исключается опора на вспомогательные средства и действия.

8–9 ШАГИ – формирование и автоматизация навыков деления трехсложного слова на звуки.

Самым сложным для младших школьников является деление трехсложного слова на звуки, так как им необходимо удержать в оперативной фонологической памяти от 5 до 8 вербальных стимулов, расположенных в определенной последовательности в слове. На данном этапе школьникам можно предложить игру «Сложи созвездие». Сначала ребят знакомят с деятельностью астронома (*наблюдает за звездами и ведет математические расчеты*), а затем предлагают сосчитать звезды в созвездиях на ночном небе. Каждая звезда в нем – это звук его названия. Дети выкладывают звезды-звуки в виде созвездий (например, *Сирена, Ракета, Телескоп* и т.п.) и кладут нужную цифру. В конце игры выбирается самое красивое созвездие. На этапе автоматизации закрепляются навыки деления трехсложного слова на зву-

ки, исключается опора на проговаривание.

Предложенные авторами тактические приемы и средства их реализации по созданию *функциональных предпосылок*, предшествующих усвоению навыка письма, а также *пошаговому формированию пропедевтического метафонологического навыка* – фонематического анализа слов, демонстрируют психодидактические аспекты коррекционной работы с младшими школьниками, помогая логопеду в достижении цели их непроизвольного и неосознанного, т. е. имплицитного, научения.

Заключение

Обобщая изложенное, существуют основания признать, что психодидактический подход к коррекции НЯ-ЗАС-дисграфии у младших школьников, позволяет:

- рассматривать процесс овладения письмом, как поэтапное формирование базовых компонентов-навыков, каждый из которых проходит несколько этапов, преобразовываясь в целостный автоматизированный комплексный навык;
- определить ключевые «мишени» – это формирование и автоматизация навыков фонематического анализа и моделирования звуковой структуры слова;
- доказать необходимость предварительной сформированности у ребенка пропедевтического навыка фонематического анализа слов на составляющие их слоги и звуки;
- обосновать принципы коррекционной работы такие, как а) *создание у детей функциональных предпосылок, предшествующих усвоению навыков письма*, б) *соблюдение постепенного наращивания сложности задач для ребенка*, в) *соблюдение этапности в формировании навыков фонематического анализа и моделирования с учетом ступенчатого характера формирования компонентов-навыков письма*, г) *построение работы с этапа прочно усвоенных навыков (согласуется с результатами диагностики)*, д) *соблюдение логики в формировании навыков моделирования – навыки отрабатываются сначала в устном плане, а затем в письме*, е) *акцент на освоении детьми процедурных навыков письма приемами имплицитного научения*;
- определить тактические приемы создания функциональных предпосылок, предшествующих усвоению навыка письма, а также пошагового формирования пропедевтического метафонологического навыка – фонематического анализа слов.

Таким образом, структурирование психодидактического подхода принципиально меняет взгляд на методологию коррекции дисграфии в отечественной логопедии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина, Т.В. Трудности письма и их нейропсихологическая диагностика / Т.В. Ахутина // Письмо и чтение: трудности обучения и коррекции: Учебное пособие / Под общей редакцией О. Б. Иншаковой. - М.: МПСИ, 2001. - С. 7–20.
2. Бернштейн Н.А. О построении движений / Н.А. Бернштейн. - М.: Медгиз, 1947. - 254 с.
3. Богоявленский, Д.Н. Психология усвоения орфографии / Д.Н. Богоявленский. - М.: Просвещение, 1966. - 305 с.
4. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи / Л.В. Бондарко. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. - 199 с.
5. Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи / А.В. Венцов, В.Б. Касевич. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. - 232 с.
6. Жуйков С.Ф. Психология усвоения грамматики в начальных классах / С. Ф. Жуйков. - М.: Просвещение, 1964. - 300 с.
7. Иншакова, О.Б. Проблемные вопросы изучения нарушений письма у младших школьников общеобразовательных школ / О.Б. Иншакова, А.Г. Иншакова // Практическая психология и логопедия. - 2003. - № 1–2. - С. 37–41.
8. Иншакова, О.Б. Изучение актуальных проблем дисграфии в контексте мультидисциплинарного подхода / О.Б. Иншакова // Гуманитарные исследования. - 2011. - № 4. - С. 293–300.
9. Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей: Учебно-методическое пособие / А.Н. Корнев. - СПб.: МиМ, 1997. - 286 с.
10. Корнев, А.Н. О механизмах нарушений письма и чтения у детей / А.Н. Корнев // Проблема порождения речи: материалы VII выездной сессии школы-семинара (23–30 окт.). - Череповец, 2008. - С. 103–109.
11. Корнев А.Н. Поэтапное формирование оперативных единиц письма и чтения как базовый алгоритм усвоения этих навыков / А.Н. Корнев // Нарушения письма и чтения у детей: изучение и коррекция. Научная монография / Под общей редакцией О.А. Величенковой. - Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «ЛОГОМАГ» (Москва), 2018. - С. 5–23.
12. Лалаева, Р.И. Нарушение чтения и письма у младших школьников: диагностика и коррекция: учеб.-метод. пособие / Р.И. Лалаева, Л.В. Венедиктова. - Ростов н/Д: Феникс; СПб.: Союз, 2004 (Курск: ФГУИПП Курск). - 218 с. - (Серия «Коррекционная педагогика»).
13. Логопедия: Учебник для студентов дефектол. фак. пед. вузов / Под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. - С. 461.
14. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1962. - С. 64
15. Лурия, А.Р. Очерки психофизиологии письма / А.Р. Лурия. // А.Р. Лурия Письмо и речь: Нейролингвистические исследования. - М.: «Академия», 2002. - С. 10–76.
16. Садовникова, И.Н. Нарушения письменной речи и их преодоления у младших школьников / И.Н. Садовникова. - М.: «Владос», 1995. - 256 с.
17. Хватцев М.Е. Логопедия: учеб. для пед. институтов. - М, 1937, - С. 220.
18. Цветкова Л.С. Нейропсихология счета, письма и чтения: нарушение и восстановление. - М.: «Юрист», 1997. - 256 с.
19. Щерба Л.Б. Теория русского письма / отв. ред. Л. Р. Зиндер; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. - Л.: Наука. Ленингр. отд., 1983. - 133 с.
20. Эльконин, Д.Б. Некоторые вопросы психологии усвоения грамоты // Вопросы психологии. - 1956. - №5. - С. 51–59
21. Crouch A.I., Jakubecy J.J. Dysgraphia: How It Affects A Students Performance and What Can Be Done About It // TEACHING Exceptional Children Plus, January. 2007. Vol. 3. Issue 3. P. 1 – 12.
22. Döhla D. and Heim S. Developmental Dyslexia and Dysgraphia: What can We Learn from the One About the Other? // Frontiers in Psychology, January, 2016. Vol. 6. Article 2045. P. 1 – 12.
23. Purcell J.J., Tokelautaub P.E., Eden G.F., Rapp B. Examining the central and peripheral processes of written word production through meta-analysis // Frontiers in Psychology, October 2011. Vol. 8. Article 239. P. 1 – 16.
24. Rosenblum S., Weiss P.L., Parush S. Handwriting Evaluation for Developmental Dysgraphia: Process versus Product // Psychology 2004, January 23, 2017. Vol. 8. No. 2. P. 433 – 458.

© Македонская Ольга Алексеевна (oam-vl@yandex.ru), Корнев Александр Николаевич (k1949@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРА ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВЫПУСКНИКОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

STRUCTURE OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF GRADUATES OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

**E. Nikolaeva
N. Naumova**

Summary: The research relevance is due to the fact that in the context of globalization and integration of Russia into the world economic and educational space, the requirements for the level of foreign language proficiency by graduates of non-linguistic universities are increasing. The research goal is to determine the structure of foreign language competence of graduates of non-linguistic universities.

To achieve this goal, the following tasks were solved in the study: theoretical approaches to the definition of foreign language competence were analyzed, the key components and structure of foreign language competence of graduates of non-linguistic universities were identified, and the characteristics of the theoretical model of foreign language competence were determined.

The methodology of the research includes: analysis of scientific and methodological literature, formal logical method, generalization, systematization.

As a result, a theoretical model of foreign language competence of graduates of non-linguistic universities was proposed, including linguistic, sociolinguistic, discursive, strategic and socio-cultural competencies, each of which is detailed by levels of proficiency.

Keywords: foreign language competence, non-linguistic university, competence structure, components of competence, professional communication.

Николаева Элеонора Александровна

канд. филол. наук, доцент, МГИМО МИД России
elia_nicol@mail.ru

Наумова Наталья Александровна

канд. филол. наук, доцент, Финансовый университет
при Правительстве РФ (Владимирский филиал)
natasha_nau@list.ru

Аннотация: Актуальность темы связана с тем, что в условиях глобализации и интеграции России в мировое экономическое и образовательное пространство возрастают требования к уровню владения иностранным языком выпускниками неязыковых вузов.

Цель исследования: определение структуры иноязычной компетенции выпускников неязыковых вузов.

Для достижения поставленной цели в исследовании были решены следующие задачи: проанализированы теоретические подходы к определению иноязычной компетенции, выявлены ключевые компоненты и структура иноязычной компетенции выпускников неязыковых вузов, определены характеристики теоретической модели иноязычной компетенции.

Методология исследования включает: анализ научно-методической литературы, формально-логический метод, обобщение, систематизация.

По итогу исследования была предложена теоретическая модель иноязычной компетенции выпускников неязыковых вузов, включая лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, стратегическую и социокультурную компетенции, каждая из которых детализирована по уровням владения.

Ключевые слова: иноязычная компетенция, неязыковой вуз, структура компетенции, компоненты компетенции, профессиональная коммуникация.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью повышения уровня иноязычной подготовки выпускников неязыковых вузов, поскольку процессы глобализации и интернационализации высшего образования требуют от специалистов свободного владения иностранным языком для профессиональной коммуникации. Дальнейшая интеграция России в международные исследовательские и экономические проекты подразумевает активное участие российских специалистов в международном сотрудничестве, которое невозможно без достаточного уровня иноязычной компетенции. Современные тенденции развития рынка труда иллюстрируют возрастающий спрос на специалистов, владеющих иностранными языками, как в крупных международных компаниях, так и в наци-

ональных предприятиях, ориентированных на экспорт и импорт [1, с. 138]. Современная информационная эпоха характеризуется экспоненциальным ростом объема знаний, значительная часть которых представлена на иностранных языках, поэтому доступ к передовым научным разработкам, технологическим инновациям и профессиональной литературе останутся недостижимыми без постоянного самообразования и повышения квалификации, без развитых навыков чтения и понимания иноязычных текстов [2, с. 127].

Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что трансформация парадигмы высшего образования, ориентированная на формирование у обучающихся универсальных учебных действий (УУД), включает умение учиться на протяжении всей жизни [3, с. 57]. В ряде эмпирических исследований доказано, что само по себе изучение ино-

странного языка способствует развитию когнитивных способностей, критического мышления, креативности и успешной адаптации к изменяющимся требованиям профессиональной деятельности выпускников неязыковых вузов [7, с. 104]. В свою очередь, развитие иноязычной коммуникативной компетенции способствует формированию межкультурной компетенции для эффективного взаимодействия в мультикультурной среде [8, с. 142].

В контексте российской образовательной системы, вопросы повышения качества иноязычной подготовки в неязыковых вузах приобретают особую актуальность: недостаточный уровень владения иностранными языками выпускниками таких вузов остается сдерживающим фактором для интеграции российского образования и науки в мировое образовательное пространство. В этой связи, разработка и внедрение эффективных методик обучения иностранным языкам для формирования профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции, является стратегически важной задачей, согласно Федеральным государственным стандартам высшего образования (далее – ФГОС ВО) [6].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки методических аспектов формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов. Результаты исследования вносят определенный вклад в совершенствование методики преподавания иностранных языков в неязыковых вузах и повышение конкурентоспособности российских специалистов на международном рынке труда.

Обзор литературы

Обзор литературы показывает, что проблема формирования иноязычной компетенции выпускников неязыковых вузов является предметом активных исследований в отечественной и зарубежной педагогике. В частности, вопросы структуры и содержания иноязычной компетенции рассматриваются в работах таких авторов, как М.М. Бажутина, А.В. Цепилова [1], А.А. Вербицкий [2], Е.Б. Сизова, А.Г. Бермус [4] и др. В свою очередь, В.К. Харченко, А.В. Анищенко подчеркивает значимость социокультурного контекста в формировании иноязычной компетенции [9].

Зарубежные исследователи, например, У. Бейкер [7], М. Байрам и М. Вагнер [8], выделяют коммуникативную компетенцию как ключевой элемент иноязычной подготовки, включающий грамматическую, социолингвистическую и стратегическую компетенции.

Необходимо отметить, что в исследованиях таких авторов, как Дж. Кинг [10], Д. Ласагабастер, Дж. М. Сьерра [11], Ло Ю, Ч Линь [12], В.Т. Ценг, А.Б. Феннер [13], М. Варгас-Урпи, К. Техада-Молина [14], М. Уолш [15], внимание акценти-

ровано на интегративном подходе к формированию иноязычной компетенции, учитывая взаимосвязь языковых, коммуникативных и профессиональных навыков.

Особое значение приобретает изучение влияния информационных технологий на процесс формирования иноязычной компетенции. Исследования таких авторов, как М.А. Рыкова, Т.В. Бокова [3], демонстрируют эффективность использования мультимедийных средств и онлайн-платформ в обучении иностранным языкам, способствуя повышению мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыковых вузов.

В контексте неязыкового вуза, актуальным остается формирование не только коммуникативной, но также академической иноязычной компетенции, позволяющей выпускникам неязыковых вузов эффективно работать с научной литературой на иностранном языке и участвовать в международной научной коммуникации. Исследование Ю.Ю. Сысоевой [5] указывает на необходимость разработки специальных учебных курсов для развития навыков чтения, письма и устной речи в академической среде.

Проведенный обзор литературы свидетельствует о многоаспектности формирования иноязычной компетенции выпускников неязыковых вузов, при этом необходимо более подробно рассмотреть структурные компоненты иноязычной компетенции у выпускников неязыковых вузов.

Результаты исследования

На основании проведенного анализа теоретических подходов к определению иноязычной компетенции и с учетом специфики обучения в неязыковых вузах, предлагается следующая структура иноязычной компетенции выпускников.

1. Лингвистическая компетенция включает знания и навыки в области грамматики, лексики и фонетики иностранного языка, необходимые для понимания и порождения лингвистически корректных высказываний. На наш взгляд, данный компонент, помимо знания правил грамматики изучаемого языка, предполагает также умение применять их на практике в различных коммуникативных ситуациях. При этом уровень владения лингвистической компетенцией должен соответствовать требованиям профессиональной деятельности и обеспечивать возможность адекватного восприятия и передачи информации на иностранном языке.
2. Социолингвистическая компетенция предполагает знание социокультурных факторов для адекватного выбора языковых средств и стратегий в процессе коммуникации. К числу таких знаний относятся: правила речевого этикета,

особенности невербальной коммуникации, а также понимание социальных ролей и отношений между участниками коммуникации. Иными словами, именно социолингвистическая компетенция позволяет адаптировать речь к конкретной коммуникативной ситуации, с учетом культурной базы собеседника.

3. Дискурсивная компетенция отражает умение строить связные и логичные высказывания в устной и письменной форме. Данный компонент включает следующие аспекты: умение организовывать текст, использовать средства логической связи, а также адаптировать стиль изложения к цели и аудитории. Дискурсивная компетенция предполагает знание основных типов текстов и умение создавать их в соответствии с коммуникативными задачами.
4. Стратегическая компетенция представляет собой умение компенсировать пробелы в знаниях и навыках владения иностранным языком с помощью различных стратегий и приемов. В частности, умения использовать контекст, догадываться о значении незнакомых слов, перефразировать, а также использовать невербальные средства коммуникации позволяют успешно решать коммуникативные задачи даже при ограниченном активном вокабуляре.
5. Социокультурная компетенция включает знания о культуре и традициях страны изучаемого языка, а также умение учитывать культурные различия в процессе коммуникации: например, знание исторического контекста, культурных ценностей, норм поведения, а также умение проявлять толерантность и уважение к другим культурам. Социокультурная компетенция позволяет эффективно взаи-

модействовать с представителями других культур и избегать межкультурных конфликтов.

Необходимо отметить, что интеграция всех пяти компетенций в процесс обучения иностранным языкам позволяет сформировать у выпускников неязыковых вузов комплексное умение эффективно общаться в различных ситуациях, учитывая языковые, социокультурные, стратегические и дискурсивные аспекты иноязычных коммуникации.

Выводы

Рассмотренные компоненты иноязычной компетенции выпускников неязыковых вузов, включая лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, стратегическую и социокультурную компетенции, представляют собой теоретический базис для формирования готовности к иноязычному общению в профессиональной сфере.

Акцент на каждом из рассмотренных выше компонентов позволяет сформировать целостное представление о необходимых знаниях и навыках в процессе подготовки выпускников неязыковых вузов.

Перспективы дальнейших исследований в этой области видятся нами в разработке и апробации конкретных методических рекомендаций и педагогических технологий для целенаправленного формирования каждого из выделенных компонентов иноязычной компетенции в условиях неязыкового образования. При этом, в рамках учебного процесса, особое внимание следует уделять разработке инструментов оценки для объективного измерения уровня сформированности каждого компонента иноязычной компетенции у выпускников неязыковых вузов.

Таблица 1.

Компоненты структуры иноязычной компетенции у выпускников неязыковых вузов.

Компетенция	Определение	Ключевые навыки и знания
Лингвистическая	Способность понимать и порождать грамматически и лексически корректные высказывания.	Знание грамматических правил, словарный запас, фонетическое восприятие и произношение, умение применять правила в коммуникативных ситуациях.
Социолингвистическая	Умение выбирать адекватные языковые средства и стратегии, учитывая социокультурные факторы.	Знание речевого этикета, особенностей невербальной коммуникации, социальных ролей и отношений, этнокультурная чувствительность.
Дискурсивная	Способность строить связные, логичные и структурированные высказывания в устной и письменной форме.	Организация текста, использование средств логической связи (когезия и когерентность), адаптация стиля к цели и аудитории, знание и создание различных типов текстов (нарратив, описание, аргументация и др.).
Стратегическая	Умение компенсировать пробелы в языковых знаниях и навыках с использованием различных коммуникативных стратегий.	Использование контекста, догадка о значении незнакомых слов (лексическая догадка), перефразирование, использование невербальных средств, запрос на уточнение информации, сотрудничество с собеседником.
Социокультурная	Знание культуры и традиций страны изучаемого языка, умение учитывать культурные различия в процессе коммуникации.	Знание истории, культурных ценностей, норм поведения, традиций, религиозных убеждений, умение проявлять толерантность и уважение, осознание межкультурных различий и избежание этноцентризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажутина, М.М., Цепилова, А.В. Концепция примерных программ по дисциплине «иностранный язык» для неязыковых специальностей и направлений подготовки // Высшее образование в России. – 2022. – № 7. – С. 137-139.
2. Вербицкий, А.А. Иноязычное образование в контексте профессии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2018. – № 2 (796). – Р. 126-138.
3. Рыкова, М.А., Бокова, Т.В. Развитие рецептивных социолингвистических умений студентов неязыковых вузов в процессе обучения профессиональному общению // Terra Linguistica. – 2021. – № 1. – С. 56-78.
4. Сизова, Е.Б., Бермус, А.Г. Метапредметный потенциал иноязычной подготовки в системе высшего нелингвистического образования // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 448-461.
5. Сысоева, Ю.Ю. Компетентностный подход при формировании иноязычной компетенции у студентов неязыковых вузов в условиях ФГОС третьего поколения // КНЖ. – 2015. – № 3 (12). – Р. 140-148.
6. ФГОС ВО. URL: <https://fgos.ru/search/bachelor/> (дата обращения: 15.09.2025).
7. Baker, W. Cultivating intercultural citizenship through English: possibilities and challenges // Journal of Multilingual and Intercultural Competence. – 2020. – № 18. – Р. 101-115.
8. Byram, M., Wagner, M. Making a difference: Language teaching for intercultural and international dialogue // Foreign Language Annals. – 2019. – № 5. – Р. 140-151.
9. Kharchenko, V.K., Anishchenko, A.V. Development of foreign language communicative competence of future specialists in the context of professional training // Information Technologies and Learning Tools. – 2020. – № 75. – Р. 289-303.
10. King, J. English as a medium of instruction in higher education: policy and practice // Language Teaching. – 2020. – № 53(4). – Р. 469-508.
11. Lasagabaster, D., Sierra, J.M. The predictive effect of early foreign language learning on secondary and tertiary students' language competence // Applied Linguistics. – 2019. – № 40(2). – Р. 207-227.
12. Lo, Y.Y., Lin, C.H. The relationship between foreign language proficiency and job performance among hotel employees // Tourism Management. – 2019. – № 73. – Р. 1-9.
13. Tseng, W.T., Fenner, A.B. Language learning motivation in study abroad contexts: a meta-analysis // Journal of Studies in International Education. – 2022. – № 26(3). – Р. 306-325.
14. Vargas-Urpi, M., Tejada-Molina, C. Foreign language learning and employability // A systematic review. System. – 2020. – № 93. – Р. 102-111.
15. Walsh, M. Integrating content and language in higher education: challenges and opportunities // Language Learning in Higher Education. – 2020. – № 10(1). – Р. 11-21.

© Николаева Элеонора Александровна (elia_nicol@mail.ru), Наумова Наталья Александровна (natasha_nau@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ 4-Х КЛАССОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ SILENT BOOKS

A METHOD OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE MONOLOGUE TO 4TH-GRADE STUDENTS USING SILENT BOOKS

**S. Parfenova
I. Podmarkova**

Summary: This study focuses on the introduction of *silent books*, an effective stimulating aid, into the teaching of a foreign language (specifically, English). The relevance of the study stems from the need to improve the development of monologue skills in primary school students through the search for modern visual aids. The article presents experimental data based on a survey of teachers and a diagnostic assessment of 4th-grade students' monologue skills. These data indicate an insufficient level of development of primary school students' monologue skills due to their inability to construct their messages logically and consistently. To overcome difficulties with motivation for speaking and the correct structuring of utterances in English, within the framework of this study, a method of step-by-step work with *silent books* as a stimulating visual aid in the process of teaching monologue speech to 4th-grade students was developed.

Keywords: the English language, primary school students, visual aids, *silent books*, the development of monologue skills.

Парфенова Светлана Олеговна

кандидат филологических наук, доцент, Российский
государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург)
parfenovas@mail.ru

Подмарькова Ирина Дмитриевна

учитель английского языка, ГБОУ лицей № 533
«Образовательный комплекс «Малая Охта»
Красногвардейского района (г. Санкт-Петербурга)
ipodmarckova@yandex.ru

Аннотация: Данное исследование фокусируется на внедрении в процесс обучения иностранному языку (в частности, английскому) такой эффективной стимулирующей опоры, как *silent books* (тихие книги). Актуальность исследования исходит из необходимости совершенствования процесса формирования монологических умений младших школьников за счет поиска современных визуальных опор. В статье приведены экспериментальные данные, основанные на опросе учителей и диагностическом срезе обученности монологической речи учащихся 4-х классов, которые свидетельствуют о недостаточно высоком уровне сформированности монологических умений младших школьников из-за неумения логически связно и последовательно выстраивать свои сообщения. Для преодоления трудностей с мотивацией к высказыванию, корректным структурированием высказывания на английском языке в рамках данного исследования была разработана методика поэтапной работы с *silent books* в качестве стимулирующей визуальной опоры в процессе обучения монологической речи учащихся 4-го класса.

Ключевые слова: английский язык, младшие школьники, визуальные опоры, тихие книги, формирование монологических умений.

Введение.

В условиях глобализации владение английским языком является одной из ключевых компетенций для осуществления межкультурной коммуникации. Особую значимость в этом процессе приобретает развитие умений в монологической речи, которая не только открывает возможность свободного общения с представителями других культур, но и способствует когнитивному развитию учащихся, тренируя память, логическое мышление, умение структурировать и последовательно излагать информацию.

Требования Федеральной рабочей программы начального общего образования (ФРП НОО) фиксируют необходимость формирования у выпускников начальной школы умения строить связные иноязычные монологические высказывания различного типа (описание, рассуждение; повествование/сообщение) с вербальными

и (или) зрительными опорами в рамках тематического содержания речи для 4 класса объемом не менее 4-5 фраз [1, С. 3305]. Однако практика показывает, что для достижения этих результатов необходимо преодолеть ряд трудностей, а именно: отсутствие мотивации у учащихся из-за неинтересных тем и неясной цели, дефицит современных визуальных опор, сложность логического структурирования высказывания на иностранном языке, а также нехватку учебного времени для полноценной практики. Изучением особенностей процесса формирования иноязычных монологических умений, в том числе и на самом раннем этапе обучения иностранному языку, занимались такие исследователи, как И.А. Зимняя, Л.В. Щерба, С.Ф. Шатилов, Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина, И.Л. Колесникова, О.А. Долгина, Е.Н. Соловова, Н.Д. Гальскова, А.П. Василевич, Н.Ф. Коряковцева, Р.В. Акимов, И.В. Вронская, О.В. Малова, С.В. Калинина и др.

В качестве инструмента для преодоления указанных

трудностей в педагогической практике все активнее предлагается использовать *silent books* (тихие книги). Их богатый визуальный язык служит эффективной опорой для построения высказывания, стимулирует воображение и позволяет выбирать темы, соответствующие интересам младших школьников. На данный момент целесообразность использования *silent books* в обучении иностранным языкам наиболее полно раскрыто в зарубежной методике, в том числе в рамках программ, разработанных Международным советом по книгам для молодежи (International Board on Books for Young People: IBBY). Отечественная методика только начинает свое знакомство с *silent books*, что, в свою очередь, делает эту тему весьма актуальной.

Изложение основного материала статьи.

Рассмотрим термины “речевая деятельность”, “монологическая речь”, “умение”, “умение в монологической речи”, “методическая опора”, “*silent books*”, “визуальное чтение”.

Согласно И.А. Зимней, речевая деятельность представляет собой “активный, целенаправленный, мотивированный, предметный (содержательный) процесс выдачи и (или) приема сформулированной и сформированной посредством языка мысли” [2, С. 4].

Существует несколько определений понятия “монологическая речь”. И.В. Вронская определяет монологическую речь как вид речевой деятельности, результатом которой является монологическое высказывание большей или меньшей степени развернутости. Также она отмечает, что, как правило, это текст или сверхфразовое единство [3, С. 199]. Л.В. Щерба определяет “монолог” как организованную систему облеченных в словесную форму мыслей, являющихся преднамеренным воздействием на окружающих [4, С. 115]. Г.В. Рогова пишет о монологической речи как о речи одного лица, состоящую из ряда логически, последовательно связанных между собой предложений, интонационно оформленных и объединенных единым содержанием и целью высказывания [5, С. 139]. Опираясь на трактовку И.Л. Колесниковой и О.А. Долгиной, монологическая речь представляет собой «речь одного лица, обращенную к одному лицу или группе слушателей (собеседников) с целью в более или менее развернутой форме передать информацию, выразить свои мысли, намерения, дать оценку событиям и явлениям, воздействовать на слушателей путем убеждения или побуждения их к действиям» [6, С. 177]. Очевидно, что все вышеперечисленные определения дополняют друг друга без каких-либо противоречий. Объединив их, можно дать следующее определение монологической речи: *монологическая речь* - это высказывание одного лица, состоящее из последовательных, логически связанных предложений, которые интонационно оформлены и объ-

единены единым содержанием и целью высказывания, и направленное на одно лицо или группу слушателей (собеседников) с целью передачи информации, выражения мыслей, намерений, оценки событий или побуждения к действиям. Это определение объединяет в себе и функциональный, и коммуникативный аспекты монологической речи, что крайне важно для создания методики, предполагающей работу с книгами.

В методической литературе в зависимости от характера передаваемой информации выделяют следующие виды монологического высказывания: монолог-описание; монолог-сообщение, монолог-рассуждение. Такой вариант типизации монологического высказывания способствует более эффективному и систематизированному обучению монологической речи детей младшего школьного возраста на английском языке, с учетом их способностей и потребностей.

И. В. Вронская пишет, что в методике обучения иностранным языкам “умение” принято определять как способность творческого осуществления речевой деятельности, а именно способность формулировать мысль посредством языка адекватного ситуации общения и коммуникативным намерениям [3, С. 62-63].

ФРП НОО выделяет следующие цели при обучении иноязычной монологической речи: 1. Создание с использованием ключевых слов, вопросов и (или) иллюстраций устных монологических высказываний: описание предмета, внешности и одежды, черт характера реального человека или литературного персонажа; рассказ/сообщение (повествование) с использованием ключевых слов, вопросов и (или) иллюстраций; 2. Создание устных монологических высказываний в рамках тематического содержания речи по образцу (с выражением своего отношения к предмету речи); 3. Пересказ основного содержания прочитанного текста с использованием ключевых слов, вопросов, плана и (или) иллюстраций; 4. Краткое устное изложение результатов выполненного несложного проектного задания [1].

С. Ф. Шатилов понимает под целью формирования монологической речи “формирование умений монологической речи, под которыми понимаются умения коммуникативно-мотивированно, логически последовательно и связно, достаточно полно и правильно в языковом отношении излагать свои мысли в устной форме” [7, С. 81]. И. В. Вронская называет целью обучения монологической речи формирование монологических умений [3, С. 201]. Таким образом, целью обучения монологической речи является формирование *умений в монологической речи*, т.е. мотивированно, логически-последовательно и корректно с языковой стороны строить полное и связное устное высказывание, отражающее собственные мысли по предложенной теме.

Среди методистов отмечается значимость использования наглядности на раннем этапе обучения иноязычному монологу для помощи младшим школьникам в овладении навыками употребления ранее усвоенного языкового материала (лексического и грамматического) в самостоятельных высказываниях [8, С. 290]. Наиболее подробно роль опор в обучении иностранному языку младших школьников занимались такие ученые-методисты, как С.Ф. Шатилов, Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина, И.В. Вронская. Они указывали на то, что в раннем обучении иностранным языкам применяемые опоры носят комплексный характер, “программируя содержательную и лингвистическую стороны высказывания” [3, С.202]. Примерами таких опор они называли устные или письменные микротексты (небольшие сверхфразовые единства) [5, 202-203; 7, С. 82-83], структурные “скелеты” – схемы высказываний [5, С.168], наглядность в виде картинок, рисунков, иллюстраций, игрушек, поделок и пр. [3; 5; 7].

Е.В. Барбакова уточняет определение методической опоры в узком смысле слова, определяя её как “информационную поддержку речевого и неречевого характера, стимулирующую коммуникативную деятельность и направляющую её формирование на всем протяжении путем указания (разной степени выраженности) на способы ее реализации” [9, С. 123-124].

С.В. Калинина выстраивает последовательность использования опор на младшем этапе обучения иностранному языку: 1) предметная и изобразительная наглядность; 2) текст; 3) ситуация; 4) тема. Стоит отметить, что данный исследователь выделяет два этапа обучения иноязычной монологической речи: 1) овладение основами монологического высказывания; 2) формирование и совершенствование монологических умений [10, С. 22–23]. На этапе совершенствования монологических умений также применяются комплексные опоры (текст, наглядность, ситуация, описание картинок), и тогда монологическая речь приобретает подлинно коммуникативный характер [10, С. 24–26].

По мнению авторов данного исследования, другим, не менее эффективным видом опоры для построения монологического высказывания могут послужить silent books. Общепринятым определением silent books является трактовка, предложенная Международным советом по детской и юношеской литературе (IBBY). Silent books (тихие книги) — это книги, в которых нет текста, но они особенно богаты своим визуальным языком, и которые могут рассказывать как простые линейные истории, так и сложные сюжеты [11, С. 3]. Особенность silent books — это наррация через иллюстрации, где иллюстрации заменяют слова. В связи с этой особенностью необходимо отдельно обозначить процесс чтения книг без слов. В предисловии к книге

Елены Сергеевны Квашниной «Краткий курс о детской книге, или, зачем нам книга с дыркой», написанном Е.С. Романичевой, со ссылкой на дополнительный источник «Чтение. Энциклопедический словарь», дается определение понятию “визуальное чтение”, под которым понимается «деятельность по расшифровке визуальной (образной) информации с целью ее понимания и осмысления» [12, С. 6].

В рамках описываемого экспериментального исследования было проведено анкетирование учителей английского языка в начальной школе, в котором приняло участие 30 респондентов. Результаты представлены ниже.

Из 30 опрошенных 43.3% используют в работе УМК «Spotlight», 13.3% – «Enjoy English» и 6.7% – «Starlight», а оставшиеся 36.7% пользуются зарубежными пособиями.

Всего 6.7% опрошиваемых согласны с тем, что в УМК, по которым они работают, достаточно упражнений для формирования иноязычных монологических умений.

50% опрошиваемых чаще всего обучают монологическому описанию, монолог-рассуждение и монолог-повествование набрали одинаковое количество процентов – 20% каждый, а на последнем месте по популярности оказался монолог-сообщение.

При выборе пути обучения монологическому голосу практически сравнивались, и путь “снизу вверх” (пошаговое развитие высказывания от простых единиц до целостного монолога без опоры на определенный текст), в сущности, также часто используется, как и путь “сверху вниз” (учащимся предоставляется текст, включающий необходимую информацию и соответствующие лексико-грамматические структуры).

Все опрошиваемые учителя используют опоры и/или схемы-образцы при формировании иноязычных монологических умений у младших школьников. Из них 70% часто используют в работе наглядный материал (изображения) и 30% делают это периодически.

К основным трудностям было отнесено то, что дети не умеют связно и последовательно излагать мысли (73.3%), а также не умеют строить и правильно употреблять грамматические конструкции (40 %).

Большинство учителей не были знакомы с silent books и, соответственно, не используют их в работе, но также есть и те, кто пользуется ими при обучении монологическому (26.7%).

В ходе проведения диагностики учащихся 4-го класса на предмет сформированности иноязычных умений

в монологической речи, в которой приняли участие 19 человек, было выявлено, что 25% опрошиваемых обладают высоким уровнем сформированности монологических умений, большая часть учеников владеют средним (55%), а низким только 20%. Наблюдение за ходом педагогического процесса и анкетирование учителей показали, что развитию монологических умений на английском языке уделяется недостаточно внимания, задания часто однотипны, а педагоги сталкиваются с трудностями в формировании у детей связности и грамматической правильности речи. Диагностика уровня сформированности иноязычной монологической речи у четвероклассников подтвердила наличие проблем с логической связанностью и непрерывностью речи, хотя использование иллюстраций в качестве опоры значительно улучшило результаты.

С опорой на этапы работы с silent books, представленными Люсией Мон Бернад [13], а также обратившись к методике по работе над монологическим высказыванием путем «снизу вверх» Е.Н. Солововой [14, С. 177], дополненной исследованиями Н.Д. Гальсковой, А.П. Васильевич, Н.Ф. Коряковцевой и Н.В. Акимовой [15, С. 222], нами была разработана поэтапная методика работы по формированию иноязычной монологической речи у младших школьников с использованием silent books. Для разработки данной методики нами был рассмотрен учебно-методический комплекс «Spotlight 4» (по темам: «Morning Routine», «City Life», «Rooms»), а также в основу данной методики легла silent book (тихая книга) «Я работаю крокодилом» Мариакьяры Ди Джорджо, Джованни Дзоболли [16, С. 32].

Методика работы по формированию иноязычной монологической речи у младших школьников с использованием silent books

Этап 1. Активизация лексико-грамматического материала

Активизация лексико-грамматического материала по теме. Вариант работы: используйте карточки или раздаточный материал, связанный с темой книги.

Этап 2. Первое прочтение

Шаг 1. Установка на первое «прочтение». Вариант работы: разместите игрушку или любой другой физический предмет в аудитории и обратите на него внимание детей, спросив о том, каким образом этот предмет может быть связан с книгой в ваших руках.

Шаг 2. Закройте/заклейте название книги на обложке. Покажите учащимся обложку книги и спросите о вариантах развития сюжета. Все услышанные варианты запишите.

Шаг 3. Первое «прочтение». Дайте учащимся просмо-

треть книгу в тишине.

Шаг 4. Сравните названные детьми варианты с тем, что они увидели в книге. Выделите самый подходящий.

Этап 3. Введение и первичная отработка нового лексического материала

Шаг 1. Семантизация новых лексических единиц. Обозначьте новые слова на иллюстрациях. Напишите их на стикерах и приклейте к соответствующим страницам.

Шаг 2. Первичная отработка нового материала. Упражнения на имитацию.

Шаг 3. Предложите учащимся выполнить лексические упражнения (упражнения на дифференциацию и идентификацию), а также поиграть в языковые игры.

Вариант работы: Поиграйте в игру «I Spy», используя обложку или иллюстрации.

Вариант работы: Назовите слово и попросите найти его на иллюстрации и назвать антоним или синоним.

Вариант работы: «Закрепите» за каждым ребенком определенное слово или словосочетание, которое можно найти на иллюстрации. Зачитайте текст, в котором содержатся данные слова/словосочетания и после того, как ребенок слышит свое слово, то пусть показывает его на иллюстрации.

Вариант работы: Начните описывать иллюстрацию, делая паузы. В момент, когда учитель останавливается, ученики называют пропущенное слово или словосочетание. Вы можете указывать на описываемый объект в качестве подсказки.

Этап 4. Второе прочтение (вариативно)

Шаг 1. Установка на второе «прочтение».

Вариант работы: задайте вопрос о детали в книге или о развитии сюжета.

Шаг 2. Запишите варианты на доске / попросите детей самостоятельно записать предположения / попросите расставить детей картинки в хронологическом порядке.

Шаг 3. Второе «прочтение». Дайте учащимся просмотреть книгу в тишине.

Шаг 4. Сравните записанные варианты с тем, что дети увидели в книге и выделите самый подходящий. Проверьте и исправьте хронологический порядок картинок.

Этап 5. Формирование умений в монологической речи.

Шаг 1. Задайте ученикам вопросы, которые помогут определить главных героев, их цели, место и время действия рассказа (Who? What? Where? When?).

Шаг 2. Задайте вопросы, которые помогут определить действия героев на протяжении рассказа (What happens? What happens next?).

Шаг 3. Обратите внимание детей на детали иллюстраций, на эмоциональное состояние героев, дайте каждому из учащихся возможность собственной интерпретации, задавая наводящие вопросы. (Примерные вопросы: Look at his/her face. How does he/she feel? Is he/she happy or sad? Why do you think so? Look at the colors of this city. Is it cozy or not?)

Шаг 4. Составление монологического высказывания по книге

Вариант работы: раздайте детям заранее распечатанные опоры, (After (the breakfast), _____. In the beginning/middle/end, _____), попросите по порядку описать происходящее на картинках таким образом, чтобы получилось связное повествование. Обратите внимание учащихся на необходимость использования розданных опор и иллюстраций.

Вариант работы: попросите детей составить рассказ, но в качестве опоры используйте саму книгу, при условии наличия в ней ключевых ЛЕ и новой лексики, которые приклеены на стикерах к соответствующим

страницам.

Рис. 1. Пример использования стикеров при работе с silent books

Использование silent books в процессе обучения, как иноязычной монологической речи в частности, так и иностранному языку в целом, позволит преодолеть ограничения традиционных УМК, создать условия для творческого выражения и системного развития речевых умений. Silent books не только мотивируют учащихся к говорению, но и способствуют развитию связности, логичности и грамматической правильности речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт от 31 мая 2021 г. No286 – 28с. [Электронный ресурс] URL: https://nickel.gosuslugi.ru/netcat_files/33/44/Federal_naya_obrazovatel_naya_programma_nachal_nogo_obschego_obrazovaniya_Utverzhdena_prikazom_Minprosvoscheniya_Rossii_ot_18.05_compressed.pdf
2. Зимняя И.А. Речевая деятельность и речевое поведение в обучении иностранному языку / Речевое поведение и речевая деятельность студентов на иностранном языке: Сб. МГПИЯ им. Тореца. М., 1984, Вып. 242.
3. Вронская И.В. Методика раннего обучения английскому языку / Вронская И.В. СПб.: Каро, 2015. – 336 с.
4. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. / Щерба, Л. В. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
5. Рогова Г.В., Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе. 2-е изд., дораб. / Рогова, Г.В., Верещагина, И.Н. – М.: Просвещение, 1988. – 231 с.
6. Колесникова И.Л., Долгина, О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ; Cambridge University Press, 2001. – 224 с.
7. Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе. 2-е изд., дораб. / Шатилов, С.Ф. – М.: Просвещение, 1986. – 223 с.
8. Малова О.В., Павлова В.А. Развитие монологической речи на русском и английском языках у младших школьников. / О.В. Малова, В.А. Павлова // Комплексные исследования детства, т. 2, № 4, 2020. – С. 283–291.
9. Калинина С.В. К концепции обучения монологическому высказыванию. /С.В. Калинина // Иностранные языки в школе, № 1, 1991, – С. 22–26.
10. Барбакова Е.В. Методическое понятие опоры в обучении иностранным языкам/ Е.В. Барбакова // Вестник Бурятского государственного университета, №15, 2009. – С. 123-125.
11. Lindfors, R.-M. Silent books / R.-M. Lindfors. – Sweden: GTC Print, Luleå, 2016. – 20 с. – ISBN 978-91-639-0685-5.

12. Квашнина, Е.С. Краткий курс о детской книге, или зачем нам книга с дыркой. — М.: Библиомир, 2022. — 208 с.
13. Lucía Mon Bernad, "Using wordless picture books to promote second language learning", 2016 [Электронный ресурс] URL:<https://prezi.com/iqmgsk6iffbut/using-wordless-picture-books-to-promote-second-language-learning/>
14. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций пособие для студентов педагогических вузов и учителей / Е.Н. Соловова. - 4-е изд. — М.: Просвещение, 2006. - 238 с.
15. Основы методики обучения иностранным языкам: учебное пособие / Н.Д. Гальскова, А.П. Василевич, Н.Ф. Коряковцева, Н.В. Акимова. — М.: КНОРУС, 2017. — 390 с.
16. Дзоболі, Джованна, Ди Джорджо, Мариакьяра — М.: ИД «Городец», 2021. — 32 с., ил. — (Ласка Пресс).

© Парфенова Светлана Олеговна (parfenovas@mail.ru), Подмарькова Ирина Дмитриевна (ipodmarckova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНЕЗИСА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

STUDY OF THE GENESIS AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE ANTHROPOLOGICAL PARADIGM IN PEDAGOGICAL SCIENCE

**V. Skopa
K. Baranov**

Summary: This article offers a fundamental analysis of the evolution of the anthropological approach within the educational paradigm. The study reveals the complex trajectory of the formation of a human-centered model of teaching and education through the lens of philosophical, methodological, and pedagogical concepts. Of particular value is the examination of the Russian pedagogical tradition, which demonstrates the conceptual richness of anthropological interpretations within the educational space. The scientific novelty of the work lies in its systematization of theoretical approaches and identification of the methodological foundations of anthropological strategy in the contemporary educational context.

Keywords: anthropological paradigm, education, methodology, values, teacher.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)

Баранов Кирилл Юрьевич

Алтайский государственный педагогический
университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация: Представленная статья предлагает фундаментальный анализ эволюции антропологического подхода в образовательной парадигме. Исследование раскрывает сложную траекторию формирования человекоцентрированной модели обучения и воспитания через призму философских, методологических и педагогических концепций. Особую ценность представляет обращение к отечественной педагогической традиции, которая демонстрирует концептуальное богатство антропологических интерпретаций в образовательном пространстве. Научная новизна работы заключается в систематизации теоретических подходов и выявлении методологических оснований антропологической стратегии в современном образовательном контексте.

Ключевые слова: антропологическая парадигма, образование, методология, ценности, педагог.

В современный период развития научного знания антропология претерпевает значительную трансформацию, демонстрируя невероятное разнообразие специализированных направлений исследования. Спектр антропологических изысканий расширился до впечатляющих масштабов: от биологической и физической до культурной, социальной и экономической антропологии. Более того, в научном сообществе активно формируются уникальные исследовательские ветви, фокусирующиеся на узкоспециализированных областях человеческого опыта. Так, появились такие инновационные направления, как художественная антропология, мифическая антропология и поэтическая антропология, которые существенно обогащают понимание многогранности человеческой природы [5].

В результате детального изучения научных позиций исследователей различных антропологических течений нами обнаружена характерная тенденция: большинство авторов трактуют направление антропологии преимущественно как особый методологический подход к осмыслению социальных явлений [3, 4, 7]. Независимо от сферы исследования будь то политика, экономика, экология или педагогика, ключевым фокусом

остается человек как центральный объект научного анализа.

Становление антропологии как фундаментальной научной дисциплины, нацеленной на комплексное постижение человеческой природы и сущности, берет свое начало в глубокой древности, в философских размышлениях первых мыслителей. Еще мудрецы древних цивилизаций предприняли попытки систематического осмысления феномена человека, заложив тем самым концептуальные основы для будущих антропологических исследований [11]. На рубеже исторических эпох формировались принципиально новые воззрения на природу человека, обусловленные трансформацией религиозного мировоззрения. Выдающиеся мыслители древнего Рима существенно обогатили антропологическую науку фундаментальными идеями о закономерностях человеческого развития. Особо значимый вклад в становление антропологических представлений внесли такие ученые, как Лукреций Карл и Клавдий Гален, чьи научные труды, датированные I веком до нашей эры, заложили концептуальные основы понимания эволюции человечества. Их прогрессивные идеи стали качественно новым этапом в осмыслении сущности человеческой природы.

В период средневековья антропологические идеи античных философов получили глубокое переосмысление и развитие в интеллектуальных традициях мыслителей Востока. Выдающиеся ученые того времени, такие как Авиценна и Бируни, предложили уникальное видение человека как неотъемлемой части универсальной, внепространственной и вневременной картины мироздания. Их философские концепции отличались целостным подходом к пониманию человеческой сущности, где индивид рассматривался не изолированно, а в контексте бесконечной космической системы, не имеющей временных границ и начала. Восточные мудрецы сумели интегрировать антропологические воззрения в более широкую философскую парадигму, существенно обогатив научное понимание природы человека.

В период Ренессанса антропологическая мысль достигла небывалого расцвета, охватив широкий спектр научных дисциплин и творческих практик. Эпоха характеризовалась глубоким переосмыслением человеческой природы, где личность провозглашалась самой высокой ценностью, а человеческий потенциал – поистине безграничным. Деятели искусства и науки того времени буквально трепетали перед величиной человеческого духа и физических возможностей [10]. Антропологические исследования превратились в многогранный процесс изучения человека – от его телесной организации до глубинных интеллектуальных и эмоциональных проявлений. Художники, философы, ученые создавали принципиально новые концепции, где человек представлялся как самодостаточное, творческое и беспредельно могущественное существо. Так, М. де Монтень, погружаясь в глубины человеческой сущности, сформулировал революционную для своего времени концепцию: каждый индивид является микрокосмом, в котором концентрируется весь потенциал человечества [8]. Этот французский мыслитель предложил уникальный методологический подход к антропологическому познанию: через детальную рефлексию собственного внутреннего мира. Монтень последовательно исследовал природу человеческого духа, используя интроспективный метод. Он скрупулезно анализировал собственные душевные трансформации, эмоциональные состояния и ментальные процессы. Такой субъективный, но чрезвычайно глубокий способ изучения человеческой природы позволил ему сформулировать принципиально новые антропологические идеи.

Кант И. предложил принципиально новую концептуальную модель антропологического познания, разделив его на два взаимодополняющих структурных компонента: физиологический и прагматический. В физиологическом измерении исследование фокусируется на глубинной взаимосвязи человека с природными системами, раскрывая биологические закономерности его существования. Прагматический компонент концентрирует-

ся на внутреннем потенциале личности, ее способности к самотрансформации, саморазвитию и непрерывному совершенствованию собственных возможностей [6]. Кантовская модель антропологического познания принципиально отличалась от предыдущих подходов, поскольку рассматривала человека как динамическую систему, способную к постоянным качественным изменениям и самозволюционированию. Философское наследие И. Канта раскрывает глубокую связь педагогической мысли с антропологическими воззрениями. Мыслитель рассматривал воспитание и саморазвитие личности как врожденную миссию человека. Более того, Кант стремился трансформировать педагогику из прикладной области в полноценную научную дисциплину. Принципиальным моментом его концепции стало убеждение, что фундаментом педагогической теории должна служить антропология [6]. Иными словами, научное понимание человеческой природы, его потенциала и закономерностей развития выступает ключевым методологическим основанием для построения эффективной образовательной стратегии. Кант видел в антропологическом подходе не просто теоретическую модель, но и практический инструмент познания и раскрытия существенных возможностей личности через целенаправленное воспитательное воздействие.

Становление зарубежной педагогической антропологии происходило в контексте развития философской антропологии. Знаковыми работами в этой области стали труды М. Шелера и Х. Плеснера. Ключевым исследовательским фокусом этих авторов являлось выявление принципиальных различий между человеком и животными в способах их существования. Шелер М. акцентировал внимание на уникальной способности человека преодолевать биологические импульсы и инстинктивные потребности [12]. Особо значимым моментом в концепции Шелера стало понятие «дистанции», т.е. способности личности дистанцироваться от непосредственного природного окружения. Это позволяет человеку развивать рефлексивность, критическое мышление и потенциал к самосовершенствованию, что принципиально отличает его от животных, жестко детерминированных биологическими программами.

Фундаментальная концепция человеческого бытия у Н. Шелера и Х. Плеснера раскрывается через особые антропологические категории, которые принципиально отличают человека от других живых существ. Шелер интерпретирует человеческое существование через сверхъестественный дух, выступающий регулятором биологических импульсов [12]. Этот внежизненный парадокс не просто подавляет органические влечения, но и трансформирует их, сублимируя в более высокие духовные и интеллектуальные формы. Плеснер вводит понятие эксцентричности как ключевую черту человеческого бытия. Эксцентричность означает постоянный выход за преде-

лы непосредственного опыта, способность к рефлексии и самоанализу. Важно подчеркнуть, что эта особенность присуща не только высшим психическим процессам, но и пронизывает всю телесную организацию человека – от простейших вегетативных уровней до сложных социально-психологических образований. Таким образом, оба мыслителя фактически описывают уникальный механизм человеческой природы, позволяющий личности выходить за пределы биологической детерминированности и осуществлять осознанное самоконструирование.

Гелен А., развивая идеи М. Шелера, интерпретирует сущность человеческой деятельности через призму биологической уязвимости. В отличие от животных, человек характеризуется принципиально иным способом взаимодействия с миром [4]. Он не ограничен жесткими инстинктивными программами. Ключевая особенность человеческой природы, по Гелену, заключается в принципиальной открытости восприятия и способности преодолевать непосредственный импульс. Между побуждением и действием существует принципиальная дистанция, позволяющая личности совершать осознанный выбор. Более того, Гелен определяет человека как культивируемое существо, то есть имеющее внутренний потенциал к перманентному развитию через целенаправленное воспитание [4]. Этот тезис принципиально важен, так как он превращает воспитание из механического процесса в сложный механизм самообразования личности. Таким образом, рассмотренные мыслители – Шелер, Плеснер, Гелен фактически создали методологическую основу для рождения педагогической антропологии. Их концепции раскрывают уникальность человеческой природы, принципиально отличающейся от биологической детерминированности животного мира способностью к рефлексии, саморазвитию и осознанной трансформации.

В XIX веке происходит становление педагогической антропологии из-за необходимости глубочайшего осмысления образовательных реалий. Определяющую роль в этом процессе сыграла концепция педагогического человековедения Г. Нолля, представленная в его труде «Педагогическая антропология». Опираясь на фундаментальные идеи М. Шелера и Х. Плеснера, Нолль предложил уникальный подход, напрямую связывающий антропологическое понимание человека с конкретными педагогическими задачами [8]. Его концепция принципиально изменяет традиционный взгляд на воспитание, рассматривая его как целостный процесс раскрытия индивидуального потенциала личности. Ключевым моментом теории Нолля стало понимание формирования ребенка через призму его видимых и скрытых способностей. Педагогический процесс рассматривается не как унифицированное влияние, а как индивидуальная траектория развития, учитывающая природные задатки, потенциальную одаренность и пла-

стичность личности. Такой антропологический подход принципиально изменяет методологию воспитания, превращая ее из директивной в субъект-ориентированную модель, где центром образовательного пространства становится уникальная человеческая индивидуальность. Согласно авторской позиции, каждый индивид от природы наделен потенциалом для полноценного раскрытия и непрерывного самосовершенствования своих врожденных способностей. Исследователь Г. Ноль фактически заложил основы антропологического подхода в детской педагогике. Концепция «открытого будущего» в рамках антропологического направления представляется весьма результативной. Она способствует духовному формированию личности, позволяет развивать внутренний мир ребенка и содействует созданию целостного восприятия окружающей действительности. Принципиальными и ключевыми постулатами педагогической антропологии можно считать концептуальные разработки О. Ф. Больнова в области изучения человеческой природы и потенциала личностного развития [2].

Значительный вклад в становление идей педагогической антропологии внесли разработки герменевтического подхода к воспитанию, выполненные О.Ф. Больновым, В. Лохом и К. Гилем. В частности, В. Лох в своей работе «Антропологическое измерение в педагогике» предложил дифференцировать понятия антропологическая педагогика и педагогическая антропология. Согласно его концепции, антропологическая педагогика фокусируется на изучении человека сквозь призму воспитательного процесса, тогда как педагогическая антропология исследует воспитание с позиции фундаментальной категории человек. В рамках педагогической антропологии воспитание трансформируется в универсальный, открытый контекст для любых человеческих проявлений. Принципиальная особенность антропологической педагогики заключается в том, что она не формирует системообразующую структуру и не создает новую модель организации воспитательного процесса. Основная задача – выявление воспитательного потенциала экзистенциальных ситуаций личности. Герменевтическая функция педагога предполагает разработку комплексной системы педагогического сопровождения.

На основе проведенного исследования литературных источников можно констатировать существенную зависимость педагогической антропологии от философской антропологии. Это проявляется в недостаточной сформированности методологического инструментария и нечеткости определения предметной области [1]. Несмотря на то, что педагогическая антропология отражает базовые теоретические положения о природе человека, наблюдается определенный разрыв между фундаментальными антропологическими концепциями и практикой воспитательного процесса. Теоретические постулаты не всегда находят последовательное и логичное

преломление в конкретных педагогических механизмах и подходах. Данное обстоятельство указывает на необходимость более глубокой интеграции философских представлений о человеке с практическими задачами воспитания и образования, требует разработки более совершенного категориального аппарата и методологических оснований педагогической антропологии [1. 7].

Исследование педагогических теорий XIX – начала XX века демонстрирует, что проблема экзистенциального смысла человеческого бытия была в центре внимания многих выдающихся мыслителей того периода. Напротив, советская педагогическая наука фактически игнорировала вопросы личностной самореализации и экзистенциальных поисков индивида. Несмотря на идеологические ограничения, развитие антропологической мысли продолжалось благодаря усилиям прогрессивных ученых-гуманистов и педагогов-новаторов, которые сохраняли преемственность научных традиций и человекоцентристский подход. Принципиальный вклад в возрождение отечественной педагогической антропологии был осуществлен Б. Г. Ананьевым через комплексный психологический анализ человеческой природы [1]. Его исследования стали важным поворотным моментом в переосмыслении методологических подходов к изучению личности в контексте педагогической науки.

Концептуальные изыскания в области педагогической антропологии были продолжены Э. В. Ильенковым в его теории развивающего обучения [5]. Опираясь на культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского и философские идеи Ф. Гегеля, исследователь проводил принципиальное разграничение между теоретическим и эмпирическим типами мышления. Развивающее обучение фокусируется на формировании теоретического мышления у детей. При этом теоретическое понятие выстраивается через выделение сущностного признака в изучаемом предмете. Принципиальная особенность данного подхода заключается в использовании знаковых моделей, где дети оперируют не конкретными предметами, а их абстрагированными понятийными репрезентациями. Антропологический вектор исследований прослеживается также в работах В.С. Библера, основанных на концепции М.М. Бахтина. Диалоговая система взаимодействия с миром и культурами предполагает моделирование целостной картины мира через коммуникативные практики [5, 7]. Диалог как педагогический метод эффективно применяется, в частности, при формировании эстетического восприятия у дошкольников.

В 80-90-х годах XX века в российской педагогике сформировалось инновационное движение, лидерами которого стали Г. П. Щедровицкий, Э.В. Ильенков, В.В. Давыдов, Б.Д. Эльконин и другие исследователи. Концептуальным базисом их работ служили труды Л.С.

Выготского. Теоретические разработки Э.В. Ильенкова нашли практическое воплощение в системе развивающего обучения школы В. В. Давыдова и Д.Б. Эльконина. Идеи Г.П. Щедровицкого трансформировались в теорию организационно-деятельностных игр, которые продолжают развиваться в различных модификациях усилиями С.В. Попова, П.Г. Щедровицкого. Этот период стал временем кардинальных трансформаций в отечественной педагогике. Принципиально изменилась образовательная концепция, где доминирующими стали личностно ориентированный подход и гуманистические принципы. В этом контексте закономерным выглядит возрождение исследований в области педагогической антропологии.

Статус предмета педагогической антропологии остается дискуссионным: с одной стороны, наблюдается тенденция к максимально широкой трактовке, фактически до полного совпадения с предметным полем педагогики в целом, с другой – существует стремление обозначить педагогическую антропологию как относительно самостоятельную дисциплину в системе антропологических и педагогических наук. Педагогическая антропология продолжает развиваться как самостоятельная область человекознания. Ее ключевая миссия заключается в выявлении фундаментальных оснований педагогической деятельности через комплексный подход.

Принципиальная особенность современной педагогической антропологии – целостное восприятие человека как автономного индивида. Особый акцент делается на понимании уникальной «самости» ребенка, его внутреннего мира и самооценности личности. Такой методологический подход позволяет создавать более гуманистические, индивидуально-ориентированные модели образования, максимально раскрывающие потенциал каждого обучающегося.

Резюмируя проведенное исследование, можно констатировать, что педагогическая антропология, несмотря на существующие теоретические противоречия, сформировалась как самостоятельная научная дисциплина с развитым методологическим аппаратом и концептуальными основаниями. Принципиальная значимость данной области знания заключается в её комплексном подходе к изучению человека в образовательном контексте. Антропологический подход все чаще рассматривается как магистральный в современной системе образования, что подчеркивает его методологический потенциал и эвристическую ценность. Ключевым достижением педагогической антропологии является смещение фокуса с технократических моделей обучения на гуманистическую парадигму, которая ставит в центр образовательного процесса уникальную личность с её индивидуальными потребностями и возможностями развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. – 238 с.
2. Больнов О.Ф. Язык и воспитание. Берлин: Кольхамер, 1979. – 207 с.
3. Вахтеров В.П. О новой педагогике. – М., 2008. – 224 с.
4. Гелен А.О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С. 151-201.
5. Емельянов Б.В. Очерки педагогической антропологии в России. Екатеринбург, 1997. – 124 с.
6. Кант И. Сочинения в 6 т. М., 1966. Т. 5. – 564 с.
7. Максакова В.И. Педагогическая антропология. М., 2004. – 208 с.
8. Огурцов, А.П., Платонов, В.В. Образы образования: Западная философия образования. XX век. М., 2004. – 520 с.
9. Ушинский К.Д. Труд в его психологическом и воспитательном значении. М., 1948. Т. 2. – С. 333–362.
10. Человек и общество в античном мире. М.: Наука, 1998. – 526 с.
11. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М., 1991. – 464 с.
12. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. М., 1999. – 231 с.

© Скопа Виталий Александрович, Баранов Кирилл Юрьевич (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О НЕКОТОРЫХ НЕОДНОЗНАЧНЫХ ФРАГМЕНТАХ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ВЕКТОРНОЙ АЛГЕБРЕ, КОМПЛЕКСНЫМ ЧИСЛАМ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОМЕТРИИ В ВУЗАХ

Фокин Роман Романович

доктор педагогических наук, доцент, Федеральное Государственное Бюджетное Военное Образовательное Учреждение Высшего Образования «Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского», (г. Санкт-Петербург)
vka@mil.ru

Павленко Юлия Владимировна

Преподаватель, Федеральное Государственное Бюджетное Военное Образовательное Учреждение Высшего Образования «Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского», (г. Санкт-Петербург)
vka@mil.ru

ABOUT SOME AMBIGUOUS FRAGMENTS OF THE CONTENT OF TEACHING VECTOR ALGEBRA, COMPLEX NUMBERS AND ANALYTICAL GEOMETRY IN UNIVERSITIES

**R. Fokin
Yu. Pavlenko**

Summary: The article examines fragments of the content of teaching some sections of mathematics in universities with a view to their subsequent modification to improve their understanding by students. Ambiguous means fragments that can be improved in the above sense. Firstly, the authors present a simple example (the definition of a geometric vector taken from textbooks) of educational mathematical material that cannot be understood by a student in a logical-conceptual sense, but can only be understood in an associative-intuitive-visual sense. The reasons for this typical phenomenon are discussed further. Secondly, the article presents the ambiguous fragments of the vector algebra teaching content identified by the authors and their proposed changes. In addition to the above definition, these are also definitions of the equality of geometric vectors and the angle between vectors. Thirdly, a similar ambiguous fragment of complex numbers is presented. This is an algorithm for converting a number from an algebraic form to a trigonometric one. Fourth, a fragment from analytical geometry. This is the recalculation of the coordinates of a point from one coordinate system (Cartesian) to another (affine).

Keywords: content of education, universities, mathematics, vector, complex number, geometry, students, reasons for misunderstanding.

Аннотация: Статья рассматривает фрагменты содержания обучения некоторым разделам математики в вузах с целью их последующего изменения для улучшения их понимания студентами. Под неоднозначными понимаются фрагменты, которые могут быть улучшены в указанном выше смысле. Во-первых, авторами представлен простой пример (определение геометрического вектора, взятое из учебников) учебного математического материала, который не может быть понятным студенту в логико-понятийном смысле, а может быть понятным только в ассоциативно-интуитивно-зрительном смысле. Далее обсуждаются причины этого типичного явления. Во-вторых, в статье представлены выявленные авторами неоднозначные фрагменты содержания обучения векторной алгебре и предлагаемые их изменения. Кроме указанного выше определения это также определения равенства геометрических векторов и угла между векторами. В-третьих, представлен аналогичный неоднозначный фрагмент из комплексных чисел. Это алгоритм перевода числа из алгебраической формы в тригонометрическую. В-четвертых – фрагмент из аналитической геометрии. Это пересчет координат точки из одной системы координат (Декартовой) в другую (аффинную).

Ключевые слова: содержание обучения, вузы, математика, вектор, комплексное число, геометрия, студенты, причины непонимания.

Введение в проблематику исследования

Актуальность статьи объясняется малоудовлетворительными результатами (особенно в последние десятилетия) обучения вузовской математике вообще и в частности – векторной алгебре, комплексным числам и аналитической геометрии.

Цель исследования: Выявить некоторые причины явления, упомянутого в актуальности и предложить некоторые пути решения соответствующих проблем. Естественно, предполагается частичное, а не полное их решение.

Ставятся задачи: 1) представить простой пример и

обсуждение некоторых источников непонимания при изучении вузовской математики; 2) представить выявленные неоднозначные фрагменты содержания обучения векторной алгебре и предлагаемые их изменения; 3) представить выявленный неоднозначный фрагмент содержания обучения комплексным числам и предлагаемые его изменения; 4) представить выявленный неоднозначный фрагмент содержания обучения аналитической геометрии и предлагаемые его изменения.

1. Простой пример и обсуждение некоторых источников непонимания при изучении вузовской математики

В вузах обычно на 1 курсе для различных професси-

ональных направлений изучается: «Векторная алгебра» (ВА) – это изредка отдельный учебный курс, но чаще – это одна из начальных тем курсов «Аналитическая геометрия» (АГ) и «Аналитическая геометрия и линейная алгебра» (АГЛА). Почти во всех соответствующих учебниках [1][2][3], например, имеется такое по смыслу определение: Геометрический вектор – это направленный отрезок прямой. А что такое прямая в смысле геометрии Декарта (ГД – синоним АГ) – это выясняется в этих учебниках значительно позже. При таком изложении понять это определение в строгом логико-понятийном (математическом) смысле невозможно. Таких примеров в рассматриваемых учебниках много. Сложилось понятие: «учить математику», но математика – это не стихи. Математику следует понимать! Но если понять-то невозможно, то приходится учить. Данный пример описывает типичное явление. Далее мы попробуем разобраться в его сути.

Студент 1 курса обычно помнит, что в средней школе он изучал геометрию Евклида (ГЭ). Там были «прямая», «точка», «пересечение» и другие основные неопределяемые понятия. Также там были аксиомы и постулаты, современные историки математики не дают однозначного ответа – в чем разница между ними. Пример аксиомы: 2 прямые могут пересекаться только в 1 точке. АГ – это совсем другая математическая теория. АГ может частично иллюстрироваться теми же картинками, что и ГЭ, но изоморфизма ГЭ и АГ нет. Изоморфизм математических структур означает, что эти математические структуры – то же самое, по сути, они отличаются лишь обозначениями. В АГ, например, есть понятие гиперболы, а в ГЭ его нет. Также в ГЭ прямая – это не есть множество точек, это основное неопределяемое понятие, как и точка. «Начала» Евклида [4][5] в аксиомах и постулатах нигде не содержат информации, что прямая – это множество точек. Так что в рассматриваемом определении отрезок-то из чего состоит? Не понятно! Да еще и отрезок этот направленный! А что это значит?

Рис. 1. Геометрический вектор **AB**

Вся надежда на картинку (рис. 1), что преподаватель обычно при этом рисует на доске. Но картинка не может быть точным математическим определением нового понятия, вводимым в ходе изучения новой математической теории – АГ! Здесь у студента может быть только ассоциативно-интуитивно-зрительный уровень понимания.

Один из авторов настоящей статьи выявлял некоторые закономерности в ошибках студентов [6] при изучении ими математики и информатики и пришел к теории, которую он назвал псевдо-логикой. Эта авторская теория изучает реальные рассуждения, научно никак не обоснованные (псевдо-логические), но широко распространенные в среде студентов, а затем – и в среде про-

фессионалов. Также изучаются источники такой псевдо-логики. Главный ее источник состоит в том, что при реальном положении дел студенту без псевдо-логики в вузе не выжить. Псевдо-логические рассуждения могут приводить как к истинным выводам (чаще всего!), так и к ошибочным. Они похожи на правдоподобные рассуждения [7] в смысле Д. Пойа.

Как же многоопытные авторы учебников и их рецензенты допускают рассматриваемое сейчас явление? Видимо, потому что они сами-то знают, что такое прямая в смысле АГ (если говорить об определении геометрического вектора), а глазами студента (впервые встречающегося с понятием геометрического вектора) не способны посмотреть на данное явление. Новых понятий для студента надо ввести очень много и (к сожалению!) очень быстро, вот они реально и не замечают, что для некоторого понятия делают логически недопустимую ссылку вперед. Кроме того, имеет место массовое копирование содержания одних учебников авторами других учебников. Возможно, это даже и не посимвольное копирование, а именно копирование содержания. Да и как иначе сформулировать, например, основную теорему алгебры? И зачем это делать? Речь идет об объективных особенностях разработки именно общенаучных учебников.

Однако, эти учебники десятилетиями читают не только миллионы студентов, но и тысячи преподавателей. Неужели никто ничего не замечает? Во-первых, виноваты сложившиеся социальные установки. Студент чаще всего «уверен», что это он чего-то не понимает, а не в учебнике ошибка. Преподаватель чаще всего «уверен» в низком интеллектуальном уровне студента, чтобы «вникать» в смысл того, что студент говорит. За десятки лет преподавания одному из авторов статьи всего 1 раз попался студент, который почти на каждой лекции по АГЛА высказывал свои нетривиальные (и реальные!) критические замечания. Такие студенты превращают лекцию в интересную научную дискуссию и поднимают научный уровень самого лектора. Но читать такую лекцию способны не все. В последние десятилетия прослеживаются устойчивые тенденции к увеличению удельного количества студентов на 1 преподавателя, к увеличению удельного количества учебных часов на 1 ставку преподавателя. А опытные преподаватели часто работают на 1,5 ставки и более. В результате среднестатистическому преподавателю некогда «вникать» во что-либо нетривиальное, он ведет занятия «по накатанной дороге». Учебники перманентно переиздаются. Много можно указать научных статей [6][8][9], где вскрыты логико-понятийные ошибки в учебниках. Но эти ошибки в учебниках обычно не исправляются. Во-вторых, здесь играют роль индивидуальные психологические факторы, многие из которых до конца научно не исследованы. Укажем ниже три из них:

А) Многолетнее тестирование сотен студентов показало [10], что в последние 3-4 десятилетия если

брать значения по годам, то среди студентов сильно возрастает доля правополушарных, слабее возрастает доля гармоничных, снижается доля левополушарных. В настоящее время даже среди студентов физико-математических, естественно-научных, технических профессиональных направлений доля правополушарных превосходит $2/3$, а в 1960 годы эта доля была менее $1/3$. При этом адекватных изменений в методике преподавания математики (увы!) не произошло.

- В) Преподаватели происходят из вчерашних студентов. Псевдо-логика, обычно приобретается в студенческие годы и передается далее в профессиональную деятельность, образуя «профессиональные мифы». Например, мифы о том, что компиляторы C++ более эффективны по сравнению с компиляторами Basic. Если посмотреть соответствующие тесты, то выяснится, что чаще всего – наоборот. А профессиональные математические статистики часто не понимают взаимоотношения трех понятий – уровень значимости, ошибки 1 и 2 рода. Они «умеют» практически применять различные критерии проверки гипотез, а из каких теорем эти критерии проистекают – им это не интересно.
- С) Значимо при обучении влияние внутреннего мира одного человека (обычно преподавателя в данном случае) прямо или опосредовано (через идеи, лозунги, рекламу, книги, стихи, музыку, ...) на внутренний мир другого человека (обычно на студента в данном случае). Отсюда как частные случаи могут проистекать явления нейро-лингвистического программирования (НЛП), передачи мыслей и эмоций и их восприятия соответственно, гипноза и другие.

Хороший (результативный) педагог – обязательно практический гипнотизер, хотя бы чуть-чуть. И он практически применяет НЛП, обычно не зная, что это такое. Более уверенный способен убедить менее уверенного даже в том, что объективно ложно. То же самое можно сказать и об идеях, лозунгах, рекламе, книгах, стихах, музыке. Если ложная математическая идея десятилетиями представлена в десятках учебников, рассказывается тысячами преподавателей миллионным студентам, то возникновение индивидуальной мысли о ее ложности почти невозможно – даже в тайне от всех.

Что такое внутренний мир? Это универсальное поле для моделирования в самом широком смысле, хранения, передачи, восприятия информации: вербальной (выраженной заранее определенными для нас символами), но в основном – невербальной. Что там ощущает человек? Мысли, образы (зрительные, звуковые, обонятельные, ...), эмоции (мотивации) – такие приблизительно эти сущности. Вот их примеры: $2 \times 2 = 4$; это трамвай; я хочу посмотреть этот фильм – это вербальные или проявленные сущности внутреннего мира. Но большинство

его сущностей – невербальные или смутные (они проявлены лишь частично или вовсе не проявлены).

Про конкретную подобную сущность Вам не известно Ваша она или нет. И что это означает, что она именно Ваша? Если Вы можете проследить ее возникновение от ранее замеченных Вами вроде бы Ваших сущностей, то можно и ее считать Вашей, хотя это тоже весьма относительно. Если сущность вряд ли Ваша, то можно проанализировать, откуда она у Вас появилась – это и есть почти сознательное восприятие Вами вроде бы не Ваших сущностей. Если Вы считаете мысль Вашей, то Вы отнесетесь к ней менее критично. Возможно, потому она и была незаметно «подсажена» к Вам извне.

2. Выявленные неоднозначные фрагменты содержания обучения векторной алгебре и предлагаемые их изменения

Еще одно определение из учебников ВА, АГ, АГЛА, которое не может быть понятным студенту 1 курса на логико-понятийном уровне: Геометрические векторы равны, если они лежат на одной прямой или на параллельных прямых, в этом случае их направления должны быть одинаковы, а длины – равны. Что такое параллельные прямые (в смысле АГ) – выясняется значительно позже. Их направления одинаковы – что это такое в смысле математики? Это уже физика вообще-то.

Вся надежда (рис. 2) опять на картинку. В результате опять у студента только такой и может быть уровень понимания этого определения – ассоциативно-интуитивно-зрительный. Из-за указанных выше 2 неоднозначных определений в статье предлагается содержание ВА несколько изменить:

В статье [11] вводится понятие n -мерного арифметического вектора $\mathbf{a}$: $\mathbf{a} \in \mathbf{R}^n$, где $\mathbf{R}$ – множество действительных чисел. Его можно просто называть n -мерным вектором. Особо важны случаи $n=2$ ($\mathbf{R}^2$ – аналог плоскости) и $n=3$ ($\mathbf{R}^3$ – аналог 3-мерного пространства).

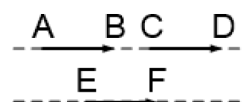

Рис. 2. Равные геометрические векторы: $\mathbf{AB} = \mathbf{CD} = \mathbf{EF}$

Можно ввести понятия: 0-вектора $\mathbf{0}$ (все его координаты нулевые); сложения векторов $\mathbf{a} + \mathbf{b}$, умножения числа λ на вектор $\mathbf{a}$ ($\lambda \mathbf{a}$) как покомпонентные операции; длины вектора $|\mathbf{a}| = (a_1^2 + \dots + a_n^2)^{1/2}$. Далее можно ввести понятие разности векторов $\mathbf{a} - \mathbf{b} = \mathbf{a} + (-1)\mathbf{b}$; понятие орта вектора $\mathbf{a}^0 = (1/|\mathbf{a}|)\mathbf{a}$. Можно также ввести понятия: коллинеарных векторов $\mathbf{a} \parallel \mathbf{b}$: $\exists \lambda \neq 0: \mathbf{a} = \lambda \mathbf{b}$; однонаправленных векторов $\mathbf{a} \uparrow \uparrow \mathbf{b}$: $\exists \lambda > 0: \mathbf{a} = \lambda \mathbf{b}$; разнонаправленных векторов $\mathbf{a} \uparrow \downarrow \mathbf{b}$: $\exists \lambda < 0: \mathbf{a} = \lambda \mathbf{b}$.

В статье [11] также вводится понятие геометрического вектора $\mathbf{AB}$ (где точки $\mathbf{A}, \mathbf{B} \in \mathbf{R}^n$) как упорядоченной пары точек $(\mathbf{A}; \mathbf{B})$. Вводится понятие координат $\mathbf{AB}_k = b_k - a_k$ при $k = 1, \dots, n$. Затем – координатного вектора для $\mathbf{AB}$, это арифметический вектор $\mathbf{AB}_{co}$ с координатами геометрического вектора $\mathbf{AB}$.

В итоге вводится понятие равенства геометрических векторов $\mathbf{AB} = \mathbf{CD}$ – это означает равенство их координатных векторов $\mathbf{AB}_{co} = \mathbf{CD}_{co}$. Таким образом, конкретное положение точек $\mathbf{A}, \mathbf{B}, \mathbf{C}, \mathbf{D}$ становится не важным. Геометрические вектора равны тогда и только тогда, когда равны соответствующие им координатные вектора. Но координатные вектора – арифметические. Потому, начиная отсюда про геометрические вектора можно забыть, оперируя лишь соответствующими арифметическими векторами вследствие их изоморфизма.

Для геометрических векторов $\mathbf{AB}$ и $\mathbf{CD}$ можно дать определения того, что такое $\mathbf{AB} + \mathbf{CD}$ (это любой геометрический вектор $\mathbf{EF}$: $\mathbf{EF}_{co} = \mathbf{AB}_{co} + \mathbf{CD}_{co}$), и того, что такое $\lambda \mathbf{AB}$ при $\lambda \in \mathbf{R}$ (это любой геометрический вектор $\mathbf{EF}$: $\mathbf{EF}_{co} = \lambda \mathbf{AB}_{co}$).

При предлагаемом выше изложении учебного материала по ВА классические правила треугольника и параллелограмма (рис. 3) становятся несложными теоремами, которые лучше дать студентам без доказательства.

$$\mathbf{a} \cdot \mathbf{b} = (\mathbf{a}, \mathbf{b}) = |\mathbf{a}| |\mathbf{b}| \cos \Phi, \Phi = \mathbf{a}^{\wedge} \mathbf{b} - \text{угол между } \mathbf{a} \text{ и } \mathbf{b} \quad (1)$$

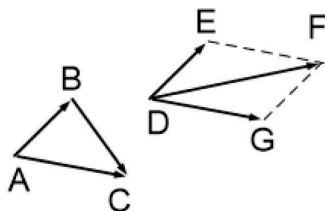

Рис. 3. Правила треугольника ($\mathbf{AB} + \mathbf{BC} = \mathbf{AC}$) и параллелограмма ($\mathbf{DE} + \mathbf{DG} = \mathbf{DF}$)

Из средней школы (ГЭ) студенты должны знать определение угла: угол – это фигура, образованная 2 лучами, исходящими из одной точки. У нас остались в рассмотрении фактически лишь арифметические вектора или просто вектора. У такого вектора нет конкретных ни начальной, ни конечной точки. А в некоторых учебниках ВА, АГ, АГЛА угол между векторами определяется как часть плоскости, заключенная между этими векторами. Там же обычно (1) определяет скалярное произведение векторов. Так что последнее тоже зависит от понятия угла между векторами. Здесь тоже получается неоднозначный фрагмент содержания ВА. В статье его предлагается несколько изменить:

$$\mathbf{a} \cdot \mathbf{b} = (\mathbf{a}, \mathbf{b}) = a_1 b_1 + \dots + a_n b_n \quad (2)$$

$$\Phi = \arccos (\mathbf{a} \cdot \mathbf{b} / (|\mathbf{a}| |\mathbf{b}|)), \text{ где } \mathbf{a}, \mathbf{b} \neq \mathbf{0}, \mathbf{a}^{\wedge} \mathbf{b} = \Phi \quad (3)$$

Пусть для векторов $\mathbf{a}, \mathbf{b} \in \mathbf{R}^n$ формула (2) определяет скалярное произведение, а (3) – угол между ними. Получается, что этот угол – это некоторое число Φ , а вовсе не фигура.

Из неравенства Коши-Буняковского $(\mathbf{a} \cdot \mathbf{b})^2 \leq |\mathbf{a}|^2 |\mathbf{b}|^2 \Rightarrow |\mathbf{a} \cdot \mathbf{b}| / (|\mathbf{a}| |\mathbf{b}|) \leq 1$, отсюда существование смысла (3). Из свойств $\arccos \Rightarrow 0 \leq \Phi \leq \pi$.

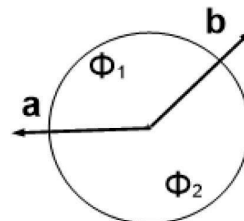

Рис. 4. Углы Φ_1 и Φ_2 между векторами $\mathbf{a}$ и $\mathbf{b}$

$$\Phi = \min (\Phi_1, \Phi_2), \Phi_1 + \Phi_2 = 2\pi \quad (4)$$

По поводу (3) допустимы неформальные комментарии по рис. 4: на самом деле между векторами $\mathbf{a}$ и $\mathbf{b}$ можно видеть 2 угла – Φ_1 и Φ_2 , причем верно (4). Теперь (1) имеет место как простейшая теорема.

3. Выявленный неоднозначный фрагмент содержания обучения комплексным числам и предлагаемые его изменения

Комплексные числа (КЧ) изучаются в вузах обычно на 1 курсе для различных профессиональных направлений как одна из начальных тем курса АГЛА. Хотя формально КЧ не относится ни к линейной алгебре (ЛА), ни к АГ. В статье [12] более подробно рассматриваются вопросы изучения КЧ. Данный раздел ее немного дополняет. Здесь речь идет о более удобном для понимания и применения алгоритме перевода КЧ из алгебраической формы ($z = x + i y$) в тригонометрическую ($z = |z| (\cos \varphi + i \sin \varphi)$), представленном на некотором алгоритмическом языке:

Вычислим модуль комплексного числа $|z| = r = (x^2 + y^2)^{1/2}$

Если $r = 0$, тогда φ – любое число из $[0; 2\pi)$

Иначе {

Вычислим $\psi = \arccos (x/r)$

Если $y \geq 0$, тогда вычислим $\varphi = \psi$

Иначе вычислим $\varphi = 2\pi - \psi$ }

Замечания

1. Из графика $\arccos$ при $\psi \in [0; \pi]$ следует, что если $\psi = 0 \Rightarrow x = r \Rightarrow y = 0 \Rightarrow \varphi = \psi = 0$. Отсюда $\varphi \in [0; 2\pi)$ всегда, значит $\varphi = \text{Arg } z$ – это главное значение аргумента.
2. В рамках АГ на плоскости $\mathbf{R}^2$ изучаются согласованные Декартова система координат (x, y) – ДСК и полярная система координат (r, φ) – ПСК. Вышеописанный алгоритм можно аналогично применять для пересчета координат (x, y) в координаты

(r, φ) . При этом $\varphi \in [0; 2\pi)$ всегда, значит φ - это главное значение полярного угла.

- В большинстве учебников АГЛА как для пересчета КЧ, так и для пересчета координат ДСК в координаты ПСК вычисляют $\psi = \arctg(x/y)$ при $y \neq 0$. В этом случае вычисляют $\varphi = \psi$ только при $x \geq 0$ и $y > 0$. Различных случаев вычисления φ при этом значительно больше, алгоритм получается более трудным для применения и понимания.

4. Выявленный неоднозначный фрагмент содержания обучения аналитической геометрии и предлагаемые его изменения

Почти во всех учебниках АГ, АГЛА рассматривается пересчет координат точки из одной ДСК в другую ДСК для плоскости $\mathbf{R}^2$, причем рассматриваются только случаи, когда одна ДСК получается из другой: параллельным переносом осей координат; поворотом осей координат на угол φ ; симметричным отражением одной из осей координат относительно другой.

Предлагается добавить рассмотрение общего подхода, из которого указанные выше три случая будут следовать как частные. Это формулы для пересчета координат точки, заданных в ДСК в другую аффинную систему координат (АСК). ДСК – это частный случай АСК, от базиса АСК не требуется ни ортогональности, ни нормированности.

$$\mathbf{i}_1 = \begin{bmatrix} 1 \\ 0 \\ \dots \\ 0 \end{bmatrix}, \dots, \mathbf{i}_n = \begin{bmatrix} 0 \\ \dots \\ 0 \\ 1 \end{bmatrix} - \text{базис ДСК}, \Theta = \begin{bmatrix} 0 \\ \dots \\ \dots \\ 0 \end{bmatrix} - \text{начало ДСК} \quad (5)$$

$$\mathbf{i}'_1 = \begin{bmatrix} u_{1,1} \\ u_{2,1} \\ \dots \\ u_{n,1} \end{bmatrix}, \dots, \mathbf{i}'_n = \begin{bmatrix} u_{1,n} \\ u_{2,n} \\ \dots \\ u_{n,n} \end{bmatrix} - \text{базис НСК}, Q = \begin{bmatrix} q_1 \\ q_2 \\ \dots \\ q_n \end{bmatrix} - \text{начало НСК} \quad (6)$$

Имеем пространство $\mathbf{R}^n$. В нем (5) задает старую систему координат (ДСК). Она, очевидно, есть ДСК. Формулы (6) задают новую систему координат (НСК), все эти координаты указаны в ДСК. НСК может не быть ДСК, а быть лишь АСК.

$$\mathbf{m} = \begin{bmatrix} m_1 \\ \dots \\ m_n \end{bmatrix} \text{ для ДСК}; \mathbf{m}' = \begin{bmatrix} m'_1 \\ \dots \\ m'_n \end{bmatrix} \text{ для НСК} \quad (7)$$

$$U = \begin{bmatrix} u_{1,1} & \dots & u_{1,n} \\ \dots & \dots & \dots \\ u_{n,1} & \dots & u_{n,n} \end{bmatrix} \quad (8)$$

$$\mathbf{m} = U \mathbf{m}' + Q \quad (9)$$

$$\mathbf{m}' = U^{-1} (\mathbf{m} - Q) \quad (10)$$

Пусть (7) задает координаты произвольной точки $M \in \mathbf{R}^n$. Пусть (8) определяет переходную матрицу U . Легко доказать формулы (9), (10). Если НСК тоже является ДСК, то U – ортогональная матрица и $U^{-1} = U^T$.

Заключение

Разделы 1 - 4 статьи успешно решили задачи 1 - 4 соответственно, следовательно, цель исследования была достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

- Канатников А.Н., Крищенко А.П. Аналитическая геометрия: Учеб. для вузов. 2-е изд. – М.: изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2000 – 388с.
- Ильин В.А., Позняк Э.Г. Аналитическая геометрия: Учеб. для вузов. 7-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – 224с.
- Брылевская Л.И., Лапин И.А., Ратафьева Л.С. Аналитическая геометрия и линейная алгебра / Под общ. ред. Л.С. Ратафьевой: Уч. пособие. – СПб: СПбГУ ИТМО, 2016. – 156 с.
- Евклид. Начала. Книги I-XV. Перевод с греческого Д.Д. Мордухай-Болтовского. – М.: Ленанд, 2021 – 616с.
- Комментарии Д.Д. Мордухай-Болтовского к книге Евклид. Начала. Книги I-XV. – М.: Ленанд, 2021 – 656с.
- О некоторых проблемах в групповом обучении студентов математике и информатике. / Р.Р. Фокин, Д.А. Булекбаев, А.А. Атоян, М.А. Абиссова // Педагогический научный журнал – 2023 – Том 6, № 6 – С. 124-131.
- Д. Пойа Математика и правдоподобные рассуждения. – М.: Наука, 1975. – 464 с.
- Фокин Р.Р. О содержательном аспекте обучения математике и информатике в современной высшей школе // Современные наукоемкие технологии - № 6 (часть 2), 2021. - С.340-344.
- Фокин Р.Р. О содержательном аспекте изучения математического доказательства на примере теоремы Кронекера-Капелли в курсе линейной алгебры // Современные наукоемкие технологии - № 2, 2022. - С.231-235.
- Фокин Р.Р. Некоторые психологические и статистические аспекты преподавания дисциплин из областей математики и информатики в современной высшей школе. // Современные наукоемкие технологии – 2019 - №9 - С.175-179.
- Фокин Р.Р., Ершова Е.В. О строгих и правдоподобных рассуждениях при изучении векторов и матриц в вузовской математике. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. – 2025 - № 7 – С. 165-170.

12. Фокин Р.Р. Некоторые методические преобразования содержания обучения системам координат и комплексным числам в математике высшей школы. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. – 2025 - № 2 – С. 147-151.
-

© Фокин Роман Романович (vka@mail.ru), Павленко Юлия Владимировна (vka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ ПРИ СТУДЕНТО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ПОДХОДЕ В ВУЗАХ НЕЯЗЫКОВОГО ПРОФИЛЯ

Чжоу Юйлин

Аспирант, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, (г. Москва)
zyl1252105491@163.com

Каскова Маргарита Евгеньевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Российский
университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
(г. Москва)
7margo@rambler.ru

SCIENTIFIC ELABORATION ON IMPLEMENTING STUDENT-CENTERED FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY TEACHING IN NON-FOREIGN LANGUAGE INSTITUTIONS

**Zhou Yulin
M. Kaskova**

Summary: This paper focuses on the issue of foreign language vocabulary teaching for non-language major university students. Integrating Piaget's cognitive development theory and the affective filter hypothesis, it analyzes the mechanisms influencing vocabulary acquisition from three key dimensions: motivation, cognitive style, and emotional regulation. The aim is to help learners consolidate their cognitive foundation while effectively improving their vocabulary competence and foreign language application skills. By examining core challenges in vocabulary acquisition, the study proposes targeted teaching strategies to reduce learning anxiety and enhance learning confidence.

Keywords: Vocabulary instruction, Non-language major students, Cognitive development theory, Affective filter hypothesis, Learning motivation.

Аннотация: Статья посвящена проблеме обучения иностранной лексике студентов неязыковых специальностей. Интегрируя теорию когнитивного развития Пиаже и гипотезу эмоционального фильтра, исследование анализирует механизмы влияния на усвоение лексики через три ключевых аспекта: мотивацию, когнитивный стиль и эмоциональную регуляцию. Цель работы — помочь обучающимся на прочной когнитивной основе эффективно развивать словарный запас и повышать уровень владения иностранным языком. Путем анализа основных трудностей в процессе усвоения лексики предлагаются целевые педагогические стратегии, призванные снизить учебную тревожность и укрепить уверенность студентов.

Ключевые слова: лексическое обучение, студенты неязыковых специальностей, теория когнитивного развития, гипотеза эмоционального фильтра, учебная мотивация.

Введение

С постоянным взаимопроникновением дисциплин и растущими требованиями общества к высококвалифицированным выпускникам, перед высшими учебными заведениями остро встает задача углубленного формирования комплексных компетенций студентов. Как важная составляющая этих компетенций, даже в неязыковых вузах владение иностранным языком (далее ИЯ) остается ключевым аспектом, которым нельзя пренебрегать. Образовательная политика многих стран четко отражает эту позицию: В России согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) выпускники неязыковых специальностей должны владеть ИЯ как минимум на уровне А2–В1. Это означает, что помимо базовых навыков повседневного общения они должны уметь использовать язык в профессиональной сфере. В Китае Министерство образования требует, чтобы студенты неязыковых направлений как минимум сдали экзамен CET-4 (College English Test Band 4), а в процес-

се обучения особое внимание уделяется развитию базовых коммуникативных навыков и умению работать с профессиональной литературой.

Помимо обязательных требований международных нормативов, социальные ожидания относительно уровня владения ИЯ среди выпускников вузов неуклонно растут. На платформе для поиска работы «HeadHunter» наблюдается устойчивый значительный рост количества вакансий, требующих знания английского языка. Спрос распространяется на различные профессиональные сферы, включая IT, маркетинг, PR, закупки и средства массовой информации. Особенно показательно, что в международных компаниях языковые требования к соискателям нередко достигают уровня B2 по общеевропейской шкале CEFR. Этот тренд убедительно демонстрирует: владение ИЯ на уровне не ниже B1-B2 стало обязательным условием для успешного трудоустройства выпускников. «Отсутствие соответствующих навыков у студентов может в дальнейшем привести к их дезадаптации к условиям и требованиям окружающего мира, к спаду когнитивных способностей.» [1, с. 162]

Даже в период обучения владение ИЯ на продвинутом уровне имеет огромное значение для студентов неязыковых специальностей. «Без соответствующих знаний и умений выпускники вузов не смогут эффективно взаимодействовать с социумом и познавать окружающий мир, что будет препятствовать гармоничному развитию личности.» [1, с. 162] Только при наличии достаточных языковых компетенций учащиеся получают возможность свободно работать с международными научными публикациями и материалами; активно участвовать в международных академических мероприятиях и конференциях; эффективно осуществлять межкультурную коммуникацию; расширять профессиональный кругозор и развивать когнитивные способности.

Решение проблемы формирования достаточного лексического запаса, являясь первым и важнейшим этапом совершенствования языковых навыков, бесспорно составляет фундамент и основу всего процесса изучения ИЯ. Габриэль Вайнер отмечает в своей работе: «no one can give you a language; you have to take it for yourself.» [2, с. 46] (перевод наш: Язык нельзя передать другому - его необходимо осваивать самостоятельно.) Именно этим, по его мнению, объясняется неэффективность многих языковых курсов и учебных программ. Совершенно очевидно, что традиционная преподаватель-ориентированная модель PPP: presentation - practice - production (перевод наш: презентация - практика - продуцирование) не отвечает современным требованиям развития языковых компетенций студентов.

С начала XXI века студенто-центрированный подход прочно утвердился в качестве основной методологической парадигмы в лингводидактике и стал предметом многочисленных научных изысканий. Однако большинство этих исследований остаются на макроуровне, не затрагивая отдельных аспектов языкового обучения. Лексическое обучение, как базовый и ключевой компонент языковой подготовки, «может рассматриваться как наиболее персонализированное или индивидуальное измерение» [3, с. 230] и поэтому требует особого внимания к разработке педагогических подходов, ориентированных на потребности учащихся. В этом заключается актуальность представляемого исследования. Целью статьи является описание студенто-центрированной методики обучения лексике учащихся неязыковых специальностей. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

1. на основе теории когнитивного развития Пиаже провести анализ научной литературы по вопросам усвоения лексики (мотивационные аспекты, когнитивные стили, эмоциональная регуляция);
2. посредством эмпирического наблюдения и интервьюирования выявить ключевые трудности в освоении лексического материала;
3. разработать этапы изучения иностранной лексики для студентов неязыковых специальностей;

4. предложить соответствующие методы преподавания и практические рекомендации.

Основные результаты

В качестве теоретической основы мы используем теорию шведского психолога Жана Пиаже, который в своей работе «Уравновешивание когнитивных структур: Центральная проблема интеллектуального развития» систематически изложил процесс динамического равновесия в когнитивном развитии, описав его как цикл «равновесие - неравновесие - новое равновесие» [4]. Конкретно это проявляется в том, что при усвоении новых знаний изначально сбалансированная когнитивная структура подвергается воздействию новой информации, что приводит к нарушению равновесия. Однако несбалансированная структура способна ассимилировать и реорганизовывать внешние стимулы, таким образом, новая информация интериоризируется в существующую когнитивную систему, достигая нового равновесия. В данном процессе ученый выделяет два механизма:

Ассимиляция - когда новая информация лишь дополняет существующую когнитивную схему без её изменения. Пример из обучения лексике: слово «abandoned» ассимилируется в существующее знание слова «abandon».

Аккомодация - когда новая информация вступает в конфликт с существующими схемами, требуя их радикальной перестройки, например: слово «current» кроме известного значения «нынешний» приобретает специальное значение «электрический ток» в технических текстах.

Однако и ассимиляция, и аккомодация предполагают преобразование когнитивных структур на основе уже существующей базы. Хотя уровень владения ИЯ у первокурсников различается, несомненно, что все они обладают определенной языковой основой. Уже усвоенная лексика представлена «в виде нейронных сетей в долгосрочной памяти» [3, с. 235]. Когда новая информация поступает в рабочую память, соответствующие сетевые схемы в долгосрочной памяти активируются и извлекаются, тем самым способствуя пониманию нового материала. Следовательно, ключевой вопрос заключается в том, как помочь студентам неязыковых специальностей, сохраняя школьные знания, успешно осваивать новую лексику и повышать уровень владения языком к моменту выпуска. Для реализации студенто-ориентированного подхода, рассматривающего обучающегося как субъект образовательного процесса, необходимо глубокое понимание учебных трудностей и психологического давления на студентов. Наши педагогические наблюдения и интервью выявили удивительный факт: пик владения ИЯ у многих студентов неязыковых специальностей приходится именно в период поступления в вуз. Под совокупным воздействием таких факторов, как сложность

профильных дисциплин, сокращение аудиторных часов по языку, отсутствие системного контроля преподавателей, нехватка практики и снижение мотивации, трудоустройства или сдачи языковых экзаменов, многие студенты сталкиваются с разочарованием — их языковые навыки зачастую оказываются слабее, чем в школьные годы. Базовая лексика, изучавшаяся в школе, без регулярного повторения полностью забывается. Неудачи на экзаменах усугубляют ситуацию, лишая учебный процесс мотивационной составляющей. Более того, взрослые студенты уже не находятся в периоде оптимальной механической памяти, что делает запоминание слов особенно трудным и негативно влияет на психологическое состояние. Таким образом, для прогресса в языковой подготовке необходимо не только закрепление имеющихся знаний, но и внимание к психологическому состоянию и эмоциональным аспектам обучения.

В книге «Language two» авторы Дулай Х., Берт М., Крашен С. выдвигают гипотезу аффективного фильтра, утверждая, что успешность освоения ИЯ определяется эмоциональными факторами обучающегося. Аффективный фильтр представляет собой психологический барьер, формируемый под влиянием эмоционального состояния: чрезмерная тревожность и страх создают высокий фильтр, что препятствует когнитивным процессам, затрудняя обучение и запоминание; а психологически стабильное и мотивированное состояние способствует когнитивной деятельности. Ключевыми переменными аффективного фильтра являются уровень тревожности, уверенность в себе и мотивация.[5]

Для многих студентов, поступающих в университет, волнение от новой обстановки длится недолго. Учебные нагрузки, стоимость жизни, отношения и давление взрослой жизни могут быстро свести на нет радость от нового пребывания в университете. Тревожность постепенно становится психологическим профилем современной молодежи. Для многих первокурсников, чей уровень владения ИЯ находится на уровне А1, работа с основными предметами уже отнимает много сил, не говоря уже о нехватке времени на изучение ИЯ и контроле со стороны преподавателей. В результате их уровень владения ИЯ будет еще больше снижаться, что также приведет к снижению их уверенности в себе.

Ещё одной ключевой переменной, играющей значительную роль в изучении ИЯ, является мотивация. «When learners lack motivation they may fail to engage in generative processing even when cognitive capacity is available.»[6, с. 315](перевод наш: Когда у учащихся отсутствует мотивация, даже при наличии когнитивных способностей они могут оказаться не в состоянии осуществлять генеративную обработку информации.) Мотивацию можно разделить на внутреннюю и внешнюю. При этом, «внутренняя мотивация является необходимым ус-

ловием эффективности любой учебной деятельности, а в контексте обучения ИЯ обладает достаточным потенциалом для того, чтобы вывести обучающегося на уровень свободного владения ИЯ.» [7, с. 1675]. Согласно Ричарду М. Райану, Эдварду Л. Деси и другим, «внутренняя мотивация» означает деятельность, которая осуществляется ради собственной выгоды, из внутреннего интереса и удовольствия, а также для удовлетворения психологических потребностей, а три основные психологические потребности, которые должны быть удовлетворены для здорового развития личности, это «автономия», «компетентность» и «связанность» [8]. «Автономия» подчеркивает инициативу поведения индивида, то есть наказание или вознаграждение, навязанные извне, уменьшают нашу автономию, а поведение, мотивированное нашими собственными интересами и ценностями, увеличивает нашу автономию. «Компетентность» относится к чувству достижения и роста, возникающему в условиях сложных задач, позитивной обратной связи и возможностей для развития. «Связанность» подразумевает чувство принадлежности, формирующееся в отношениях с другими, а также потребность в уважении и заботе со стороны окружающих. В теории самодетерминации (Self-Determination Theory, SDT), «The fulfillment of these needs provides necessary nutrients for psychological growth, integration, and flourishing.» [9, с. 4](перевод наш: Удовлетворение этих потребностей обеспечивает необходимую питательную среду для психологического роста, интеграции и процветания.) В отличие от «внутренней мотивации», «внешняя мотивация» означает действия, совершаемые по причинам, не связанным с внутренним удовлетворением. Р.М. Райан и Э.Л. Деси выделили четыре типа внешней мотивации: «экстернальное регулирование», «интроецированное регулирование», «идентифицированное регулирование» и «интегрированное регулирование» [8]. Из них только «экстернальное регулирование» является по-настоящему «контролируемым и неавтономным» видом мотивации. Оно подразумевает внешне навязанные индивиду поощрения и наказания. «Интроецированное регулирование» означает, что наше поведение подвергается влиянию и контролю внутреннего давления, включая воздействие чувства собственного достоинства от достижения успеха и избегание чувства вины из-за неудач. «Идентифицированное регулирование» подразумевает, что индивид признает ценность определенной деятельности. «Интегрированное регулирование» означает, что человек считает какую-либо деятельность соответствующей своим ценностям.

На основании вышеизложенных теорий мы предполагаем, что в процессе когнитивного развития студентов языковых специальностей существуют два ключевых фактора: когнитивная база (знания ИЯ, приобретенные в школе) и аффективные факторы. Таким образом, мы предлагаем следующую концептуальную модель ключевых факторов в процессе когнитивного развития студентов (Рис 1.):

Рис. 1. Концептуальная модель ключевых факторов в процессе когнитивного развития студентов

В данной концептуальной системе ранее усвоенные знания ИЯ, формирующие когнитивную базу первокурсников, представляют собой константную величину. Преподавателям необходимо отталкиваться от этой константной величины, при введении и объяснении нового лексического материала соблюдать преемственность со знаниями, полученными студентами в средней школе. Одновременно следует учитывать различия в уровне владения ИЯ среди первокурсников (сформированном в школе), по возможности подбирать учебные материалы, соответствующие способностям большинства учащихся, и уделять особое внимание студентам с более слабой языковой подготовкой.

Эмоциональный фактор, являясь переменной величиной в данной системе, предполагает большую степень непредсказуемости, что требует особого внимания со стороны преподавателя. В повседневной учебной практике преподавателю следует всегда ставить студентов в центр внимания, снижая их тревожность и укрепляя их уверенность в себе.

Во-первых, можно применять конструкционистскую теорию Пиаже, помогая учащимся осознать, что они уже обладают базовым словарным запасом, и теперь задача заключается лишь в его расширении.

Во-вторых, для студентов, испытывающих тревогу из-

за огромного количества иностранных слов и сложностей их запоминания, важно объяснить: овладение лексикой не требует заучивания всех слов из словаря - даже носители языка не знают каждое слово. В повседневном общении мы крайне редко сталкиваемся с необходимостью использовать «низкочастотную лексику». Например, в английском языке, «1000 слов хватит, чтобы понимать 78—81% текста при чтении и на 85% понимать разговорную речь, а иногда и поддержать беседу. Знание 2000—3000 слов - это уже серьезная база, солидный словарный запас, с которым вы на 96% поймете текст подростковой литературы и на 84—87% более серьезные сочинения.» [10, с. 294]. Как мы уже отмечали ранее, студентам неязыковых специальностей необходимо развить два ключевых навыка: способность к повседневному общению и чтению профессиональной литературы на ИЯ. Практически это означает, что за четыре года обучения большинству учащихся достаточно освоить 2000-3000 наиболее употребительных слов плюс профильную терминологию своей специальности. Таким образом, даже ежедневно запоминая всего 10 слов, к моменту выпуска студенты могут полностью овладеть необходимой лексикой, что делает любые тревоги совершенно излишними.

В-третьих, преподавателям следует с первых минут занятия создавать непринужденную и комфортную атмосферу. Для этого эффективно использовать такие методические приемы, как исполнение иностранных

песен, участие в словесных играх (например, «цепочка слов»), просмотр и последующий анализ видеоматериалов с разбором языковых особенностей. Подобные методы не только укрепляют уверенность студентов и дают им ощущение успеха, но и значительно повышают вовлеченность, помогая полностью преодолеть тревожность, быстро включиться в учебный процесс и создать оптимальные условия для усвоения новых знаний.

Что касается повышения учебной мотивации студентов, мы предлагаем следующие рекомендации:

Во-первых, для усиления внутренней мотивации преподавателям следует прилагать максимальные усилия для удовлетворения внутренних интересов и психологических потребностей студентов. Как мы упоминали ранее, хотя механическая память у взрослых студентов ослабевает, их способность к пониманию и мышлению становится более зрелой. Исследователи классифицируют типы мышления студентов на четыре категории [11]: аналитический тип студентов может быстрее определять главное и второстепенное, находить основную идею; синтетический тип студентов больше ориентирован на целостное восприятие, пренебрегая деталями; компараторный тип студентов любит сопоставлять изучаемый ИЯ с родным; творческий тип студентов более активен и инициативен, имеет оригинальные взгляды на проблемы.

По сравнению со средней школой, характерной особенностью университетской среды является широкий спектр происхождения студентов. Эти студенты, приехавшие из разных уголков страны, приносят с собой различные жизненные истории и образовательный опыт. Между ними существуют различия не только в базовых знаниях, «*Their information processing techniques, perceptions, emotional states and attitudes and problem-solving methods are all distinct.*» [12, с. 116] (перевод наш: Их навыки обработки информации, восприятие, эмоциональное состояние, установки и методы решения проблем заметно различаются.) При выборе педагогической стратегии преподаватели должны по возможности удовлетворять внутренние потребности большинства студентов и их психологические особенности, о чем упоминают в своих работах многие исследователи, например, А.Т. Анисимова, А.Г. Карипиди, М.И. Попова, А.Н. Иконникова, А.Е. Петров, Е.А. Мяснянкина и др. Для студентов аналитического типа при объяснении слов следует обращать внимание на логическую последовательность и приоритетность, можно направлять студентов на создание ментальных карт, запоминание и изучение лексики по семантическим полям или словообразовательным элементам; для студентов синтетического типа преподаватели могут использовать контекстные ситуации для введения новых слов, например, предложить студентам свободно создавать текстовые истории с использованием изучаемых слов; для студентов компараторного

типа преподаватели должны обращать их внимание на культурную коннотацию слов, поскольку между разными языками не существует полностью эквивалентной лексики; для студентов творческого типа преподаватели могут направлять их на использование гиперболизированных ассоциаций для запоминания слов, а также применять открытые вопросы типа «как понимать слово любовь», чтобы поощрять свободные высказывания.

Во-вторых, преподаватели могут выступать в роли макро-наблюдателей учебного процесса, предоставляя студентам больше автономии в самостоятельном определении содержания обучения, объема материала, места, времени, процесса и критериев оценки. Однако важно отметить, что такая самостоятельность не подразумевает полной независимости студентов - на каждом этапе преподаватель должен осуществлять внимательное наблюдение и своевременное руководство: «работа преподавателя не ограничивается накопленным опытом и доверием к своей интуиции, а подразумевает осознанное и информированное принятие решений относительно методов и заданий, предлагаемых обучающимся.» [3, с. 240] В настоящее время такие приложения, как Quizlet, Memrise, Anki, Duolingo, Puzzle English, Rosetta Stone и Wordwall, предоставляют удобные платформы для автономного обучения. Согласно обобщению Е.В. Воронцовой, эти микрообучающие платформы обладают рядом преимуществ, включая оптимизацию ресурсов, экономическую целесообразность, неограниченный доступ к контенту, технологическую гибкость, возможность повторного использования материалов, непосредственное взаимодействие и мгновенный контроль. [13] Одновременно, формат микрообучения соответствует когнитивным особенностям поколения Z, для которого характерны «гиперактивность, трудность удержания внимания, небольшой объем кратковременной памяти и клиповое мышление в условиях многозадачности» [1, с. 163]. Преподаватели совместно со студентами могут создавать на этих платформах микро-системы для изучения лексики. Каждый студент может оперативно добавлять аудиовизуальные материалы и изображения, а также заниматься в любое время и в любом месте. Параллельно преподаватели получают возможность оперативно отвечать на возникающие вопросы. Подавляющее большинство подобных платформ также поддерживают функцию персонализации обучения: студенты могут добавлять специализированную лексику, соответствующую их профессиональным потребностям; В зависимости от каналов восприятия информации студенты могут быть разделены на четыре категории: аудиалы, визуалы, кинестетики и дигиталы [14]. Используя микро-платформы для изучения лексики, созданные на основе этих приложений, аудиалы могут дополнять учебные материалы аудиозаписями, визуалы - обогащать контент текстовыми и видеоматериалами, кинестетики - моделировать разнообразные диалоговые ситуации в интерактивном фор-

мате, практикуясь с однокурсниками и преподавателями, а дигиталы - эффективно использовать информационные структуры для быстрого создания ментальных карт с возможностью их публикации на платформе для совместного использования. Более того, преподаватели могут использовать микрообучающие платформы для создания учебных групп среди студентов, обеспечивая тем самым не только самостоятельное, но и совместное обучение. Согласно принципу взаимной познавательной зависимости (the mutual cognitive interdependence principle), «Individuals depend on an instructor's explicit guidance and appropriate interactions with others as part of a group, but also on appropriate instructional environments of collaboration with other learners.» [15, с.217] (перевод наш: Индивидуум зависит от четких указаний преподавателя и уместного взаимодействия с другими как часть группы, но также зависит от соответствующей образовательной среды, которая способствует сотрудничеству с другими обучающимися.) В то же время, для максимального раскрытия потенциала совместного обучения студентов также необходимы наставления преподавателя. Мы предлагаем, чтобы преподаватель, не вмешиваясь напрямую во внутренние коммуникации группы, помогал членам учебной группы распределить задачи на макроуровне; своевременно выявлял и разрешал конфликты между студентами; направлял их в выражении взаимных идей; учил их делать выбор и приходиться к консенсусу.

В-третьих, чтобы студенты чувствовали себя способными успешно выполнять учебные задачи, преподавателям необходимо, с одной стороны, придерживаться принципа постепенности, представляя материал от простого к сложному; с другой стороны, учитывать, что в основе теории конструктивизма лежит идея о том, что преобразование когнитивных структур всегда происходит на основе уже существующих. Поэтому при введении новой лексики крайне важна логическая связь с уже усвоенными словами. Что касается системы оценивания, то перед экзаменами преподавателю следует не только организовать систематическое повторение материала, но и обязательно признать усилия, приложенные студентами в течение учебного периода, вселяя в них уверенность при прохождении испытаний.

В-четвертых, преподавателям следует создавать на занятиях непринужденную и позитивную атмосферу, выстраивая равноправные отношения со студентами. При организации учебной деятельности рекомендуется чаще использовать форму составления ситуационных диалогов с изученной лексикой, поощряя студентов осваивать новые слова через активное взаимодействие.

В-пятых, что касается внешней мотивации, преподавателям следует отказаться от традиционной оценки, основанной исключительно на результатах, и вместо этого использовать в качестве критерия «степень прогресса»,

избегая применения монотонных методов механического запоминания (например, многократного переписывания слов) в качестве наказания. Для студентов, показавших слабые результаты на экзамене, важно провести детальный разбор ошибок и пробелов в знаниях, чтобы предотвратить их развитие чувства вины из-за неудачи. В то же время преподавателям необходимо культивировать у студентов мышление роста (Growth Mindset), поощрять их отказ от идеи «только оценки имеют значение», больше фокусироваться на собственном реальном развитии, не бояться сложных учебных целей и рассматривать неудачи как неотъемлемую часть процесса обучения [16]. Помимо снижения психологической нагрузки, преподавателям следует подчеркивать значимость изучения ИЯ. При введении новой лексики преподавателю необходимо тщательно подбирать учебные материалы, соответствующие как личным интересам студентов, так и их профессиональным амбициям. Это позволяет учащимся на практике осознать ключевую роль ИЯ в различных сферах жизни: при поступлении в магистратуру или аспирантуру, во время поиска престижной работы, в зарубежных поездках, при работе с академическими текстами и в процессе межкультурной коммуникации. Такой подход трансформирует восприятие языка из формального учебного предмета в важнейший инструмент личностного и карьерного роста. При разъяснении заданий, учете мнений учащихся и стимулировании их саморегуляции преподавателям следует в большей степени развивать «автономно-поддерживающий» стиль, сдерживая «контролирующий»: уделять внимание точке зрения студентов, стараться опираться на их интересы, любознательность и получаемое удовольствие, сокращать использование контролирующих формулировок и оказываемого давления, а также признавать наличие негативных эмоций у учащихся.

Заключение

В общем, для подлинного овладения ИЯ необходимо реализовать студенто-ориентированную модель обучения. Опираясь на теорию когнитивного развития Пиаже и гипотезу аффективного фильтра, мы определяем два ключевых элемента когнитивного развития в языковом обучении для неязыковых специальностей: когнитивную базу и аффективные факторы. Это означает, что преподавателям следует не только учитывать разный уровень языковой подготовки, применяя соответствующие методики, но и уделять особое внимание эмоциональной сфере - укреплять уверенность студентов, стимулировать их мотивацию, снижать тревожность. Важно подчеркнуть: студенто-центрированный подход в преподавании ИЯ ни в коем случае не предполагает уменьшения роли преподавателя. Напротив, в отличие от традиционной образовательной модели, он требует от преподавателя еще более глубокого понимания - «мыслить как студент» и «чувствовать как студент», превращая его в равноправного соучастника и катализатора учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурнаева Е.М., Костенко В.Ю. Особенности образовательной среды, способствующей сохранению и развитию когнитивных способностей студентов // Управление образованием: теория и практика. – 2024. - №4-1 (80). – С. 161–166.
2. Wyner, G. *Fluent Forever: How to Learn Any Language Fast and Never Forget It*. – Rev. ed. – М.: Harmony Books, 2024. – 399 p.
3. Кошелева И.Н. Оптимизация обучения лексике английского языка в неязыковом вузе в парадигме доказательного подхода // Концепт. – 2024. - №10. – С. 229–243.
4. Piaget, J. *The Equilibration of Cognitive Structures: The Central Problem of Intellectual Development* // American Journal of Education. – 1985.
5. Dulay H., Burt M., Krashen S. *Language Two* // New York: Oxford University Press, 1982.
6. Moreno R., Mayer R. Interactive Multimodal Learning Environments // Educational Psychology Review. – 2007. – V. 19. – P. 309–326. DOI: 10.1007/s10648-007-9047-2.
7. Анисимова А.Т., Каририди А.Г. Ценностно-смысловые приоритеты студентов неязыковых специальностей на начальном этапе изучения иностранного языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 4. – С. 1673–1680.
8. Ryan R.M., Deci E.L. Intrinsic and Extrinsic Motivation from a Self-Determination Theory Perspective: Definitions, Theory, Practices, and Future Directions // Contemporary Educational Psychology. – 2020. – Vol. 61.
9. Evans P., Vansteenkiste M., Parker P. et al. Cognitive Load Theory and Its Relationships with Motivation: a Self-Determination Theory Perspective // Educational Psychology Review. – 2024. – Vol. 36, No. 7.
10. Мяснянкина Е.А. Запоминание лексики при изучении иностранных языков // Обучение иностранному языку: современность и перспективы: сборник научных статей региональной научно-методической конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 291–297.
11. М.И. Попова, А.Н. Иконникова, А.Е. Петров Развитие стратегий запоминания иноязычной лексики // МНКО. – 2019. - №6 (79).
12. Curum B., Khedo K.K. Cognitive Load Management in Mobile Learning Systems: Principles and Theories // Journal of Computers in Education. – 2021. – Vol. 8. – P. 109–136. DOI: 10.1007/s40692-020-00173-6.
13. Воронцова Е.В. Система приемов по обучению лексике иностранного языка с использованием технологии микрообучения // Концепт. – 2025. - №6.
14. Каскова М.Е. Перспективы развития методики обучения иностранному языку в свете когнитивных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. - №7 (170). – С. 38–43.
15. Kirschner P.A., Sweller J., Kirschner F. et al. From Cognitive Load Theory to Collaborative Cognitive Load Theory // International Journal of Computer-Supported Collaborative Learning. – 2018. – Vol. 13. – P. 213–233. DOI: 10.1007/s11412-018-9277-y.
16. Xu K.M., Koorn P., de Koning B., Skuballa I.T., Lin L., Henderikx M., Marsh H.W., Sweller J., Paas F. A Growth Mindset Lowers Perceived Cognitive Load and Improves Learning: Integrating Motivation to Cognitive Load // Journal of Educational Psychology. – 2021. – Vol. 113, No. 6. – P. 1177–1191. DOI: 10.1037/edu0000631.

© Чжоу Юйлинь (zyl1252105491@163.com), Каскова Маргарита Евгеньевна (7margo@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРОДВИЖЕНИИ КОМПАНИИ

Алексютина Ольга Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО

«Брянский государственный университет

имени академика И.Г. Петровского»

oaleksytina@mail.ru

THE COMMUNICATIONS IMPORTANCE OF SOCIAL MEDIA IN COMPANY PROMOTION

O. Aleksytina

Summary: Social media plays an important role in the promotion of modern companies. They have become not only an information channel for individual use but also a marketing tool used by brands to establish and maintain communication interactions, primarily with their consumer audience. Social media are internet platforms that unite users in a single digital space. The basic principles of their operation are adapted to the requirements of brand management, which involves both the exchange of content, which can be presented in various formats such as text, images, and video, and the management of company-initiated communication flows.

This article, based on an analysis of secondary empirical data, substantiates the relevance of the media segment under study, which demonstrates growing reach across various age groups, particularly against the backdrop of the strengthening position of domestic social networks. The research results confirm that social media accounts for the majority of online activity and can be effectively used to distribute content and maintain long-term relationships with customers.

An important element of the study was the determination of the communication value of social media. The influence of content on creating positive brand perception, shaping public opinion, and a company's publicity capital is analyzed. Keywords: promotion, social media, brand, content marketing, communication, social media audience, communication value, content format.

Keywords: promotion, social networks, brand, content marketing, communication, social media audience, communication value, content format.

Аннотация: В системе продвижения современных компаний важную роль играют социальные сети, ставшие не только информационным каналом индивидуального пользования, но и маркетинговым инструментом, используемым брендами для установления и сохранения коммуникационных взаимодействий, в первую очередь, с потребительской аудиторией. Социальные сети представляют собой интернет-платформы, объединяющие пользователей в единое цифровое пространство. Основные принципы их функционирования адаптируются к требованиям бренд-менеджмента, что предполагает как обмен контентом, который может быть представлен различными форматами, такими как тексты, изображения, видео, так и управление коммуникационными потоками, инициированными компаниями.

В статье на основе анализа вторичных эмпирических данных обоснована актуальность исследуемого медийного сегмента, демонстрирующего рост охвата различных возрастных групп, в том числе на фоне усиления позиций отечественных социальных сетей. Результаты исследований подтверждают, что основную часть интернет-активности занимают соцмедиа, которые можно эффективно использовать для распространения контента и поддержания долгосрочных отношений с клиентами.

Важным элементом исследования стало определение коммуникационного значения социальных сетей. Анализируется влияние контента на создание положительного восприятия бренда, формирование общественного мнения и паблицитного капитала компании.

Ключевые слова: продвижение, социальные сети, бренд, контент-маркетинг, коммуникация, аудитория соцмедиа, коммуникационное значение, формат контента.

Современная система информационных технологий и цифровых коммуникаций предоставляет широкие возможности для развития и продвижения коммерческих компаний. Особую роль в совершенствовании коммуникационного менеджмента организаций играют социальные сети, которые превратились в мощный инструмент взаимодействия с различными типами аудиторий и создания продуктивных отношений с клиентами. Особенно актуальной стала эта тема в свете растущей зависимости бизнеса от онлайн-присутствия и необходимости соответствовать запросам современного потребителя, который требует персонализированного подхода, быстрого отклика на запрашиваемую информацию, ориентируясь на удобство коммуникационных взаимодействий с компанией. Бизнес все чаще использует интернет-площадки, которые не только помогают

продвигать товары в сети, но и оценивать конкурентную политику, учитывая данные по спросу и предложению в определенном рыночном сегменте [1].

Социальные сети выступают в роли важной платформы, благодаря которой формируется общественное мнение, создается уникальный образ и укрепляется бренд компании. Именно здесь пользователи ведут обсуждения, делятся мнениями и впечатлениями о продуктах и услугах, влияя таким образом на восприятие компании в целом. Формирование имиджа зависит не только от использования оффлайн-форматов, но и от профессионального применения компанией онлайн-инструментов, поэтому эффективное репутационное управление и вовлечение аудитории в интернет-среде важны для достижения успеха.

Маркетинг в социальных сетях, SMM (Social Media Marketing), предполагает привлечение аудитории к информационному полю бренда, посредством социальных платформ и медиа [2]. Продвижение в социальных сетях позволяет эффективно выстраивать коммуникационные взаимодействия с нужной потребительской аудиторией, выбирая те платформы, где аудитория в большей степени представлена. Цели SMM бренды определяют, ориентируясь на маркетинговую стратегию компании. Традиционно выделяют следующие цели:

- рост узнаваемости бренда и управление репутацией;
- создание общества вокруг бренда и повышение вовлеченности;
- увеличение продаж;
- анализ целевой аудитории [3].

В целом маркетинг в социальных сетях предполагает реализацию экономических и коммуникативных целей. Экономические цели направлены на повышение продаж, увеличение доли рынка, освоение новых сегментов рынка, рост бренд-капитализации, в том числе за счет снижения издержек и соответствующей оптимизации бизнеса, вытекающей из потенциала цифровой среды. Коммуникативные цели сводятся к привлечению новых клиентов, формированию необходимого уровня осведомленности и знания у новых потребителей, поддержанию положительного имиджа компании, повышению деловой репутации, росту лояльной аудитории.

Коммуникационная политика при этом предполагает реализацию стратегии контент-маркетинга, ориентированной на создание ценного опыта для потенциального клиента. Дальнейшее распространение аудиторией информации о компании делает ее лидером в определенной сфере. Вовлекающий контент, которым легко поделиться, в первую очередь помогает потребителям понять (причем самостоятельно), что продукт или услуга вашей компании им жизненно необходима [4].

Важно подчеркнуть, что в данном контексте роль контент-маркетинга становится ключевой. Создание качественного контента в социальных сетях, ориентированного на запросы потребителя, способствует не только привлечению внимания к бренду, но и является важнейшим инструментом реализации коммуникационной стратегии компании. Путем предоставления информационно насыщенных статей, видеоматериалов, графиков и других форм контента компании могут продемонстрировать свою экспертность, решать проблемы клиентов и поддерживать вовлеченность аудитории. При разработке контент-стратегии крайне важно учитывать уникальные особенности каждой социальной платформы, ведь тип контента должен быть специально адаптирован под интерфейсную структуру и пользовательские предпочтения соответствующей сети, чтобы

максимально соответствовать требованиям выбранной бренд-платформы. Контент также играет важную роль в оптимизации информационных ресурсов для поисковых систем, помогая бренду занимать высокие позиции в поисковых результатах и привлекать новых клиентов.

Самое важное направление контент-маркетинга – создание долгосрочных отношений и установление доверия. Возможность взаимодействовать с клиентами и получать обратную связь в реальном времени позволяет компаниям не только привлекать новых клиентов, но и поддерживать долгосрочные отношения со всеми стейкхолдерами. Стратегическая направленность коммуникационных взаимодействий такого уровня способствует также поддержанию и усилению положительного имиджа бренда, формированию лояльности потребителя и реализации коммуникационной политики компании. Социальные сети в современном мире нельзя недооценивать, так как они являются неотъемлемой частью эффективной маркетинговой стратегии компаний.

На настоящий момент актуальна концепция интернет-маркетинга, при которой фокус внимания бренда переходит к клиенту. Ключевая цель маркетинга в данном случае — успешное разрешение проблем аудитории, формирование позитивного опыта клиента, при его взаимодействии с онлайн-ресурсами бренда [5].

Развитие интернет-маркетинга изменило весь процесс управления продвижением компаний на рынке. Объектом маркетинга становится информационно-аналитическая деятельность, в рамках которой происходит интенсивное использование информационных технологий, для определения ключевых маркетинговых положений бренда. Субъектом, как и в классической концепции, является конкретное лицо, действующее в интересах бренда. Сам процесс, как и прежде, включает в себя 4 ключевых элемента комплекса 4P – продукт (product), цену (price), распределение (place), систему продвижения (promotion), однако каждый из них изменился в степени, необходимой для эффективной реализации в Интернете:

- высоко востребованы, в первую очередь, цифровые информационные товары;
- ценообразование становится открытой и прозрачной системой, доступной аудитории;
- в рамках распределения появляются новые виды посредников, необходимые для формирования эффективной информационной коммуникации между компанией и потребителями;
- процесс продвижения усложняется, поскольку традиционные каналы маркетинга получают новый формат и возможности [6].

Важно учитывать тот факт, что покупатели, использующие для совершения ключевого действия Интернет,

активно взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией и могут группироваться в виртуальные сообщества. Это могут быть группы по интересам, объединённые тематикой, или посвященные конкретному бренду и его товарам. Интернет способствует быстрому распространению отзывов, комментариев и иной информации, что нельзя не учитывать, при выстраивании системы онлайн-продвижения. По мнению L. Safko, можно выделить три правила социальных сетей для бизнеса:

1. Социальные сети созданы для того, чтобы способствовать диалогу.
2. Вы не можете контролировать диалог, но можете на него влиять.
3. Влияние — это основа, на которой строятся все экономически жизнеспособные отношения [7].

Принцип алгоритмической подборки контента, анализа предпочтений пользователя, играет важную роль в использовании социальных сетей коммерческой компании. Это позволяет предоставлять пользователям контент, который наиболее соответствует их интересам, увеличивая общую привлекательность ресурса.

Коммуникативный потенциал социальных сетей дает возможность компаниям взаимодействовать как с действительными, так и с потенциальными потребителями, продвигая таким образом свой продукт и привлекая новых клиентов. SMM-маркетинг обеспечивает также широту охвата аудитории за счет возможного использования различных платформ и инструментов, интегрированных в единый канал коммуникации с потребителем. При этом необходимо выстроить коммуникационную стратегию таким образом, чтобы контент для различных социальных сетей не дублировался, а дополнялся новой информацией, объединяя вербальные и мультимедийные элементы, в том числе фото, видео, инфографику и др. Представляя уникальное предложение для аудитории, необходимо использовать формулировки, которые

языком цифр и конкретных деталей демонстрируют конкурентные преимущества компании [8].

Использование вторичного анализа имеющихся эмпирических данных, полученных по итогам проведенных исследований ведущими технологическими и мониторинговыми компаниями, позволяет брендам формировать коммуникационную стратегию, ориентированную на значимые для целевой аудитории социальные медиа. Важным аспектом является не только сам факт присутствия компании в социальных сетях, но и умение эффективно взаимодействовать с аудиторией, создавать ценный контент и поддерживать долгосрочные отношения с клиентами. Анализ социальных медиа за последние годы демонстрирует рост охвата различных возрастных групп, а также тенденции усиления позиций отечественных социальных сетей. По результатам исследований за 2023 год, 84% населения посещали социальные сети хотя бы раз в месяц, а 75% населения посещали социальные сети ежедневно. На рисунке 1 представлены усредненные данные за 1 полугодие 2023 г. (см. рисунок 1).

По данным Brandanalytics, в октябре 2024 года число активных авторов в социальных медиа в России составило 74,9 млн. По сравнению с осенью (октябрем) 2023 года наблюдается как прирост активных авторов на 16%, так и объем создаваемого ими контента на 16,8% [9].

Специфика распределения предпочтений в выборе социальных площадок среди населения России старше 12 лет за период с марта по май 2024 г. представлена на рисунке 2 [10].

Общая аудитория интернета в России в октябре 2025 г. составила 105 млн человек, что соответствует 86% населения страны. Среднее время, которое россияне проводят в интернете в день, составляет 4 часа 21 минуту.

АУДИТОРИЯ ИНТЕРНЕТА

Рис. 1. Общий охват социальных медиа за 1 полугодие 2023 г., по данным Mediascope

Основную часть интернет-активности занимают соцмедиа, на которые приходится 51% всего времени в сети. Охват соцмедиа среди интернет-пользователей составляет 85% в месяц. Среди наиболее популярных площадок с долей более 5% лидируют [11] «ВКонтакте» (приходится 25% времени на данной площадке), Telegram (22%), TikTok (22%) и YouTube (15%) (см. рисунок 3).

В современном бизнес-окружении, где потребители активно участвуют в обмене информацией и мнениями, понимание особенностей социальных сетей становится ключевым элементом успешной маркетинговой стратегии. Это включает в себя анализ структуры сетей, понимание принципов взаимодействия пользователей, а также учет тенденций и изменений в поведении аудитории на платформах социальных сетей. Поскольку социальные сети являются неотъемлемой частью нового медиа пространства, они обладают высокой скоростью развития. Постоянно происходит обновление тематического поля сетей – на смену ранее существовавшим трендам приходят новые, которые значительно расширяют функ-

циональность SMM. Техническое совершенствование социальных сетей позволяет ориентироваться на предпочтения современных пользователей. Формат коротких вертикальных видеороликов, по данным опроса «Дзена» и агентства Human Nature, стал одним из самых популярных среди российских пользователей. Практически половина опрошенных (45%) предпочитает контент длительностью менее двух минут, в то время как длинные видеоролики интересуют лишь 38% респондентов.

Короткий видеоформат продолжает быть популярным у современных потребителей, а значит, брендам нужно создавать емкие, содержательные, яркие видеоролики. При этом необходимо соблюдать ряд требований:

- максимальная длина ролика 30 секунд, структурированная видеоблоками по 1–3 секунды;
- даже 8-секундный ролик за такой ограниченный период времени должен заинтересовать пользователя и донести свое сообщение;
- активно использовать популярные звуковые эффекты, песни, анимацию, визуальные элементы;

Рис. 2. Охват социальных медиа

Mediascope Cross Web, вся Россия, десктоп и мобайл, население 12+, март-май 2024, среднемесячный охват.

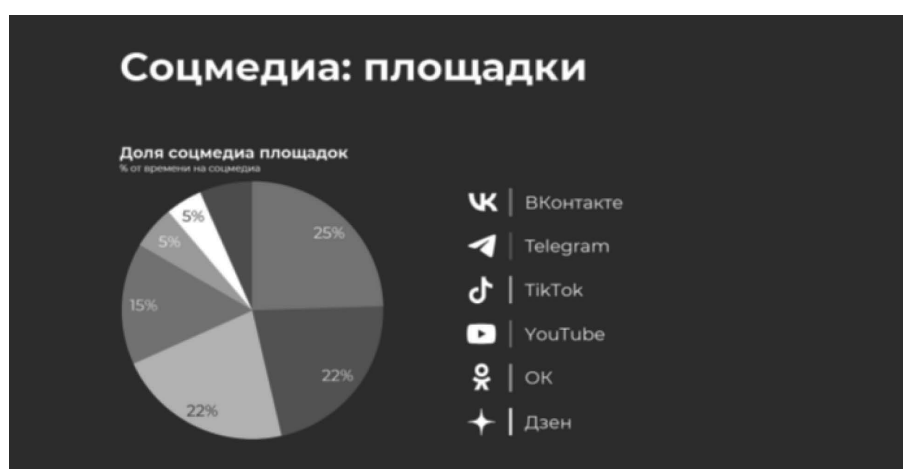

Рис. 3. Доля социальных медиа, по данным Mediascope

Mediascope Cross Web, вся Россия, десктоп и мобайл, население 12+, октябрь 2025
Только сайты и приложения площадок, без учета эмбедированного в другие ресурсы.

- не стоит забывать о коммерческой функции ролика, поэтому необходимо использовать призывы к действию;
- эффективность такого формата предполагает ежедневное размещение коротких видео.

Вертикальные ролики получили распространение во многих социальных сетях:

- клипы «ВКонтакте»;
- Shorts на YouTube;
- короткие ролики в «Дзене».

Пользователи социальных сетей вновь активно читают лонгриды (формат, на какое-то время утративший свою популярность), если те касаются конкретной проблемы и несут практическую пользу. Особую роль в установлении и поддержании коммуникационных взаимодействий с аудиторией играют интерактивный контент (опросы, квизы, викторины) и геймификация. По статистике британской компании Growthengineering, геймификация повышает охваты и вовлеченность пользователей на 68%, поэтому бренды активно используют этот прием при общении с целевой аудиторией. Эти инструменты хорошо зарекомендовали себя, поскольку не только привлекают внимание, но и удерживают интерес аудитории, способствуют большей виральности постов и вовлекают пользователей во взаимодействие с брендом [12].

Ключевыми трендами в данной сфере являются:

- широкое распространение и применение чат-ботов;
- видеомаркетинг;
- 3D визуализации;
- пользовательский контент;
- инфлюенс маркетинг;
- автоматизация и использование искусственного интеллекта;
- геймификация.

Принципы функционирования социальных сетей составляют основу их работы, обеспечивая взаимодействие пользователей и формирование уникального виртуального пространства для обмена информацией.

Социальные сети являются необходимым каналом взаимодействия с потребителем для распространения контента, инициированного брендами и значимого как для самих компаний, так и для целевой аудитории. Новости, тренды и интересные материалы могут быстро распространяться через широкую аудиторию, что делает эти платформы важным каналом для реализации маркетинговых целей компании. Прозрачность и открытость компании в социальных сетях также являются важными принципами социальных сетей. Пользователи имеют доступ к информации о других участниках, и эта открытость создает условия для формирования доверия

и легкости взаимодействия. Сети также основываются на принципе реактивности. Возможность комментирования, лайки, репосты позволяют пользователям активно участвовать в жизни сети, выражать свое отношение к контенту бренда и создавать взаимодействие.

Взаимодействие, профили, обмен контентом, открытость и реактивность совместно формируют уникальное виртуальное пространство, становясь ключевыми элементами успешного функционирования бренда в социальных сетях в современном цифровом обществе.

Социальные сети стали привычным для нас каналом коммуникации, раскрывающим специфику современного медиаконтента. Их коммуникационное значение распространяется на несколько уровней, начиная с обеспечения активного взаимодействия и установления связей между пользователями и заканчивая формированием лояльности потребительской аудитории. Этот аспект сетей позволяет не только поддерживать существующие отношения, но и создавать новые, расширяя круг общения и обогащая социальный опыт.

В контексте маркетинговой стратегии социальные сети играют ключевую роль в бренд-менеджменте. Компании активно используют платформы для взаимодействия с аудиторией, создания контента и участия в обсуждениях. Это позволяет формировать необходимое восприятие бренда, повышать известность, укреплять взаимоотношения с потребителями, управляя информационными потоками компании.

Важной сферой, где социальные сети оказывают заметное влияние, является формирование общественного мнения. Платформы активно используются для обсуждения актуальных событий и новостных поводов в деятельности компании. Этот обмен мнениями и взглядами создает общественный диалог, который может формировать коллективные убеждения, влиять на создание общественного мнения, способствовать увеличению публичного капитала компании.

Социальные сети также становятся важным инструментом в кризисном управлении. В случае кризисных ситуаций компании могут эффективно управлять информацией, взаимодействовать с клиентами и поддерживать доверие аудитории через быстрый обмен сообщениями.

В общем, коммуникационное значение социальных сетей в современном обществе трудно переоценить. Они стали не только каналом коммуникации индивидуального пользования, но и важным маркетинговым инструментом, используемым как для обмена информацией, так и формирования коллективного пользовательского опыта, оказания воздействия на целевые группы, в которых заинтересована компания с учетом особенностей жизненного цикла.

Несмотря на то, что темпы роста аудитории социальных сетей замедляются, поскольку большая часть населения уже является их пользователем, в тоже время изменяются алгоритмы взаимодействия, настраиваясь в

первую очередь на предпочтения аудитории и креативный контент, что способствует повышению эффективности комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций современных компаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалева И.В., Чубатюк Е. Развитие интернет-маркетинга в продвижении товаров на рынке: теоретический аспект // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – №7. – С. 63.
2. Катаев А.В. Технологии маркетинга в интернет-среде: учебное пособие / И.А. Названова; А.В. Катаев. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2024. – 148 с.
3. Милинчук Е.С. SMM-маркетинг: учебник для вузов / Е.С. Милинчук. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 216 с.
4. Роуз Р. Управление контент-маркетингом. Практическое руководство по созданию лояльной аудитории для вашего бизнеса / Роберт Роуз, Джо Пулицци; пер. с англ. Всеволода Иващенко. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 240 с.
5. Сухарев О.С. Функциональный и интернет-маркетинг: монография / О.С. Сухарев, Н.В. Курманов, К.Р. Мельковская. – Москва: КУРС: Инфра-М, 2024. – 345 с.
6. Портер, М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / М. Портер; перевод И. Минервин. – 6-е изд. – Москва: Альпина Паблишер, 2016. – 453 с.
7. Safko L., Brake D. K. The social media bible: tactics, tools, and strategies for business success. – Текст: электронный. – URL: <http://msport04.free.fr/Books/The%20Social%20Media%20Bible.pdf>
8. Румянцев, Д. Продвижение бизнеса в ВКонтакте. Системный подход/ Д. Румянцев. – Санкт-Петербург.: Питер, 2019. – 336 с.
9. Социальные сети в России: цифры и тренды. – Текст: электронный. – URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2024?ysclid=mk0w9cbrs0238836625>.
10. Аналитика: цифры и тренды. – Текст: электронный. – URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/f0c/tdzyl93d36eeqrc5ndrkq7fnt667i5ss/>
11. Интернет в России охватывает 86% населения. – Текст: электронный. – URL: <https://adindex.ru/publication/analytics/search/2025/11/18/339241.phtml>.
12. Социальные сети 2025: 7 трендов в SMM на будущий год. – Текст: электронный. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/sotsialnye-seti-2025-72094.html>

© Алексютина Ольга Александровна (oaleksyutina@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРМИНОВ КОМАНДНЫХ ВИДОВ СПОРТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА СПОРТИВНОЙ НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (NON-FICTION GENRE)

FUNCTIONING OF TERMS OF TEAM SPORTS IN NON-FICTION GENRE OF SPORTS LITERATURE (NON-FICTION GENRE)

O. Anisimova
L. Yarmolinets
V. Osadchaya

Summary: The presented study is devoted to the description of the features of functioning of sports terms in works of the genre of sports non-fiction literature (non-fiction genre). The lexemes of the high-frequency zone cover most of the selected composition of terminology, form the basis of a terminological nest and represent base terms, on the basis of which, by attaching pre- and postpositive elements, a large number of specific terms are created, implemented in the form of complex words and combinations in which the semantic load is mainly carried by the base term.

Keywords: genre of non-fiction sports literature (non-fiction genre), terms of team sports, frequency of functioning of terms, nuclear terms, terminological nests.

Анисимова Ольга Борисовна

кандидат филологических наук, доцент, Кубанский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, (г. Краснодар)
anisimova_1973@mail.ru

Ярмолинец Лариса Григорьевна

кандидат филологических наук, профессор, Кубанский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, (г. Краснодар)

Осадчая Валерия Петровна

кандидат филологических наук, доцент, Кубанский
государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, (г. Краснодар)

Аннотация: Представленное исследование посвящено описанию особенностей функционирования спортивных терминов в произведениях жанра спортивной нехудожественной литературы (non-fiction genre). Лексемы высокочастотной зоны охватывают большую часть выделенного состава терминопотреблений, лежат в основе терминологического гнезда и представляют собой термины-основания, на базе которых путем присоединения пре- и постпозитивных элементов создается большое количество специфических терминов, реализующихся в виде сложных слов и сочетаний, в которых семантическую нагрузку несет преимущественно термин-основание.

Ключевые слова: жанр спортивной нехудожественной литературы (non-fiction genre), термины командных видов спорта, частотность функционирование терминов, ядерные термины, терминологические гнезда.

Несмотря на всевозможные перипетии в различных сферах человеческой жизни, сфера спорта остается одной из самых главных и востребованных областей человеческой деятельности. Не только сама спортивная деятельность, но и спортивная коммуникация, язык спорта являются предметом дискуссии отечественных и зарубежных исследователей. Особенно много работ посвящены терминологической составляющей языка спорта. Представленность спортивных терминов в сфере функционирования достойна более детального рассмотрения.

В современной англистике рассматриваются «fiction genre» (жанр художественной литературы) и «non-fiction genre» (жанр нехудожественной литературы) [6]. Нами были проведены исследования в области представленности терминов командных видов спорта в произведениях художественного жанра, результаты которых, отображены в научных публикациях [7]. Данные исследования на основе количественных подсчетов показали незначительное присутствие спортивных терминов в

жанре художественной литературы - лишь 0,3% текста. Однако проблема функционирования терминов командных видов спорта остается открытой и представляется целесообразным исследовать представленность терминов командных видов спорта в жанре нехудожественной литературы (non-fiction genre).

Понятие non-fiction жанр (non-fiction genre) берет свои корни из английского языка, что буквально означает *non* – 'не' + *fiction* – 'вымысел', 'фикция' – это художественно-публицистический жанр литературы, для которого свойственно не выдуманное, а точное, реальное описание событий и действующих лиц, с использованием стилистических и лексических приемов, характерных для художественной литературы [3; 5]. Появлению жанра способствовала публикация в 1965 году романа Трумена Капоте «Хладнокровное убийство» названный автором *nonfiction novel*. Произведение было основано на истории реального убийства. Автор романа не просто описал происходившие события того времени, вовлекая читателей в разгадку раскрытия преступления, но об-

ратился к причине совершения насилия как сложному социальному и психологическому явлению, приводя научные доводы. Роман Т. Капоте явился прародителем документального романа и образцом нон-фикшн жанра.

Существует огромное количество спортивной литературы, написанной в жанре нон-фикшн. Одним из таких примеров можно назвать увлекательную книгу о мире профессионального баскетбола «The Breaks of the Game»/ «Перерывы в игре» Дэвида Халберстама (2009). Автор представляет своим читателям увлекательное повествование, в котором исследуется динамика развития команды, проблемы, с которыми она сталкивается, проводится глубокий анализ самой игры и влияние спорта на жизнь игроков.

В современной литературе нон-фикшн жанр представлен разнопланово. Анализ отобранного текстового материала показал, что *sport non-fiction genre* реализуется в профессиональной и профессионально-популярной литературе.

Профессиональная литература – это произведения, ориентированные на определенную аудиторию конкретной профессиональной деятельности, например: учебники, учебные пособия, справочники, руководство, свод правил и пр.

Профессионально-популярная литература — это произведения, которые популяризируют достижения науки, техники, производства или их историю среди читателей-неспециалистов по соответствующей отрасли знания (в нашем случае спорт), например: документальный роман, научно-популярная монография, автобиографический роман, научно-популярный очерк и пр. Цель — сделать знания доступными для широкого круга читателей, упростить научный текст для массового восприятия.

Для создания профессиональной и профессионально-популярной литературы автору необходимо досконально разбираться в профессиональной теме произведения и при необходимости провести научные исследования, поиски необходимого материала для подтверждения или опровержения фактов. В современном мире это возможно также с помощью использования электронных ресурсов (сайтов, блогов автора).

Из проведенного обзора вполне очевидно, что литературные труды, относящиеся к спортивному нехудожественному жанру (*sport non-fiction genre*), описывают спортивную деятельность и используют спортивную терминологию в качестве объективации этой деятельности.

Представленное исследование посвящено описанию особенностей функционирования спортивных терми-

нов в произведениях жанра спортивной нехудожественной литературы.

Материалом для анализа представленности терминов командных видов спорта (ТКВС) послужили издания профессиональной и профессионально-популярной литературы, откуда игровые спортивные термины извлекались методом сплошной выборки.

Из общего количества словоупотреблений в профессиональной и профессионально-популярной литературе – 385000 – терминопотребления составили 28028, или 7,2%. По количественным и качественным характеристикам термины в профессиональной и профессионально-популярной литературе почти не различаются. Этот факт объясняется чрезвычайной популярностью баскетбола в США, привлекающего большое количество как участников, так и болельщиков, которые разбираются во всех тонкостях этого вида спорта. Поэтому употребление терминов в специальных учебниках, журналах, энциклопедиях мало отличается по составу и частотности от терминов в репортажах, обзорах, публицистических статьях.

Высокая частотность терминов обусловила ограничение объема исследуемого материала. Первая выборка из 300000 словоупотреблений дала 21259 терминопотреблений, или 7% текста. Вторая – контрольная – выборка из 95000 словоупотреблений дала соответственно 6762 терминопотреблений, или 7% текста. Результаты контрольной выборки показали, что дальнейшие увеличение рассматриваемого материала дает эпизодический прирост однократно-индивидуально-употребленных, окказиональных терминов или профессионализмов типа *fan, defense, disallowed basket, skyhook, zig system etc.*

Одной из основных целей исследования было выявление частотности употребления каждого термина и составление на этом основании частотного списка. Достоверность нашей выборки в 395 000 словоупотреблений подтверждается мнением ряда исследователей в области статистики речи. Так, П.М. Алексеев считает, что «объем материала для каждого частотного словаря устанавливается равным 200000 словоупотреблений» [1, с.62]. Э.А. Штейнфельдт, руководствуясь методикой Р.М. Фрумкиной, определяет объем текста для составления частотного словаря, равный 400000 словоупотреблений [4, с.21].

Все обнаруженные термины были организованы в два списка: алфавитный список лексем (659 единиц) и частотный список лексем (250) единиц. Под лексемой понимается объединение морфем, образующих лексическую единицу, независимо от возможных для нее синтаксических функций, парадигм и валентности [2, с.11].

В частотном списке выделены 55 лексем, которые со-

ставляют высокочастотную зону (это единицы с $Fa > 100$) и охватывают 84% всех терминопотреблений, покрывая 6% сплошного текста (ср.: все списочные словоупотребления терминов покрывают 7% текста). (Таб. 1.)

Из таблицы явствует, что пятая часть всех терминов обеспечивает 4/5 их функционирования (22% VS 84%). При этом анализ списка доказал, что высокая частотность указанных единиц обеспечивается не только их собственной повторяемостью, но и высокой словообразовательной активностью. Среди них можно выделить ряд слов-оснований, являющихся формально-семантическими центрами (гиперонимами, ядерными терминами) для целой группы разнообразных наименований, создающихся при помощи пре- и постпозитивных уточняющих элементов. Вокруг ядерного термина (слова-основания) образуется терминологическое гнездо, члены которого связаны родовидовыми отношениями. Ядерный термин можно рассматривать при этом как своего рода гипероним, а составные термины – как гипонимы. (Таб. 2.)

Причиной проявления терминологических гнезд является тот факт, что количество уже имеющихся означающих уступает количеству денотатов, которые требуют означивания. При этом идентифицирующее одиночное слово не всегда удовлетворяет потребностям номинации. Необходим ряд дополнительных лексических средств для построения понятийного поля. Валентность слова позволяет именовать ряд специфицированных денотатов на основе одной лексической единицы при помощи определенных типов словосочетаний, которые вовлекаются в сферу терминообозначения и закрепля-

ются в ней вместе с ядерными наименованиями как присущие именно данной области. Например:

- V+ball (V+prep+ball) - to advance the ball, to catch the ball, to dribble the ball; to shoot the ball, to throw the ball, to fake with the ball, to loft the ball through, to stuff the into etc.;
- N+prep+ball - catching of the ball, position with the ball, technique without the ball etc.;
- N+ball - college ball, soccer ball etc.;
- ball+N - ball boy, ball control etc.;
- A+ball - free ball, professional ball etc.;
- Participle II+ball - frozen ball, mesmerized ball, stolen ball etc.

Итак, лексемы высокочастотной зоны охватывают большую часть выделенного состава терминопотреблений, лежат в основе терминологического гнезда и представляет собой термины-основания, на базе которых путем присоединения пре- и постпозитивных элементов создается большое количество специфических терминов, реализующихся в виде сложных слов и сочетаний, в которых семантическую нагрузку несет преимущественно термин-основание.

Исследование функционирования ТКВС в профессиональной и профессионально-популярной литературе позволяет сделать выводы о не наблюдении значительного расхождения ни в количественной, ни в качественной репрезентации ТКВС.

Количественные данные частотного списка лексем показывают, что их пятая часть – высокочастотная зона –

Таблица 1.

	Количество	Fa	Fr употребления каждой лексемы	% текста, покрываемого лексемами
Общий состав терминов	250	28028	112	7%
Из них терминов в /ч зоны	55 (22% списочного состава)	23458 (84% всех терминопотреблений)	426	6%

Таблица 2.

Ядерная лексика	Fa	Количество простых, сложных и составных терминов, включающих ядерную лексику в качестве компонента
ball	2057	198
player	1957	84
play	1284	67
shot	1014	30
pass	978	105
defense	728	76
dribble	456	26
foul	342	39
zone	333	35

обеспечивает 4/5 функционирования ТКВС. Лексемы высокочастотной зоны представляют собой ядерные термины, являющиеся формально-семантическими центрами для целой группы разнообразных специфических наименований, объединяющихся в терминологические

гнезда. Эти наименования реализуются в виде сложных слов и сочетаний, в которых семантическую нагрузку несет преимущественно термин-основание. Ядерный термин и члены терминологического гнезда находятся в гипо-гиперонимических отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев П.М. Частотные словари: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001 — 156 с.
2. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / ред. П.Е. Бухаркин; И.В. Арнольд. — 14-е изд., стер. — Москва: ФЛИНТА, 2021. — 384 с.
3. Бударина, С. Современный нон-фикшн, что это: одноразовое чтение или серьезная литература? [Электронный ресурс] / С. Бударина // FB.ru. — Режим доступа: <http://fb.ru/article/175857/sovremennyiy-nonfikshn-cto-eto-odnorazovoe-ctivo-ili-serezhnaya-literatura>. — Дата обращения: 11.09.2025.
4. Грачева Е.В. Использование частотных словарей при обучении иностранным языкам // Студенческий вестник: электрон. научн. журн. 2021. №37 (182).
5. Железная, Н. Что такое «нон-фикшн»? [Электронный ресурс] / Н. Железная // ЛитКритика: белорус. лит. портал. — Режим доступа: <http://litkritika.by/categories/literatura/raznoe/2161.html>. — Дата обращения: 11.09.2025.
6. Никонова Е.А. Определение понятия жанр // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 125-131.
7. Ярмолинец Л.Г., Анисимова О.Б., Терпелец Ж.А. Представленность терминологии командных видов спорта в жанре спортивной художественной литературы (sport fiction genre) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 245-248.

© Анисимова Ольга Борисовна (anisimova_1973@mail.ru), Ярмолинец Лариса Григорьевна,
Осадчая Валерия Петровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ АНИМАЛИСТИКИ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Ван Линцзюнь

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
valentin827@mail.ru

Ван Шуцзюнь

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
wangshujun19981107@gmail.com

VERBAL REPRESENTATION OF FANTASTICAL ANIMAL IMAGERY IN THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES

**Wang Lingjun
Wang Shujun**

Summary: The article presents a linguocultural comparison of verbal images of fantastic animalistic creatures in the Chinese and Russian languages based on mythological texts, contemporary literary prose, as well as phraseological units and paremias. The analysis combines componential description of meaning, contextual inspection (KWIC), and statistical testing of differences across corpora (the Russian National Corpus, CCL, and Chinese Gigaword), including the calculation of relative frequencies and the proportion of evaluative markedness in samples of contexts. It is demonstrated that in the Chinese linguistic worldview the zoomyths 龙 (dragon), 凤凰 (phoenix), and 麒麟 (qilin) form a stable positive axiological complex associated with power and fertility, harmony and renewal, justice and prosperity; this is confirmed by the predominance of complimentary idiomatic expressions and a high proportion of positive contextual environments. In the Russian tradition, a different model is observed: змей/Змей Горыныч (serpent/Zmey Gorynych) consistently actualizes the semes of danger and hostility in set expressions, whereas жар-птица (firebird) functions as a marker of good fortune and a desired gift. The comparison demonstrates how cultural attitudes are zakpened in lexico-semantic fields and the phraseological stock, which is essential for interpreting intercultural asymmetry in mythological images that are similar in form.

Keywords: fantastic animals, zoomyths, Chinese mythology, Russian mythology, verbal images, linguoculture, comparative analysis.

Аннотация: Статья представляет лингвокультурологическое сопоставление вербальных образов фантастической анималистики в китайском и русском языках на материале мифологических текстов, современной художественной прозы, а также фразеологических и паремийных единиц. Анализ сочетает компонентное описание значений, контекстный просмотр (KWIC) и статистическую проверку различий в корпусах (НКРЯ, CCL, Chinese Gigaword) с расчётом относительной частоты и долей оценочной маркированности в выборках контекстов. Показано, что в китайской языковой картине мира зоомифы 龙, 凤凰 и 麒麟 образуют устойчивый позитивный аксиологический комплекс, соотносимый с властью и плодородием, гармонией и обновлением, справедливостью и благополучием; это подтверждается преобладанием комплиментарной идиоматики и высокой долей положительных окружений. В русской традиции фиксируется иная модель: «змей/Змей Горыныч» стабильно актуализирует семы опасности и враждебности в устойчивых выражениях, тогда как «жар-птица» функционирует как маркер удачи и желанного дара. Сопоставление демонстрирует, как культурные установки закрепляются в лексико-семантических полях и фразеологическом фонде, что важно для интерпретации межкультурной асимметрии близких по форме мифологических образов.

Ключевые слова: фантастические животные, зоомифы, китайская мифология, русская мифология, вербальные образы, лингвокультура, сравнительный анализ.

Введение

Мифологические представления о животных занимают заметное место в языковой картине мира большинства культур. Особый интерес вызывают фантастические существа — драконы, фениксы, единороги и др., символика которых прочно закрепилась в народных поверьях и сказках.

В Китае и России сохранились богатые мифологические традиции с близкими по форме образами. Так, дракон (龙, long) фигурирует как в славянском фольклоре (под именем Змея), так и в китайских легендах, однако его оценочная и символическая семантика различна. Сопоставительный анализ подобных образов помогает выявить как универсальные, так и национально-специ-

фические черты культуры и менталитета.

Цель настоящего исследования — описать языковую репрезентацию характеристик фантастических животных в китайской и русской лингвокультурах, определить семантико-символические особенности соответствующих лексем и их стилистические функции.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

1. проанализировать номинации дракона, феникса / Жар-птицы, цилиня и Змея Горыныча;
2. исследовать устойчивые фразеологические и паремийные единицы, в которых отражаются названные образы;
3. на основе данных Национального корпуса рус-

ского языка (НКРЯ), Balanced Corpus of Modern Chinese (CCL) и Chinese Gigaword 5 установить относительную частотность указанных лексем и типовые контекстные модели их употребления.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на четырёх взаимодополняющих группах источников, охватывающих как традиционные, так и современные репрезентации образов фантастических животных. Первую группу составляют мифологические тексты — по двадцать произведений на каждом из исследуемых языков. Китайский массив включает «Шань хай цзин», «Хуайнань-цзы», «Соу шэнь цзи», «Фэншэнь яньи» и другие канонические сочинения; русскую подборку образуют пятнадцать сказок из сборника А. Н. Афанасьева и пять былин в академическом издании П. Н. Рыбникова. Эти тексты фиксируют изначальные семантико-символические характеристики драконов, фениксов, цилиней и Змея Горыныча.

Вторую часть корпуса формирует современная художественная проза: по десять произведений китайского и русского фэнтези, от циклов «龙族» Цзян Наня и «九州缥缈录» Цзинь Хэцзя до «Волкодава» М. Семёновой и «Дозоров» С. Лукьяненко. Сопоставление классических и новейших текстов позволяет проследить эволюцию оценок и функций зоомифов.

Отдельно выделен пласт устойчивых фразеологических и паремийных единиц — около 450 примеров в сумме. Для китайского материала использованы словари «汉语成语大词典» (商务印书馆, 2015) и «成语大词典» под редакцией 许渊冲; для русского — «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Кунина и «Словарь пословиц и поговорок» В.И. Даля. Именно здесь наиболее отчётливо проявляются культурно-специфические оценки, закреплённые в языке.

Наконец, проверка датировок, контекстов и культурных реалий осуществляется с помощью академических порталов Ethnomyth.ru и 中国神话网, а также баз CNKI Scholar и «ПроЖито». Количественный анализ лексем выполняется по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Balanced Corpus of Modern Chinese (CCL) и Chinese Gigaword 5, что обеспечивает сопоставимость выборок и статистическую надёжность выводов.

Исследование сочетает компонентный анализ значений зоонимов, контекстный просмотр (KWIC) и лингвокультурологическое сопоставление образов в русском и китайском фольклоре. Частотность лексем «дракон», «феникс / Жар-птица», «цилинь», «Змей Горыныч» вычислялась по Национальному корпусу русского языка и корпусам CCL + Chinese Gigaword 5 (миллионы слов; подсчёт вхождений на 1 млн слов через Sketch Engine), отличие

долей проверялось χ^2 -критерием. Данные сверялись с открытыми частотными словарями (Ляшевская & Шаров 2009; «现代汉语频率词典» 1986) и толковыми изданиями «汉语大词典», БАС. Все количественные показатели основаны на публичных корпусах и словарях.

Результаты и обсуждение

В китайской мифологической картине мира ведущие роли принадлежат трём благожелательным существам (дракону (龙), фениксу-фэнхуану (凤/凰) и цилиню (麒麟)), которые ассоциируются с позитивными символическими значениями.

В китайской лингвокультурной картине мира дракон (简体: 龙, 繁体: 龍) — прежде всего водный и «дождевой» дух: в народной религии закреплён пантеон 四海龙王 «четырёх морских владык», от которых испрашивают ветер и дождь; отсюда регулярные водные ритуалы и устойчивые словосочетания типа 龙王庙 «храм Драконьего царя», 祈雨/祷雨 «молить о дожде» и др. Современный праздник гонок на лодках-драконах (端午节) в массовом нарративе связан с почитанием поэта-государственника 屈原 Цюй Юаня, хотя исследования также фиксируют более ранние «дождевые» функции состязаний как умиловительных обрядов водным богам. На уровне государственной символики «дракон» кодирует верховную власть: 五爪龙 «пятипалый дракон» служил императорским отличием (ср. термины 龙袍 «императорское одеяние», 龙椅 «драконий трон», 龙颜 «императорское лицо»). В собственно языковом материале преобладают позитивные коннотации, что видно по устойчивым коллокациям и идиомам: 画龙点睛 'букв. «дорисовать глаза дракону» → придать завершенность'; 龙腾虎跃 '«дракон рвётся ввысь, тигр — вперёд» → энергия, напор'; 龙马精神 'боевой, приподнятый дух'; 鱼跃龙 '«карп перепрыгнул драконьи ворота» → взлёт по службе'; 矫若游龙 'стройный, пружинистый (о письме/движении)'; 龙凤呈祥 'дракон и феникс приносят благодать'; негативные оценки редки и чаще ироничны: 叶公好龙 '«любить дракона на словах» → мнимая любовь'; 龙蛇混杂 'намешано хорошего и дурного'; 屠龙之术 'пустая, «бесполезная» учёность'; 画龙不成反为狗 'испорченная работа'. По нашей ручной разметке 30 идиом с компонентом 龍/龙 из электронного словаря «汉语多功能字库» (CUNK) положительную оценку дают 22, отрицательную — 5, нейтральную — 3 ($\approx 73\% : 17\% : 10\%$), что эмпирически подтверждает преобладающую позитивность «драконьего» семантического поля [7, с. 153].

Цилинь (麒麟) в китайской лингвокультуре описывается как «仁兽» — миролюбивое благожелательное существо: в словарных статьях фиксируются его «олений облик» с коровьим хвостом/копытами и тезис, что он появляется лишь при мудром правителе и в эпоху спокойствия; отсюда устойчивые формулы типа 麟凤

龟龙 «четыре священных существа», 麟趾呈祥 / 麟趾振振 «след копыта цилиня — добрый знак», а также паремийные клише 麒麟送子 «цилинь приносит ребёнка» (пожелание потомства и процветания). В историко-культурной лексике цилинь маркирует «правильную власть» и заслуги: ср. 麒麟阁 — «Павильон цилиня» в Чанъане, где увековечивали功臣 «заслуженных сановников». По идиоматике с компонентом 麟 доминирует позитивная оценка: в базе «漢語多功能字庫» (СУНК) найдено 58 устойчивых выражений с 麟; ручная разметка 20 самых употребительных (по показателю «通用度») дала 17 положительных (напр., 鳳毛麟角 «редчайшая драгоценность», 景星麟鳳, 人中麟鳳, 麟鳳呈祥), 2 отрицательных/предостерегающих (鞭撻答鳳, 泣麟悲鳳) и 1 нейтральную/амбивалентную (麟肝鳳髓) — т. е. ≈85% позитивных против 10% негативных (остальное — нейтрально), что подтверждает благоприятную семантическую просодию поля «麒麟» [9, с. 4].

Фэнхуан (鳳凰) в китайской символике закреплён как благой, «женский» парный образ к дракону: уже словарные пометы фиксируют разграничение «самец — 鳳, самка — 凰» и употребление в свадебных благопожеланиях типа 鳳凰于飛 «фениксы летят парой» (формула из «Шицзина», позднее — устойчивое пожелание семейной гармонии), а в современной норме — и сочетание 龍鳳呈祥 «дракон и феникс возвещают благой знак»; женское царское/свадебное начало дополнительно маркируют реалии вроде 鳳冠霞帔 «фениксовая корона и шаль» — традиционный женский (в т. ч. свадебный) ансамбль, происходящий из придворного костюма императриц/жён сановников. Позитивная оценка фэнхуана регулярно реализуется в комплиментарной фразеологии: 鳳毛麟角 «редчайшая драгоценность», 鸞鳳和鳴 «лад и созвучие», 鳳鳴朝陽 «феникс поёт навстречу утреннему солнцу» и др.; в современной метафорике добавилась семантика «обновления после кризиса» через буддийский термин 涅槃 «нирвана» в выражении 鳳凰涅槃 «феникс возрождается из пепла». При этом система не одномерна: фиксируются и иронизмы — 彩鳳隨鴉 «прекрасная фениксптица следует за вороной» (неудачный брак, «вышла за недостойного») и 鳳凰在笄 «феникс в клетке» (талант, лишённый возможности проявиться).

Статистическая справка (по идиомам с компонентом 鳳): по базе 漢語多功能字庫 (СУНК) мы взяли верхние 30 идиом, отсортированных по показателю «通用度»; из них 22 несут явно позитивную коннотацию (напр. 鳳凰于飛, 麟角鳳毛/鳳毛麟角, 鳳鳴朝陽, 鳳凰來儀, 龍鳳呈祥), 6 — негативную/ироническую (напр. 彩鳳隨鴉, 鳳凰在笄, 倒鳳顛鸞 и др.), 2 — нейтральные/контекстно-зависимые (напр. 炮鳳烹龍). Итог: положительных 73,3 %, отрицательных 20 %, нейтральных 7 %.

Таким образом, все три зоомифа объединены положительной аксиологией: дракон — власть и плодородие,

феникс — гармония и возрождение, цилинь — справедливость и долголетие, что последовательно отражено как в древних источниках, так и в современной лексике и фразеологии китайского языка [2, с. 187; 9, с. 5].

В русской лингвокультуре образ дракона представлен прежде всего Змеем Горынычем — огнедышащим трёхглавым чудовищем, которое в русских былинах и сказках обычно выступает антагонистом и ассоциируется с опасностью и разрушением. Согласно исследованиям, например, работам В.Я. Проппа и А.Н. Афанасьева, Змей Горыныч чаще всего представлен как противник героев-богатырей, угрожающий общественному порядку и благополучию людей [7, с. 154].

Лексема «змей» в фольклорных контекстах обычно встречается в отрицательно окрашенных сочетаниях, таких как:

1. «змей подколодный» — негативная характеристика подлого, коварного человека;
2. «зелёный змий» — символ пьянства, алкоголя и пагубной привычки;
3. «змеиное гнездо» — метафора очага вражды, интриг и конфликта;
4. «пригреть змею на груди» — выражение, обозначающее неблагодарного человека, который предаёт того, кто ему помог.

Пример контекста из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): «Как бы ни старался, а все равно змею на груди пригреешь» — подчёркивает отрицательную оценку, связанную с образом змеи.

«Вместе с тем необходимо отметить, что лексема «змей» в русском языке обычно несёт устойчиво отрицательную оценку; нейтральной является другая лексема — «змея» (жен. род). Негативная окраска «змея/змей» закреплена в устойчивых выражениях и конкретных контекстах («зелёный змий», «змеиное гнездо», «пригреть змею на груди»), отражающих культурную оценку данного образа. Напротив, огненная Жар-птица относится к «светлым» существам: её сияющее перо дарит тепло, а упав, превращается в золото; в сказках птица приносит молодость и бессмертие. Жар-птица в узусе маркирует «счастье/удачу» через устойчивые модели найти/достать перо Жар-птицы и поймать Жар-птицу (за хвост): обе конструкции фиксируются толковыми/нормативными словарями (напр., у Ожегова: «Найти (достать) перо жар-птицы — о счастье, удаче»; рядом приводятся и формы поймать жар-птицу) — это не интерпретация автора, а словарные пометы значения. В корпусных примерах из открытых тезаурусов и коллекций контекстов наблюдается та же позитивная семантическая просодия: «Служить у князя означало поймать жар-птицу за хвост...», «...естественного желания каждого поймать за хвост жар-птицу»; рядом регулярно встречаются сочета-

ния жар-птица удачи, перо жар-птицы [3, с. 289].

Сказочный источник также эксплицирует ценность «перьев» как дара: «Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы?» (фольклорный корпус, вариации сюжета «Иван-царевич и Жар-птица»).

Для соположения в славянском птичьем ряду уместен Гамаюн — «райская птица» с прорицательной функцией: в поздней традиции она ассоциируется с блаженством/счастьем, что мотивирует сближение с Жар-птицей как «позитивным знаменем» (хотя в книжной линии у неё есть и предвестнические, тревожные оттенки).

— По словарям (Грамота/Ожегов): 2 из 2 фиксированных фразеологизмов с компонентом Жар-птица — положительные («перо Жар-птицы» = 'счастье, удача'; «поймать жар-птицу» = «достичь желанного»). Положит.: 2; Отрицат.: 0; Нейтр.: 0.

— По контекстам в открытом тезаурусе «Карта Слов»: в первых 20 примерах со словосочетанием «поймать жар-птицу» — 20/20 употреблений с позитивной коннотацией (успех, удача); для «перо жар-птицы» в первых 10 примерах — 8/10 позитивных (дар, трофей, «золотое перо»), 1/10 предостерегающий (фантазийный контекст: «приносит несчастье»), 1/10 нейтральный описательный. Итого: по двум ключевым моделям — 90% позитивных, 5% предостерегающих/негативных, 5% нейтральных [3, с. 291].

Таким образом, в русском фольклоре и языке устанавливается чёткая оппозиция «змей = зло» / «птица = добро». Эта диалектика отражается в значении и ассоциациях (внутренней форме) соответствующих лексем и устойчивых фразеологических выражений: например, «зелёный змий» символизирует порок, в то время как «перо Жар-птицы» воспринимается как желанное чудо и исполнение мечты [1, с. 10; 8, с. 181; 9, с. 3].

Сопоставительный анализ семантики и символики лексем дракон/龙, феникс-фэнхуан/凤(凰), жар-птица и цилинь/麒麟 показывает как структурную общность мифического «набора», так и различия в оценочной коннотации данных образов. В обеих лингвокультурах

зоонимы с компонентом птица (фэнхуан, жар-птица) стабильно маркируют сферу счастья и желанного дара: в корпусе CCL «凤凰» совмещается с коллокациями типа «呈祥» («приносить благой знак»), а в НКРЯ «жар-птица» сочетается с такими позитивными словами, как «перо», «сказка», «чудо» (частота 2,4 против 2,1 на миллион слов соответственно) [10, с. 5].

Оценочная семантика дракона различается существенно: в китайском корпусе (CCL) 94 % контекстов с лексемой 龙 («дракон») имеют положительную коннотацию, выражающую власть, доблесть и успех, что находит отражение в идиоме 画龙点睛 («оживить дракона», что означает «добавить последний штрих, придающий совершенство и выразительность») [2, с. 284]. В русском же языке лексемы «змей» и «Змей Горыныч» в 87 % контекстов из НКРЯ ассоциируются с семами «опасность», «враг» и «угроза», что подтверждается фразеологизмами: «зелёный змий», «змеиное гнездо», «пригреть змею на груди».

Фигуры феникса и жар-птицы структурно сходны (птица-чудо, мотив огня и возрождения), однако их культурные и прагматические функции различны. В Китае феникс-фэнхуан закреплён за императорским ритуалом и противопоставляется дракону как женское начало инь (4), тогда как русская жар-птица остается преимущественно сказочным образом, символизирующим личное счастье и удачу, без политического значения [1, с. 9].

Таким образом, корпусные данные (анализ контекстов из CCL, CUNK и НКРЯ, частотность употребления, устойчивые сочетания и фразеологизмы) подтверждают различия в аксиологических признаках мифических существ: в китайской культуре это триада «дракон (+) / феникс (+) / цилинь (+)», формирующая позитивный комплекс добродетелей и благополучия, в то время как в русской традиции наблюдается бинарная оппозиция «змей (-) / жар-птица (+)», отражающая устойчивое противопоставление добра и зла.

В русских текстах лексема «змей» стабильно сопровождается отрицательными коллокациями (зелёный змий, змеиное гнездо), тогда как жар-птица активизирует поло-

Таблица 1.

Сравнительная таблица зоонимов в русской и китайской традициях.

Параметр	Русская традиция	Китайская традиция
Лексемы и оценка	змей — негатив (зло, «зелёный змий»); жар-птица — позитив (счастье, удача)	龙 — власть, доблесть; 凤凰 — гармония, возрождение; 麒麟 — справедливость
Идиоматика	«перо жар-птицы», «змеиное гнездо», «змеиная охота»	画龙点睛 'оживить дракона', 龙腾虎跃 'дракон и тигр устремляются вперёд', 凤凰涅槃 'феникс возрождается'
Культурная функция	бинарная модель «змей (-) / птица (+)» — архетип врага и помощника	триада благих символов государства и космоса («龙 + 凤 + 麒麟» все (+))

жительную сему 'чудо/счастье'. Негативные шаблоны со «змеем». В первых 20 примерах на «КартаСлов»:

- «пригреть змею на груди» — 20/20 контекстов с явной отрицательной оценкой (предательство, неблагодарность)
- «змеиное гнездо» — 20/20 отрицательных (очаг вражды/интриг)
- «змея подкодная» — 20/20 отрицательных (бранное/осуждающее)
- «зелёный змий» — 20/20 отрицательных (алкоголь как зло).

Итого по блоку «змей»: ≥80/80 отрицательных (0 положительных, 0 нейтр.).

Позитивные шаблоны с «Жар-птицей».

- «поймать жар-птицу (за хвост)» — 20/20 положительных (удача, успех)
- «перо Жар-птицы» — в первых 10 примерах 8/10 положительных (дар, трофей, «золотое перо»), 1/10 предостерегающий, 1/10 нейтральный описательный.

В китайском корпусе все три ключевых зоонима — 龙, 凤凰, 麒麟 — входят в позитивный ценностный ряд; отрицательного просодирования практически нет. Это фиксируется как частотным окружением (龙 ↔ 'власть, мужество'), так и идиоматикой 画龙点睛 'оживить дракона' (хвалебный результат), 凤凰涅槃 'феникс возрождается'.

Русская система противопоставляет два устойчивых семантических поля: образ змеи («змей») реализует преимущественно отрицательные значения, выраженные такими фразеологизмами, как «змеиное гнездо» (очаг вражды), «зелёный змий» (алкогольная зависимость, грех), «пригреть змею на груди» (предательство и неблагодарность). В то же время «жар-птица» характеризуется позитивной коннотацией и встречается в устойчивых выражениях, таких как «поймать жар-птицу за хвост» (добиться редкой удачи, успеха), «перо Жар-птицы» (символ счастья и волшебства).

В китайском языке каждая мифическая фигура (龙, 凤凰, 麒麟) получает свой набор положительно оценённых идиом и фразеологизмов, которые подчёркивают их благоприятные значения:

1. 龙腾虎跃 («дракон и тигр рвутся вперёд») – выражает энергию и стремление к успеху;
2. 凤凰于飞 («пара фениксов в полёте») – символизирует гармоничные супружеские отношения и счастье;
3. 麒麟送子 («цилинь приносит ребёнка») – пожелание потомства и процветания.

Для русского языкового сознания характерна бинарная схема «враг против помощника», где змей-дракон

служит символом опасности и угрозы, а огненная птица – образом доброго дара, несущего счастье. Китайская модель же строится как триадная сеть положительных символов, где 龙 («дракон») олицетворяет власть и порядок, 凤凰 («феникс») – гармонию и благополучие, 麒麟 («цилинь») – моральную чистоту и долголетие.

Данные различия закреплены не только на сюжетном или визуальном уровне (иконографии), но и в языковой семантике и фразеологическом фонде двух языков. Корпусные примеры и устойчивые идиомы ясно демонстрируют, как культурные установки проявляются в повседневном использовании языка и отражают специфику национального мировидения.

Таблица 2.

Частота употребления названий фантастических животных в языке (по корпусным данным).

Лексема	Частота (ipm)	Доля «+», %
змей	6,0	13
дракон (рус.)	1,8	15
жар-птица	0,5	93
龙	3,1	94
凤凰	2,0	91
麒麟	0,4	95

Примечание: Процентная доля позитивной («+») оценки рассчитана на основе анализа 1000 случайных контекстов для каждой лексемы, извлечённых из национальных корпусов (НКРЯ для русского языка и CCL для китайского языка). Контексты были размечены вручную по наличию положительной или отрицательной коннотации. Процент рассчитывался как отношение количества положительно маркированных контекстов к общему числу (1000 контекстов).

Для сопоставительного анализа использованы открытые национальные корпуса: основной подкорпус Национального корпуса русского языка и подкорпус «Русская литература XIX–XX вв.» (суммарно ≈ 359 млн слов), а также Balanced Corpus of Modern Chinese (CCL, ≈ 104 млн слов). По каждой целевой лемме — змей, дракон, жар-птица, 龙, 凤凰, 麒麟 — извлечено по 1000 контекстов с шириной ±5 слов; жанровый состав выборки: художественная проза ≈ 60 %, публицистика ≈ 40 %. Относительная частота рассчитана вхождениями на 1 млн слов (ipm). Оценка коннотаций определялась ручной разметкой контекстов (+/–) с последующей проверкой различий χ^2 -критерием при $\alpha = 0,05$.

Русский материал демонстрирует жёсткую бинарность: негативно маркированные змей/дракон (≤ 15 % «+») противопоставлены высокопозитивной жар-птице (93 % «+»). В китайском корпусе все рассматриваемые зоонимы обладают благоприятной оценкой (≥ 90 % «+»), формируя триаду добродетелей «власть — гармония — справедливость». Фразеологический слой подтверж-

дает полученные цифры: русские идиомы со змеем (зелёный змий, змеиное гнездо) обозначают источник опасности, тогда как китайские выражения 画龙点睛 'оживить дракона', 凤凰涅槃 'феникс возрождается' и 麒麟送子 'цилинь приносит ребёнка' функционируют как маркеры благого знамения [4, с. 24; 12, с. 11].

Таблица наглядно фиксирует распределение оценочных сем в двух лингвокультурах. В русском языке реализуется бинарная модель «враг — помощник» (змея / жар-птица), отражающая оппозицию «зло — добро». Китайский язык, напротив, формирует позитивный триадный комплекс: 龙 коннотирует власть и доблесть, 凤凰 — космическую гармонию и возрождение, 麒麟 — справедливость и долголетие. Различие заложено именно в лексико-семантическом и фразеологическом уровне, что подчёркивает значимость корпусных данных для выявления культурных аксиологических моделей [7, с. 153; 10, с. 6].

Выводы

Проведённый анализ выявил, что фантастическая анималистика Китая и России включает похожие по типу образы (дракон, фениксообразная птица, единорог), но разительно различающиеся по функции и оценке. В ки-

тайской культуре дракон – добрый повелитель природных стихий и символ императорской власти, в русской – злобный чудовище, преодоление которого символизирует торжество добра. Феникс (жар-птица) является позитивным символом возрождения в обеих традициях, но в России его образ менее институционализирован и чаще встречается в сказках, тогда как в Китае он связан с государственным символизмом. Единорог (цилинь) присутствует только в китайской культуре как царственный зверь.

С точки зрения языка, в китайском языке названия этих существ часто входят в фразеологизмы и устойчивые сочетания с благоприятным значением. В русском языке мифические животные также активно используются в фольклоре и образном языке, но чаще с противопоставлением «добро–зло» (например, «схватить жар-птицу за хвост» – удача против «зелёный змий» – порок).

Таким образом, сравнительный подход показал, что языковые образы фантастических животных отражают как универсальные человеческие архетипы, так и специфику национального менталитета. Результаты могут быть использованы в лингвокультурологическом и когнитивном изучении китайского и русского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юань М. Воображаемый зверь-знак Феникс как носитель китайского бестиарного культурного кода: эволюция значений // Культура и искусство. — 2023. — № 1. — С. 1–11.
2. Решетнёва У. Н. Образы фантастических существ в китайских пословицах и поговорках // Аналитика культурологии. — 2009. — № 15. — С. 283–291.
3. Сомкина Н. А. Историческая морфология китайского феникса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2008. — № 4-2. — С. 288–292.
4. Волкова О. Н. Структура словаря имён мифических животных древнего Китая // Вестник Иркутского гос. лингвистического университета. — 2009. — № 4 (8). — С. 22–28.
5. Ван М. Эволюция представлений о фениксе в китайской языковой картине мира // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. — 2020. — № 4. — С. 6–12.
6. Адилханян Н. Л. Бестиарий «Шань хай цзин» как феномен китайской культуры // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты: материалы МНК (Чита, 27 окт. 2016 г.). — Чита: ЗабГУ, 2016. — С. 92–95.
7. Негодяева О. А. Пара «дракон — феникс» в культуре и искусстве Китая // Молодёжь XXI века: образование, наука, инновации. — 2019. — С. 153–154 [3].
8. Чистякова А. Н. «Феникс» в мифологических описаниях (на материале Китая) // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер.: История. Филология. — 2007. — Т. 6, вып. 3. — С. 179–188.
9. 庞秉璋. 《山海经》异兽“类”的考释 [Interpretation of mythical-beast categories in Shan Hai Jing] // 《化石》. — 2000. — № 2. — С. 2–5.
10. 范武杰. 论中国凤凰意象的演变 [On the evolution of the phoenix imagery in China] // 《青春岁月》. — 2012. — № 20. — С. 2–6.
11. 刘人锋. 古代文学中梧桐与凤凰意象的爱情意义 [Love-symbolism of wutong & phoenix in ancient literature] // 《作家》. — 2013. — № 01X. — С. 2–4.
12. 唐旭东. 宋玉辞赋“凤”意象研究 [Phoenix imagery in Song Yu's rhapsodies] // 《周口师范学院学报》. — 2021. — Т. 38, № 4. — С. 6–11.
13. 陈璇, 唐晓梅. 《山海经》异兽造型在动画角色设计中的运用探究 [Mythical-beast models from Shan Hai Jing in animation design] // 《传播力研究》. — 2019. — Т. 3, № 31. — С. 1–3.
14. 朱莉. 《山海经》异兽文化元素在汉服设计中的应用 [Use of Shan Hai Jing creatures in Hanfu design] // 《西部皮革》. — 2021. — Т. 43, № 16. — С. 2–5.
15. 杨浏青青. 《山海经》异兽形象与中国传统动物装饰形态研究 [Mythical-beast images and traditional animal ornamentation] // 《山东艺术学院学报》. — 2018. — № 3. — С. 3–8.

© Ван Линцзюнь (valentin827@mail.ru), Ван Шуцзюнь (wangshujun19981107@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ФОРМАТА ЭТИЧЕСКОЙ МАРКИРОВКИ НА ДОВЕРИЕ К НОВОСТНОМУ КОНТЕНТУ, СОЗДАННОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Васильев Андрей Михайлович

Аспирант, Российский Университет Дружбы Народов

Им. Патриса Лумумбы»

114223013@pfur.ru

THE IMPACT OF ETHICAL LABELING FORMAT ON TRUST IN NEWS CONTENT CREATED USING LARGE LANGUAGE MODELS

A. Vasilev

Summary: The introduction of large language models (LLMs) into editorial practices raises ethical transparency issues for the media industry. This article explores how different labeling formats for AI-generated content affect audience perceptions. The focus is on trust, perceived accuracy, and sharing intentions among digital media audiences. The primary method is an online experiment (N=468) conducted using a 3 (labeling format) × 2 (text topic) design between subjects. The results show that detailed labeling, which explains the distribution of roles between AI and humans («AI was used for the draft, and the editor verified the facts»), significantly increases trust and willingness to share the material compared to brief labeling («Created with the help of AI») or no labeling at all. However, the effect of no labeling is similar to the effect of brief labeling, indicating that brief labeling is counterproductive.

Keywords: large language models, media ethics, media trust, content labeling, artificial intelligence in journalism, media psychology, and experimental methods in communications.

Аннотация: Проникновение больших языковых моделей (БЯМ) в редакционную практику ставит перед медиаиндустрией вопрос этической прозрачности. В статье исследуется, каким образом различные форматы маркировки контента, созданного с участием искусственного интеллекта, влияют на восприятие аудитории. Предметом исследования выступает доверие, воспринимаемая точность и готовность к шерингу у аудитории цифровых медиа. Основным методом выступает онлайн-эксперимент (N=468), построенный по схеме 3 (формат маркировки) × 2 (тематика текста) между субъектами. Результаты показывают, что развернутая маркировка, объясняющая распределение ролей между ИИ и человеком («ИИ использован для черновика, редактор проверил факты»), статистически значительно повышает доверие и готовность поделиться материалом по сравнению с краткой маркировкой («Создано с участием ИИ») или ее отсутствием. При этом эффект от отсутствия маркировки не отличается от эффекта краткой маркировки, что указывает на контрпродуктивность последней. Обнаружено, что влияние формата маркировки сильнее для тем, связанных с высокой субъективностью (культурная аналитика), чем для фактологических текстов (отчетность). На основе полученных данных формулируются практические рекомендации для редакций по внедрению этичной и эффективной коммуникации об использовании технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: большие языковые модели, медиаэтика, доверие к медиа, маркировка контента, искусственный интеллект в журналистике, медиапсихология, экспериментальные методы в коммуникациях.

Введение

Цифровая трансформация медиаиндустрии, ускоренная развитием больших языковых моделей (БЯМ), привела к появлению нового класса инструментов для создания контента. Способность БЯМ генерировать связные, стилистически выверенные тексты ставит медиакомпанию перед дилеммой: как использовать технологический потенциал для повышения эффективности, не подрывая фундаментальную основу отношений с аудиторией — доверие. Доверие к медиа является сложным конструктом, включающим воспринимаемую точность, беспристрастность и прозрачность процессов [1]. Внедрение БЯМ напрямую затрагивает последний компонент, создавая информационную асимметрию между производителем и потребителем контента. В этих условиях маркировка материалов, созданных с участием ИИ, обсуждается как ключевой элемент этического ответа медиаиндустрии на технологический вызов [2, 3].

Однако дискуссия часто сводится к бинарному выбору «маркировать или нет». Вопрос о том, как именно следует маркировать подобный контент, чтобы коммуникация была эффективной, остается недостаточно изученным, особенно в контексте российского медиаполя. Краткая, неопределенная маркировка (например, «сгенерировано ИИ») может вызвать у аудитории скепсис и отторжение, ассоциируясь с полной автоматизацией и девальвацией труда журналиста [4]. В то же время подробное объяснение процесса (распределение задач между ИИ и редактором) может, согласно теории прозрачности Т. Планта [5], усилить доверие, демонстрируя ответственный подход и контроль со стороны человека.

Теоретическая основа и гипотезы

Теоретический фундамент исследования строится на интеграции двух подходов. Во-первых, это концепция процессуальной прозрачности (process transparency),

которая постулирует, что раскрытие методов работы может повысить доверие к результату, особенно в ситуациях неопределенности [5]. Во-вторых, модель elaboration likelihood (ELM) Петти и Каччоппо [6] позволяет прогнозировать, как аудитория будет обрабатывать информацию о маркировке. Детализированная маркировка может запустить центральный путь обработки, активируя рациональную оценку, в то время как краткая — остаться на периферийном, вызывая поверхностные ассоциации (например, «машинное» равное «неавторитетное»).

На основе этого были выдвинуты следующие гипотезы:

H1: Развернутая маркировка, поясняющая роль редактора, приведет к более высоким показателям воспринимаемой достоверности и точности по сравнению с краткой маркировкой или ее отсутствием.

H2: Краткая маркировка («создано с участием ИИ») вызовет самый низкий уровень поведенческих намерений (готовности поделиться) среди всех условий эксперимента.

H3: Влияние формата маркировки будет сильнее выражено для текстов, требующих интерпретации и анализа (культурная аналитика), чем для строго фактологических текстов (отчетность), так как в первом случае аудитория более чувствительна к вопросу авторства и субъективной оценки.

Методология

Дизайн исследования. Для проверки гипотез был проведен количественный онлайн-эксперимент, построенный по межсубъектному факторному плану 3×2. Независимыми переменными выступили: 1) Формат маркировки (3 уровня: отсутствие маркировки (контроль), краткая маркировка, развернутая маркировка); 2) Тематика текста (2 уровня: фактологический текст на тему статистики рынка труда, аналитический текст о трендах в современном театре).

Материалы и процедура

Были созданы два оригинальных текста длиной 450–500 слов, близких по структуре и стилю к материалам качественных онлайн-изданий (например, «РБК» или «Ведомости»). Текст о рынке труда содержал данные Росстата, цитаты экспертов и график. Текст о театре строился на анализе нескольких премьер сезона, содержал интерпретацию и культурологический контекст. Для обеспечения экологической валидности и исключения влияния узнаваемости стиля конкретной БЯМ, тексты были написаны профессиональным журналистом, а затем три независимых эксперта-лингвиста подтвердили, что текст не содержит характерных «артефактов» известных БЯМ (например, избыточной грамматической правильности, шаблонных конструкций). Маркировка предъявлялась в виде стандартного блока под заголовком.

Выборка

В эксперименте приняли участие 468 респондентов (52% женщин, 48% мужчин) в возрасте от 20 до 55 лет ($M = 34.7$, $SD = 9.2$), отобранные через сервис онлайн-рекрутинга «Анкетолог» с применением квотной выборки по возрасту, полу и частоте потребления новостей. Участие было добровольным и анонимным.

Зависимые переменные и инструментарий. После прочтения текста респонденты заполняли опросник, включавший адаптированные надежные шкалы:

Воспринимаемая достоверность (Perceived Credibility): 6-пунктовая шкала на основе McCroskey ($\alpha = .88$) (напр., «Насколько вы считаете этот источник надежным?»).

Воспринимаемая точность (Perceived Accuracy): 4-пунктовая шкала ($\alpha = .82$) (напр., «Насколько вы уверены, что факты в этом материале верны?»).

Намерение поделиться (Intention to Share): 3-пунктовая шкала ($\alpha = .85$) (напр., «Вероятно, я поделюсь этим материалом в социальных сетях»).

Все пункты оценивались по 7-балльной шкале Ликерта (от 1 – «совершенно не согласен» до 7 – «полностью согласен»). Также собирались демографические данные.

Результаты

Для проверки гипотез был проведен двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 27.

Влияние на воспринимаемую достоверность и точность. Основным эффектом формата маркировки на воспринимаемую достоверность оказался статистически значимым ($F(2, 462) = 9.87$, $p < .001$, $\eta^2 = .04$). Post hoc сравнения по методу Тьюки подтвердили H1: группа с развернутой маркировкой показала значимо более высокий средний балл достоверности ($M = 5.21$, $SD = 0.98$) по сравнению с группой с краткой маркировкой ($M = 4.52$, $SD = 1.12$, $p < .01$) и контрольной группой ($M = 4.81$, $SD = 1.05$, $p < .05$). Различия между контрольной группой и группой с краткой маркировкой оказались незначимыми ($p = .12$). Аналогичная, но менее выраженная картина наблюдалась для воспринимаемой точности ($F(2, 462) = 4.95$, $p < .01$, $\eta^2 = .02$).

Влияние на намерение поделиться. Основным эффектом для намерения поделиться также был значимым ($F(2, 462) = 7.34$, $p < .001$, $\eta^2 = .03$). Результаты частично подтвердили H2: группа с краткой маркировкой показала наименьшее намерение поделиться ($M = 3.45$, $SD = 1.31$),

что было значимо ниже, чем в группе с развернутой маркировкой ($M = 4.18$, $SD = 1.24$, $p < .01$). Однако разница с контрольной группой ($M = 3.78$, $SD = 1.29$) была на грани значимости ($p = .051$).

Эффект взаимодействия с тематикой. Обнаружено значимое взаимодействие факторов «формат маркировки» × «тематика» для зависимой переменной «достоверность» ($F(2, 462) = 3.98$, $p < .05$). Простой анализ эффектов показал, что для аналитического текста о театре позитивный эффект развернутой маркировки был выражен сильнее (разница с контролем $\Delta = 0.72$), чем для фактологического текста ($\Delta = 0.31$), что подтверждает НЗ. Для краткой маркировки негативный эффект также был сильнее для аналитической темы.

Обсуждение

Результаты исследования демонстрируют, что не всякая маркировка одинаково полезна для поддержания доверия аудитории. Ключевой вывод заключается в том, что развернутая, процессуально-ориентированная маркировка, подчеркивающая конечный контроль со стороны человека, является наиболее эффективной стратегией. Она не просто информирует, но и рефреймирует использование ИИ — не как замену журналиста, а как инструмент в его руках. Это снижает угрозу, связанную с технологией, и соответствует принципам процессуальной прозрачности.

Напротив, краткая маркировка («с участием ИИ») оказалась контрпродуктивной. Её эффект на доверие и готовность к шерингу не отличался от эффекта полного сокрытия информации или был негативным. Это можно интерпретировать в рамках ELM: такая маркировка служит негативным периферийным сигналом, активируя у аудитории смутные опасения по поводу «ненастоящести» контента, не предлагая при этом рациональных оснований для доверия.

Подтверждение третьей гипотезы указывает на необходимость дифференцированного подхода в зависимости от жанра и темы. Аудитория более критично и внимательно относится к маркировке в тех сферах, где ценится авторский взгляд, интерпретация и экспертиза. В фактологических жанрах доверие, видимо, в большей степени зависит от качества самих данных и источника, чем от раскрытия процесса создания.

Ограничения и дальнейшие исследования. К ограничениям можно отнести лабораторный характер эксперимента, где респонденты были сфокусированы на задаче. В реальных условиях потребления медиа эффект маркировки может быть слабее. Кроме того, не изучалось долгосрочное влияние такой маркировки на имидж издания. Перспективным направлением является исследование восприятия маркировки в контексте разных типов медиабрендов (традиционные СМИ vs. новые медиа) и изучение оптимальных визуальных форматов маркировки (иконки, цветовые коды).

Заключение

Внедрение больших языковых моделей в медиакommunikation требует от редакций взвешенной этической и коммуникационной политики. Настоящее исследование эмпирически обосновывает, что путь к сохранению доверия лежит не через формальное соблюдение этических норм (простая маркировка), а через смысловую и развернутую коммуникацию с аудиторией. Разъяснение роли ИИ как ассистента, а не автора, и подчеркивание неизменной ответственности редакции за конечный продукт позволяют превратить потенциальный фактор недоверия в демонстрацию профессионализма и открытости. Полученные данные предоставляют научно обоснованные рекомендации для разработки редакционных стандартов, которые будут способствовать устойчивому развитию медиа в условиях технологической трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Meyer P. Defining and Measuring Credibility of Newspapers: Developing an Index // *Journalism Quarterly*. 1988. Vol. 65. P. 567–574.
2. Diakopoulos N. et al. Toward Understanding the Role of AI-Generated Content in News Media // *Proc. ACM Hum.-Comput. Interact.* 2023. Vol. 7. P. 1–24.
3. Калгин А.С. Искусственный интеллект в журналистике: этические дилеммы и профессиональные риски // *Медиаальманах*. 2022. № 5. С. 34–45.
4. Thierer A., O'Sullivan A., Russell R., Mahaffey J. How to Label AI-Generated Content: A Policy Analysis // *Mercatus Center Policy Brief*. 2023.
5. Plantin J.-C. The Politics of Transparency Platforms: Seeing Like a Dataset // *Social Media + Society*. 2019. Vol. 5(2).
6. Petty R.E., Cacioppo J.T. The Elaboration Likelihood Model of Persuasion // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1986. Vol. 19. P. 123–205.
7. McCroskey J.C., Teven J.J. Goodwill: A reexamination of the construct and its measurement // *Communication Monographs*. 1999. Vol. 66. P. 90–103.

© Васильев Андрей Михайлович (114223013@pfur.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОЕЦИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Евстафова Яна Анатольевна

канд. фил. наук, доцент, Южно-Уральский
государственный университет, (г. Челябинск)
evstafovaya@susu.ac.ru

CONCEPTUAL PROJECTION OF CULTURAL CONNOTATION IN THE TRANSLATION OF ANTHROPOCENTRIC METAPHORICAL MODELS

Ya. Evstafova

Summary: The article investigates the role of cultural connotation in the translation of anthropocentric metaphorical models. The aim of the work is to analyze the strategies of conceptual projection that consider the national-cultural specifics of linguistic worldviews. The research methodology includes a comparative analysis of translations of literary texts from English into Russian, as well as linguocognitive and contrastive approaches. The results show that metaphorical projection is preserved in 83% of cases but requires modification in 17% due to cultural differences. It has been established that the primary sources of variation are cultural connotations (47% of cases). The connotative content of metaphors is analyzed using models such as MAN is an ANIMAL, MAN is a PLANT, MAN is a SUPERNATURAL BEING, MAN is FOOD, and MAN is a HUMAN, which reveal cases of cognitive dissonance arising from differing cultural perceptions of images. Five strategies for translating connotative content are identified, among which modulation and remetaphorization are the most effective, ensuring the adaptation of the source image to the system of the target culture. The scientific significance of the work lies in the development of a model for the cultural adaptation of connotation in translation, contributing to the achievement of equivalence at the conceptual and connotative levels.

Keywords: conceptual projection, cultural connotation, anthropocentric metaphor, translation, linguistic worldview, equivalence, translation strategies.

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли культурологической коннотации при переводе антропоцентрических метафорических моделей. Целью работы является анализ стратегий концептуального проецирования, учитывающих национально-культурную специфику языковых картин мира. Методология исследования включает сравнительно-сопоставительный анализ переводов художественных текстов с английского на русский язык, а также лингвокогнитивный и контрастивный подходы. Результаты исследования показывают, что в 83% случаев метафорическая проекция сохраняется, однако в 17% требуется её изменение из-за культурных различий. Установлено, что основными источниками варьирования являются культурные коннотации (47% случаев). Коннотативное содержание метафор анализируется на материале таких моделей, как ЧЕЛОВЕК - это ЖИВОТНОЕ и ЧЕЛОВЕК - это РАСТЕНИЕ, ЧЕЛОВЕК - это СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК - это ЕДА, ЧЕЛОВЕК - это ЧЕЛОВЕК, где выявляются случаи когнитивного диссонанса из-за различного культурного восприятия образов. Выделены пять стратегий перевода коннотативного содержания, среди которых наиболее эффективными являются модуляция и реметафоризация, обеспечивающие адаптацию исходного образа к системе принимающей культуры. Научная значимость работы заключается в разработке модели культурологической адаптации коннотации при переводе, что способствует достижению эквивалентности на концептуальном и коннотативном уровнях.

Ключевые слова: концептуальное проецирование, культурологическая коннотация, антропоцентрическая метафора, перевод, языковая картина мира, эквивалентность, стратегии перевода.

Введение

Специфика метафорических проекций в языках репрезентирует особенности языковой концептуализации и категоризации внешнего опыта человека. В силу социальной обусловленности когниции формируемая в процессе познания и отражающаяся в языковой картине мира когнитивная база не может не проявлять национально-культурную специфику. Концептуальное проецирование в переводе метафорических моделей зависит от степени общности концептуальных картин мира двух культур. Аналогичное метафорическое проецирование основывается на сходстве концептуальных картин мира, в то время как иное метафорическое про-

ецирование отражает отличие последних.

Представление о человеке, особенностях его внешности, поведенческих реакций, внутренних качеств, отношений в целом оказывается одинаковым в культурах, близких в географическом и эволюционном планах. Общими в этом случае оказываются и метафорические модели, например: ЧЕЛОВЕК - это ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК - это ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК - это СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК - это РАСТЕНИЕ, ЧЕЛОВЕК - это АРТЕФАКТ, ЧЕЛОВЕК - это ЕДА, ЧЕЛОВЕК - это ПРИРОДНАЯ СТИХИЯ, ЧЕЛОВЕК - это ЯВЛЕНИЕ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ, ЧЕЛОВЕК - это КОСМОС. В этой связи антропоцентрические метафорические модели могут быть представлены

как универсальное средство концептуализации, репрезентации и оценки реалий, способное оказать эмоциональное воздействие на адресата.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки теоретических основ и практических стратегий перевода, обеспечивающих адекватную передачу культурно-обусловленного коннотативного содержания. Научная новизна заключается в систематизации стратегий концептуального проецирования на основе эмпирических данных анализа переводов художественных текстов.

Литературный обзор

Проблема передачи культурной коннотации в переводе широко исследуется в отечественной и зарубежной лингвистике. Культурная коннотация, по определению В.Н. Телия, это «интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [16, с. 214]. Тем самым, коннотация понимается широко как любого рода информация о национальной специфике концептуализации действительности посредством языка. Культура проникает в метафорические модели через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры.

По мнению исследовательницы О.А. Быковой, коннотация как ментальная сущность особого порядка возникает на стыке языковой картины мира (ЯКМ) и концептуальной картины мира (ККМ) в языковом сознании говорящих [1]. Эта концепция основана на идее несоответствия концептуальной и языковой картин мира и может быть графически представлена в виде несовпадающих кругов [7] (см. рис. 1).

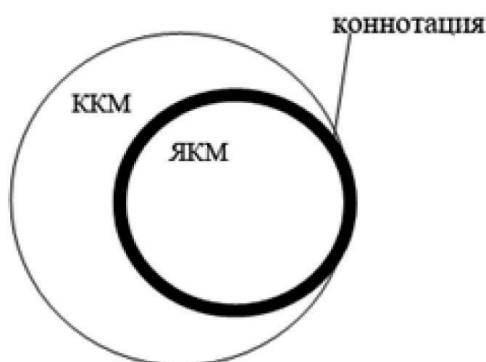

Рис. 1. Место коннотации в концептуальной и языковой картинах мира

Внешняя окружность описывает границы ККМ, которая, безусловно, шире и богаче ЯКМ. Зона, где ККМ

смыкается с ЯКМ, - это зона непосредственного влияния языка на формирующиеся концепты. Зона, описывающая ЯКМ, - периферийная, содержащая коннотацию языковых единиц.

Проанализировав теории перевода П. Ньюмарка, Н. Мандельблит, а также когнитивно-ориентированный подход А. Дейгнан и Д. Габрис, можно сделать вывод, что наиболее перспективной является классификация перевода, основанная на теории концептуальной метафоры, поскольку она учитывает не только языковые, но и когнитивно-культурные аспекты перевода [17]. В отечественном переводоведении значительный вклад в изучение культурной адаптации внёс В.Н. Комиссаров, разработавший культурно-этнографическую концепцию перевода [6]. В настоящее время лингвисты продолжают изучать актуальные проблемы перевода культурно-специфических реалий и коннотаций, возникающие в условиях межкультурной коммуникации, и систематизировать основные стратегии преодоления этих трудностей - от транслитерации до функциональной адаптации [2, 5, 15]. Однако вопросы проецирования антропоцентрических метафор с коннотативным компонентом остаются недостаточно изученными в аспекте системного описания стратегий преодоления когнитивного диссонанса.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили переводы произведения английской литературы конца XIX - начала XX века: пять романов и двенадцать рассказов четырех английских писателей (Дж. Голсуорси, Д.Г. Лоуренс, К. Мэнсфильд, О. Уайльд.). Были рассмотрены 1027 художественных примеров оригинального текста и 2059 их трансформаций в переводах, отобранные методом сплошной выборки. Выбор конкретных произведений предопределен наличием нескольких переводных вариантов на русском языке. В качестве основного метода использовался сравнительно-сопоставительный анализ параллельных текстов. Дополнительно применялись методы лингвокогнитивного моделирования для реконструкции концептуальных структур, а также количественный анализ для выявления статистических закономерностей. Классификация стратегий перевода проводилась на основе параметров сохранения/изменения метафорической модели и её коннотативного потенциала.

Результаты

В процессе исследования в рамках избранных антропоцентрических метафорических моделей получены следующие статистические данные: в большинстве переводов сохраняется метафорическая проекция (83%), хотя в отдельных переводах обнаруживается ее изменение (17%). Лингвокогнитивное исследование случаев

дифференциации концептуальных проекций и метафорических выражений в русском и английском языках позволило сделать вывод о том, что источниками варьирования оказываются особенности концептуализации, связанные в 47% случаев с культурными коннотациями. Сравнительно-сопоставительный анализ культурно обусловленных коннотаций метафорических проекций в оригинальном и переводном текстах позволяет выделить следующие варианты перевода коннотативного содержания (см. рис. 2):

Две окружности представляют собой пересекающиеся языковые картины мира двух культур, где ЯКМ-1 – языковая картина мира исходного языка (ИЯ), а ЯКМ-2 – языковая картина мира языка перевода (ПЯ). В случае сохранения самой модели эти варианты находятся в общей области для ЯКМ-1 и ЯКМ-2.

Были систематизированы пять основных стратегий перевода концептуальных моделей (Км) в ЯКМ-2 с коннотативным содержанием (см. Таблицу 1).

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Стратегия прямого соответствия (Км 2а) эффективна при значительном сходстве культурных ассоциаций. Например: *“You are fascinated by that little dry snake, like a bird gaping ready to fall down its throat”* → «Этот усохший змееныш завораживает тебя. Ты словно птичка, готовая упасть ему в пасть» [13, 8].

Однако ряд номинаций в метафорических моделях являются лакунами для русской культуры, тем не менее, в переводах часто употребляется стратегия Км 2а,

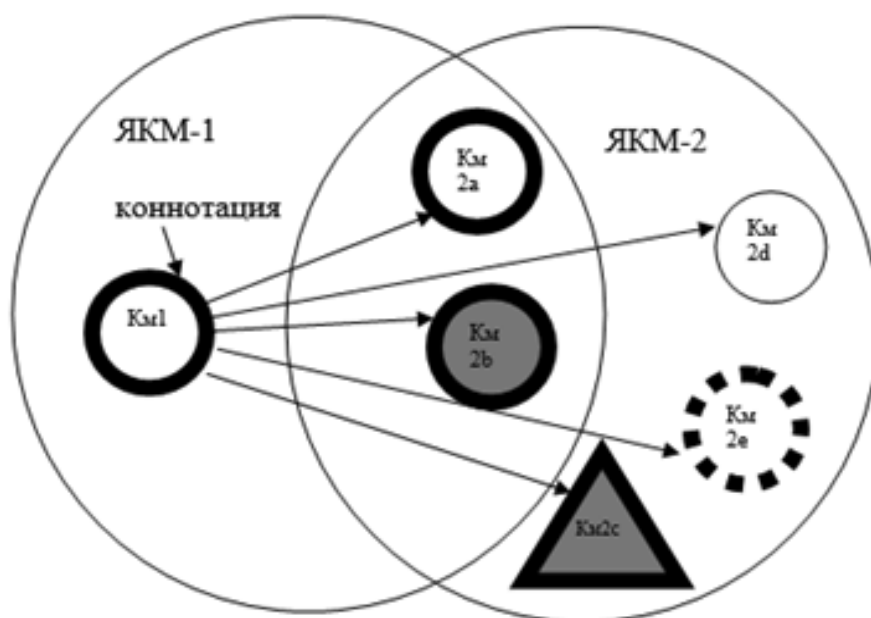

Рис. 2. Варианты перевода метафорических моделей с коннотативным компонентом

Таблица 1.

Стратегии перевода коннотативного содержания антропоцентрических метафор.

Стратегия	Описание	Пример
Км 2а	Прямое соответствие Сохранение модели, коннотативного содержания и лексического выражения	<i>like a bird</i> → словно птичка
Км 2b	Реметафоризация Сохранение модели, коннотативной оценки, изменение лексического выражения	<i>like a wolf</i> → тигром набрасывалась
Км 2с	Концептуальная модуляция Изменение модели и лексического выражения, сохранение коннотативной оценки	<i>grande dame</i> → светская львица
Км 2d	Опущение образа (деметафоризация) Утрата коннотативного значения при сохранении смысла	<i>like a fig</i> → нежная и мягкая
Км 2е	Концептуальная модуляция исторического концепта Трансформация коннотативной оценки	<i>like a gentleman</i> → как настоящий джентльмен <i>pukka sahib</i> → соль нации

в связи с чем, задуманный образ оригинала остается не раскрытым: *"And Sir Lawrence's quick dark eyes, like a snipe's or woodcock's, roved sceptically over his pretty niece"* → «Глаза сэра Лоренса, быстрые и чёрные, **как у кулика** или **вальдшнепа**, скользнули по хорошенькому личику племянницы» [4, 3].

В случаях культурного несоответствия прямое воспроизведение приводит к когнитивному конфликту. Яркий пример - метафоризация с использованием образа тюленя (*seal*) в английском языке, имеющая положительную коннотацию, тогда как в русском языке «тюлень» ассоциируется с неповоротливостью и ленью: *"She saw him - he looked like a seal"* → «Она не сводила с него глаз - он был похож на тюленя» [13, 8]. В подобных случаях целесообразнее применять стратегию Км 2с с приемом модуляции, как в переводе: *"She turned and went quickly to the door, whence she saw him standing like a horse"* → «Она повернулась, быстро пошла к двери и, оглянувшись, увидела, что он стоит, понуро опустив голову» [4, 3].

Коннотация может быть передана аналогичной метафорической моделью, но иметь иное лексическое выражение (Км 2b):

"Nevertheless, when her husband was away, she would come down like a wolf on the crawling supplicants" → «Когда же муж отсутствовал, она сбегала вниз и **тигром набрасывалась** на униженных просителей» [13, 8].

Км 2с представляет вариант, в котором коннотативная оценка сохранена, но изменена концептуальная модель ИЯ:

"She was a thin woman of sixty, with a red nose, a widow, and still something of a grande dame" → «Худенькая вдовушка лет шестидесяти, с красным носом и повадками **светской львицы**» [12, 10].

В ряде проанализированных нами переводных вариантах коннотация утрачивается (Км 2d): *"By God, you think a woman's soft down there, like a fig"* → «Думаешь, что женщина вся **нежная и мягкая** ...» [12; 11, с. 252].

Опущение исходного образа обуславливается рядом факторов. В ботаническом значении *фига* в современном русском языке практически не употребляется. Кроме того, слово оказалось дискредитированным развившимся позже стилистически сниженным лексико-семантическим вариантом. В исконном значении *фига* была вытеснена номинацией *инжир*. Все это делает буквальный перевод метафоры невозможным, поскольку словарный эквивалент не является эквивалентным ни в плане формы, ни в плане содержания.

Стратегия Км 2е представляет варианты, где метафорическое выражение приобретает дополнительную или

другую оценку в ПЯ: *"... and he changed his hat to his left hand and made her a slight bow, like a gentleman"* → «... он же переложил шляпу в левую руку и ответил легким поклоном, как настоящий **джентльмен**, однако не произнес ни слова» [12, 10].

Заимствование концепта происходит, как правило, на основе переноса лишь его актуальных, внешних признаков, поэтому восприятие таких лингвокультурных концептов как «джентльмен», «рыцарь», «леди», «саиб» в английской и русской культурах будут различаться по своему содержанию. В тех случаях, когда контекст актуализирует пассивный исторический аспект концепта или имплицитное значение, необходимо использовать лексико-семантические переводческие приемы, например, модуляцию: *"... he spoke like any gentleman, really"* → «... он изъяснялся **по-благородному**, ей-Богу» [12, 10]. *"The 'pukka sahib,'"* → «**Соль нации**» [4, 3].

В связи с вышесказанным, можем предположить, что наличие в когнитивной базе и, соответственно, языковой картине мира определенного коннотативного потенциала метафорических номинаций в концептуальной модели может служить причиной когнитивного диссонанса между языками.

Заключение

Концептуальное проецирование культурологической коннотации выходит далеко за рамки простой замены слов и требует от переводчика глубокого понимания концептуальных систем обеих лингвокультур, их сходств и различий. Культурологическая адаптация коннотации в переводе заключается в выборе того или иного слова, выражения, эквивалентного языку оригинала, предполагающего воспроизведение в переводе ассоциативно-образного компонента этого значения, а также установке на определенный коммуникативный эффект.

Проведенное исследование показало, что успешный перевод метафоры достигается не буквальным воспроизведением формы, а адекватной передачей ее концептуального содержания и функции в тексте через выбор оптимальной стратегии проецирования - от прямого сохранения модели до концептуальной замены или, в редких случаях, опущения. Выбор стратегии обусловлен творческой индивидуальностью переводчика, знанием когнитивной базы переводимой культуры и учетом особенностей реципиента перевода.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении корпуса анализируемых языков (включение восточных и африканских культур), а также в применении психолингвистических методов для оценки адекватности восприятия переведенных метафор носителями языка-реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова, О.И. Лингвокультурологический подход к исследованию этноконнотации // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 32–38.
2. Власова Е.С. Проблемы национально-культурной адаптации художественного текста при переводе // Молодой ученый. – 2021. – № 28(370). – С. 56–59.
3. Голсуорси, Дж. Пустыня в цвету [Электронный ресурс] / Дж. Голсуорси; пер. с англ. Е. Голышевой, Б. Изакова. – Режим доступа: <http://vse-knigi.ru/book/> (дата обращения: 09.01.2026).
4. Galsworthy, J. Flowering Wilderness [Electronic resource] / J. Galsworthy. – URL: <http://etext.library.adelaide.edu.au/g/galsworthy/john/> (дата обращения: 09.01.2026).
5. Дрига Е.В., Микрюкова Л.И. Проблема передачи культурного контекста при переводе художественного произведения // Молодой ученый. – 2021. – № 26(368). – С. 339–345.
6. Комиссаров, В.Н. Культурно-этнографическая концепция перевода // Картина мира: лексикон и текст: сб. науч. тр. МГЛУ. – М.: Изд-во МГЛУ, 1991. – Вып. 376. – С. 126–131.
7. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–157.
8. Лоуренс, Д.Г. Влюбленные женщины [Электронный ресурс] / Д.Г. Лоуренс; пер. с англ. В. Бернадской // Собрание сочинений: в 7 т. / Дэвид Герберт Лоуренс. – Режим доступа: <https://kniga-online.com/books/love-/love/page-53-144209-devide-lourens-vlyublennye-zhenshchiny/> (дата обращения: 09.01.2026).
9. Лоуренс, Д.Г. Женщины в любви [Электронный ресурс] / Д.Г. Лоуренс; пер. с англ. Е. Колтуковой. – Режим доступа: <http://www.aldebaran.ru/> (дата обращения: 09.01.2026).
10. Лоуренс, Д.Г. Любовник леди Чаттерли / Д.Г. Лоуренс; пер. с англ. И. Багрова, М. Литвинова. – Режим доступа: <http://www.aldebaran.ru/> (дата обращения: 09.01.2026).
11. Лоуренс, Д.Г. Любовник леди Чаттерлей / Д.Г. Лоуренс; пер. с англ. Лещенко-Сухомлиной. – М.: Терра, 1991. – 382 с.
12. Lawrence, D.H. Lady Chatterley's Lover [Electronic resource] / D.H. Lawrence. – URL: <http://www.homeenglish.ru/Books1.htm> (дата обращения: 09.01.2026).
13. Lawrence, D.H. Women in Love [Electronic resource] / D.H. Lawrence. – URL: <http://www.homeenglish.ru/Books1.htm> (дата обращения: 09.01.2026).
14. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 940 с.
15. Садаева Ф.Ш. Проблема перевода реалий и культурных коннотаций в межкультурной коммуникации // Актуальные исследования. 2024. №42 (224). – URL: <https://apni.ru/article/10251-problema-perevoda-realij-i-kulturnyh-konnotacij-v-mezhkulturnoj-kommunikaczii/> (дата обращения: 09.01.2026).
16. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
17. Яковенко Т.И., Шайхалиева А.М. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4. – С. 200–208. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46619129> (дата обращения: 09.01.2026).

© Евстафова Яна Анатольевна (evstafovaya@susu.ac.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ТЕАТРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ» В СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ В «ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ЖУРНАЛЕ» 2020-2025ГГ.)

Ермолова Карина Андреевна

Аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»
shasharina_ka@mail.ru

"THEATRICAL TEXT" IN CONTEMPORARY CRITICISM AND JOURNALISM (BASED ON PUBLICATIONS IN THE "PETERSBURG THEATRE JOURNAL" 2020-2025)

K. Ermolova

Summary: This article examines the representation of theater in contemporary critical journalism, drawing on materials published in the Petersburg Theater Journal. It identifies both semantic dominants in the perception and interpretation of theater and specific linguistic features of publications about theater, reflecting linguistic phenomena relevant to contemporary media. It also explores instances of the authors' involvement and personal experience and their assessments of theater and theatrical products, as well as the multidimensionality and complexity of the use of various linguistic devices in the formation of contemporary theatrical journalism.

Keywords: theater, theatrical text, theatrical text in media, contemporary media language, linguistic devices in media texts, media evaluation, imagery in the media, pragmatic features of theatrical text.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности репрезентации театра в современных публицистических критических статьях о театре, используются материалы публикаций в «Петербургском театральном журнале». Выделяются как смысловые доминанты в восприятии и интерпретации театра, так и специфические языковые особенности публикаций о театре, которые отражают актуальные для современных СМИ языковые явления. Прослеживаются случаи вовлечения личного опыта, оценок театра и театральных постановок авторами публикаций, а также многомерность и комплексность использования различных языковых средств в формировании современного театрального публицистического текста.

Ключевые слова: театр, театральный текст, театральный текст в СМИ, современный язык СМИ, языковые средства в текстах СМИ, оценка в СМИ, образность в СМИ, прагматические особенности театрального текста.

В современных публикациях средств массовой информации прослеживаются значительные трансформации, связанные с появлением в них образно-выразительных, личностно-субъективных языковых средств, которые преобразуют способы подачи материала и изложения оценок ситуации в публицистике. Как отмечает Н.А. Герасименко, «среди тенденций, характерных для русского языка конца XX – начала XXI века, особое место занимает демократизация языка, которая привела к смешению стилей в текстах СМИ, вовлечению в книжную речь обилия разговорных, просторечных, жаргонных, бранных элементов, использованию общенной лексики в художественных и даже поэтических текстах» [1, с. 10]. То есть, процессы демократизации языка приводят к тому, что авторы публикаций, включая и публикации на темы театрального искусства, отходят от принятых норм и принципов, наделяя тексты эмоциями, личными оценками, экспрессивностью.

Более того, прослеживаются также и трансформации в семантике и сферах употребления лексем, что влияет на языковое наполнение текстов, в том числе, и публикаций в СМИ. В современных лингвистических исследованиях, отражающих особенности актуального со-

стояния публицистики в русском языке, наблюдается и тенденция к усилению оценочности современной речи: эта проблема подробно рассматривается, например, в монографии под редакцией М.С. Миловановой «Общая и русская лингвоаксиология» [4]. При этом, как замечает В.В. Леденева, именно язык СМИ характеризуется наибольшей «чуткостью» в том, что касается изменений в языке и экстралингвистическом контексте, и по этой причине именно язык СМИ подвержен наибольшей степени лингвистических и лингвостилистических, лингвопрагматических трансформаций: «Язык чутко реагирует созданием новых лексических единиц, развитием семантической структуры слов, в том числе за счёт оценочных значений, формированием неомногословных номинаций, устраняющих лакуны лексико-семантической системы» [3, с. 12].

В монографии «Язык современной публицистики: ценности и оценки» (2024) подробно рассматриваются особенности языка современных публикаций в СМИ с акцентом на коммуникативной природе средств массовой информации и установлении принципов опосредованного общения между авторами публикаций и читателями. Этим объясняется смешение языковых средств,

проникновение в публицистику конструкций и приемов, не характерных ранее для публицистики (например, разговорной лексики, оценочных средств, стилистических средств создания выразительности текста): «Для взаимодействия с адресатом публицисты использовали широкую палитру языковых средств всех уровней системы, приёмы, обеспечивающие создание эффектов интимизации изложения и фасцинации» [2, с. 52].

Более того, несмотря на указанные динамические процессы в собственно языковой парадигме публицистических текстов, сохраняется и информативный потенциал публикаций в СМИ, так как сегодня в публикуемых статьях наблюдается взаимосвязь авторского стиля и целей с тематикой публикации и языковыми средствами, которые наилучшим образом формируют содержательно-выразительное пространство текста: «Информативная насыщенность, сочетающаяся с доступностью и экспрессивностью, подчёркивает влияние языковой личности автора на богатство и коммуникативные качества текста» [2, с. 53].

При этом, как указывает Н.А. Герасименко, при интерпретации особенностей современного текста в СМИ следует учитывать контекст, лингвопрагматические особенности использования тех или иных языковых средств, которыми описываются феномены, которым посвящается конкретная статья. Речь идет о том, что «критерий целесообразности использования языковых средств для реализации прагматических задач и экспликации интенций автора определяет идиостилевые доминанты в различных жанрах публицистики и позволяет воспринимать контекст как творческий, в сравнении с абстракцией, поддерживаемой нормой» [2, с. 172]. То есть, прослеживается нарастание индивидуально-авторского компонента публикаций в СМИ, что обуславливает использование тех или иных языковых средств, с учетом специфики содержания, предметной направленности текста, общего контекста его создания и контекста использования конкретных средств в его структуре.

В этой связи, необходимо более подробно рассмотреть особенности построения театрального текста, то есть, текста о театре, в современных средствах массовой информации на материале «Петербургского театрального журнала». Следует привести некоторые цитаты из статей и охарактеризовать их лингвистические и лингвопрагматические особенности.

Обсуждая радикальные, новаторские интерпретации традиционных литературных работ, критики часто прибегают к использованию ярких, иногда жестких метафорических сравнений для передачи своего взгляда на либеральный подход режиссеров к каноническим текстам. Это подчеркивает пренебрежительное отношение к первоисточникам со стороны творцов современного театра.

«Шекспировская пьеса **искромсана, перелопачена и взорвана изнутри**» [5]. Для реализации воздействия на читателей, привнесения эмоциональности в текст публикации [2] применяются метафорические причастия. Они формируют ощущение изломанности, указывают на значительные масштабы преобразования привычных литературных феноменов под влиянием актуальных, частных творческих целей современного театрального искусства.

«Сочиняя свой сюжет поверх классических текстов, Константин Богомолов с наслаждением **кромсает остатки русского мифа**, работая для публики, прекрасно знающей гламурную топографию города» [5]. Метафорический образ, на который описывается журналист в этом примере, также выступает источником выразительно-образного наполнения публикации. Глагол «кромсать» при этом характеризуется экспрессивным потенциалом: он отражает актуальные тенденции, связанные с нарочитой экспрессивизацией публицистики [2].

Метафорой в театральной публицистическом тексте подчеркивается концепция динамизма и творческой силы труппы. Прослеживается трансформационный потенциал и пластичность театрального искусства под влиянием отдельного творца.

«Ким **лихо вспенил** комедию Шекспира «Как вам это понравится» [5]. Метафора, построенная на глаголе «вспенил» в сочетании с экспрессивно окрашенным наречием «лихо», описывает факт переосмысления шекспировского текста в современном театре.

Часто рецензии на театральные постановки отличаются использованием образного и метафорического языка, что придает тексту живость и разноплановость.

«Алексей Бородин **запихнул в одну бутылку** все водевиль Чехова: «Медведя», «Предложение», «Свадьбу», «Юбилей» и монолог «О вреде табака» — **встряхнул хорошенько** и... Неожиданно для всех получилось **шампанское**» [5]. Метафорический образ, построенный на метафоре бутылки шампанского, описывает необычный и эффективный режиссерский ход, который, по мнению автора публикации, позволил достичь желаемого воздействия на зрительскую аудиторию.

Игра слов как выразительное средство и инструмент привлечения читательской аудитории позволяет сформировать опосредованный диалог между текстами, а также и между автором публицистического текста и его читателями. Как отмечает Н.А. Герасименко, увлечение адресата и коммуникативное взаимодействие с ним в публицистическом тексте актуально для современного языка средств массовой информации [2].

«Впрочем, допускаю: Чеширского Кота в «Мастерской Петра Фоменко» **прикормили давно** — его летучая улыбка всыхивает и тает в любом их спектакле, включая взрослые и печальные» [5]. Этим фрагментом

публикации не только реализуется лингвопрагматическая цель, связанная с выражением оценки, но также и выражается информативный потенциал статьи: в совокупности эти аспекты отражают природу публицистики, которой свойственно как изложение фактической информации, так и воздействие на читателей.

Театральное рецензирование требует богатства в оценочных выражениях. Использование разнообразных эпитетов важно для передачи субъективных суждений автора. Эпитет становится ключевым инструментом рецензии за счет своей описательной мощи. Эпитетам свойственна эмоциональная окрашенность, в связи с чем в театральном тексте они реализуют функцию положительной оценки, граничащей с восхвалением (широко распространена превосходная степень сравнения), в этом также может проследиваться тесная связь с рекламной функцией. Обеспечивается полидискурсивность, присущая современной публицистике, а также ее полифункциональность [2].

«**Самая красивая** опера Римского-Корсакова вернулась на Историческую сцену Большого театра» [5]. В рассматриваемом примере проследивается выраженный оценочный компонент, который отражает субъективное восприятие описываемой оперы.

Эпитеты часто имеют эмоциональную окраску и обычно используются для восхваления (преимущественно в превосходной степени), что также подчеркивает их значимость в повествовании:

«Постановку *«Идеального мужа»* назвали **самой скандальной премьерой сезона**» [5]. Выделенным эпитетом в театральном тексте привносятся экспрессивно-эмотивный контекст.

Когда речь заходит об оценочной лексике, стоит подчеркнуть её тенденцию к включению вульгарных, разговорных компонентов. В контексте сатирического изображения, это можно наблюдать на примере спектакля Московского Художественного театра имени А.П. Чехова «Идеальный муж. Комедия». В рецензии на данное театральное произведение, автор проводит аналогию между режиссурой К. Богомолова и деятельностью «хитроумного портного» из знаменитой сказки «Голый король», что реализует функцию аллюзии и нагромождения взаимосвязанных смыслов, актуальных для современной публицистики [2].

«**Похожий кайф** сейчас наверняка переживает самый остроумный **портняжка театрального цеха** Константин Богомолов» [5]. Лексема «кайф» отражает неформальный характер опосредованной коммуникации между читателями и автором публикации, что доказывает и наглядно иллюстрирует вхождение разговорных и жаргонных слов в публицистику, выделяемое Н.А. Герасименко [1]. При этом, словосочетание «портняжка театрального цеха» является игрой слов, призванной

привлечь внимание читателей, что также направлено на придание тексту большей интересности и привлекательности для читателей.

«Этот режиссер **«печенкой» чувствует** и гибельный темпоритм нашего времени, и стремительный распад привычных связей» [5]. Этот пример является еще одой иллюстраций трансформаций языка СМИ, рассмотренного и определенного в работах М.С. Миловановой [4] и Н.А. Герасименко [1].

Сам факт присутствия жаргонных элементов в современном театральном тексте не определяет тематику публикаций, они могут быть использованы как при описании современных театральных постановок, так и в создании критических текстов о классических театральных постановках:

«За долгие годы правления Алексея Бородина здесь, естественно, бывали разные времена, **взлеты и застой**. Но никогда — **отстой**» [5]. Здесь автор текста создает языковую игру, заменяя слово «застой» на сленговое «отстой» благодаря их фонетическому сходству. Такое слияние различных языковых уровней вызывает явление стилистического контраста и диссонанса.

В современной рецензионной практике часто можно наблюдать игнорирование лексических стандартов в целях привлечения внимания читателя, что осуществляет аттрактивную функцию текста. Подобный прием имплицитно осознанное нарушение автором языковых и речевых норм.

«Пришла Двенадцатая ночь с начала Рождества — **ихнего, англиканского**» [5]. Намеренное нарушение лексических норм русского языка в единице «ихний» отражает процесс демократизации русского языка, выражаемой в том числе в текстах публицистического стиля.

Ирония является ключевым стилистическим элементом в современной театральной критике. Критики нередко используют иронические выражения при анализе театральных представлений, что делает текст рецензии более захватывающим и живым. Этот подход позволяет достичь остроты оценок и выразить нюансированный взгляд на искусство, сохраняя при этом легкость и доступность изложения. Ирония служит для передачи оценочных суждений, стимулируя интерес и эмоциональную реакцию аудитории. При этом в рецензии она выполняет не только развлекательную, но и критическую функцию, позволяя резюмировать сложные аспекты постановки через увлекательное и интеллектуальное изложение. В арсенале критиков – обширное использование популярных фразеологизмов, что придает тексту колорит и понятность:

«Однако именно в Питере есть люди, посмотревшие *«Макбет. Кино»* раз пять, а то и больше. **Снимаю перед ними шляпу**» [5]. Здесь ирония позволяет не только развлечь читателей, но также и привлечь внима-

ние читателей, повысив информативность публикации. Употребление подобных коммуникативных и лингво-прагматических стратегий, согласно Н.А. Герасименко [2] усиливает присутствие автора в тексте.

Ирония актуальна и для следующего примера:

«В Большом театре прошла первая постановка «Лаборатории современной оперы»: **жертв нет. Среди публики потери минимальные** (среди действия зал покинуло от силы человек десять), композитора вызывали на поклоны и, **кажется, в суд на Большой подавать никто не собирается**. Да, что ставили: оперу Сергея Невского «Франциск» [5]. Развернутая ирония в этом примере направлена на реализацию развлекательного потенциала оценки, он воспринимается в контексте, с учетом содержания публикации и специфики упоминаемого театрального феномена.

Современные рецензии в театральной критике часто обогащены иностранными заимствованиями, иногда превращающимися в варваризмы. Это явление может быть обусловлено глобализацией культурных процессов. В добавление, искусствоведческая лексика заимствует элементы из мира моды и шоу-бизнеса, что также способствует использованию иностранных выражений. Применение заимствованной терминологии иногда служит автору для привлечения дополнительного внимания к рецензии.

«Обычно при постановках «Трех сестер» под бременем детального погружения в **story** улетучивается важная для автора тема» [5]. Здесь используется заимствование, которое отражает проникновение англицизмов в публицистику на русском языке.

В рубриках критических статей о театре часто можно встретить нестандартные соединения имен знаменитых драматургов с элементами современного сленга, способствующие привлечению внимания и развлечению аудитории: *Шекспир: бои без правил; Шекспир-Ибсен на языке блогеров; «Братья Карамазовы»: фильм ужасов* [5]. Для выражения критики по отношению к неадекватному переосмыслению классики авторы могут применять иронизирующие формулировки, например, *Достоевщина* [5]. Интерпретация содержания перечисленных примеров возможна в полной мере в более широком культурном контексте, с учетом содержания и образов, характерных для перечисленных литературных произведений.

Широкое использование стилистических приемов, включая отсылки к оригинальным текстам и именам авторов, характерно для такого рода текстов:

«Мастерская Петра Фоменко» **закрутила** «Театральный **роман**» [5]. В этом примере использована игра слов, так как обыгрывается словосочетание «закрутить роман». Употребление этого приема делает по-

вестование в публикации более интересным и привлекательным для читательской аудитории.

Часто в рецензиях на спектакли авторы выражают личные впечатления, прибегая к первому лицу, что вносит субъективность в текст. В контексте театральной критики применение персональной перспективы играет ключевую роль:

«В Московском ТЮЗе без оглядки на моду продолжают ставить спектакли бесстрашные. **Я скучаю** по такому театру» [5]. Выделенная конструкция привносит выраженную субъективность в публикацию, с акцентом на оценках и личном отношении к описываемым театральным творческим решениям.

В критических оценках театральных постановок часто встречается использование императивных конструкций и обращений, что авторы зачастую применяют для стимулирования зрителя посетить спектакль:

«Если такую «Бесприданницу» вы еще не видели, непременно **сделайте это**. Другого такого же светлого и грустного спектакля одновременно в репертуарах всех московских театров днем с огнем не найти» [5]. Подразумевает более эффективное общение между автором публицистического текста и его читателями.

Подводя итог, современный текст, публикуемый в СМИ, является сверхтекстом, учитывающим тематическую направленность публикаций, ориентирование на определённые группы реципиентов, целеустановки авторов, соответствующие целям и задачам средства массовой информации. Этот аспект актуален также и для театрального публицистического текста, в котором находят свое отражение не только содержательные характеристики театральных постановок и событий, но также и личностные установки автора, его опыт, эмоции, выраженные соответствующими языковыми средствами. Интерпретация особенностей современного театрального текста на языковом и содержательном уровне доказывает трансформационные процессы, присущие современному языку средств массовой информации.

Тем самым, прослеживается идея о том, что театральная рецензия эволюционирует в многозадачный жанр, благодаря выбору автором определенных языковых инструментов. В современных рецензиях аналитическая функция дополняется рекламными, привлекательными и воздействующими аспектами. Метафоры, оригинальные лексические комбинации и элементы игры слов особенно ценятся за их способность привлекать внимание аудитории. Помимо этого, стилевая характеристика театральных обзоров в средствах массовой информации включает активное использование жаргонов, сленга и иронических выразительных средств, которыми выражается авторская позиция, мнение и личность автора публикации как такового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н.А. Русский язык в новейшее время // Язык и актуальные проблемы образования. М.: «Государственный университет просвещения», 2023. С. 10-13.
2. Герасименко Н.А. Язык современной публицистики: ценности и оценки. М.: Государственный университет просвещения, 2024. 192 с.
3. Леденёва В.В. О лексике современных коммуникативных сфер: семантический портрет слова телевидения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 6. С. 12-16.
4. Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / отв. ред. М.С. Милованова. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.
5. Петербургский театральный журнал. URL: <https://ptj.spb.ru/page/174/?1> (дата обращения: 08.08.2026).

© Ермолова Карина Андреевна (shasharina_ka@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТРАЖЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ В ПОВЕСТИ Л. УЛИЦКОЙ «ВЕСЁЛЫЕ ПОХОРОНЫ»

Ли Минжуй

Юго-Восточный университет, (Китай)

minzhui.li@yandex.com

REFLECTIONS OF ETHNOCULTURAL ASPECTS IN THE NOVELLA BY L. ULITSKAYA "THE FUNERAL PARTY"

Li Mingrui

Summary: In the contemporary international situation, when the national question is intensifying, an ethnos as an important group, due to its geographical dispersion and numerical minority, presents significant interest in various fields, including literature. Ethnic groups themselves and the ethnic cultures developing among them influence not only numerous individual countries in which they live and reside, but also the international community as a whole. At the end of the last century, literary works appeared depicting the life of ethnic groups, one of them being "Merry Funerals" by Ludmila Ulitskaya. In the novella, the author's tone is delicate and tender, simple and rustic, the language subtle and not straightforward, yet it implicitly expresses various aspects of ethoses and ethnic cultures.

In this work, we begin with an introduction to the author Ludmila Ulitskaya and the novella "Merry Funerals", based on the concept of ethnic culture, we analyze the characters and specific plots of the novella, generalize the diverse manifestations of ethnic culture embodied in the text of the novella, and finally reveal the significance of writing about ethnic culture.

Keywords: ethnic culture, Russo-Jewish diaspora, émigré identity, ethnocultural conflict, "Merry Funerals".

Аннотация: В современной международной обстановке, когда обостряется национальный вопрос, этнос как важная группа, в силу своей географической разбросанности и численного меньшинства, представляет значительный интерес в различных областях, в том числе и в литературе. Сами этнические группы и развивающиеся среди них этнические культуры влияют не только на множество отдельных стран, в которых они живут и проживают, но и на международное сообщество в целом. В конце прошлого века появились литературные произведения, отображающие жизнь этнических групп, одно из них — «Весёлые похороны» Людмилы Улицкой. В повести тон автора деликатный и нежный, простой и деревенский, язык тонкий и не прямолинейный, но в нем имплицитно выражены различные аспекты этносов и этнических культур.

В данной работе мы начинаем с представления автора Людмилы Улицкой и повести «Весёлые похороны», на основе понятия этнической культуры, анализируем персонажей и конкретные сюжеты повести, обобщаем разнообразные проявления этнической культуры, воплощённые в тексте повести, и, наконец, раскрываем значение письма об этнической культуре.

Ключевые слова: этническая культура, русско-еврейская диаспора, эмигрантская идентичность, этнокультурный конфликт, «Весёлые похороны».

Людмила Евгеньевна Улицкая — одна из самых читаемых писательниц в современной России. Большинство ее произведений посвящено быту и положению российских женщин, в них серьезно и глубоко исследованы темы взаимоотношений полов, семейной жизни, отношений между поколениями и культурных конфликтов. Ее произведения сосредоточены на психологическом сознании и физическом опыте обычных людей, имеют отголоски классической литературы и религиозной мифологии, а также содержат ее собственное уникальное этическое и деструктивное мировоззрение. В повести «Весёлые похороны», основанной на жизни советских эмигрантов в США, помимо вышеперечисленных творческих особенностей затрагивается тема этнических групп, путешествующих вдали от родины, изображаются различные проявления этнической культуры в разных аспектах, устами героев книги выражается собственный взгляд на национальные проблемы.

Этническая культура, изображенная писательницей, включает как традиционную русскую этническую культуру,

так и новые изменения в ней, богата деталями, что может быть использовано как материал для понимания советской диаспоры в США и вдохновить на решение этнических проблем, существующих в обществе. Повесть «Весёлые похороны» содержит большое количество персонажей русской диаспоры, каждый персонаж хорошо детализирован, у них есть как этнические общие черты, так и свои особенности, и они оживают на культурной арене США и времени распада Советского Союза, а характеристика повести может быть использована как пример литературного творчества. Таким образом, данная тема является насыщенной и оригинальной, что отвечает набирающему в последние годы популярность направлению этнического литературоведения и восполняет относительный пробел в изучении этнической литературы в России.

Исследование данной работы, с одной стороны, может способствовать повышению интереса читателей к современным русским повестям и литературе женских меньшинств, а с другой стороны, позволяет раскопать

художественные ключи этнокультурного конфликта и примирения в «Весёлые похороны», понять этническую писательскую позицию Л. Улицкой, воспринять особенности этнической культуры.

У зарубежных ученых еще в конце двадцатого века появилось множество исследований, посвященных творчеству этой писательницы, в то время как у отечественных ученых в двадцать первом веке лишь появляются одна за другой соответствующие научные работы, этот феномен связан с тем, что текстов перевода и представлений меньше. Отечественные и зарубежные ученые в основном сосредоточились на ее шедеврах «Искренне ваш Шурик», «Казус Кукоцкого», «Сонечка», «Медя и ее дети» и т.д. Большинство направлений исследований связано с написанием женской идентичности, анализом и обобщением женских образов и других женских литературных тем, некоторые исследования касаются метода повествования, языкового стиля и т.д. Исследовательские тексты относительно единичны и слишком сосредоточены на длинных романах автора, и редко затрагивают рассказы и повести. Вообще говоря, повесть «Весёлые похороны» как исследовательский текст и этническая культура как направление исследования очень новы, и литературы для справки мало, поэтому есть большой потенциал для исследования. Выбранная тема похожа на неосвоенную целину.

Когда речь об этнической литературе, естественно, нельзя не говорить о эмигрантах-писателях. В литературном мире современного мира эмигранты-писатели — это огромная команда, которая занимает стойкие места и является наиболее влиятельной. Под влиянием внутренних и внешних факторов и личного желания, в ходе трёх волн эмиграции эмигранты-писатели уехали за границу, отсюда эмигранты-писатели имеют право и возможность писать судьбы эмигрантов. На самом деле, есть такой писатель, как Л. Улицкая, не кидает свою родину и описывает жизнь эмигрантов. Она была исключена из эмигрантов-писателей, но стала одним из них благодаря своему написанному уникальному содержанию. В современном русском литературном мире появляется всё больше и больше писательниц, каждый из которых отдаёт страсть развитию русской литературы.

Этническая принадлежность — более сложное понятие, чем национальность. Этническая группа или этническая принадлежность — это группа людей, которые идентифицируют себя друг с другом на основе общих признаков, отличающих их от других групп. Эти атрибуты могут включать общие наборы традиций, родословной, языка, истории, общества, культуры, нации, религии или социального лечения в их районе проживания. Национальность иногда используется взаимозаменяемо с термином нации, в частности в случае этнический национализм, и отдельно от связанных с понятием расы.

Этническая принадлежность в первую очередь подчёркивает групповую идентичность, основанную на таких специфических факторах, как кровь и культура.

Близкий синоним к слову «этническая принадлежность» — этничность. «Этничность — широко используемая в науке категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и идентичностей. В отечественном общественном знании более широко употребляется термин «этнос» во всех случаях, когда речь идет об этнических общностях (народах) различного историко-эволюционного типа (племя, народность, нация).» [1, с.66] На этничность смотрят то как на способ политического манипулирования с целью захватить или усилить свое влияние, то как на врожденное чувство принадлежности к определенной группе, то как на психологически комфортную идентичность. Исследования этничности иногда определяются как исследования национальных меньшинств и проблем мигрантов, иногда как исследование любых этнических проблем. Прилагательное «этнический» может обозначать «относящийся к этносу», а может — «проживающий в инокультурной среде». Под понятие «этнос» подводится то лингвистическое, то биологическое, то культурное, то политическое основание.

Более того, этническая культура — это культура, возникающая на основе групповой идентичности, и этническая культура может проявляться в самых разных формах, таких как определённые архитектура, живопись, музыка, литература и искусство, определённый образ мышления и действий, а также обычаи и привычки. Этническая культура создаёт мощную сплочённую силу, и часто люди, рассеянные в чужой стране, способны собраться вместе благодаря своей общей идентичности и культурной принадлежности, помогая друг другу и образуя общину, которая не только обеспечивает материальную безопасность рассеянных, но и даёт им душевный комфорт и помогает избавиться от эмоционального отчуждения, с которым они сталкиваются, живя в чужой стране.

Зязева Лидия Константиновна подчеркнула то, что «Знаковые системы традиционной культуры исторически сохраняют непреходящие идеи и смыслы, выполняющие функции ценностной ориентации этноса, обеспечивающие консолидацию общества, помогающие восстановлению культурной преемственности и национально-культурной идентификации — необходимой составляющей мировоззренческого потенциала.» [2, с.3] Традиционная культура, как духовная и материальная основа национальной идентичности, реализуется в процессе освоения народных ремесел в сочетании с символическим языком национальной культуры.

Проявления этнической культуры можно разделить на две категории: видимое и невидимое, и начнем с невидимой, или внутренней культуры. Прежде всего, это русская

этническая ментальность и образ мышления и действий:

«Валентина жила тогда трудно, как никогда. С работы она обычно ехала прямо на курсы.» [4, с.66]

«— Ну, так получилось. Я к девяти на работе, в шесть кончаю. В семь курсы — через день, а через день с хозяйской внучкой сижу. В одиннадцать освобождаюсь, в двенадцать сплю. А в три просыпаюсь — и все. У меня такая американская бессонница, черт ее знает. В три часа я как неваляшка.» [4, с.67]

Валентина — обычная советская эмигрантка, которую очень мучает предательство бывшего парня и слежка советских шпионских агентств. В филологической школе она познакомилась со своим американским мужем Микки, и, обладая добрым и щедрым характером русской нации, стала объектом доверительных бесед Микки с детской травмой, и решила выйти за Микки замуж под ложным предлогом, чем помогла Микки и спасла себя. Чтобы отправиться в США на поиски семьи и начать новую жизнь, она в полном одиночестве приехала в Нью-Йорк. Валентина в США, в Нью-Йорке, не нашла собственного дома, муж так и не объявился, она долгое время жила в подвале, пока учила английский, пока работала, чтобы заработать деньги, она трудилась не покладая рук, упорно, в США хотела стоять твердо. В новой для себя Валентине мы видим русский характер: непобедимый, сильный в действиях и целеустремленный в своих целях. У них неукротимая уверенность. Мы видим в Валентине, недавно приехавшей в Россию, присущий русским характер: непокорный, подвижный и решительный. Как и их родина и их история, отмеченная многими бедствиями и опасностями, но до сих пор гордо стоящая на своем, русский народ своей плотью и кровью совершил ряд блестящих достижений, расширяя свою территорию и защищая свою страну. Такая этническая характеристика отражается и на других персонажах, например, добрая и сердечная Люда:

«Московская инженерша, приведенная в дом, осталась ночевать на коврике и немедленно присохла к дому. Утром, в самое безлюдное время, когда народ, который работал, разбегался по своим конторам, а который сидел на пособии, еще глаз не разлепил, когда сама Нинка еще не стряхнула с себя своего апельсинового сна, эта невзрачная, с первого раза не запоминающаяся женщина перемыла вчерашние чашки и стаканы, а потом заглянула к Алику.» [4, с.72]

«Люда перетряхивала Аликовы подушки и с грустью думала, что за судьба такая ей досталась — всех хоронить. В свои сорок пять она похоронила мать, отца, двух бабушек, деда, первого мужа и вот только что — близкую подругу. Всех кормила, умывала, а потом и обмывала. Но этот вроде уж совсем не мой, а вот привело...» [4, с.72]

«У нее была куча дел, длиннейший список покупок, визитов к незнакомым людям, которые хотели ее порас-

спросить о своих московских родственниках и порассказать о своей жизни, но она уже чувствовала, что влипла, не может оторваться от этого нелепого дома, от человека, которого она вот-вот полюбит, и снова ей придется надирать свое сердце на том же самом месте...» [4, с.73]

Люда в повести — женщина-«посланник», постоянно путешествующая между Россией и США, с мужем в России и сыном в США, но так и не осевшая ни в одной из стран. Став свидетелем смерти многих друзей и родственников за эти годы, Люда уже убита горем, которое усугубляется незнакомой обстановкой и ее собственными потрясениями. Но Люда все равно приняла все с распростертыми объятиями, словно так и должно было быть: она встречала каждого из погибших с чувством братства и ответственности за все человечество, спокойно занимаясь своими делами, и в ней воплотился дух этнической русской нации.

Кроме того, в повести есть ряд персонажей, обладающих вышеперечисленными этническими русскими чертами характера, поведения и мышления: Алик неоднократно приютил бездомных бродяг и обеспечил их питанием; ответственные доктора Фима и Бельман не берут денег за лечение, когда сталкиваются с трудным пациентом; почти каждый русский эмигрант, который приходит в дом Алика, любит его, оплачивает его аренду и проживание, заботится о нем, когда он болен, и так далее.

Однако в то же время проявляются жесткие, старомодные способы мышления и поведения, присущие русской этнической культуре, а также слабости высокомерного характера:

Алик не ценит расточительство и пренебрежение культурой со стороны американцев, не имеет привычки экономить, чрезмерно тратится, не обладает экономической хваткой и не имеет ни гроша; врач Фима полжизни боролся с американской медицинской лицензией, а его упрямый и упертый характер и презрение к американской системе похоронили его собственное будущее; большинство русских гостей в доме не имеют стабильной работы, например, Либин и Файка. Парадоксальные черты этнических русских, гостеприимных, трудолюбивых и способных на тяжелый труд, но при этом ленивых, сварливых и отвергающих чужую культуру, нетрудно увидеть в этой повести.

Развитие жизненных привычек часто уходит корнями в родную среду персонажей и является важным явным фактором отражения этнической культуры, которая присутствует в каждом кусочке повседневной жизни. Привычки в еде и одежде некоторых героев повести отражают это в полной мере. Персонаж Нинка необычайно помешана на выпивке. В повести несколько раз упоми-

нается русская традиция высокой водки и черного хлеба — традиционное диетическое сочетание, которое демонстрирует консерватизм русских иммигрантов, таких как Нинка, в их привычках питания и намекает на их чувство идентичности и культурного признания.

Характер старой Марьи Игнатьевны, как представительницы старых эмигрантов, придерживающихся традиций, впечатляет уже при первом появлении, когда она надевает «подследники, которые на этом континенте не водились» [4, с.10], а затем «пить чай в такую жару, и не американский, ледяной, а русский, горячий, с сахаром и вареньем.» [4, с.11] Отличительные черты одежды и культуры питания свидетельствуют о том, что старуха изо всех сил старается сохранить русские обычаи, а ее стойкая вера в чудодейственные целебные свойства масел — о приверженности традициям родной страны.

В конце повести основное внимание уделяется гигантской картине, изображающей главного героя Алика на вечеринке, на которой специально изображена похожая на домашнюю русская кошерная еда, купленная у торговца иммигрантской едой. Как группа людей, проживших в США много лет, они все еще привыкли подавать на своих собраниях русскую кошерную «еду, еду, русско-еврейскую якобы домашнюю еду, купленную в эмигрантском магазине» [4, с.115], еду, называемая русскими «оливье», а другими народами «русским» [4, с.115]. Это также отражение глубокого отпечатка, оставленного первоначальными привычками жизни.

Жизнь героини Валентины, впервые приехавшей в США, невероятно трудна, но она «зашла в еврейскую закусочную за углом — к Кацу.» [4, с.63]. Хотя это не типичный русский ресторан, тот факт, что она, будучи членом русско-еврейской общины, предпочитает кошерные деликатесы недорогой американской еде, является особой деталью ее жизни, которая показывает, что она все еще следует своим традиционным привычкам питания, а также отражает глубокое влияние, которое русская этническая культура оказала на героиню.

Конечно, стоит отметить, что Алик, хотя и без гроша в кармане и в нищете, «но оплатили место в еврейской, наиболее дорогой, части кладбища» [4, с.109]. Хотя Алик был похоронен в чужой стране, он остался со своим народом, традиционные этнические культуры говорят о возвращении к своим корням, и погребение Алика в какой-то мере вернуло его к традициям.

«Из всех компонентов культуры наиболее отчетливо выраженными функциями обладает язык, способствующий чувству групповой идентичности, поддерживающий сплоченность этнической общности, обеспечивающий культурную преемственность в рамках этноса, наряду с устно-письменной, изобразительной, овещест-

вленной информацией.» [2, с.14] Сила языка проявляется в том, что все в этнической русской семье во главе с Аликом общаются на русском языке, поют русские песни со своей родины, обращают внимание на русские новости и слушают русское радио — традиционная привычка, заразившая даже итальянца Джойка. Сам язык и содержащаяся в нем коллективная память являются частью традиционной этнической культуры.

Один из самых важных эпизодов повести «Весёлые похороны» — встреча Алика, русского еврея, с христианским священником и еврейским раввином в один и тот же день. На первый взгляд, диалог со священнослужителями двух совершенно разных и враждебных религий — комическое приключение, но автор организует этот типичный эпизод, потому что хочет исследовать глубокий вопрос — есть ли возможность примирения за противоречивыми конфликтами между двумя религиями, которые кажутся несовместимыми друг с другом. Речь идет не только о конфликте между христианством и иудаизмом, но и о конфликте между русской этнической культурой и монокультурой еврейского народа.

В последних главах еще раз показано примирение этнической русской культуры с монокультурой еврейского народа: Алексей перед смертью крестится в христианство, а после смерти его хоронят на еврейском кладбище, группа евреев «натягивая на ходу молитвенные покрывала и тфиллин, расталкивая мужчин и наступая на ноги женщинам, они возглашали первые слова» [4, с.113]. Надгробный «Кадиш» будет сопровождать Алика до самой земли.

При изучении отдельного произведения в истории русской литературы важно проанализировать его тематические идеи, творческие особенности и характеры, но нельзя игнорировать роль и значение произведения в области литературы и даже в проблемах действительности. Литературные произведения идут от жизни и выше жизни, они во многом являются продуктом синтеза реальной ситуации и мыслей автора, создаются с определенной значимостью и влиянием, что оказывает большую помощь будущему литературному творчеству и развитию человека. Повесть Улицкой «Весёлые похороны» также имеет значение как для самой литературы, так и для реального мира.

Повесть Улицкой «Весёлые похороны» — типичный пример этнокультурного письма в литературе, которое расширяет широту и глубину этнической литературы с точки зрения жанра, тематики, перспективы и точки зрения. Она не только ярко изображает характеры русских евреев, живущих в Нью-Йорке, но и сплетает множество коннотаций на тему «весёлых похорон». Повесть отражает самовыражение и ответственность этнических личностей, представленных Аликом и Ириной, с разных

точек зрения в интертекстуальном взгляде на историю и реальность, политику и эстетику, традиции и новые веяния, родину и чужбину, раскрывает глубинные причины современных национальных и социальных экологических проблем России и миссию этнической литературы.

Повесть «Весёлые похороны» имеет три основных значения на литературном уровне:

Во-первых, она еще более эффективно расширяет академические рамки исследования этнической литературы, что позволяет переходить от изучения классических афроамериканских писателей к исследованию литературных произведений, литературных теорий и литературного признания многих стран, этносов, литературных категорий и междисциплинарных направлений, и этническая литература России становится частью мировой этнической литературы.

Во-вторых, она способствовала органичной интеграции этнического литературоведения с исследовательскими проблемами передового характера, особенно в теоретической дискуссии и литературной практике, способствовала обсуждению и конструированию этнических групповых сообществ, углублению понимания этнокультурной сферы и этнического сообщества, постановке новых проблем поверх прежних, а именно проблемы внутриэтнической дифференциации в силу различия рас и религиозных убеждений.

В-третьих, признавая общие проблемы этнических меньшинств и схожие темы, исследуемые в этнической литературе, повесть делает акцент на представлении уникальности русского этноса в разных культурных контекстах, раскрывает эволюцию русского этноса в разных исторических контекстах и различия в разных регионах, тем самым способствуя развитию многообразия мировых культур.

Повесть создаёт новую парадигму для создания русских этнических проз, так как основная сюжетная линия фонит русскими этническими квартирами, неизменно ломает расистские барьеры, представляя космополитическую точку зрения — дорожи красотой своей культуры, принимай красоту других культур, и когда понимание красоты станет общим, в мире воцарится великое единение. Хотя это произведение принадлежит к этни-

ческой литературе, но идеи, которые автор хочет выразить об этнической культуре, выходят за рамки старых категорий. Благодаря тонкому и деликатному стилю языка, простому и незамысловатому, перспективе от третьего лица и повествовательной технике переплетения воспоминаний и реальности, Улицкая освещает самобытные устремления и коллективный опыт этнических русских, правдиво воссоздаёт условия выживания и психологического состояния русского сообщества в 1990-е годы, отражает отношение этнических русских к этническим культурам и их принятие, фиксирует влиятельные политические события. Повесть Улицкой «Весёлые похороны» — редкий шедевр.

Идеи Улицкой об этническом литературном творчестве тесно связаны с ее российской еврейской идентичностью и личным жизненным опытом, и оба они носят ярко выраженный реалистический характер. В 1998 году вышла повесть «Весёлые похороны», которую она писала в течение пяти лет после распада Советского Союза. В ней писательница впервые изобразила жизнь русских эмигрантов в США на фоне современной жизни. Действие повести происходит в дни государственного переворота в Советском Союзе, в старой квартире в США, герой, эмигрантский русско-еврейский художник Алик, смертельно больной, собирается покинуть этот мир, и вокруг него собираются его бывшие подруги и близкие друзья. Повесть вращается вокруг жизни этих русских евреев на американском континенте, показывая их выживание в мультикультурном столкновении, боль и опутанность чужой землей из-за невозможности реализовать свои первоначальные идеалы. На протяжении всей повести русские иммигранты думают о своей родине и о том месте, куда они мигрировали, и хотя они беспомощны в отношении своей родины и даже надеются использовать плохие новости о ней, чтобы доказать, что для них правильно уехать в свою страну и покинуть родину, связь с родиной в конце концов остается неизменной, и привязанность к родине невозможно стереть, несмотря ни на что, и они даже передают эти эмоции своим детям, которые растут в США. Содержание повести отражает авторскую идею создания этнической литературы: с помощью тонкого и эвфемистического языка, тонких и ярких описаний, в связи с социальной действительностью, произведение передает реальную этническую культуру в деталях, в чувствах и поведении персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еронин А.М. О понятиях «этнос», «этничность», «этническая идентичность», «нация» в российском социокультурном контексте / А.М. Еронин // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2003. — № 32. — С. 64–70.
2. Зязева Л.К. Традиционная культура как основа формирования национального самосознания молодого поколения: диссертация на соискание ученой степени кандидата наук / Л.К. Зязева. — Санкт-Петербург, 2004.
3. Лурье С.В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика / С.В. Лурье // Общественные науки и современность. — 1999. — № 4. — С. 101–111.

4. Улицкая Л.Е. Весёлые похороны / Л.Е. Улицкая. — Москва: Редакция Елены Шубиной, 2018. — 5–125 с.
5. Улицкая Л.Е. Весёлые похороны / пер. с рус. Чжан Хуэйюй, Сюй Кай. — Чжэцзян: Чжэцзян вэнь чубаньшэ, 2021. — 190 с.
6. Чэнь Фан. Улицкая и её творчество / Чэнь Фан // Мировая литература. — 2021. — № 3. — С. 85–95.
7. Фан Синфу, Не Шиюй. Пространственная мобильность и идентичность в «Я знаю, почему поет птица в клетке» / Фан Синфу, Не Шиюй // Исследования по иностранной филологии. — 2023. — Т. 9, № 6. — С. 1–10.
8. Го Цзин. Исследование творчества Л. Улицкой с точки зрения литературной риторики / Го Цзин. — Пекин: Пекинский университет издательства, 2017. — 214 с.
9. Ли Жуй. Диаспорическое письмо и воображение сообщества в «Бруклине» / Ли Жуй // Исследования по иностранной филологии. — 2023. — Т. 9, № 6. — С. 11–21.
10. Чжан Хуэйюй, Сюй Кай. К построению иммигрантской идентичности в «Весёлых похоронах» / Чжан Хуэйюй, Сюй Кай // Вестник Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли. — 2024. — Т. 35, № 1. — С. 138–148.

© Ли Минжуй (minzhui.li@yandex.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЧЭНЬЮИ С ЭМОТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лю Шушуй

аспирант, Пермский государственный национальный
исследовательский университет
1799062686@qq.com

CHENGYU WITH AN EMOTIVE COMPONENT IN CHINESE

Liu Shushuai

Summary: This article explores Chinese idioms (chengyu) that express fundamental human emotions of joy and anger. The aim of the study is to analyze the semantic gradations of these emotions within Chinese fixed expressions and to examine their national and cultural specificity. The focus is on classifying chengyu based on the intensity of emotional states: for joy, levels range from calm satisfaction to unrestrained delight, while for anger, they range from hidden discontent to destructive rage. Special emphasis is placed on the pragmatic aspect of using these idioms: the author demonstrates how, in contemporary discourse, they often take on an ironic or satirical tone, becoming tools for social criticism.

Keywords: Chinese idioms, chengyu, emotions, joy, anger, intercultural communication.

Аннотация: В статье исследуются китайские фразеологизмы (чэньюи), выражающие базовые человеческие эмоции радости и гнева. Цель работы – проанализировать семантические градации этих эмоций в китайских устойчивых выражениях и рассмотреть их национально-культурную специфику. Основное внимание уделяется классификации чэньюи по степени интенсивности эмоционального состояния: для радости выделены уровни от спокойного удовлетворения до безудержного восторга, а для гнева – от скрытого недовольства до разрушительной ярости. Особый акцент делается на прагматическом аспекте использования данных идиом. Автор показывает, как в современном дискурсе они часто приобретают ироническое или сатирическое звучание, становясь инструментом социальной критики.

Ключевые слова: китайские фразеологизмы, чэньюи, эмоции, радость, гнев, межкультурная коммуникация.

Фразеологизмы (в китайском языке – чэньюи) являются неотъемлемой частью языка и наиболее полно отражают языковое мировоззрение его носителей. В разных языках существуют семантически схожие идиомы, имеющие общее происхождение, однако многие устойчивые выражения уникальны для конкретной культуры благодаря своей образности. Следовательно, фразеологизмы служат важным источником для понимания менталитета нации. В настоящее время фразеология выступает объектом многочисленных лингвистических исследований. Фразеологический корпус китайского языка представляет собой сложную систему, изучение которой позволяет получить новые сведения о его структурных особенностях и культурном своеобразии, обеспечивая более глубокое понимание текстов и устной речи. Однако тема выражения эмоций и использования иронии в китайских идиомах до сих пор остаётся недостаточно изученной [1, с. 161]. В предлагаемом исследовании проводится анализ выражения базовых человеческих эмоций – радость, гнев/злость – посредством китайских чэньюи и их возможных соответствий в русском языке.

Радость

Радость можно понимать как чувство счастья, достигающее более высокого состояния, отражающее положительные и оптимистические эмоции. В разных китайских словарях это слово имеет схожие значения. (Таб. 1.)

В зависимости от интенсивности эмоции радости можно выделить пять уровней: от спокойного удовлетворения до иронии и насмешки.

1.1. Спокойная радость: 怡然自得 (yí rán zì dé) – «радостный и довольный», состояние внутреннего удовлетворения и гармонии [2]. 亏得名琛是读过十年书，养过十年气的人，虽然做了楚囚，依旧作画吟诗，怡然自得 [3]. К счастью, Минчэнь десять лет учился и десять лет совершенствовал свой характер. Даже будучи пленником Чу, он продолжал рисовать и сочинять стихи, **находя удовлетворение в своём положении**. Этот фразеологизм означает, что, хотя сейчас Минчэнь находится в изгнании и не занимает важных должностей, его предыдущее образование и жизненный опыт позволяют ему сохранять спокойствие и самообладание, несмотря на нынешнюю бедность.

心满意足 (xīn mǎn yì zú) – «сердце полно, желания удовлетворены», состояние полного удовлетворения и отсутствия претензий [2]. 那副尊容，那种学问，得配这般一个女人，也应该心满意足才是 [3]. С такой внешне-стью и знаниями он заслуживает такую женщину; ему следует **быть довольным**. В данном контексте мужчина был некрасив и невежествен; ему следовало бы довольствоваться такой красивой женой. Приведенный выше пример выражает тонкую радость, нежное и сдержанное чувство, часто ассоциирующееся с внутренним удовлетворением и покоем.

Таблица 1.

高兴, 愉快 Радость	Китайский словарь 汉典 [4]	在线汉语字典 (Интернет-словарь китайского языка) [5]	Китайский словарь 汉语词典 [6]	Словарь Чихая 词海 [7]
愉快而兴奋 веселый и радостный	+	+	+	+
喜欢做某事 любить делать что-то	+	-	-	-
高雅的兴致 элегантный интерес	+	-	-	-
兴趣甚高 очень заинтересован	-	-	-	+
心情愉快舒畅 счастлив и удобен	+	-	+	-
戏弄别人,使自己高兴 дразнить других и делать себя счастливым	+	+	+	-

1.2. Явно демонстрируемое счастье: 笑逐颜开 (xiào zhú yán kāi) – «улыбка разгоняет морщины, лицо проясняется», сиять от радости, широко улыбаться [2]. 周正勋又拿了一块钱给他, 车夫笑逐颜开的收着, 拉着空车去了 [3]. Чжоу Чжэнсюнь дал ему ещё доллар, который водитель **принял с улыбкой**, а затем уехал на пустой рикше. Из контекста видно, что водитель просто ответил на вопрос и получил дополнительный доход, даже не выполняя никакой работы (не таская рикшу), поэтому он был очень доволен.

1.3. Интенсивная, волнующая радость: 欢呼雀跃 (huānhū qièyuè) – «восторженно кричать и прыгать, как воробей», ликовать, прыгать от радости [2]. 幼儿园的孩子们听说总理来了, 一个个**欢呼雀跃**, 向总理问好 [3]. Дети в детском саду, услышав о прибытии премьер-министра, **заликовали** и поприветствовали его. Когда премьер Чжоу посетил этот детский сад, дети были вне себя от радости, увидев национального лидера.

1.4. Безудержный восторг: 欣喜若狂 (xīnxǐ ruò kuáng) – «радостный, как безумный», быть вне себя от радости [2]. 他们**欣喜若狂**, 把帽子掷向天空, 把红灯高高举起 [3]. Они были **вне себя от радости**, подбрасывая шляпы в воздух и высоко поднимая красные фонари. Эта сцена произошла во время основания Китайской Народной Республики. Она отражает волнение, которое люди испытали, увидев председателя Мао, и их искреннюю радость по поводу нового государства. Этот чэньюй выражает радость, достигшую своего пика, которая может сопровождаться потерей контроля или состоянием душевного забвения.

Выше представлена классификация чэньюй, выражающих радость, по степени её интенсивности – от спокойного удовлетворения до безудержного восторга.

1.5 Ирония или насмешка. Упомянутые нами выше

чэньюй могут также использоваться не в прямом значении, а с оттенком иронии.我觉得, 不要再**怡然自得**地声称»影响不大"了, 倒是就此出山, 换一个立场, 来看一看自己的"真面目"的好 [3]. *Думаю, нам следует перестать **самодовольно** утверждать, что последствия «незначительны», и вместо этого сделать шаг назад, изменить свою точку зрения и увидеть себя настоящих.* Здесь «довольно» (в китайском языке это словосочетание) имеет иронический оттенок. Как уже упоминалось, предвзятая буржуазная идеология серьезно повлияла на этих учителей, но они продолжают вести себя самодовольно, не осознавая рисков. В данном контексте это выражение используется для описания вынужденного потакания своим желаниям в неловкой, или скучной ситуации.

欢天喜地 (huān tiān xǐ dì) – «радоваться небу и земле», быть переполненным радостью [2]. 不过是行政部发了一盒纸巾, 整个办公室竟像中了彩票一样**欢天喜地** [3]. *Это была всего лишь коробка салфеток из административного отдела, и весь офис был **вне себя от радости**, словно выиграл в лотерею.* Это выражение описывает что-то как крайне обыденное смешивается с чувством радости. Этот уровень счастья очень высок и часто сопровождается волнением или праздничным поведением.

手舞足蹈 (shǒu wǔ zú dǎo) – «руками плясать, ногами топтать», танцевать от радости [2]. 他只不过在游戏里赢了一局, 就对着屏幕**手舞足蹈**, 把室友都看呆了 [3]. *Он **выиграл всего одну игру**, но при этом **дику танцевал** перед экраном, оставив своих соседей по комнате в полном недоумении.* Этот фразеологизм описывает комичное состояние взрослого человека, который теряет контроль над собой из-за пустяков или несерьезного увлечения.

Гнев / злость. В китайских словарях это слово обычно определяется как выражение недовольства или враждебности. 因不合心意而不愉快. (Это указывает на несчастье, вызванное неудовлетворенностью.) [8, 9], 发怒; 不愉快. (Гнев; недовольство) [10]. Однако в идиомах оно имеет разные коннотации в зависимости от контекста. Чэньюи, передающие гнев, можно классифицировать на четыре уровня в зависимости от интенсивности эмоции, формы её выражения и степени деструктивности – от скрытого недовольства до всепоглощающей ярости.

2.1. Внутреннее недовольство и подавленный гнев: 怏怏不乐 (*yàngyàng bú lè*) – «угрюмый и невесёлый», пребывать в мрачном, недовольном настроении [2]. 信既遇赦, 不得不入朝谢恩. 及退回寓邸, 时常怏怏不乐, 托疾不朝 [3]. *Получив помилование, ему пришлось явиться ко двору и выразить благодарность. Вернувшись домой, он часто пребывал в мрачном настроении и отказывался от визитов ко двору, притворяясь больным.* Хань Синь, заслуженный сановник, был наказан императором за незначительный проступок. Даже после помилования в нём оставалась глубокая обида.

2.2. Явное проявление гнева: 恼羞成怒 (*nǎo xiū chéng nù*) – «досада и стыд перерастают в гнев», вспыхнуть от злости и смущения [2]. 张有济恼羞成怒地: “哎, 一定要走? ! 那你明天就不必到公司去了!” [3]. *Чжан Юэци, вспыхнув от злости, воскликнул: «Ну что ж, если настаиваешь на уходе, то можешь не приходить в компанию завтра!».* Подчинённый резко ответил начальнику, что привело того в крайнее смущение и гнев, и он уволил сотрудника.

气急败坏 (*qì jí bài huài*) – «запыхаться и пасть духом», быть вне себя от злости и ярости [2]. 看到自己散布的谣言没人相信, 他气急败坏地在各个群里追加漏洞百出的»证据» [3]. *Увидев, что его слухам никто не верит, он в бессильной ярости принялся рассылать по чатам всё новые «доказательства», полные нестыковок.* Здесь описывается не просто гнев, но и паника, и унижение, ярко рисующие жалкий вид человека, чьи манипуляции потерпели крах. Приведённые выше фразеологизмы описывают стадию, когда гнев становится явным: эмоции достигают пика возбуждения и проявляются в заметных изменениях речи, интонации и мимики говорящего. Чэньюи этого уровня фиксируют момент, когда гнев прорывается наружу, сопровождаясь очевидными изменениями в интонации, мимике и поведении.

2.3. Сильный гнев, вспышка ярости: 怒不可遏 (*nù bù kě è*) – «гнев невозможно сдержать», прийти в неистовство, быть в ярости [2]. 项王因恨汉王无信, 怒不可遏, 勇气比常百倍, 匹马当先, 冲入汉军 [3]. *Царь Сян, придя в неистовство из-за вероломства ханьского*

вана, обрёл невероятную отвагу и первым бросился в атаку на вражеское войско. Нарушение договора противником привело к огромным потерям, что и вызвало такую ярость, преобразовавшуюся в бесстрашие.

2.4. Крайняя, разрушительная ярость: 七窍生烟 (*qīqiào shēng yān*) – «из семи отверстий (глаз, ушей, ноздрей, рта) идёт дым», пылать яростью, быть в бешенстве [2]. 李铁想不到胡文玉会来这么一棒, 气得七窍生烟, 脸上的肌肉不住地抽搐 [3]. *Ли Те пришёл в такую ярость от поступка Ху Вэньюя, что у него «дым пошёл из ушей», а мышцы на лице задргались.* Предательство друга в критический момент вызвало предельную степень гнева. Эти выражения описывают гнев, достигший высокой интенсивности, который выливается в резкие действия и агрессивные высказывания и может привести к прямому конфликту.

2.5 Ирония или насмешка: 他的错误方案被当众指出后, 立刻恼羞成怒, 指责大家不理解他的»创新思维» [3]. *Когда его ошибочный план был публично раскрыт, он тут же вспыхнул от досады и обвинил всех в непонимании его «инновационного мышления».* Упоминание «стыда» прямо указывает на истинную причину гнева – уязвлённое самолюбие, что делает идиому точным инструментом для описания подобных ситуаций.

怒发冲冠 (*nù fà chōng guān*) – «от гнева волосы встали дыбом и приподняли шапку», быть в бешенстве [2]. 因为外卖小哥迟到了三分钟, 他就在门口怒发冲冠, 仿佛对方犯下了滔天大罪 [3]. *Он стоял в дверях, пылая яростью, будто курьер, опоздавший на три минуты, совершил тяжкое преступление.* Идиома высмеивает неадекватно преувеличенную физиологическую реакцию на пустяковый повод.

Чэньюи, выражающие эмоции радости и гнева, будучи рассмотрены сквозь призму иронии, трансформируются из прямых инструментов изображения чувств в острые инструменты социальной критики и анализа человеческой природы. Их сила заключается не в отрицании самих эмоций, а в юмористическом и глубоком раскрытии неуместности, лицемерия и абсурдности, стоящих за их внешним выражением, через приёмы преувеличения, контекстуального смещения и деконструкции. Они становятся изощрённой формой выражения в китайском языке, сочетающей критическую мысль с эстетическим напряжением. Овладение их употреблением означает обретение точного инструмента для понимания мира и для выразительного самовыражения.

Проведённое исследование чэньюи, выражающих эмоции радости и гнева в китайском языке, в сопоставлении с русскими аналогами позволило сделать ряд важных выводов. Чэньюи представляют собой богатейший

лингвокультурный пласт, системно и детально фиксирующий градации базовых человеческих эмоций. Проведённая классификация продемонстрировала, как китайский язык с помощью устойчивых образных выражений выстраивает тонкую шкалу эмоциональных состояний: от спокойного удовлетворения (怡然自得) до безудержного восторга (欣喜若狂) и от скрытого недовольства (怏怏不乐) до разрушительной ярости (七窍生烟). Эта системность подчёркивает не только выразительные возможности языка, но и глубокое культурное осмысление эмоций как сложных, многоуровневых явлений. Китайские чэньюй, сохраняя образность, тяготеют к более метафоричным, а порой и гиперболизированным описаниям внутренних состояний («сердце цветёт пышным цветом» — 心花怒放, «дым идёт из семи отверстий» — 七窍生烟). Эта особенность отражает свойственный китайской языковой картине мира интерес к внутреннему миру человека и его тонким психологическим нюансам.

Одной из наиболее значимых находок исследования стала роль иронии в употреблении этих идиом. Многие чэньюй, изначально служащие прямым обозначением сильных чувств, в современном дискурсе часто используются для тонкой социальной критики и сатиры. Превеличенная радость по пустяковому поводу (欢天喜地 из-за коробки салфеток) или ярость из-за сущей мелочи

(怒发冲冠 из-за опоздания курьера) становятся инструментами для высмеивания лицемерия, абсурдности и инфантильности в поведении. Таким образом, чэньюй эволюционируют от простых дескрипторов эмоций к сложным прагматическим инструментам, несущим оценочную и критическую функцию. В контексте перевода и межкультурной коммуникации работа подтвердила, что прямой эквивалентный перевод чэньюев зачастую невозможен. Успешная передача их смысла требует учёта не только семантики, но и культурных коннотаций, образной основы и потенциальной ироничности. Понимание этих нюансов является залогом адекватного восприятия китайского текста и эффективного диалога между культурами.

Итак, изучение эмотивной фразеологии китайского языка открывает доступ не только к расширению словарного запаса, но и к глубинным слоям китайского менталитета. Чэньюй оказываются своего рода ключом, позволяющим декодировать культурные установки, социальные нормы и особенности мировосприятия. Овладение этим пластом лексики – важный шаг на пути к глубокому пониманию китайского языка и мышления его носителей, а также к более точному и выразительному межкультурному взаимодействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котельникова Н.Н. Структурно-грамматические особенности китайских четырехморфемных фразеологизмов «Чэньюй» // Известия ВГПУ. 2016. № 8 (112). С. 160–166.
2. Словарь zdic «漢典» (Zdic.net). URL: <https://www.zdic.net/> (дата обращения 11.01.2026).
3. Корпус современного китайского языка CCL (Пекинский университет). URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения 11.01.2026).
4. Китайский словарь 汉典 Handian. URL: <https://www.zdic.net/hans/%E9%AB%98%E5%85%B4> (дата обращения 11.01.2026).
5. Интернет-словарь китайского языка 在线汉语字典. URL: <https://dictkit.github.io/xiandai/> (дата обращения 11.01.2026).
6. Китайский словарь 汉语词典. URL: <https://www.hanyuguoxue.com/cidian/ci-1e220151fa> (дата обращения 11.01.2026).
7. Словарь Чихая 词海 URL: <http://juwenku.com/> (дата обращения 11.01.2026).
8. «现代汉语词典» (第7版). 北京: 中国社会科学院语言研究所. 2016. 1800页 (Современный китайский словарь (7-е издание). Пекин: Институт лингвистики Китайской академии социальных наук. 2016. 1800 с.).
9. «新华字典» (第12版). 北京: 商务印书馆. 2020. 699 页. (Словарь Синьхуа (12-е издание). Пекин: Коммерческая пресса. 2020. 699 с.).
10. «汉语大词典» (罗竹风主编), 上海: 上海辞书出版社. 2008. 15400 页 (Большой словарь китайских иероглифов / под редакцией Ло Чжунфэна. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство. 2008. 15400 с.).

© Лю Шушуй (1799062686@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ДЕЛИМОСТИ ТЕКСТА В МАЛЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМАХ АРАБСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Попенков Олег Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва
oleg.popenkov@list.ru

REGARDING THE TEXTUAL DIVISIBILITY IN SHORT ARABIC LITERARY PROSE FORMS

O. Popenkov

Summary: This article explores the problem of text divisibility in short literary forms of Arabic fiction, using the short story "A Life for Others" by Egyptian Nobel laureate Naguib Mahfouz as a case study. The author reveals Naguib Mahfouz's individual style of highlighting specific moments related to content-conceptual information. The division of the seemingly continuous narrative occurs through the alternation of episodes grouped into semantic-functional entities (SFE), the use of dialogues, direct speech of characters, and the internal monologue of the protagonist, all of which are graphically connected. The author concludes that the story reveals a certain technique of the writer – to pause in order to then continue the narrative in an unexpected way. The author hypothesizes that this technique is programmed by the writer.

Keywords: text divisibility, short forms, content-conceptual information.

Аннотация: В статье автор исследует проблему делимости текста в малых литературных формах арабской художественной прозы на примере рассказа «Жизнь для других» лауреата Нобелевской премии по литературе египетского писателя Нагиба Махфуза. При этом вскрывается индивидуальная манера Нагиба Махфуза актуализировать отдельные моменты, относящиеся к содержательно-концептуальной информации. По мнению автора членение на первый взгляд непрерывного повествования происходит за счёт чередования эпизодов, объединённых в СФЕ, использования диалогов, прямой речи героев и внутреннего монолога главного героя, которые связаны между собой графически. Автор статьи приходит к заключению, что в рассказе просматривается уникальный авторский приём писателя, а именно: остановиться, чтобы затем продолжить дальнейшее повествование неожиданным образом. Автор статьи выдвигает гипотезу о том, что такой приём намеренно запрограммирован писателем.

Ключевые слова: делимость текста, малые формы, содержательно-концептуальная информация.

Проблема делимости текста в арабской художественной прозе мало изучена. Особенно это касается малых литературных форм – рассказов и новелл, где весьма своеобразно пересекается членение текста по двум известным в лингвистической науке видам: объёмно-прагматическому и контекстно-вариативному. При этом для анализа текста рассказа (новеллы) используется лишь часть объёмно-прагматического членения. Это, как правило, могут быть: отбивка (объём текста менее главы), абзац и СФЕ (сверхфразовое единство).

В большей степени в членении текста малой литературной формы участвует контекстно-вариативное деление: повествование, описание природы, внешности персонажей, обстановки, ситуации, места действия; рассуждения автора; чужая речь, диалог, цитация, несобственно-прямая речь [1, С.52]. Оба этих вида членения текста связаны между собой и имплицитно раскрывают содержательно-концептуальную информацию (СКИ) рассказа (новеллы).

«Проникнуть в прагматику членения текста – задача трудная и решение её нередко носит субъективный характер», – считает выдающийся лингвист И.Р. Гальперин [1, С.52]. Согласимся с учёным, тем более что речь в исследовании пойдёт о малых литературных формах в

творчестве арабских писателей – теме, мало изученной нашими отечественными лингвистами. Однако, как далее пишет Гальперин, ссылаясь на М. Цветаеву «...само чтение есть разгадывание того, что скрыто за словами, за строками – своего рода сотворчество...» [1, С.52].

Сделаем попытку рассмотреть прагматику членения текста малой литературной формы, применив логико-прагматический подход [2, С.23-57] на примере рассказа египетского классика художественной прозы Нагиба Махфуза «Жизнь для других».

Рассказ начинается с повествования, описания природы, внешности, места действия и характеристики главного персонажа рассказа. Предложения объединены в единое СФЕ и структурно представлены (в арабском тексте) двумя абзацами. Связанные между собой оба вида членения текста предваряют имплицитное раскрытие СКИ рассказа, традиционно, для арабского языка, стремящегося к максимально подробному изложению в небольшом по размеру тексте:

«В вечернее время Абд ар-Рахман-эфенди любит спускаться в сад своего небольшого дома. Это стало для него привычным делом. Тут, в саду, он проводит большую часть года, ведь мужчина из той редкой породы лю-

дей, которые покидают свой дом лишь по неотложным делам.

Так он поступил и тогда, в один из погожих сентябрьских дней. Мужчина окинул свой сад хозяйским взглядом, прошелся по змеящимся дорожкам и, бросил взгляд на кусты роз и вазы с цветами. Затем он уселся в кресло возле забора из колючей проволоки, которая отделяла его дом от соседнего и, развернув вечернюю газету, погружился в чтение.

В его походке, как и манере сидеть чувствовалась основательность. Любо, увидев его, ни минуты не усомнился бы в том, что перед ним хозяин дома и глава семейства. От мужчины, его движений веяло спокойствием и уравновешенностью. Во взгляде его глаз затаилась степенность, мужественность и ответственность.

Абду имел большую голову и пышные усы. На вид ему было все сорок лет, хотя в действительности его возраст составлял без нескольких месяцев тридцать пять».

ساعة الأصيل هي الساعة المختارة التي يهبط فيها عبد الرحمن أفندي الي حديقة البيت الصغير، و هي عادته التي يلزمها أو التي تلازمه أغلب شهور السنة: لانه من القلة النادرة التي لا ترتاح الي ترك البيت الا لعمل أو ضرورة. و قد نزل الي الحديقة ذلك اليوم من أيام سبتمبر المعتدلة، و ألقى عليها النظرة المعهودة، و تمشّي بين طرقاتها الملتوية يسرح بصره بين شجرات الورد و أصص الزهور، ثم جلس علي أريكة علي كنب من السورالمقام من الاسلاك الشائكة الذي يفصل بين حديقة بيته و حديقة البيت المجاور، و بسط جريدة من جرائد المساء كانت مطوية تحت ابطه و مضي يطالع.

و كان مشيته كما كان في جلسته آية للرزانة: فمن كان يراه لا يشك لحظة في انه رب بيت و عاقل أسرة، فحركاته و ايماءاته تقرر دائما بالهدوء و الاتزان، و نظرة عينيه تلوح فيها الرزانة و الرجولة و المسؤولية، و رأسه الكبير و شاربه الغزيريدلان علي أنه ابن أربعين و ان كان في الحقيقة لم يجاوز الخامسة و الثلاثين الا بشهور قلائل،

Далее прослеживается развитие ситуации. В следующем эпизоде появляется молодая девушка с маленькой собачкой. Соседка по дому, Самара. Подчёркивается

юная красота и свежесть девушки и её отношение к главному герою, как к «дяде», другу своего отца. Девушка не воспринимает Абду как мужчину, и это обстоятельство глубоко задевает его, мечтающего взять в жёны юное создание.

Новое СФЕ начинается с диалога между ними. Оно перемежается любованием главного героя девушкой, которую он знает с самого раннего её детства, и к которой теперь не безразличен как к юной женщине. Каждое появление её в доме соседа отзывается радостью и счастьем в сердце Абду:

«Здравствуй, дядя!

Абду, убрал газету от своего лица и поглядел в сторону соседнего сада. В его взгляде читалась радость. Там он увидел черноглазую девушку. Её ясные глаза смотрели на мужчину доверчиво и доброжелательно. Мужчина ощутил острое чувство, словно бы в его лицо пахнуло прохладным ветерком, смешанным с запахом жасмина.

— Здравствуй, Самара, — ответил он.

Девушка улыбнулась ему и принялась играть со своей маленькой белой собачкой. Самаре исполнилось шестнадцать лет. Лицо девушки привлекало юной свежестью, а гибкая фигура расцветающей женственности. Глядя на Самару, на ее загорелое лицо, Абд ар-Рахман испытал такое чувство, будто бы его окунули в сумерки вечерней зари.

С ноткой нежности и лукавства мужчина спросил:

— Самара, ты раздобыла новую кожу?

Девушка рассмеялась. Затем погладила по спине свою собачку и перевернула её.

Выражение лица мужчины изменилось. Ушли серьёзность и сосредоточенность. А их место заняли мягкие мечтательные черты. Абду время от времени бросал на девушку долгий влюблённый взгляд.

Шелковистые локоны волос Самары рассыпались вокруг её шеи и щёк. Абд ар-Рахман продолжал любоваться ею. Но, вдруг, его сердце сжалось, а взгляд мужчины стал отрешённым, не видящим ничего прямо перед собой. Он осознал, что поведение Самары в отношении его не изменилось со времени её детства и отрочества. Самара до сих пор называет его дядей, как делала это ещё играя в куклы! Раньше это радовало Абд ар-Рахмана, он видел в этом выражение дружеских чувств девочки и ее отца. Однако теперь такое обращение не только не радует, но и обижает вплоть до стеснения в груди.

- سعيدة يا عمي!

فأزاح الجريدة عن وجهه و نظر الي حديقة البيت المجاور نظرة التمتع فيها الابتهاج، فرأي وجهها مشرقا يرنو بعينين سوداوين صافيتين يطالعانه بالبراءة. فأحسن احساس الحران هب عليه نسيم بارد معطر بالياسمين ، و رد تحيتها قائلا: أهلا بالآنسة سمارا.

فابتسمت اليه و وقفت تلاعب كلبها الابيض الصغير. كانت في السادسة عشرة يتجاذب وجهها الصبوح و قدّها المشوق براءة الصبا و أنوثة الشيا.

و قال برقة: لقد اكتسبت بشرة جديدة يا سمارا. فاستضجكت، و عدا الكلب في تلك اللحظة فولّته ظهرها و عدت وراءه.

و بدا عليه تغير ظاهر، ففاضت من عينيه نظرة الجد و الرزانة و خلّفتها نظرة جنان و أحلام. و طاب له أن يختلس منها نظرات طويلة سعيدة، فشاهدها

. و في أثناء ذلك تدلّت خصلات شعرها الحريري و حامت حول عنقها و خديها. و كان في مشاهدته سعيدا مبتهجا، و لكن انقبض صدره فجأة فلوي رأسه و نظر الي الامام بعينيه لا تريان شيئا؛ لانه تذكر أن سلوكها نحوه لم يتغير منذ كانت تدرج في الطفولة و الصبا ، و انها ما تزال تناديه بقولها "عمي" كما كانت تفعل و هي صغيرة تلعب بالعراس. و كان فيما مضي يفرح بهذا النداء و يعدّه آية علي ما له في نفسها و نفس أبيها من المودة و الصداقة، اما الآن فهو يضيق به و يتأدّي منه و لا يكاد يسمعه حتي ينقبض صدره و تتولّي عنه المسرة.

Автор рассказа рисует терзания Абду, который ведёт внутренний разговор сам с собой. Мужчина давно любит Самару. Он много старше, ему тридцать пять, а его избраннице лишь шестнадцать. Он не знает, любит ли она его, ведь она до сих пор называет его «дядей», как в своём детстве? Кроме того, он всего лишь скромный чиновник с окладом в пятнадцать фунтов! Что он может дать ей? Кроме того, как сказать о своей любви её отцу и своему другу одного с ним возраста?

Абду весь мысленно в своих мечтах и сомнениях из которых его выводит вопрос девушки, заставляя вернуться к реальности.

Писатель членит текст диалогами главных героев, пока, не меняя характера изложения, но, одновременно, заставляя читателя остановиться и оторваться от последовательного изложения событий, концентрируя своё внимание на том, что последует дальше.

Нет сомнения в том, что членение всего рассказа запрограммировано его автором. Просматривается некая тенденция – остановиться, чтобы продолжить дальнейшее повествование. И, такая остановка происходит несколько раз в течении всего произведения. Первая – реакция девушки на нового героя – брата Абду, Анвара, который внезапно вводится писателем в повествование, меняя ход событий:

«Затем он попытался взглянуть ей в глаза и с удивлением заметил, что Самара переменилась в лице, на щеках ее появился румянец, губы задрожали, она с испугом смотрела мимо него — и вдруг побежала к дому. Абд ар-Рахман обернулся и увидел своего брата Анвара, который, улыбаясь, приближался к нему. В сердце мужчины закрались страх и разочарование. Пересилив себя, он приветливо спросил брата:

— Как дела, доктор?

Юноша засмеялся:

— Какой ты счастливый, брат!

Абд ар-Рахман сразу догадался, что он имел в виду, сказав это, но сделал вид, будто не понял, и переспросил:

— Счастливый?

— Конечно. Тот, кто разговаривает с Самарой, должен чувствовать себя счастливым...»

ثم لاحظ تغيرا فجائيا يطرأ عليها، فرأي وجنتيها تتوردان و شفثيها تقلقان ، و عينيها تتحولان الي هدف وراءه.. و شاهدها تفرّ نافرة الي داخل البيت، و نظر خلفه دهشا فرأي نور يقف مبتسما و يمدّ له يده للسلام، و أحسن بكآبة لم يدر ما سببها، و خفق قلبه خفقان الخوف و الخيبة، و لكنه سلّم عليه مبتسما و قال له: أهلا، كيف حالك يا دكتور؟

فضحك الشاب و قال بصراحة: كم أنت سعيد يا أخي!

و ادرك ما يعني من اتجاه بصره و لهجته، و
آلمه ذلك غاية الألم، و لكنه تجاهل الامر و قال
بانكار: سعيد؟

- طبعاً، من يحدث سماراً ينبغي أن يكون
سعيداً.

Писатель вновь членит текст диалогом между двумя братьями, вводя авторские ремарки, которые проявляются через предчувствие беды, которые ощущаются главным героем:

«Мужчина подумал: На самом деле счастлив не тот, кто говорит с Самарой, а тот, при виде которого она краснеет и убегает»

. ليس السعيد حقاً من تحدثه سماراً. و لكنه
من تخلل من محادثاته و من يتورّد وجهها حين
رؤيته فلا تملك إلا أن تفرّ هاربة..

Приближается кульминация повествования, однако писатель искусственно несколько затягивает развязку, приостанавливая ход событий, чтобы затем более полно подчеркнуть всю тяжесть личной трагедии главного героя, Абду:

«Сначала выслушай меня, — заговорил Анвар, продолжая стоять. — Я сейчас на распутье. Через месяц кончается моя врачебная практика в больнице. Мой преподаватель, доктор Браун, рекомендует меня в состав группы на медицинский факультет.

Абд ар-Рахман сразу почувствовал облегчение и радостно воскликнул:

— Поздравляю! Поздравляю! Без сомнения, ты достоин этого.»

و لكن الشاب قال باصرار: استمع لي أولاً
يا أخي؛ فإن حياتي في مفترق الطرق.
فسكت الرجل و أردف الشاب: ستنتهي بعد
أشهر مدة تمريني كطبيب امتياز في القصر، و قد
أخبرني أستاذي الدكتور براون بأن النية متجهة الي
اختياري عضواً في بعثة كلية الطب.
فأحسن الرجل بارتياح غير منتظر و قال
بفرح: مبارك، مبارك. أنت أهل لذلك بغير شك.

И, вот, наконец кульминация, в дальнейшем диалоге между братьями:

— «Если бы я уехал, то не один...

Анвар справился с волнением и продолжал:

— Я уеду с женой, если этого пожелает Аллах...

Брат помолчал некоторое время и, справившись с волнением, спросил:

— Я так понимаю, ты уже сделал выбор?

— Самара, — кивнув в сторону дома соседей, произнёс Анвар.

اني اذا سافرت فلن أسافر منفرداً سأسفر
-زوجاً ان شاء الله
و سكت الاخ لحظة يغالب عواطفه ثم قال:
هل افهم من ذلك أنك وفقت الي الاختيار؟
فأحني الشاب رأسه، و أشار بذقنه الي بيت
الجار و قال:
- سماراً.

Происходит самое худшее, что могло произойти в жизни главного героя.

Писатель рисует его волевым человеком, преисполненным чувства долга перед семьёй. Он не может помешать счастью своего брата, который переступил ему дорогу и желает до своего отъезда в Англию жениться на единственной на свете женщине, которую так любит Абду!

Следующее СФЕ содержит имплицитное повествование о том, как после смерти отца, мужчина берёт на себя тяжкое бремя заботы о семье: матери и своих младших братьях, отказывая себе в личном счастье. Мужчина долгие годы жил ради семьи. Двое его братьев женились. Остался лишь один, последний, студент-медик. Теперь же он, старший брат, горячо пожелал личного счастья, на которое, выполнив все обязательства перед семьёй, имеет право. Но счастье, такое близкое, неожиданно ускользает от него. Он жертвует им ради своего младшего брата.

В художественной литературе такой приём называют авторским отступлением. В лингвистике – сентенцией, которая также играет роль «...торможения» повествования. Такие торможения дают возможность автору «в открытой форме высказывать личные суждения по различным вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к центральной теме...» [3, С145]

Здесь членение текста представлено чередованием

повествования автора рассказа о жизни мужчины, его жертвенности и преданности семье, которое представлено воспоминаниями главного героя.

Писатель заставляет читателя оторваться от последовательного восприятия повествования и призывает к сопереживанию, фактически высказывая своё отношение к происходящему. Когерентность рассказа представлена во всей полноте и венчается его названием: «Жизнь ради других.»

Из изложенного выше можно сделать следующие выводы:

Членение текста рассказа «Жизнь для других» вскрывает индивидуальную манеру писателя Нагиба Махфуза актуализировать отдельные моменты, относящиеся к со-

держательно-фактуальной информации. Это членение на первый взгляд непрерывного повествования происходит за счёт чередования эпизодов, объединённых в СФЕ, использования диалогов, прямой речи героев и внутреннего монолога главного героя. Все эти моменты связаны графически. Автор, продолжая сюжетную линию, использует приём остановки перед её продолжением, для того чтобы заставить читателя активизировать свои когнитивные способности в рамках эстетико-познавательного процесса.

Вместе с тем, текст произведения завершён и интегративен. Интеграция частей рассказа осуществляется по мере развёртывания повествования и приходит в конечном итоге в логическую связь с категорией завершённости.

ЛИТЕРАТУРА

1. И.Р. Гальперин. Текст как объект лингвистического исследования/Отв. ред. Г.В. Степанов. Изд. Стереотип. -М.: ЛЕНАНД, 2024.-144с. (Лингвистическое наследие XX века).
2. Dijk T.A. van. Pragm atics and poetics. — In: Pragm atics of Language and Literature. / Ed. by van Dijk T.A. Amsterdam; Oxford, 1976, p. 23-57
3. А. Квятковский. Поэтический словарь. М., 1966; посл.изд.: М.: URSS.2024

© Попенков Олег Николаевич (oleg.popenkov@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖАНРОВЫЕ ЧЕРТЫ ПРОПОВЕДИ В МЕДИАФОРМАТЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ ОЛЕГА СТЕНЯЕВА)

Рацой Анна Игоревна

Аспирант, Нижневартковский государственный
университет
annette.aga@mail.ru

GENRE FEATURES OF PREACHING IN MEDIA FORMAT (USING ARCHPRIEST OLEG STENYAEV AS AN EXAMPLE)

A. Ratsoy

Summary: Modern non-liturgical sermon presented in the Internet space is a unique genre that combines traditional elements of church sermon with media format techniques. Being the object of research by a number of linguists (T.V. Itskovich, E.Yu. Medvedev, N.D. Futkaradze, A.Yu. Malafeev and others), modern preaching also has a number of unexplored aspects. The article examines the genre structure of modern non-liturgical sermon using the example of the speeches of the clergyman Oleg Stenyaev, highlights the key components of the sermon and their functioning in the context of modern religious discourse.

Keywords: religious discourse, preaching, speech genre, media format.

Аннотация: Современная нелитургийная проповедь, представленная в интернет-пространстве, является уникальным жанром, сочетающим традиционные элементы церковной проповеди с приёмами медиаформатов. Будучи объектом исследования ряда лингвистов (Т.В. Ицкович, Е.Ю. Медведев, Н.Д. Футкарадзе, А.Ю. Малафеев и др.), современная проповедь имеет и ряд неизученных аспектов. В статье рассматривается жанровая структура современной нелитургийной проповеди на примере выступлений священнослужителя Олега Стеняева, выделяются ключевые компоненты проповеди и их функционирование в контексте современного религиозного дискурса.

Ключевые слова: религиозный дискурс, проповедь, речевой жанр, медиа-формат.

Современная проповедь, проникая в медиaproстранство, представляет собой уникальный жанр, который сочетает в себе традиционные элементы церковной проповеди и современные приемы медиаформатов. Этот феномен становится все более актуальным предметом исследований среди лингвистов, поскольку отражает изменения в способах передачи религиозных идей и взаимодействия с аудиторией. В рамках данного исследования мы рассмотрим жанровые черты нелитургийной проповеди на примере выступления протоиерея Олега Стеняева «Главный вопрос на страшном суде».

С лингвистической точки зрения проповедь — монолог, содержащий поучения, наставления, разъяснения основ веры, произносимый священнослужителем как в рамках богослужения, так и вне его с целью религиозно-мотивированного воздействия на адресата [1]. Е.Ю. Медведев выделяет литургийную и нелитургийную разновидности, противопоставляя их по семантическим тенденциям и смысловым составляющим [3].

Согласно Н.Д. Футкарадзе, текстам проповедей присущи жанровые характеристики: вторичность по отношению к прецедентным текстам; нормативность, возможность включения личного опыта проповедника; регламентированность, ритуализированность; клишированность [5].

Под вербальным ритуалом вслед за Е.В. Бобыревой мы будем подразумевать совокупность речевых образов, очерчивающих границы ритуального действия [1].

Так, начало проповеди может оформляться фразой: «Во имя Отца, Сына и Духа Святого, Аминь»; окончание может подытоживаться фразой «Аминь и Богу Слава». Ритуал религиозного дискурса значим уже сам по себе.

Структура проповеди, согласно А.Ю. Малафееву, выглядит следующим образом: указывается повод для ее произнесения (ситуативная тема), затем на основе Священного Писания рассматривается предметно-сакральная тема, после чего следует переход к духовной теме (интерпретации смысла событий), используя профанную тему как аргумент или иллюстрацию. Завершается проповедь композиционным блоком, объединяющим духовную и ситуативную темы. [3, с.43].

По А.Ю. Малафееву, проповедь обладает рядом лексических и стилистических особенностей: использование религиозной лексики, библеизмов, возвышенной и книжной лексики, церковнославянизмов, лексем с абстрактной семантикой; различия в понимании некоторых общеупотребительных слов, использование пословиц с религиозной лексикой [4].

Таким образом, жанровыми характеристика проповеди являются вторичность по отношению к прецедентным текстам, клишированность, сочетание сакральных тем с повседневными, использование церковной, возвышенной и книжной лексики, а также пословиц и библеизмов. Некоторые слова, употребляемые в проповедях, имеют значения, отличающиеся от принятых в современном русском языке.

Целью исследования является анализ жанровых особенностей современной нелитургийской проповеди в медиапространстве.

Материалом для анализа жанровых характеристик проповеди в медиаформате было выбрано выступление протоиерея Олега Стеняева «Главный вопрос на страшном суде» [8]. Выступление протоиерея Олега Стеняева — яркий пример современной православной проповеди, адаптированной к медиаформату. Его лекция «Главный вопрос на страшном суде» позволяет выявить ключевые жанровые характеристики такого типа коммуникации.

Для проведения анализа использовались следующие методы:

1. Контент-анализ – для выявления ключевых тем и мотивов в выступлении.
2. Семантический анализ – для определения значений и смыслов используемых религиозных терминов и фраз.
3. Сравнительный анализ – для сопоставления текста проповеди с текстом Священного Писания.
4. Стилистический анализ – для изучения особенностей использования лексики, стилистических приемов и клише.

Прежде всего отметим, что анализируемый текст выступления является вторичным по отношению к тексту Священного Писания — отрывку Евангелия от Матфея [7], в котором идет речь о Страшном суде.

Коммуникативная характеристика анализируемого видеовыступления основывается на социолингвистической модели религиозного дискурса, предложенной В.И. Карасиком, которая состоит из следующих компонентов: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе, ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы [6, с. 221].

Выступление протоиерея Олега Стеняева «Главный вопрос на страшном суде» сохраняет специфические черты институционального религиозного дискурса, во-первых, потому что автор выступления является священнослужителем, представителем православной церкви – агентом религиозного дискурса, что очерчивает его статус и социальную роль. Во-вторых, уникальным участником текста является Бог, выступая в роли суперагента, на который происходит ориентирование при выстраивании моральных норм и стратегий поведения, рекомендуемых верующим в тексте проповеди. В данном видеовыступлении речь идет о том, какое решение будет принято Богом на Страшном Суде на основе выборов и поступков людей.

В-третьих, особую роль играют личные местоимения:

каноничным является употребление местоимения «мы», употребляемого священнослужителем в проповеди. В-четвертых, в данном тексте используется кодифицированное обращение к Богу – «Господи». Однако в случае с видеовыступлением отсутствует четкое определение клиента религиозного дискурса – прихожанина, т.к. проповедь, произносимая в церкви, как правило воспринимается участниками общины храма, верующими христианами, в то время как видеовыступление может посмотреть как православный христианин, так и неверующий или представитель иной конфессии.

Дискурс строится на цитатах из Евангелия, которые подаются не как предмет для интерпретации, а как абсолютная и единственная мера истины. Авторитет источника не ставится под сомнение, он — основа всей аргументации. Мир делится на четкие оппозиции: спасающиеся/гибнущие, милость/справедливость, служение Богу/служение маммоне. Это создает ясную, но жесткую картину реальности, характерную для институционального проповеди.

«Страшный суд» — это не просто тема, а центральная риторическая стратегия. Цель — вызвать у аудитории священный страх (в греческом понимании — «трепет»), который является инструментом мотивации к покаянию и изменению жизни. «Враг» здесь не персонифицирован, но им становится само греховное состояние человека, его равнодушие к ближнему. Безразличие трактуется как главное препятствие ко спасению, что усиливает личную ответственность и чувство вины за бездействие.

Текст имеет четкую назидательную цель. Он не просто информирует, а предписывает определенный образ мыслей и действий. Логика проста: поскольку на Суде будет задан конкретный вопрос о милости, значит, сейчас нужно практиковать милость. Дискурс формирует норму поведения для всей общины верующих. Используются устойчивые богословские и литургические формулы: «страшный суд», «милость и суд», «образ Божий», «братья и сестры». Эти формулы сразу помещают речь в контекст церковного общения, создавая чувство принадлежности к традиции. Язык эмоционален, но эта эмоциональность также канонизирована (скорбь о грехах, радость о спасении, трепет перед судом).

Обращения «братья и сестры», «христиане» постоянно воссоздают в аудитории чувство общности. Дискурс направлен не вовне, на убеждение сомневающихся, а вовнутрь, на укрепление веры и идентичности уже принадлежащих к институту (Церкви). Он не диалогичен, а монологичен: голос проповедника транслирует позицию института, а не личное мнение. Будущее (Суд) определяет настоящее. Вся этика милосердия выводится не из социальных или гуманистических соображений, а из эсхатологической цели — оправдания на Суде. Это придает практическим делам милости высший, сакральный смысл.

В.И. Карасик отмечает четкую очерченность хронотопа религиозного дискурса: «прототипным местом такого общения выступает храм, <...>, время же религиозного дискурса фиксируется жанровой спецификой такого общения: проповедь произносится в отведенные часы службы» [6, с. 223].

Медиаформат выступления несколько корректирует черты хронотопа и места. Речь, произносимая протоиереем Олегом Стеняевым, записывается в студии, где говорящий священнослужитель сидит за столом, а не в храме с амвона (в православии — центральная полукруглая часть солеи в православном храме, которая находится напротив царских врат и служит местом произнесения проповедей, чтения Евангелия и т.п.) [7] и не привязана к определённому временному периоду, в отличие от проповедей, произносимых в церкви. На социальный и религиозный статус священнослужителя указывает облачение: ряса, скуфья и крест.

Цель приведённого выступления соответствует описанию В.И. Карасика [6, с. 223]. В данном случае это разъяснение православного вероучения, призывы к милосердию и перемене своего образа жизни, соблюдению морально-нравственных и духовных норм, транслируемых в православной вере. Нормативность проявляется в моральной установке, которую автор выражает через акцент на важность милосердия и помощи ближнему.

В тексте выступления также представлены моральные и утилитарные ценности, что соотносит его с религиозным дискурсом:

1. Милосердие и сострадание. Основная ценность, которая подчёркивается в тексте — это необходимость проявления милосердия и сострадания к другим людям. Важно помогать нуждающимся, независимо от их социального положения, национальности, религии и других факторов: «Служа любому человеку мы служим самому Христу помогая любому человеку независимо от его национальности от его религии социального положения возраста».
2. Равенство всех людей перед Богом. В тексте говорится о том, что Бог будет судить людей по их отношению к другим. Это подчёркивает идею о том, что все люди равны перед Богом и должны относиться друг к другу с уважением и заботой: «Любой человек создан по образу Бога».
3. Универсальность христианских ценностей. Священник подчёркивает, что помощь любому человеку рассматривается как помощь самому Христу, обращаясь к Евангелию: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из всех меньших, то не сделали мне».
4. Ответственность за свои поступки. В видео говорится о том, что каждый человек будет отвечать за свои поступки перед Богом. Это подчёркивает

важность ответственности за свои действия и их последствия: «Не будет никакого экзамена по богословию, а будет выясняться один вопрос: был ли человек милосердным».

5. Любовь к ближнему. Текст призывает к любви к ближнему, которая является одной из основных заповедей христианства. Любовь к другим людям рассматривается как проявление любви к Богу: «Это и будет мера того, как Бог отнесётся к нам».

В соответствии с В.И. Карасиком, данный текст содержит призывающую, утверждающую и разъясняющую стратегии религиозного дискурса, составляя суть проповеди — религиозно-назидательной речи в церкви.

Материалом выступления протоиерея Олега Стеняева стал текст 25 главы Евангелия от Матфея. Согласно В.И. Карасику, специфика религиозного общения состоит в том, что прецедентные тексты, тексты священного писания, играют в нем совершенно исключительную роль, являясь прецедентными текстами по отношению к самому понятию о прецедентных текстах [6, с. 277].

К дискурсивным формулам относятся принятые в религиозном общении клише и функционально-обусловленные обороты, которые однозначно определяют тип данного дискурса. Клишированные выражения присутствуют в форме повторений важных понятий, таких как «милость», «служение Богу через помощь людям», «образ Божий», «Страшный Суд», «праведники», огонь вечный».

Модель религиозного дискурса, предложенная В.И. Карасиком, была дополнена нами лексико-стилистическим компонентом, описанным А.Ю. Малафеевым.

Так, по А.Ю. Малафееву, мы рассмотрели лексические и стилистические особенности данного текста и выявили следующие черты проповеди (Малафеев, 2013):

- Религиозная лексика и библеизмы: «Страшный суд», «праведники», «Бог», «Христос», «Господи», «милосердие».
- Возвышенная и книжная лексика: «мерило», «сила универсальности», «икона Бога».
- Церковнославянизмы: «блаженный», «смогу», «образ», «алчущий».
- Абстрактная семантика: «любовь», «милосердие», «страдание».

Некоторые слова получают особое значение в контексте религиозного учения, например, «суд» понимается как конечный суд Божий, а не юридическая процедура.

К использованию пословиц с религиозным подтекстом можно отнести фразу «Как ты относишься к другим, так и Бог отнесётся к тебе», — это моральное наставление, близкое к пословице.

В центре — толкование Священного Писания (Евангелие). Олег Стеняев глубоко погружается в контекст, язык, исторические реалии. Опирается на авторитет отцов Церкви (Иоанна Златоуста, Василия Великого, Феофана Затворника и др.), но пересказывает их мысли современным языком. Четкая практическая направленность: «как это применить в моей жизни?». Акцент на борьбе со страстями, духовном росте. Это не монолог, а живой диалог с аудиторией. Он постоянно задает риторические вопросы, обращается к слушателям: «Вы понимаете?», «Давайте подумаем».

Эмоциональная экспрессивность проявляется в широком диапазоне интонаций — от громкого обличения до тихого, доверительного разговора. Часто используется сарказм, ирония (особенно в адрес греха, лицемерия).

Олег Стеняев «диагностирует» страсти, вскрывает мотивы поступков, анализирует состояния души (уныние, гордость, ревность) с профессиональной точностью. Прямо и смело отвечает на самые острые вопросы современности: семья, брак, воспитание детей, взаимоотношения полов, проблемы молодежи, вызовы секулярного мира. Не боится «неудобных» тем. Дает не абстрактные советы, а конкретные «инструменты» для духовной жизни: как молиться, как каяться, как читать Евангелие, как бороться с конкретным искушением.

Таким образом, видеовыступление представляет

собой фрагмент институционального дискурса, в котором автор текста выступает как представитель церкви. Отметим, что видеоформат выступления расширяет аудиторию, которая уже не ограничивается прихожанами церкви, а может включать и случайных слушателей. Следовательно, формат медиа для выступления священнослужителей служит платформой миссионерской функции. Выступление Стеняева — это не рассуждение на тему, а акт институционального управления сознанием через специфический дискурс. Он использует авторитет Писания, стратегию предостережения и надежды, бинарные категории и ритуализованный язык, чтобы сконструировать реальность, в которой высшей ценностью является спасение души, мотивировать к определенным действиям (делам милосердия), укрепить границы группы («мы, верующие, готовящиеся к Суду»), легитимировать нормы и ценности, проповедуемые институтом Церкви. Из этого следует, что данное выступление служит примером того, как религиозный институт через своего представителя естественным образом транслирует свои ценности и духовные ориентиры, опираясь на глубокие традиции дискурсивных практик, что способствует формированию у верующих определенных моделей поведения, ожидаемых в рамках данной традиции. Проповеди протоиерея Олега Стеняева — яркое и самобытное явление в современном православном гомилетике (искусстве проповеди). Их жанровую специфику можно определить как синтез классической церковной проповеди и элементов публицистики, психологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс в лингвистике. Религиозный дискурс. Проповедь как вид религиозного дискурса. Конститутивные признаки религиозного дискурса, характеристика его основных функций. Определение основных ценностей религиозного дискурса, его базовые концепты. [Электронный ресурс]. URL: <https://lotus-nails.ru/psychology/religiozniy-diskurs-v-lingvistike-religiozniy-diskurs/> (дата обращения: 17.01.2024).
2. Ицкович Т.В. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди / науч. ред. Т.В. Матвеева. — Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2015. 150 с. ISBN 978-5-91256-277-8
3. Малафеев А.Ю. Современная православная проповедь и общественная лекция: лексика и прагматика // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. №5 (26). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-pravoslavnaya-propoved-i-obshchestvennaya-lektsiya-leksika-i-pragmatika> (дата обращения: 03.10.2024).
4. Медведев Е.Ю. Переустановление семантических оппозиций как один из принципов организации литургийной православной проповеди // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereustanovlenie-semanticheskikh-oppozitsiy-kak-odin-iz-printsipov-organizatsii-liturgijnoy-pravoslavnoy-propovedi> (дата обращения: 03.10.2024).
5. Футкарадзе Н.Д. Общие характеристики церковной проповеди как жанра религиозного дискурса // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-harakteristiki-tserkovnoy-propovedi-kak-zhanra-religioznogo-diskursa> (дата обращения: 17.10.2024).
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
7. Большой универсальный словарь русского языка под редакцией Морковкина В.В., Богачевой Г.Ф., Луцкой Н.М. [Электронный ресурс] // URL: <https://gramota.ru/poisk?query=амвон&mode=slovari> (дата обращения: 03.10.2024).
8. Евангелие от Матфея, глава 25 (Мф.25) на русском языке - Новый Завет - Синодальный перевод Библии. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.25&r> (дата обращения: 17.01.2024).
9. Протоиерей Олег Стеняев. Главный вопрос на страшном суде (Мф. 25:31-46). [Электронный ресурс]. URL: https://vkvideo.ru/video-211551872_456241868?ref_domain=yastatic.net (дата обращения: 17.01.2024).

© Рацой Анна Игоревна (annette.aga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА «РЕЛИГИОЗНЫЙ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

COMPARATIVE-CONTRASTIVE ANALYSIS OF THE INTERNATIONALISM "RELIGIOUS" IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

**N. Skitina
N. Solovieva
E. Abramova
V. Shabanova**

Summary: The article presents a comprehensive linguistic and cultural analysis of the word «религиозный» and its English counterpart "religious". The data from explanatory, translational and etymological dictionaries served as the material for the study, as well as data from the Corpus of Contemporary American English, the British National Corpus and the National Corpus of the Russian Language. The comparative, contrastive, descriptive, corpus research methods used allowed us to identify common and distinctive semantic characteristics of the Russian word «религиозный» and its English equivalent. It is demonstrated that in English-speaking culture, the word has acquired additional shades of meaning – from a believer to a person who is very careful or strict about something. This shift is especially noticeable in the American version of English and is manifested in the frequent use of the construction "religious about sth" with the meaning "strictly adhere to something" or "be very attentive to something".

Keywords: internationalism, corpora, religious, etymology, theolinguistics.

Скитина Нина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
Государственный университет просвещения (г. Москва)
skitina@ya.ru

Соловьева Наталья Владимировна

Доктор филологических наук, доцент, Московский
технический университет связи и информатики
natavs@list.ru

Абрамова Елена Ивановна

Кандидат филологических наук, доцент,
Государственный университет просвещения (г. Москва)
abramel@mail.ru

Шабанова Вероника Петровна

Кандидат филологических наук, доцент,
Государственный университет просвещения (г. Москва)
vp.shbanova@guppros.ru

Аннотация: В статье представлен комплексный лингвокультурный анализ лексемы «религиозный» и её английского аналога «religious». Материалом для исследования послужили данные толковых, переводных и этимологических словарей, также были использованы данные Корпуса современного американского английского языка, Британского национального корпуса и Национального корпуса русского языка. Используемые сравнительный, сопоставительный, описательный, корпусный методы исследования позволили выявить общие и отличительные семантические характеристики русского слова «религиозный» и его англоязычного эквивалента. Демонстрируется, что в англоязычной культуре искомое слово приобрело дополнительные оттенки значения – от верующего человека до человека очень аккуратного или строгого в отношении чего-либо. Этот сдвиг особенно заметен в американском варианте английского языка и проявляется в частом использовании конструкции «religious about sth» со значением «строго придерживаться чего-либо» или «быть очень внимательным к чему-либо».

Ключевые слова: слова: интернационализм, корпус, религиозный, этимология, теолингвистика.

Введение

Религиозная сфера привлекала внимание ученых с древних времен, поскольку роль религии в общественном развитии многогранна: она формирует духовные ценности и мировоззрение, регулирует поведение, является первоосновой культуры. Вопросы взаимодействия церкви и общества, разных религиозных конфессий между собой, особенно в современных условиях, привели к возникновению теолингвистики. Профессор Брюссельского свободного университета Ж.П. ван Ноппен в книге «Theolinguistics», изданной в 1981 году, впервые употребил термин «теолингвистика» [4].

По мнению проф. А.К. Гадомского, теолингвистика – это многогранная языковедческая дисциплина, возникшая вследствие непосредственного взаимодействия языка и религии, которая изучает религиозный язык в узком и широком понимании этого термина и исследует проявления религии, которые закрепились и отразились в языке. Кроме того, как уточняет А.К. Гадомский, теолингвистика – раздел светской науки, наднациональной, науки надрелигиозной (надконфессиональной), науки лингвистической [5, с. 290].

Представления о религии формировались на протяжении многих веков. Религия понимается как необхо-

димое условие, регламентирующее человеческое существование, как основа всякой цивилизации, как система символов, часть повседневной жизни, аспект культуры. Несмотря на широкое освещение темы религии в научных исследованиях, вопрос о единообразии в понимании и использования прилагательного «религиозный» и «religious» в русском и английском языках остается актуальным. По мнению известного немецкого теолога А. Вагнера (A. Wagner), одной из интересных тем, исследуемых в русле теолингвистики как раз и является наблюдение за религиозным языковым поведением [12, с. 507-512]. Сравнительно-сопоставительные исследования в области изучения функционирования интернациональных слов, связанных с религиозным контекстом, способны дополнить знания в области лингвокультурологии и социоллингвистики. Следует отметить, что лексема «религиозный» принадлежит к разряду интернациональной лексики латинского происхождения. «Под интернационализмами понимается общий элемент нескольких мировых языков, усвоенных ими в силу генетической общности или взаимных культур влияния» [6, с. 103].

В нашей работе предпринята попытка сопоставить понимание интернационализма «религиозный» в русской и английской лингвокультурах. Также в данном исследовании были рассмотрены возможности корпусных методов лингвистического анализа для уточнения семантики прилагательных «религиозный» и «religious».

Как утверждает В. Тойнберт, один из ведущих ученых в области корпусной лингвистики, корпус сегодня «по умолчанию» является основным источником языковых данных для любого лингвиста [11, с. 1]. Методы корпусной лингвистики весьма перспективны в изучении семантических особенностей слова, поскольку в корпусе можно проследить трансформации, происходящие и на лингво-когнитивном уровне [8].

Научная новизна данной работы заключается в проведении сравнительно-сопоставительного исследования особенностей функционирования прилагательных «религиозный» / «religious» в русском и английском языках. Выбор этого прилагательного обусловлен тем, что его семантика содержит в себе важные аксиологический, ценностный и эмоциональный компоненты. Предметом исследования является сравнительно-сопоставительный анализ семантики русской и английской лексической единицы «религиозный» / «religious» в синхронии и диахронии.

Лингвистические исследования религиозной интернациональной лексики

Известно, что интернационализмы фиксируют значения базовых смыслов, понятий, невзирая на формальные и структурные языковые отличия. А. Вежбицкая, Л.Б. Лобковская рассматривают интернационализмы в

качестве универсальных концептуальных смыслов, или лингвокультурных концептов [3, 7]. Значимость греческого языка в формировании православного церковного языка неоспорима. Латинский язык, в свою очередь, занимает центральное место в католическом богословии, однако при более детальном анализе ряда терминов в православной энциклопедии (<https://azbyka.ru/dictionary>), можно заметить влияние латинского языка на православный дискурс посредством заимствования слов из западных стран (напр., *абсолют, алтарь, культ, материя, ритуал, реликвия*) [13]. На уровне синтагматических отношений наблюдается либо полное, либо частичное совпадение интернационализмов. Интернационализмы, согласно В.В. Акуленко, имеют сходное звучание, написание и значение, часто выражая общественные, политические и научные понятия. Различия в значениях обусловлены заложенными в них семантическими компонентами и их системными связями, в том числе и сочетаемостью слов [1, с. 97].

Понятие «религиозный» в русской лингвокультуре

Прилагательное «религиозный» входит в лексический состав наиболее распространенных языков мира: *religious* (англ.); *religiös* (нем.); *religieux* (фр.); *religioso* (исп.). Это прилагательное, несомненно, является интернациональной лексической единицей.

Согласно Большому толковому словарю русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, «религиозный» – 1. к Религии; 2. приверженный религии, верующий в Бога [14]. Данная единица входит в состав многих терминов: *религиозная психология, религиозная практика, религиозная идентичность, религиозный культ, религиозное мировоззрение, религиозное воспитание, образование, меньшинство* и т.д.

Первые упоминания слова «религия» в русском языке относятся к XVIII веку [НКРЯ]; ранее ему предшествовало слово «вера» и его производные. В толковом словаре С.И. Ожегова лексема «религиозный» определяется через прилагательное «верующий», однако «*religio*» в переводе на русский буквально означает «совестливость, благочестие, добросовестность, благоговение» [16].

В философском словаре понятию «религия» противопоставлены понятия «веры, церкви и конфессии» [15]. Соответственно прилагательное «религиозный» сопряжено с прилагательным «верующий, церковный». В исследовании термина «религия» в контексте «глобально-го» подхода к межкультурной коммуникации в России и Японии ученые Е.И. Аринин, Н.М. Маркова, С. Такахаши, основываясь на данные поисковых систем Яндекс и Google (данные от 2015 года), приходят к выводу, что «слово религия в течение последних 250 лет активно включилось в русский язык, вытесняя другие лексемы (вера, церковь, православие, христианство)» [2, с. 166-167].

167]. Данные инструмента Вордстат поисковой системы Яндекс от 2025 года также подтверждают большой интерес общественности к слову «религиозный», чем «верующий», причем чаще всего в запросах указывают «религиозная организация» и «религиозный праздник».

Анализ полученных данных в основном корпусе НКРЯ, показал, что лексема «религиозный» встречается в 6576 текстах, 59,4% из которых являются публицистическими, 14,5% – художественные, 12,1% – учебно-научные. Необходимо отметить, что в церковно-богословской сфере данное слово встречается всего лишь в 3% текстах. Кроме того, эти тексты в большинстве своем являются статьями, которые освящают вопросы религии (27,7%), политики и общественной жизни (25,5%).

Понятие «religious» в англоязычной лингвокультуре

В 1912 году профессор университета Джонса Хопкинса Сара Ф. Хойт (Sarah F. Hoyt) опубликовала статью под названием «The Etymology of Religion», в которой были представлены две версии происхождения слова «religion». По одной из них «религия» уходит своими корнями к латинскому глаголу «religare» (связывать), речь идет о связи с Богом, богами, субстанцией. Другая версия отсылает нас к работе Цицерона, в которой автор связывает слово «religio» с глаголом «relegere» (снова читать, снова обдумывать, собирать). Религиозный человек, с точки зрения Цицерона, это тот, кто неоднократно прочитал священные книги [9].

В словаре английского языка Collins, «religious» – 1. relating to, or concerned with religion; 2. someone who has a strong belief in a god or gods, pious, devout; 3. scrupulous, exact, conscientious (относящийся к религии; благочестивый, набожный; скрупулезный, точный, добросовестный) [17]. Американский толковый словарь английского языка Merriam-Webster дает следующее определение: «religious» – 1. relating to, or manifesting faithful devotion to an acknowledged ultimate reality or deity; 2. devoted to religious beliefs or observances; 3. scrupulously or conscientiously faithful (относящийся или проявляющий преданность высшему существу; преданный религиозным убеждениям или обрядам; добросовестный или искренне преданный) [18]. Обратим внимание на то, что в англоязычных дефинициях дополнительно к компонентам «относящийся к религии, верующий» содержится значение «щепетильный, внимательный».

Анализ леммы «religious» на материале корпуса BNC демонстрирует, что искомая единица имеет 6376 вхождений и встречается в 1187 текстах различных британских источниках, 27,8% из которых – публицистические, 27% – научные.

Исследовав коллокации в британском варианте английского языка, мы обнаружили, что чаще всего прилагательное «religious» сочетается с существительными «belief/

beliefs» (274 вхождения), «education» (236 вхождений), и в паре с прилагательным «political» (напр., political and/or religious) – 188 вхождений. В корпусе BNC представлено лишь 5 примеров с семантикой «щепетильный, внимательный»:

1. Let's not get too serious and religious about disco (Давай не будем слишком серьезно относиться к диско).
2. We are happy to work with whoever can provide that solution, we're not religious about that (Мы рады сотрудничать с любым, кто поможет найти решение; мы не принципиальны в этом вопросе).
3. Callahan wasn't religious about surfing (Каллахан не был одержим серфингом).
4. There was one thing he was religious about: surfing photography (Что его по-настоящему интересовало, – это фотосъемка серфинга).

Обращает на себя внимание тот факт, что прилагательное «religious» активнее используется в американском варианте английского языка: на 100 млн. слов корпуса современного американского языка (COCA) исследуемое прилагательное встретилось 21002 раза в 29767 текстах, 31,2% из которых принадлежит научному дискурсу философско-религиозной направленности. Что касается коллокаций, то самые частотные сочетания наблюдаются со словами «beliefs» (7329 раз), «freedom» (612 раз) и «leaders» (451 раз). В американском корпусе мы уже находим 63 примера со значением «щепетильный, внимательный, дотошный в отношении чего-либо».

Сопоставительный анализ лексем «религиозный» и «religious»

Из данных словарных статей видно, что интернационализм «религиозный» и «religious» обладает общим значением «приверженный религии, верующий в Бога», но только в английском языке присутствует компонент «щепетильный, внимательный, добросовестный». В англоязычной литературе XVII века уже зафиксировано употребление существительного «religion» в значении «внимательность, скрупулезность». Например, Бен Джонсон (Ben Jonson, 1573-1637) в произведении 1629 года «The New Inn» пишет: «Out of a **religion** to my charge ... I have made a self-decree never to express my person» [9]. Т.е. религиозный человек в англо-саксонской картине мира – наблюдательный, внимательный, щепетильный. Эрнест Хемингуэй в произведении «For Whom The Bell Tolls» пишет: «Thou art very **religious about** thy politics». Н. Волжина и Е. Калашникова перевели это предложение следующим образом: «Для тебя политика вроде бога» [НКРЯ, параллельный корпус].

Метод диахронического анализа с использованием возможностей онлайн-сервиса Google Ngram Viewer позволил проследить динамику использования прилагательных «религиозный» и «religious». Данный сервис

с момента появления в 2010 году широко используется в научных лингвистических исследованиях, позволяя ученым проследить общие тенденции динамики использования лексем. Графики свидетельствуют о том, что данные прилагательные встречаются с разной частотой в двух корпусах. Процент упоминаний «религиозный» с 2004 года уменьшился в два раза. С 1984 года наблюдается резкое увеличение частоты использования прилагательного и удерживалась на довольно высоком уровне вплоть до 2004 года - не ниже 0,0065%.

В англоязычных источниках 1800-1854 гг. данное прилагательное имеет достаточно высокую плотность использования. Очевидно, что в конце 18 века, когда промышленная революция ускорилась и стала масштабным явлением, интерес к понятию «religious» стал снижаться. В последние пять лет наблюдается снижение частоты упоминания лексемы «religious».

Рассматривая частотность употребления предложной конструкции «religious about» в диахронии с 1820 год по 2020 год по данным Google Ngram Viewer, можно заметить, что с 1980 года возрастает частота его использования.

Данное обстоятельство обращает наше внимание на несоответствие между наблюдаемой тенденцией роста и небольшим числом примеров в англоязычных корпусах, как в британском, так и в американском. В этой связи мы обратились к макрокорпусу News on the Web (NOW), который представляет собой динамический корпус новостных англоязычных интернет-текстов и насчитывает около 18 млрд. слов. В данном корпусе мы находим 641 пример, где прилагательное «religious» используется в значении «внимательный, щепетильный». Усреднив полученные данные, т.е. рассчитав сколько раз искомая предложная конструкция «religious about sth» встречается в трех англоязычных корпусах на 100 млн. слов корпуса, мы получаем следующие данные: (Таб. 1.)

Полученные статистические данные косвенно свидетельствуют о том, что значение «внимательный, строгий, ревностный» в составе предложной фразы «religious about sth» более употребительно в американском варианте английского языка, что, скорее всего, является следствием сдвига в прагматическом, а точнее, в аксиологическом плане восприятия этого слова: прилагательное «религиозный» в американском контексте не так сильно связано на эмоциональном уровне с понятием веры, что отчасти подтверждается высокой воспроизводимостью именно в американском корпусе словосочетания «religious freedom» (612 примеров в COCA). Данный про-

цесс прослеживается и в корпусе NOW: в американских текстах «religious freedom» встречается 8902 раза, в британских текстах – 1783, а выражение «религиозная свобода» в НКРЯ используется 20 раз. В социологическом исследовании 2019 года было установлено, что в США, Канаде и Европейских странах религия играет менее важную роль, чем 20 лет назад. В России по данным этого же исследования более 50% респондентов полагает, что роль религии в обществе возрастает [10].

Поскольку прилагательное «религиозный» в русском языке не отражает в языковом узусе семантику «внимательности, дотошности, щепетильности», интересно проследить каким образом переводятся на русский язык предложения со словосочетанием «religious about». В приложении Reverso Context мы находим около 400 контекстных переводов словосочетания «religious about». В большинстве случаев наблюдается опущение данной лексемы и переводится она посредством наречий «строго, неукоснительно, усердно, тщательно, постоянно, непременно» и глаголами, которые перечисленные выше наречия характеризуют. В некоторых случаях наблюдается перевод глаголами «соблюдать, контролировать» или конструкциями «быть одержимым, сходит с ума»:

5. In particular, people who were religious about taking short breaks were far more productive than those who worked longer hours (В частности, работники, которые непременно устраивали короткие перемены, были гораздо более продуктивными, чем те, кто работал дольше).
6. He is religious about maintaining a healthy diet and exercise regimen (Он неукоснительно придерживается здорового питания и режима упражнений).
7. She is religious about reading her favorite book every night before sleeping (Она усердно читает свою любимую книгу каждую ночь перед сном).
8. He was religious about his spending habits, tracking every penny in his budget (Он скрупулёзно контролировал свои траты, отслеживая каждую копейку в бюджете).
9. I'm a firm believer that you'll go much further in your career if you can keep yourself from becoming religious about technology (Я свято верю, что вы сможете достичь гораздо большего в своей карьере, если не будете относиться к технологии как к религии).
10. Cook said that he was «not religious about holding cash or not holding it» and may be more open for such possibilities as stock buybacks than Steve Jobs, who was opposed to stock buybacks (Кук как-то сказал, что «он не одержим тем, чтобы хранить день-

Таблица 1.

Частота встречаемости предложной конструкции «religious about» (по данным BNC, COCA, NOW).

	BNC	COCA	NOW	BNC100	COCA100 = COCA/4,5	NOW100 = NOW/180
Religious about	5	63	641	5	14	3,5

ги или не хранить» и может быть более расположен, по сравнению со Стивом Джобсом, который был против этой идеи, к возможности потратить деньги на покупку своих акций у других компаний).

11. Why We Get Religious About «Star Wars» (Почему весь мир сошел с ума по «Звездным войнам»).

Заключение

Проведенное сравнительно-сопоставительное корпусное исследование лексемы «религиозный» и его английского аналога *religious* показало, что в русском языке прилагательное «религиозный» отчасти сопряжено с понятием веры, при этом обладает более социально-философской коннотацией. В англоязычной культуре «religious» имеет более широкий спектр значений, включая религиозность не только как веру или принадлежность к религии, но и «щепетильность», «внимательность», «добросовестность». С точки зрения исторического развития искомого прилагательного можно сделать вывод,

что диахроническом в семантике искомого интернационализма наблюдаются не только тождества и аналогии, но и увеличение числа данных в рамках американского корпуса COCA за последнее десятилетие в плане использования предложной фразы «religious about sth».

Источники и принятые сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.05.2025).

BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 1.06.2025).

COCA – Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 13.02.2025).

NOW – News on the Web [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 22.02.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во ХГУ, 1972. — 215 с.
2. Аринин Е.И. Термин «религия» в контексте «глобального» подхода к межкультурной коммуникации в России и Японии / Е.И. Аринин, Н.М. Маркова, С. Такахаси // Концепт: философия, религия, культура. — 2019. — № 4(12). — С. 164-177. — DOI 10.24833/2541-8831-2019-4-12-164-177. — EDN ANCIIBE.
3. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
4. Гадомский А.К. Теолингвистика: история вопроса // Учен. зап. ТНУ имени В.И. Вернадского. — 2005. — Т. 18 (57). — № 1. — С. 16–26.
5. Гадомский А.К. Религиозный язык — теолингвистика — языкознание // Ученые записки ТНУ. — 2007. — Т. 20 (59). — № 1. — С. 287–293.
6. Лобковская Л.П. Интернационализмы в религиозном дискурсе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. №5 (47), часть 2, 2015. с. 103-105.
7. Лобковская Л.П. Языковые знаки: корреляция интернационализмов и семантических универсалий // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2012. № 3 (46). С. 56-57.
8. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / В.И. Заботкина, Е.Е. Голубкова, М.А. Кронгауз [и др.]; Российский государственный гуманитарный университет. — 2-е издание. — Москва: Языки славянской культуры, 2019. — 344 с. — (Studia philologica). — ISBN 978-5-907117-73-0. — EDN QTLIRO.
9. Hoyt Sarah F. The Etymology of Religion // Journal of the American Oriental Society, Vol. 32, No. 2 (1912), pp. 126-129. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/3087765> (дата обращения: 18.07.2025).
10. Poushter Jacob, Fetterloff Janell How people around the world view religion's role in their countries // A changing World: Global Views on Diversity, Gender, Equality, Family Life and the Importance of Religion [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/2019/04/22/how-people-around-the-world-view-religions-role-in-their-countries/> (дата обращения: 13.04.2025).
11. Teubert W. My version of corpus linguistics // Interational Journal of Corpus Linguistics. Vol. 10 (1). 2005. P. 1-13.
12. Wagner Andreas. Theolinguistik? - Theolinguistik! In: Internationale Tendenzen der Syntaktik, Semantik und Pragmatik. Akten des 32 Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997. Hrsg. von Hans Otto Spillmann und Ingo Warnke. — Frankfurt [u.a.]: PETER LANG Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1999. — S. 507- 512.
13. Азбука веры. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://azbyka.ru/dictionary> (дата обращения: 23.06.2025).
14. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 24.06.2025).
15. Современный философский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/315/religiya.htm>
16. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26952> (дата обращения: 18.06.2025).
17. Collins dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/religious> (дата обращения: 15.08.2025).
18. Merriam-Webster dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 15.08.2025).

© Скитина Нина Александровна (skitina@ya.ru), Соловьева Наталья Владимировна (natavs@list.ru),
Абрамова Елена Ивановна (abramel@mail.ru), Шабанова Вероника Петровна (vp.shbanova@guppro.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Цзоу Айчжу

Аспирант, Казанский федеральный университет

Zouaizhu@yandex.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUISTIC AND CULTURAL PAREMIOLOGICAL UNITS OF THE HUMAN INTELLECTUAL WORLD IN CHINESE AND ENGLISH

Zou Aizhu

Summary: The article presents a linguistic and cultural analysis of the proverbs representing the concept of mental abilities and the assessment of cognitive behavior in the Chinese and English language traditions, with an emphasis on the semantic differentiation of «wisdom/knowledge/wit» and their correlation with everyday rationality and everyday reasonableness. The material demonstrates that in both languages the intellectual characteristic of a personality is systematically expressed through stable figurative formulas, however, the set of dominant metaphors and evaluative vectors differs: English expressions actively use the oppositions «theory–practice», «silence–depth», «thrift–extravagance», whereas Chinese proverbs rely more heavily on hieroglyphic concepts. (blue) and the «mind/heart» bundle, as well as on the model of socio-normative regulation of behavior. Correspondences and discrepancies in translation and interpretation are considered, including cases of incomplete equivalence, when the pragmatic meaning of the instruction coincides, but the figurative foundations and cultural presuppositions differ. Special attention is paid to the evaluative connotations of «clever/smart» in comparison with «wise», as well as stereotyping attitudes reflected in proverbs about gender and social experience. As a result, the article makes it possible to clarify the mechanisms of conceptualization of intelligence in the paremic foundation and identify typological parameters relevant for intercultural communication and translation practice.

Keywords: paremia, concept of intelligence, Chinese language, English language, intercultural semantics.

Аннотация: Статья представляет лингвокультурологический анализ паремий, репрезентирующих концепт умственных способностей и оценку когнитивного поведения в китайской и английской языковых традициях, с акцентом на семантическую дифференциацию «wisdom/knowledge/wit» и их соотносительность с повседневной рациональностью и житейской рассудительностью. Материал демонстрирует, что в обоих языках интеллектуальная характеристика личности систематически выражается через устойчивые образные формулы, однако набор доминирующих метафор и оценочных векторов различается: английские выражения активно задействуют оппозиции «теория–практика», «молчание–глубина», «бережливость–расходительность», тогда как китайские паремии шире опираются на иероглифические концепты 心 (синь) и связку «mind/heart», а также на модели социально-нормативной регуляции поведения. Рассматриваются соответствия и расхождения при переводе и интерпретации, включая случаи неполной эквивалентности, когда совпадает прагматический смысл наставления, но расходятся образные основания и культурные presuppositions. Отдельное внимание уделено оценочным коннотациям «clever/smart» в сопоставлении с «wise», а также стереотипизирующим установкам, отраженным в пословицах о гендере и социальном опыте. В результате статья позволяет уточнить механизмы концептуализации интеллекта в паремическом фонде и выявить типологические параметры, релевантные для межкультурной коммуникации и переводческой практики.

Ключевые слова: паремия, концепт интеллекта, китайский язык, английский язык, межкультурная семантика.

Антропоцентрическая парадигма, утвердившаяся в современной лингвистике на рубеже тысячелетий, сместила фокус научного интереса с системно-структурного описания языка на исследование человека как языковой личности, обладающей уникальным когнитивным инструментарием. В этом контексте язык перестает рассматриваться исключительно как система знаков и начинает интерпретироваться как конститутивное свойство человеческого сознания, фиксирующее результаты познавательной деятельности и культурно-

исторического опыта этноса [4, с. 50]. Особый интерес для исследователей представляет концептуализация интеллектуальной сферы, поскольку именно интеллект, разум и способность к познанию традиционно выделяют человека из биологического мира, формируя основу его самоидентификации. Паремииологический фонд, аккумулирующий в себе вековую мудрость народа, его этические нормы и стереотипы поведения, является наиболее репрезентативным источником для реконструкции фрагментов языковой картины мира, связанных с интел-

лектуальной деятельностью. В пословицах и поговорках, как в свернутых микротекстах, запечатлены не только прямые оценки умственных способностей, но и скрытые когнитивные метафоры, определяющие отношение носителей языка к знанию, обучению, глупости и мудрости [12, с. 105]. Исследование этих единиц в компаративном аспекте позволяет выявить как универсальные, общечеловеческие закономерности осмысления интеллекта, так и идиоэтнические особенности, обусловленные различиями в историческом развитии, религиозно-философских системах и социальном укладе китайского и английского языковых сообществ.

Проблема вербализации концептов ментальной сферы в разноструктурных языках остается одной из наиболее актуальных и дискуссионных в современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Интеллект как многомерный феномен с трудом поддается однозначной дефиниции, что порождает вариативность его лексического и фразеологического воплощения. Если в европейской традиции, к которой принадлежит английская лингвокультура, интеллект часто ассоциируется с рациональностью, логикой и прагматизмом, то в восточной традиции, ярко представленной китайской культурой, понятие ума неразрывно связано с этическими категориями, интуицией и состоянием «сердца» [7, с. 118]. Это фундаментальное различие диктует необходимость глубокого семантического и лингвокультурологического анализа паремий, описывающих интеллектуальные качества человека. Сравнение китайского и английского языков в данном ракурсе представляется особенно продуктивным в силу их типологической дистанцированности и принадлежности к диаметрально противоположным цивилизационным парадигмам — западной и восточной. Подобный подход позволяет не только каталогизировать соответствующие единицы, но и вскрыть глубинные когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования оценки интеллектуальной деятельности в двух культурах [15, с. 48].

Актуальность обращения к теме интеллектуального мира человека через призму паремиологии обусловлена также процессами глобализации и межкультурной коммуникации, требующими тонкого понимания ментальных установок партнера. Непонимание культурных кодов, заложенных в пословицах, может приводить к коммуникативным неудачам, неверной интерпретации намерений и оценок собеседника. Например, отношение к «книжному знанию» или «хитрости» в английской и китайской культурах может иметь разные коннотативные оттенки, что находит прямое отражение в паремиологическом материале [2, с. 70]. Китайская культура, пронизанная конфуцианским пиететом перед учением, генерирует огромное количество паремий, возводящих процесс познания в культ, в то время как английская паремиология, будучи более прагматичной, нередко де-

монстрирует скепсис по отношению к теоретическому знанию, оторванному от практики. Выявление этих нюансов требует привлечения широкого спектра источников и применения комплексной методики анализа, сочетающей лингвистические и культурологические приемы. Научная новизна подобного исследования заключается в попытке системного сопоставления концептуальных полей «ум/интеллект» на материале пословиц, что позволяет уточнить существующие представления о национальной специфике языковых картин мира.

Познание интеллектуального мира другого этноса невозможно без погружения в его аксиологическую систему, где пословицы играют роль своеобразных моральных императивов. В паремиях фиксируется не сиюминутное состояние языка, а его диахронический срез, устойчивое ядро представлений, прошедшее отбор временем. Интеллект в этом зеркале предстает не просто как когнитивная способность, но как социальная ценность или антиценность, в зависимости от контекста и результата его применения [9, с. 120]. В английском языке существует разветвленная система паремий, разграничивающих понятия «wisdom» (мудрость), «knowledge» (знание) и «wit» (остроумие), каждое из которых занимает свою нишу в иерархии ценностей. В китайском языке аналогичная дифференциация осложняется синкретизмом понятий, где ум часто связывается с хитростью или, наоборот, с высшей добродетелью. Изучение этих семантических сдвигов и наложений составляет важную часть лингвистического анализа, направленного на реконструкцию целостного образа интеллектуального человека в сознании носителей языка. Сложность структуры концепта интеллекта требует от исследователя отказа от упрощенных схем и готовности к работе с многозначностью и контекстуальной зависимостью паремиологических единиц.

Материалом для исследования послужила репрезентативная выборка паремиологических единиц китайского и английского языков, отобранная методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников, сборников пословиц и поговорок, а также электронных корпусов текстов. Общий объем проанализированного материала составил более пятисот единиц для каждого языка, что обеспечивает достаточную статистическую достоверность полученных выводов. Критерием отбора послужило наличие в структуре паремии семантических компонентов, прямо или косвенно указывающих на интеллектуальную деятельность, процесс познания, наличие или отсутствие ума, мудрости, глупости, а также оценку результатов мыслительных операций. В качестве источников материала использовались как классические словари, такие как «Оксфордский словарь пословиц» и «Большой словарь китайских пословиц», так и современные паремиологические справочники, фиксирующие актуальное состояние языка [10, с. 114]. Важным

этапом работы стала верификация отобранных единиц на предмет их узуальности и частотности употребления в современной речи, что осуществлялось с помощью анализа корпусных данных и контекстов использования в средствах массовой информации и художественной литературе. Это позволило исключить из анализа архаизмы, утратившие свою актуальность, и сосредоточиться на единицах, составляющих активный паремиологический фонд.

Специфика сопоставительного анализа разнотурных языков, каковыми являются китайский и английский, диктует необходимость применения метода лингвистического моделирования, позволяющего конструировать фреймовые структуры концептов «интеллект» и сопоставлять их наполнение. Процедура исследования включала несколько этапов: на первом этапе осуществлялась идентификация и классификация паремий по тематическим группам (обучение, врожденный ум, опыт, глупость и т.д.); на втором этапе проводился сопоставительный анализ образных систем и метафорических моделей, лежащих в основе паремий; на третьем этапе выявлялись лакуны и безэквивалентные единицы, отражающие уникальные черты национального менталитета [5, с. 51]. Важным методологическим принципом явился учет функционально-стилистической окраски паремий, так как отношение к интеллекту может варьироваться от высокого пафоса до иронии и сарказма, что существенно влияет на интерпретацию смысла. При анализе китайских паремий особое внимание уделялось чэньюй (готовым выражениям), имеющим, как правило, четырехсложную структуру и восходящим к классическим литературным произведениям, что требовало привлечения историко-филологического комментария для их адекватного понимания и перевода. Для английских пословиц акцент делался на их вариативности и способности к трансформации в дискурсе, что также учитывалось при анализе их семантики.

Глубинный анализ паремиологического корпуса английского и китайского языков обнаруживает сложную архитектуру интеллектуального мира, где универсальные когнитивные категории преломляются через призму уникального культурно-исторического опыта. Одной из центральных дихотомий, пронизывающих паремиологическое пространство обоих языков, является противопоставление природного ума и приобретенного знания, однако аксиологические векторы в данном случае имеют существенные расхождения. В китайской лингвокультуре, фундированной конфуцианской этикой, процесс учения (хуэ) сакрализуется и рассматривается как единственный путь к обретению статуса «благородного мужа». Паремия «Sān rì bù dúshū, kǒu shēng jīngjí» (Три дня не читать книг — рот зарастет колючками) ярко иллюстрирует физиологическую потребность в интеллектуальной подпитке, приравнивая отсутствие чтения

к деградации речи и личности. Здесь интеллект не есть данность, но процесс постоянного самосовершенствования, требующий волевых усилий. В английской же традиции, хотя ценность образования не отрицается, замечен отчетливый прагматический крен и скепсис по отношению к «книжной мудрости», если она не подкреплена эмпирическим опытом [13, с. 495]. Английская поговорка «An ounce of practice is worth a pound of theory» (Унция практики стоит фунта теории) устанавливает четкую иерархию, где реальное действие и опытность преобладают над абстрактным знанием. Это коррелирует с эмпирической традицией британской философии, ставящей опыт во главу угла познания, в отличие от восточной традиции, где знание часто носит ритуализированный и текстоцентричный характер.

Лексическая репрезентация концепта «ум» в анализируемых языках демонстрирует фундаментальные различия в локализации мыслительного центра, что неизбежно отражается на образной системе пословиц. Для английского языкового сознания, наследующего дуализм Декарта, характерно разделение «mind» (разум) и «heart» (чувства), где интеллект прочно ассоциируется с головой, мозгом («brain»). Пословицы типа «Better rely on one's own brain than on another's» подчеркивают автономность и рациональность мыслительного процесса. В китайской же картине мира доминирует концепт «xīn» (сердце-ум), который представляет собой синкретичное единство рационального и эмоционального начал. Орган мышления в китайской соматической фразеологии и паремиологии — это сердце [8, с. 32]. Пословица «Xīn zhì ze shì chéng» (Если есть воля/ум в сердце, то дело свершится) демонстрирует, что интеллектуальное намерение неразрывно связано с эмоциональным волеизъявлением. «Умное сердце» в китайском понимании способно не только вычислять, но и чувствовать моральную правильность решения. Это создает трудности при переводе, так как английское «clever» или «smart» часто несут коннотацию ловкости и быстроты реакции, тогда как китайские эквиваленты могут подразумевать этическую зрелость. Впрочем, и в китайском языке существует понятие «xiǎo cōngmíng» (маленький ум, мелкая хитрость), которое часто осуждается в паремиях как недальновидность, противопоставляемая «dà zhìhuì» (великой мудрости).

Рассмотрение метафорики процесса познания выявляет интересные параллели и контрасты в способах визуализации интеллектуального труда. В китайских паремиях доминируют метафоры, связанные с кропотливым трудом, шлифовкой, накоплением и преодолением трудностей. Классическим примером служит выражение «Yào xiǎng rén qián xiǎnguì, bì děi rén hòu shòuzui» (Хочешь блистать перед людьми — должен страдать за их спинами), которое, хотя и имеет широкий смысл, часто применяется к учебе, или более специфическое «Yù bù zhuó, bù chéng qì» (Неотшлифованный нефрит не станет

сосудом). Интеллект здесь — это драгоценный камень, требующий жесткой обработки [6, с. 34]. Образ «шлифовки» подразумевает болезненность и длительность процесса. Английские пословицы чаще оперируют метафорами света, видения и схватывания («See the light», «Penny wise»), либо метафорами питания и пищеварения («Food for thought»). Английское сознание акцентирует внимание на моменте озарения, ясности понимания (perspicacity), в то время как китайское фокусируется на кумулятивном эффекте усилий. Пословица «Dú wàn juàn shū, xíng wàn lǐ lù» (Прочитать десять тысяч свитков, пройти десять тысяч ли) объединяет книжное знание и опыт путешествий, создавая образ интеллектуала как странника, собирающего мудрость по крупицам в пространстве и времени. В английском языке аналогом может служить «Travel broadens the mind», однако китайская формула задает конкретные количественные параметры, подчеркивая масштабность необходимого труда.

Особый пласт паремиологического фонда составляют единицы, описывающие глупость и невежество, которые служат своего рода негативом для проявления интеллектуального идеала. В английской культуре глупость часто ассоциируется с болтливостью, отсутствием сдержанности и пустым шумом: «Empty vessels make the most noise» (Пустые сосуды гремят громче всех). Здесь дефицит интеллекта метафорически уподобляется пустоте, которая не способна удерживать содержание. Также распространена тема бесполезности обучения глупца: «Fools rush in where angels fear to tread» (Глупцы врываются туда, куда ангелы боятся ступить), подчеркивающая не столько отсутствие знаний, сколько отсутствие осторожности и оценки рисков [14, с. 497]. Китайская традиция в трактовке глупости более нюансирована. С одной стороны, существует жесткое осуждение невежества, сравниваемого с слепотой или нахождением в колодце: «Zuò jǐng guān tiān» (Сидеть в колодце и смотреть на небо) — о человеке с ограниченным кругозором. С другой стороны, даосская традиция привносит идею «мудрой глупости» или «нарочитой небрежности», где истинный мудрец может казаться профаном. Выражение «Dà zhì ruò yú» (Великая мудрость подобна глупости) переворачивает привычную иерархию, указывая на то, что высшая степень интеллекта скрывает свой блеск, чтобы не вызывать зависти и гармонично сосуществовать с миром. В английском языке есть схожая пословица «Still waters run deep» (Тихие воды глубоки), однако она скорее указывает на скрытый потенциал, нежели на философскую стратегию поведения.

Социальная значимость интеллекта в зеркале паремиологии двух языков также имеет свою специфику. В Китае исторически сложившаяся система государственных экзаменов кэцзюй сформировала устойчивую связь между ученостью и властью, богатством, социальным престижем. Пословица «Shū zhōng zì yǒu huángjīn wǔ» (В

книгах — золотые дома) прямо указывает на прагматическую ценность образования как социального лифта. Интеллект — это инструмент изменения судьбы, причем не только личной, но и родовой. Уважение к учителю и ученому граничит с религиозным почитанием: «Yī rì wéi shī, zhōngshēn wéi fù» (Один день был учителем — всю жизнь почитай как отца). В английском паремиологическом пространстве связь ума и богатства менее линейна и подчас иронична. Пословица «A fool and his money are soon parted» (Дурак и деньги быстро расстанутся) утверждает, что ум нужен для сохранения капитала, но не гарантирует его обретение. Более того, существует противопоставление чрезмерной учености и жизненного успеха: «Too clever by half» (Слишком умен — наполовину), что подразумевает недоверие к избыточному интеллекту, который может привести к изоляции или ошибкам из-за самоуверенности [3, с. 254]. Английский идеал «common sense» (здорового смысла) часто ставится выше академической эрудиции, что отражает демократичность и практицизм англосаксонской культуры, в отличие от иерархичности и элитарности традиционной китайской модели учености.

Интересен также гендерный аспект интеллектуальных характеристик в пословицах, который, к сожалению, в обоих языках транслирует патриархальные стереотипы, хотя и с разной степенью интенсивности и метафорического оформления. Китайская пословица «Nǚzǐ wú cái biàn shì dé» (Отсутствие таланта/образования у женщины — это добродетель) фиксирует традиционный взгляд на женский интеллект как на потенциальную угрозу семейной гармонии. Ум женщины должен быть направлен внутрь, на управление хозяйством, а не вовне. Английские пословицы также не лишены мизогинии в этом вопросе, например: «A woman's hair is long, but her wit is short» (У женщины волос долог, да ум короткий), что находит почти буквальные соответствия во многих европейских и славянских языках. Однако в английском корпусе чаще встречаются паремии, признающие женскую проницательность или интуитивную мудрость, пусть и отличающуюся от мужской логики [11, с. 3915]. Сравнительный анализ показывает, что в современной интерпретации эти пословицы часто переосмысляются или используются с ироническим подтекстом, однако их наличие в языке свидетельствует о длительной истории гендерной асимметрии в оценке интеллектуальных способностей.

Анализируя отношение к ошибкам как к побочному продукту интеллектуальной деятельности, можно заметить, что английская культура склонна рассматривать ошибку как необходимый этап обучения: «Failure teaches success» (Неудача учит успеху) или «To err is human» (Человеку свойственно ошибаться). Ошибка здесь десакрализована и включена в алгоритм роста. Китайская ментальность, ориентированная на сохранение «лица»,

воспринимает публичную ошибку интеллекта болезненнее. Однако и здесь есть понимание неизбежности промахов: «Zhì zhě qiān lǚ, bì yǒu yī shī» (Даже мудрец из тысячи дум допускает одну ошибку). Разница заключается в фокусе: в английском акцент на том, что ошибка полезна, в китайском — на том, что она статистически возможна даже для совершенного ума, что служит утешением, но не поощрением к риску. Это различие коррелирует с более широкими культурными стратегиями избегания неопределенности, которые в китайской культуре традиционно выше, чем в англо-американской.

Лингвистическая структура паремий также вносит вклад в формирование образа мысли. Китайские пословицы, часто построенные на параллелизме и ритмической организации, создают ощущение неизменной, космической истины. Лаконичность классического китайского языка (вэньянь), следы которого сохраняются в чэньюях, придает высказываниям об уме афористичность и монументальность. Например, «Wòhǔcánglóng» (Затаившийся тигр, скрытый дракон) — метафора скрытых талантов, в том числе интеллектуальных, обладает высокой эстетической ценностью. Английские пословицы более вариативны синтаксически, часто используют рифму для мнемонического эффекта («Birds of a feather flock together» — хотя это о социальном, принцип тот же), но стилистически они ближе к разговорной речи, к бытовому наблюдению. Это снижает пафос интеллектуальной темы, делая её частью повседневности, тогда как китайская форма возвышает интеллект до уровня искусства.

Сопоставление семантики глаголов, используемых в контексте интеллектуальной деятельности, вскрывает разные векторы приложения умственных сил. В английских паремиях часты глаголы действия и обладания: «know», «make», «keep», «buy» (в метафорическом смысле). Знание здесь — объект, которым можно манипулировать. В китайских паремиях преобладают глаголы состояния, восприятия и проникновения: «wù» (осознать, прозреть), «míng» (понимать, быть ясным), «xiū» (исправлять, совершенствовать). Это подчеркивает интровертный характер китайского интеллектуального идеала, направленного на внутреннюю трансформацию, в противовес экстравертному, инструментальному характеру западного интеллекта, направленного на преобразование внешнего мира.

Компаративное исследование паремиологических единиц китайского и английского языков, объективирующих интеллектуальный мир человека, позволяет констатировать наличие глубоких типологических и культурологических расхождений при сохранении универсального ядра, признающего интеллект высшей ценностью. Проведенный анализ демонстрирует, что языковая картина мира не просто отражает социаль-

ные реалии, но и активно формирует когнитивные установки носителей языка, предписывая определенные сценарии интеллектуального поведения. В английской лингвокультуре интеллект концептуализируется преимущественно как прагматический инструмент адаптации и достижения успеха, где критерием истины выступает опыт, а здравый смысл ценится выше абстрактной эрудиции. Рациональность, логика и автономия мышления составляют ядро английского концепта «mind», который четко отграничен от эмоционально-чувственной сферы. Паремии английского языка поощряют активность, предприимчивость ума и толерантное отношение к ошибкам как к части эмпирического пути познания.

Китайская паремиологическая традиция, напротив, транслирует образ интеллекта, неразрывно связанного с морально-этическим совершенствованием и социальной иерархией. Концепт «сердца-ума» (Xin) объединяет когнитивные и эмоциональные процессы, создавая идеал мудрости, который включает в себя не только знания, но и гуманность, чувство долга и ритуальную корректность. Учение в китайской картине мира предстает как сакрализованный, трудоемкий процесс «шлифовки» личности, являющийся единственным легитимным способом повышения социального статуса. Отношение к знанию здесь характеризуется высоким пиететом, граничащим с культом, а глупость часто ассоциируется не просто с отсутствием информации, но с моральной неразвитостью или духовной слепотой. При этом даосское влияние привносит в китайскую паремиологию диалектическое понимание ума, где истинная мудрость может маскироваться под простоту, что практически не находит аналогов в английской традиции, ориентированной на эксплицитную демонстрацию компетентности.

Таким образом, паремиологические фонды двух языков фиксируют различные когнитивные стратегии: западную, ориентированную на внешний результат, анализ и дискретность мышления, и восточную, направленную на внутреннее самосовершенствование, синтез и целостное восприятие действительности. Эти различия необходимо учитывать в практике межкультурной коммуникации, переводе и преподавании языков, так как за схожими лексическими единицами могут скрываться диаметрально противоположные культурные смыслы и ценностные ориентации. Дальнейшее изучение данной проблематики может быть направлено на расширение эмпирической базы за счет привлечения диалектных паремий, а также на исследование трансформации традиционных представлений об интеллекте в современном цифровом дискурсе обеих стран, где глобализационные процессы могут приводить к размыванию или, наоборот, актуализации выявленных национально-специфических черт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Л. Образы злого человека в русской паремиологической картине мира (на фоне китайского языка) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 386-388.
2. Binbin H. A comparative study of the semantic fields of Chinese and English kinship terms // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2023. № 1 (3). С. 69-71.
3. Круглов В.В. Бытийно-динамические понятия традиции «Ицзина» и модель их лингвокультурологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. № 2. С. 252-266.
4. Ян С., Ло С. Лингвокультурологический анализ соотношения концептов «небо» и «человек» в китайских пословицах и поговорках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-1 (46). С. 130-135.
5. Ван С. Национально-культурная специфика фразеологизмов, характеризующих поведение человека, в русском и китайском языках // Актуальные проблемы филологии. 2023. № 27. С. 42-53.
6. Дубкова О.В., Денисенко А.В. Методология исследований картины мира китайцев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 5. С. 32-36.
7. Головановская М.К., Ефименко Н.А. Представление об уме в русском, французском и китайском языках и культурах // Философия и культура. 2023. № 5. С. 117-133.
8. Маджанчинова Д.Ю. Лингвокультурологический анализ паремий, репрезентирующих концепт «труд» в русской и китайской картинах мира // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2024. № 2. С. 29-35.
9. Чэнь С. Национально-культурное содержание китайских фразеологизмов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13. № 4. С. 113-125.
10. Сун Ц. Методика анализа паремий с временно-пространственными метафорами в русском и китайском языках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 6-2 (105). С. 112-116.
11. Митрофанов А.Д. Отражение менталитета и культурных особенностей китайцев в языке // Научный аспект. 2024. Т. 30. № 4. С. 3914-3917.
12. Сюэ Б. Определенное количество в китайской и русской паремиологии: проблемы изучения и преподавания // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2024. № 2. С. 104-111.
13. Митриев И.М. Отражение современного Китая в аспекте гармоничной культуры // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 95-4. С. 134-136.
14. Толстых О.А. Паремии о труде в русской и китайской лингвокультурах: опыт сопоставительного анализа // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1 (62). С. 494-498.
15. Янь Ч. Прагматические аспекты речевой реализации концепта жизненного пути объекта в различных жанрах дискурса русской и китайской лингвистических традиций // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 2. С. 33-49.

© Цзоу Айчжу (Zouaizhu@yandex.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ МЕТОНИМИИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МЕТОНИМИИ

Цао Линцзе

Аспирант, Хэйлунцзянский университет
lintzze@yandex.com

A COMPARATIVE STUDY OF SYNTACTIC METONYMY IN RUSSIAN AND CHINESE POLITICAL STATEMENTS BASED ON THE COGNITIVE THEORY OF METONYMY

Cao Lingjie

Summary: The article examines syntactic metonymy in Russian and Chinese political discourse through the framework of E. V. Paducheva's cognitive theory of metonymy. Based on governmental reports from both countries, the study identifies the main ways in which the focus shifts from agent to patient and the structural patterns that realize this mechanism. Russian discourse predominantly employs passive, indefinite-personal and impersonal constructions, whereas Chinese discourse relies mainly on two-member sentences with a patient as the subject and on ellipsis. The findings refine the understanding of syntactic metonymy in political texts and confirm the applicability of Paducheva's cognitive model to cross-linguistic research. The practical significance of the study lies in its applicability to the analysis of official texts, the teaching of Russian and Chinese, and translation practice. The research highlights the relevance of syntactic metonymy for a deeper understanding of the mechanisms of political communication.

Keywords: syntactic metonymy, cognitive theory of metonymy, political discourse, comparison of Russian and Chinese, grammatical metonymy, syntactic structures.

Аннотация: В статье анализируется синтаксическая метонимия в русском и китайском политическом дискурсе на основе когнитивной теории Е. В. Падучевой. На материале правительственных отчётов двух стран выявлены основные способы сдвига фокуса от агенса к пациенсу и их структурные реализации. Русский дискурс преимущественно использует пассивные, неопределённо-личные и безличные конструкции, тогда как китайский — двусоставные предложения с пациенсом-подлежащим и эллипсис. Полученные результаты уточняют механизм синтаксической метонимии в политических текстах и подтверждают применимость когнитивной модели Падучевой в кросс-лингвистическом исследовании. Практическая значимость работы проявляется в возможности использования выводов при анализе официальных текстов, в преподавании русского и китайского языков и в переводческой практике. Исследование подчёркивает актуальность обращения к синтаксической метонимии для более глубокого понимания механизмов политической коммуникации.

Ключевые слова: синтаксическая метонимия, когнитивная теория метонимии, политический дискурс, сопоставление русского и китайского языков, грамматическая метонимия, синтаксические структуры.

Введение

Актуальность

С развитием когнитивной лингвистики изучение метонимии в лингвистике перестало ограничиваться рассмотрением её как риторического приёма, а стало рассматриваться как когнитивный механизм и даже как более фундаментальный способ познания [1, с. 4]. Грамматическая метонимия представляет собой проявление метонимии как когнитивного механизма в грамматических структурах. По определению Руиса де Мендосы и др., грамматическая метонимия — это «высокоуровневая или родовая метонимия, влияющая на морфологическую и/или синтаксическую структуру» [2, с. 251]. Пантер и др. определяет грамматическую метонимию как «концептуальную метонимию, которая оказы-

вает влияние на служебные слова, грамматические морфемы и дистрибутивные свойства частей речи» [3, с. 16]. Шэнь Цзясюань рассматривает грамматическую метонимию как проявление метонимии в грамматике [4, с. 4]. В настоящее время основное внимание исследователей в изучении грамматической метонимии сосредоточено на морфологии и конструкциях. Хотя некоторые учёные и обращаются к синтаксическому аспекту. Согласно Сигалу, дислокационно-компрессивная метонимия, исследуемая на материале субстантивно-адъективных словосочетаний русского языка, является одним из ведущих дискурсивных механизмов [5, с. 110]. Её роль заключается в том, что порождение свободных словосочетаний не исчерпывается валентностными механизмами синтаксиса. В целом масштабы изучения влияния метонимии на синтаксические структуры остаются ограниченными. Опираясь на традиции Московской семантической шко-

лы и собственные исследования динамических моделей в семантике лексики, Падучева разработала когнитивную теорию метонимии, которая противопоставляет западному подходу, основанному на ментальной доступности; данная теория и служит теоретической основой для анализа [6, с. 160].

Политический дискурс в последние годы стал популярным объектом исследований. Учёные изучают его в широком диапазоне, добились значительных результатов, исследуя такие явления, как метафоры, метонимии, прецедентные феномены и интертекстуальность в политических текстах, а также анализируя языковую личность и политический образ. Исследования метонимии в политическом дискурсе в основном сосредоточены на моделях концептуальной метонимии и её эффектах. Поэтому сопоставительное исследование синтаксической метонимии в русском и китайском политическом дискурсе, опираясь на теорию Падучевой, не только расширяет исследовательские подходы к изучению метонимии и политического дискурса, проверяя объяснительный потенциал данной теории, но и имеет практическое значение для внешнеполитической коммуникации, преподавания иностранных языков и машинного перевода.

Цель

Цель данного исследования состоит в выявлении и сопоставлении способов синтаксической реализации когнитивной метонимии в русских и китайских политических высказываниях на материале правительственных отчётов.

Задачи

Для достижения этой цели последовательно решаются задачи: описать основные положения когнитивной теории метонимии Е.В. Падучевой применительно к синтаксическим структурам, выделить типичные модели синтаксической метонимии в русском и китайском политическом дискурсе, сопоставить их и установить общие и специфические черты, а также охарактеризовать полученные результаты с точки зрения их теоретической и практической значимости.

Научная новизна

Особенность проведённого исследования состоит в том, что синтаксическая метонимия в русских и китайских правительственных отчётах рассматривается в единой когнитивной рамке, что позволяет детализировать набор синтаксических моделей, отражающих сдвиг фокуса внимания от агенса к пациенсу в политическом дискурсе.

Теоретическая значимость

С теоретической точки зрения исследование уточняет

представления о грамматической метонимии и о взаимодействии когнитивных механизмов с синтаксисом.

Практическая значимость

В практическом плане исследование создаёт основу для более точного анализа политической коммуникации, для обучения русскому и китайскому языкам и для повышения качества перевода таких текстов.

Материалы и методы исследований

Теоретической основой данного исследования служит когнитивная теория метонимии Е.В. Падучевой, которая, в свою очередь, базируется на разработанной ею динамической модели лексической семантики. Эта модель, рассматривающая языковые явления с когнитивных позиций, призвана объяснить закономерности полисемии и семантической эволюции. Данная теория, вводя понятие семантической деривации, выходит за рамки традиционного статического семантического анализа. В соответствии с этой концепцией, изменение значения слова — это не случайное языковое явление, а результат системной корректировки его параметров.

Теоретическая система представлена на двух уровнях. На концептуальном (смысловом) уровне «концептуальная метонимия» определяется как сдвиг фокуса внимания в пределах одного домена. На уровне языкового выражения данный сдвиг реализуется через две основные формы: лексическую и синтаксическую метонимию (см. табл. 1) [7, с. 184].

Таблица 1.

Классификация метонимии по Е.В. Падучевой.

Уровень	Вид метонимии
Смысловой уровень	концептуальная метонимия
Уровень языковых средств выражения	лексическая метонимия
	синтаксическая метонимия

«Концептуальная метонимия» определяется как фундаментальный когнитивный механизм, основанный на ассоциативной связи. Суть механизма заключается в том, что одна, более доступная для восприятия концепция, активирует другую, тесно с ней связанную, обеспечивая её понимание. Все контекстуально обусловленные метонимические переносы в речи восходят к этой базовой операции. В языковой системе данная когнитивная операция объективируется в двух устойчивых формах. Первая — это «лексическая метонимия». Это результат закрепления метонимического отношения в системе языка как самостоятельного лексического значения, которое воспринимается без опоры на речевой контекст. Например, у слова рот в словарях фиксируются два значения: «полость» и «очертания губ». Вторая —

«синтаксическая метонимия». В отличие от лексической, она не является результатом семантической деривации в словаре, а возникает в синтаксической структуре предложения. Её природа обусловлена динамической семантикой лексем, где ключевую роль играет семантика глагола [6, с. 160].

пробить дыру в стене; пробить стену.
рубить лес на дрова – рубить дрова.

На приведенных выше двух примерах видно ключевое значение глагола в синтаксической метонимии: посредством переноса фокуса внимания участники ситуации могут быть фоновыми или актуализированными, что приводит к компрессии или экспансии синтаксической структуры.

В целом, концептуальная метонимия представляет собой общую когнитивную основу, в то время как лексическая и синтаксическая метонимии являются конкретными проявлениями этой основы на разных уровнях языковой системы. Исходным пунктом всей теории служит богатый и динамичный семантический потенциал лексики.

В качестве материала для данного исследования были выбраны отчёты о работе правительства России и Китая, опубликованные за последние три года (2023–2025 гг.): Отчёт о деятельности правительства России за 2022 год, Отчёт о деятельности правительства России за 2023 год, Отчёт о деятельности правительства России за 2024 год, 2023 年政府工作报告 (Доклад о работе правительства Китая за 2022 год), 2024 年政府工作报告 (Доклад о работе правительства Китая за 2023 год), 2025 年政府工作报告 (Доклад о работе правительства Китая за 2024 год). Данный материал относится к сфере авторитетного политического дискурса. [7, с. 183]. При написании статьи были использованы следующие методы: сравнительный анализ, наблюдение и индукция.

Результаты и обсуждения

В настоящем исследовании проводится анализ предложений из отчётов о деятельности правительства России за 2022–2024 годы с фокусом на глаголе, что позволяет выявить смещение акцента между участниками ситуации и способы его синтаксической реализации. Результаты показывают, что в российском политическом дискурсе доминирующим типом синтаксической метонимии выступает переход от агенса к пациенсу, при котором агенс выводится на фон. Данный процесс реализуется как пассивными, так и активными конструкциями, однако первые количественно преобладают над вторыми.

Пассивные конструкции бывают двух типов: двучленные и трехчленные, причем в политическом дискурсе

преимущественно используются двучленные пассивные конструкции. Двучленные пассивы часто применяются при описании правил, положений, указов и директив, главным образом для перечисления действий и их объектов [8, с. 365]. Следовательно, в политическом дискурсе такие конструкции также часто встречаются. Подобные структуры помогают акцентировать результат действия и вовлеченные объекты, а не субъект-исполнитель при изложении политики. Это позволяет сосредоточиться на конкретных обстоятельствах реализации политики и сфере ее воздействия, одновременно придавая изложению более формальный и объективный характер. Использование таких конструкций в политических статьях или официальных отчетах эффективно позволяет перечислить и подчеркнуть комплекс мер и их целевые объекты, тем самым усиливая авторитетность и убедительность текста. Ниже рассматривается синтаксическая метонимия сдвига фокуса внимания в пассивных конструкциях на конкретных примерах.

(1) Установлены и налоговые льготы, в том числе освобождающие защитников и их семьи от уплаты налога на имущество и ряда пошлин. (Отчёт о деятельности Правительства за 2024 год)

В анализируемом предложении использована двучленная пассивная конструкция. Глагольная форма *установлены* смещает фокус внимания с агенса на пациенс, которым является подлежащее *налоговые льготы*. Таким образом, агенс в данной конструкции вербально не выражен и оказывается на периферии внимания. Подобный способ концептуализации, характерный для правительственных отчётов, акцентирует результат и объект воздействия, оставляя в тени субъекта действия.

(2) Правительством готовится важнейший законопроект, который определит госполитику в сфере миграции. (Отчёт о деятельности Правительства за 2022 год)

В данном предложении используется трехчленная пассивная конструкция с производным глаголом страдательного залога *готовиться*. Хотя агенс *правительство* упоминается, он представлен лишь в творительном падеже и отодвинут на задний план, тогда как фокус смещается на пациенс *законопроект*, тем самым акцентируя содержание законопроекта и его значимость в сфере миграции.

А в активных конструкциях распространены неопределённо-личные и безличные предложения. Оба типа часто используются для опускания агенса, что способствует его смысловому ослаблению и выделению пациента или результата действия. Использование неопределённо-личных или безличных конструкций позволяет сосредоточить изложение на конкретных результатах

реализации политики и сфере её воздействия, а не на самом субъекте действия. Такой подход не только делает передачу информации более прямой и лаконичной, но и способствует повышению интереса и глубины понимания обсуждаемой темы у аудитории.

(3) *Создали новую платформенную модель управления. (Отчёт о деятельности Правительства за 2022 год)*

В данном предложении представлено неопределённо-личное предложение в активном залоге, в котором агенс действия, выраженного глаголом *создать*, не указан. Такой подход естественным образом смещает фокус на пациенс — *модель*. За счёт элиминации агенса достигается перераспределение внимания от деятеля к результату его деятельности, что позволяет сконцентрироваться на самой модели, её потенциальном применении и влиянии. Данный метод эффективно направляет внимание аудитории на практические последствия политики или проекта, что особенно актуально для политического дискурса.

(4) *Узнать историю, традиции нашего государства можно и через путешествия. (Отчёт о деятельности Правительства за 2023 год)*

В данном примере представлено безличное предложение, где не указано, кто именно будет выполнять действие *узнать*. Опускание агенса смещает фокус на другие компоненты: само действие *узнать*, пациенсы *история* и *традиция*, а также способ осуществления действия *через путешествия*. Подобный способ выражения отличается лаконичностью и смысловой чёткостью, что соответствует характерным особенностям политического дискурса.

В китайском политическом дискурсе фокус внимания при синтаксической метонимии реже концентрируется на агенсе, смещаясь преимущественно на пациенс. Данный вид синтаксической метонимии реализуется главным образом в форме простых предложений, среди которых преобладают двусоставные предложения и неполные конструкции.

Фоновое оформление агенса в китайском политическом дискурсе осуществляется через подлежащее-пациенс в двусоставных предложениях, что позволяет акцентировать фактический результат или состояние события. Такой подход обеспечивает лаконичность высказывания и одновременно выделяет ключевое содержание политики.

(5) *生态环境质量稳中改善. (2024年政府工作报告)*
Качество экологической среды стабильно улучшается. (Доклад о работе правительства Китая за 2023 год)

В данном предложении *生态环境质量* является паци-

енсом-подлежащим, а *改善* — глагольным сказуемым. Агенс в конструкции не выражен, что выдвигает пациенс в фокус внимания и смещает смысловой акцент на результат и состояние действия.

Вторым механизмом сдвига фокуса внимания с агенса в китайском политическом дискурсе выступают эллиптические конструкции с элиминированным подлежащим-агенсом. Они базируются преимущественно на моделях «глагол-дополнение» и сочинительной связи, что позволяет фокусировать внимание на самом действии и его цели. Согласно общепринятой точке зрения, данный феномен обусловлен принципом языковой экономии, предполагающим опущение пресуппозициональной информации [9, с. 98]. В политико-нормативных текстах такие конструкции служат для достижения лаконичности, выделения ключевых тезисов и избежания речевой избыточности.

Согласно теории Е.В. Падучевой, появление эллиптических предложений не только способствует упрощению языка, но и служит способом акцентирования ядра высказывания через опущение, реализуя смещение фокуса и направляя внимание адресата в заданное говорящим русло.

(6) *积极扩大有效投资. (2025年政府工作报告)*
Активно увеличивать эффективные инвестиции. (Доклад о работе правительства Китая за 2024 год)

В анализируемом предложении эллипсис агенса-подлежащего реализует синтаксическую метонимию, смещая фокус на действие *扩大* и пациенс *有效投资*. Ослабляя акцент на исполнителе и усиливая его на объекте и результате, данная когнитивная операция не только обеспечивает лаконичность, но и акцентирует прагматическую установку политического текста. Таким образом, она отвечает ключевым требованиям политического дискурса — эффективности и ясности.

Заключение

В аспекте общих черт синтаксическая метонимия в русском и китайском политическом дискурсе демонстрирует единые ключевые характеристики. Как в русском, так и в китайском политическом дискурсе синтаксическая метонимия проявляется в сдвиге фокуса внимания с агенса на пациенс и связанные с ним соответствующие результаты или цели. Данная когнитивная операция реализуется через опущение или ослабление агенса-подлежащего, что позволяет сконцентрировать внимание на целях политики, результатах действий или сфере воздействия конкретных мер.

Синтаксическая метонимия в политическом дискурсе обоих языков воплощает принцип экономии языка. Пу-

тем опущения известной информации (такой как агенс-подлежащее) акцентируется ключевое содержание, избегая избыточности и повторов. Такой способ не только повышает лаконичность и сжатость текста, но и усиливает авторитетность и убедительность политического дискурса.

Как в русском, так и в китайском политическом дискурсе основной целью синтаксической метонимии является выделение целей политики и ожидаемых эффектов, а не конкретных исполнителей. Общим для пассивных конструкций в русском языке и эллиптических предложений в китайском является концентрация внимания на конкретном содержании политики и результатах её реализации, что позволяет эффективнее передавать политические установки.

Различия в использовании синтаксической метонимии в русском и китайском политическом дискурсе проявляются в трёх основных аспектах: в синтаксической структуре, в степени фонового оформления агенса и в стилистических особенностях.

В плане синтаксических структур оба языка обладают уникальными языковыми конструкциями и способами выражения. В русском политическом дискурсе преимущественно используются пассивные конструкции, а также неопределённо-личные и безличные предложения в активном залоге. При этом пассивные конструкции употребляются с высокой частотой, особенно двучленные пассивы, где опущение агенса дополнительно акцентирует пациенс и результат. В китайском политическом дискурсе, напротив, предпочтение отдается двусоставным предложениям и эллиптическим конструкциям. Двусоставные предложения напрямую констатируют фактический результат через подлежащее-пациенс, тогда как эллиптические конструкции реализуют смещение фокуса за счёт опущения агенса-подлежащего.

Что касается степени фонового оформления агенса, в трёхчленных пассивных конструкциях русского языка агенс может быть выражен, однако он ослаблен и отодвинут на задний план, будучи выраженным формой творительного падежа. В отличие от этого, китайский язык при ослаблении агенса — как в двусоставных, так и в эллиптических предложениях — демонстрирует тенденцию к его полному устранению из высказывания. Таким образом, по степени фонового оформления агенса китайский язык проявляет себя более последовательно.

В аспекте языкового стиля русский политический дискурс тяготеет к строгим синтаксическим структурам, таким как пассивные конструкции и отглагольные образования, для реализации смещения фокуса, и отличается сравнительной строгостью формы. Китайский же политический дискурс больше ориентирован на ла-

коничность и наглядность, используя двусоставные или эллиптические предложения для прямого выражения ключевой информации, зачастую с применением обобщённых фраз и лексики, что формирует относительно простой и практичный стиль изложения.

Проведенное исследование синтаксической метонимии в русском и китайском политическом дискурсе позволяет выявить её важное значение для межкультурного общения, лингвистических исследований и политической коммуникации.

В области межкультурного общения реализация синтаксической метонимии в каждом языке демонстрирует уникальные коммуникативные стратегии. Выявленные различия отражают национально-специфические особенности речевого поведения и указывают на необходимость учёта адаптационных механизмов при переводе и межкультурном взаимодействии. Вместе с тем, несмотря на формальные расхождения, политический дискурс обоих языков сходится в своей цели — сдвиге фокуса с агенса на цели и результаты политики. Это функциональное единство создаёт прочную основу для успешной межкультурной коммуникации.

С точки зрения когнитивной лингвистики, сопоставительное исследование синтаксической метонимии позволяет не только верифицировать и развить идеи Е.В. Падучевой о сдвиге фокуса внимания, но и выявить универсальные и идиоэтнические когнитивные механизмы его реализации в разных языковых системах, что обогащает представление о взаимодействии синтаксиса, семантики и прагматики.

В практическом применении политической коммуникации учет особенностей политического дискурса этих двух языков может помочь разработчикам политики создавать более лаконичные, понятные и целенаправленные формулировки, повышая эффективность распространения политики. Одновременно, в международной политической коммуникации понимание характеристик политического дискурса на разных языках позволяет переводчикам и коммуникаторам лучше адаптироваться к языковым привычкам и культурному контексту целевой аудитории, тем самым повышая эффективность коммуникации и содействуя международному обмену и сотрудничеству.

Данное исследование адресовано как теоретикам — лингвистам-когнитологам, компаративистам и специалистам в области политической лингвистики, — так и практикам — переводчикам, политическим аналитикам и специалистам по международным отношениям.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение корпуса анализируемых текстов за счёт

включения более разнообразных типов политических документов, что позволит проверить универсальность полученных выводов. В то же время, когнитивная теория метонимии способна открыть новые горизонты для прочих межкультурных изысканий.

Таким образом, проведённое исследование позволило реализовать заявленную во введении цель и последовательно решить поставленные задачи: описать теоретические основания когнитивной метонимии, зафиксировать способы её синтаксической реализации в

русских и китайских правительственных отчётах и показать, каким образом сдвиг фокуса от агенса к пациенсу организует политическое высказывание. Наибольшее значение имеют выявленные и сопоставленные типы конструкций, впервые описывающие синтаксическую метонимию в данных текстах в единой когнитивной рамке; они углубляют теоретическое понимание грамматической метонимии и одновременно задают практические ориентиры для анализа, преподавания и перевода политического дискурса, намечая основу для дальнейших исследований в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barcelona A. Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
2. Ruiz de Mendoza I.F., Pea M. Grammatical Metonymy within the "Action" Frame in English and Spanish // In: Mackenzie J., González M., Álvarez-González E. (eds.). Current Trends in Constative Linguistics: Functional and Cognitive Perspectives. Amsterdam: John Benjamins, 2008. С. 251–280.
3. Panther K.U., Thornburg L., Barcelona A. Metonymy and Metaphor in Grammar. Amsterdam: John Benjamins, 2009. С. 333–357.
4. 沈家煊. 转指和转喻 [Референция и метонимия] // 当代语言学. 1999. №1.
5. Сигал К.Я. Дислокационно-компрессивная метонимия // Вопросы психолингвистики. 2017. №31. С. 110–123.
6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Цао Линцзе. Исследование концептуальной метонимии в китайском политическом дискурсе на основе когнитивной теории метонимии // Современный ученый. 2025. №7. С. 182–187.
8. 黄伯荣, 廖旭东. 现代汉语: 下册 (增订六版) [Современный китайский язык: т. 2, перераб. и доп. изд.]. 北京: 高等教育出版社, 2017.
9. 张家骅. 新时代俄语通论 (第2版) [Общий курс современного русского языка, изд. 2]. 北京: 商务印书馆, 2023.

© Цао Линцзе (lintzze@yandex.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНИМАЛИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ

Чэнь Цзиньхань

Аспирант, Казанский федеральный университет
chenjinhan@yandex.ru

LEXICO-SEMANTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AN ANIMALISTIC COMPONENT IN THE CONTEXT OF INTERLINGUAL COMPARISON

Chen Jinhan

Summary: The article examines English phraseological units with an animalistic component as representatives of the linguistic picture of the world and the zoomorphic code of culture, through which human qualities, behavior, and social relations are modeled anthropocentrically. The material is systematized on the basis of lexicographic sampling and interpreted using systemic-structural, cognitive-semantic, and linguocultural procedures, including componential and etymological analysis, which enables the reconstruction of the inner form of idioms and the identification of culturally relevant features of animals selected in metaphorical and metonymic transfer. The high productivity of images of domestic animals and their axiological load are demonstrated: dog and pig are dominated by pejorative meanings, horse consistently actualizes diligence and status, while cat combines independence with connotations of secrecy and magical mythologization. Universal and nationally specific discrepancies are described, including differences in prototypes in comparable situations, the presence of non-equivalent expressions, and the dependence of interpretation on historical and everyday context. Gender-marked transfers that convey asymmetrical social stereotypes are highlighted separately. The resulting generalizations refine the cultural semantics of English idiomaticity and are relevant for intercultural communication, translation, and language teaching.

Keywords: English phraseology, animalistic component, linguocultural analysis, zoomorphic code of culture, cross-linguistic comparison.

Аннотация: Статья рассматривает английские фразеологические единицы с анималистическим компонентом как репрезентанты языковой картины мира и зооморфного кода культуры, через который антропоцентрически моделируются человеческие качества, поведение и социальные отношения. Материал систематизируется на основе лексикографической выборки и интерпретируется с привлечением системно-структурных, когнитивно-семантических и лингвокультурологических процедур, включая компонентный и этимологический анализ, что позволяет реконструировать внутреннюю форму идиом и выявить селекцию культурно релевантных признаков животных при метафорическом и метонимическом переносе. Показана высокая продуктивность образов домашних животных и их аксиологическая нагруженность: у dog и pig доминируют пейоративные значения, у horse устойчиво актуализируются трудолюбие и статусность; cat сочетает независимость с коннотациями скрытности и магической мифологизации. Описаны универсальные и национально-специфические расхождения, включая различие прототипов в сопоставимых ситуациях, наличие безэквивалентных оборотов и зависимость интерпретации от историко-бытового контекста. Отдельно фиксируются гендерно маркированные переносы, транслирующие асимметричные социальные стереотипы. Полученные обобщения уточняют культурную семантику английской идиоматики и значимы для межкультурной коммуникации, перевода и обучения.

Ключевые слова: английская фразеология, анималистический компонент, лингвокультурологический анализ, зооморфный код культуры, межъязыковое сопоставление.

Языковая картина мира, формирующаяся в сознании носителей определенной культуры, представляет собой сложную систему взаимосвязанных концептов, отражающих исторический опыт, ценностные ориентиры и особенности восприятия окружающей действительности. В этом многообразии особое место занимает фразеологический фонд, который по праву считается сокровищницей национальной ментальности и хранилищем культурной памяти народа. Фразеологизмы не просто называют явления, но и дают им эмоционально-экспрессивную оценку, что делает их незаме-

мым объектом исследования для лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Изучение идиоматики позволяет проникнуть в глубинные слои народного сознания, реконструировать архетипические представления и понять механизмы метафоризации, лежащие в основе человеческого мышления [3, с. 161]. Антропоцентрическая парадигма современного языкознания диктует необходимость рассмотрения языковых единиц сквозь призму человеческого фактора, где человек является точкой отсчета для категоризации мира. Однако парадоксальным образом именно через образы животного

мира человек чаще всего характеризует самого себя, свои поступки, внешность и внутренние качества. Зооморфный код культуры является одним из древнейших и наиболее универсальных, поскольку животные всегда были ближайшими соседями человека, источником пищи, помощниками в труде или же опасными врагами [12, с. 205].

Наблюдение за повадками представителей фауны, переосмысление их поведения и перенос этих характеристик на человеческие отношения привели к формированию обширного пласта лексики и фразеологии с анималистическим компонентом. В английском языке, обладающем богатейшей историей и впитавшем в себя влияния различных культур, зоонимы играют существенную роль в создании образной системы языка. Английская фразеология с компонентом-зоонимом отличается высокой частотностью употребления и семантическим разнообразием, охватывая практически все сферы человеческой жизнедеятельности [7, с. 269]. Интерес к данной проблематике обусловлен не только необходимостью описания семантической структуры отдельных единиц, но и важностью выявления общих закономерностей формирования оценочных значений. При межкультурном сопоставлении становится очевидным, что, несмотря на универсальность многих зооморфных метафор, существуют глубокие национально-специфические различия, корнящиеся в своеобразии исторического пути, географических условий и культурных традиций.

Семантические трансформации, происходящие при переходе от прямого значения зоонима к фразеологически связанному, демонстрируют сложные когнитивные процессы, где на первый план выходят не биологические характеристики животного, а приписываемые ему культурной традицией свойства. Стереотипные представления о животных, закрепленные в языке, могут как совпадать с реальными повадками, так и быть полностью мифологизированными, что создает определенные трудности при интерпретации и переводе [1, с. 58]. Зооморфная метафора служит мощным инструментом концептуализации, позволяя человеку структурировать абстрактные понятия через конкретные и понятные образы животного мира. В английском языковом сознании образы таких животных, как лошадь, собака, кошка, свинья или лев, наделены устойчивым набором ассоциаций, которые могут существенно отличаться от аналогичных образов в других лингвокультурах. Например, отношение к черной кошке или восприятие свиньи может варьироваться от позитивного до резко негативного в зависимости от культурного контекста.

Исследование фразеологических единиц с анималистическим компонентом предполагает анализ не только их лексического состава, но и внутренней формы, мотивированности значения и прагматического потенциала.

Важным аспектом является изучение аксиологической составляющей, поскольку большинство зооморфных фразеологизмов несет в себе ярко выраженную оценочность, чаще всего негативную или ироническую, хотя встречаются и мелиоративные единицы [15, с. 19]. Понимание этих нюансов необходимо для адекватной межкультурной коммуникации и предотвращения коммуникативных сбоев. В условиях глобализации и интенсивного взаимодействия языков вопрос о сохранении национальной самобытности, выраженной в том числе и через фразеологию, приобретает особое звучание. Английский язык, как язык международного общения, транслирует свои культурные коды, которые при взаимодействии с иными концептосферами могут подвергаться адаптации или отторжению. Анализ зооморфной фразеологии позволяет проследить эти процессы и выявить ядро национальной идентичности, скрытое в, казалось бы, простых и привычных выражениях [5, с. 66].

В основу методологической базы положен комплексный подход, объединяющий принципы системно-структурной лингвистики, когнитивной семантики и лингвокультурологии. Для достижения поставленных задач применялся метод сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников, включая толковые словари английского языка, специализированные фразеологические словари и словари идиом. Работа с лексикографическим материалом позволила сформировать репрезентативный корпус единиц, включающий фразеологизмы различной структуры и степени спаянности компонентов. Кроме того, использовался описательный метод, включающий приемы наблюдения, интерпретации и классификации языковых фактов [9, с. 769]. Важную роль сыграл метод компонентного анализа, направленный на выявление семного состава значений зоонимов и прослеживание их трансформации в составе фразеологических единиц. Этот метод позволил установить, какие именно признаки животного актуализируются при метафорическом переносе, а какие отходят на второй план или вовсе утрачиваются. Этимологический анализ применялся для реконструкции внутренней формы фразеологизмов и выявления историко-культурных предпосылок их возникновения, что необходимо для понимания глубинной семантики и национального колорита исследуемых единиц.

Зооморфный код английской культуры, эксплицированный во фразеологии, представляет собой иерархически организованную систему, где центральное место занимают домашние животные, исторически наиболее тесно связанные с бытом и хозяйственной деятельностью англичан. Образ собаки (dog) является одним из самых продуктивных и амбивалентных в английской фразеологии. С одной стороны, собака символизирует верность и преданность, что находит отражение в ряде устойчивых выражений, однако количественно пре-

обладают идиомы с негативной коннотацией. Семантическое поле, формируемое лексемой *dog*, включает значения униженности, тяжелой жизни, никчемности и агрессии [2, с. 134]. Выражение «*to lead a dog's life*» (вести собачью жизнь) ярко иллюстрирует концептуализацию существования, полного лишений и страданий, тогда как «*to die like a dog*» (умереть как собака) добавляет оттенок позорной и одинокой смерти. Культурологический анализ показывает, что исторически отношение к собакам в Британии трансформировалось, однако язык сохранил архаичные представления, характерные для периодов, когда собака воспринималась исключительно как утилитарное существо, часто грязное и опасное. Интересен тот факт, что в английском языке существует уникальная группа идиом, описывающих состояние крайнего утомления или болезни через образ собаки, например, «*dog-tired*» или «*sick as a dog*», что не всегда находит прямые эквиваленты в других языках, где подобные состояния могут ассоциироваться с другими животными.

Не менее значимым является образ кошки (*cat*), который в английской лингвокультуре наделен чертами независимости, живучести, но также хитрости и скрытности. Мифологические корни, связывающие кошку с магией и потусторонним миром, прослеживаются в идиомах типа «*has the cat got your tongue?*» (язык проглотил?), где немота метафорически объясняется вмешательством мистических сил [8, с. 67]. В отличие от русской традиции, где «черная кошка» однозначно маркирует неудачу, в некоторых британских диалектах и поверьях встреча с черной кошкой могла трактоваться как предзнаменование удачи, хотя фразеологический фонд в целом фиксирует настороженное отношение. Фразеологизм «*to let the cat out of the bag*» (проболтаться, выдать секрет) имеет интересную этимологию, восходящую к рыночным мошенничествам, когда вместо поросенка покупателю подсовывали кошку в мешке. Здесь мы видим тесное переплетение образов различных животных в рамках одной коммуникативной ситуации обмана. Когнитивная модель «КОШКА — ЖЕНЩИНА» также находит свое отражение в языке, где злобная или сварливая женщина может характеризоваться через фелинные метафоры, подчеркивающие непредсказуемость и агрессивность.

Лошадь (*horse*) в английской картине мира занимает привилегированное положение, символизируя силу, выносливость, трудолюбие и благородство. Идиома «*to work like a horse*» (работать как лошадь) имеет явную положительную или нейтрально-констатирующую окраску, подчеркивающую высокую работоспособность, в то время как аналогичные выражения с другими зоонимами (например, с ослом) могут иметь оттенок тупого, подневольного труда [14, с. 379]. Темная лошадка («*dark horse*») — выражение, пришедшее из скачек, демонстрирует, как профессиональный жаргон обогащает общелитературный язык, создавая метафору для человека, чьи спо-

собности неизвестны, но который может неожиданно добиться успеха. Культурная значимость скачек и коневодства в Британии закрепила за образом лошади статус национального символа, что подтверждается огромным количеством фразеологизмов, связанных с верховой ездой и уходом за лошадьми, которые метафорически переносятся на управление делами, политику и человеческие отношения. «*To flog a dead horse*» (стегать дохлую лошадь) — заниматься бессмысленным делом — является ярким примером прагматической оценки неэффективных усилий.

Особый интерес представляет группа фразеологизмов, включающая названия сельскохозяйственных животных: свиньи, коровы, овцы, гуся. Образ свиньи (*pig*) в английской, как и во многих других европейских культурах, нагружен негативными коннотациями: грязь, жадность, обжорство, неблагодарность. Выражение «*to buy a pig in a poke*» (купить кота в мешке, букв. свинью в мешке) коррелирует с вышеупомянутой идиомой о кошке, создавая целостный сценарий обмана [6, с. 51]. Однако стоит отметить и специфические английские обороты, такие как «*when pigs fly*» (когда рак на горе свистнет, букв. когда свиньи полетят), использующие образ невозможного действия через абсурдную ситуацию полета тяжелого животного. Овца (*sheep*) традиционно ассоциируется с покорностью, глупостью и отсутствием индивидуальности («*follow like sheep*»), но также существует идиома «*black sheep*» (паршивая овца, белая ворона), маркирующая члена сообщества, отличающегося от остальных в худшую сторону или позорящего семью. Здесь цветовая символика (черный как плохой) накладывается на зооморфный образ, усиливая негативную оценку.

Дикие животные также представлены в английской фразеологии, хотя и менее широко, чем домашние. Волк (*wolf*) является архетипическим символом опасности, жестокости и голода. Идиома «*to keep the wolf from the door*» (бороться с нищетой, букв. удерживать волка от двери) отражает древний страх перед хищником и метафорически переносит его на социальную угрозу голода и разорения [10, с. 112]. Лев (*lion*) как геральдический символ Британии воплощает храбрость и царственность («*lion-hearted*»), а «*lion's share*» (львиная доля) отсылает к античным басням, подчеркивая право сильного. Лиса (*fox*) устойчиво ассоциируется с хитростью и изворотливостью («*crazy like a fox*»), что является общеевропейской культурной универсалией. Интересно наблюдать, как в английском языке характеристики диких животных переносятся на описание человеческого интеллекта или моральных качеств, формируя устойчивые компаративные конструкции. Медведь (*bear*) в английской культуре ассоциируется скорее с грубостью и плохим настроением («*like a bear with a sore head*»), чем с неуклюжестью или добродушием, что может отличать его от восприятия в других культурах.

Птицы и насекомые также вносят свой вклад в формирование зооморфной картины мира. Образ птицы часто коррелирует с идеей свободы, но также и с глупостью или болтливостью. «Bird-brained» (с куриными мозгами) используется для характеристики недалекого человека. Идиома «to kill two birds with one stone» (убить двух зайцев, букв. двух птиц одним камнем) демонстрирует прагматичность и рационализм [4, с. 355]. Гусь (goose) выступает как символ глупости («silly goose»), но выражение «to cook someone's goose» (погубить кого-то, расстроить планы) имеет более зловещий оттенок. Насекомые, в частности пчелы и муравьи, традиционно символизируют трудолюбие («busy as a bee»), однако в современном языке появляются и новые метафорические смыслы, связанные с коллективным разумом или назойливостью. Семантическая структура фразеологизмов с компонентами-насекомыми часто строится на наблюдении за их движением и массовостью.

Когнитивный анализ позволяет выделить базовые метафорические модели, лежащие в основе зооморфной фразеологии. Наиболее продуктивной является модель «ЧЕЛОВЕК — ЖИВОТНОЕ», где физические качества, повадки или предполагаемый характер животного проецируются на человека [13, с. 205]. При этом происходит процесс селекции признаков: из всего многообразия биологических характеристик выбираются лишь те, которые закреплены в культурной традиции как релевантные. Например, зрение орла (eagle-eyed) становится метафорой проницательности, а неповоротливость слона в посудной лавке («bull in a china shop» — в английском варианте бык, а не слон) описывает социальную неловкость. Это различие в выборе животного-прототипа (бык vs. слон) при тождественности ситуации является ярким примером лингвокультурной специфики. Также важна модель «ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА — ПОВЕДЕНИЕ ЖИВОТНОГО», реализуемая через глагольные фразеологизмы. Здесь акцент делается не на качестве личности, а на способе действия.

Гендерный аспект зооморфной фразеологии также заслуживает внимания. Ряд зоонимов имеет закрепленную гендерную отнесенность при метафорическом переносе. Так, слова «bitch» (собака-самка), «vixen» (лисица), «cow» (корова) в переносном значении применяются почти исключительно к женщинам и имеют резко пейоративную окраску. Для мужчин характерны другие зооморфные характеристики, например, «wolf» (бабник) или «stag» (на вечеринке). Это свидетельствует о том, что языковая картина мира фиксирует и транслирует патриархальные стереотипы, используя животные образы для социальной маркировки и контроля поведения. Анализ показывает, что количество зоонимов с негативной оценкой, применяемых к женщинам, превышает аналогичное количество для мужчин, что является предметом дискуссий в современной социолингвистике.

Культурная коннотация фразеологизмов с анималистическим компонентом тесно связана с национальным фольклором, литературой и историей. Многие идиомы восходят к басням Эзопа, библейским текстам или произведениям Шекспира, став неотъемлемой частью литературного языка. Однако существует и обширный пласт разговорной, сленговой фразеологии, который постоянно обновляется. Зооморфные коды не являются застывшими; они эволюционируют вместе с обществом. Урбанизация приводит к тому, что некоторые идиомы, связанные с сельским хозяйством, теряют свою прозрачность для современного носителя языка, превращаясь в немотивированные единства, значение которых заучивается целостно. Тем не менее, базовая система образов остается удивительно устойчивой, что подтверждает глубокий характер зооморфных архетипов в человеческом сознании.

Лексико-семантический анализ английских фразеологических единиц с анималистическим компонентом позволяет сделать вывод о том, что зооморфный код является одним из фундаментальных способов концептуализации действительности и человека в ней. Животный мир выступает как зеркало, в котором отражаются человеческие пороки, добродетели, социальные отношения и эмоциональные состояния. Английская фразеология демонстрирует сложную систему оценочных значений, где доминирует антропоцентрический подход: животное оценивается не само по себе, а с точки зрения его полезности, опасности или сходства с человеком. Проведенное исследование подтверждает, что семантическая структура зооморфных идиом базируется на метафорическом и метонимическом переносе, при котором актуализируются специфические, культурно маркированные признаки.

Национально-культурное своеобразие английских анималистических фразеологизмов проявляется в выборе конкретных образов животных для выражения универсальных понятий, в особенностях эмоционально-оценочной шкалы и в наличии уникальных, безэквивалентных единиц, отражающих реалии британской истории и быта. Сопоставление с другими языковыми системами показывает, что при наличии общих индоевропейских корней и общекультурных универсалий, английский язык обладает самобытной системой зооморфных образов, сформированной под влиянием островного положения, морских традиций и специфического развития сельского хозяйства. Устойчивость этих выражений во времени свидетельствует об их важной роли в сохранении культурной идентичности и передаче социального опыта от поколения к поколению.

Понимание механизмов формирования и функционирования зооморфной фразеологии имеет большое значение не только для теоретической лингвистики, но и

для практики межкультурной коммуникации, перевода и преподавания иностранных языков. Знание внутренней формы и культурного фона идиом позволяет избежать ложных ассоциаций и коммуникативных неудач. Перспектива дальнейшего изучения данной темы видится в расширении сравнительного контекста, привлечении материала диалектов и вариантов английского языка, а также

в более глубоком анализе дискурсивных особенностей употребления зооморфизмов в современной медийной и политической коммуникации. Язык, будучи живым организмом, продолжает развиваться, и наблюдение за трансформацией старых и появлением новых зооморфных метафор дает исследователю уникальную возможность держать руку на пульсе культурных изменений общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитонов Е.Ю., Баева М.П. Стержневые анималистические образы компаративной фразеологии // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 52-60.
2. Сенчук М.Ю. Общее и отличительное в культурологической информации английских и русских фразеологизмов с компонентом *семь* // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2025. № 4 (151). С. 133-137.
3. Гелисханова Ф.Х. Лексико-семантические особенности перевода фразеологических единиц с анимализмами на примере английского, русского и ингушского языков // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2021. № 2-2. С. 159-164.
4. Острикова А.Е. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов с компонентом *«рука»* (на материале английского и русского языков) // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2021. Т. 2. № 13-2. С. 354-359.
5. Хошимова Н.М., Тагоева С.М. Сопоставительный анализ и перевод английских *сфе* с партонимами в английском, таджикском и русском языках // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2022. № 1-2 (98). С. 64-70.
6. Овчинникова Г.В., Федченко В.С., Погольша А.Д. Имплицитность семантики фразеологизмов с компонентами *«сердце»*, *«соеиг»*, *«сиоре»*, *«heart»* во французской, итальянской, английской и русской лингвокультурах // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 3. С. 44-52.
7. Острикова А.Е. Сопоставительный анализ фразеологизмов с соматическим компонентом *«верхние конечности»* (на материале английского и русского языков) // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2022. Т. 2. № 14-2. С. 268-274.
8. Резникова А.Р. Источники возникновения фразеологических единиц с именем собственным в английском и русском языках // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2021. № 3. С. 64-69.
9. Бхатти Н.В., Ковш Е.В., Харитонов Е.Ю. Культурологические особенности фразеологических компаративов в индоевропейских языках (на материале английского, немецкого, русского языков и урду) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3 (87). С. 760-772.
10. Резникова А.Р. Семантические особенности фразеологических единиц с антропонимическим компонентом в разнотипных языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2021. Т. 17. № 2 (52). С. 111-120.
11. Коротыч Ю.К., Лукашенко Е.С. Лингвокультурная специфика эмотивных фразеологизмов с цветовым и анималистическим компонентами в английском и испанском языках // Общество. 2024. № 1-1 (32). С. 48-51.
12. Яруллина О.А. Адъективные фразеологические единицы английского и татарского языков в современной фразеологии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 10. С. 201-206.
13. Ахтямова Н.Н., Галиева Г.Р. Немецко-английские фразеологические параллели, описывающие образ ребёнка // Дневник науки. 2022. № 1 (61). С. 18-24.
14. Астанкова Т.П., Казыро Г.Н. Сравнительный анализ фразеологических единиц с зоокомпонентом в английском и марийском языках // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 3 (59). С. 378-385.
15. Saidova M.R. Comparative analysis of similarities and differences of somatic phraseology in english and tajik languages // Образование от «А» до «Я». 2021. № 2. С. 19-20.

© Чэнь Цзиньхань (chenjinhan@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЭТИКА ПСИХОЛОГИЗМА ПЬЕСЫ М.А. БУЛГАКОВА «БЕГ»: ПОРТРЕТ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП

Шабельский Дмитрий Валентинович

учитель русского языка и литературы;

Аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет,

(г. Ставрополь)

sabelskijdmitrij6@gmail.com

THE POETICS OF PSYCHOLOGICALISM IN MIKHAIL BULGAKOV'S PLAY "THE FLIGHT": PORTRAIT AND PSYCHOLOGICAL CHRONOTOPE

D. Shabelsky

Summary: The purpose of the study is to identify, describe, and systematize the means of psychologism in a dramatic text, and to investigate the systemic patterns of their functioning in the artistic world of Mikhail Bulgakov's play "The Flight". The scientific novelty of the work lies in the attempt to conduct a comprehensive study of the poetics of psychologism in the play "The Flight" as well as a textual analysis of the work in the field of psychological portraits and the topos of "spring" as a means of revealing the character's subconscious. Bulgakov, as a playwright, actualizes the artistic technique of the "combined portrait" by synthesizing static (unchangeable) and dynamic portraits that reflect the split in the protagonist's inner world. In the artistic world of the work, there is a peculiar "topos of the spring" as a contracting space of the soul. We consider sleep as a form of stupor or insight into the individual's personality.

As a result of the study, it was found that M. Bulgakov creates a certain "werewolf-like" appearance, which is caused by the blurred boundaries of reality and the substitution of values. The inner world of the character is also created through the use of topical markers, which allow us to understand the impact of historical changes on the lives of individuals and society. The image of Khludov, who is trapped in the marginal space of the new reality, embodies the technique of deepening the subconscious, which leads to an internal and behavioral "rebellion" that accelerates his departure from the chaos of reality into eternity.

Keywords: psychologism, combined portrait, "shapeshifting" portrait, "spring topos", dream chronotope, and subconscious depth.

Аннотация: Цель исследования состоит в выявлении, описании, систематизации средств психологизма в драматургическом тексте, в исследовании системных закономерностей их функционирования в художественном мире пьесы М.А. Булгакова «Бег». Научная новизна работы определяется предпринятой попыткой комплексного исследования поэтики психологизма пьесы «Бег», текстуальным анализом произведения в области психологического портрета и топоса «пружины» как средства раскрытия подсознания героя. Булгаков-драматург актуализирует художественный прием «комбинированного портрета», синтезируя статичного (неизменяемый) и динамичный портреты, отражающих раздвоение внутреннего мира героя. В художественном мире произведения обнаруживается своеобразный «топос пружины» как сжимающегося пространства души. Сон рассматривается нами как форма оцепенения или прозрения личности. В результате исследования установлено, что М.Булгаков создает некую «оборотническую» внешность, обусловленную размытыми границами действительности, подменой ценностей. Внутренний мир героя создается и посредством топических маркеров, позволяющих, в том числе, осмыслить влияние исторических перемен на жизнь отдельно человека и общества. Образ Хлудова, мечущегося в маргинальном пространстве новой действительности воплощает прием углубленного проникновения в подсознание, порождающего внутренний и поведенческий «бунт», ускоряющие его уход из хаоса действительности в вечность.

Ключевые слова: психологизм, комбинированный портрет, «оборотнический» портрет, «топос пружины», хронотоп сна, углубление подсознания.

Художественная литература создает уникальные образы и неповторимые характеры. Писатели и драматурги изображают не только внутренний мир, отличающийся особым мировосприятием. Несмотря на то, что существует большое количество исследований о психологизме, изучение индивидуально-авторской картина мира в конкретных произведениях позволяет проследить процессы углубления подсознание персонажа, движения его мыслей и чувств.

Психологизм в литературе – это художественная форма, воплощающая идейно-нравственные искания героев и автора, осваивающая становление человеческого характера, мировоззренческих основ личности. Эта ху-

дожественная форма базируется на определенных средствах (портрет, деталь, внутренний монолог, сон, вещное окружение, пейзаж), за каждым из которых закреплена определенная функция.

Особенность исследования форм воплощения психологизма в драматургическом роде определяется событием порождения того или иного действия, в котором раскрывается внутренний мир персонажа через речь, поступки, внешние характеристики, самохарактеристики, характеристики других персонажей, задающих импульс к движению сюжета и разрешению со-бытия в жизни героя. Как известно, драматургический род как самый «объективированный» (В.Г. Белинский) род име-

ет специфические формы создания психологического портрета, эмоциональной ауры, разворачивающихся не только за счет проявления характеров, но и системы знаков, символов, особых образов, актуализирующих психологизм поэтики текста.

Элементы психологизма намечаются ещё в западноевропейской барочной и ренессансной драме, в русской классицистической трагедии А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец», «слезной драме» конца XVIII века, в драматургических опытах А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Формирование жанра психологической драмы в отечественной литературе связано с творчеством драматургов XIX века, а также с развитием психопоэтики русской литературы XX столетия, в которой прослеживается модификация внутренней жизни героев в связи с изменением действительности. Еще И.С. Тургенев наметил художественные приемы, на которых строилась русская психологическая драма, поэтика драм и комедий А.П. Чехова его преемников. Это «не до конца развернутые характеры; психологические и эпические ремарки; второе действие – внесценическое, внутреннее; недоговоренность, молчание, создающие подтекстные смыслы; открытые финалы; параллельный и несостоявшийся диалог; драматическое неосуществление героями своих намерений...» (7, с. 32). Психологическая атмосфера создается в драматургическом тексте также через конфликт, порождающий движение внутренней жизни человека, основываясь на личностных конфликтах. Изображаемая действительность намечает образы героев, актуализирует необходимость отражения психологического состояния субъекта как заложника той или иной среды, в которую он погружен.

Драма жизни человека в русской литературе XX века «реконструирует тип мышления человека того времени, основные категории бытия (время, пространство, Бог, человек, природа и т.д.)» (5, с. 6).

Драматурги 20-30-х годов XX столетия (В.В. Маяковский, Л.Н. Лунц, М.А. Булгаков, Н.Р. Эрдман, Л.М. Леонов, А.П. Платонов и др.) в своем стремлении воплотить кардинальные общественные перемены показывают моральный разлад человека и мира, разрабатывая особые формы репрезентации действительности и психологии героя. Именно человек, оказавшийся свидетелем и участником великих перемен, и его конфликт прежде всего с самим собой является центром коллизии в драме М.А. Булгакова «Бег».

Принципиально важен для драматурга конфликт личности и истории, в основе которого лежит противоречие между суровой реальностью во время отступления белой армии в Крым, эмиграции за границу и представлениями героев о счастливой жизни. С максимальной убедительностью этот дисбаланс проявляется в поступках, характере и портрете главного героя пьесы – Романа

Валерьяновича Хлудова.

Важную функцию в воссоздании психологии персонажа и общей эмоциональной атмосферы в «Восьми снах» Булгакова занимает портретная характеристика. Портрет в литературном произведении является одним из средств характеристики художественного образа, который используется наряду с другими художественными средствами: описанием настроения героев, развитием действия, художественными деталями, диалогами персонажей.

Л.А. Юркина утверждает, что среди портретных черт персонажа можно выделить природные (черты лица и особенности фигуры); черты, свидетельствующие о душевном состоянии (мимика, жесты, поза, выражение лица); а также портретные особенности, характеризующие человека как члена социума (одежда, манера речи, умение себя подать)» (8, с. 252). В художественном произведении портрет призван выполнять сразу две значимые и неотделимые друг от друга функции: визуального изображения и психологической характеристики.

Основными средствами портретных характеристик в драматургическом тексте являются авторские ремарки, самохарактеристики, описательные характеристики других персонажей. Важную функцию выполняют речевые характеристики, не только называющие внешние черты персонажей, но и показывающие самого говорящего в определенном со-бытии (возраст, внешние данные, особенности поведения, эмоции и чувства. Так формируется своего рода психологический портрет.

Впервые портрет Хлудова представлен во втором действии и афише второго сна, в которой описывается штаб фронта на станции в Крыму: «Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый, офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер; кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконые, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия. Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. (1, с. 251) Создавая внешность своего персонажа, М.А. Булгаков актуализирует в ремарке раскол не только во внешнем облике, но и отражение разлома в его душе. Именно поэтому в приведенной характеристике сочетаются противоположные определения: белый и черный, молодость и старость, намекающие на эмоционально разрушенный мир героя. На наш взгляд, автор использует комбинированный портрет, сочетающий в себе элементы статичного (неизменяемого) и динамичного, входящего к эмоционально разрушенному миру Хлудова.

Кроме того, на протяжении четвертого действий

его внешний облик приобретает оборотнические черты. Совсем не случайно, что в афише второго действия, которая предвещает портретное описание Хлудова, драматург изображает «два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей» (1, с. 250) через стеклянную перегородку, за которой впервые и появляется Хлудов. Такое описание актуализирует в дальнейшем развитии действий мысль о том, что главный герой погружается в собственную тьму, приобретая чужой облик. Сергей Голубков, увидев его, дает следующую описательную характеристику этому герою: «Да не лги ты хоть сейчас, перед собою, полоумный зверь» (1, с. 278). Личная трагедия Сергея Павловича и «раздвоение души» Хлудова создают особый эффект психологизма в этом фрагменте. Так страдания одного по возлюбленной открывают ему истинный облик другого, его внутренний мир, сформированный средой. Именно поэтому «мгла, призывающая» (1, с. 278) за все прегрешения прошлого, ставит его лицом к лицу с совестью в будущем.

В сюжетном эпизоде первого появления этого героя драматург использует такое средство психологизма, как психологический хронотоп. Согласно Екабсонс А.В., это средство представляет собой нечто иное как «реальное и нереальное пространство, которые настолько тесно переплелись и стали взаимозаменяемыми, что трудно понять, что есть что» (3, с. 221)

Такой реальностью, безусловно, являются внутренние импульсы самой души, выступающие катализатором перехода персонажа из одного сознания в другое. Психологический хронотоп, который, по сути, представляет время и пространство в этом тексте создан, на наш взгляд, по принципу «пружины» (представления персонажа о сокровенном многократно обходят точку мысли, постепенно удаляясь или приближаясь к ней). Об этом говорят следующие слова: «Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкою, съездившись на высоком табурете, сидит Роман Валерьянович Хлудов» (1, с. 251)

Фраза «отделенный от всех» задает весь тон психологического изображения с точки зрения «топоса пружины». Так удаляясь и приближаясь к определенным образам, идеям, которые возникают в подсознании героя, автор подчеркивает его желание отгородиться от всего мира, что объясняется исходным движением подсознания к приближению начала пути по спирали, то есть возвращению к самому себе.

Однако психологический «топос пружины» показывает, что несмотря на желание Хлудова быть одиноким, он выступает центром художественного мира пьесы, организуя своеобразное кольцо других действующих лиц вокруг себя, что обеспечивается удалением от собственного Я. Например, «Серафима. Из Петербурга бежим. Все бежим, да бежим! Куда? К Хлудову под крыло! Все снится:

Хлудов...» (1, с. с. 238)

Такая позиция, на наш взгляд, объясняется не только тем фактом, что автор использует «топос пружины» путем сжимания внешнего и внутреннего пространств, но и тем, что в списке действующих лиц он единственный герой, который не имеет никакой дополнительной информации. Особенность психологического пространства Хлудова не ограничивается только внутренним миром, а душа, сознание и подсознание отражают представления, размышления. И Хлудов, и Булгаков – это два человека, испытывающие опустошенность, вызванную опустошенностью той беспокойной эпохи, человека (отсутствием дома, покоя, какой бы то ни было определенности).

Постепенно восприятие Хлудовым пространства приобретает искаженные формы. Драматург воссоздает психологическое состояние своего героя на фоне угнетающих событий действительности. Поэтому позже безумие Хлудова проявляется в нескрываемом убеждении в обреченности белой армии: «Вы напрасно беспокоите Господа Бога. Он уже явно и давно от нас отступился» (1, с. 287)

Немаловажным в «Беге» являются сны. В пьесе Булгакова сон – это структурообразующий элемент поэтики и в тоже время указатель на психологическое состояние не только Хлудова, но и других персонажей, пытающихся вписаться в новый, страшный для них мир, мири, порожденный бегством из родной страны в невидимые иллюзорные дали.

Согласно наблюдению А. Бегена сновидение рассматривается как средство изображения внутреннего мира героя, его психологии; элемент текста; часть внутреннего мира произведения, во многом определяющая характер художественной реальности (9, р. 234)

Стоит отметить, что сон в тексте не изображает процесс сна как такового, но выступает открытым средством психологизма. Как известно, «сон в творчестве М.А. Булгакова является не только рассказом в рассказе, но и спектаклем в спектакле» (6, с. 307)

Мотивировка такого названия картин пьесы определяется свойством сна как неподвижности для действующих лиц, метафорически наполненным деталями, образами-символами. Так, в «четвертом сне» проводится параллель между представителями низшего животного мира (тараканами) и людьми (бегущая белая армия): «Да, в детстве это было. В кухню раз зашел в сумерки, тараканы на плите. Я зажег спичку, чирк, а они и побежали. Спичка возьми, да и погасни. Слышу, они лапками шуршат – шур-шур, мур-мур... и у нас тоже – мгла и шуршание. Смотрю и думаю, куда бегут? Как тараканы, в ведро. С кухонного стола – бух!» (1, с. 274) Воспоминание главного героя создает эффект «текст в тексте», актуализируя метафору «тараканий бег».

Образ насекомых представляет бесцельное передвижение, которое обусловлено инстинктами. Таково и движение героев, которые пытаются выжить любой ценой. В этой связи одним из ключевых эпизодов пьесы являются тараканы бега, которые представлены читателю с точки зрения генерала Чарноты: «Стой! Сенсация в Константинополе! Тараканы бега!!!» (1, с. 273) В этой картине еще раз убедительно подчеркивается унижительность бега, подчеркивающая «позорище русское», жертвами которого стали герои пьесы.

Сон в произведении призван отражать подсознание героев. В четвертом действии Серафима недоумевает: «Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Куда, зачем мы бежали?» (1, с. 313) Героиня употребляет понятия «сон» и «бег» в синтезе, характеризуя особенность того пути, который прошли герои. Можно сказать, что сон и бег – это движение в иной мир, приводящее к оцепенению и застою.

Героем, воплощающим раскол внутреннего мира в рамках снов, является особый персонаж, символически отождествляемый совестью, обозначен в списке действующих лиц как Крапилин. Этот герой, погибший из-за своего красноречия, представлен в образе призрака солдата, с которым генерал Хлудов пытается говорить: «Если ты стал моим спутником, солдат, ты говори со мной. Твое молчание давит на меня, хоть и представляется мне, что твой голос должен быть тяжким и медным, как мое бремя. Или оставь меня! Не ходи изменчески по пятам. Пойми, что ты попал в колесо, и оно тебя стерло и кости твои сломало...» (1, с. 277) Этот монолог в пустоту лишь подчеркивает двойственность сознания Хлудова, подчеркивает борьбу с собственной совестью.

Драматизмом «тяжкого бремени» Хлудова и других персонажей стали размышления о судьбе и жизни новой России. Неслучайно Серебрякова В.Д. и Тарасова И.И. отмечают, что «персонажи Булгакова становятся не просто героями, а символами времени, обладающими глубиной и неповторимым характером» (4, с. 506). Жизнь, слившаяся в одно со-бытие кровавых расправ и несправедливости, показывает прозрение персонажа. Именно поэтому в обращении к Главнокомандующему, в четвертом сне, он говорит: «Ненавижу за то, что вы со своими французами вовлекли меня во все это. Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать... Ненавижу за то, что вы стали причиной моей болезни!..» (1, с. 274) Изменение сознания Хлудова все более диктуется исторической ситуацией. Он не может вписаться в это время, этот бег. По словам современной исследовательницы Казьминой О.А., это дает возможность говорить о том, что Хлудов оказался втянутым в чужое дело: его назначили командующим фронтом, заставили быть военным (3, с.204)

Так, герой Булгакова оказывается лишь «винтиком» в большой машине, уничтожающей чужими руками все, что его окружает. Однако он сам глубоко рефлексирующий персонаж, не лишенный самоанализа, сам приходит к такой истине своего бытия через пространства сна, в которое погружен. Поэтому он добровольно желает прекратить не только «тараканы бега», но и бег от самого себя, расколотого на две части. В четвертом действии драматург намеренно создает эффект потока сознания, синтаксически разрозненно оформляя мысли героя, и завершая свое произведение словом «темно». Обратимся к примеру: «Избавился. Один. И очень хорошо. (Оборачивается, говорит кому-то.) Сейчас, сейчас... (Пишет на бумаге несколько слов... Так? (Радостно.) Ушел! Бледнеет. Исчез! (Подходит к двери на балкон, смотрит вдаль... Поганое царство! Паскудное царство! Тараканы бега!.. (Вынимает револьвер из кармана и несколько раз стреляет по тому направлению, откуда доносится хор... Хлудов последнюю пулю пускает себе в голову и падает ничком у стола. Темно» (1, с.304). Последнее слово «темно» завершает сон как средство психологизма в художественном мире пьесы, уточняет многоплановый смысл ухода в вечность, хаос бытия эпохи, воссозданной М.А. Булгаковым.

Таким образом, новые средства воплощения внутренней жизни героя отразили совершенно оригинальную авторскую систему драматурга-психолога. Такая картина мира стала своеобразной рефлексией о времени и человеку, его проживающим.

Психологизм пьесы М.А. Булгакова «Бег» отражает тайные и явные противоречия в характере человека, который переживает грандиозные исторические события. Драматург, с одной стороны, создает катастрофическую ситуацию борьбы человека с историческими событиями, а с другой - борьбу человека с самим собой, с потерей собственного «Я». Психологический хронотоп, созданный по принципу «топоса пружины» удаляет или приближает личных впечатлений в сознании героя, сжимает внешнее и внутреннее пространства; хронотоп сна выступает как состояния бега, застоя, углубления подсознания отдельно взятой личности и прозрения души. Булгаков создает комбинированный портрет, отражающий дисгармонию в душе, преображающегося в оборотничество в результате подмены ценностей. Сон, выступая средством психологизма, метафорично подчеркивает смысл бега как состояния оцепенения, в котором находятся герои; бега в иллюзорный катастрофический мир.

Комплекс приемов психологизма в пьесе состоит в отражении героя как предмета, отражающего объективное сознание. Любое психологическое состояние в пьесе подразумевает скрытую и вполне определенную нравственно-этическую точку зрения автора, не нарушающую объективности изображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. Бег. Мольер. — М.: Дрофа: Вече, 2002. — 512 с.
2. Екабсонс А.В. К вопросу о трансформации родовых признаков в современной драматургии // Вестник Челябинского государственного университета, 2012. №5 (259) — С. 38-44
3. Казьмина О.А. «...Я болен, только не знаю, чем» (образ Хлудова в пьесе М.А. Булгакова «Бег») // Известия РГПУ им. А.И. Герцена 2019. (№97) — С. 201-204
4. Серебрякова В.Д., Тарасова И.И. Исследование художественных особенностей творчества писателя М.А. Булгакова // Вестник науки, 2024, №4. — С.505-508
5. Соловьева Н.Ю. «Драматургия 1920-х годов: образ советской эпохи»: автореф. дисс. ... кан. иск. н. / Москва, 2005. — 23 с.
6. Спендель де Варда. Сон как элемент внутренней логики в произведениях М. Булгакова // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: Сб. ст. — сост. А. Нинов; науч.ред. В. Гудкова. —М.: Союз театр. Деятелей РСФСР, 1988. — С.304-312
7. Страшкова О.К. Драма А.П. Чехова и «новая драма» конца XIX - начала XX века: монография. — Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. — 228 с.
8. Юркина Л.А. Портрет // Введение в литературоведение: учеб. пос., под ред. Л.В. Чернец. — М., 2004 — 368 с.
9. Beguin A. El alma romantica y el Sueño. — Mexico: Fondo de Cultura Económica, 1939 — 500 p.m.

© Шабельский Дмитрий Валентинович (sabelskijdmirij6@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abramova E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, State University of Education (Moscow)

Aleksyutina O. – Candidate in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Anisimova O. – Candidate of Philology, Associate Professor, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar

Baranov K. – Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Batura A. – Postgraduate Student, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk

Bobkova O. – Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Mordovian state Pedagogical University named after M.E. Evseev (Saransk)

Boldyreva D. – Assistant, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Cao Lingjie – Graduate student, Heilongjiang University

Chekanov D. – Postgraduate Student, Tyumen State University

Chen Jinhan – Kazan Federal University

Damshin M. – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Danilova E. – Associate Professor, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Demicheva D. – Assistant, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Ermolova K. – Postgraduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "State University of Education"

Evstafova Ya. – Ph. D. Philology sciences, Associate Professor, South Ural State University, Chelyabinsk

Fokin R. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Public Military Institution of Higher Education "Military space Academy named after Mozhaisky", Saint-Petersburg, Russia

Fokina A. – Mordovian state Pedagogical University named after M.E. Evseev (Saransk)

Gamayunova A. – Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Mordovian state Pedagogical University named after M.E. Evseev (Saransk)

Gorbunov I. – Postgraduate Student, Moscow City Pedagogical University

Our authors

Gruzdev N. – Postgraduate Student, Saint Petersburg State University

Ivanov N. – Doctor of History, Associate Professor, FSBEI HE "Chuvash State University named after I.N. Ulyanov", Cheboksary

Kanunnikova I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City University

Karpov A. – candidate of historical sciences, associate professor, FSBEI HE "Chuvash State University named after I.N. Ulyanov", Cheboksary

Karpov D. – Postgraduate student, N.P. Ogarev Mordovian State University (Saransk)

Kartushina N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Kaskova M. – PhD in Education, Associate professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, (Moscow, Russia)

Kazakov N. – Postgraduate Student, Private Educational Institution of Higher Education "Moscow International Academy," Moscow

Kokhanova V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City University

Kondrashova Z. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, (Rostov-on-Don)

Kornev A. – Doctor of Psychology, Candidate of Medical Sciences, Professor, St. Petersburg State Pediatric Medical University Ministry of Health of the Russian Federation

Larin D. – Postgraduate Student, Kursk State University

Li Juan – PhD Candidate, Belgorod National Research University

Li Mingrui – Southeast University, China

Liu ChenYu – postgraduate study, Moscow State Pedagogical University

Liu Shushuai – graduate student, Perm State National Research University

Makedonskaya O. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, St. Petersburg state pediatric medical university Ministry of health of the Russian Federation

Naumova N. – PhD in Philology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladimir Branch)

Nikolaeva E. – PhD in Philology, Associate Professor, MGIMO University Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Osadchaya V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar

Parfenova S. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Pavlenko E. – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk State University

Pavlenko Yu. – Teacher, Federal State Public Military Institution of Higher Education «Military space Academy named after Mozhaisky», Saint-Petersburg, Russia

Perebeynos A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Perebeynos Z. – Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Pisarenko V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Southern Federal University, (Rostov-on-Don)

Podmarkova I. – English Teacher, State Budgetary Educational Institution Lyceum No. 533, Educational Complex "Malaya Okhta", Krasnogvardeysky District, St. Petersburg

Polovetsky S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow State Pedagogical University

Ponomarenko E. – Candidate of Historical Sciences, Research Associate, Military University named after Prince Alexander Nevsky (Moscow)

Popenkov O. – Cand. Sc. (Historic), Associate Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Potapchuk V. – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Pacific National University, Khabarovsk

Potapchuk V. – Postgraduate Student, Pacific National University, Khabarovsk

Ptashko T. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University (Chelyabinsk)

Qi Gaomeng – Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Ratsoy A. – Postgraduate student, Nizhnevartovsk State University

Rubini Francesco – Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba

Shabanova V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, State University of Education (Moscow)

Shabelsky D. – teacher of Russian language and literature; postgraduate student, North Caucasus Federal University, Stavropol

Shchukin S. – graduate student, St. Petersburg State University

Shults E. – PhD in History, associate professor, Moscow State Linguistic University

Skitina N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, State University of Education (Moscow)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Smolyanko I. – teacher, N.P. Ogarev Mordovian State University (Saransk)

Solovieva N. – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Technical University of Communications and Informatics

Sukhachev E. – graduate student, Federal Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FIC UH SB RAS) (Kemerovo)

Trofimova N. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

Vasilev A. – Postgraduate student, RUDN University named after Patrice Lumumba

Volodina N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Military University named after Prince Alexander Nevsky (Moscow)

Wang Lingjun – Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Wang Shujun – Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Yarmolinets L. – Candidate of Philology, Professor, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar

Zhou Yulin – Postgraduate, student Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, (Moscow, Russia)

Zou Aizhu – Kazan Federal University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).